

ISSN 2078-7081

Научно-методический
и теоретический журнал

СОЦИОСФЕРА

№ 2 2025

УЧРЕДИТЕЛИ
ООО Научно-издательский центр «Социосфера»
Самарский государственный социально-педагогический университет

Главный редактор – Илона Геннадьевна Муленкова
кандидат психологических наук, доцент

Международная редакционная коллегия

А. С. Берберян, доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения)
В. Н. Гончаров, доктор философских наук, доцент (Ставрополь, Россия)
Е. Кашпарова, PhD. (социология – Прага, Чехия)
У. Р. Кушаев, (DSc) доктор философских наук (Ташкент, Узбекистан),
Д. Танцошова, PhD. профессор (экономика – Братислава, Словакия)
Н. Ц. Христова, PhD., профессор (история – София, Болгария)
Н. А. Хрусталькова, доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия)

Международный редакционный совет

Н. Арабаджийски, PhD., профессор (экономика – София, Болгария)
А. Ю. Большакова, доктор филологических наук (Москва, Россия)
С. Н. Волков, доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия)
Л. Е. Гринин, доктор философских наук, академик РАЕН (Волгоград, Россия)
В. В. Кондрашин, доктор исторических наук, профессор (Пенза, Россия)
М. Сапик, PhD., доцент (философия – Кутна Гора, Чехия)
Л. Цибак, PhD., MBA (экономика – Братислава, Словакия)

Рецензенты

М. А. Антипов, кандидат философских наук, доцент (Пенза, Россия)
В. В. Артюхин, кандидат технических наук, доцент (Пенза, Россия)
В. С. Давтян, доктор политологических наук, доцент (Ереван, Армения)
А. И. Дзюбенко, кандидат филологических наук, доцент (Ростов-на-Дону, Россия)
А. Д. Доника, кандидат медицинских наук, доктор социологических наук, доцент, профессор (Волгоград, Россия)
Ю. В. Драгнев, кандидат педагогических наук, доцент (Луганск, ЛНР)
И. О. Карелина, кандидат педагогических наук, доцент (Рыбинск, Россия)
В. Н. Люсев, кандидат исторических наук, доцент (Пенза, Россия)
И. И. Чернова, кандидат экономических наук (Пенза, Россия)

Рецензируемый научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» публикует статьи по философии, культурологии, филологии, психологии, педагогике, социологии, праву, истории, экономике и другим социально-гуманитарным дисциплинам, а также методические разработки учебных и воспитательных занятий.

Журнал индексируется в наукометрических базах:

- Электронная научная библиотека (Россия)
- Directory of open access journals (Швеция)
- Open Academic Journal Index (Россия)
- Research Bible (Китай)
- Scientific Indexing Services (США)
- Global Impact Factor (Австралия)
- Cite Factor (Канада)
- International Society for Research Activity (ISRA)
- Journal Impact Factor (JIF) (Индия)
- General Impact Factor (Индия)
- Infobase Index (Индия)
- Scientific Journal Impact Factor (Индия)
- Universal Impact Factor

Импакт-фактор

- РИНЦ – 0,075
- Global Impact Factor – 1,721
- SJIF – 6,07

ISSN 2078-7081

© ООО Научно-издательский центр
«Социосфера», 2025.
© Самарский государственный
социально-педагогический университет, 2025.

ISSN 2078-7081

Scientifically-methodical
and theoretical journal

SOCIOSPHERE

№ 2 2025

THE FOUNDERS
The science publishing centre «Sociosphere»
Samara State Social and Pedagogical University

The chief editor – Ilona Mulenkova
candidate of psychological sciences, associate professor

International editorial board

A. S. Berberyan, Doctor of Psychological Sciences, professor (Erevan, Armenia)
V. N. Goncharov, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Stavropol, Russia)
E. Kashparova, Ph.D. (Sociology – Prague, Czech Republic)
U. R. Kushaev, (DSc) Doctor of Philosophy (Tashkent, Uzbekistan),
J. Tancoshova, Ph.D., professor (Economics – Bratislava, Slovakia)
N. Ts. Khristova, Ph.D., professor (History – Sofia, Bulgaria)
N. A. Hrustalkova, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Penza, Russia)

International editorial council

N. Arabadzhiiski, Ph.D., professor (Economics – Sofia, Bulgaria)
A. Yu. Bolshakova, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia)
S. N. Volkov, Doctor of Philosophy, professor (Penza, Russia)
L. E. Grinin, Doctor of Philosophy, academician of RANS (Volgograd, Russia)
V. V. Kondrashin, Doctor of Historical Sciences, professor (Penza, Russia)
M. Sapik, Ph.D., Associate Professor (Philosophy – Kutna Hora, Czech Republic)
L. Cibak, Ph.D., MBA (Economics – Bratislava, Slovakia)

Reviewers

Mikhail A. Antipov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor (Penza, Russia)
Vasiliy V. Artyukhin, Candidate of Technical Sciences Assistant Professor (Penza, Russia)
Vage S. Davtyan, Doctor of Politological Sciences, assistant professor (Yerevan, Armenia)
Anna I. Dzubenko, Candidate of Philological Sciences (Rostov-on-Don, Russia)
Alena D. Donika, Candidate of Medical Sciences, Doctor of Sociology, Associate Professor (Volgograd, Russia)
Yuriy V. Dragnev, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Lugansk, LPR)
Inessa O. Karelina, Candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor (Rybinsk, Russia)
Valeriy N. Lusev, Candidate of Historical Sciences, assistant professor (Penza, Russia)
Irina I. Chernova, Candidate of Economical Sciences (Penza, Russia)

Peer-reviewed scientific and methodological and theoretical journal «Sociosphere» publishes articles on philosophy, philology, psychology, pedagogy, sociology, law, history, economics and other social and human sciences, and also methodological manuals of training and educational activities.

The journal is indexed by:

- Electronic Research Library (Russia)
- Directory of Open Access Journals (Sweden)
- Open Academic Journal Index (Russia)
- Research Bible (China)
- Scientific Indexing Services (USA)
- Global Impact Factor (Australia)
- Cite Factor (Canada)
- International Society for Research Activity (ISRA)
- Journal Impact Factor (JIF) (India)
- General Impact Factor (India)
- Infobase Index (India)
- Scientific Journal Impact Factor (India)
- Universal Impact Factor

Impact factor of the journal

- Russian Science Index – 0,075
- Global Impact Factor – 1,721

ISSN 2078-7081

© The science publishing centre «Sociosphere»,
2025.
© Samara State Social and Pedagogical University,
2025.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Селезнев А. В.

Отражение кампании по борьбе с космополитизмом и за приоритеты русской науки
в общественном дискурсе Красноярского края в 1946–1953 гг. 19

Упоров И. В.

Объективность-субъективность исторических исследований (знаний)
в контексте их влияния на политизацию общественных отношений 26

Упоров И. В.

Соборное уложение 1649 года: особенности регулирования
уголовно-правовых отношений 32

ЭКОНОМИКА

Атангулова С. Х., Шафикова Д. Р., Терелецкова Е. В.

Роль мотивации в управлении персоналом организации 39

Барлыбаев У. А., Шафиков А. Р.

Методы оценки эффективности рекламы: от количественных показателей
до цифровых стратегий 44

Барлыбаев У. А., Шафиков А. Р.

Реклама как ключевой инструмент маркетинговых коммуникаций 47

Барлыбаев У. А., Шафиков А. Р.

Современные подходы к рекламной деятельности: опыт Setters и Ogilvy 50

Баязитова Э. Д., Терелецкова Е. В.

Бюджетирование затрат на формирование кадрового резерва 53

Галикаева Р. Р., Апокина К. В.

Маркетинговые стратегии управления рисками в современной организации:
теоретические аспекты и практические рекомендации 56

Галикаева Р. Р., Галимова А. Ш.

Оценка финансовых рисков промышленного предприятия с помощью эффекта
финансового рычага (на примере ПАО «Северсталь») 60

Галикаева Р. Р., Галина А. Э.

Реализация социально значимых проектов как способ повышения
вовлеченности сотрудников 64

Галимова А. Ш., Кальсин Д. Д.

Особенности правового регулирования труда наемных работников в организациях
малого бизнеса 68

Галимова А. Ш., Кальсин Д. Д.

Особенности регулирования труда дистанционных работников
в современных условиях 71

Галимова А. Ш., Кальсин Д. Д.

Правовое обеспечение организационно-управленческих отношений 74

Галимова А. Ш., Шафиков А. Р. Использование инструментов бизнес-аналитики в предпринимательстве в цифровую эпоху.....	78
Гаппарова Р. М. Стратегии маркетинга по привлечению обучающихся в образовательные услуги	81
Гимранова К. Р., Барлыбаев У. А. Анализ конкурентноспособности российского птицеводства.....	85
Гимранова К. Р., Барлыбаев У. А. История развития птицеводческого комплекса ООО «Тюльганский птицекомплекс» .	88
Давлетшин Р. Р., Фаткуллин А. И., Кузнецова Е. В. Маркетинг в эпоху пост-COVID: как изменившиеся потребительские привычки формируют новую реальность.....	91
Кузнецов М. С., Хайдаров А. Анализ и оптимизация инвестиционной деятельности хозяйствующего субъекта: всесторонний подход к повышению эффективности	95
Лежнина К. Р., Галина А. Э. Внедрение электронного документооборота в российских компаниях: успешные примеры и опыт.....	99
Нуриева Д. А., Исаков М. Р. Интеграция ESG-принципов в управление высшими учебными заведениями: стратегии, вызовы и перспективы развития	102
Нуриева Д. А., Терелецкова Е. В. Влияние корпоративной культуры на организационное поведение и результативность работы сотрудников	109
Осадчий Э. А., Гилемханова Л. Р. Способы улучшения финансовых результатов предприятия	114
Осепова К. Д. Фанаты брендов: как формируются сообщества вокруг марки.....	118
Половоникова А. Е., Исаков М. Р. Эволюция маркетинговых стратегий в условиях ограниченного доступа к международным платформам	122
Резникова А. А. Реорганизация хозяйствующих обществ.....	129
Сабитова А. И., Мухаметшина Г. Р. Защита прав работников в рамках корпоративного управления трудовыми отношениями.....	133
Терелецкова Е. В., Кинзябаева М. Р. Современные тенденции бьюти-индустрии в России	137
Терелецкова Е. В., Селезнёва П. А., Брунько В. Г. Анализ использования искусственного интеллекта в маркетинге.....	141
Терелецкова Е. В., Султангузина Р. И. Эффективные технологии управления конфликтами в организации.....	145

Терелецкова Е. В., Халимов Р. С. Современная концепция социальной ответственности бизнеса	148
Терелецкова Е. В., Хусаинов А. В., Срибный В. В. Кадровая политика в условиях дефицита квалифицированных кадров	151
Тугарева П. К., Богатырев М. Б., Кузнецова Е. В. Влияние нейромаркетинга на потребительское поведение	156
Тукумбетов Д. Ф., Кузнецова Е. В. Роль функций маркетинга в организации	160
Утяшев Р. М., Апокина К. В. Территория как объект маркетинга на примере Республики Башкортостан	164
Фам Ву Туиет Нга, Искаков М. Р. ESG во Вьетнаме: современные тенденции и усилия компаний, котирующихся на бирже	168
Фам Чан Бак, Фам Ву Туиет Нга, Терелецкова Е. В. Цифровизация бизнеса: понятие, основные современные направления и влияние на конкурентоспособность бизнеса	179
Хакимова А. А., Терелецкова Е. В. Социальная ответственность как элемент маркетинговой кампании в сфере услуг: подходы, инструменты и влияние на потребительское поведение	183
Хоч Ш. Ф., Галимова А. Ш. Бизнес-процессы в условиях цифровой экономики	186
Шафикова Д. Р., Искаков М. Р. Взаимосвязь корпоративного управления и устойчивого развития: влияние ESG-принципов на стратегическое развитие компаний	189
Якшибаева Г. В., Нуриева Д. А. Внешняя среда, как инструмент для разработки конкурентоспособной маркетинговой стратегии	196
Якшибаева Г. В., Нуриева Д. А. Методы и виды маркетинговых исследований	200

ФИЛОЛОГИЯ

Kegeyan S. E. Features of translation of legal texts	203
Kegeyan S. E. Legal discourse: problems of translation of legal terms (based on the English language)	206
Prudnikova M. E. Foreign languages in the hospitality industry in Russia	208
Prudnikova M. E. Similarities between Russian phraseological units and English idioms	214

ПРАВО

Воложина С. С.

Проблемы таможенного контроля в отношении товаров из недружественных стран
и пути их решения 220

Курочкин И. А., Курочкин Д. А.

Основные стадии ресоциализации осужденных к лишению свободы..... 225

Меднис Е. Д., Корнева Т. В.

К вопросу разграничения электронных, цифровых и виртуальных денег 228

Серикова А. В.

Понятие субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц
при несостоятельности (банкротстве) 233

Упоров И. В.

Государственное принуждение в контексте публичной власти
(теоретический аспект) 236

Упоров И. В.

Институт наказания в виде лишения свободы в советском законодательстве
(1918–1926 годы) 241

Упоров И. В., Вакарина Е. А.

Назначение уголовного наказания в контексте его индивидуализации:
социально-правовой аспект 248

ПЕДАГОГИКА

Аллагулова А. А.

Интеграция искусственного интеллекта в образовательную деятельность школы
в рамках курса «Проект» 252

Бабайцева В. А., Копков Р. Н.

Психологический эффект танца для людей с ограниченными
возможностями здоровья 255

Бабайцева В. А., Копков Р. Н., Нестеренко Е. Е.

Значение профессиональной этики в подготовке будущих специалистов
по фитнес-аэробике 258

Бабайцева В. А., Соловьева М. С.

Эволюция художественной гимнастики..... 262

Драгнев Ю. В.

Диагностика профессионального развития рукоборцев в условиях
информационно-образовательного пространства 266

Копков Р. Н.

Современные методики подготовки студентов-гимнастов в региональных вузах:
вызовы и инновационные решения 279

Котова Ю. В., Гудкова О. С., Лапина Н. В.

Коррекция письменной речи младших школьников с ЗПР посредством изучения
фронтальных писем..... 283

Ломако М. В., Лапшина Л. В., Звонова Е. В. Символизация в процессе изучения образа матери, сложившегося у младших школьников.....	291
Лунина А. Ю., Ломако Л. Л. Воспитание профессионально значимых качеств будущих сотрудников силовых структур	294
Лучникова А. В. Работа с литературой по специальности на занятиях по английскому языку в неязыковом вузе	297
Мокиевская Н. Е., Гудкова А. И. Проектное обучение в СПО: барьеры внедрения и пути решения	303
Мокиевская Н. Е., Гудожникова Л. А. Профессиональная деятельность педагога в условиях организации домашнего обучения с детьми с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ)	306
Мокиевская Н. Е., Кологорова М. А., Силантьева А. Д. «Маршрут к счастью»-платформа для родителей детей с ОВЗ.....	309
Мокиевская Н. Е., Конова А. П. Вызов времени: выгорание среди студентов, совмещающих учебу и работу	311
Мокиевская Н. Е., Коцких А. И. Проблемы самовыражения студентов	314
Мокиевская Н. Е., Коцких А. И. Роль личности педагога в образовательном процессе.....	316
Мокиевская Н. Е., Уморина А. А., Юкова А. С. Методическое сопровождение педагогов в организации мероприятий ко Дню Победы для детей с ОВЗ	319
Мокиевская Н. Е., Уморина А. А., Юкова А. С. Объединяем усилия для поддержки детей с ОВЗ.....	321
Панюшкина А. О., Колодовская Е. А. К вопросу о недостатках пространственно-временных представлений у детей дошкольного возраста со стертой формой дизартрии	324
Романюк В. А., Вага Е. С. Сравнение кардио-респираторной адаптации у мужчин и женщин в процессе тренировок	327
Серых Л. В., Демина О. А., Пульная С. А. Системные решения в профессиональном развитии педагогов дошкольного образования Белгородской области	333
Скрипка И. М., Деркач Н. В., Олейникова С. А., Перепечай Ю. И. Влияние мероприятий патриотической направленности на духовно-нравственное воспитание студентов профессиональных образовательных организаций	336
Сугуралиева Ф. У. Инклюзивная перезагрузка в системе высшего образования Республики Узбекистан	340

Guo Guilan.

Perspectives and challenges for technology integration in vocal pedagogy
and vocal health management 347

Wang Wei.

Competency requirements dimensions in vocational training in China 351

ПСИХОЛОГИЯ**Лысенко А. П.**

Особенности супружеских отношений в семьях, воспитывающих детей
с ограниченными возможностями и инвалидностью..... 355

Мотякина Ю. И.

Влияние образов героев видеоигры на формирование сексуальных предпочтений
и поведения молодежи 366

Мухаметшина Г. Р., Файзрахманова А. А.

Особенности коммуникации «мастер-клиент» в сфере бьюти-индустрии 370

Резчикова Д. М.

Использование телесно-ориентированной терапии для восстановления
психоэмоционального баланса при хроническом стрессе 373

Сошина О. Н., Корсак А. В.

Комплексный подход в исследовании индивидуально-психологических факторов
мотивации персонала..... 381

Шафикова Д. Р., Апокина К. В.

Психология потребителя: влияние эмоций на покупательское поведение..... 389

Шлыкова Ю. Б., Бабаджанян М. А.

Отношение к ценностным ориентациям мужчин и женщин
разных возрастных групп 392

Шлыкова Ю. Б., Гоцкина А. А.

Жизнестойкость и вид переживаемого одиночества 396

СОЦИОЛОГИЯ**Насыров Д. Р., Фурер О. В.**

Народы Германии и их культурное многообразие: Исторический контекст,
современные процессы и вызовы интеграции 400

Фам Чан Бак, Галина А. Э.

Социальная защита и государственные гарантии безработным гражданам
в современных условиях 403

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ**Бурашникова Ю. Р., Портнова Т. В.**

Экологический подход как стилистическое направление
в ландшафтной архитектуре..... 407

МЕДИЦИНА

- Григолашвили М. А., Бейсембаева М. Б., Нишнианидзе М. Д.,
Игенбаева Б. Д., Галлямова А. Х., Базарбай Д. С.**
Особенности ведения пациентов с фармакорезистентной формой эпилепсии..... 413

ПОЛИТОЛОГИЯ

- Баглышева З. В.**
Политические стратегии России и Таиланда в интеграционных процессах АТР:
сравнительный анализ 422
- Кострома Т. А.**
Сравнительный анализ моделей электронного правительства России и Китая:
акторно-сетевой подход к изучению структуры, динамики и особенностей..... 426
- Поддубская Е. Ф.**
Белорусско-китайские отношения в контексте инициативы
«Один пояс – один путь» 429
- Yoziyeva Sh.**
Uzbekistan and the countries of the middle east: areas of mutual cooperation 432

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

- Белорусов М. М., Дмитриева Е. А., Мартынова А. Е.**
Влияние информационной безопасности на доверие
к цифровым государственным услугам 437
- Белорусов М. М., Дмитриева Е. А., Мартынова А. Е.**
Роль информационной безопасности в жизни общества. Как обезопасить себя
в интернете..... 441
- Белорусов М. М., Дмитриева Е. А., Мартынова А. Е.**
Социальная инженерия в социальных сетях. Векторы атак
и методы противодействия 445
- Блинов Н. П.**
Вовлечение персонала в управление качеством
информационно-телекоммуникационных услуг 449
- Блинов Н. П.**
Методика расчёта вероятности реализации угроз внутренним сотрудником
в организации 456
- Перминов А. Б., Фурер О. В.**
Искусственный интеллект в социогуманитарной сфере:
возможности и ограничения 466
- Правила для авторов..... 468
- План международных конференций, проводимых на базе
Научно-издательского центра «Социосфера» в 2025 году 470
- Информация о научных журналах 471
- Издательские услуги НИЦ «Социосфера» 472

CONTENTS

HISTORY

Seleznev A. V.

Reflection of the campaign to combat cosmopolitanism and for the priorities of Russian science in the public discourse of the Krasnoyarsk region in 1946–1953 19

Uporov I. V.

Objectivity-subjectivity of historical research (knowledge) in the context of its impact to the politicization of public relations 26

Uporov I. V.

The cathedral code of 1649: features of regulation of criminal-legal relations 32

ECONOMICS

Atangulova S. H., Shaficova D. R., Tereletskova E. V.

The role of motivation in the organization's personnel management 39

Barlybaev U. A., Shafikov A. R.

Methods for evaluating the effectiveness of advertising: from quantitative indicators to digital strategies 44

Barlybaev U. A., Shafikov A. R.

Advertising as a key tool of marketing communications 47

Barlybaev U. A., Shafikov A. R.

Modern approaches to advertising: the experience of Setters and Ogilvy 50

Bayazitova E. D., Terletsikova E. V.

Budgeting of expenses for forming a staff reserve 53

Galikaeva R. R., Apokina K. V.

Marketing risk management strategies in a modern organization: theoretical aspects and practical recommendations 56

Galikaeva R. R., Galimova A. S.

Assessment of financial risks of an industrial enterprise using the financial leverage effect (using the example of PJSC «Severstal») 60

Galikaeva R. R., Galina A. E.

Implementation of socially significant projects as a means of increasing employee engagement 64

Galimova A. Sh., Кальсин Д. Д.

Features of the legal regulation of the work of employees in small business organizations 68

Galimova A. Sh., Kalsin D. D.

Peculiarities of regulating the work of remote workers in modern conditions 71

Galimova A. Sh., Kalsin D. D.

Legal support of organizational and managerial relations 74

Galimova A. Sh., Shafikov A. R.

Using business intelligence tools in entrepreneurship in the digital age 78

Gapparova R. M.	
Marketing strategies for attracting students to educational services.....	81
Gimranova K. R., Barlybaev U. A.	
Analysis of the competitiveness of Russian poultry farming	85
Gimranova K. R., Barlybaev U. A.	
History of the development of the poultry complex LLC «Tyulgansky poultry complex».....	88
Davletshin R. R., Fatkullin A. I., Kuznetsova E. V.	
Marketing in the post-COVID era: how changing consumer habits are shaping a new reality	91
Kuznetsov M. S., Khaidarov A.	
Analysis and optimization of investment activity of the enterprise: a comprehensive approach to improving efficiency	95
Lezhnina K. R., Galina A. E.	
Successful cases of electronic document management implementation in Russian companies.....	99
Nurieva D. A., Iskakov M. R.	
Integration of ESG principles into the management of higher education institutions: strategies, challenges and development prospects	102
Nurieva D. A., Teretskova E. V.	
The Impact of Corporate Culture on Organizational Behavior and Employee Performance.....	109
Osadchy E. A., Gilemkhanova L. R.	
Ways to improve the financial results of an enterprise	114
Osepova K. D.	
Brand Fans: How Communities Form Around a Brand.....	118
Polovonikova A. E., Искakov M. P.	
Evolution of marketing strategies in the context of limited access to international platforms.....	122
Reznikova A. A.	
Reorganization of business entities	129
Sabitova A. I., Mukhametshina G. R.	
Protection of workers' rights in the framework of corporate labor relations management	133
Tereletskova E. V., Kinzyabaeva M. R.	
Modern trends in the beauty industry in Russia	137
Tereletskova E. V., Selezneva P. A., Bruniko V. G.	
Analyzing the use of artificial intelligence in marketing	141
Tereletskova E. V., Sultanguzina R. I.	
Effective technologies for conflict management in the organization	145
Tereletskova E. B., Khalimov R. S.	
Modern concept of social responsibility of business.....	148
Tereletskova E. V., Khusainov A. V., Sribny V. V.	
HR policy in the context of a shortage of qualified personnel	151

Tugareva P. K., Bogatyrev M. B., Kuznetsova E. V.	
The influence of neuromarketing on consumer behavior.....	156
Tukumbetov D. F., Kuznetsova E. V.	
The role of marketing functions in the organization.....	160
Utyashev R. M., Apokina K. V.	
Territory as an object of marketing on the example of the Republic of Bashkortostan.....	164
Pham Vu Tuyet Nga, Iskakov M. R.	
ESG in Vietnam: Current Trends and Efforts of Listed Companies	168
Pham Tran Bac, Pham Vu Tuyet Nga, Tereletskova E. V.	
Digitalization of business: concept, main modern trends and impact on business competitiveness.....	179
Khakimova A. A., Tereletskova E. V.	
Social responsibility as an element of a marketing campaign in the service sector: approaches, tools, and impact on consumer behavior	183
Hoch Sh. F., Galimova A. Sh.	
Business processes in the conditions of the digital economy	186
Shaficova D. R., Iskakov M. R.	
The relationship between corporate governance and sustainable development: the impact of ESG principles on the strategic development of companies	189
Yakshibaeva G. V., Nurieva D. A.	
The external environment as a tool for developing a competitive marketing strategy	196
Yakshibaeva G. V., Nurieva D. A.	
Methods and types of marketing research.....	200

PHILOLOGY

Kegeyan S. E.	
Features of translation of legal texts.....	203
Kegeyan S. E.	
Legal discourse: problems of translation of legal terms (based on the English language)	206
Prudnikova M. E.	
Foreign languages in the hospitality industry in Russia	208
Prudnikova M. E.	
Similarities between Russian phraseological units and English idioms	214

LAW

Volozhina S. S.	
Problems of customs control in relation to goods from unfriendly countries and ways to solve them	220

Kurochkin I. A., Kurochkin D. A.	
Main stages of resocialization of persons convicted to imprisonment	225
Mednis E. D., Korneva T. V.	
On the issue of distinguishing electronic, digital and virtual currencies.....	228
Serikova A. V.	
Concept of subsidiary liability persons controlling the debtor in case of insolvency (bankruptcy)	233
Uporov I. V.	
State coercion in the context of public authority (theoretical aspect)	236
Uporov I. V.	
Institute of punishment in the form of imprisonment in soviet legislation (1918–1926)	241
Uporov I. V., Vakarina E. A.	
Appointment of criminal punishment in the context of its individualization: social and legal aspect.....	248

PEDAGOGICS

Allagulova A. A.	
Integration of artificial intelligence into the educational activities of the school within the framework of the «Proproject» course.....	252
Babaitseva V. A., Kopkov R. N.	
Psychological effect of dance for people with disabilities.....	255
Babaitseva V. A., Kopkov R. N., Nesterenko E. E.	
The significance of professional ethics in the training of future fitness aerobics specialists	258
Babaytseva V. A., Solovieva M. S.	
Evolution of Rhythmic Gymnastics	262
Dragnev Yu. V.	
Diagnostics of professional development of wrestlers in the conditions of information and educational space.....	266
Kopkov R. N.	
Modern methods of training student gymnasts in regional universities: challenges and innovative solutions	279
Kotova Yu. V., Gudkova O. S., Lapina N. V.	
Correction of written speech of junior schoolchildren with disabilities the study of front letters	283
Lomako M. V., Lapshina L. V., Zvonova E. V.	
Symbolization in the process of studying the image of the mother formed in primary school children.....	291
Lunina A. Yu., Lomako L. L.	
Upbringing professionally significant qualities in future employees of law enforcement agencies.....	294
Luchnikova A. V.	
Some aspects of working with the authentic professional literature in the English classes at the university.....	297

Mokievskaya N. E., Gudkova A. I. Project-based learning in secondary vocational education: obstacles, barriers and solutions	303
Mokievskaya N. E., Gudozhnikova L. A. Professional activity of a teacher in the context of home education with children with disabilities (HIA)	306
Mokievskaya N. E., Kologorova M. A., Silantieva A. D. «Route to Happiness»: A Support Platform for Parents of Children with Disabilities.....	309
Mokievskaya N. E., Konova A. A. The challenge of time: burnout among students, combining study and work	311
Mokievskaya N. E., Kotskikh A. I. Problems of self-expression among students.....	314
Mokievskaya N. E., Kotskikh A. I. The role of the teacher's personality in the educational process.....	316
Mokievskaya N. E., Umorina A. A., Yukova A. S. Methodological support for teachers in organizing events for Victory Day for children with disabilities	319
Mokievskaya N. E., Umorina A. A., Yukova A. S. Joining forces to support children with disabilities	321
Panyushkina A. O., Kolodovskaya E. A. On the issue of the disadvantages of spatial and temporal representations in preschool children	324
Romaniuk V. A., Vaga E. C. Comparison of cardio-respiratory adaptation in men and women in the process of training	327
Seryh L. V., Demina O. A., Pulnaya S. A. Systemic solutions in professional development of preschool education teachers in Belgorod region	333
Skripka I. M., Derkach N. V., Oleinikova S. A., Perepechay Yu. I. The impact of patriotic events on the spiritual and moral education of students of professional educational organizations.....	336
Suguralieva F. U. Inclusive reboot in the higher education system of the republic of Uzbekistan	340
Guo Guilan. Perspectives and challenges for technology integration in vocal pedagogy and vocal health management	347
Wang Wei. Competency requirements dimensions in vocational training in China	351

PSYCHOLOGY

Lysenko A. P.

Characteristics of marital relationships in families raising children with disabilities and special needs 355

Motyakina Yu. I.

The influence of images of video game heroes on the formation of sexual preferences and behavior of young people 366

Mukhametshina G. R., Файзрахманова А. А.

Features of master client communication in the beauty industry 370

Rezchikova D. M.

Using body-oriented therapy to restore psychoemotional balance in chronic stress 373

Soshina O. N., Korsak A. V.

An integrated approach to the study of individual psychological factors of staff motivation 381

Shaficova D. R., Apokina K. V.

Consumer psychology: the influence of emotions on buying behavior 389

Shlykova Yu. B., Babaddzanjan M. A.

Отношение к ценностным ориентациям мужчин и женщин разных возрастных групп 392

Shlykova Yu. B., Gotzkina A. A.

Resilience and the kind of loneliness 396

SOCIOLOGY

Nasyrov D. R., Furer O. V.

The Peoples of Germany and their cultural diversity: historical context, contemporary processes, and integration challenges 400

Pham Tran Bac, Galina A. E.

Social protection and state guarantees for unemployed citizens in modern conditions 403

ART STUDIES

Burashnikova Yu. R., Portnova T. V.

Ecological approach as a stylistic trend in landscape architecture 407

MEDICAL STUDIES

Grigolashvili M. A., Beisembayeva M. B., Nishnianidze M. D.,

Igenbaeva B. D., Gallyamova A. Kh., Bazarbai D. S.

Features of management of patients with a pharmaco-resistant form of epilepsy 413

POLITICAL STUDIES

Baglysheva Z. V.

Political strategies of Russia and Thailand in the integration processes
of the Asia-Pacific region: a comparative analysis 422

Kostroma T. A.

Comparative analysis of electronic government models in Russia and China:
an actor-network approach to the study of structure, dynamics, and features 426

Paddubskaya A. F.

Belarusian-Chinese relations in the context of the «one belt, one road» initiative 429

Yoziyeva Sh.

Uzbekistan and the countries of the middle east: areas of mutual cooperation 432

INFORMATION TECHNOLOGY

Belorusev M. M., Dmitrieva E. A., Martynova A. E.

The impact of information security on trust in digital government services 437

Belorusev M. M., Dmitrieva E. A., Martynova A. E.

The role of information security in the life of society. How to protect yourself online 441

Belorusev M. M., Dmitrieva E. A., Martynova A. E.

Social engineering in social networks. Attack vectors and counteraction methods 445

Blinov N. P.

Involvement of staff in quality management of information
and telecommunication services 449

Blinov N. P.

Method of calculating the probability of implementation of threats
by an internal employee in organizations 456

Perminov A. B., Furer O. V.

Artificial Intelligence in the Sociocultural and Humanitarian Framework:
Opportunities and Limitations 466

Rules for authors 468

Plan of international conferences held on the basis
of Science Publishing Centre «Sociosphere» in 2025 470

Information about scientific journals 471

Publishing services of the science publishing centre «Sociosphere» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 472

УДК 93/94

ОТРАЖЕНИЕ КАМПАНИИ ПО БОРЬБЕ С КОСМОПОЛИТИЗМОМ И ЗА ПРИОРИТЕТЫ РУССКОЙ НАУКИ В ОБЩЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В 1946–1953 гг.

EDN OVEIEF

А. В. Селезнев

*Кандидат исторических наук,
старший преподаватель,
Красноярский государственный
аграрный университет,
г. Красноярск, Россия*

REFLECTION OF THE CAMPAIGN TO COMBAT COSMOPOLITANISM AND FOR THE PRIORITIES OF RUSSIAN SCIENCE IN THE PUBLIC DISCOURSE OF THE KRASNOYARSK REGION IN 1946–1953

A. V. Seleznev

*Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer,
Krasnoyarsk State Agrarian University,
Krasnoyarsk, Russia*

Abstract. The article analyzes the campaign against cosmopolitanism and for the priorities of Russian science in the USSR in 1946–1953, and its reflection in public discourse in the Krasnoyarsk Territory. It is noted that modern research on these problematic issues is greatly impoverished due to the use of the theory of totalitarianism and the refusal to take into account the international situation in which the USSR was located. The article highlights two sides of this ideological campaign: the negative side, aimed at suppressing activities aimed at the formation of pro-Western attitudes in society, and the positive side, aimed at the search and promotion of achievements of national science and culture, the formation of Soviet patriotism. Based on the analysis of archival materials and publications in the newspaper Krasnoyarsk Worker, the author concludes that the positive connotation prevailed over the negative connotation in the public discussion about patriotism and cosmopolitanism.

Keywords: cosmopolitanism; struggle against cosmopolitanism; USSR; intelligentsia; totalitarianism; repression; negative connotation; positive connotation.

Проблемы идеологической кампании в СССР против космополитизма и за приоритеты русской науки большинство современных исследователей традиционно рассматривают через идеологическую призму американской политической теории тоталитаризма. В итоге, политический режим в 1946–1953 годы в СССР воспринимается исключительно как жестокая диктатура [1], а его деятельность по формированию общественного сознания масс, попытки сформировать общественный дискурс по вопросам патриотизма, априори признается негативным опытом.

В итоге из исследовательского поля или вообще выпадает тема поиска и про-

паганды научных приоритетов отечественной науки, которая, несомненно, имела позитивную коннотацию в общественном сознании советских граждан, или этой части кампании приписывается также негативная коннотация (карикатурные формы, излишняя навязчивость кампании по поиску научных приоритетов).

При этом совершенно не учитывается международный общественно-политический фон, в котором находился СССР, а ведь во многом международная остановка стала причиной начала этой идеологической кампании.

После Второй мировой войны Советский Союз столкнулся с обострившимся

общественно-политическим и социально-экономическим противостоянием между СССР и странами Запада. Одним из инструментов борьбы двух систем стала идеология универсальности и глобальности миропорядка под эгидой США и западной цивилизации в целом, которая использовалась для обоснования конфронтации стран Запада с СССР. Характерно, что в ответ на идеологию западного глобализма СССР ответил не универсальной идеологией построения всемирного коммунистического общества, а идеей советского патриотизма.

Целью работы является изучение кампании по борьбе с космополитизмом и за приоритеты русской науки в СССР в 1946–1953 гг. Для ее достижения были использованы структурно-функциональные и теоретические методы исследования: анализ, обобщение и синтез литературы в области советской истории.

Космополитизм представляет собой идеологию мирового гражданства [2]. Он ориентирует общество на тесное международное сотрудничество и справедливость, интеграцию и этический универсализм при учете сложившихся культурных и политических реалий. В основе проекта утопического космополитизма лежат идеи универсальных ценностей, глобальной солидарности и совместной ответственности за будущее планеты. Вектор его развития – формирование мирового сообщества, основными принципами которого являются уважение к достоинству и правам каждого человека, культурное разнообразие и общее решение глобальных проблем. Однако, на практике эти теоретические постулаты использовались только для того, чтобы обосновать агрессивную внешнюю политику США.

По мнению исследователя С. Н. Корсакова в СССР термин «космополитизм» носил негативный оттенок со времен сталинского периода. В сталинской пропагандистской системе термин «космополитизм», как и термин «троцкизм», использо-

вались произвольно [3]. Безусловно, этот термин применялся как негативная оценка деятельности людей или событий, который противостоял советскому патриотизму. При этом нельзя согласиться с тезисом исследователя о произвольности применения этого термина, так как участники научных и общественно-политических дискуссий использовали этот термин исключительно в целях осуждения деятельности людей, которые были приверженцами идеологии, направленной на отказ от национальных традиций и культуры, которая отрицала патриотизм, государственный и национальный суверенитет. Именно в таком виде космополитизм противопоставлялся советскому патриотизму и пролетарскому интернационализму.

Основной задачей И. В. Сталина было укрепление страны в качестве сверхдержавы и сохранение этого статуса [4]. Решение этой задачи требовало не только выявить и подвергнуть гражданскому ostracism агентов иностранного влияния, но и сформировать образ настоящего патриота своей страны [5].

Одним из инструментов решения этой задачи стали суды чести, которые были введены в центральных органах управления [5, с. 108–110], но в целом практика таких общественных судов стала проникать и в другие коллективы советских граждан. Кроме этого явно репрессивного механизма был использован и позитивный метод. В целях идейного воспитания не только широких масс трудящихся, но и в первую очередь интеллигенции в духе советского патриотизма в 1947 году было создано Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний [6, с. 259], которое стало рупором советской идеологии.

Кампания по борьбе с космополитизмом велась на протяжении 1946–1953 гг. и имела постоянную идеологическую поддержку [7]. Она затронула все основные группы интеллигенции: представителей творческих профессий, инженерно-

технических и научно-педагогических работников, врачей. Во время преследований одно лицо могли обвинять в «космополитизме» и «буржуазном национализме». При этом борьба не ограничивалась идейным давлением на интеллигенцию. Она повлекла за собой кадровую «чистку» – контроль за работниками учреждений и предприятий и оценку их «политической благонадежности».

По мнению исследователя Е. С. Гениной 1949–1950 гг. кадровая «чистка» достигла своего пика, стала систематической, универсальной и репрессивной [8]. При этом, основными пострадавшими от «чистки» стали представители среднего слоя еврейской элиты: управленцы, журналисты, профессора, другие представители творческой интеллигенции [8; 26; 27; 28].

Однако, необходимо отметить, что оценочные суждения о масштабах кадровых чисток и национальном составе «жертв», скорее, носят умозрительный характер, чем подтверждаются статистическими данными. Кроме того, «жертвами» этих гонений становились не евреи как таковые, а те, кто придерживался сионистских взглядов, т.е. речь идет не об антисемитском, а об антисионистском характере этой кампании.

Развернувшаяся кампания сопровождалась целым комплексом пропагандистских мер [8]. В первую очередь использовались такие методы воздействия на массовое сознание, как обсуждения на коллективных собраниях вопросов советского патриотизма и антисоветского космополитизма, публикация статей и заметок по этому вопросу в региональной прессе, проведение массовых лекций среди населения.

Частью этой пропагандистской кампании стали общегородские собрания интеллигенции, которые проходили в административных центрах автономных республик и округов, областей и краев. На таких собраниях проводились поясняющие выступления докладчиков, обсуждения докладов и принятие одобрительных резолюций [9].

Такое собрание интеллигенции прошло в г. Красноярске в апреле 1949 года. С докладом на тему: «Космополитизм – идеологическое оружие империалистической реакции» выступил ответственный редактор «Красноярского рабочего» тов. П. П. Ерофеев [10]. При анализе репортажа с этого собрания, видно, что красноярская интеллигенция в прениях по докладу скатывалась в две крайности. Первые (научный работник ВАСХНИЛ т. Кралин) занималась поиском космополитов в других регионах, прежде всего в Москве. Вторые (председатель бюро объединения молодых писателей г. Красноярска Астафьев, писатели И. Рождественский и С. Сартаков), клеймили литературных и театральных критиков (Л. Лившица и Е. Усиевича), которые нелестно отзывались об их произведениях или театральных постановках в своих рецензиях [11].

Основываясь на данной публикации, а также анализе документации Красноярского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, можно прийти к выводу, что научная интеллигенция г. Красноярска, дистанцировалась от негативной, осуждающей, репрессивной стороны этой идеологической кампании, в то время, как творческая интеллигенция Красноярского края всю использовала негативную коннотацию пропагандистской кампании для сведения личных счетов со своими оппонентами.

Пожалуй, единственным исключением из отмеченной тенденции, является обструкция научных и педагогических кадров в Хакасской автономной области, в ходе которой общественному осуждению были подвергнуты композитор А. А. Кенель, кандидат филологических наук Ц. Д. Номинханов, директор областного музея А. Н. Липский, зав. кафедрой всеобщей истории Абаканского пединститута Д. Е. Хайтун [10]. Анализ выдвинутых обвинений показывает, что основания для жесткой научной дискуссии имелись, при этом академическая дискуссия очень

быстро переросла в обсуждение личностей фигурантов. В прочем, количество лиц, подвергнутых общественному порицанию снова не велико, и никак не повлияло на возможность фигурантов продолжить свою научную и педагогическую деятельность.

В тоже время, организационные и идеологические мероприятия, направленные на формирование позитивного советского патриотизма, преобладали в этой идеологической кампании.

В феврале 1948 года в г. Красноярске в Доме учителя был организован публичный лекторий, в котором для всех желающих читали лекции преподаватели красноярских вузов. В период с февраля до июля 1948 года в лектории была прочитана 21 публичная лекция по темам: «Ленин и физика XX века» (1 лекция), «Политика Советского Союза по германскому вопросу» (1 лекция), «Международное положение» (4 лекции), «Смерть и оживление организма» (1 лекция), «Русская физика и ее корифеи» (1 лекция), «Фальсификаторы истории» (1 лекция), «История г. Красноярска» (1 лекция), «Достижения советской хирургии» (1 лекция), «Великий физиолог Павлов» (1 лекция), «Педагогическое наследие Макаренко» (1 лекция), «Япония сегодня» (1 лекция), «Великий русский хирург Пирогов» (1 лекция), «События в Китае» (1 лекция), «Мир живой и неживой» (1 лекция), «Витамины и их значение для жизни человека» (1 лекция), «Советские писатели об Америке» (1 лекция), «Международный обзор» (1 лекция), «Творчество лауреата Сталинской премии К. Симонова» (1 лекция) [12, с. 260–261].

В начале этого же года в г. Красноярске открылся кинолекторий в Доме офицеров. В рамках этого лектория были про-

читаны 6 лекций по темам: «Тимирязев и его творческое наследие», «Великий русский полководец Кутузов» (обе лекции сопровождались демонстрацией соответствующих кинофильмов), «Международное положение» (3 лекции), «Атомная энергия» (1 лекция) [12, с. 261].

Профессор Красноярского пединститута Б. Ф. Цомакион разработал лекцию на тему: Борьба против космополитизма, преклонения перед западными науками и идеалистическими концепциями в физической литературе и в преподавании физики [13].

Тематика всех этих лекций была направлена на формирование позитивной картины мира у советских граждан, обращалась к достижениям русской и советской науки.

Контент-анализ публикаций в газете «Красноярский рабочий» за 1949 год также показывает преобладание позитивных публикаций, посвященных кампании по борьбе с космополитизмом и за приоритеты русской науки (таблица 1).

Как мы можем видеть, из 13 публикаций в газете «Красноярский рабочий», которые можно отнести к публикациям направленных на борьбу с космополитизмом и за приоритеты русской науки, только 4 (30,77 %) имеют негативную коннотацию, а 9 (69,23 %) публикаций – положительную коннотацию.

Тем самым в общественном дискурсе на территории Красноярского края в первую очередь отражались темы поддержки научно-педагогической интеллигенцией безусловного приоритета и мирового значения советской науки и техники. Масштабы обструкционных нападков на коллег по научному или творческому цеху были весьма незначительны.

Таблица 1

**Количество и перечень публикаций на тему борьбы с космополитизмом
и за приоритеты русской науки в газете «Красноярский рабочий» за 1949 год**

Дата и номер газеты	Заголовок материала	Автор	Краткое содержание	Оценка кон- нотации
13.02.1949 № 30 (8941)	И. А. Крылов	Астафьев Е.	О жизни и творчестве И. А. Крылова.	позитивная
	Ближе к жизни	Давыденко И., Директор Краснояр- ской художественной школы	О формализме и эстет- стве красноярских ху- дожников	негативная
06.03.1949 №45 (8956)	Космополиты – выра- зители буржуазной идеологии	Астафьев Е.	В основном обструкция критика Л. Лифшица и др. критиков	негативная
15.03.1949 № 51 (8962)	«Академик Иван Пав- лов»	Вул И., доктор меди- цинских наук, про- фессор	Рецензия на одноимен- ный фильм, вышедший в прокат в кинотеатрах Красноярского края	позитивная
18.03.1949 № 53 (8964)	А. С. Попов (К девяно- столетию со дня рож- дения)	Сарапкин П. кандидат физико- математических наук, зав. кафедрой физики Сибирского лесотех- нического института	О приоритете А. С. Попова перед Маркони	позитивная
24.04.1949 № 80 (8991)	Городское собрание интеллигенции	редакторская	Репортаж в собрания интеллигенции г. Крас- ноярска	негативная
16.07.1949 № 138 (9049)	Великое открытие рус- ских мореплавателей	Григорьев А., акаде- мик	О русском приоритете открытий в Антарктике	позитивная
20.07.1949 № 141 (9052)	О серьезных недостат- ках Хакасского изда- тельства	Михайлов Ю., Его- ров В.	О выпуске книг, в ко- торых отрицается про- грессивная роль рус- ских в развитии хакас- ского народа	негативная
10.08.1949 №156 (9067)	Знаменитый русский физик	Тимирязев А., про- фессор, доктор физи- ко-математических наук	О жизни и открытиях русского физика А. Г. Столетова	позитивная
02.10.1949 № 194 (9105)	Народный поэт И. С. Никитин (К 125-летию со дня рождения)	Бойчевский В, про- фессор	О жизни и творчестве поэта И. С. Никитина	позитивная
14.10.1949 № 202 (9113)	Певец народного труда (К 140-летию со дня рожде- ния А.В. Кольцова)	Шамориков И., кан- дидат филологиче- ских наук	О жизни и творчестве поэта А. В. Кольцова	позитивная
15.10.1949 № 203 (9114)	Слава нашего народа (К 135-летию со дня рождения М.Ю. Лер- монтова)	Дурылин С, профес- сор, доктор филоло- гических наук	О творчестве М. Ю. Лермонтова	позитивная
11.12.1949 № 243 (9154)	Книга о подвиге рус- ских мореплавателей	Козина Р.	Рецензия на книгу А. Н. Андреева «Пла- вание шлюпов «Во- сток» и «Мирный» в Антарктику в 1819, 1820 и 1821 годах»	позитивная

Составлено по: Красноярский рабочий [по датам] за 1949 г. [11; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25]

Таким образом, советская кампания по борьбе с космополитизмом 1946–1953 гг. была спланирована и осуществлена с целью объединения советского общества на патриотических началах, а также выявления и коррекции с помощью общественного мнения прозападных агентов влияния в среде советской интеллигенции. В целом она достигла поставленных целей и задач.

Библиографический список

1. Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Томской области (конец 1940-х – начало 1950-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 306. – С. 57–61.
2. Терлецкий В. А. Роль утопического подхода в прогнозировании космополитического будущего // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53, № 1. – С. 94–102. – DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1944
3. Корсаков С. Н. «Борьба с космополитизмом» в философии: горьковский случай // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». – 2023. – Т. 5, № 1. – С. 21–40. – DOI: 10.17673/vsgtu-phil.2023.5.3
4. Целищева Т. С. Основные причины развертывания кампании по борьбе с космополитизмом в послевоенное время в СССР в трактовке современной исторической науки // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Studis historica juvenum. – 2018. – № 1 (14). – С. 93–100.
5. Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК / под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. Д. Г. Наджафов, З. С. Белоусова. – М.: МФД: Материк, 2005. – 769 с.
6. Есаков В. Д. Сталинские суды чести: масштаб и последствия // Труды Института российской истории. Вып. 7 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А. Н. Сахаров. – М., 2008. – С. 252–272.
7. Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (анализ современной отечественной историографии проблемы) // СибСкрипт. – 2015. – № 1-3 (61). – С. 139–146.
8. Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в СССР в оценках отечественных исследователей 1990-х начала 2000-х гг. // СибСкрипт. – 2011. – № 4. – С. 22–27.
9. Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири: 1949–1953 гг.: автореф. дисс. ... д-ра истор. наук / Елена Сергеевна Генина; Кемер. гос. ун-т. – Кемерово, 2009. – 52 с.
10. Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Хакасии (1949–1953 гг.) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2019. – № 57. – С. 87–91. DOI: 10.17223/19988613/57/15.
11. Городское собрание интеллигенции // Красноярский рабочий. – 1949. – 24 апреля. – № 80 (8991). – С. 3.
12. Селезнев А. В. Демиурги нового мира: просветительская деятельность Красноярской краевой организации общества «Знание» в 1947–1992 гг. / А. В. Селезнев. – Красноярск, 2021. – 400 с.
13. Рукопись лекции профессора Б. Ф. Цомакиона на тему: Борьба против космополитизма, преклонения перед западными науками и идеалистическими концепциями в физической литературе и в преподавании физики // Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК) Ф. Р-2117. Оп. 1. Д. 80. Л. 1–49.
14. Астафьев Е. И. А. Крылов // Красноярский рабочий. – 1949. – 13 февраля. – № 30 (8941). – С. 3.
15. Давыденко И. Ближе к жизни Красноярский рабочий. – 1949. – 13 февраля. – № 30 (8941). – С. 3.
16. Астафьев Е. Космополиты – выразители буржуазной идеологии // Красноярский рабочий. – 1949. – № 45 (8956). – С. 2.
17. Вул И. «Академик Иван Павлов» // Красноярский рабочий. – 1949. – 15 марта. – № 51 (8962). – С. 3.
18. Сарапкин П. А. С. Попов (К девяностолетию со дня рождения) // Красноярский рабочий. – 1949. – 18 марта. – № 53 (8964). – С. 4.
19. Григорьев А. Великое открытие русских мореплавателей // Красноярский рабочий. – 1949. – 16 июля. – № 138 (9049). – С. 2.
20. Михайлов Ю., Егоров В. О серьезных недостатках Хакасского издательства // Красноярский рабочий. – 1949. – 20 июля. – № 141 (9052). – С. 2.
21. Тимирязев А. Знаменитый русский физик // Красноярский рабочий. – 1949. – 10 августа. – № 156 (9067). – С. 2.
22. Бойчевский В. Народный поэт И. С. Никитин (К 125-летию со дня рождения) // Красноярский рабочий. – 1949. – 02 октября. – № 194 (9105). – С. 2.
23. Шамориков И. Певец народного труда (К 140-летию со дня рождения А. В. Кольцова) // Красноярский рабочий. – 1949. – 14 октября. – № 202 (9113). – С. 3.
24. Дурылин С. Слава нашего народа (К 135-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова) //

- Красноярский рабочий. – 1949. – 15 октября. – № 203 (9114). – С. 2.
25. Козина Р. Книга о подвиге русских мореплавателей // Красноярский рабочий. – 1949. – 11 декабря. – № 243 (9154). – С. 3.
26. Pinkus B. The Soviet Government and the Jews 1948–1967: A Documented Study. Cambridge University Press, 1984, 628 p. DOI: 10.1017/CBO9780511897306
27. Ro'i Y. Soviet Decision-Making in Practice: The USSR and Israel, 1947–1954 (Transaction/Society Book Series, Ta/S-10). 1st Edition. Routledge, 1980, 540 p.
28. Salomoni A. State-Sponsored Anti-Semitism in Postwar USSR. Studies and Research Perspectives. Journal of the Fondazione CDEC, 2010, iss. DOI: 10.48248/issn.2037-741X/728

© Селезнев А. В., 2025

УДК 930.2

**ОБЪЕКТИВНОСТЬ-СУБЪЕКТИВНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(ЗНАНИЙ) В КОНТЕКСТЕ ИХ ВЛИЯНИЯ НА ПОЛИТИЗАЦИЮ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ**

EDN PAYSC7

И. В. Упоров

*Доктор исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
ORCID 0000-0002-0906-5228,
e-mail: uporov@list.ru,
Российская академия естествознания,
г. Краснодар, Россия*

**OBJECTIVITY-SUBJECTIVITY OF HISTORICAL
RESEARCH (KNOWLEDGE) IN THE CONTEXT OF ITS IMPACT
TO THE POLITICIZATION OF PUBLIC RELATIONS****I. V. Uporov**

*Doctor of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Professor,
Russian Academy of Natural Sciences,
Krasnodar, Russia*

Abstract. The article examines a phenomenon associated with the influence of historical research and relevant historical knowledge on socio-political sentiments in the Russian state. It is noted that among all the fundamental humanities, it is historical science that actually performs not only the functions of science as such, but is also one of the important mechanisms through which the current public power elite creates and controls the behavioral attitudes of citizens of a socio-political nature necessary for it, which allows The elite is at the top of the power pyramid, and this is not always done in the interests of the entire society. This approach in a certain way distorts the public consciousness of the inhabitants of the state, since it is based on the subjective understanding of certain historical events by scientists, government officials, and various structures that have the authority to transmit the necessary historical assessments to society. And since these assessments change (for example, the well-known Molotov-Ribbentrop Pact from the turn of 1990 was subjected to official and rather harsh criticism, but recently it is also regarded by some officials as a “triumph of Soviet diplomacy”), then there is an increased politicization of historical development in society country, which is a negative factor. Various aspects of this phenomenon are studied.

Keywords: objectivism-subjectivism; historical knowledge; society; Russia; politicization; state.

Историческая наука, в отличие от иных гуманитарных наук, включает в свою орбиту значительное число граждан, и является в этой связи весьма влиятельной составляющей общественного бытия. Здесь, однако, важно оговорить, что речь идет об истории российского государства, поскольку, например, в истории зарубежных стран, истории отдельных сфер жизнедеятельности (культуры, экономики, городской жизни и т.д.) дискуссии вполне корректны и редко вызывают широкий общественный резонанс. При этом влияние исторических знаний может быть как

позитивным, так и деструктивным, из чего вытекает важность методологии исторических исследований, где как раз и сталкиваются субъективность-объективность в их осуществлении.

При этом нужно отметить сложившийся в целом в науке постулат о том, что объективность научного исследования заключается прежде всего в воспроизводимости экспериментов, возможности подтверждения и проверки результатов, однако, как известно, такие требования применимы к точным, естественным, техническим научным отраслям, обладающим,

в частности, большим арсеналом измерительных средств. В отношении общественных наук ситуация сложнее. Дело в том, что достоверность сведений о самих фактах (событиях, лицах) в исторической науке чаще всего не оспаривается (во всяком случае применительно к новому и новейшему времени), и вопрос заключается как раз в субъективности трактовки фактов (так, роль Сталина в отечественной истории, несмотря на множество опубликованных документов в последние годы, по-прежнему является предметом непримиримых и ожесточенных споров). И это несмотря на то, что возможности для исторических исследований в настоящее время значительно расширились, в частности, становится доступным все больший объем архивных материалов, современные компьютерно-интернетовские технологии позволяют быстро находить и принимать к анализу огромный массив информации, а применительно к России следует указать и на конституционно закрепленные запрет обязательной государственной идеологии и цензуры, свободу научного творчества (ст. 13, 29, 44 Конституции России), чего не было ни в Российской империи, ни в советском государстве.

Тем не менее достижения НТП и выверенные юридические формулировки в Основном законе нашей страны, присутствие современной цивилизации, похоже, мало меняют, если вообще меняют, состояние исторической науки с точки зрения субъективности-объективности проводимых исследований и соответствующих исторических знаний и взглядов. В этой связи в литературе отмечается, что помимо рациональной традиции сохранения знания о прошлом существуют коллективная социальная память, а также семейная и индивидуальная память, соответственно «исторический опыт общества был и во многом остается результатом как рационального осмысления прошлого, так и его интуитивного и эмоционального восприятия» [1, с. 6]. И действительно,

историческое знание в России имеет значительно более широкое понимание, чем знание в иных гуманитарных научных отраслях, и прежде всего потому, что историческое знание непосредственно вплетается в текущую общественную-государственную-индивидуальную жизнь российского социума.

Можно, очевидно, даже предположить, что в России жизненная позиция большинства субъектов жизнедеятельности – физлиц (простых граждан, должностных лиц, активистов общественных организаций и т.д.), во всяком случае, в долгосрочном плане, определяется теми историческими знаниями, которые они получили в школе (вузе), осознали (вложили в подсознание) и определенным образом конвертировали в конкретные поведенческие установки.

В реальности это явление находит отражение в самых разных формах, в том числе имеющих неоднозначные последствия. Например, исторические знания и, соответственно, память о Победе в Великой Отечественной войне у российского народа священны и защищаются на всех уровнях в течение уже нескольких десятилетий практически при неизменном отношении к этому событию, несмотря на смену в начале 1990-х гг. ни много ни мало общественно-экономической формации (произошел переход от социализма к капитализму). Отсюда вытекает важность формирования исторического сознания общества.

И вот здесь имеются определенные проблемы. Так, в настоящее время в России историческое общественное сознание разорвано, в нем весьма контурно просматривается единство. Это, в свою очередь, есть результат далеко не всегда последовательной политики российского государства в течение целого ряда поколений, когда со стороны государства наблюдается склонность к преувеличению (преуменьшению) и выборочности «нужного» («ненужного») исторического отечественного опыта, и соответственно жите-

лям страны навязываются некие исторические оценки, которые, однако, в дальнейшем нередко опровергаются, что разделяет общество (причем, как профессиональных историков, так и обывателей) по разным точкам зрения (доходящих порой до разных сторон баррикад), негативно влияя на фактор сплоченности социума перед вызовами современности и будущего.

Например, еще сравнительно недавно (по историческим меркам), казалось бы, курс истории КПСС был фундаментальным для любого вуза советского государства, и его читали тысячи профессоров и доцентов, все достижения в стране неизменно связывались с коммунистической партией. И вдруг, после 1991 г., КПСС не стало. Более того, партия была обвинена в преступлениях против общества, и даже предпринимались попытки учинить настоящий суд над этой бывшей организационно-идеологической монополией советского периода [2]. А что же историки? – ведь на них, профессиональных ученых, смотрели миллионы российских граждан, ожидая разъяснений и комментариев по поводу внезапно изменившихся оценок советского прошлого, в котором они, граждане, сами же жили и получали от властей совершенно иные трактовки своего бытия. А историки, как мы полагаем, ориентировались на позицию новой власти, и прежде всего Президента России Б. Н. Ельцина, и видели, как вчерашний партийный функционер, сделавший в КПСС карьеру, выходит из партии, которой когда-то клялся в верности, и предпринимает меры по ее ликвидации. В этом контексте на рубеже 1990 г. наблюдалось впечатляющее и неповторимое для нашей страны явление, которое, очевидно, уже можно называть историческим фактом, когда члены КПСС публично разрывали свои партийные билеты, бросали их в уличные костры, доказывая тем самым личный разрыв с теперь уже критикуемым и осуждаемым коммунистическим прошлым.

В этом отношении характерны воспоминания бывшего тогда депутатом Верховного Совета РСФСР С. Н. Бабурина, который отмечает, что «осенью 91-го оставаться коммунистом означало опуститься на самое дно. Партбилеты демонстративно рвут, сжигают и топчут в грязи. А особо предприимчивые продают красные книжицы иностранцам, на сувенирном рынке за «честь и совесть эпохи» просят от ста долларов» [3] (такое поведение людей само по себе свидетельствовало об определенной ущербности общественных отношений того времени, однако мы не акцентируем на этом своего внимания). Профессура-доцентура, вероятно, памятуя, что первый президент России был избран народом, причем явным большинством избирателей, без лишнего шума также быстро перестроилась и, как ни в чем, ни бывало, стала читать скорректированный в вузах курс отечественной истории, где та же КПСС расценивалась уже совершенно по-иному, в негативной коннотации. Мы далеки от того, чтобы делать упрек в этой связи тогдашним вузовским преподавателям исторических учебных дисциплин и ученым-историкам (на то ни у автора, ни вообще у кого-либо нет морального права, ибо каждый сам определяет свою жизнь), и лишь констатируем, что многим из них, очевидно, большинству, пришлось кардинально изменить свое историческое сознание, возможно, против своей воли, и ретранслировать его в общество через обучение студентов, научные публикации и общественную активность.

А обыватели при таком «разъяснении» также относительно спокойно перешагнули, образно говоря, через труп социализма и зашли в капитализм, выразив свою волю на референдуме по принятию действующей российской конституции в 1993 г. Ни власть, ни научно-педагогическое сообщество оказались не готовы, причем до сих пор, дать российскому обществу честный и внятный комментарий произошедшим то-

гда событиям, связанным с историей и распадом СССР. На наш взгляд, следовало, если предельно кратко, пояснить, что идея коммунизма не прошла испытания временем и квалифицируется как утопическая, материально-техническую базу коммунизма к 1980 г., как предписывалось в Программе КПСС [4], построить не удалось даже в первом приближении, выбранное направление развития общества оказалось ошибочным, и социально-экономическая ситуация требовала перехода на рыночные отношения, присущие капиталистическому способу производства.

Но для такого признания нужно было, конечно, незаурядное политическое мужество, а политиков с таковым не обнаружилось. Следует заметить, что в истории России неоднократно наблюдались периоды, когда населению в массовом порядке, кардинально-неожиданно, зачастую публично (как с партбилетами) приходилось менять свои взгляды на историю своей же страны – сообразно позиции новой властвующей силы. Здесь существенно то, что правящая элита России активно манипулировала, и, по сути, продолжает это делать до сих пор, историческими знаниями для укрепления своего политического влияния, причем нередко это осуществлялось путем использования официальных научных структур, которые обосновывали новые исторические подходы к толкованию тех или иных событий, что находило отражение в самых разных формах. В частности, при всей противоречивости эпохи Ивана Грозного и личности самого царя, на памятнике тысячелетию России, установленному в Великом Новгороде в 1862 г., его фигуры среди представителей царствующей династии нет, хотя он правил несколько десятилетий и существенно видоизменил государство, но при этом изображены барельефы его современников протопопа Сильвестра, первой жены царя Анастасии Романовой, окольничего Адашева. В литературе при указании причины этого обычно упоминается о том, что Иван

Грозный, как известно, в свое время учинил этому городу кровавое разорение, был жестоким правителем, поправшим христианские законы, казнил по своему произволу сотни своих подданных и т.д., то есть, если обобщить, он не достоин был отмеченным, так как оставил в истории «кровавый след» [5, с. 29]; при этом фигура его деда, Ивана III, бывшего не менее скорым на расправы, изображена дважды. Не нашлось места также императрицам Анне Иоанновне и Елизавете, императору Павлу, из итогового списка были исключены флотоводец Ф.Ф. Ушаков, поэт Тарас Шевченко и т.д.

В данном случае важно подчеркнуть, что речь идет не о том, правильно или неправильно составлялись списки достойных быть изображенными на указанном памятнике – составители имели право на свое мнение, и для каждого исключения находились свои резоны, а о том, что эти резоны так и не были систематизированы ни самой властью, ни творческой и научной общественностью того времени, и не были представлены обществу. И получалось, что субъективное решение некой группы лиц (конечная инстанция – император) как в этом, так и в других вопросах, становилось основой формирования официальной государственной истории, которая становилась обязательной. Что касается профессиональных историков, то учитывалась позиция, которая совпадала с нужным для власти направлением, например, Н. М. Карамзина, который характеризовал того же Ивана Грозного как «самодержца-мучителя», «зверя из вертепа слободы Александровской», «губителя», «тигра, упивающегося кровию агнцев» [6, с. 563, 572], и этот официальный «российский историограф», как известно, отражал сформированную на рубеже XVIII- XIX вв. (не без участия его самого) позицию правящей династии Романовых (оставшейся неизменной до конца империи) о том, каким образом освещать династическую историю. Например, Екатерина II должна была представляться как

просвещенная императрица, не имевшая практически никаких недостатков, при этом уголовное преследование и жестокое наказание А. Н. Радищева за его «Путешествие» не должно было подвергаться сомнению, несмотря на то, что тот описывал картины реальной жизни в России.

Заметим при этом, что в целом в Российской империи отношение к истории российского государства формировалось официальными государственными структурами. Такой же подход избрало и советское государство после октябрьской революции 1917 г., при этом большевики, как известно, практически перечеркнули весь позитив предшествующей истории монархической России, и наглядно-символично это было видно на примере того же памятника тысячелетию России, который на некоторое время заколотили деревянными щитами, назвав памятником «самодержавного гнёта», и даже были предложения пустить на переплавку.

Возникла парадоксальная ситуация: одна официальная история (советская) перечеркивала другую официальную историю (имперскую), и это применительно к одной и той же стране, одному и тому же народу и одной и той же истории! Советскому обществу была навязана новая трактовка истории государства, и ее пришлось принять, поскольку иных вариантов, которые можно было бы свободно обсуждать, просто не существовало.

В дальнейшем, после распада СССР в 1991 г., маятник качнулся в другую сторону, и обществу вновь была предложена иная историческая концепция, исходящая из постулатов свободного демократического общества, правда, уже не столь жестко, как раньше. Для исследователей были открыты многие архивы, и это существенно повлияло на оценки исторических событий, особенно для иностранных историков. Так, американский исследователь Дональд Ралли указывает на то, что ознакомление с российскими архивами заставило его изменить многие принци-

пальные положения о Гражданской войне в России [7]. Но одновременно в российских исторических трудах началась повальная критика советского строя – так, большевистская уголовная политика в первые годы советской власти в научных (!) работах характеризовалась как «человеконенавистническая, сатанинская идея тотального насилия» [8, с. 49].

В этой связи А. Нысанбаев отмечает, что «при сознательно проводимом субъективизме (что тождественно идеологизации своих взглядов) результаты исторического исследования заранее предписываются исследованию и действия такого “ученого” являются лишь имитацией познавательной деятельности. В этом случае выбираются только те исторические факты, которые допускают интерпретацию в духе требуемого результата; факты, не работающие на такую “теорию”, либо отвергаются как ложные, либо же замалчиваются» [9]. Достойно сожаления, что такого рода подходы историков к объяснению исторических событий и фактов пока еще сохраняются в современной России, во всяком случае, касательно истории советского и постсоветского периодов. В этом контексте трудно согласиться с «важностью государственного управления процессами влияния на историческое сознание общества» [10, с. 101], поскольку приоритет должен быть все же за негосударственными структурами. Приведенные выше и другие примеры показывают, что во многих исследованиях, в разного рода дискуссиях об истории российского государства субъективные оценки, подстраиваемые под собственную политическую позицию, еще преобладают, что противоречит присущей исторической науке методологии и мешает использовать достижения научно-технического прогресса для повышения эффективности научного поиска.

Подобное явление объясняется, на наш взгляд, прежде всего тем, что само российское общество находится в стадии весьма противоречивого общественно-

политического и социально-экономического развития, когда нет достаточной ясности в том, какое общество является целью совместных усилий российских граждан. Тем не менее ученые-историки, на наш взгляд, должны находиться «над схваткой», и страницу за страницей писать Большую Летопись нашей страны, стремясь к максимально возможной объективности и спокойному изложению своих аргументов. Но для этого в России должно сформироваться независимое от политической конъюнктуры научно-историческое сообщество, которое позволит, наконец, достигнуть в России сбалансированного общественно-исторического сознания.

Библиографический список

1. Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. М.: Юрайт, 2019. 259 с.
2. Рудинский Ф. М. «Дело КПСС» в Конституционном Суде: Записки участника процесса М.: Былина, 1999. 502 с.
3. Бесславиe КПСС // [Электронный ресурс] URL: <https://www.5-tv.ru/glavnoe/broadcasts/509267/565/> (дата обращения: 12.03.2024 г.).
4. Программа Коммунистической партии Советского Союза (принята XXII съездом КПСС 31 октября 1961 г.). М.: Госполитиздат, 1962. 144 с.
5. Смирнов В. Г. Памятник государства Российского. М.: Вече, 2008. 400 с.
6. Карамзин Н. М. Предания веков: Сказания, легенды, рассказы из «Истории государства Российского» / сост. Г. П. Макагоненко. М.: Правда, 1988. 768 с.
7. Raleigh D. Doing Soviet History: The Impact of the Archival Revolution // The Russian Review. 2002. Vol. 61, no. 1. P. 16–24.
8. Босхолов С.С. Конституционно-правовой кризис и уголовная политика // Правоведение. 1997. № 6. С. 49–54.
9. Нысанбаев А. Проблема объективности в историческом познании // Официальный сайт Института истории и этнологии МОН Республики Казахстан // [Электронный ресурс] URL: https://www.iie.freenet.kz/otan_tar_1_2000_1-2.html (дата обращения: 17.05.2024 г.).
10. Пичугин В. Г. Детерминанты влияния на историческое сознание общества // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 9. С. 101–106.

© Упоров И. В., 2025

УДК 342

**СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ 1649 ГОДА: ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ**

EDN PDAOXI

И. В. Упоров

*Доктор исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
ORCID 0000-0002-0906-5228,
e-mail: uporov@list.ru,
Российская академия естествознания,
г. Краснодар, Россия*

**THE CATHEDRAL CODE OF 1649: FEATURES OF REGULATION
OF CRIMINAL-LEGAL RELATIONS****I. V. Uporov**

*Doctor of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Professor,
Russian Academy of Natural Sciences,
Krasnodar, Russia*

Abstract. The article analyzes the norms of the Cathedral Code of 1649, which regulated criminal-legal relations. The Code was a voluminous fundamental universal civil-criminal (both substantive and procedural) normative legal act, many of whose norms have stood the test of time and were applied even in the 19th century. It is also noted that the Code was the first normative act reproduced in print. In this law of the Moscow state, significant changes occurred in the criminal-legal sphere in comparison with previous legal documents, including a significant expansion of the number of crimes, in particular, a whole block of crimes against religion was established, military crimes, crimes against the family, crimes against honor and dignity appeared, and, in addition to the existing ones, punishment in the form of exile was introduced, as well as mutilating corporal punishment. In addition, for the first time, norms of a criminal-executive nature appeared, and for the first time the legislator formulated the purpose of punishment - «so that by looking at it, others would not dare», that is, the intimidating goal was primarily pursued, which reflected the absolutist regime of government in the Moscow state that had already been established by that time.

Keywords: Russian legislation, Cathedral Code, criminal law, crime and punishment, exile.

История уголовного права ведет начало со времени, когда сформировалась государственность в современном его понимании, и одной из функций государства стала защита установленных порядков. Эта защита предполагает разные методы, в том числе посредством мер принуждения, самыми жесткими были смертная казнь, телесные наказания, лишение свободы (в настоящее время телесных наказаний, конечно, нет). Нормы об ответственности за общественно опасные деяния имеются в самых древних известных письменных законах (в тех же законах Хаммурапи XVIII в.). Это относится и истории российского государства – так, в Русской

Правде (Пространная редакция) были такие нормы: «Аже крадеть гумно или жито, то колико их будет крало, то всем по 3 гривны и по 30 кун» (ст. 43); «Аже кто убьет жену, то тем же судом судити, что и мужа; аже будет виноват, то пол виры 20 гривен» (ст. 88) [1]. И в дальнейшей истории российского законодательства уголовно-правовых норм становилось все больше, а соответствующие законодательные акты все более совершенными и системными, а с начала XIX в. уголовное право было выделено как самостоятельный раздел права. До этого нормативные положения о преступлениях и наказаниях содержались в законодательных актах,

регулировавших различные сферы общественных отношений, среди этих актов заметное место занимали Судебник 1497 г. [2] и Судебник 1550 г. [3].

Следующий важнейший этап в развитии уголовного права России связывается с принятием Соборного уложения 1649 г., которое значится пол номером 1 в первом Полном собрании законов Российской империи [4]. Этот крупнейший акт знаменовал собой начало целенаправленной законотворческой деятельности московского государства; уникальность Уложения заключается также в том, что в его разработке принимали участие представители разных сословий. Это уже не просто сборник правил, а весьма объемный, систематизированный (разделенный на 25 глав и 967 статей), охватывающий множество вопросов нормативный документ. Уголовно-правовые нормы в Уложении имеются во многих главах, посвященных разным сферам общественных отношений, и уголовно-правовые нормы не являются основными, однако в некоторых главах такие нормы сосредоточиваются, и эти главы в совокупности представляют собой достаточно развернутый уголовный закон. Однако, подчеркнем, законодатель еще не выделяет нормы уголовного права из общего права (это произойдет в первой четверти XVIII в.). Уложение заметно ужесточает наказания за общественно-опасные деяния, что отражало процесс укрепления абсолютистского режима, который складывался в Московском государстве [5; 6; 7 и др.].

В Главе I Уложения («О богохулниках и о церковных мятежниках») дается довольно широкий перечень преступлений против веры (религии) – ранее в российском праве такие деяния не предусматривались. Среди историков права преобладает мнение, что появление этой главы вызвано влиянием византийского церковного законодательства. Следует заметить, что во всех последующих уголовных законах Российской империи преступления против церкви будут неизменно вклю-

чаться в первую главу. В Уложении предусмотрены следующие группы деяний против церкви: богохульство; церковный мятеж; убийство, причинение вреда здоровью и оскорбление в церкви во время богослужения. По каждой из этих групп предусмотрены по несколько конкретных составов, например: «А будет какой бесчинник пришед в церковь божию во время святыя литургии, и каким не буди обычаем, божественныя литургии совершити не даст, и его изымав и сыскав про него допряма, что он так учинит, казнити смертию безо всякия пощады» (ст. 2) [4]; «А буде кто, пришед в церковь божию, учнет бити кого ни буди, и убьёт кого до смерти и того убойца по сыску самого казнити смертию же» (ст. 4) [4] и др.

О государственных преступлениях речь идет в следующих четырех главах Уложения. Так, в главе II «О государьской чести, и как его государьское здоровье оберегать» наказуемые деяния делятся на три группы: посягательства на здоровье государя; различные виды измены царю и государству; скоп и заговоры против царя, бояр и воевод на местах. Практически за все преступления, предусмотренные в 22 статьях, предусматривалось наказание в виде смертной казни. Виновный лишался также своей собственности, в том числе поместий. Смертной казни подлежали также жены и дети изменника, если они «ведали про ту измену». Для примера приведем две нормы: «Будет кто каким умышлением учнет мыслить на государьское здоровье злое дело, и про то его злое умышление кто известит, и по тому извету про то его злое умышление сыщется допряма, что он на царское величество злое дело мыслил, и делать хотел, и такова по сыску казнити смертию» (ст. 1) [4]; «А кто учнет к царьскому величеству, или на его государевых бояр и околничих и думных и ближних людей, и в городех и в полках на воевод, и на приказных людей, или на кого ни буди приходити скопом и заговором, и учнут кого грабити, или побивати, и тех людей, кто так учинит, за то по тому же

казнить смертию безо всякие пощады» [4].

В Главе III «О государевом дворе, чтоб на государеве дворе ни от кого никакова бесчинства и брани не было» речь идет о защите «государевой чести». Запрещается, в частности, оскорблять словом государя, вынимать саблю или иное оружие в присутствии государя и на государевом дворе, стрелять без оружия («из пищаль и луков») без разрешения в местах, где государь совершает объезд, ловить без разрешения рыбу в «государевых прудех и в озерах» тем, кто там проживает. Предусматривается более строгое наказание за кражу на дворе государя. Наказания здесь несколько мягче, чем в предыдущей главе. В Главе IV «О подпischeках, и которые печати подделывают» содержатся составы преступлений, связанных с подделкой «государевых писем». Смертной казни подлежали не только изготовители государевых печатей и составители государевых писем, но и те, кто «держали их у себя для своих пожитков и корысти» (ст. 3). В Главе V «О денежных мастерах, которые учнут делати воровские денги» всего в двух статьях формулируются фальшивомонетничество и мошенничество путем разбавления золота или серебра медью при выполнении частных заказов. За первое преступление преступнику заливали горло металлом. За второе – били кнутом плюс возмещение убытков потерпевшему.

В Главе X «О суде» уголовно-правовых норм сравнительно немного (всего в главе 287 статей, это самая объемная глава Уложения), и они определяют составы деяний, посягающих на правосудие: вынесение неправосудных приговоров, ложное обвинение, взяточничество, оскорбление судебных чиновников, брань в судебном месте, насильственные действия во время суда, «похвальба убийством», уклонение от встречи с приставом, злоупотребление полномочиями судебных работников («а будут обыскные люди во обыску скажут не по правде»). Основное наказание за эти преступления –

битье кнутом, отстранение от должности, тюремное заключение, штраф. В некоторых случаях – смертная казнь.

Главе XXI («О разбойных и татинных делах») как раз и представляет собой одну из глав, где сосредоточены в основном уголовно-правовые нормы. Здесь речь идет о так называемых общеуголовных преступлениях. В 104 статьях сформулированы составы деяний против личности (посягательства на жизнь и здоровье) и имущества, некоторые вопросы процессуального и управленческого характера (в частности, предписывалось «розбойные, убийственные и татины дела ведать в Разбойном приказе»), а также уголовно-исполнительного характера. В совокупности уголовно-правовые нормы этой главы показывают, что государство весьма жестко и решительно относится к разбоям и кражам – преступник не получает никакой пощады, причем это касается и расследования дел, где предусматривается активное использование пыток. Так, согласно ст. 9 «а приведут татя, а доведут на него татьбу, и того татя пытать и в иных татьбах и в убийстве, да будет с пытки в иных татьбах и в убийстве не повинится, а скажет, что он крал впервые, а убийства не учинил, и того татя за первую татьбу бить кнутом, и отрезать ему левое ухо, и посадить его в тюрьму на два года, а животы его отдать исцом в выть, и ис тюрьмы выимая его, посылать в кайдалах работать на всякие изделия, где государь укажет. А как он два года в тюрьме отсидит, и его послать в украинные города, где государь укажет, и велеть ему в украинских городех быть, в какой он чин пригодится, и дать ему письмо за дьячье» [4]. Еще более суровое наказание ждало «татя» при второй краже. При третьей краже полагалась смертная казнь.

При первом разбое преступника ждало также комплексное наказание: пытка, отрезание правого уха, тюремное заключение на 3 года, ссылка в «кайдалах», конфискация имущества. Второй разбой

карался смертной казнью. Предусматривается также ответственность за укрывательство «лихих людей», ложное обвинение в разбое, сокрытие «обыскными людьми» факта наличия в селе разбойников, самосуд. В этой главе предусматривается ответственность и за убийство. Так согласно ст. 72 «а будет кто убьет с умышления, и сыщется про то допряма, что с умышления убил, и такова убойцу самого казнить смертию». Как видно, законодатель совершенно четко определяет в данном случае умысел при совершении преступления. А ст. 71 речь идет об убийстве «в драке, а не в умышлении или пьяным делом». Здесь уже наказание мягче – тюремное заключение «до государеву указу» и «кабальные долги» в пользу потерпевшей стороны [4].

Глава XXII («Указ за какие вины кому чинить смертная казнь и за какие вины смертию не казнить, а чинить наказанье») также целенаправленно включает уголовно-правовые нормы, касающиеся в основном семейно-родственных отношений. В частности, предусматривается ответственность за убийство сыном или дочерью отца или матери. В этом случае виновный подлежал смертной казни. Если же кто-либо из родителей убивал свое чадо, то он подлежал тюремному заключению и церковному покаянию. Здесь же включены такие составы преступлений, как изнасилование, развратные действия, нанесение увечий, вреда здоровью, убийство матерью «блудно нажитых» детей. В соответствии со ст. 20 причинение смерти «без умышления» не влекло никакого наказания (например, в случае, если «кто стреляючи ис пищали, или из лука по зверю, или по птице, или по примете, и стрела или пулька вспловет и убьет кого за горою или за городьбою, или кто каким ни будь обычаем убьет до смерти деревом, или камнем, или ненарочным же делом» [4]). Нет ответственности и при лишении жизни в состоянии необходимой обороны (ст. 21).

Существенные изменения произошли и в регулировании вопросов наказания в виде лишения свободы, причем в этой сфере уложение во многом основывается на Судебнике 1550 г. Заметим еще, что наиболее важное изменение, с точки зрения развития в России института наказания в виде лишения свободы, заключается в появлении норм о ссылке. Лишение свободы в форме тюремного заключения встречается в Соборном уложении в 41 статьях. Согласно отмеченной нами ранее тенденции к ужесточению наказания, тюремное заключение, в отличие от судебного, по частоте установления уступает смертной казни, которое предусмотрено в более шестидесяти статьях уложения. Другое различие, демонстрирующее последовательно-поступательный ход развития российского права, заключается в том, тюремное заключение в Соборном уложении в абсолютном большинстве случаев имеет конкретные сроки, причем фиксированные, то есть без рамок «от» и «до». Вместе с тем, как и в Судебнике, сохраняются нормы с неопределенными сроками. Сроки тюремного заключения в Соборном уложении представлены в следующем виде: на 3 дня, на 4 дня (гл. X, ст. 31); на 1 неделю (гл. III, ст. 7; гл. X, ст. 20, 105, 139, 231); на 2 недели (гл. III, ст. 1; гл. X, ст. 92; гл. XXV, ст. 3); – на 1 месяц (гл. I, ст. 57; гл. III, ст. 2; гл. X, ст. 31, 141; гл. XXII, ст. 11, 12; гл. XXV, ст. 3); на 6 недель (гл. III, ст. 2); на 3 месяца (гл. X, ст. 135, 142; гл. XXII, ст. 17); на полгода (гл. III, ст. 135, 142; гл. X, ст. 251, 252; гл. XXV, ст. 3); на 1 год (гл. XI, ст. 27; гл. XXII, ст. 3); на 2 года (гл. XXI, ст. 9, 11); на 3 года (гл. XXI, ст. 16); на 4 года (гл. XXI, ст. 10, 11).

Неопределенные сроки лишения свободы в Соборном уложении выражаются в трех вариантах, которые встречались и в Судебнике 1550 г. В одних нормах уложения говорится о тюремном заключении «до государеву указу» или «насколько государь укажет» (гл. I, ст. 9; гл. X, ст. 8, 9, 148, 186–188, 251, 252; гл. XXI, ст. 42–

44, 71, 86 и др.). Согласно другим нормам, преступник находился в тюрьме до тех пор, пока не будет найдено поручительство за него – «покамест он поруки себе сберет» (гл. X, ст. 202; гл. XXI, ст. 38 и др.). Наконец, в третьем варианте после фразы «вкинуть в тюрьму» (и аналогичных ей) вообще не дается какого-либо пояснения. Последний случай требует более подробного рассмотрения. По мнению Н. Д. Сергеевского, такая форма неопределенного тюремного заключения представляет собой не что иное, как пожизненное заключение. Этот автор приводит следующие доводы. Из смысла ст. 28 гл. XXI Уложения и из ее сопоставления с другими статьями ясно следует, что лицо, которого «поимают в разбое», но которое с двух пыток не сознается, а в «обыску» (то есть при расследовании) многие люди про него скажут, что знают его «разбоем и иными лихими делы», подлежит заключению в тюрьму «по смерть», поскольку такой обвиняемый не может подлежать ординарному наказанию за разбой по ст. 16, 17 гл. XXI; как «облихованный на обыске», он не мог быть отдан на поруки – следовательно, отмечает Н. Д. Сергеевский, он должен был остаться в тюрьме до смерти [8, с. 82]. Действительно, если сопоставить нормы, касающиеся степени наказания за «разбой и иные лихие дела» в Уложении и Судебнике, то логический вывод напрашивается один: в Уложении имеется в виду пожизненное лишение свободы; однако однозначной текстовой формулировки, как в Судебнике, в Уложении нет. Поэтому вопрос о наличии или отсутствии в Соборном уложении пожизненного тюремного заключения остается открытым, учитывая, что в историко-правовой литературе чрезвычайно мало сведений о том, каким образом реализовывались конкретные нормы правовых документов того времени [9].

При этом Соборное уложение закрепляет сложившиеся ранее положение, при котором тюремное заключение сопрягает-

ся с телесными наказаниями, причем последние приобретают новые разновидности и в ряде случаев несколько иной характер (например, битье кнутом, битье батогами, отрезание уха и др. Без телесных наказаний тюремное заключение встречается в немногих случаях (ст. 9 гл. I, ст. 1 гл. III и др.), что вполне соответствует стремлению государства все в большей мере использовать уголовное наказание в целях устрашения. Эта политика Московского государства находит достаточно четкое отражение и в законодательных формулировках Соборного уложения, где нередко после определения наказания добавляется фраза «чтобы на то смотря и иным неповадно было» (с вариациями). Не является исключением и тюремное заключение. В некоторых статьях наряду с болезненным телесным наказанием (битье кнутом) уложение предусматривает изувечивание (ст. 11, 12 гл. XXII и др.), что также вписывается в тенденцию усиления устрашения путем ужесточения уголовных кар. Кроме того, в некоторых нормах к телесным наказаниям и тюремному заключению уложение присоединяет и имущественные взыскания (ст. 3, 6 гл. XXV и др.). Деяния, за которые по Соборному уложению могло быть назначено тюремное заключение, весьма разнообразны и охватывают многие сферы общественных отношений. Это нанесение телесных повреждений и оскорбления, связанные с отправлением религиозных обрядов (ст. 5, 7 гл. I); то же плюс ношение оружия и кража, совершенные на «государеве дворе» (ст. 1, 2, 7, 9 гл. III); взяточничество, ложное обвинение должностных лиц (ст. 8, 9 гл. X); угроза убийством (ст. 135 гл. X); оскорбление судьи (ст. 105 гл. X); мошенничество (ст. 186 гл. X); кража (ст. 10, 11 гл. XXI); разбой (ст. 16, 17 гл. XXI); нанесение побоев (ст. 11 гл. XXII); нарушение правил торговли (ст. 2, 3, 6 гл. XXV) и т.д.

Следует отметить далее, что в Соборном уложении впервые в российском пра-

ве предусматривается наказание в виде ссылки – наказание, которое, постепенно развиваясь, на несколько грядущих веков станет характерным для уголовной политики России. Включение ссылки как меры наказания в нормативный акт свидетельствует о том, что она на практике уже применялась, и, как видно из литературы, очень давно, хотя, видимо, и нечасто. Так, историк Д. И. Альшиц указывает, что еще в 1539 г. Иван Грозный посылал в ссылку неугодных ему лиц [10, с. 87], на конец XVI в. начало использования ссылки указывает И. И. Карпец [11, с. 112]. В Уложении ссылка закреплена в одиннадцати статьях (ст. 128, 198 гл. X; ст. 13 гл. XIX; ст. 9, 10, 12, 13, 14, 16 гл. XXI; ст. 3, 10 гл. XXV) и пока она еще не соединена с тюремным заключением – это произойдет позже. Согласно ст. 129 гл. X полагалось «сослать в украинные города в службу» подъячих, которые во второй раз будут уличены в корысти за счет того, что «не запишут в книгу судного дела». Ссылке «куда государь укажет» по ст. 198 гл. X подлежали те, кто, будучи соучастником, «приезжал к кому-нибудь на двор насильством, скопом и заговором, умысля воровать, и учинят над тем, к кому приедут или над его женой, или над детьми, или над людьми смертное убийство» [4] (непосредственного «учинителя убийства» должно было «казнить смертной казнью»). Ссылка в Сибирь на жительство на Лёну (это единственный случай, когда в уложении указывается конкретное место ссылки) полагалось «московским и городским посадским людям», если они «учнут за кого закладываться и называться чьими крестьяны, или людьми» (ст. 13 гл. XIX). В соответствии со ст. 9–11, 16 гл. XXI ссылались воры, мошенники и разбойники – после отбытия срочного тюремного заключения. Ссылкой наказывались также виновные в «корчемных» и «табачных» делах (ст. 3, 16 гл. XXV). Наказание ссылкой предварительно сопровождалось, как правило, телесными наказаниями – битьем

кнутом, а в последнем случае, кроме того, вырыванием ноздрей и урезанием носа.

Следует отметить также еще одно чрезвычайно важное положение, закрепленное в Соборном уложении 1649 года. Речь идет о норме, предусматривающей принудительные работы (ст. 9 гл. XXI). Причем преступники посылались на работы в «кайдалах». Согласно этой же норме, после тюремного заключения преступники ссылались в «украинные города, где государь укажет». Здесь речь пока не идет о каторге – таковая появится позже. Здесь важно подчеркнуть, что уже с середины XVII в. в государственной уголовной политике начинают проглядываться фискальные цели, преследующие эксплуатацию труда заключенных преступников для своих нужд. Указанная норма является прообразом будущего наказания в виде ссылки в каторжные работы, а тогда в качестве цели ссылки у государство было стремление обустроить окраинные места, укрепить приграничные полосы, то есть, преобладала цель собственно наказания: преступника ссылают не потому, что он нужен для колонизации земель, а потому, что совершил преступление и должен быть наказан. Это явствует, прежде сего, из духа правовых документов того времени. В дальнейшем, при Петре I, формула видоизменяется: преступника ссылают в первую очередь потому, что он нужен для решения государственных задач, и в связи с совершением им преступления, за что он должен быть наказан; эта формула окажется в России фактически действующей, хотя и в различных формах, на многие годы.

Специальных норм Общей части уголовного права Соборное уложение не содержало, однако из ряда статей усматривается выделение некоторых уголовно-правовых институтов, в частности, уложение упоминает о вменяемости, отличает вину умышленную и неосторожную, совершение преступления в соучастии, смягчающие и отягчающие обстоятельства. Всё это показывает, что Соборное уложение сделало большой шаг вперед в

развитии отечественного уголовного законодательства.

Библиографический список

1. Русская правда. Пространная редакция // Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1984. С. 64–80.
2. Судебник 1497 года // Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1985. С. 54–62.
3. Судебник 1550 года // Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1985. С. 97–129.
4. Соборное уложение от 29.01.1649 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. № 1.
5. Романников О. Д., Сергеев С. К., Гребенкина А. А., Колесникова О. В. Эволюция российской государственности доромановского периода: от раннефеодальной сеньориальной монархии к абсолютной монархии этатистского типа // Творчество и современность. 2023. № 2. С. 112–118.
6. Золотухина Н. М., Власова Т. В. Проблемы определения формы правления России XI – начала XVII вв. в современной историографии // Вестник СПб. ун-та МВД России. 2023. № 3. С. 37–47.
7. Белова Т. А., Брицкая А. Л., Козлова А. А., Лобова Т. Г., Свирина О. А. Традиции российского самодержавия // Преподаватель XXI век. 2022. № 3. С. 286–295.
8. Сергеевский Н. Д. Наказание в русском праве XVII века. СПб., 1887. 290 с.
9. Упоров И. В. Первое законодательное закрепление тюремного заключения как наказания в русском праве // Государство и права. 1998. № 9.
10. Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России: Государство Ивана Грозного. Л., 1988.
11. Карпец И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973.

© Упоров И. В., 2025

УДК 658.3

РОЛЬ МОТИВАЦИИ В УПРАВЛЕНИИ ПЕРСОНАЛОМ ОРГАНИЗАЦИИ

EDN PTQPLA

С. Х. Атангулова
Д. Р. Шафикова
Е. В. Терелецкова

*Студенты, e-mail: atangulovasumbul@gmail.com,
e-mail: shaficova@inbox.ru*

*Кандидат социологических наук,
e-mail: tereletskova@mail.ru,*

*Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*

THE ROLE OF MOTIVATION IN THE ORGANIZATION'S PERSONNEL MANAGEMENT

S. H. Atangulova
D. R. Shaficova
E. V. Tereletskova

*Students,
Candidate of Sociological Sciences,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. The article is devoted to the concept of motivation and its role in personnel management. The key theories of motivation, their practical application in Russian organizations, as well as topical issues related to employee motivation are discussed. The author suggests an integrated approach to creating an effective motivation system that includes both tangible and intangible incentives, which leads to a significant increase in labor productivity and a decrease in staff turnover. Practical examples illustrate the impact of motivation on achieving company goals. The article provides recommendations for optimizing motivation systems in the modern economy.

Keywords: motivation; personnel management; theory of motivation; motivation systems; labor productivity; staff turnover; intangible incentives.

Мотивация является одним из ключевых факторов, влияющих на эффективность работы сотрудников и достижение целей организации. Она играет важную роль в обеспечении продуктивности труда, в повышении заинтересованности сотрудников и их вовлеченности в работу. Однако, несмотря на важность мотивации, многие компании продолжают сталкиваться с проблемой низкой производительности и высокой текучести кадров. Почему так происходит, несмотря на множество теорий мотивации и систем вознаграждений, которые активно используются в организациях? Ответ на этот вопрос лежит в комплексности подхода к мотивации и в понимании того, что мотивация – это не просто набор методов, а целая система,

которая должна быть гибкой и адаптированной к текущим условиям.

В основе эффективного управления персоналом лежит грамотная система мотивации. Однако сегодня многие организации в России сталкиваются с проблемой недостаточной разработки таких систем, что приводит к разочарованию сотрудников и снижению их производительности. Например, на предприятии АО «Гросстек» не было системы признания и поощрения, что привело к низкой удовлетворённости работников и их невысокой мотивации. В результате за год производительность труда снизилась на 15 %, а прибыль компании на 10 % [12].

По результатам исследования от зарубежных коллег, более 80 % сотрудников не заинтересованы в работе, объясняя от-

сутствие мотивации недостатком заработной платы, почти и у половины отечественных сотрудников снижается производительность при низком уровне мотивации [2]. В ТОП-5 мотивационных фак-

торов в 2024 году у россиян вошли: получение результата, осведомленность, сопричастность, профессионализм и деньги. Факторы мотивации по результатам опроса представлены на рисунке 1.

Рис. 1. Факторы мотивации сотрудников за 2024 г.

На первый план выходит важность результата работы, наличие уверенности в том, что работа будет объективно оценена [11].

В традиционном подходе мотивации акцент часто делается на материальные стимулы — повышение заработной платы, премии и бонусы. Эти меры кажутся достаточно эффективными на первый взгляд, но они не могут гарантировать долгосрочных результатов, если они не подкрепляются нематериальными факторами, такими как признание, карьерный рост, участие в важных для компании проектах.

Например, в таких отраслях, как банковская сфера или информационные тех-

нологии, сотрудники в значительной степени ориентированы на возможность роста в карьере и участие в развитии ключевых бизнес-инициатив, а также на признание их личных достижений. Успешная мотивация возможна только при внедрении гибкой системы вознаграждений, которая сочетает в себе как материальные, так и нематериальные стимулы. Проблема заключается в том, что не все компании осознают важность интеграции нематериальных факторов в мотивационную систему, и продолжают опираться исключительно на традиционные денежные стимулы [6].

Проблема недооценки внутренней мотивации работников часто приводит к снижению их вовлеченности в работу. В

современных условиях организации нуждаются в более тщательном подходе к мотивации, который учитывает разнообразие потребностей сотрудников. Если сотрудники не ощущают своей ценности в компании и не видят перспектив для личного и карьерного роста, это неизбежно приводит к снижению их мотивации и ухудшению результатов работы [4].

Для того чтобы эффективно управлять персоналом, необходимо не только понимать основные теории мотивации, но и уметь адаптировать их к условиям реальной практики. Теория потребностей Маслоу, которая делит потребности человека на несколько уровней, от базовых (физиологических) до более высоких (потребностей в самореализации), является одним из самых известных подходов к мотивации. Этот подход демонстрирует, что для того, чтобы люди могли полностью реализовать свой потенциал на работе, необходимо удовлетворить их более базовые потребности – такие, как стабильная работа, приемлемая заработная плата, безопасность. Но важно понимать, что теории мотивации не всегда могут быть перенесены в реальную практику без учета изменений в социальной и экономической обстановке, а также без учета специфики бизнеса [13]. Важно отметить, что «профессиональное поведение сотрудников и результативность деятельности самой организации напрямую зависит от качества выбранной стратегии мотивации» [15, с. 183].

В российской практике наблюдается тенденция к увеличению доли нематериальной мотивации как вида стимулирования, при котором компании, ориентированные на высокие результаты, начинают осознавать важность включения нематериальных факторов в мотивацию. Важность создания системы, в которой помимо денежного вознаграждения учитываются карьерные перспективы, возможности для профессионального роста, а также важность признания личных достижений сотрудников. Классический подход, когда ставка делается исключительно на зара-

ботную плату и премии, становится всё менее эффективным в условиях динамично развивающегося рынка труда, где сотрудники ищут не только материальную стабильность, но и возможности для реализации своих амбиций [6].

К примеру, агентство RIS Group после внедрения программы заботы с тематическими днями для сотрудников, розыгрышами призов и бонусами, которые можно было потратить на разные услуги, к апрелю 2024 года индекс лояльности вырос почти в 2 раза – до 61 %. А в Альфа-лизинге сотрудники могут выбрать, на что потратить компенсационные выплаты: на путешествия, на тренировки и т.п. Карьерные перспективы как фактор мотивации реализуются в Сбербанке, Яндекс, Тинькофф, VK, ПАО «МТС», здесь составляются ежеквартальные рейтинги сотрудников, проводится ежегодный конкурс лидера, программы развития молодых сотрудников, система обучения, карьерные привилегии и пр. [9]. Все это говорит о том, что «если руководитель знает своих людей, то мотивационная система будет чрезвычайно эффективной, а значит, повысится социально-экономическая эффективность производства» [5, с. 93].

Существующие теории мотивации, такие как теория мотивации Герцберга, которая разделяет факторы, приводящие к удовлетворению и неудовлетворению, помогают более точно настроить систему мотивации в организации. Примером применения таких теорий в российских компаниях является внедрение гибких схем вознаграждений, которые включают как материальные стимулы (бонусы, премии), так и нематериальные (поощрения, признание, участие в стратегических проектах). Применение этих теорий в реальной практике требует внимательного подхода к конкретной ситуации и особенностям организации. Важно не просто следовать теориям, а интегрировать их в существующую систему управления и адаптировать к текущим экономическим и социальным условиям [4].

В числе нематериальных способов стимулирования в компаниях можно отметить консультации с психологом, внедрение гибридного формата работы (например, в Авито), игровые зоны (IT-парки, Иннополис, Google и пр.), организация мини-соревнований или игр в обеденный перерыв (квизы, тимбилдинги, «Чистые игры» НСПК, кибертурнир Мегафона и т.п.) [3].

Создание традиций и корпоративных мероприятий, которые объединяют сотрудников и повышают их мотивацию.

Для того, чтобы система мотивации стала действенным инструментом повышения производительности труда, необходимо, прежде всего, устранить одно из главных заблуждений, которое существует в отношении мотивации – что она ограничивается исключительно финансовыми стимулами. На самом деле, наиболее эффективными являются комплексные системы мотивации, которые сочетают в себе как материальные, так и нематериальные стимулы. Важно, чтобы мотивация работников была основана на их внутренней потребности в реализации своих целей и задач в рамках деятельности организации.

Мотивация является важнейшим инструментом управления производственными компаниями и необходимым условием повышения их производительности. Наиболее эффективным считается использование комбинации нескольких методов мотивации: экономических, психологических, а особую роль играет и дисциплина и целеполагание. На предприятиях необходимо создание комплексной системы мотивации, учитывающей как материальные, так и нематериальные стимулы для повышения эффективности работы персонала [14].

Успешная мотивация невозможна без установления четкой связи между личными целями сотрудника и целями компании. Чтобы добиться высокой производительности труда, необходимо предоставить сотрудникам возможность для про-

фессионального роста, предложить им участие в интересных проектах и обеспечить систему поощрений, которая учитывает не только количественные результаты, но и качественные. Важно помнить, что система мотивации должна быть гибкой и адаптироваться к изменениям внешней и внутренней среды организации [10].

Одним из эффективных методов мотивации, помимо традиционных премий и бонусов, является использование систем карьерного роста, обучение, участие в принятии решений. Внутренние и внешние стимулы, направленные на карьерное развитие сотрудников, являются мощными инструментами повышения их заинтересованности и вовлеченности в рабочие процессы. Важно, чтобы сотрудники ощущали, что их труд ценится и что они могут рассчитывать на развитие в компании [1].

Ученые выделяют в компаниях три вида карьерных сценариев: «карьерное лидерство», «карьерное аутсайдерство» и «карьерный челлендж» [8]. В основном, на предприятиях принято вводить поэтапное развитие карьеры в вертикальном или горизонтальном направлении, сначала стажировка, потом прием на работу, переводы на другие позиции или в другие подразделения или «джун, мидл, сеньор, тимлид». В «Сибуре» разработана специальная программа, которая направлена на адаптацию сотрудников, их обучение, корпоративное вовлечение и развитие приоритетных навыков, в «Норильском никеле» для отбора кандидатов в кадровый резерв используется корпоративная модель компетенций [7].

Применение методов немонетарного стимулирования, таких как признание успехов сотрудников, возможности для карьерного роста и участие в управленческих процессах, позволяет создать в организации атмосферу, способствующую долгосрочному успеху, а также значительно повысить производительность труда и снизить текучесть кадров [1].

Таким образом, для успешной реализации системы мотивации в любой компании необходимо учитывать не только финансовые аспекты, но и психологические факторы, связанные с признанием, карьерным ростом и личностной реализацией сотрудников. Важно выстроить систему так, чтобы каждый работник ощущал свою ценность для организации и понимал, что его усилия могут привести к реальным результатам как для себя, так и для всей компании. Только в таком случае мотивация будет действительно способствовать улучшению производительности и снижению текучести кадров.

Библиографический список

1. Аллагулов, Р. Х. «Разработка механизмов мотивации и системы стимулирования персонала» / Р. Х. Аллагулов, Е. А. Динисламова // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 104-5. – С. 24–27. – DOI 10.18411/trnio-12-2024-245.
2. Голиков А. Исследование / А. Голиков // Афиша.дейли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://daily.afisha.ru/news/95669-issledovanie-pochti-80-sotrudnikov-ne-vovlecheny-v-rabotu-iz-za-nizkih-zarplat/>
3. Еркович, В. Экоквест, кибертурнир и синхронный корпоратив в разных городах: необычные форматы тимбилдинга / НН.RU // В. Еркович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hh.ru/article/31115>
4. Заруба, Л. А. Особенности системы мотивации персонала: теоретический аспект / Л. А. Заруба, З. М. Хашева, С. А. Ш. Довтаев // Вестник Академии знаний. – 2023. – № 5(58). – С. 462–467.
5. Загирова, М. А. Мотивация персонала в современной организации / М. А. Загирова, Е. В. Терелецкова // People-management в условиях цифровой трансформации экономики : Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 09 июня 2020 года / Отв. редактор А. Ш. Галимова. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2020. – С. 88–93.
6. Камбарова, Ж. У. Мотивация как инструмент управления / Ж. У. Камбарова // Ежеквартальный научно-информационный журнал «Экономический вестник». – 2023. – № 3, 4. – С. 37–42.
7. Карьерные гонки по трекам: РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://plus.rbc.ru/news/5e9703cf7a8aa931e3e206d2>
8. Кудрявцева, Е. И. Организационные карьерные сценарии для талантливых работников / Е. И. Кудрявцева // Российский журнал менеджмента. 2018. № 16 (2). С. 205–230.
9. Мальцева, А. Программы мотивации меняются в ответ на кадровый голод / А. Мальцева // Ведомости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/ideas/management/articles/2024/06/26/1046418-programmi-motivatsii-menayutsya-v-otvet-na-kadrovii-golod>
10. Мотивация как фактор эффективного управления в условиях рынка / Г. К. Алемсегова, П. М. Шейхова, Д. Г. Имашова, Д. Г. Валиева // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2024. – № 4(162). – С. 299–308. – DOI 10.26726/1812-7096-2024-4-299-308.
11. Мотивация представителей разных поколений: отличительные особенности и черты. Исследование Detech Москва, 2024. – 32 с.
12. Нагорнов Д. С. Мотивация труда персонала в системе экономической безопасности / Д. С. Нагорнов // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Том 13. № 5А. С. 593–602. DOI: 10.34670/AR.2023.88.60.081
13. Старков, Е. А. Характеристика и взаимосвязь основных теорий мотивации / Е. А. Старков, Т. В. Коротаева // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2023. – № 1(77). – С. 560–564.
14. Терелецкова, Е. В. Управление системой мотивации персонала производственного предприятия / Е. В. Терелецкова, А. С. Порошин // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 12-3. С. 134–137. DOI10.24411/2411-0450-2020-11143
15. Терелецкова, Е. В. Мотивация и стимулирование в организациях: ключевые аспекты и эффективные подходы / Е. В. Терелецкова, Е. Е. Терелецкова // Актуальные вопросы развития национальной экономики: Материалы III Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, Пермь, 31 мая 2024 года. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2024. – С. 182–190.

© Атангулова С. Х., Шафикова Д. Р., Терелецкова Е. В., 2025

УДК 336.66

МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕКЛАМЫ: ОТ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДО ЦИФРОВЫХ СТРАТЕГИЙ

EDN QBEHNSK

У. А. Барлыбаев
А. Р. Шафиков

*Кандидат экономических наук, доцент,
e-mail: ural_barlybaev@list.ru,
студент, e-mail: Shafikovaidar733@gmail.com,
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*

METHODS FOR EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF ADVERTISING: FROM QUANTITATIVE INDICATORS TO DIGITAL STRATEGIES

U. A. Barlybaev
A. R. Shafikov

*Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Student,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. The article discusses modern methods for evaluating the effectiveness of advertising activities, including quantitative and qualitative approaches. Special attention is paid to online advertising and the integration of digital technologies into the marketing strategy. The importance of an integrated approach combining analytical methods and innovative tools to increase the competitiveness of the organization is noted.

Keywords: advertising; effectiveness; online advertising; marketing; evaluation; strategy; digital technologies.

Рекламная деятельность представляет собой важнейший элемент маркетинговой стратегии организации. Целью рекламной коммуникации является формирование устойчивого спроса, повышение уровня узнаваемости бренда, а также стимулирование продаж. В современных условиях развития рынка, характеризующегося высокой насыщенностью и значительным уровнем конкуренции, эффективность рекламных мероприятий приобретает особое значение. Это обуславливает необходимость разработки и применения научно обоснованных методов оценки эффективности рекламной деятельности [4, с. 56].

В научной литературе методы оценки эффективности рекламной деятельности традиционно подразделяются на количественные и качественные.

К числу количественных методов относятся:

- Расчет рентабельности рекламы, который позволяет определить эффектив-

ность использования финансовых ресурсов в рекламной деятельности.

- Оценка экономического эффекта рекламы, представляющая собой соотношение прироста прибыли, полученной за счет увеличения товарооборота, к расходам на проведение рекламной кампании.
- Расчет дополнительного товарооборота, измеряющий прирост объема продаж в стоимостном выражении, обусловленный рекламной активностью.
- Метод целевых альтернатив, предусматривающий сравнение плановых и фактических показателей рекламной кампании с целью оценки достигнутых результатов [5, с. 123].

Качественные методы направлены на изучение коммуникативной эффективности рекламы. Среди них выделяют:

- Метод наблюдения, предполагающий систематическую фиксацию поведения потребителей в условиях их обычной среды обитания, что

позволяет выявить особенности восприятия рекламных сообщений.

- Метод фокус-групп, основанный на проведении обсуждений в малых группах представителей целевой аудитории для выявления мнений и оценок рекламного воздействия.
- Метод глубинного интервью, позволяющий получить развернутую информацию о мотивации и восприятии рекламы посредством ин-

дивидуального общения с представителями целевой аудитории.

- Панельный метод, основанный на проведении многократных опросов одной и той же выборки респондентов для отслеживания динамики восприятия рекламы [3, с. 34].

Методы оценки рекламной деятельности целесообразно выбирать с учетом этапа реализации рекламной кампании. В таблице 1 представлена классификация методов оценки эффективности рекламы по этапам кампании.

Таблица 1

Методы оценки коммуникативной эффективности рекламной кампании в зависимости от этапа

Этап кампании	Методы оценки	Содержание
Подготовительный	Прогностическая оценка	Тестирование рекламных сообщений, анализ каналов распространения, пилотное тестирование
Реализация	Мониторинг параметров	Оценка коммуникативных эффектов, контроль за каналами распространения
Завершение	Итоговый анализ	Сопоставление фактических результатов с запланированными целями рекламной кампании

**Выполнено автором самостоятельно*

Современный этап развития рекламной индустрии характеризуется активным внедрением цифровых технологий. Одним из наиболее эффективных инструментов повышения результативности рекламной деятельности является интернет-реклама, включающая:

- размещение рекламных сообщений на сайтах и в социальных сетях;
- продвижение продукции через мобильные приложения и мессенджеры;
- нативную рекламу и развитие интернет-магазинов.

Преимущества интернет-рекламы заключаются в:

- относительно низких затратах по сравнению с традиционными каналами продвижения;
- возможности точного таргетирования аудитории;
- оперативности обновления рекламного контента;
- значительном расширении охвата целевой аудитории [1, с. 346].

Несмотря на высокую эффективность интернет-рекламы, необходимо учитывать расходы на создание и поддержку корпоративного сайта, ведение блогов, производство качественного контента, а также

оплату размещения рекламы на сторонних интернет-ресурсах.

Подводя итог, эффективность рекламной деятельности организации определяется не только экономическими показателями, такими как рентабельность и экономический эффект, но и качественными характеристиками, отражающими восприятие рекламных сообщений целевой аудиторией. Комплексное использование количественных и качественных методов позволяет сформировать более полное представление об эффективности рекламной кампании и выявить ключевые факторы, влияющие на достижение маркетинговых целей.

Современные тенденции в развитии рекламной индустрии демонстрируют значительный сдвиг в сторону цифровых каналов коммуникации. Интернет-реклама становится одним из наиболее перспективных инструментов повышения эффективности рекламной деятельности благодаря своим многочисленным преимуществам: широкому охвату аудитории, возможности точного таргетирования, низким издержкам и оперативности распространения информации. Однако для достижения максимального эффекта от использования интернет-рекламы организациям необходимо не только инвестировать в цифровые технологии, но и разрабатывать комплексные стратегии, включающие анализ потребностей целевой аудитории, креативные подходы к созданию контента и систематическую оценку полученных результатов [2, с. 78].

Эффективное планирование рекламной деятельности должно основываться на принципах интегрированного маркетингового подхода, предусматривающего

синергию различных рекламных инструментов, их согласованность и адаптацию к изменениям рыночной среды. Руководству компании следует обеспечить четкое взаимодействие всех элементов рекламной кампании – от стратегического планирования до реализации и анализа результатов. Такой подход позволит не только повысить отдачу от вложенных средств, но и укрепить позиции организации на рынке, обеспечить рост узнаваемости бренда и лояльности потребителей.

Таким образом, можно сделать вывод, что успешная рекламная деятельность является результатом комплексного подхода, объединяющего научно обоснованные методы оценки, инновационные технологии и стратегическое планирование. В современных условиях цифровизации и глобализации именно интеграция теоретических основ и практических решений позволит организациям достичь устойчивого конкурентного преимущества и обеспечить долгосрочный успех на рынке.

Библиографический список

1. Андросова Л. А., Овчиникова Е. С. Проблема оценки эффективности рекламы // *Universum: экономика и юриспруденция*. – 2018. – № 6 (51).
2. Антипов К. В. Основы рекламы. – 3-е изд. – М.: Дашков и К, 2020. – 328 с.
3. Девочкина Е. Ф. Методы определения эффективности рекламы // *Актуальные вопросы экономических наук*. – 2012. – № 25-1.
4. Новосельский С. О., Мозговая Ю. С. Методы оценки эффективности рекламных кампаний организации // *Политика, экономика и инновации*. – 2015. – № 2.
5. Оболенева А. А. Оценка эффективности рекламной деятельности экономического субъекта // *Таврический научный обозреватель*. – 2016. – № 3 (8).

© Барлыбаев У. А., Шафиков А. Р., 2025

УДК 336.66

РЕКЛАМА КАК КЛЮЧЕВОЙ ИНСТРУМЕНТ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

EDN QCGBHP

У. А. Барлыбаев

А. Р. Шафиков

Кандидат экономических наук, доцент,

e-mail: ural_barlybaev@list.ru,

студент, e-mail: Shafikovaidar733@gmail.com,

Уфимский университет науки и технологий,

г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия

ADVERTISING AS A KEY TOOL OF MARKETING COMMUNICATIONS

U. A. Barlybaev

A. R. Shafikov

Candidate of Economic Sciences,

Associate Professor,

Student,

Ufa University of Science and Technology,

Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia

Abstract. Advertising is an essential element of the marketing communications system, playing a key role in economic development and shaping public consciousness. The article examines the essence and functions of advertising activity, its importance for increasing the competitiveness of enterprises and market development.

Keywords: advertising; advertising activities; marketing communications; competitiveness; digitalization; advertising functions; advertising strategies; emotional impact.

Реклама является неотъемлемой частью современной экономики и представляет собой мощный инструмент маркетинговых коммуникаций. Она обеспечивает взаимодействие между производителем и потребителем, создавая информационный поток, способствующий продвижению товаров и услуг на рынке. Согласно Федеральному закону Российской Федерации «О рекламе» № 38-ФЗ, реклама определяется как информация, распространяемая любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределённому кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке.

Рекламная деятельность — это совокупность процессов, связанных с созданием, производством, распространением и оценкой эффективности рекламных материалов. Она включает не только создание креативных рекламных сообщений, но и разработку комплексных стратегий, организацию каналов распространения, анализ

целевой аудитории, а также мониторинг конкурентной среды. В современных условиях цифровизации и глобализации рекламная деятельность становится всё более сложной и многогранной, включая использование новейших технологий, таких как нейросети, большие данные, таргетинг, контент-маркетинг и автоматизация рекламных кампаний [6, с. 67].

Сущность рекламной деятельности заключается в формировании осведомлённости, интереса и потребности у целевой аудитории к товарам, услугам, брендам, компаниям и идеям. Реклама выполняет коммуникативную функцию, обеспечивая эффективный обмен информацией между производителем и потребителем. Она способствует не только информированию, но и созданию положительного имиджа бренда, формированию лояльности, а также стимулированию спроса на продукцию или услуги.

По мнению Ф. Котлера, реклама — это любая платная форма неличного представления и продвижения идей, товаров или услуг от имени известного заказчика.

В. Е. Хрусталева определяет рекламную деятельность как систему коммуникации между продавцом и покупателем, направленную на создание спроса, поддержку имиджа и продвижение товаров и услуг. Эти определения подчёркивают важность системного подхода и взаимосвязи между элементами маркетинга и рекламной стратегии [4, с. 76].

Основной функцией рекламной деятельности выступает экономическая, которая сводится к получению прибыли от реализации продукции или услуг. Для достижения этой цели необходимо создать осведомлённость о продукте, сформировать потребность в нём и побудить потребителя к совершению покупки. При этом важную роль играет использование разнообразных каналов коммуникации, включая цифровые платформы, социальные сети, поисковый маркетинг, видеоконтент, мероприятия и промоакции [5, с. 78].

Продвижение товара является частью маркетинга, соответственно, ключевым элементом успеха становится грамотное и эффективное планирование рекламной кампании. Одна из важнейших задач маркетинга – это удовлетворение потребностей потребителя в товаре или услуге, а рекламная деятельность обеспечивает реализацию этой задачи, создавая привлекательные предложения для целевой аудитории.

Социальная функция рекламы проявляется в формировании общественного мнения, установлении новых социальных норм и моделей потребления. Реклама способствует трансформации ценностных ориентаций, формированию предпочтений, а также интеграции новых технологий и продуктов в повседневную жизнь. В условиях дифференциации общества реклама ориентирована не на массового потребителя, а на определённые целевые сегменты, что повышает её эффективность и позволяет более точно удовлетворять потребности аудитории. Кроме того, реклама способствует усилению конкуренции на рынке, что стимулирует произ-

водителей улучшать качество продукции и снижать цены.

Реклама представляет собой форму массовой коммуникации, обеспечивая обмен информацией между компаниями и конечными потребителями. Посредством рекламных сообщений компании формируют уникальные образы товаров и брендов, создают эмоциональные связи с аудиторией и стимулируют спрос. Коммуникационная функция рекламы позволяет налаживать долгосрочные отношения с клиентами, формировать доверие и узнаваемость бренда [3, с. 23].

Реклама выполняет и познавательную функцию: она информирует о новых продуктах, услугах, технологиях и тенденциях, помогает ориентироваться в многообразии рыночных предложений. Благодаря этому реклама становится важным источником знаний, а также формирует вкусы, эстетические предпочтения и модные тенденции. Эмоциональная составляющая рекламы влияет на восприятие информации и может вызывать положительные ассоциации, повышая эффективность рекламной кампании.

С развитием технологий рекламная деятельность приобрела новые возможности: появились интерактивные форматы, персонализированные предложения, искусственный интеллект для анализа данных и прогнозирования поведения потребителей. Образовательная функция рекламы заключается в том, чтобы не только представить продукт, но и обучить потенциального потребителя правильному его использованию, познакомить с культурными и социальными аспектами [2, с. 23].

Процесс осуществления рекламной деятельности требует чёткой классификации видов рекламы в зависимости от целей и задач кампании. Среди них выделяют:

- Предварительная реклама, направленная на создание интереса к новому продукту;
- Информационная реклама, раскрывающая свойства и преимущества товара;

- Увещательная реклама, формирующая позитивный образ бренда;
- Стимулирующая реклама, побуждающая к немедленному действию;
- Стабилизирующая реклама, поддерживающая лояльность клиентов.

Разнообразие рекламной деятельности также проявляется в её видах: коммерческой, некоммерческой, товарной, нетоварной и имиджевой. Каждая из этих категорий имеет свои задачи и особенности, которые следует учитывать при разработке стратегии. Например, коммерческая реклама нацелена на получение прибыли, а некоммерческая может использоваться для пропаганды социальных идей и привлечения внимания к важным проблемам общества.

По данным Ассоциации коммуникационных агентств России (АКАР) в 2023 году, объём рынка рекламы в стране достиг 600 млрд рублей, из которых более 60 % приходится на интернет-рекламу. Это отражает современные тенденции развития рынка, где цифровые технологии становятся основой коммуникаций. Согласно исследованиям Nielsen (2021), эмоционально насыщенные рекламные ролики увеличивают запоминаемость бренда на 23 % по сравнению с рациональными. Это подчёркивает необходимость использования креативного подхода, эмоционального воз-

действия и оригинальности в рекламной стратегии [1, с. 23].

Таким образом, рекламная деятельность играет ключевую роль в обеспечении конкурентоспособности предприятий и способствует их экономическому росту. Она формирует информационное пространство, в котором потребители принимают решения, определяет направление развития рынка и оказывает влияние на социальные и культурные процессы. В условиях цифровизации и глобальной конкуренции рекламная деятельность становится не только инструментом маркетинга, но и важнейшей составляющей современного бизнеса, обеспечивающей долгосрочный успех и устойчивое развитие компаний.

Библиографический список

1. Арнс В. Ф., Вейголд М. Ф., Арнс К. Современная реклама: учебник. – Москва: ЭКСМО, 2023;
2. Бердышев С. Н. Рекламный текст. Методика составления и оформления: произв.-практ. изд. – Москва: Дашков и К°, 2023.
3. Бернадская Ю. С. Звук в рекламе: учеб. пособие. – Москва: Юнити, 2024.
4. Ромат Е. В., Сендеров Д. Реклама: теория и практика: учебник. – Санкт-Петербург: Питер, 2023.
5. Феофанов О. А. Реклама: новые технологии в России: учеб. пособие. – Санкт-Петербург: Питер, 2023.
6. Волгина В. П. Передача сведений о рекламе. – Бухгалтерский учёт, 2022, № 9.

© Барлыбаев У. А., Шафилов А. Р., 2025

УДК 336.66

**СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ОПЫТ SETTERS И OGILVY**

EDN QQIYYW

У. А. Барлыбаев**А. Р. Шафиков**

*Кандидат экономических наук, доцент,
e-mail: ural_barlybaev@list.ru,
студент, e-mail: Shafikovaidar733@gmail.com,
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*

**MODERN APPROACHES TO ADVERTISING:
THE EXPERIENCE OF SETTERS AND OGILVY****U. A. Barlybaev****A. R. Shafikov**

*Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Student,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. The article discusses advertising strategies using the example of Setters and Ogilvy. Creative and technological approaches to marketing communications are analyzed, modern trends are identified.

Keywords: advertising; marketing; setters; Ogilvy; digital; innovation.

Современный рынок характеризуется высокой степенью конкуренции, стремительным развитием технологий и возрастающими требованиями к эффективности рекламных коммуникаций. В этих условиях компании вынуждены разрабатывать и реализовывать многоуровневые стратегии маркетинговых коммуникаций, которые учитывают как особенности локального рынка, так и глобальные тенденции развития отрасли.

Изучение отечественного и зарубежного опыта организации рекламной деятельности позволяет не только систематизировать существующие модели, но и выявить наиболее эффективные практики, что, в свою очередь, способствует формированию новых подходов к планированию и реализации рекламных кампаний. Особое значение приобретает использование комплексных маркетинговых стратегий, интегрирующих цифровые технологии, креативные решения и анализ данных, что позволяет повышать эффективность взаимодействия с целевой аудиторией.

В рамках данного раздела анализируется практика рекламной деятельности на примере отечественного агентства Setters и международной компании Ogilvy. Рассмотрены особенности их стратегического подхода к разработке и реализации рекламных кампаний, используемые инструменты маркетинговых коммуникаций, технологии взаимодействия с аудиторией, а также ключевые факторы успеха.

Setters является одной из ведущих компаний на российском рынке маркетинговых коммуникаций. Основанное в 2014 году, агентство за относительно короткий период завоевало признание профессионального сообщества, что стало возможным благодаря разработке и внедрению интегрированных стратегий продвижения, основанных на сочетании креатива, инновационных технологий и глубокого понимания целевой аудитории.

Практическая деятельность агентства иллюстрируется успешной реализацией рекламных кампаний для таких брендов, как Spotify, VK, Puma, KFC, Tele2, Yandex, L'Oréal. Примером может слу-

жить кампания по продвижению Spotify на российском рынке, где была применена стратегия локализации глобального контента с учётом культурных и языковых особенностей, разработка уникального digital-контента, организация PR-мероприятий и привлечение лидеров мнений. Этот проект позволил Spotify не только укрепить свои позиции, но и сформировать устойчивое сообщество пользователей.

Ещё одним значимым проектом является участие Setters в организации фестиваля VK Fest. Агентство разработало визуальную концепцию мероприятия, обеспечило создание контента для социальных сетей, привлекло аудиторию через digital-каналы, а также реализовало масштабные офлайн- и онлайн-активации, что позволило повысить узнаваемость бренда VK и продемонстрировать возможности эффективной интеграции офлайн- и онлайн-коммуникаций.

Ключевыми элементами стратегии агентства являются:

- Акцент на многоканальное продвижение с использованием digital-маркетинга, SMM, инфлюенсер-маркетинга, event-маркетинга и образовательных проектов.
- Применение инновационных технологий, включая AR, VR, интерактивные форматы и геймификацию, которые повышают вовлечённость аудитории и демонстрируют технологическую компетентность агентства.
- Постоянное освещение достижений и кейсов через собственные медиа-каналы и участие в профессиональных премиях, что формирует доверие со стороны потенциальных клиентов.
- Интеграция социальных инициатив, таких как проекты устойчивого развития и культурные мероприятия, что способствует формированию позитивного имиджа бренда.

Ogilvy, основанная в 1948 году Дэвидом Огилви, является одной из старейших и наиболее влиятельных компаний в ми-

ровой индустрии маркетинговых коммуникаций. Агентство, представленное более чем в 80 странах, разрабатывает масштабные стратегические кампании для таких брендов, как Coca-Cola, Dove, IBM, Ford, Unilever, American Express, Guinness, Philips.

Одним из ключевых кейсов является кампания Dove «Real Beauty», которая продемонстрировала силу сторителлинга, эмоциональной вовлечённости и использования реальных образов для формирования новой концепции красоты. Эта стратегия способствовала не только коммерческому успеху, но и значимому общественному резонансу.

Не менее показательна кампания IBM «Smarter Planet», построенная на демонстрации инновационных решений компании, интеграции мультимедийных платформ и использования аналитических инструментов для вовлечения профессиональной аудитории.

Ogilvy применяет комплексный подход к разработке коммуникационных стратегий, включая:

- Использование digital-каналов, SEO, контекстной рекламы, медиапланирования и инфлюенсер-маркетинга для построения многоканальной системы взаимодействия с аудиторией.
- Разработку креативных концепций и сторителлинга для формирования эмоциональной связи с потребителями.
- Применение аналитики и performance-маркетинга для оценки эффективности кампаний и оптимизации стратегий продвижения.
- Внедрение инновационных технологий, включая AR, VR, искусственный интеллект и геймификацию, что позволяет брендам оставаться на передовой индустрии.
- Акцент на образовательные проекты и развитие экспертизы через создание академий и участие в профессиональных форумах.

Сравнительный анализ опыта Setters и Ogilvy позволяет сделать вывод, что

успешная рекламная деятельность невозможна без интеграции креатива, аналитики и инновационных технологий. Setters демонстрирует гибкость и адаптивность, фокусируясь на локальных рынках и потребностях целевой аудитории, активно применяя SMM, инфлюенсер-маркетинг и инновационные digital-форматы. Ogilvy же использует масштабные, многоканальные стратегии, опираясь на big data, медиапланирование, storytelling и технологические инновации, что позволяет компании разрабатывать глобальные кампании с высоким уровнем персонализации.

Таким образом, опыт обеих компаний подтверждает ключевую тенденцию современной рекламной индустрии: только интеграция различных инструментов маркетинга, сочетание креатива и аналитики, использование новых технологий и ориентация на потребности аудитории позволяют достигать устойчивого успеха на рынке. Эти выводы могут быть использованы в качестве теоретической и практической базы для анализа рекламной деятельности в рамках дипломной работы.

Библиографический список

1. Васильева М. М., Жеглова Ю. Г., Юдина Е. Ю., Шаркова И. В. Основы рекламы и связей с общественностью: учебник для вузов, под редакцией М. М. Васильевой. – Москва: Издательство Юрайт, 2025.
2. Поляков В. А., Романов А. А. Разработка и технологии производства рекламного продукта: учебник и практикум для вузов. – Москва: Издательство Юрайт, 2025.
3. Савельева О. О., Трубникова Н. В. Российская история рекламы: учебник для вузов, 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: ИТК Дашков и К, 2025.
4. Секерин В. Д., Измайлова М. А., Матвеев Э. Ю., Матвеева О. З. Рекламная деятельность: учебник, уровень образования: среднее профессиональное образование. – Москва: Издательство НИЦ ИНФРА-М, 2025.
5. Тимохович А. М. Креатив в рекламе (с практикумом), Государственный университет управления, уровень образования: бакалавриат, магистратура, Москва: КноРус, 2025.
6. Гузенко С. С., Кузьмина Л. П. Современные подходы принятия маркетинговых решений в рекламной деятельности, сборник статей V Международной научно-практической конференции. – Пенза: РИО ПГАУ, 2021.
7. SETTERS Agency. Официальный сайт SETTERS Agency [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.setters.agency> (дата обращения: 27.05.2025).
8. Ogilvy. Раздел «Work» на официальном сайте агентства Ogilvy. Дата обращения: 27 мая 2025 г. URL: <https://www.ogilvy.com/work>

© Барлыбаев У. А., Шафигов А. Р., 2025

УДК 331.5

БЮДЖЕТИРОВАНИЕ ЗАТРАТ НА ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВОГО РЕЗЕРВА
EDN QVSMKD

Э. Д. Баязитова
Е. В. Терлецкова

*Студентка,
кандидат социологических наук, доцент,
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*

BUDGETING OF EXPENSES FOR FORMING A STAFF RESERVE

E. D. Bayazitova
E. V. Terletsikova

*Student,
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. The article considers the essence of budgeting of personnel reserve, and also substantiates the importance of budgeting system in the field of personnel management, in particular, the formation of personnel reserve as a competitive advantage of the organization. In addition, the factors affecting the budgeting of the organization's costs for the formation of the personnel reserve are studied.

Keywords: budgeting; personnel reserve; costs; personnel management; personnel planning.

На сегодняшний день «большинство организаций сталкиваются с тем, что найм и высвобождение персонала является не только долгим процессом, но и дорогостоящим. Для решения данной проблемы организациям необходимо разрабатывать мероприятия, применять инструменты, которые могли бы снизить затраты на эти процедуры» [3, с. 95]. Одним из решений данного вопроса является создание кадрового резерва. Отметим, что «текущий уровень расширения теоретической базы и технологий требует формирования современного кадрового обеспечения» [6, с. 58]. Затраты на управление персоналом требуют рационального финансового планирования с целью повышения производительности труда сотрудников и эффективного функционирования всей организации

Цель исследования – рассмотрение необходимости бюджетирования затрат на формирование резерва кадров, а также ряда факторов, которые учитываются при составлении данного бюджета.

Бюджетирование – это основа комплексного финансового планирования, охватывающих все стороны финансово-

хозяйственной деятельности. Применение системы бюджетирования способствует увеличению управленческого потенциала организации, и является одним из ее конкурентных преимуществ.

Поскольку персонал представляет собой важнейший ресурс организации, то одним из направлений существенных расходов предприятия является затраты на кадровую работу, которые в значительной степени влияют на финансовый результат предприятия и на стоимость бизнеса в целом. В связи с этим уделяется активное внимание системе бюджетного управления, в частности финансовому планированию и контролю расходов на формирование кадрового резерва [2].

Формирование кадрового резерва организации – это комплексный процесс целенаправленного профессионального развития специально отобранного персонала, способного в перспективе замещать вышестоящие вакантные должности [4].

Бюджетирование затрат на формирование кадрового резерва происходит параллельно с бюджетированием затрат на обучение и оценку персонала. Тем самым, затраты на формирование кадрового ре-

зерва организации – это издержки организации на мероприятия, позволяющие планировать, отбирать и обучать потенциально способных к руководящей деятельности сотрудников [1].

Выделяют ряд факторов, от которых зависит бюджетирование затрат на формирование резерва кадров:

1. Способы формирования кадрового резерва – традиционный или современный. Традиционный способ наименее затратный и простой, он предполагает подготовку замены на конкретную должность. Современный же способ связан со сложными процедурами выявления потенциала сотрудников и развития его, что влечет за собой дополнительные затраты.
2. Способ мотивации кадрового резерва. Правильно выбранная мотивация снижает риск того, что после вложения финансовых средств в развитие сотрудника, он может покинуть организацию. В соответствии с чем, необходимо учитывать потребности работника, его желания и ценности, что позволит подобрать нужные стимулы для формирования лояльности персонала и эмоциональной привязанности к организации.
3. Время пребывания работника в кадровом резерве. При увеличении сроков подготовки персонала происходит рост затрат организации на создание резерва кадров, что приводит к потере перспектив должностного роста и в результате снижает производительность труда.
4. Методы обучения перспективных работников. Обучение персонала должно строиться в соответствии с их индивидуальным планом карьерного развития. Методами обучения могут быть тренинги, участие в специальных проектах, заграничные стажировки и т.д. Кроме того, следует учитывать, что подход к развитию каждого резервиста должен был комплексным, и работник

должен постоянно чувствовать внимание к процессу своего роста со стороны организации.

5. Категории работников кадрового резерва, которые определяются по результатам оценки персонала. В зависимости от двух параметров – дальнего и ближнего стратегических резервов, строится план работы с сотрудником. Ближний стратегический резерв предполагает меньшее количество затрат, поскольку сотрудник не нуждается в улучшении навыков и уже готов к занятию вакантной должности. Дальний же стратегический резерв нуждается в финансовых расходах на развитие и обучение персонала.

Однако следует учитывать, что формирование кадрового резерва в современных реалиях претерпевает изменения, о чём было отмечено на 20-м коммуникационном форуме Baltic Weekend. В ходе форума было определено, что работа с кадровым резервом во многих компаниях в ближайшее время будет строиться вокруг профессий, которые приносят доход организации и близки к клиентам, поскольку именно отношение между персоналом и потребителями товаров или услуг влияет на эффективность функционирования предприятия. Остальные же должности будут оптимизировать или выводить за штат [5]. Тем самым, сотрудники должны учитывать данный факт и уделять внимание самостоятельному обучению и развитию для того, чтобы оставаться востребованными в организации. Ведь финансовые средства каждого предприятия ограничены, и выделить их на каждого сотрудника не всегда возможно.

Таким образом, бюджетирование затрат на формирование кадрового резерва является одним из направлений расходов на управление персоналом организации. Наличие данной системы на предприятии позволяет увеличивать управленческий потенциал организации, а бюджетирование на формирование кадрового резерва

способствует поддержанию конкурентоспособных человеческих ресурсов соответствующего качества.

Библиографический список

1. Березина Е. С. Кадровый резерв как элемент развития карьеры / Е. С. Березина, С. В. Егорова, О. А. Кобина // Парадигма. – 2017. – № 2. – С. 159–167.
2. Верна В. В. Концептуальные основы бюджетирования расходов на персонал в организации / В. В. Верна, А. А. Якушев // Инновационное развитие экономики. – 2019. – № 4-1 (52). – С. 175–185.
3. Калимуллина, А. Н. Бюджетирование затрат по найму и высвобождению персонала / А. Н. Калимуллина, Я. Р. Гизатуллина, Е. В. Терелецкова // Инновационные доминанты социально-трудовой сферы: экономика и управление : Материалы ежегодной международной научно-практической конференции по проблемам социально-трудовых отношений (21 заседание), Воронеж, 19 мая 2021 года. – Воронеж: Издательство Истоки, 2021. – С. 95–98.
4. Кочетков В. О. Формирование системы кадрового резерва как важнейшее направление реализации кадровой политики организации / В. О. Кочетков, С. А. Ризакулиев // Системные технологии. – 2018. – № 26. – С. 39–43.
5. Удаленка, выгорание и заниженные зарплатные ожидания: посткарантинный рынок труда и коммуникаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vc.ru/hr/159289-udalenka-vygoranie-i-zanizhennye-zarplatnye-ozhidaniya-postkarantinnyy-rynok-truda-i-kommunikaciy> (дата обращения: 05.03.2025).
6. Терелецкова, Е. В. Анализ потребности современной организации транспортной отрасли в обучении персонала / Е. В. Терелецкова, Э. Р. Гилязов // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2025. – № 1(181). – С. 58–64. – DOI 10.34773/EU.2025.1.10.

© Баязитова Э. Д., Терелецкова Е. В., 2025

УДК 330.1

**МАРКЕТИНГОВЫЕ СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ
В СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ:****ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ**

EDN QVWWTX

Р. Р. Галикаева
К. В. Апокина*Студентка, e-mail: ralina.galikaeva@bk.ru,
кандидат социологических наук, доцент,
e-mail: ralina.galikaeva@bk.ru,
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия***MARKETING RISK MANAGEMENT STRATEGIES
IN A MODERN ORGANIZATION: THEORETICAL ASPECTS
AND PRACTICAL RECOMMENDATIONS****R. R. Galikaeva**
K. V. Apokina*Student,
PhD in Sociology, Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. The conducted research examines modern marketing strategies for risk management, presents theoretical approaches and practical tools for reducing risks in an unstable business environment. Based on empirical research, recommendations for optimizing marketing solutions are proposed. The work actualizes the problem of integrating risk management into the marketing activities of organizations.

Keywords: marketing; risk management; strategy; management; organization; analysis; model; risk; tool; practice.

Современный рыночный ландшафт характеризуется высокой степенью неопределённости, вызванной цифровой трансформацией, изменением моделей потребления, усилением конкуренции и глобальными экономическими вызовами. В условиях постоянно меняющейся внешней среды организации сталкиваются с растущим числом рисков, способных негативно повлиять на их маркетинговую деятельность и, как следствие, на финансовую устойчивость в целом. Маркетинговые риски, определяемые как вероятность отклонения фактических результатов от запланированных по причине внешних и внутренних факторов, представляют собой одну из наиболее острых управленческих проблем [1].

Существующие подходы к управлению маркетинговыми рисками можно условно разделить на традиционные и инновационные. К первым относятся методы предиктивного анализа, сценарного пла-

нирования, страхование рисков. Ко вторым – цифровые инструменты мониторинга, big data-аналитика, машинное обучение, применяемые для оперативного реагирования на изменения в поведении потребителей и рыночной конъюнктуре [2; 3].

Несмотря на обилие теоретических разработок, на практике «многие организации испытывают трудности с интеграцией маркетингового риск-менеджмента в общую стратегическую систему управления» [6]. Отсутствие чётких методик оценки рисков, слабая культура предиктивного планирования, недостаточная компетентность персонала в области управления неопределённостью – всё это снижает устойчивость компаний к внешним ударам.

Цель настоящей работы заключается в теоретико-методологическом осмыслении маркетинговых стратегий управления рисками и разработке практических реко-

мендаций по их применению в условиях нестабильной внешней среды. Для достижения поставленной цели необходимо:

- проанализировать теоретические основы маркетингового риск-менеджмента;
- выявить и классифицировать ключевые маркетинговые риски;
- рассмотреть современные стратегические инструменты управления рисками;
- провести эмпирическое исследование на предприятиях различных отраслей;
- сформулировать рекомендации по совершенствованию маркетинговых решений с учётом рисков факторов.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения управляемости маркетинговой деятельности в условиях высокой волатильности и нестабильности внешней среды, а также необходимостью научной обоснованности выбора инструментов управления рисками в маркетинге.

Теоретическая часть исследования базируется на синтезе зарубежных и отечественных научных публикаций последних лет, посвящённых вопросам управления рисками в маркетинге, системного анализа, стратегического управления и цифровой трансформации бизнеса. Особое внимание уделено концепциям риск-ориентированного маркетинга, адаптивного маркетинга, управления рисками на уровне каналов сбыта и коммуникаций [4, 5].

В качестве методологической основы эмпирического исследования использовались следующие методы.

1. Метод экспертных оценок, позволяющий выявить наиболее значимые маркетинговые риски и определить степень их влияния на бизнес-процессы.

2. Метод контент-анализа, применённый для обработки открытых данных и стратегических документов компаний.

3. Метод сравнительного анализа, направленный на оценку эффективности различных стратегий управления рисками.

4. Корреляционный и регрессионный анализ, использованный для выявления

взаимосвязей между применением тех или иных инструментов и уровнем снижения рисков.

5. Метод статистической обработки данных, включающий расчёт средних значений, индексов, коэффициентов и построение диаграмм.

Эмпирическое исследование было проведено в период с января по март 2024 года и охватило 25 компаний из различных секторов экономики: розничной торговли, информационных технологий, производства, образовательных и туристических услуг. Инструментом сбора данных послужил структурированный опросник, включающий вопросы, направленные на выявление типов рисков, используемых стратегий их минимизации, уровня их применимости и оценки эффективности.

Для интерпретации результатов использовались статистические показатели: индекс влияния риска (ИВР), отражающий степень негативного воздействия риска на бизнес-показатели; коэффициент снижения риска (КСР), показывающий эффективность конкретной стратегии в снижении уровня риска; уровень применимости (УП), выражающий долю организаций, использующих данный инструмент.

Результаты исследования позволяют сформулировать ряд обобщающих выводов о структуре и управляемости маркетинговых рисков в современных организациях.

Наибольшее влияние на деятельность компаний оказывают следующие риски:

- изменение потребительских предпочтений (ИВР = 0,78);
- рост ценовой конкуренции (ИВР = 0,72);
- негативное влияние цифровых платформ и алгоритмов (ИВР = 0,68);
- нестабильность валютных курсов (ИВР = 0,60);
- кризисы доверия и репутационные скандалы (ИВР = 0,58).

Для каждого из выявленных рисков организации применяли различные стратегии управления (таблица 1). Наибольшую эффективность продемонстрировали

следующие подходы: диверсификация маркетинговых каналов; применение аналитики данных и предиктивного моделирования; создание системы раннего пре-

дупреждения рисков; гибкое ценообразование; формирование резервных бюджетов на маркетинговые кампании.

Таблица 1

Индексы эффективности маркетинговых стратегий управления рисками (n = 25)

№	Стратегия	Индекс влияния риска	Коэффициент снижения риска	Уровень применяемости (%)
1	Диверсификация каналов продаж	0,78	0,63	84
2	Аналитика данных и предиктивное моделирование	0,70	0,59	76
3	Система раннего предупреждения рисков	0,68	0,55	68
4	Гибкое ценообразование	0,65	0,52	72
5	Создание резервных бюджетов на PR-мероприятия	0,58	0,47	60
6	Регулярный мониторинг конкурентной среды	0,55	0,44	56
7	Обучение сотрудников навыкам управления рисками	0,52	0,41	52
8	Использование CRM-систем для управления взаимодействием	0,50	0,39	48
9	Разработка антикризисных сценариев	0,48	0,37	44
10	Участие в партнёрских программах	0,45	0,35	40

Результаты проведённого исследования подтверждают, что современные организации сталкиваются с комплексом маркетинговых рисков, требующих системного подхода к управлению. Высокие значения индексов влияния рисков (ИВР) свидетельствуют о значительном негативном потенциале таких факторов, как изменение потребительских предпочтений, ценовая конкуренция и цифровая трансформация рынков. Наиболее эффективными стратегиями, по данным исследования, а также других научных анализов, оказались «диверсификация каналов сбы-

та и использование аналитики данных, что соответствует трендам цифровизации бизнеса» [7].

Проведённое исследование позволило выявить ключевые маркетинговые риски и оценить эффективность стратегий их минимизации. В целом интеграция риск-ориентированного подхода в маркетинговую стратегию становится критическим фактором устойчивого развития организаций в условиях нестабильной внешней среды. При этом практические рекомендации для бизнеса включают в себя: развитие аналитических компетенций (внед-

рение ВІ-систем, машинного обучения), гибкость маркетинговых стратегий (адаптивное ценообразование, мультиканальные коммуникации), инвестиции в обучение сотрудников для повышения культуры риск-менеджмента, а также создание кросс-функциональных команд по управлению рисками, объединяющих маркетинг, финансы и ИТ.

Библиографический список

1. Чагина, О. А. Управление рисками в маркетинге // Научный вестник МГТУ ГА. – 2011. – № 167. – С. 90–93. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-riskami-v-marketinge>.
2. Черкасова В. А. Методические подходы к управлению рисками фирмы на основе метода сценарного планирования в современных рыночных условиях // Российское предпринимательство. – 2005. – № 11. – С. 13–17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskie-podhody-k-upravleniyu-riskami-firmy-na-osnove-metoda-stsenarnogo-planirovaniya-v-sovremennyh-rynochnyh-usloviyah>.
3. Наянзин Антон Анатольевич Роль больших данных в цифровом маркетинге: от персонализации до предсказательной аналитики. // Холдная наука. – 2024. – №5. – С. 15–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-bolshih-dannyh-v-tsifrovom-marketinge-ot-personalizatsii-do-predskazatelnoy-analitiki>.
4. Миргалеева Ирина Викторовна, Шамсутдинова Марина Райхановна, Богданов Антон Андреевич Управление рисками компании в процессе ее цифровизации // Вестник РУК. 2022. № 3 (49). – С. 26–31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-riskami-kompanii-v-protsesse-ee-tsifrovizatsii>.
5. Альпидовская, М. Л. Риск-ориентированный подход к маркетинговому управлению конкуренцией: концептуальные и методические аспекты / М. Л. Альпидовская, Н. К. Савельева // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2020. – № 4(52). – С. 72–80. – DOI 10.26456/2219-1453/2020.4.072-080. – EDN PMCOVZ.
6. Байкова, Э. Р. Экономика впечатлений: теоретико-методологические аспекты / Э. Р. Байкова, К. В. Апокина // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2024. – № 5(179). – С. 12–16. – DOI 10.34773/EU.2024.5.2. – EDN PAQWTK.
7. Хакимова, А. А. Маркетинг как инструмент повышения эффективности деятельности фирмы / А. А. Хакимова, К. В. Апокина // Экономика. Управление. Финансы. – 2022. – № 2(28). – С. 116–121. – EDN MWUFGZ.

© Галикаева Р. Р., Апокина К. В., 2025

УДК 658

**ОЦЕНКА ФИНАНСОВЫХ РИСКОВ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ
С ПОМОЩЬЮ ЭФФЕКТА ФИНАНСОВОГО РЫЧАГА
(НА ПРИМЕРЕ ПАО «СЕВЕРСТАЛЬ»)**

EDN RAMZTP

Р. Р. Галикаева
А. Ш. Галимова*Студентка, e-mail: ralina.galikaeva@bk.ru,
кандидат экономических наук, доцент,
e-mail: aigul_galimova@mail.ru,
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия***ASSESSMENT OF FINANCIAL RISKS OF AN INDUSTRIAL ENTERPRISE
USING THE FINANCIAL LEVERAGE EFFECT
(USING THE EXAMPLE OF PJSC SEVERSTAL)****R. R. Galikaeva**
A. S. Galimova*Student,
PhD in Economics, Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. The article considers the use of the financial leverage effect to assess the financial risks of an industrial enterprise, and calculates this indicator using the example of PJSC Severstal.**Keywords:** financial risks of the enterprise; the effect of financial leverage.

Оценка финансовых рисков важная составляющая эффективного управления любого предприятия. С помощью качественной оценки рисков менеджеры могут лучше анализировать возможные сценарии и предвидеть последствия своих решений, что способствует более взвешенному стратегическому планированию. Зная риски, связанные с различными проектами или инвестициями, компании могут более эффективно распределять свои ресурсы, направляя их на наиболее перспективные и менее рискованные направления.

Оценка финансовых рисков помогает выявить потенциальные угрозы заранее, что позволяет предпринять меры для их минимизации или предотвращения. Компании, которые активно управляют своими рисками, могут создать более прочную финансовую базу и обеспечить свою устойчивость в условиях изменчивого рынка. Прозрачная политика по управлению рисками может повысить привлекательность компании для инвесторов, что может привести к росту капитализации и

улучшению условий финансирования. Оценка и управление рисками являются важными аспектами соблюдения законодательных и регуляторных требований, особенно в финансовом секторе. Понимание рисков позволяет разработать стратегии реагирования, такие как хеджирование или создание запасов по экстренным ситуациям, что в свою очередь минимизирует возможные негативные последствия [1].

Использование организацией заемных средства связано с определенными рисками, главным из них является риск непогашения долговых обязательств, однако существует и ряд преимуществ по сравнению с использованием собственного капитала.

1. Расширение масштабов инвестиционной деятельности: заемные средства позволяют компаниям осуществлять более крупные инвестиции, которые могут быть недоступны только за счет собственного капитала. Это особенно важно для компаний, стремящихся к быстрому росту и расширению.

2. Низкая стоимость привлечения капитала: часто стоимость заемного капитала ниже, чем стоимость собственного. Это связано с тем, что кредиторы принимают меньшие риски по сравнению с акционерами, и, следовательно, требуют меньшего дохода на свои инвестиции.

3. Рост рентабельности собственного капитала (ЭФР): если рентабельность активов превышает стоимость заемного капитала, то использование заемных средств может повысить рентабельность собственного капитала (эффект финансового рычага).

4. Налоговый щит: проценты по заемным средствам являются налоговыми вычетами, что позволяет снизить налогооблагаемую прибыль. Это дает компаниям возможность уменьшать сумму уплачиваемого налога, что делает заемные средства более привлекательными по сравнению с дивидендами, которые не могут быть вычтены из налогооблагаемой базы.

Однако, несмотря на указанные преимущества, заемные средства также влекут и определенные риски. К рискам использования заемных средств:

1. Риск непогашения долговых обязательств: неспособность погасить заем может привести к банкротству компании, особенно если у нее недостаточно ликвидных активов для покрытия долгов.

2. Финансовая зависимость: при высокой доле заемного капитала компания становится более чувствительной к изменениям в рыночной среде и экономической ситуации. Это может привести к необходимости жесткой экономии на других аспектах своей деятельности.

3. Увеличение затрат на обслуживание долга: при росте процентных ставок стоимость обслуживания заемного капитала может возрасти, что негативно скажется на прибыли компании.

4. Уменьшение финансовой гибкости: обязательства по выплате процентов и основного долга могут ограничить возможности компании по привлечению дополнительных средств или реинвестированию прибыли.

Выбор между заемным и собственным капиталом требует тщательного анализа и оценки рисков и выгоды. Для грамотного управления финансами и минимизации рисков использования заемных средств можно использовать такой показатель, как «Эффект финансового рычага».

Эффект финансового рычага в данной работе рассчитывается по так называемому европейскому подходу, который акцентирует внимание на росте доходности собственного капитала по сравнению с доходностью активов при привлечении заемного капитала (формула 1) [3].

$$\text{ЭФР} = (1 - \text{Снп}) * (\text{ROIC} - r) * \text{ЗК} / \text{СК} \quad (1)$$

где $(1 - \text{Снп})$ – налоговый корректор;

ROIC – рентабельность всего инвестированного капитала (экономическая рентабельность), определяется по формуле (2);

ЗК – сумма заемного капитала;

СК – сумма собственного капитала;

Снп – ставка налога на прибыль, выраженная десятичной дробью;

IC – величина всего инвестированного капитала;

EBIT – операционная прибыль (прибыль до уплаты процентов и налогов);

r – цена заемного капитала, определяется по формуле (3).

$$\text{ROIC} = \text{EBIT} / \text{IC} \quad (2)$$

$$r = \text{Проценты к уплате} / \text{ЗК} \quad (3)$$

Зависимость между рентабельностью собственного капитала (ROE) и силой финансового рычага выражается формулой (4).

$$ROE = ROI (1 - C_{\text{нп}}) + \text{ЭФР} \quad (4)$$

Рассмотрим расчет предложенных показателей на примере промышленного предприятия, представлено в таблице 1.

Расчет эффекта финансового рычага ПАО «Северсталь»

Таблица 1

Показатели	2022	2023	Отклонение
Прибыль (убыток) до налогообложения (ПН), тыс.руб.	168 887	199212	30 325
Проценты к уплате (ПУ), тыс.руб.	10 125	7762	-2363
Операционная прибыль (ЕВИТ=ПН+ПУ), тыс.руб.	179 012	206974,0 0	27962
Сумма заемного капитала (ЗК), тыс.руб.	309172	379687	70515
Сумма собственного капитала (СК), тыс.руб.	421 918	581622	159704
Всего капитал, тыс.руб.	731 090	961309	230219
Экономическая рентабельность (ЭР=ЕВИТ/К), %	24,49	21,53	-2,96
Цена заемного капитала ($r=ПУ/ЗК$), %	3,27	2,04	-1,23
Налоговый корректор ($1-n/100$)	0,8	0,8	0
Дифференциал финансового рычага	21,21	19,49	-1,72
Коэффициент финансового рычага ЗК/СК	0,73	0,65	-0,08
Эффект финансового рычага	12,43	10,18	-2,26
Рентабельность СК (ROE)	32,02	27,40	-4,62
Налог на прибыль, тыс.руб.	33777,40	39842,40	6065
Чистая прибыль	135109,6 0	159369,6 0	24260
Рентабельность СК (ROE) (ЧП/СК100)	32,02	27,40	-4,62

Рассчитано автором на основе [4]

Анализ представленной таблицы позволяет оценить влияние финансового рычага на показатели компании ПАО «Северсталь» в 2022 и 2023 годах. Эффект финансового рычага снизился с 12,43 до 10,18, что описывает уменьшение положительного влияния заёмного капитала на рентабельность собственного капитала

(ROE). Рентабельность собственного капитала (ROE) уменьшилась с 32,02 % до 27,40 %, что указывает на ухудшение доходности для акционеров.

Несмотря на рост прибыли и чистой прибыли, снижение рентабельности собственного капитала и экономической рентабельности говорит о том, что компания

должна уделить внимание улучшению эффективности использования капитала.

Уменьшение затрат на обслуживание долга и коэффициента финансового рычага свидетельствует о более консервативной стратегии финансирования, что может быть позитивным фактором в условиях экономической неопределенности.

В целом, хотя финансовые показатели компании улучшились в абсолютных цифрах, относительные показатели – рентабельность и эффект финансового рычага – показывают, что компания сталкивается с определёнными рисками в управлении капиталом.

Таким образом, адекватная оценка финансовых рисков является ключевым элементом для устойчивого развития и долгосрочной успешности предприятия.

Библиографический список

1. Дьячкова, А. И. Инструменты управления финансовыми рисками крупных промышленных предприятий / А. И. Дьячкова // Вестник науки. – 2024. – Т. 2, № 2(71). – С. 35–41.
2. Листопад, Е. В. Эффект финансового рычага как способ определения финансового риска организации / Е. В. Листопад, Г. Н. Ронова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 12-3. – С. 73–77.
3. Бикметова, З. М. Расчет эффекта финансового рычага и рентабельности собственного капитала на примере IT-компаний / З. М. Бикметова // Актуальные вопросы современной экономики. – 2022. – № 8. – С. 30–35. – DOI 10.34755/IR0K.2022.30.27.043.
4. Годовые отчеты ПАО «Северсталь» – URL: <https://severstal.com/rus/ir/indicators-reporting/annual-reports/> (дата обращения: 01.03.2025).

© Галикаева Р. Р., Галимова А. Ш., 2025

УДК 658.3

**РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ПРОЕКТОВ КАК СПОСОБ
ПОВЫШЕНИЯ ВОВЛЕЧЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ**

EDN RCVCCN

Р. Р. Галикаева**А. Э. Галина***Студентка, e-mail: ralina.galikaeva@bk.ru,**кандидат социологических наук, доцент,**e-mail: galinaae@mail.ru,**Уфимский университет науки и технологий,**г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия***IMPLEMENTATION OF SOCIALLY SIGNIFICANT PROJECTS AS A MEANS
OF INCREASING EMPLOYEE ENGAGEMENT****R. R. Galikaeva****A. E. Galina***Student,**PhD in Sociology, Associate Professor,**Ufa University of Science and Technology,**Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. The article examines the role of socially significant projects in Russian companies as a means of enhancing employee engagement and loyalty. It provides examples of such initiatives from major corporations, highlighting their impact on corporate culture and business performance. Methods for evaluating project effectiveness and their contributions to improving reputation and reducing staff turnover are also analyzed.

Keywords: social projects; employee engagement; corporate culture; Russian companies; business performance; staff loyalty.

Социально значимые проекты – это не просто бизнес-инициативы, направленные на развитие компании. В первую очередь, они решают реальные задачи, связанные с улучшением жизни в обществе. Такие проекты помогают справляться с экологическими проблемами, содействуют развитию инфраструктуры, поддерживают образовательные программы и укрепляют местные сообщества. Ключевая особенность этих инициатив заключается в том, что они приносят пользу, выходящую за рамки коммерческого интереса компании, и создают ощутимые перемены, значимые для широкого круга людей.

Для бизнеса участие в социальных проектах – это способ повысить корпоративную значимость. Когда компания направляет ресурсы и внимание на общественно важные задачи, это укрепляет её образ в глазах сотрудников и клиентов. Вовлеченность в такие проекты ассоциируется с ответственностью и стабильностью, что делает организацию привлека-

тельнее как для партнеров, так и для потенциальных кандидатов. Поддержка таких инициатив – это возможность для компании продемонстрировать, что она готова вкладываться не только в развитие прибыли, но и в устойчивость окружающей среды и социальных процессов.

Исследование, подтверждающее связь между корпоративными социальными проектами и вовлеченностью сотрудников, проводилось консалтинговой компанией Deloitte в рамках регулярного анализа корпоративной культуры. В опросе приняли участие более 10,000 сотрудников из различных сфер бизнеса и стран. Результаты показали, что в компаниях, активно поддерживающих социально значимые инициативы, уровень вовлеченности сотрудников в среднем на 25 % выше. Один из ключевых моментов исследования показал, что 65 % респондентов, работающих в компаниях с сильной программой корпоративной социальной ответственности (КСО), планируют оста-

ваться в организации долгосрочно, в то время как среди сотрудников компаний без таких программ этот показатель снижается до 45 % [5]. Кроме того, сотрудники, участвующие в социальных инициативах, в два раза чаще отмечают высокую удовлетворенность своей работой, так как такие проекты придают их деятельности дополнительный смысл и чувство личной значимости.

Интересно также, что 70 % опрошенных считают, что участие в социальных проектах помогает сплочению коллектива, укрепляет корпоративную культуру и доверие в команде, что положительно сказывается на взаимоотношениях между сотрудниками. Похожее исследование провела компания McKinsey среди 7,000 сотрудников, которое подтвердило, что вовлеченность повышается на 21 % среди сотрудников, чьи компании активно занимаются социальными инициативами [1].

В России социальные проекты стали неотъемлемой частью корпоративной стратегии ряда крупных компаний, стремящихся не только к финансовым достижениям, но и к устойчивому развитию и позитивному влиянию на общество. Один из ярких примеров – Сбербанк со своим ежегодным «Зелёным Марафоном», который привлекает тысячи сотрудников и сторонников по всей стране. Эта инициатива направлена на улучшение экологической ситуации в городах: участники марафона занимаются посадкой деревьев, благоустройством и уборкой парков, что помогает восстановлению городских экосистем. Более 5,000 сотрудников принимают участие в этом проекте, а статистика демонстрирует снижение углеродного следа компании за счет компенсирующих мероприятий [1].

Компания Норникель, оперирующая в северных регионах, активно внедряет экологические инициативы, направленные на снижение техногенного влияния на природу. В их экологических программах, включая проекты по восстановлению озёр и рек, участвует до 80 % персонала, что

способствует не только улучшению состояния природной среды, но и повышению вовлеченности сотрудников. В отчетах компании фиксируется рост удовлетворенности персонала: по данным внутренних опросов, участие в экологических программах усилило корпоративную культуру и подняло уровень вовлеченности сотрудников на 18 % [7].

Газпром поддерживает социальные инициативы, направленные на сохранение культурного наследия и социальную поддержку в регионах присутствия. Например, программа по восстановлению памятников культурного наследия и поддержке музеев в малых городах России привлекла внимание более 3,000 сотрудников и волонтеров компании. Благодаря этим инициативам улучшается культурная и социальная инфраструктура в регионах, что вызывает гордость у работников и укрепляет приверженность компании [6].

Социальные проекты российских компаний оказывают глубокое влияние на вовлеченность и приверженность сотрудников. Когда работники видят, что их усилия направлены не только на достижение коммерческих целей, но и на реальное улучшение жизни общества, это создает у них ощущение значимости их работы и укрепляет чувство принадлежности к компании. Внутренние опросы крупных российских работодателей, таких как Сбербанк и Газпром, показывают, что участие в корпоративных социальных инициативах на 20 % повышает удовлетворенность сотрудников и усиливает их приверженность долгосрочной работе в компании.

В исследовании Высшей школы экономики, которое охватило более 2,000 работников из разных секторов, 60 % опрошенных отметили, что участие в социальных инициативах повысило их вовлеченность и улучшило восприятие корпоративных ценностей. Более того, 45 % сотрудников указали, что благодаря таким проектам они стали рассматривать компанию как место для долгосрочной карьеры. Это подтверждает, что ощущение личной значимости

вклада усиливает приверженность работников и способствует формированию позитивного отношения к компании [1].

Социальные проекты также благоприятно влияют на корпоративную культуру. Совместное участие в инициативах создает дополнительные точки контакта между сотрудниками и развивает командный дух. Это особенно важно для компаний с большим штатом, где каждый сотрудник может почувствовать себя частью команды, разделяющей общие цели и ценности.

Оценка эффективности социальных проектов требует продуманных инструментов и методов, чтобы объективно измерить, насколько такие инициативы способствуют достижению целей компании. После того как участие в социальных инициативах сформировало у сотрудников чувство принадлежности и лояльности, логично возникает вопрос, как это сказывается на ключевых бизнес-показателях и восприятии компании.

Одним из основных методов является регулярное проведение опросов, фиксирующих изменения в уровне вовлеченности и удовлетворенности сотрудников, а также собирающих обратную связь об их восприятии социальной активности компании. Результаты таких опросов позволяют выявить эффект проектов: к примеру, компания может зафиксировать снижение текучести кадров в среднем на 10 % среди сотрудников, активно участвующих в социальных инициативах. Кроме того, рост удовлетворенности персонала часто фиксируется на уровне 15 %, что повышает мотивацию и способствует формированию положительного рабочего климата [4].

Также измерить влияние социальных проектов на бизнес можно, наблюдая за изменениями в репутации компании. Позитивный имидж социальной ответственности привлекает новых клиентов и партнеров, так как современное общество всё чаще обращает внимание на эти аспекты при выборе продукции или услуг. Например, для крупных компаний, как Сбербанк

или Норникель, участие в социально значимых инициативах повысило доверие со стороны общественности и партнеров, что помогло укрепить бренд на рынке.

Финансовые результаты от внедрения социальных инициатив также становятся все более заметными. Помимо улучшения репутации, такие проекты помогают привлекать новых клиентов, которые разделяют ценности компании, и увеличивают их лояльность.

В заключение, социальные проекты в российских компаниях оказывают положительное влияние на сотрудников, укрепляя их чувство принадлежности и приверженность корпоративным целям. Примеры крупных компаний показывают, что такие инициативы способствуют не только сплочению коллектива и снижению текучести кадров, но и повышают репутацию и привлекательность компании для новых клиентов и партнеров. Социальные проекты – это эффективный инструмент не только для поддержки общества, но и для укрепления бизнеса, создавая условия для устойчивого развития и роста.

Библиографический список

1. Артеменко, Л. В. Система стимулирования эффективных работников – движущая сила стратегического менеджмента / Л. В. Артеменко // Инновационные технологии в науке: управление качеством, метрологическое обеспечение, новые подходы и цифровизация производства в сфере АПК : Сборник научных материалов 1 Всероссийской (национальной) научно-практической конференции с международным участием, приуроченной к Всемирному дню метрологии, Саратов, 28 апреля 2023 года. – Саратов: Саратовский государственный аграрный университет им. Н. И. Вавилова, 2023. – С. 227–221.
2. Батюкова, Е. В. Особенности мотивации сотрудников в сфере управления проектами корпорации / Е. В. Батюкова // Конкурентоспособность территорий : Материалы Всероссийского экономического форума молодых ученых и студентов. В 4-х частях, Екатеринбург, 27–30 апреля 2020 года / Отв. за выпуск Я. П. Силин, Е. Б. Дворядкина. Том Часть 4. – Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2020. – С. 114–118.

3. Киселева, Г. С. Влияние социальной политики организации на уровень вовлеченности персонала / Г. С. Киселева // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2019. – № 3(77). – С. 114–118.
4. Кулькова, И. А. Факторы успешности социальных проектов компаний / И. А. Кулькова // Наукосфера. – 2023. – № 11-1. – С. 114–118.
5. Лопатенко А. И. Социальная ответственность бизнеса / А. И. Лопатенко // Актуальные вопросы современной науки. Экономика, управление, право, педагогика, психология : Сборник статей / Под общей редакцией Г. Н. Гужинной. Том Выпуск 3. – Москва : Московский педагогический государственный университет, 2021. – С. 177–181.
6. Лоскутова, А. Д. Современные аспекты повышения лояльности персонала организации / А. Д. Лоскутова, М. В. Пестерникова // Актуальные вопросы современной экономики. – 2023. – № 2. – С. 102–109.
7. Шакирова, Д. М. Управление целями и ценностями компании / Д. М. Шакирова, Р. Р. Биктимиров, Э. М. Бикмуллина // Формирование конкурентной среды, конкурентоспособность и стратегическое управление предприятиями, организациями и регионами : Сборник статей Международной научно-практической конференции, Пенза, 11–12 мая 2020 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2020. – С. 22–26.

© Галикаева Р. Р., Галина А. Э., 2025

УДК 33

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА
НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ В ОРГАНИЗАЦИЯХ МАЛОГО БИЗНЕСА**

EDN RGUWLI

А. Ш. Галимова**Д. Д. Кальсин***Кандидат экономических наук, доцент**e-mail: aigul_galimova@mail.ru,**бакалавр e-mail: d.lendstop@mail.ru,**Уфимский университет науки и технологий,**г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия***FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF THE WORK OF EMPLOYEES
IN SMALL BUSINESS ORGANIZATIONS****A. Sh. Galimova****D. D. Kalsin***PhD in Economics, Associate Professor,**Bachelor,**Ufa University of Science and Technology**Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. The article discusses aspects of the legal regulation of the work of employees in small business organizations. The current legislation on labor relations is analyzed. The main focus is on the specifics of the employment contract, issues of remuneration, social insurance and protection of workers' rights in small businesses. The issues faced by employers and employees are also discussed.

Keywords: legal regulation of labor; employees; small business; employment contract; labor relations; social insurance.

Актуальность тематики трудовых отношений в малых организациях обусловлена разнообразием форм и методов ведения бизнеса. Наемные работники малых предприятий часто оказываются в условиях меньших ресурсов, чем их коллеги в крупных компаниях. Сложный правовой статус, неопределенности в трудовых отношениях и специфические трудовые практики создают необходимость в эффективном правовом регулировании этих сфер.

В России малые предприятия характеризуются по нескольким критериям, включая предельные значения для числа работников и годового дохода. Согласно законодательству, малым считается предприятие, которое не превышает установленные параметры численности работников и объема выручки.

Законодательная база, регулирующая деятельность малых предприятий, формирует основу правового статуса и защиты прав субъектов малого бизнеса. Важней-

шим документом, определяющим принципы предпринимательства в стране, является Конституция Российской Федерации.

Гражданский кодекс Российской Федерации аккумулирует ключевые положения, касающиеся характеристик предпринимательской деятельности и ее форм. Он регламентирует права собственности, имущественные отношения и правила заключения договоров. Другим значимым элементом является Налоговый кодекс, который определяет виды налогов, размеры и сроки уплаты обязательных платежей для предпринимателей. Этот кодекс создает правовую основу для налогового администрирования и помогает малым бизнесам понять свои налоговые обязательства.

Трудовой кодекс РФ [3] также играет ключевую роль в регулировании правового статуса малого бизнеса, так как он определяет порядок приема, перевода и увольнения работников, а также обстоятельства, при которых могут возникнуть трудовые споры.

Федеральный закон от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [2] является важным законодательным актом, который фиксирует цели и принципы государственной политики в области развития субъектов малого предпринимательства. Закон нацелен на поддержку и развитие малого бизнеса через внедрение различных программ, финансирования и предоставление государственных услуг.

Помимо вышеперечисленных документов, малые предприятия также регулируются другими нормативными актами. Например, закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» определяет подходы к организации торговли [1]. Кроме того, закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» формирует правовые рамки для создания и работы общества. Формирование трудовых договоров в малом бизнесе часто происходит в упрощённом формате. Кадровое делопроизводство на таких предприятиях, как правило, не обладает такой же структурированностью, как в крупных компаниях. В малых организациях обязанности по ведению кадровой документации зачастую совмещаются с другими функциями. Скажем, сотрудник, занимающийся учётом и составлением отчётности по финансово-хозяйственной деятельности, также может управлять трудовыми договорами и кадровыми вопросами.

Одной из ключевых особенностей является право малых предприятий на отказ от локальных нормативных актов. В отличие от крупных компаний, которые обязаны следовать строгим правилам внутреннего трудового распорядка и другим локальным актам, микропредприятия могут полностью или частично от них отказаться, если это не противоречит действующему законодательству. Важно отметить, что даже при отсутствии местных регламентов, малый бизнес обязан включить в условия трудовых договоров все вопросы,

которые регулируются потенциальными локальными нормами.

Ещё одним важным моментом является возможность заключения срочных трудовых договоров. Согласно трудовому законодательству, субъекты малого предпринимательства с численностью не более 35 человек (или не более 20 в розничной торговле и бытовом обслуживании) могут требовать права на использование такого рода трудовых отношений на срок до пяти лет. Это даёт малым бизнесменам возможность привлекать временных работников без необходимости обоснования причин. В отличие от них, в крупных компаниях законодательство требует, чтобы работники принимались на постоянную основу, и срочные контракты могут быть заключены исключительно по строго определённым причинам, оговорённым в статье 59 Трудового кодекса РФ. Это означает, что в сфере мелкого бизнеса существует значительно больше свободы в принятии решений и возможности быстрой адаптации к меняющимся условиям рынка [6].

Заработная плата и социальные гарантии для работников малых организаций занимают важное место в системе трудовых отношений. Обычно в таких компаниях нельзя наблюдать чёткой и систематичной схемы оплаты труда, что отличает их от крупных предприятий.

Среди социальных гарантий, которые предоставляет официальная заработная плата, необходимо выделить несколько ключевых аспектов.

Во-первых, оплата больничных листов происходит на основе официального заработка. Во-вторых, выходное пособие, которое выплачивается при увольнении, исчисляется исходя из официальной части заработка. Это особенно важно для сотрудников, так как наличие «белой» заработной платы гарантирует определенный уровень финансовой защищенности. Кроме того, отчисления в Пенсионный фонд России (ПФР) зависят от размера «белой» зара-

ботной платы, что, в свою очередь, влияет на будущую пенсию работника.

С 1 января 2023 года в России произошли изменения: Пенсионный фонд и Фонд социального страхования объединились в Социальный фонд России (СФР). Это объединение направлено на упрощение системы и улучшение сервиса, поскольку теперь СФР отвечает за назначение и выплату пенсий, предоставление социальных пособий, а также за выплату материнского капитала и другие важные функции [4]. Что касается вопросов социального страхования, таких как больничные и декретные выплаты, работодатели обязаны оплачивать взносы на социальное страхование, которые составляют от 2,9 % от заработной платы до вычета налога на доходы физических лиц (НДФЛ). Эти взносы поступают в Фонд социального страхования, откуда затем распределяются на оплату больничных и декретных пособий. Например, наёмный работник может рассчитывать на получение 60 %–100 % от среднего заработка в зависимости от стажа. Работники с более чем восьмилетним стажем получают 100 % от средней заработной платы, в то время как те, чей стаж составляет от пяти до восьми лет, имеют право на 80 %, и только работники со стажем до пяти лет могут рассчитывать лишь на 60 % от среднего заработка [5]. Что касается декретных и детских выплат, они также зависят от заработка. Пособие по беременности и родам рассчитывается на основе среднедневного заработка, взятого за два года.

В качестве рекомендаций по улучшению правового регулирования, можно считать предложение внести изменения в действующее законодательство, которые будут направлены на упрощение процедур оформления трудовых договоров и снижения избыточной бюрократии. Введение

гибких форм занятости и дистанционной работы также приведет к значительным улучшениям.

Для работодателей: важно сосредоточиться на соблюдении правовых норм. Внедрение системы внутреннего аудита, регулярное обучение сотрудников по вопросам трудового законодательства и создание открытых каналов связи для работников помогут снизить риски нарушений и создать атмосферу доверия и ответственности в коллективе.

Таким образом, эффективное правовое регулирование трудовых отношений требует комплексного подхода. Упрощение законодательных норм, их адаптация под современные реалии, а также активное участие работодателей в соблюдении прав работников являются необходимыми условиями для создания устойчивой и процветающей экономики.

Библиографический список

1. Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» от 28.12.2009 N 381-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс
1. «Федеральный закон от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».
2. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СПС КонсультантПлюс
3. Галимова А. Ш., Мухаметшина Г. Р. Цифровая трансформация предпринимательских структур: монография. – Уфа, 2024.
4. Рябинин В. В. Об изменениях в трудовом законодательстве // Упрощенная система налогообложения: бухгалтерский учет и налогообложение. 2022. № 8.
5. Шестерякова И. В., Шестериков И. А. Особенности трудового договора работников, занятых у работодателей-субъектов малого предпринимательства // Вестник Саратовской юридической академии. 2022. № 6 (125). С. 222–229.

© Галимова А. Ш., Кальсин Д. Д., 2025

УДК 347

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

EDN RHZPSI

А. Ш. Галимова
Д. Д. Кальсин

*Кандидат экономических наук, доцент,
e-mail: aigul_galimova@mail.ru,
бакалавр e-mail: d.lendstop@mail.ru,
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*

LEGAL SUPPORT OF ORGANIZATIONAL AND MANAGERIAL RELATIONS

A. Sh. Galimova
D. D. Kalsin

*PhD in Economics, Associate Professor,
Bachelor,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. The article considers the legal provision of organizational and managerial relations as an important aspect of the functioning of modern organizations. Special attention is paid to the issues of legal regulation of labor relations, the responsibility of the parties, as well as the interaction of government agencies and the private sector in ensuring the legality and transparency of management practices. The study also includes an analysis of modern challenges and problems related to legal support in the context of globalization and digitalization.

Keywords: legal support; organizational and managerial relations; legal norms; management processes; labor relations.

Недостаточно эффективное правовое обеспечение приводит к правовым коллизиям, снижению эффективности работы и, в конечном итоге, к потерям как для организации, так и для ее сотрудников. Также, с учетом изменений в международном праве и интеграции отечественных компаний в глобальную экономику, важность исследования правового регулирования организационно-управленческих отношений возрастает. Более глубокое понимание взаимодействия между правом и управлением становится стратегически важным для эффективного функционирования организаций в условиях неопределенности и риска.

Важнейшими инструментами, определяющими организационно-управленческие отношения, являются законодательные акты, касающиеся трудовых отношений, которые служат основой для регулирования различных аспектов работы сотрудников и работодателей.

Одним из центральных документов в этой области является Трудовой кодекс

Российской Федерации (ТК РФ). Этот законодательный акт устанавливает ключевые нормы, касающиеся подписания, изменения и прекращения трудового договора, а также организует рабочее время и время отдыха. Важнейшими моментами, которые охватывает ТК РФ, являются правила оплаты и нормирования труда, а также меры по охране труда и технике безопасности. Также в нем прописаны социальные гарантии и льготы для работников, что делает его незаменимым инструментом для защиты прав трудящихся. Не менее важным является Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ), который хотя и не является специализированным актом, все же применяется к ряду аспектов трудовых отношений. Он, например, актуален, когда речь идет о заключении гражданско-правовых договоров, таких как договоры подряда или оказания услуг, которые могут иметь место вместо традиционных трудовых договоров.

Важную роль в регулировании трудовых отношений играют и федеральные

законы. Одним из них является закон «О занятости населения в Российской Федерации», который регулирует вопросы трудоустройства, профессиональной переподготовки и выплаты пособий по безработице [1]. Закон «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» акцентирует внимание на роли профсоюзов в защите трудовых прав и установленном порядке оценки условий труда соответственным образом [2]. Также стоит отметить закон «О государственном пенсионном обеспечении», который касается вопросов начисления пенсий, а также ряд других законов, которые затрагивают минимальный размер оплаты труда, независимую оценку квалификации, социальную защиту инвалидов и правовое положение иностранных граждан [3].

Жилищный кодекс Российской Федерации (ЖК РФ) также содержит нормы, которые касаются предоставления жилья работникам, включая служебные квартиры и ведомственное жилье.

Правовое обеспечение играет ключевую роль в эффективности управленческих процессов, влияя на их законность, прозрачность и общую результативность. Нормативные акты и правовые механизмы создают структуру, в рамках которой организации могут функционировать.

Взаимосвязь законности и эффективности управления возникает на нескольких уровнях. Прежде всего, когда организация придерживается юридических норм, она снижает риски возникновения правовых конфликтов. Это позволяет руководителям сосредоточиться на стратегических задачах, а не на поиске решений для возникающих юридических проблем. Например, организации, соблюдающие трудовое законодательство, привлекают наиболее квалифицированных специалистов.

Пример успешного правового регулирования можно увидеть на деле ООО «Эй Ти Энерджи», где возник конфликт между учредителями. Один из участников проигнорировал требование продать долю в

уставном капитале, что привело к требованию иностранной компании о передаче доли. Непосредственно в суде удалось установить порядок, согласно которому другой учредитель был обязан договориться о купле-продаже доли. Хотя процесс занял 2,5 года, он продемонстрировал, что через использование корпоративного договора можно эффективно разрешать подобные проблемы и в дальнейшем минимизировать споры [4].

С другой стороны, нарушение правовых норм в управлении может иметь серьезные последствия. Такие нарушения подрывают доверие к организации со стороны клиентов и партнеров и могут вести к санкциям со стороны регулирующих органов. Например, работодатели, не соблюдающие трудовые права своих работников, могут столкнуться с судебными исками, которые приведут к искам о компенсации, а также к потере репутации. Кроме того, внутренние конфликты, возникающие из-за правовых неясностей или грубых нарушений, приводят к снижению мотивации сотрудников.

В современном мире правовое обеспечение организационно-управленческих отношений сталкивается с рядом серьезных вызовов и проблем. Одной из основных трудностей является отсутствие нормативно закреплённого определения самих этих отношений.

Существующие различия в подходах к определению объема содержания этих отношений порождают дополнительную путаницу. Некоторые исследователи склонны рассматривать организационно-управленческие правоотношения в широком смысле, включая в них все производные от трудового отношения, что, на первый взгляд, дает более полное представление о многообразии взаимодействий между работодателями и работниками. Однако другие ученые придерживаются более узкого определения, акцентируя внимание лишь на непосредственных аспектах управления трудом.

Отсутствуют ясные и четкие критерии для разграничения правоотношений, связанных с организацией труда и управлением трудом, социальным партнерством, а также участием работников и профсоюзов в процессе установления условий труда. В частности, проблемы возникают при ведении коллективных переговоров, заключении коллективных договоров и соглашений. Как следствие, у сторон, вовлеченных в эти отношения, возникают сомнения относительно их прав и обязательств.

Также важно отметить, что недостаточная нормативная база и неопределенность в правовых отношениях создают правовой вакуум, который может быть использован в ущерб интересам как работников, так и работодателей [5].

В заключение, правовое обеспечение организационно-управленческих отношений представляет собой ключевой элемент, способствующий развитию эффективной системы управления в современных организациях.

Правовые механизмы и инструменты, создающие основу для регулирования организационно-управленческих отношений, обеспечивают защиту интересов как самих организаций, так и их сотрудников.

Они способствуют формированию четких стандартов поведения.

Важно учитывать, что динамика изменения законодательства требует постоянного мониторинга и адаптации управленческих процессов к новым правовым реалиям.

Библиографический список

1. Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» от 12.12.2023 N 565-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс
2. Федеральный закон «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» от 12.01.1996 N 10-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс
3. Федеральный закон «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» от 15.12.2001 N 166-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс
4. Данилов А. С., Галимова А. Ш. Правовые основы индивидуального предпринимательства // В сборнике: People-management в условиях цифровой трансформации экономики. сборник статей VIII Всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 2024. С. 47–49.
5. Захватов И. Ю. Сочетание отраслевого и территориального управления органами внутренних дел (теоретические и методологические аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. – М.: Академия МВД России, 2024.

© Галимова А. Ш., Кальсин Д. Д., 2025

УДК 335

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ДИСТАНЦИОННЫХ РАБОТНИКОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

EDN RHZXPC

А. Ш. Галимова
Д. Д. Кальсин

*Кандидат экономических наук, доцент,
e-mail: aigul_galimova@mail.ru,
бакалавр e-mail: d.lendstop@mail.ru,
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*

PECULIARITIES OF REGULATING THE WORK OF REMOTE WORKERS IN MODERN CONDITIONS

A. Sh. Galimova
D. D. Kalsin

*PhD in Economics, Associate Professor,
Bachelor,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. The article analyzes the legal aspects related to the organization of remote work, including labor relations, rights and obligations of the parties, as well as issues of labor protection and information security. The shortcomings of the current legislative framework are discussed and recommendations for its improvement are offered in order to adapt to rapidly changing conditions of the labor market.

Keywords: remote work; labor relations; legislation; workers' rights.

«Пандемия стала сильным катализатором изменений в трудовых отношениях, закрепившим за «удаленкой» статус новой нормальности. И хотя на российском рынке труда по-прежнему доминирует стандартная форма занятости (в офисе / на предприятии), уровень дистанционной занятости демонстрирует завидную устойчивость, а значит, из вынужденной меры работа из дома превратилась в осознанный выбор и работников, и работодателей. Согласно полученным Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) данным, каждый четвертый работающий россиянин сегодня полностью или частично трудится из дома (25 %), что немногим больше, чем в 2022 г. (19 %)). [7] За последние четыре года привлекательность полной «удаленки» выросла вдвое (с 8 до 16 %), гибридного формата – в 1,5 раза (с 23 до 34 %). Приверженность гибким формам занятости чаще характерна для молодых специалистов (18–35 лет). В отличие от старших поколений, которые были вынуждены

адаптироваться к новому формату, молодежь вышла на рынок труда, будучи знакомой с «удаленкой» со студенческой скамьи. Кроме того, эту группу отличают более высокий уровень цифровой грамотности, адаптивность к новым технологиям и отличное от других поколений отношение к работе. В представлениях молодых людей «удаленка» гораздо лучше, чем традиционный «офисный» формат, отвечает их запросу на work-life balance. Такой взгляд на удаленную работу характерен и для россиян в целом: ее ключевым преимуществом видится экономия временных ресурсов: отсутствие необходимости тратить время на дорогу до работы, больше возможностей для общения с семьей, самореализации и выполнения домашних дел, а ключевыми недостатками – дефицит живого общения и снижение самодисциплины» [7].

Правовая база в Российской Федерации, касающаяся дистанционного труда, на наш взгляд, во многом остается недостаточно разработанной и отстает от современных социально-экономических ре-

алий, хотя в законодательстве достаточно нормативных актов по дистанционному формату работы.

Согласно статье 312.1 Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ) [1], дистанционная работа делится на три основных вида: постоянная, временная и периодическая. Постоянная дистанционная работа подразумевает, что трудовой договор изначально заключается на выполнение обязанностей в удалённом режиме. Это позволяет работодателям заранее учитывать специфику труда таких сотрудников и организовывать рабочие процессы по соответствующим требованиям с самого начала. Временная удалённая работа предполагает, что работник будет выполнять свои обязанности в дистанционном формате за определённый период, не превышающий шести месяцев.

Важной составляющей регулирования дистанционного труда является возможность работодателя установить детальные требования к режиму работы его сотрудников. Это описано в статье 312.4 ТК РФ [1], которая позволяет работодателям прописывать такие элементы, как режим рабочего времени при удаленной работе, порядок выхода в офис по собственной инициативе или по требованию работодателя, а также условия предоставления времени на отдых, в том числе отпусков. Такой подход создает прозрачность в трудовых отношениях и помогает избежать разногласий между сторонами относительно прав и обязанностей. Не менее важным аспектом является оплата труда дистанционных работников. Согласно статье 312.5 ТК РФ, работник, выполняющий свою деятельность удаленно, не должен получать зарплату ниже, чем его офисный коллега, занимающий ту же должность. Это положение направлено на обеспечение справедливости в оплате труда.

Также следует отметить, что правила увольнения дистанционных работников определяются аналогично тем, что применяются к остальным работникам. Согласно ТК РФ, могут быть использованы все

основания для расторжения трудового договора. Однако для дистанционных работников предусмотрено дополнительное основание, указанное в статье 312.8 ТК РФ, по которому работодатель может прекратить трудовые отношения, если работник не выходит на связь более двух рабочих дней подряд после поступления соответствующего запроса от работодателя [1].

При этом существующее законодательство, регулирующее труд дистанционных работников, явно демонстрирует ряд недостатков и проблем, которые требуют внимания и доработки. Одной из ключевых проблем является неопределенность в терминологии, в частности, приравнивание понятий «дистанционная работа» и «удаленная работа». Законодательство не проводит четкой границы между этими понятиями. Удаленная работа традиционно ассоциируется с трудом надомников, которые выполняют заданные работы с использованием предоставленных или собственных материалов. В этом контексте важно отметить, что согласно части 4 статьи 312.1 Трудового кодекса РФ, нормы трудового законодательства распространяются на дистанционных работников, однако только с учетом некоторых особенностей [3].

Приведем конкретный пример из практики, который ярко иллюстрирует указанную проблему. В решении суда Ульяновской области от 22 июля 2023 года по делу № А72-7664/2023 было отвергнуто требование ООО «Центр экологических технологий», ссылающегося на приказ о переводе сотрудников на дистанционную работу [5]. Это касалось секретаря, которая, будучи переведенной в удаленный режим, не могла выполнять свои обязанности в полном объеме, что в конечном итоге привело к запоздалому реагированию на административные вопросы. Суд при этом сослался на статью 312.1 ТК РФ, указывая на обязательства работника, даже если он трудится удаленно. Данный случай акцентирует внимание на недостатках правового регулирования, поскольку невыход на

связь или их временные технические трудности могут легко привести к ответственности работника.

Другой значимой проблемой является применение статьи 312.8 Трудового кодекса, которая содержит дополнительные основания для прекращения трудового договора с дистанционными работниками. Одним из таких оснований считается неспособность работника взаимодействовать с работодателем более двух рабочих дней подряд без уважительной причины. Данный аспект становится проблемным, поскольку формулировка «подряд» позволяет недобросовестным работникам избегать последствий даже при многократных невыходах на связь с работодателем.

Для устранения выявленных недостатков, связанных с неопределенностью терминологии и проблемами правоприменения, можно предложить ряд рекомендаций, которые направлены на улучшение существующей правовой базы. Во-первых, целесообразно четко определить и разграничить понятия «дистанционная работа» и «удаленная работа». Важно, чтобы законодательство более точно отражало современные реалии, в которых работники выполняют свои обязанности не только из дома, но и из других мест, используя современные технологии.

Во-вторых, стоит внести изменения, касающиеся обязанностей работодателя по организации рабочего места для дистанционных сотрудников. Важно установить минимальные требования к техническому обеспечению, информационной безопасности и предоставлению доступа к необходимым ресурсам, что позволит создать более комфортные и безопасные условия труда.

В условиях дистанционного труда актуально внедрять гибкие подходы к учету рабочего времени, которые бы учитывали особенности удаленной работы. Разработка ясных методик расчета вознаграждения за труд, учитывающих как количества выполненных задач, так и качество выпол-

ненной работы, будет способствовать повышению мотивации работников [6].

Также рекомендуется рассмотреть возможность внедрения общественного контроля за исполнением трудовых прав дистанционных работников, что способствовало бы повышению их защиты. Такой контроль можно реализовать через механизмы профсоюзного движения, а также через независимые организации.

Библиографический список

1. Трудовой кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 3. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/
2. Рекомендации Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений работодателям по переводу максимально возможной численности работников на дистанционный режим работы (в связи с кратным ростом заболеваемости COVID-19): решение Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений от 28.01.2022, протокол № 1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_408532/ (дата обращения: 11.03.2025).
3. О направлении Рекомендаций по применению гибких форм занятости в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции на территории РФ: письмо Минтруда России от 23.04.2020 № 14-2/10/П-3710. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351512/ (дата обращения: 11.03.2025).
4. Галимова А. III., Мухаметшина Г. Р. Бизнес-технологии в HR в условиях цифровой трансформации экономики. – Уфа, 2023.
5. Решение Арбитражного суда Ульяновской области от 22.07.2023 по делу № А72-7664/2023. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/kHsmleilYx1/> (дата обращения: 11.03.2025).
6. Касьяненко, Т. С. Трансформация законодательства о дистанционной занятости работников в период пандемии // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 2. С. 119–123.
7. Официальный сайт ВЦИОМ. Опрос про дистанционный формат работы // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheski-obzor/rabota-iz-doma-kak-novaja-norma>

8. Salimova G., Ableeva A., Lubova T., Sharafutdinov A.G., Araslanbaev I., Galimova A., Bakirova

R. Recent trends in labor productivity // Employee Relations. 2022. Т. 44. № 4. С. 785–802.

© Галимова А. Ш., Кальсин Д. Д., 2025

УДК 336.66

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ БИЗНЕС-АНАЛИТИКИ
В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ**

EDN RMFMUS

А. Ш. Галимова**А. Р. Шафиков**

*Кандидат экономических наук, доцент,
e-mail: aigul_galimova@mail.ru,
студент, e-mail: Shafikovaidar733@gmail.com,
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*

**USING BUSINESS INTELLIGENCE TOOLS IN ENTREPRENEURSHIP
IN THE DIGITAL AGE****A. Sh. Galimova****A. R. Shafikov**

*Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Student,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. The article is devoted to the study of the role of business analytics in entrepreneurship in the digital age. It considers modern tools and methods of data analysis that help entrepreneurs make informed decisions, optimize processes and increase business competitiveness.

Keywords: business analytics; digital age; analytics tools; data; entrepreneurship.

В условиях стремительного развития цифровых технологий и возрастающей конкуренции предприниматели вынуждены адаптироваться к новым реалиям рынка. Одним из ключевых факторов успеха становится эффективное использование инструментов бизнес-аналитики (BI). Эти инструменты позволяют предпринимателям принимать обоснованные решения, улучшать операционную эффективность и увеличивать прибыльность бизнеса. Безусловно, что в настоящее время все большее влияние на предпринимательство оказывают процессы глобализации и процессы в постиндустриальной экономике. Речь идет также о наступлении цифровой эры – широкого распространения персональных компьютеров, всеобъемлющее проникновение Интернета, массовое применение персональных портативных коммуникационных устройств.

Бизнес-аналитика – это процесс сбора, анализа и интерпретации данных для поддержки принятия управленческих решений. Она включает в себя использование

различных методов и инструментов для выявления тенденций, прогнозирования будущих событий и оптимизации бизнес-процессов. В условиях цифровой экономики, когда информация становится одним из ключевых ресурсов, бизнес-аналитика приобретает особое значение [2, с. 245].

Основные цели использования бизнес-аналитики:

- Принятие обоснованных решений: BI помогает анализировать большие объемы данных, выявлять тренды и закономерности, прогнозировать будущие события и разрабатывать стратегии на основе объективной информации [4, с. 423].

- Оптимизация процессов: Анализ данных позволяет оптимизировать внутренние процессы компании, снижая затраты и повышая производительность.

- Увеличение конкурентоспособности: Использование аналитических инструментов помогает лучше понимать потребности клиентов, предлагать персонализированные продукты и услуги, а также

оперативно реагировать на изменения рыночных условий [1, с. 90].

- Повышение эффективности маркетинга: BI-инструменты помогают оценивать результаты маркетинговых кампаний, сегментировать аудиторию и разрабатывать таргетированные предложения.

- Управление рисками: Аналитика позволяет идентифицировать потенциальные риски и разрабатывать меры по их минимизации [6, с. 74].

Инструменты бизнес-аналитики необходимы для того, чтобы помочь компаниям принимать обоснованные решения на основе данных. Они позволяют собирать, анализировать и визуализировать большие объемы информации, предоставляя руководству понимание текущего состояния бизнеса и помогая прогнозировать будущее развитие.

Инструменты бизнес-аналитики

1. OLAP-системы (Online Analytical Processing) предназначены для многомерного анализа данных. Они позволяют пользователям быстро получать агрегированную информацию, строить отчеты и проводить глубокий анализ различных аспектов деятельности компании.

2. Data Mining (Добыча данных) включает методы и алгоритмы, позволяющие находить скрытые закономерности и зависимости в больших объемах данных. Это помогает выявить новые возможности для роста и оптимизации бизнеса [9, с. 7].

3. Dashboards (Информационные панели) представляют собой визуализацию ключевых показателей эффективности (KPI), позволяющую руководителям быстро отслеживать состояние дел в компании. Панели могут отображать данные в режиме реального времени, предоставляя оперативную информацию для принятия решений.

4. Big Data Analytics – это набор методов и инструментов для обработки и анализа огромных объемов структурированных и неструктурированных данных. В цифровой эпохе эти данные становятся важнейшим ресурсом для бизнеса, позво-

ляя извлекать ценную информацию и инсайты [8, с. 25].

5. Predictive Analytics (Предиктивная аналитика) использует исторические данные и статистические модели для предсказания будущих событий. Эта технология особенно полезна для планирования продаж, управления запасами и прогнозирования спроса.

6. Machine Learning and AI применяются для автоматизации анализа данных, улучшения точности прогнозов и разработки рекомендаций. Эти технологии способны самостоятельно обучаться на данных и совершенствовать свои прогнозы [3, с. 556].

7. Cloud Computing: Облачные вычисления сделали доступными мощные аналитические инструменты даже для малого бизнеса. Сервисы вроде Amazon Web Services (AWS), Microsoft Azure и Google Cloud Platform предлагают масштабируемые решения для хранения и обработки данных.

8. Customer Relationship Management (CRM): CRM-системы помогают управлять взаимоотношениями с клиентами, собирая данные о поведении потребителей и предоставляя рекомендации по улучшению клиентского сервиса. Salesforce и Microsoft Dynamics являются одними из наиболее популярных CRM-решений [7, с. 99].

Несмотря на очевидные преимущества, внедрение BI сталкивается с рядом вызовов:

- 1) Высокие затраты: покупка и настройка BI-решений требуют значительных финансовых вложений.

- 2) Недостаточная квалификация персонала: для эффективного использования аналитики нужны специалисты с соответствующими знаниями и навыками.

- 3) Проблемы интеграции данных: разрозненные источники данных могут затруднять процесс анализа и принятия решений [5, с. 76].

Тем не менее, с развитием облачных технологий и упрощением интерфейсов

ВІ-инструментов, доступ к ним становится всё более доступным даже для малого и среднего бизнеса. Перспективы дальнейшего развития включают интеграцию с Интернетом вещей (IoT), усиление роли искусственного интеллекта и расширение возможностей визуализации данных.

В заключение можно отметить, что инструменты бизнес-аналитики стали неотъемлемой частью современного предпринимательства. Они позволяют компаниям оставаться конкурентоспособными, оптимизировать процессы, улучшать обслуживание клиентов и принимать обоснованные решения. Внедрение этих инструментов требует инвестиций в технологии и квалифицированный персонал, однако потенциал возврата инвестиций делает этот шаг необходимым для любого бизнеса, стремящегося к успеху в цифровую эпоху.

Библиографический список

1. Карлберг Бизнес-анализ с помощью Microsoft Excel / Карлберг, Конрад. – М.: Вильямс; Издание 2-е, 2021. – 448 с.
2. Аббакумов, В. Л. Бизнес-анализ информации. Статистические методы. Учебник / В. Л. Аббакумов. – М.: Экономика, 2022. – 578 с.
3. Бариленко, В. И. Актуальные направления развития бизнес-анализа и бизнес-аудита. Сборник статей / В. И. Бариленко. – М.: Ру-сайтс, 2024. – 390 с.
4. Галимова А. Ш., Хужиахметова Э. Р. Современное состояние цифровых экосистем в российских финансовых компаниях // Экономика и управление. – 2024. – № 6 (180). – С. 133–136. <https://elibrary.ru/item.asp?id=75178067> DOI: 10.34773/EU.2024.6.23
5. Орлова, Елена Роальдовна Бизнес-план: методика составления и анализ типовых ошибок. Примеры бизнес-планов / Орлова Елена Роальдовна. – М.: Омега-Л, 2023. – 754 с.
6. Павлов, И. М. Анализ бизнес-процессов при разработке инвестиционных проектов / И. М. Павлов. – М.: Синергия, 2020. – 363 с.
7. Пелих, А. С. Бизнес-план, или Как организовать собственный бизнес. Анализ. Методика. Практикум / А. С. Пелих. – М.: Ось-89, 2022. – 406 с.
8. Кислицын, Е. В. Исследование архитектуры сценариев для создания аналитической отчетности / Е. В. Кислицын, В. С. Рубежанская // e-FORUM. – 2022. – Т. 6, № 1(18). – С. 6. – EDN QTUEDF;
9. Соколова, Е. В. Теоретическое исследование оценки влияния ИТ архитектуры предприятия на организационные преимущества бизнеса / Е. В. Соколова // Россия молодая, Кемерово, 18–21 апреля 2023 года. – Кемерово: Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева, 2023. – С. 84124.1–84124.5. – EDN QGKCPA

© Галимова А. Ш., Шафигов А. Р., 2025

УДК 339.138

СТРАТЕГИИ МАРКЕТИНГА ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УСЛУГИ

EDN RPGKRC

Р. М. Гаппарова

*Студентка, e-mail: Gapparova@mail.ru,
Российский государственный
гуманитарный институт,
г. Москва, Россия*

MARKETING STRATEGIES FOR ATTRACTING STUDENTS TO EDUCATIONAL SERVICES

R. M. Gapparova

*Student,
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia*

Abstract. This article examines the relevance of using marketing tools to attract students to educational institutions. It raises the issue of limited budget allocations, which in many ways is a limitation in the implementation of marketing strategies of educational institutions. Examples of successfully implemented marketing strategies of the country's leading universities are given. In conclusion, algorithms of actions leading to the successful implementation of the tasks set before the educational institution are given.

Keywords: educational institutions; marketing; strategy; marketing activities; educational services; students.

Введение. В настоящее время образовательные учреждения все чаще прибегают к разработке стратегии и тактики в области маркетинга и коммуникаций. Важным элементом успешного развития образовательного учреждения является грамотный, профессионально продуманный подход к выбору средств и инструментов продвижения, разработке планов маркетинговой деятельности, проведению научных исследований, поиску наиболее эффективных подходов и развитию рекламных стратегий. Образовательные учреждения сталкиваются с множеством вызовов, и эффективное продвижение своих услуг становится критически важным для привлечения студентов и формирования положительного имиджа [1, с. 275].

В данной статье рассматриваются следующие маркетинговые инструменты: цифровой маркетинг, социальные сети, контент-маркетинг, а также стратегическое позиционирование и реклама, играют ключевую роль в создании видимости и узнаваемости учебных заведений.

Образовательные учреждения, создающие образовательный продукт, сталки-

ваются с необходимостью эффективно доставить его до конечного потребителя. Для молодого поколения, которое является основными потребителями образовательных услуг, характерна прогрессивность взглядов, позитивное восприятие инноваций и желание видеть их в различных сферах жизни [2, с. 112]. Их ожидания связаны с отходом от традиционных форм получения знаний, к наиболее современным форматам получения информации. Так, и выбор образовательного учреждения связан с ожиданиями в яркой рекламе, запоминающейся атрибутикой. Все это в совокупности ставит задачу перед образовательными учреждениями в рамках реорганизации подходов саморекламы и продвижения.

Важно отметить, что учреждения образования в значительной мере зависят от государственного финансирования, которое, согласно мнению экспертов, недостаточно во всех областях. Недостаток средств создает проблемы в продвижении образовательных продуктов и развитии учреждений. Для борьбы за внимание потребителей целесообразно внедрять кана-

лы коммуникации, которые способны эффективно и быстро доносить информацию до будущих потребителей. В данном случае социальные сети и контент, размещаемый в них, могут стать ключевыми инструментами для достижения этой цели.

Образовательные учреждения можно разделить на коммерческие и некоммерческие. Некоммерческая деятельность фокусируется не на извлечении прибыли, а на сохранении образовательных ценностей, проведении научных исследований, распространении знаний через организацию бесплатных мероприятий и т.д. [3, с. 59].

Коммерческая деятельность предполагает создание продукта, направленного на получение и увеличение прибыли через организацию платных мероприятий, проведение мастер-классов и открытых занятий.

Остановимся на дисциплине, изучающей формирование стратегии продвижения образовательных услуг. На сегодняшний день – это маркетинг образования, позволяющий изучить тактику коммуникаций между участниками рынка образовательных услуг: образовательными учреждениями, потребителями, обучающимися и посредниками. Эта область, являющаяся одной из наиболее динамично развивающихся в рамках современной экономики, а также она представляет собой перспективное поле для исследования научных принципов маркетинга.

Процесс создания и управления брендом называется брендингом. Он включает в себя усиление бренда, его позиционирование, идентификацию, агрегирование, репозиционирование, обновление и изменение стадий развития, а также расширение и углубление.

Один из наиболее популярных и доступных способов изучения бренда – определение уровня его узнаваемости. С этой целью необходимо определить процент целевой аудитории, который может вспомнить данный бренд [4, с. 31].

Вопрос измерительного инструмента маркетинга изучали такие исследователи в

данной сфере, как Артем Сенаторов. В своей работе «Контент-маркетинг. Стратегии продвижения в социальных сетях» он обозначает практический опыт компаний, направленный на создание собственного бренда и повышения уровня его узнаваемости.

Данному аспекту маркетинга посвятили свои труды Дж. Вюббен «Контент – это валюта». Над вопрос определения понятия контент-маркетинга работали О. В. Милаева и Н. Е. Ростовская.

Christine L. O'Connor в работе «The Role of Social Media in Educational Marketing» исследует методы использования социальных сетей для продвижения образовательных услуг и взаимодействия с целевой аудиторией.

Далее рассмотрим понятие «образовательное учреждение», в контексте изучаемого вопроса. В рамках маркетинга и брендинга образовательное учреждение можно определить как организованную структуру, которая предоставляет учебные услуги (школы, колледжи, университеты и другие образовательные организации) и использует целенаправленные стратегии для создания, продвижения и поддержания своего бренда.

Далее рассмотрим примеры того, как отечественные университеты используют разнообразные стратегии и тактики для продвижения своих брендов, акцентируя внимание на уникальных аспектах их образовательных программ и возможностей для студентов.

Московский государственный университет (МГУ) в рамках стратегии собственного ставит задачу по укреплению престижа и сохранению традиций.

В ходе реализации, поставленной задачи успешно проводятся мероприятия для студентов. Проходят дни открытых дней, семинаров с известными выпускниками. Важное значение играет и проведение научно-образовательных мероприятий, транслируемых через социальные сети, что во многом способствует привлече-

нию внимания и укреплению репутации университета.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) реализует стратегию по специализации в современных областях. Тактикой учреждения предприняты шаги по продвижению своих образовательных программ в области экономики, права и социальных наук через проведение вебинаров с преподавателями, мастер-классов и онлайн-курсов. Их маркетинговые кампании нацелены на молодых специалистов и бакалавров, желающих продолжить образование.

Томский государственный университет реализует идею развития инновационной экосистемы путем повышения внимания на стартапах и высоких технологиях. Они организуют хакатоны и инкубаторы для студентов, рекламируя эти мероприятия в социальных сетях и на своем сайте, что подчеркивает активное участие университета в предпринимательских инициативах.

Данные примеры свидетельствуют о том, что для успешной реализации поставленных задач необходимо определить направленность деятельности учреждения.

Для продвижения образовательных услуг учреждения можно использовать различные методы. Важным способом является сотрудничество с СМИ, такими как теле- и радиоканалы, профильные издания и новостные ресурсы, а также создание и распространение собственного контента. Это может включать издание и распространение научно-популярных или социально-гуманитарных журналов, брошюр и продуктов с тщательно продуманной концепцией, отражающей уникальность образовательного учреждения. Для привлечения и удержания клиентов важно проводить дни открытых дверей, творческие встречи, научные симпозиумы, семинары и конференции с участием выдающихся специалистов в соответствующей области [5, с. 175].

Для расширения каналов информационной коммуникации в образовательной

среде учреждения необходимо создать и активно продвигать официальный веб-сайт, а также поддерживать аккаунты в социальных сетях, учитывая интересы целевой аудитории. Используя информационно-технологические инструменты и методы, образовательное учреждение сможет привлечь новых пользователей образовательных услуг, одновременно формируя свой имидж и репутацию [5].

В современном мире существует обширный набор инструментов для продвижения услуг образовательных учреждений, таких как реклама в социальных сетях и таргетированная реклама. При использовании этих инструментов важно уделить внимание мониторингу, отчетности и аналитике рекламных компаний. Эффективная стратегия продвижения образовательного учреждения напрямую влияет на его репутацию и статус. Разработка стратегических маркетинговых решений должна быть ориентирована на направления обучения и виды предлагаемых образовательных услуг [6, с. 268].

В заключении важно отметить, что в основе каждого маркетингового инструмента лежит понимание потребностей целевой аудитории. Глубокое исследование и анализ предпочтений обучающихся помогут учреждениям создавать более целенаправленные и персонализированные предложения, что, в свою очередь, сделает их более привлекательными.

Не менее важно систематически адаптироваться к изменениям на рынке и быть открытыми к новым идеям. Инвестирование в маркетинг и инновации не только способствует привлечению студентов, но и формирует устойчивый бренд, который будет цениться на протяжении многих лет.

Анализ различных методов показывает, что успешные образовательные учреждения используют комплексный подход к маркетингу, сочетая традиционные и современные стратегии. Это позволяет не только повысить уровень вовлеченности потенциальных студентов, но и наладить

крепкие отношения с уже зарегистрированными учащимися и их семьями.

Библиографический список

1. Арсеньева, Н. В. Совершенствование маркетинговых приемов производителей наукоемкой продукции / Н. В. Арсеньева // Научные труды (Вестник МАТИ). – 2013. – № 21(93). – С. 274–277.
2. Баталова О. С. Специфика маркетинговых коммуникаций на рынке образовательных услуг [Текст] // Экономическая наука и практика: материалы Междунар. науч. конф. (г. Чита, февраль 2012 г.). – Чита: Издательство Молодой ученый, 2012. – С. 110–114.
3. Землянская, Н. Б. Латеральный маркетинг как инструмент создания новой товарной категории / Н. Б. Землянская, Н. В. Казакова, М. Н. Черкасов // Вестник Университета (Государственный университет управления). – 2016. – № 4. – С. 58–60.
4. Маркетинг образовательных услуг: учеб.-метод. материалы / Н. А. Пашкус [и др.]. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, – 2007. – С. 28–36.
5. Романова О. Н. Маркетинговая стратегия образовательного учреждения в реализации федерального государственного образовательного стандарта образования // Педагогическое мастерство: материалы Междунар. науч. конф. (г. Москва, апрель 2012 г.). – М.: Буки-Веди, 2012. – С. 174–177.
6. Zinchenko L. A. et al. Main Features of the Russian Economy and its Development / L. A. Zinchenko, E. V. Dzhamay, E. N. Klochko, O. V. Takhumova // International Journal of Applied Business and Economic Research. – 2017. – I. 15(23), – pp. 265–272.

© Ганпарова Р. М., 2025

УДК 908(470)

АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИЙСКОГО ПТИЦЕВОДСТВА

EDN RUDYEH

К. Р. Гимранова
У. А. Барлыбаев

Студентка, e-mail: gim.kar03@gmail.com,
кандидат экономических наук, доцент,
e-mail: ural_barlybaev@mail.ru,

Уфимский университет науки и технологии,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия

ANALYSIS OF THE COMPETITIVENESS OF RUSSIAN POULTRY FARMING

K. R. Gimranova
U. A. Barlybaev

Student,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the competitiveness of Russian poultry farming amid global challenges and import substitution. Key factors influencing the industry's position are examined: production capacity, product cost, logistics, state support, and export potential. Special attention is given to the dynamics of key indicators from 2020 to 2024, including production volume, domestic and foreign market shares, and the level of technological modernization in enterprises.

The study incorporates up-to-date statistical data from the Ministry of Agriculture, Rosstat, and industry associations, as well as case studies of leading poultry enterprises. The research findings are of practical relevance for producers, regulators, and investors in the agro-industrial sector.

Keywords: poultry farming; Russian poultry industry; competitiveness; import substitution; export; SWOT analysis.

История коммерческого птицеводства в России начинается с появлением первых колхоз-совхозов в 1920 годах. До этого считалось, что данная отрасль не может приносить прибыль, а лишь необходима для прокормления крестьянских семей.

Сейчас в современной России птицеводство является одной из ключевых отраслей агропромышленного и сельского хозяйственного комплексов, обеспечивающих население натуральными и качественными продуктами мясного питания. В условиях глобализации и усиления конкуренции на мировом рынке повышение конкурентоспособности российских птицеводческих предприятий становится важной задачей для устойчивого развития отрасли.

В 2024 году в России потребление мяса всех видов увеличилось на 2 килограмма и составило 83 килограмма на человека. Об этом сообщил генеральный директор Национального союза птицеводов (НСП) Сергей Лахтюхов в кулуарах Межрегиональной агропромышленной конференции МАК-2025. Он отметил, что значительный рост показали как мясо птицы, так и свинина. По результатам прошлого года, в общем объеме потребления мяса на долю мяса птицы приходится около 36 килограммов [3, с. 2].

По итогам 2024 года, согласно рейтингу Национального союза птицеводов (НСП), группа агропредприятий «Ресурс» лидирует в птицеводческом секторе России, произведя 1 070 тысяч тонн мяса бройлеров в живом весе.

Другие компании из топ-25 производителей курятины в России в 2024 году:

- группа «Черкизово» – 1 051 тысяча тонн;
- АО «Приосколье» – 453 тысячи тонн;
- ГК «Агрокомплекс имени Н. И. Ткачёва» – 436 тысяч тонн.

Эти предприятия контролируют весь цикл производства – от выращивания птицы до переработки и реализации готовой продукции.

Роль данных лидирующих игроков, которые забирают большую долю рынка в данной отрасли, состоит в том, что они осуществляют ключевую роль в развитии российского птицеводства.

Крупные игроки отрасли активно инвестируют в модернизацию производств, что способствует повышению эффективности и конкурентоспособности отрасли на мировом рынке, экспортируя продукцию в страны зарубежья и СНГ, что способствует увеличению доли российской продукции на мировом рынке.

Однако несмотря на свои преимущества, крупные компании сталкиваются с рядом проблем, а именно с высоким уровнем издержек. К сожалению, на данный момент российский рынок зависим от импортного оборудования и кормов, что увеличивает уровень расходов и тем самым себестоимость продукции.

Также производство несёт в себе ряд экологических проблем. Утилизация отходов и выбросов парниковых газов остаются на данный момент серьезными вызовами для крупных производителей.

За девять месяцев 2024 года поставки российского мяса птицы за рубеж составили около 290 тыс. т, что на 12 % больше, чем за прошлый 2023 год, сообщили в центре «Агроэкспорт». В топ-3 импортеров входят Китай, Саудовская Аравия и Казахстан.

По данным Национальной мясной ассоциации (НМА), Россия за девять месяцев 2024 года увеличила поставки продукции мясного птицеводства во Вьетнам на 23 %, в Конго – в два раза, в Туркмению – в шесть раз.

Таблица 1

Мировое производство мяса основных видов (млн тонн)

Вид мяса	2019 год	2020 год	2021 год	2022 год	2023 год	2024 год
Всего	257,3	253,4	267,6	275,8	279,7	280,2
Свинина	101,5	96,1	108	114,6	116,2	115,6
Мясо бройлеров	97,3	99,7	101,2	101,9	103,5	104,2
Говядина	58,5	57,6	58,4	59,3	60	60,4

Таблица 2

Производство мяса в мире по странам и на душу населения

№	Страна	Объём производства мяса (тонны) в год	Производство мяса на человека (кг) в год
1	Китайская Народная Республика	92 615 941,6	66,446
2	Соединённые Штаты Америки	48 876 685,21	149,121
3	Бразилия	29 497 015,24	140,775
4	Российская Федерация	11 540 000	77,249
5	Индия	10 888 239,92	8,147

По словам главы НМА Сергея Юшина, важным является тот факт, что российские экспортеры укрепляют свои позиции

на тех рынках, где уже представлены. Так, в странах Персидского залива, например Саудовской Аравии, российские предпри-

ятия проделали огромную работу по продвижению халяльной продукции. Кроме того, наши экспортеры создали в этом регионе свои подразделения для максимальной эффективной работы, говорит эксперт.

Исходя из таблицы 2 можно увидеть, что в топ-5 мировом производстве на 2024 год Россия занимает 4 место, изготавливая 11,5 млн тонн мяса в год.

Таким образом, можно сделать вывод, что конкурентоспособность птицеводческих предприятий в России не отстаёт от развитых стран, а лишь с каждым годом набирает более уверенные позиции топ-стран в данной сфере.

Библиографический список

- 1 Агроэксперт. Аналитический отчёт по экспорту мяса птицы (2024). URL: <https://www.agro-expert.ru>
- 2 АО «Приосколье». Отчёт о sustainable-практиках (2024).
- 3 Всероссийский НИИ птицеводства. Научные публикации по модернизации отрасли
- 4 ГК «Ресурс». Презентация для инвесторов (2024).
- 5 ГК «Черкизово». Годовой отчёт за 2024 год. URL: <https://www.cherkizovo.com>
- 6 Журнал «Агробизнес». Интервью с С. Лахтюховым (МАК-2025)
- 7 Минсельхоз России. Статистика агропромышленного комплекса за 2024 год.
- 8 Минэкономразвития РФ. Стратегия развития АПК до 2030 года.
- 9 Национальная мясная ассоциация (НМА). Отчёт о динамике экспорта (2024).
- 10 Национальный союз птицеводов (НСП). Официальный сайт. URL: <https://www.poultryunion.ru>
- 11 РБК. Анализ конкуренции на рынке мяса птицы (2024). URL: <https://www.rbc.ru>
- 12 Росстат. Данные по производству мяса птицы в РФ (2020–2024 гг.).
- 13 USDA (Министерство сельского хозяйства США). Обзор мирового рынка мяса (2024).
- 14 FAO (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН). Мировое производство мяса (2024). URL: <https://www.fao.org>
- 15 Эксперт РА. Рейтинг крупнейших агрохолдингов России (2024).

© Гимранова К. Р., Барлыбаев У. А., 2025

УДК 908(470)

**ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПТИЦЕВОДЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА
ООО «ТЮЛЬГАНСКИЙ ПТИЦЕКОМПЛЕКС»**

EDN SBHSDT

К. Р. Гимранова
У. А. Барлыбаев*Студент, e-mail: gim.kar03@gmail.com,
кандидат экономических наук, доцент,
e-mail: ural_barlybaev@mail.ru,
Уфимский университет науки и технологии,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия***HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE POULTRY COMPLEX
LLC «TYULGANSKY POULTRY COMPLEX»****K. R. Gimranova**
U. A. Barlybaev*Student,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. The article analyzes the history of formation and development of LLC «Tyulgansky Poultry Complex» – one of the successful enterprises in the Russian poultry industry. The study covers the period from the company's founding in 2010 as a small family business to its transformation into a large production complex with a branch in the Republic of Bashkortostan. The paper examines in detail the key stages of the enterprise's development. Special attention is paid to production indicators, product range (8 poultry breeds, meat products, related goods), and the socio-economic significance of the enterprise for the Orenburg region and Bashkortostan. The methodological basis of the study includes the analysis of company archives, employee interviews, statistical reports, and regional media materials.

Keywords: Tyulgansky poultry complex; history of poultry farming development; goose farming; hatchery; digitalization of agriculture; regional development.

Птицеводство является одной из ключевых отраслей агропромышленного комплекса России, обеспечивающей население доступным и качественным источником белка. В условиях растущего спроса на мясо птицы и ужесточения конкуренции на рынке особую значимость приобретает изучение опыта успешных предприятий, сумевших не только адаптироваться к изменениям, но и занять лидирующие позиции в отрасли.

Одним из таких предприятий является ООО «Тюльганский птицекомплекс», история развития которого отражает эволюцию российского птицеводства – от небольшого семейного бизнеса до крупного предприятия с более чем 10 тысяч голов родительского стада гусей, расположенных на 6 фермах, инкубаторными ком-

плексами и цехами подращивания общей площадью более 4000 квадратных метров.

ООО «Тюльганский птицеводческий комплекс» начинал как небольшой семейный бизнес, основанный с любовью к птицеводству и заботой о животных. Сегодня комплекс вырос в крупное предприятие с более чем 10 тысяч голов родительского стада гусей, расположенных на 6 фермах в Зианчуринском районе. Сотрудники очень гордятся двумя инкубаторными комплексами и цехами подращивания общей площадью более 4000 квадратных метров.

Данное предприятие было основано Абдрахимовым Рустамом Тагировичем 20 февраля 2010 года, когда была осуществлена первая партия бройлеров. В начале работы комплекс закупал суточную птицу на крупных птицефабриках, самостоя-

тельно подращивал её и продавал местным жителям. С каждым годом поголовье увеличивалось, расширялся ассортимент птицы.

Предприятие «Тюльганский птицеводческий комплекс» (ТПК) осуществляет разведение и выращивание домашней птицы, а также мясной продукции и инкубаторы с инфракрасными лампами.

Некоторые виды производимой продукции:

- инкубационные яйца гусей пород «Уральская белая», «Линда», «Крупные серые»;
- гусята пород «Уральская белая», «Линда», «Крупные серые»;
- бройлеры породы «Росс-308»;
- утята пород «Агидель», «Башкирская цветная», «Черри-Велли»;
- муларды и индюшата пород «Хайбрид конвертер», «Бронзовые»;
- мясная продукция: мясо гусей, уток, бройлеров, а также субпродукты (печень, желудки, сердечки);
- сопутствующие товары: витамины и антибиотики, кормушки и поилки, инфракрасные лампы.

С 2015 года на территории комплекса был построен собственный инкубаторий, что поспособствовало самостоятельно производить суточные молодняки птиц с соблюдением всех санитарных норм.

В 2018 году ООО «Тюльганский птицекомплекс» вышел на новый уровень развития, запустив ферму по выращиванию уток и гусей в Зианчуринском районе Республики Башкортостан. На начальном этапе здесь содержалось более 10 000 голов маточного поголовья, что позволило предприятию диверсифицировать производство и укрепить свои позиции на рынке по производству и выращиванию птицы.

Начиная с 2020 года птицекомплекс начал осуществлять доставки по заявкам через социальные сети по районам Оренбургской области и Республике Башкортостан, что позволило увеличить количество партий, доставок и охват целевой аудитории. Этот шаг оказался стратегиче-

ски важным, особенно в условиях пандемии, когда традиционные каналы сбыта стали менее надежными.

На 2023 год Тюльганский птицекомплекс осуществил:

- отправку 140 экипажей для доставки птицы по Оренбургской области и Республике Башкортостан;
- принял 6450 заявок на продукцию;
- увеличил производство маточного поголовья гусей с 8500 до 11500 голов;
- произвело более 260 тысяч инкубационных яиц гусей;
- произвело более 45 тонн мясной продукции;
- продано более 540 тысяч голов птиц;

Таким образом, данная статистика на 2023 год показывает, что предприятие имеет конкурентноспособный потенциал, а также предприятие успешно адаптируется к современным рыночным условиям. Запуск новой фермы в Башкортостане, внедрение цифровых продаж и рост производственных показателей демонстрируют устойчивую бизнес-модель и потенциал для дальнейшего развития и глобализации своего производства.

История развития ООО «Тюльганский птицекомплекс» – это яркий пример успешной трансформации сельскохозяйственного предприятия в условиях современного рынка. От небольшой семейной фермы в Оренбургской области до крупного производства с филиалом в Башкортостане, от ручного труда до автоматизированных линий и цифровых продаж – компания прошла впечатляющий путь, демонстрируя гибкость, стратегическое мышление и ориентацию на качество.

Перспективы «Тюльганского птицекомплекса» связаны с углубленной переработкой, экспортной экспансией и внедрением «зеленых» технологий. Опыт компании доказывает: даже в сложных экономических условиях грамотное управление, инвестиции в инновации и клиентоориентированный подход обеспечивают стабильный рост.

Библиографический список

- 1 Официальный социальная сеть «ВКонтакте» ООО «Тюльганский Птицекомплекс»: <https://vk.com/tpkompleks?ysclid=m8vy4khves779137216>
- 2 Официальный сайт ООО «Тюльганский Птицекомплекс»: <https://tpkompleks.ru/>
- 3 Официальный сайт «Проверка контрагентов» <https://checko.ru/company/tyulgansky-pticekompleks-1125658036481?ysclid=m8x7xi7hza245140913>

© Гимранова К. Р., Барлыбаев У. А., 2025

УДК 339.138

МАРКЕТИНГ В ЭПОХУ ПОСТ-COVID: КАК ИЗМЕНИВШИЕСЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ПРИВЫЧКИ ФОРМИРУЮТ НОВУЮ РЕАЛЬНОСТЬ

EDN SDDZNI

Р. Р. Давлетшин
А. И. Фаткуллин
Е. В. Кузнецова

*Студенты, e-mail: Radmirdavletshin1@yandex.ru,
e-mail: Aibul@icloud.com,
кандидат социологических наук, доцент,
e-mail: 5kuznetsova@mail.ru,
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*

MARKETING IN THE POST-COVID ERA: HOW CHANGING CONSUMER HABITS ARE SHAPING A NEW REALITY

R. R. Davletshin
A. I. Fatkullin
E. V. Kuznetsova

*Students,
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. The article is devoted to the analysis of changes in consumer behavior and marketing strategies in the post-COVID era. It reveals key trends such as accelerated digitalization and the growth of online commerce, the development of omnichannel business models, increased personalization, brand trust management and image marketing, and the activation of ESG concepts of sustainable development and green marketing. Special attention is paid to the long-term consequences of the pandemic, which have transformed the market and consumer habits of customers, so it is advisable for brands to apply new methods of segmentation and targeting in the digital space.

Keywords: post-COVID marketing; digitalization; online commerce; omnichannel; personalization; brand trust; consumer behavior; image marketing; green marketing.

Актуальность. В 2020 году COVID-19 изменил не только повседневную жизнь людей, но и поведение потребителей, так как мир столкнулся с рядом кризисов – пандемическими, экономическими и климатическими. Для дальнейшего развития и выживания брендам потребовался глубокий пересмотр своих стратегий. Поэтому одна из главных тенденций в этот период стала ускоренная цифровизация. Компании по всему миру начали активно переходить на многоканальные и гибридные бизнес-модели. Цифровой шопинг стал неотъемлемой частью повседневной жизни людей. Персонализация и нанотаргетинг сумели выйти на новый уровень, позволяя брендам лучше понимать своих клиентов и выстраивать более точечные коммуникации. Также одним из важнейших элементов взаимодействия с клиен-

тами стало доверие и социальная ориентированность компаний и государства [7]. В эпоху дезинформации именно проверенные бренды имеют больше шансов завоевать лояльность аудитории, поэтому управление деловой репутацией в цифровом пространстве стало одним из ключевых направлений для маркетологов. Многими компаниями были переосмыслены подходы к использованию данных о потребителях, что способствовало внедрению гибких стратегий, способных адаптироваться к быстро меняющимся условиям рынка. Таким образом, постпандемический маркетинг – это баланс между долговечностью, гибкостью и инновациями, который требует от брендов не только точного понимания потребностей клиентов, но и смелости в принятии нестандартных решений.

Цель исследования: выявить влияние пандемии COVID-19 на трансформацию маркетинговых стратегий, определить ключевые изменения в поведении потребителей и идентифицировать долгосрочные тренды, которые продолжают оказывать влияние на маркетинг.

Задачи исследования: провести анализ влияния ускоренной цифровизации на маркетинговые стратегии; исследовать роль омниканальных моделей и интеграции онлайн- и офлайн-пространств; рассмотреть подходы компаний к персонализации, управлению доверием и имиджевым маркетингом; оценить влияние социальных и экономических факторов на поведение брендов в отношении ESG и зеленого маркетинга.

Основные результаты исследования. Пандемия COVID-19 стала глобальным событием, которое вызвало временные

изменения в поведении потребителей и заложило фундамент для долгосрочных трендов, а также способствовало трансформации рынка и бизнес-стратегий.

Во-первых, увеличиваются объемы электронной торговли. Период пандемии стал огромным прорывом для массового внедрения цифровых технологий. Ускоренный переход к онлайн-торговле и акцент на здоровье сильно повлиял на новую реальность для маркетологов. Российский рынок e-commerce, согласно данным Data Insight, вырос на 44 % в 2020 г., а популярные площадки, такие как Wildberries и Ozon, активно расширили логистические возможности и улучшили клиентский сервис. Данный тренд сохранился и после завершения пандемии, что подтверждается постоянным увеличением доли онлайн-покупок в структуре потребления в 2024 г. (рис. 1) [6].

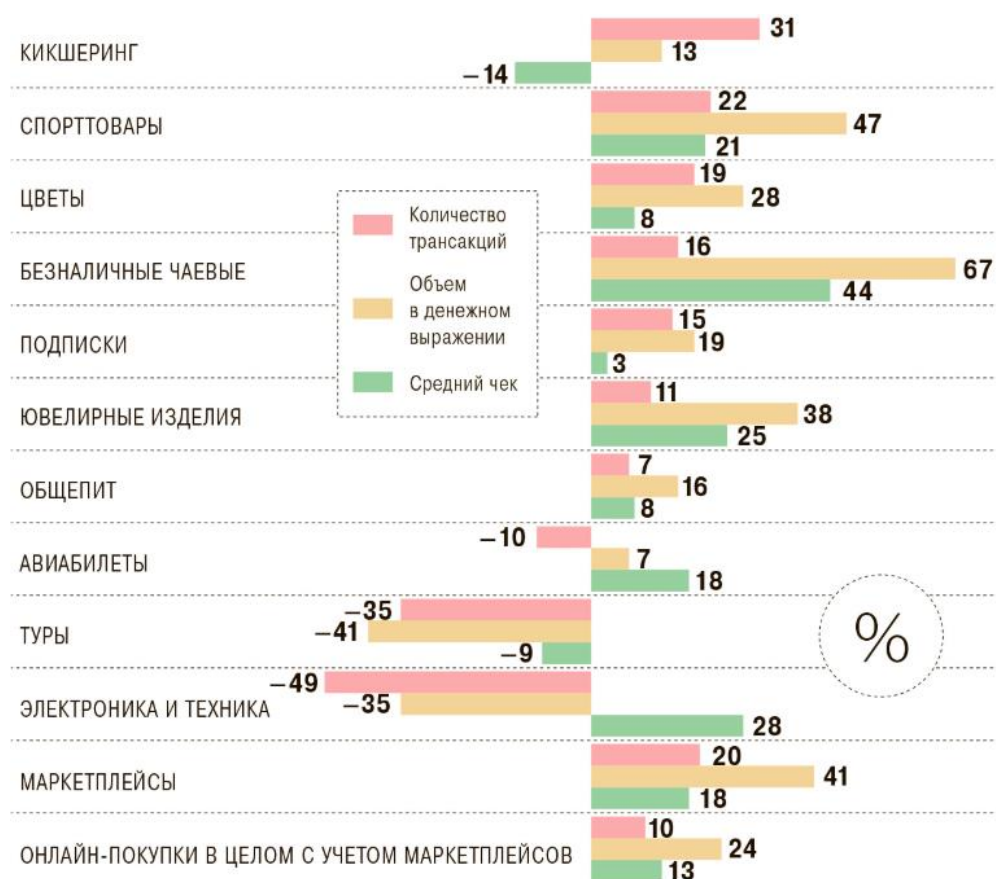

Рис. 1. Траты россиян в онлайн в 2024 г. по сравнению с 2023 г.

Во-вторых, компании делают упор на цифровизацию и персонализацию. В целом интерес вызывает рейтинг, проведен-

ный INFOline, в отношении роста рынка e-grocery в РФ (рис. 2) [5].

Рис. 2. Рост e-grocery в РФ во II кв. 2024 г. по сравнению с II кв. 2023 г.

Например, благодаря COVID-19 ритейлер «Магнит» усилил развитие онлайн-торговли, создав новую площадку для оформления заказов и быстрой доставки продуктов на дом, создал мобильное приложение с простым и удобным интерфейсом, что позволило адаптироваться к быстрорастущему спросу. Кроме этого, «Магнит» стал использовать клиентский

опыт [2] и персонализировал предложения и рекламные и PR-кампании [4]. При разработке инструментов стимулирования сбыта в цифровом пространстве digital-маркетологи компании опираются на аналитику данных. Таким образом «Магнит» не только удержал аудиторию в постпандемийный период, а расширил ее (рис. 3).

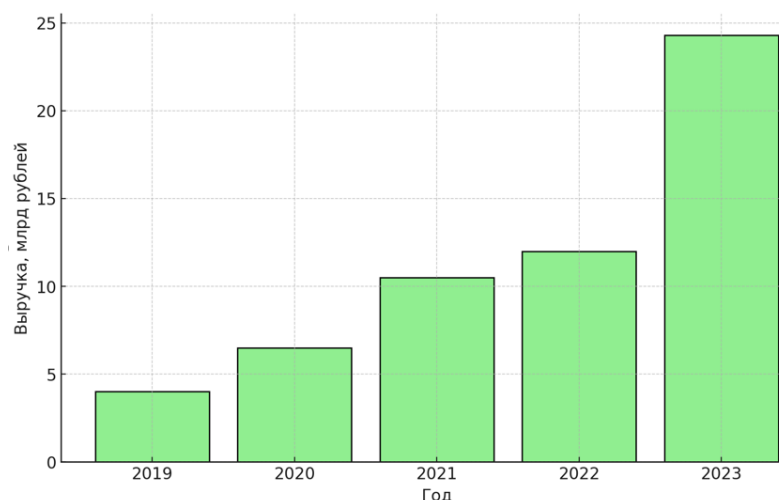

Рис. 3. Рост выручки онлайн-доставки «Магнит», 2019–2023 гг.

Во-третьих, в маркетинговых коммуникациях развивается новая модель взаимодействия с клиентами: омниканальная. Компании, удовлетворяя все более высокие потребности клиентов, выходят на единое потребительское пространство. Омниканальная маркетинговая стратегия предполагает гибкую и тесную связь всех каналов коммуникаций. Например, «Лемана ПРО («Леруа Мерлен»)» развивает одновременно мобильное приложение и офлайн-магазины, позволяющие потенциальным клиентам легко перемещаться между маркетинговыми каналами компании.

В-четвертых, благодаря пандемии, многие компании пересмотрели принципы сегментации и таргетирования. Например, Т-Банк использует анализ ценностей и предпочтений целевых аудиторий с целью создания УТП, соответствующего интересам и потребностям клиентов, внедряет карту эмпатии и карту пути клиента (CJM), что способствует повышению лояльности клиентов и обеспечивает устойчивое развитие банковского бизнеса.

В-пятых, после COVID-19 компании в свои маркетинговые стратегии активно встроили элементы концепции устойчивого развития ESG и пересмотрели позиционирование. Компании говорят об экологической ответственности брендов (прозрачной отчетности, экологичном использовании ресурсов, экологичных упаковках и продуктах, зеленом маркетинге) [8]. Как пример можно отметить отрасль HoReCa. Многие рестораны связаны диверсифицируются именно в глэмпинг-индустрию [1]. Концепция ESG приводит к позитивному маркетинговому обновлению имиджа и репутации ресторанов, которые акцентируют внимание на новый тренд – имиджевый маркетинг [3].

Заключение. Изменившиеся потребительские привычки в эпоху пост-COVID сформировали новую реальность во всех отраслях экономики, привели к глобаль-

ным изменениям в маркетинге и его трендах. На первый план сейчас выходят сами потребители с высокими требованиями и запросами в сфере e-commerce, а бренды вынуждены подстраиваться, используя гибкие инструменты digital-маркетинга, имиджевого маркетинга и зеленых принципов ESG.

Библиографический список

1. Бикметов Е. Ю., Банников А. А., Кузнецова Е. В., Рувенный И. Я. Основы концептуальной модели глэмпинг-маркетинга // Kant. – 2024. – № 3 (52). – С. 4–10.
2. Бикметов Е. Ю., Галиханова Л. И., Кузнецова Е. В., Рувенный И. Я. Использование клиентского опыта для принятия маркетинговых решений в здравоохранении // KANT. – 2023. – № 3 (48). – С. 4–9.
3. Касимова Э. Р., Кузнецова Е. В., Рувенный И. Я. Концептуальная модель имиджевого маркетинга // Бизнес. Образование. Право. – 2024. – 3 (68). – С. 46–51.
4. Котельникова А. С., Кузнецова Е. В. Использование концепции RACE для разработки PR-кампании организации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 12-2 (87). – С. 223–226.
5. «Магнит» стал лидером по динамике online-продаж продуктов во II квартале 2024 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.retail.ru/rbc/pressreleases/soglasno-reytingu-infoline-e-grocery-russia-top-magnet-stal-liderom-po-dinamike-online-prodazh-produ/?ysclid=m7ob95t48q781852430> (дата обращения 28.02.2025).
6. Региональная е-кспансия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/7432787> (дата обращения 27.02.2025).
7. Социальная политика государства в контексте долгосрочных национальных целей развития: коллективная монография / отв. ред. З. Э. Сабирова, О. В. Сидорова. – Уфа: БАГСУ, 2024. – 412 с.
8. Bikmetov E., Bogatyreva M., Kuznetsova E., Ruvenny I., Golikov S. Green marketing and territorial branding as a regional identity economy element // BIO web of conferences. International Scientific Conference on Biotechnology and Food Technology (BFT-2024). Les Ulis, 2024. С. 08010.

© Давлетишин Р. Р., Фаткуллин А. И., Кузнецова Е. В., 2025

УДК 330.322

**АНАЛИЗ И ОПТИМИЗАЦИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ХОЗЯЙСТВУЮЩЕГО СУБЪЕКТА: ВСЕСТОРОННИЙ ПОДХОД
К ПОВЫШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ**

EDN SFNWLW

М. С. Кузнецов

А. Хайдаров

*Кандидат экономических наук, доцент,
ORCID 0000-0002-6318-5837,
e-mail: MSKuznecov@kpfu.ru,
магистрант,
Елабужский институт (филиал),
Казанский (Приволжский)
федеральный университет,
г. Елабуга, Республика Татарстан, Россия*

**ANALYSIS AND OPTIMIZATION OF INVESTMENT ACTIVITY
OF THE ENTERPRISE: A COMPREHENSIVE APPROACH
TO IMPROVING EFFICIENCY**

M. S. Kuznetsov

A. Khaidarov

*Candidate of Economics, Associate Professor,
Student,
Yelabuga Institute (branch),
Kazan (Volga Region) Federal University,
Yelabuga, Republic of Tatarstan, Russia*

Abstract. The article considers a comprehensive approach to the analysis and optimization of investment activity of the enterprise. The system of indicators including the assessment of investment potential (products, personnel, innovation, finance, territory and social sphere) is presented. The methods of analyzing the components of the potential are described, as well as the principles of rating assessment of investment activity. The necessity of development of optimization measures to increase investment attractiveness and efficiency of capital use, ensuring sustainable development of the enterprise is emphasized.

Keywords: investment activity; investment potential analysis; rating assessment; investment optimization; enterprise competitiveness; financial potential; human resources potential.

В современных условиях рыночной экономики инвестиционная деятельность представляет собой критически важный фактор, определяющий траекторию развития и конкурентоспособность хозяйствующего субъекта. Эффективное управление инвестициями требует не только привлечения капитала, но и систематического анализа, выявления неиспользованных резервов и оптимизации ключевых бизнес-процессов. Данная статья посвящена рассмотрению комплексного подхода к анализу и оптимизации инвестиционной деятельности предприятия, основанного на применении системы показателей, оценке инвестиционного потенциала, рейтинговании и последующей разработке и внедрении управленческих решений, направленных на повышение эффективности.

Система показателей инвестиционной деятельности является основой для комплексной оценки. Формирование адекватной системы показателей, отражающих различные аспекты функционирования и возможностей предприятия, является необходимым условием для проведения всестороннего анализа инвестиционной деятельности [3, с. 102]. Данная система должна включать как внутренние ресурсы и компетенции предприятия, так и внешние факторы, оказывающие влияние на его инвестиционную привлекательность. Ядром системы выступает оценка инвестиционного потенциала.

Инвестиционный потенциал предприятия заключается в структурированном подходе к определению возможностей. Инвестиционный потенциал предприятия представляет собой интегральную характеристику, отражающую совокупность ресурсов, компетенций и благоприятных условий, позволяющих ему эффективно привлекать и использовать инвестиции для достижения стратегических целей [6, с. 180]. Структура инвестиционного потенциала включает определенные ключевые компоненты. Потенциал продукции характеризует конкурентоспособность производимой продукции или оказываемых услуг на целевом рынке. Анализ включает оценку жизненного цикла продукции, перспектив расширения ассортимента, внедрения инноваций и соответствия потребностям целевой аудитории. Комплексная оценка позволяет выявить возможности для увеличения рыночной доли и повышения рентабельности продаж. Кадровый потенциал отражает уровень квалификации, опыта, мотивации и лояльности персонала, а также его способность к обучению и адаптации к новым технологиям и методам управления. Оценка предполагает анализ квалификационного состава, текучести кадров, затрат на обучение и повышение квалификации, а также изучение факторов, влияющих на мотивацию и удовлетворенность сотрудников.

Инновационный потенциал оценивает способность предприятия к разработке и внедрению принципиально новых продуктов, технологий и процессов, а также наличие правовой защиты интеллектуальной собственности. Анализ включает оценку затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), количества и качества полученных патентов и лицензий, времени, необходимого для внедрения инноваций, а также изучение сотрудничества с научными организациями [1, с. 115].

Финансовый потенциал характеризует финансовую устойчивость предприятия, его платежеспособность, рентабельность, ликвидность, структуру капитала и доступность к финансовым ресурсам, включая заемные средства. Оценка предполагает анализ финансовых показателей на основе данных бухгалтерской отчетности, а также изучение кредитной истории и взаимодействия с финансовыми институтами [7, с. 210]. Территориальный потенциал учитывает географическое положение предприятия, доступность к сырьевым ресурсам, транспортной инфраструктуре, рынкам сбыта и квалифицированной рабочей силе. Оценка включает анализ регионального законодательства, налогового режима, инвестиционного климата и экологической ситуации [11, с. 78]. Социальный потенциал оценивает репутацию предприятия в обществе, его социальную ответственность, взаимоотношения с местными сообществами, экологическую безопасность и вклад в развитие социальной инфраструктуры региона. Оценка предполагает изучение общественного мнения, анализ участия в социальных проектах и программах, а также оценку воздействия деятельности предприятия на окружающую среду [8, с. 90].

Детализация анализа компонентов инвестиционного потенциала основывается на применении научного подхода. Глубокий анализ каждого компонента инвестиционного потенциала предполагает использование широкого спектра научных методов и инструментов, позволяющих получить объективную и достоверную оценку. Помимо традиционного анализа рыночной доли и рентабельности, целесообразно применять методы стратегического анализа, такие как SWOT-анализ и PEST-анализ, для выявления внешних угроз и возможностей [10, с. 95]. Оценка конкурентоспособности должна включать анализ потребительских предпочтений и формирование уникального торгового предложения.

При оценке кадрового потенциала следует использовать методы оценки компетенций, позволяющие определить уровень профессиональных знаний, навыков и личных качеств сотрудников [2, с. 201]. Важным аспектом является также анализ системы мотивации персонала и разработка мер по ее совершенствованию.

Оценка инновационного потенциала требует применения методов бенчмаркинга, позволяющих сравнить инновационную деятельность предприятия с деятельностью лидеров отрасли. Необходимым становится также анализ эффективности инвестиций в НИОКР и оценка коммерческого потенциала инновационных разработок [4, с. 245].

При оценке территориального потенциала необходимо учитывать факторы, влияющие на стоимость производства и логистику. Анализ регионального законодательства должен включать изучение налоговых льгот, инвестиционных субсидий и других форм государственной поддержки [9, с. 68].

Оценка социального потенциала предполагает использование методов социологических исследований, позволяющих изучить общественное мнение и определить степень социальной ответственности предприятия [7, с. 78]. Важным является также анализ воздействия деятельности предприятия на окружающую среду и разработка мер по снижению негативного воздействия. Оценка финансового потенциала требует применения методов финансового анализа, позволяющих оценить финансовую устойчивость, платежеспособность, рентабельность, ликвидность и структуру капитала предприятия [3, с. 156].

Классы кредитоспособности заемщика способствуют оценке вероятности инвестиционных рисков. Оценка кредитоспособности предприятия-заемщика является неотъемлемой частью анализа инвестиционной деятельности, поскольку позволяет оценить риски, связанные с предоставлением финансирования. Кредитоспособность оценивается на основе анализа финансовых пока-

зателей, деловой репутации, отраслевой принадлежности и качества управления. Рейтинговые агентства присваивают предприятиям кредитные рейтинги, отражающие вероятность дефолта по долговым обязательствам. Инвесторы и кредиторы используют эти рейтинги для принятия обоснованных решений [5, с. 102].

Рейтинговая оценка инвестиционной деятельности осуществляется благодаря интегральному показателю инвестиционной привлекательности. Рейтинговая оценка инвестиционной деятельности представляет собой интегральный показатель, отражающий совокупное влияние различных факторов на инвестиционную привлекательность предприятия. Для проведения рейтинговой оценки необходимо выделить основные группы факторов, оказывающих влияние на инвестиционную деятельность, такие как финансовые показатели, производственные показатели, маркетинговые показатели, инновационные показатели и показатели управления. Для каждой группы факторов необходимо определить конкретные параметры, которые будут использоваться для оценки. Каждому параметру присваивается балльная оценка в зависимости от его значения. Для определения относительной важности каждого параметра используют методы экспертных оценок, позволяющие учесть субъективное мнение специалистов [8, с. 55]. Рейтинговая оценка обеспечивает возможность сопоставления инвестиционной привлекательности различных предприятий и выбора наиболее перспективных объектов для инвестирования.

Оптимизация инвестиционной деятельности проводится с использованием комплекса мер по повышению эффективности. На основе результатов проведенного анализа и рейтинговой оценки необходимо разработать и реализовать комплекс мер по оптимизации инвестиционной деятельности, направленных на повышение инвестиционной привлекательности предприятия и эффективности использования инвестиций. Эти меры должны быть инте-

гированы в стратегию развития предприятия и учитывать специфику его деятельности [12, с. 123].

Ключевые направления оптимизации включают:

1. Повышение конкурентоспособности продукции за счет улучшения качества, снижения издержек и внедрения инноваций.

2. Улучшение кадрового потенциала за счет повышения квалификации персонала, мотивации сотрудников и снижения текучести кадров.

3. Развитие инновационной деятельности за счет увеличения инвестиций в НИОКР, сотрудничества с научными организациями и создания благоприятной инновационной среды.

4. Улучшение финансового состояния за счет повышения рентабельности, снижения долговой нагрузки и оптимизации структуры капитала.

5. Повышение социальной ответственности за счет участия в социальных проектах, улучшения условий труда и снижения негативного воздействия на окружающую среду.

6. Совершенствование системы управления инвестициями за счет разработки четких критериев отбора инвестиционных проектов, внедрения системы мониторинга и контроля за реализацией проектов, а также проведения анализа результатов инвестиционной деятельности.

Таким образом, анализ и оптимизация инвестиционной деятельности представляют собой непрерывный процесс, требующий постоянного мониторинга, адаптации к изменяющимся условиям внешней среды и применения научно обоснован-

ных методов. Комплексная оценка инвестиционного потенциала, рейтинговая оценка и реализация мер по оптимизации позволяют предприятиям повысить свою инвестиционную привлекательность, привлечь необходимые ресурсы для развития и обеспечить устойчивый рост в долгосрочной перспективе.

Библиографический список

1. Абдрахманова, Г. И., Гохберг, Л. М., Зайцева, Г. И. Индикаторы инновационной деятельности: 2018: статистический сборник. Москва: НИУ ВШЭ, 2018. – 344 с.
2. Базаров, Т. Ю. Управление персоналом. Москва: Юрайт, 2021. – 432 с.
3. Гаврилова, А. Н., Сысоева, Е. Ф., Барабанов, А. И. Финансовый менеджмент: Учебное пособие. Москва: КноРус, 2021. – 432 с.
4. Донцова, Л. В., Никифорова, Н. А. Анализ финансовой отчетности. Москва: Дело и Сервис, 2017. – 336 с.
5. Дурды, А. В. Управление человеческими ресурсами. Санкт-Петербург: Питер, 2020. – 208 с.
6. Иванов, В. В. Инвестиции и инновации в современной экономике. Санкт-Петербург: Лань, 2018. – 352 с.
7. Ковалев, В. В., Ковалев, Вит. В. Корпоративные финансы. Москва: Проспект, 2021. – 448 с.
8. Корпоративная социальная ответственность (КСО): модели и практика: учебник / под ред. А. Н. Шохина. – 2-е изд. – Москва: Издательство Юрайт, 2017. – 448 с.
9. Круглова, Н. Ю., Круглов, М. И. Инвестиционный менеджмент: учебник и практикум для вузов. Москва: Юрайт, 2019. – 384 с.
10. Обухова И. И. Инвестиции и инновации: экономический анализ и финансовые источники: пособие / И. И. Обухова. – Брест: Брест. гос. техн. ун-т, 2016. – 114 с.
11. Швецов, А. Н. Региональная экономика: теория и практика. Москва: КноРус, 2019. – 208 с.
12. Шарп, У. Ф., Александер, Г. Дж., Бэйли, Дж. В. Инвестиции. Москва: Инфра-М., 2019. – 1028 с.

© Кузнецов М. С., Хайдаров А., 2025

УДК 004.75

ВНЕДРЕНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА В РОССИЙСКИХ КОМПАНИЯХ: УСПЕШНЫЕ ПРИМЕРЫ И ОПЫТ

EDN SMIMEG

К. Р. Лежнина
А. Э. Галина

*Студентка, e-mail: pussybaby300@mail.ru,
кандидат социологических наук, доцент,
e-mail: galinaae@mail.ru,
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*

SUCCESSFUL CASES OF ELECTRONIC DOCUMENT MANAGEMENT IMPLEMENTATION IN RUSSIAN COMPANIES

K. R. Lezhnina
A. E. Galina

*Student,
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. The article examines real-life cases of implementing electronic document management systems (EDMS) in major Russian companies such as Sberbank, Gazprom Neft, X5 Group, Rosatom and Norilsk Nickel. The study analyzes the impact of EDMS on business efficiency, cost reduction, and process transparency.

Keywords: electronic document management; digitalization, business processes; case studies; Russia.

Цифровизация бизнес-процессов немыслима без электронного документооборота, являющегося одной из важнейших технологий в этой области. В различных научных публикациях и кейсах можно встретить разнообразные интерпретации данного термина.

К частности, Лаптев А. А. рассматривает электронный документооборот как «систему организации, охватывающую создание, обработку, архивирование и пересылку электронных документов в рамках информационной системы, гарантирующей их юридическую силу» [1]. А Кузнецова Е. Ю. характеризует его как «средство для автоматизации движения документов в организации, использующее цифровые технологии и электронную подпись, с целью увеличения прозрачности и повышения эффективности управления процессами» [2]. Абрамов В. В. подчеркивает, что электронный документооборот – это «не просто технологическое решение, но и фактор, влияющий на преобразование корпоративной культуры» [3]. Из всего этого следует, что в совре-

менных условиях электронный документооборот является неотъемлемой частью деятельности организации в любой сфере.

Принято выделять несколько видов электронного документооборота:

- 1) организационный, ориентированный на внутренние процессы компании;
- 2) внешний, предназначенный для обмена данными с партнерами и государственными органами;
- 3) комбинированный, объединяющий в себе вышеуказанные подходы.

Сегодня российские компании, идя в ногу со временем, активно внедряют электронный документооборот в свою деятельность. Например, в Сбербанке успешно функционирует разветвленная система электронного документооборота, охватывающая как взаимодействие с контрагентами, так и внутренний документооборот. Благодаря интеграции с платформами SAP, 1С и государственными информационными системами, ежегодный объем обрабатываемых документов превышает 30 миллионов, что позволяет значительно ускорить рабочие процессы и существен-

но сократить издержки, связанные с использованием документов на бумажных носителях.

В крупнейшей российской вертикально-интегрированной нефтяной компании ПАО «Газпром нефть» завершили развертывание унифицированной системы Directum RX, благодаря чему существенно оптимизировали процессы утверждения документов и добились сокращения использования бумажных носителей на 80 %. По предварительным подсчетам, экономия от внедрения составляет 120 млн. рублей в год.

Крупнейшая российская розничная торговая компания X5 Group также перешла на электронный документооборот в работе с поставщиками. Внедрение блокчейн-решений обеспечило значительное увеличение прозрачности логистических операций и уменьшило число неточностей в документации на 60 %.

«Магнит», как один из лидеров розничной торговли, в числе первых осуществил масштабный переход на электронный документооборот с поставщиками. Интеграция системы с внутренними учетными комплексами позволила организовать электронный обмен документами, включая товарные накладные, счета-фактуры и акты сверок, с подавляющим большинством (более 90 %) контрагентов. По результатам первого года использования электронного документооборота было отмечено снижение расходов на обработку документации на 45 %, а также существенное уменьшение числа ошибок, возникающих при ручном вводе данных, – на 70 %.

В структуре РЖД электронный документооборот распространяется на широкий спектр документации, включая бухгалтерскую отчетность, юридические материалы, а также технические регламенты, акты и протоколы совещаний. В ходе реализации проекта была внедрена унифицированная внутренняя система, объединяющая свыше тысячи структурных единиц

компании. Это привело к существенному ускорению процессов согласования между подразделениями и увеличению открытости в принятии управленческих решений. Согласно результатам внутреннего аудита, средний срок обработки одного документа уменьшился с 6 до 1,2 суток.

В госкорпорации «Росатом» функционирует собственная система электронного документооборота, разработанная на основе СЭД «Дело». Она модифицирована с учетом стандартов защиты информации и организационной иерархии компании. Процесс цифровой трансформации охватывает все филиалы и зависимые общества.

Компания «Норникель» осуществила интеграцию электронного документооборота с корпоративными ERP-системами и системами, используемыми поставщиками. Данный шаг способствовал повышению открытости закупочных процедур, внедрению цифровых подписей и уменьшению времени на обработку документации более чем на 40 %.

Как видно из приведенных примеров, использование электронного документооборота приносит ощутимые выгоды организации. В числе ключевых преимуществ можно выделить сокращение текущих расходов. Также его внедрение способствует ускорению движения документов внутри компаний. И, что тоже немало важно, автоматизация процессов минимизирует количество ошибок, связанных с человеческим фактором, и делает бизнес-процессы более понятными и контролируемыми.

Однако, переход на электронный документооборот сопряжен и с определенными трудностями. Одним из главных препятствий является негативная реакция сотрудников на нововведения. Также, могут возникнуть трудности с интеграцией новой системы в существующую ИТ-инфраструктуру. Не стоит забывать и о необходимости соответствия законодательным нормам в области электронного документооборота.

Но при всем при этом использование электронного документооборота приводит к заметному росту эффективности. Анализ, проведенный Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, показывает, что в 2023 году более 80 % крупных игроков рынка применяли его в своей работе, что позволяет в среднем на 60 % сократить время, затрачиваемое на обработку документов, повысить ясность и управляемость рабочих процессов, а также уменьшить затраты на бумажный документооборот. И несмотря на необходимость значительных первоначальных вложений, выгода в долгосрочной перспективе несомненна.

Библиографический список

1. Лаптев А.А. Электронный документооборот в организации. – М.: Юрайт, 2021. – 33 с.
2. Кузнецова Е.Ю. Цифровая трансформация документооборота. – СПб.: Питер, 2022. – 89 с.
3. Абрамов В. В. Внедрение ЭДО в компаниях: вызовы и решения // Информационные технологии. – 2023. – №4. – С. 54–56.
4. Аналитический отчет о цифровизации – 2023 // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации: официальный сайт. – URL: <https://digital.gov.ru/news-feed>
5. Годовой отчет за 2023 год // Сбербанк: официальный сайт. – URL: <https://www.sber.ru>
6. Годовой отчет за 2023 год // ПАО «Газпром нефть»: официальный сайт. – URL: <https://www.gazprom-neft.ru>
7. Годовой отчет за 2024 год // X5 Group: официальный сайт. – URL: <https://www.x5.ru>
8. Годовой отчет за 2023 год // Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом»: официальный сайт. – URL: <https://www.rosatom.ru>
9. Годовой отчет за 2022 год // ПАО «Горно-металлургическая компания «Норильский никель». – URL: <https://www.nornickel.com>
10. Годовой отчет за 2023 год // ОАО «РЖД»: официальный сайт. – URL: <https://company.rzd.ru>
11. Годовой отчет за 2024 год // ПАО «Магнит»: официальный сайт. – URL: <https://magnit.ru>

© Лежнина К. Р., Галина А. Э., 2025

УДК 332.1

ИНТЕГРАЦИЯ ESG-ПРИНЦИПОВ В УПРАВЛЕНИЕ ВЫСШИМИ УЧЕБНЫМИ ЗАВЕДЕНИЯМИ: СТРАТЕГИИ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

EDN SNOOCW

Д. А. Нуриева

М. Р. Исаков

Студент,

ассистент,

Уфимский институт науки и технологий,

г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия

INTEGRATION OF ESG PRINCIPLES INTO THE MANAGEMENT OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS: STRATEGIES, CHALLENGES AND DEVELOPMENT PROSPECTS

D. A. Nurieva

M. R. Isakov

Student,

Assistant,

Ufa Institute of Science and Technology,

Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia

Abstract. The article discusses the current aspects of the integration of ESG principles into the management of higher education institutions. International and domestic practices are analyzed, as well as rating mechanisms for assessing the sustainability of universities (UI GreenMetric, Impact Rankings, MosIUR). The key tools for implementing ESG strategies in the university environment are formulated, the main barriers are identified and ways to overcome them are proposed. The work is based on an analytical review of open sources, a content analysis of vacancies and a comparison of institutional practices. In conclusion, the summarized conclusions and recommendations aimed at improving the effectiveness of ESG-oriented development of universities are presented.

Keywords: ESG strategies; ESG principles; ESG agendas; higher education; educational environment.

ESG – это аббревиатура, которая расшифровывается как «экология, социальная политика и корпоративное управление». Этот термин используется для обозначения подхода, основанного на трех принципах социальной ответственности ведущих компаний: ответственный подход к охране окружающей среды, высокий уровень социальной ответственности и обеспечение качественного корпоративного управления [1].

Цель данной статьи состоит в проведении исследования стратегий внедрения ESG-принципов в высших учебных заведениях, возможность влияния на конкурентоспособность учебных заведений, а также выявление потенциальных барьеров в развитии и совершенствовании этих стратегий.

Задачи исследования:

1. Выявить ключевые механизмы внедрения ESG в практику деятельности высших учебных заведений.

2. Проанализировать возникающие барьеры на пути интеграции ESG-повестки в систему высшего образования.

Объект исследования – организации высшего образования, процессы ESG-трансформации таких учреждений.

Гипотеза исследования – интеграция ESG-принципов в вузы напрямую влияет на повышение их конкурентоспособности в международной образовательной среде.

Методология исследования:

- анализ рейтингов (UI GreenMetric World University Rankings, рейтинг Times Higher Education University Impact Rankings, рейтинг вузов MosIUR, ведущих международных организаций (ООН, ОЭСР, ВБ и др.) по тематике устойчивого развития).
- обзор и сравнение образовательных программ в Российских высших учебных заведениях.

Новизна статьи заключается в систематизации механизмов ESG-интеграции в деятельность российских вузов, предложении типологии организационных и нормативных барьеров, а также в сравнительном анализе лучших практик на основе рейтингов UI GreenMetric, The Impact Rankings и MosIUR.

Концепция ESG была представлена в докладе «Who Cares Wins. Connecting Financial Markets to a Changing World» в рамках инициативы «Глобальный договор ООН». Хотя концепция ESG стала популярной за границей лишь в последние годы, в России принципы ESG начинают внедряться в бизнес-среду. Реализация ESG-стратегий важна для стимулирования экономического роста, охраны окружающей среды и повышения уровня жизни. Несмотря на существующие проблемы, в России наблюдается высокий спрос на дальнейшую работу в этой области, что требует комплексного подхода к внедрению передового опыта и принципов экономической деятельности. В данный момент стараются внедрять ESG-повестку в свою деятельность не только бизнесы и государственные структуры, а также все чаще заявляют о необходимости развития этого направления и высшие учебные заведения.

Выделим основные мотивы внедрения принципов ESG в систему работы вузов:

- Сокращение затрат и повышение эффективности использования ресурсов.
- Обеспечение благоприятной образовательной и рабочей среды для студентов и сотрудников.
- Привлечение абитуриентов, перспективных работодателей и надежных инвесторов.

- Укрепление репутации и имиджа учебного заведения.

Основная деятельность вузов направлена на достижение 4-й цели устойчивого развития Организации Объединенных Наций, сформулированной как «обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех» [3, с. 267].

ESG-повестка может оказать значительное влияние на высшие учебные заведения, служа основой для обязательств, связанных с надежностью и репутацией академических и исследовательских результатов в будущем. Это предполагает внедрение надежных политик и процессов в образовательную систему, а также эффективность внутреннего контроля. Такие меры необходимы для обеспечения полноты, достоверности и последовательности в сборе, управлении и раскрытии данных ESG, что является ключевым аспектом основной деятельности учебных заведений.

Рассмотрим мировые практики внедрения ESG-практик в высшие учебные заведения. В 2010 году Индонезийский университет положил начало созданию первого в мире рейтинга, который оценивает вклад высших учебных заведений в устойчивое развитие общества, уделяя особое внимание созданию экологических кампусов. Результатом этих усилий стал всемирный рейтинг UI GreenMetric World University Rankings. Который отражает приверженность университетов принципам устойчивого развития на основе шести ключевых показателей, представленных на рисунке 1.

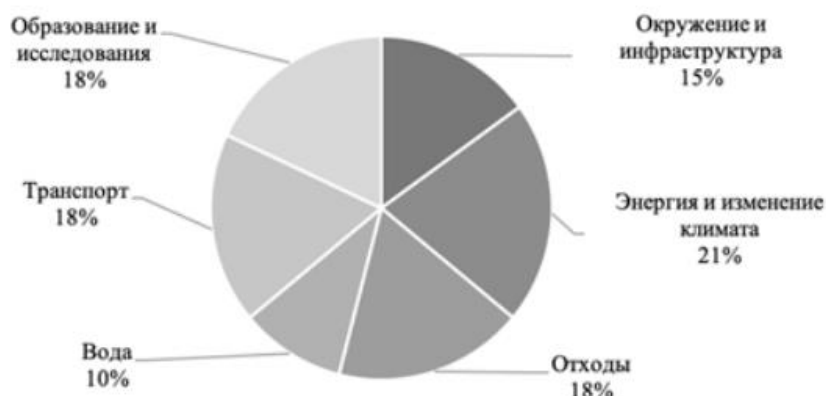

Рис. 1. Ключевые показатели оценки UI GreenMetric
(составлено автором на основе источника [3])

К основным преимуществам участия вузов в рейтинге UI GreenMetric можно отнести следующее:

- интернационализация, возможность соревноваться с другими вузами, мировое признание наработок;
- изучение и использование опыта друг друга;
- возможность проводить совместные исследования, внедрять новые решения, обновлять образовательные программы, чтобы в конечном счете повлиять на ситуацию в мире.

В рейтинге UI GreenMetric на первых строчках находятся: Нидерланды, США, Германия, Великобритания, Ирландия и Бразилия. В топ-100 входят и российские университеты. Так, Российский университет дружбы народов занимает 26-е место, а Сибирский федеральный университет – 78 место. Всего участвуют 52 вуза из России [3].

Ещё один специализированный рейтинг Times Higher Education University Impact Rankings (The Impact Rankings) стартовал в 2019 году в Великобритании. Лидерами среди российских вузов в рейтинге The Impact Rankings-2022 (диапазон 101–200) является Санкт-Петербургский

политехнический университет им. Петра Великого. В диапазон 201–300 вошли Алтайский государственный университет, Казанский федеральный университет и Российский университет дружбы народов. Всего в рейтинге представлены 92 российских вуза, и их число ежегодно растет.

Интеграция ESG-принципов в вузах повышает их конкурентоспособность в международной образовательной среде, что подтверждается анализом рейтингов UI GreenMetric и The Impact Rankings. Участие в этих рейтингах отражает внимание вузов к устойчивому развитию и внедрению ESG-стратегий. РУДН и Сибирский федеральный университет, занимающие высокие позиции (26-е и 78-е места соответственно), демонстрируют, что это укрепляет репутацию и способствует интернационализации, привлекая иностранных студентов (например, РУДН принял более 5,5 тысяч в 2024 году). Также востребованность специалистов в области устойчивого развития на рынке труда, подтвержденная анализом вакансий на hh.ru более 1500 вакансий в апреле 2025 года, в основном в крупных банках и консалтинговых компаниях, что также повы-

шает ценность выпускников и, следовательно, конкурентоспособность вузов.

Рассмотрим подробнее наиболее востребованные вакансии по устойчивому развитию.

Таблица 1

Структура вакансий в сфере устойчивого развития

Должность	Отрасль	Кол-во	Требования к опыту	Основные задачи
Менеджер по коммуникациям в устойчивом развитии	Procter&Gamble, СБЕР и т.д.	519	1-3 года.	Внедрение ESG, коммуникации
Консультант по реализации проектов	Департамент ФЦК, СБЕР и др.	16	1-3 года.	Реализация проектов
Менеджер по развитию интегративных проектов	АО Росатом, МТС и др.	137	3-6 лет.	Развитие интеграций
Руководитель группы устойчивого развития	ПАО Банк ПСБ, АО «МСП», Росатом	36	>6 лет.	Руководство, стратегия

Источник: hh.ru, обработано автором [10].

Выявление ключевых механизмов внедрения ESG в деятельность вузов. Российские университеты активно развивают ESG-стратегии. Для анализа используем Московский международный рейтинг MosIUR «Три миссии университетов», запущенный в 2017 году. В 2022 году в рейтинге участвовали 1800 вузов из 103 стран. Методология оценивает вклад университетов в общество наряду с образованием и наукой, распределяя все по трем группам: «Образование» (45 %), «Наука» (25 %) и «Университет и общество» (30 %). Каждая группа включает множество показателей.

Определим ключевые механизмы для эффективной интеграции принципов устойчивого развития в деятельность вузов:

- Предоставлять образовательные программы по устойчивому развитию и ответственному инвестированию с учетом ESG.
- Внедрять принципы устойчивого развития и социальной ответственности в миссию и стратегию университета.
- Утвердить устойчивость и социальную ответственность как основные ценности.
- Развивать партнерства с компаниями, придерживающимися ESG-принципов.

- Реализовывать практики устойчивого развития, например, использовать возобновляемые источники энергии и сокращать отходы.
- Поощрять активное участие студентов, преподавателей и сотрудников в инициативах по устойчивому развитию внутри университета и в обществе.
- Внедрять методы сбора данных и отчетности для оценки ESG-влияния и информирования заинтересованных сторон.

Включение принципов «зелёной» экономики и корпоративной социальной ответственности в образование формирует востребованные навыки у студентов, готовит их к работе в развивающихся компаниях. Элементы ESG в академической и исследовательской деятельности способствуют развитию инноваций и творчества, что помогает бороться с изменением климата через снижение расходов и рисков за счёт энергоэффективности, управления отходами и сокращения выбросов CO₂, повышая устойчивость и эффективность вузов.

Рассмотрим результаты на пути к созданию «зеленого» вуза, ИГСУ РАНХиГС и НИУ ВШЭ. Отобранных по участию в ESG-рейтинговании.

Таблица 2

Сравнение реализации программ вузов в устойчивом развитии

№	Критерий	Реализация РАНХиГС	Реализация ВШЭ
1	Образование	Образовательные программы, направленные на обучение менеджеров по устойчивому развитию. Конференции и семинары для обмена опытом.	Образовательные программы и курсы, по устойчивому развитию. Исследовательские центры (Центр исследования корпоративной социальной ответственности) – занимающиеся анализом ESG-практик.
2	Экологические инициативы	Внедряет энергосберегающие технологии.	Реализация программ по снижению углеродного следа университета.
3	Коммуникация	Информирование через официальные сайты и соц.сети. Организация лекций с экспертами.	Выпуск тематических рассылок. Проведение «круглых столов» с участием международных экспертов.
4	Участие в международных сетях	– Конференции ООН по устойчивому развитию (UN SDG-related events). – Международный форум «Устойчивое развитие: вызовы и решения» – Форум «Россия – Африка»	– PRME Global Forum (Principles for Responsible Management Education). – Конференция по устойчивому развитию Европейской ассоциации университетов (EUA). – Форум «Sustainable Development Goals and Higher Education»
5	Внутренняя политика устойчивого развития	Внутренняя политика по сокращению отходов и рациональному использованию ресурсов.	Внутренняя политика использования цифровых технологий для снижения бумажного потребления.
6	Научные исследования	Публикация научных статей и исследований. (Экологическая политика России: современные тенденции и вызовы» – исследование, опубликованное в сборнике научных трудов РАНХиГС)	Публикация научных статей и исследований, (Образование для устойчивого развития: международный опыт и российская практика» – под редакцией профессоров ВШЭ, 2021 г.)

Источник: официальные сайты ИГСУ РАНХиГС [8] и НИУ ВШЭ [9], обработано автором

РАНХиГС характеризуется практико-ориентированным подходом к устойчивому развитию, активно участвуя в международном диалоге и реализуя конкретные экологические инициативы. ВШЭ, напротив, фокусируется на развитии теоретических основ устойчивого развития посредством научно-исследовательской и образовательной деятельности, а также внедряет экологически ответственные практики в университетскую среду. Оба подхода важны и дополняют друг друга в формировании устойчивого будущего.

Однако, существуют проблемы и барьеры на пути интеграции ESG-повестки в систему высшего образования. Особая сложность образования в области устойчивого развития состоит в том, что устойчивое развитие затрагивает множество дисциплин и требует междисциплинарного подхода. Но это усиливает способности специалистов решать сложные проблемы, выходящие за рамки знаний и навыков одной области знаний [7].

Внедрение систем ESG несет за собой ряд недостатков и вызовов, например: учебные заведения, особенно с ограни-

ченным числом участников, могут столкнуться с юридическими и политическими барьерами, которые препятствуют полноценной интеграции ESG-принципов в их деятельность и принятие решений. Фидуциарные обязанности могут ограничивать применение ESG-принципов или требовать узкого толкования финансовых результатов. Кроме того, отсутствие поддержки со стороны руководства, а также ключевых заинтересованных сторон инертности или непониманию преимуществ и издержек ESG. Однако, могут возникнуть и такие непредвиденные обстоятельства как Covid-19, который повлек за собой ряд проблем: было затруднено или вовсе невозможно привлекать иностранных коллег, для проведения семинаров, выступления на конференциях и общего обмена опытом. А самое важное, многие иностранные студенты не смогли поступить или приехать на желаемые дисциплины.

Ярко выраженными проблемами являются небольшое использование или отсутствие ВИЭ, гендерное неравенство, отсутствие долгосрочного планирования деятельности образовательной организации [7].

Таким образом, можем выделить основные барьеры реализации инициатив ESG:

- Нет единых стандартов к обучению специалистов.
- Затрудненный поиск необходимых ресурсов и поддержки для внедрения инициатив ESG.
- Сложность формулирования чёткой и всеобъемлющей стратегии ESG, которая соответствует миссии и ценностям университета.
- Донесение важности ESG до студентов, преподавателей и других заинтересованных сторон.
- Обеспечение интеграции принципов ESG во все аспекты деятельности университета, включая инвестиционные решения и функционирование учебного заведения.
- Управление потенциальными конфликтами между целями ESG и дру-

гими приоритетами, такими как финансовые показатели или операционная эффективность.

Несмотря на очевидные преимущества интеграции принципов экологического, социального и корпоративного управления в систему высшего образования, существует множество внешних и внутренних барьеров, препятствующих его успешному внедрению. Однако интеграция ESG-принципов это не только вызов, но и возможность. Успех образовательной организации определяется не только эффективностью управленческих решений и внедряемых инициатив, но и в значительной степени зависит от глубокой вовлеченности всех участников образовательного процесса – студентов, преподавателей, а также представителей работодателей и профессионального сообщества, которые совместно формируют устойчивую и мотивирующую образовательную среду

Были проанализированы сайты 10 вузов, 2 международных рейтинга UI GreenMetric и The Impact Rankings, также Российский рейтинг MosIUR, образовательные программы ИГСУ РАНХиГС и НИУ ВШЭ и вакансии в сфере устойчивого развития сайта Hh.ru.

Подтверждение гипотезы: внедряя новые учебные программы и принципы устойчивого развития в экосистему вузов, открывается возможность встать на лидирующие строчки по всемирным ESG-рейтингованиям, что напрямую влияет на конкурентоспособность учебного заведения. Были рассмотрены рейтинги UI GreenMetric и The Impact Rankings, в которых российские вузы заняли 26 место и 78 место.

Предложены механизмы внедрения устойчивого развития в жизнь вузов: образовательные программы включающие принципы ESG, также развитие партнерских отношений с компаниями и организациями, придерживающийся той же повестки и поощрение студентов, преподавателей и сотрудников в активном участие и т.д.

Обозначены барьеры внедрения ESG в российских вузах: отсутствие единых стандартов к обучению специалистов. Затрудненный поиск необходимых ресурсов и поддержки для внедрения инициатив ESG. Сложность формулирования чёткой и всеобъемлющей стратегии ESG, которая соответствует миссии и ценностям университета и т.д.

Библиографический список

1. Данилина М. В. Анализ зарубежной практики ESG-рейтингования // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 7А. С. 198–213. [Электронный ресурс]. URL: https://esglibrary.mgimo.ru/upload/iblock/a59/tykkzkudon2h1tfv3x3iltszudch5mv/b19_danilina_saveleva.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (Дата обращения: 05 апреля 2025).
2. Долгов Е. В. Проблемы реализации принципов Environmental, Social, and Governance в России // Вестник Сургутского государственного университета. 2022. № 4 (38). С. 18–26. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.34822/2312-3419-2022-4-18-26> (Дата обращения: 24 апреля 2025).
3. Измайлова М. А. Социальная ответственность и устойчивое развитие: меняющаяся миссия высшей школы // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2021. № 4. С. 370–383. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2021.12.4.370-383> (Дата обращения: 10 апреля 2025).
4. Канаев А. В., Канаева О. А., Соловей Т. Н. Интеграция проблематики устойчивого развития в образовательные программы высшего профессионального образования: цели, проблемы, направления // Проблемы современной экономики. 2021. № 4 (80). С. 177. [Электронный ресурс]. URL: <https://m-economy.ru/art.php?nArtId=7230> (Дата обращения: 05 апреля 2025).
5. Караева А. П., Чашин М. Р., Магарил Е. Р. Внедрение принципов устойчивого развития в университетах как фактор повышения эколого-экономической безопасности // Journal of Applied Economic Research. 2021. № 4. С. 701–725. [Электронный ресурс]. URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/122379> (Дата обращения: 05 апреля 2025).
6. Малахова А. О. Проблема реализации ESG-стратегий в современной России // Скиф. 2022. № 12 (76). С. 267–271. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-realizatsii-esg-strategy-v-sovremennoy-rossii/viewer> (Дата обращения: 24 апреля 2025).
7. Марьин Е. В. ESG-модная формулировка или новый вектор будущего? // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 6-1(69). С. 17–19. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49180717> (Дата обращения: 10 апреля 2025).
8. Официальный сайт ИГСУ РАНХиГС URL: https://www.ranepa.ru/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru
9. Официальный сайт НИУ ВШЭ URL: <https://www.hse.ru/>
10. Официальный сайт Hh.ru URL: <https://hh.ru/?customDomain=1>

© Нуриева Д. А., Искаков М. Р., 2025

УДК 331

ВЛИЯНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ РАБОТЫ СОТРУДНИКОВ

EDN SPCXLS

Д. А. Нуриева
Е. В. Терлецкова

*Студентка,
кандидат социологических наук, доцент,
Уфимский институт науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*

THE IMPACT OF CORPORATE CULTURE ON ORGANIZATIONAL BEHAVIOR AND EMPLOYEE PERFORMANCE

D. A. Nurieva
E. V. Teretskova

*Student,
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Ufa Institute of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. The paper examines the concepts of «job satisfaction», «organizational behavior», as well as the influence of corporate culture on organizational behavior and employee performance. Special attention is paid to the analysis of the relationship between corporate culture and various aspects of organizational behavior of employees, including motivation, engagement and loyalty.

Keywords: corporate culture; motivation; personnel; professional activity; organizational behavior.

Сегодня мы наблюдаем довольно уникальный феномен, когда потребности меняющейся экономики в условиях формирующегося и развивающегося рынка опережают предложение по обеспечению подготовленными специалистами и профессионалами. На наших глазах происходит смена кадровых ориентиров в различных сферах, и прежде всего в тех отраслях экономики, которые ориентированы на поиски новых ресурсов, на инновации, и формирование цифровой среды [9, с. 97]. С одной стороны, для руководителя важно иметь в своей команде высококвалифицированных, компетентных работников, с другой, сотрудники, испытывающие неудовлетворенность от своей работы имеют негативные последствия в продуктивности, что может привести к проблемам в кадровом обеспечении организации: персонал увольняется, происходят нарушения в трудовой и производственной дисциплине, увеличивается число прогулов, что приводит к снижению качества выполняемой работы.

Для каждой компании главным является получение прибыли, которая достигается путем реализации поставленных целей. Именно командная сплоченность и инициативность каждого сотрудника, является основным фактором, гарантирующим развитие и процветание организации. Следовательно, перед руководством компаний, в которых возникают внутренние кризисы и застой в росте эффективности, должны быть поставлены задачи: выявлять причины неудовлетворенности работников своим трудом, выявлять и анализировать возникновение проблем в трудовом коллективе, разрабатывать эффективные решения для повышения результативности персонала. Легендарный капитан General Electric Джек Уэлч сказал: «Ни одна компания, маленькая или большая, не добьется успеха в долгосрочной перспективе без заряженных энергией сотрудников, которые верят в миссию и понимают, как ее достичь».

По данным исследования о роли корпоративной культуры организации при

выборе места работы, проведенным «Русской школы управления (РШУ) и исследовательским центром сервиса «Зарплата.ру» на корпоративную культуру и ценности компании при поиске работы обращают внимание 70 % россиян, 30 % – не обращают. Более того, для 29 % респондентов это решающий фактор при выборе работодателя» [7].

По результатам опроса, данного исследования ключевыми аспектами корпоративной культуры для сотрудников являются:

- 1) открытость и прозрачность управления – отметили 62 % опрошенных;
- 2) возможности для обучения и профессионального развития – 60 %;
- 3) сильный командный дух и поддержка коллег – 51 %;
- 4) социальная ответственность компании – 46 %;
- 5) четкие правила и структура – 40 %;
- 6) свобода и автономия сотрудников – 32 %;
- 7) инновационность и возможность экспериментировать – 28 % [7].

По мнению У. Хрусталева «Корпоративная культура действительно выходит на первый план в период неопределенности: не только помогает привлекать таланты, но и удерживать ценных специалистов и повышать эффективность всей команды» [8].

По определению Е. Г. Ефремова «организационное поведение является сложным образованием, состоящим из общей удовлетворенности, выраженной то, насколько выполняемая работа соответствует желанию конкретного человека, так и из отдельных составляющих удовлетворенности, характеризующих отношение к конкретным моментам профессиональной среды в коллективе. Организационное поведение является элементом отношения к труду и связано с внутренним состоянием личности сотрудника в процессе выполняемой работы с его оценкой собственной трудовой деятельности» [1].

«Корпоративная культура – это вошедший в привычку, ставший традицией образ мышления и способ действия, который в большей или меньшей степени разделяют все работники предприятия и который должен быть усвоен и хотя бы частично принят новичками, чтобы новые члены коллектива стали своими» [3].

Для эффективной деятельности любой организации руководителю необходимо выстраивать корпоративную культуру в контексте организационного поведения сотрудников. Это заключается в создании положительной атмосферы, которая будет обеспечивать те условия в коллективе, которые способствуют сплоченной работе сотрудников, где каждый будет заинтересован в достижении общих целей. Поэтому руководителю нужно располагать актуальной и полной информацией о факторах, воздействующих на отношение сотрудников к труду.

Практика показывает, что профессиональная деятельность занимает значительное место в жизни человека. В то же время профессиональная деятельность способна оказывать на личность не только положительное воздействие, давая возможность реализовать себя, но и негативное влияние – нарушается баланс психического здоровья. В качестве такого негативного явления сегодня называют профессиональное выгорание, которое в значительной степени понижает эффективность профессиональной деятельности, негативно отражается на личности, в целом – на здоровье человека.

Руководителям важно знать, что на мотивацию и организационное поведение сотрудников организации влияют различные аспекты. Имеют влияние внешние и внутренние факторы. К внешним факторам принадлежат:

- большое эмоциональное давление в связи с высокой загруженностью;
- проявление отрицательных эмоций в ответ на накопленный стресс вслед-

ствии негативного эмоционального состояния;

- в большинстве случаев однополюс рабочий коллектив.

В случае внутренних аспектов рассматривается личностный фактор, который проявляется в отсутствии самореализации в разных ситуациях, как жизненных, так и профессиональных [5].

Мотивация, по сравнению с мотивом, предусматривает ряд причин психологического плана, которые поясняют поведение,

активность и направленность человека в том или ином деле [2].

Патрик Форсиф выделил основные факторы, которые влияют на улучшение атмосферы в коллективе. Для сотрудников большинства компаний важны: интересная работа, достижение поставленных целей и признание заслуг, ответственность и самостоятельность в действиях, а главное карьерный рост [4].

Рассмотрим элементы корпоративной культуры, представленные в таблице 1.

Таблица 1

Функции корпоративной культуры организации

1. Формирует определенный имидж организации, отличающий её от любой другой.
2. Создает определенный психологический микроклимат в организации, чувство общности всех её членов.
3. Усиливает вовлеченности сотрудников в дела организации и преданности ей. Такое отношение выражается в чувстве гордости за свою организацию и удовлетворение, что ты являешься её членом.
4. Является средством, с помощью которого информируются приемлемые и целесообразные формы поведения.
5. Усиливает систему социальной стабильности в организации. Является инструментом, определяющим модели поведения и требования к их выполнению.

Для успешного внедрения процессов в организационную культуру и повышения эффективности работы сотрудников существуют проверенные способы. Которые помогут руководителю стимулировать улучшение работы и повысить мотивацию сотрудников, например:

1. Создание определенного психологического микроклимата в организации, сплочение команды. Важно создать внутри коллектива чувство общности и значимости всех сотрудников. Стимулировать их вовлеченность в выполнение поставленных целей, является одним из ключевых аспектов успеха компании. Для этого необходимо проводить командообразующие мероприятия, в них могут входить: спортивные соревнования, квесты, выезды на природу. Для создания дружелюбной атмосферы, также важно проводить не-

формальные встречи: дни рождения, корпоративные праздники, субботники.

2. Программа помощи в обучении и адаптации новых сотрудников. Для эффективной деятельности компаний важно привлечение квалифицированных кадров, такие программы могут помочь новичкам быстрее внедриться в коллектив и понять корпоративную культуру. Для этой миссии следует назначать опытных сотрудников, которые станут наставниками для новых членов команды. Это поможет поднимать имидж организации в глазах новых соискателей.

3. Возможности для развития карьерного роста. Для каждого человека важно видеть прогресс как в профессиональном поле, так и личностном. Для этого руководителям следует уделять особое внимание обучению сотрудников, предоставление возможности переобучения для по-

вышения квалификации. Также важно разработать карьерные пути, для различных должностей. Это усилит связь между руководителем и подчиненным, тем самым будет создаваться высококвалифицированный штаб сотрудников, их вовлеченность и преданность компании.

4. Проводить мероприятия, в которых сотрудники могут высказать своё мнение по работе компании и руководства, рассказать о проблемах и предложить методы их решения. То есть, каждый работник может стать «услышанным», сотрудники чувствуют, что их ценят, это также способствует повышению чувства значимости работника. Например, в компании Google в рамках данного аспекта в 2009 году была создана ежегодная программа «Bureaucracy Busters» («Разрушители бюрократии»), в которой каждый сотрудник может озвучивать свои проблемы и помогать их решать.

Итак, важными направлениями укрепления корпоративной культуры и организационного поведения у сотрудников являются:

- помогать сотрудникам справляться со стрессом для этого можно проводить интересные лекции, организовывать для сотрудников встречу с психологом по теме влияния стресса на работу и здоровье.
- создать место отдыха и расслабления т.е. «психологической разгрузки» для специалистов;
- организация работы психолога (необходимость постоянной диагностики специалистов, мониторинг их психофизического состояния);
- заботиться об атмосфере в коллективе, где каждый может чувствовать себя комфортно;

Как сказал Стюарт Баттерфилд, основатель Slack: «Одна из наших ценностей – забота друг о друге. Каждый должен стараться сделать жизнь своих коллег немного проще».

- организовать наставничество в коллективе (помощь молодым специалистам в процессе адаптации к работе, коллективу);
- психологическое консультирование как возможность проработки профессиональных и личных проблем сотрудников [5].

Внимательное отношение к сотрудникам со стороны компании, создание программ, нацеленных на адаптацию, развитие и сплочение даст положительную динамику в развитии корпоративной культуры и организационного поведения. Например, внедрение в организации Well-being программы. Такая программа «включает в себя широкий спектр мероприятий, направленных на создание здоровой и поддерживающей среды для работников» [6, с. 184]. Внедрение таких инструментов мотивирует персонал, влияет на поведение сотрудников и на их отношение к работе. Сбой в работе любого коллектива происходит, когда сотрудник перестает видеть смысл в своей деятельности, не получает удовлетворения от своей деятельности и не чувствует должной поддержки от руководства.

Таким образом, корпоративная культура организации должна выстраиваться с учетом интересов каждого работника. Сохранение физического и эмоционального здоровья сотрудника является ключевой задачей каждого работодателя. Поэтому так важно создать такую обстановку внутри коллектива, где минимизирован уровень стресса и эмоциональной нагрузки, связанных с различными рабочими ситуациями. Особенно это касается тех сотрудников, которые работают в напряженных условиях, где много общения и эмоций. В связи с этим актуальность корпоративной культуры с каждым годом возрастает. В условия конкурентной среды, где каждая компания нацелена на повышение показателей результативности своей деятельности, должна учитывать приведенные аспекты положительного

влияния корпоративной культуры, в которой у каждого сотрудника будет возможность профессионального и личностного роста. А значит и тема влияния корпоративной культуры на организационное поведение и результативность работы сотрудников не перестает терять своей актуальности.

Библиографический список

1. Герчиков, В. И. Управление персоналом: работник самый эффективный ресурс компании: Учеб. пособие / В. И. Герчиков. М.: ИНФРА М, 2019. – 282 с.
2. Кукушкин М. Живые. Как корпоративная культура спасает людей и компании / М. Кукушкин. М.: Синергия, 2020. – 328 с.
3. Ефремов, Е. Г. Основы психологии труда и профессиональной психологии: учебное пособие / Е. Г. Ефремов, Ю. Т. Новиков. Омск: Омский государственный университет, 2020. – 352 с.
4. Моросанова В. И. Саморегуляция и индивидуальность человека / В. И. Моросанова. М.: Наука, 2020. – 519 с.
5. Пряжникова, Е. Ю. Психология труда: теория и практика: учебник для бакалавров / Е. Ю. Пряжникова. Москва: Издательство Юрайт, 2021. – 520 с.
6. Уланова, А. С. Особенности разработки well-Being программы для развития организационной культуры / А. С. Уланова, Е. В. Терелецкова // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – № 12-2(106). – С. 184–187. – DOI 10.24412/2411-0450-2023-12-2-184-187.
7. 70 % соискателей обращают внимание на корпоративную культуру компании // Официальный сайт РБК медиахолдинга [Электронный ресурс] <https://trends.rbc.ru/trends/social/672d9ebe9a79470d45278003?from=copy>
8. Хрусталева У. Что такое корпоративная культура и можно ли ею управлять // Официальный сайт РБК медиахолдинга [Электронный ресурс] <https://companies.rbc.ru/news/LPCdQdPVdB/что-такое-korporativnaya-kultura-i-mozhno-li-eyu-upravlyat/>
9. Ягафарова, И. М. Вопросы подготовки кадров в условиях становления цифровой среды современной экономики / И. М. Ягафарова, Е. В. Терелецкова // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. – 2018. – № 1. – С. 96–100.

© Нуриева Д. А., Терелецкова Е. В., 2025

УДК 33

СПОСОБЫ УЛУЧШЕНИЯ ФИНАНСОВЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРЕДПРИЯТИЯ

EDN SUCPRE

Э. А. Осадчий
Л. Р. Гилемханова*Кандидат экономических наук, доцент,
e-mail: eosadchij@mail.ru,
студентка, e-mail: liyag68713@gmail.com,
Елабужский институт (филиал),
Казанский (Приволжский)
федеральный университет,
г. Елабуга, Республика Татарстан, Россия***WAYS TO IMPROVE THE FINANCIAL RESULTS OF AN ENTERPRISE****E. A. Osadchy**
L. R. Gilemkanova*Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Student,
Yelabuga Institute (branch),
Kazan (Volga Region) Federal University,
Yelabuga, Republic of Tatarstan, Russia*

Abstract. Improving the financial results of an enterprise is a task that requires an integrated approach and a thorough analysis of various factors affecting its activities. Here are some ways that can help in this direction. These methods can be adapted to the specific conditions and needs of the enterprise. It is important to remember that every decision must be made based on analysis to ensure its effectiveness and consistency with the company's strategy.

Keywords: economics; methods; finance; enterprises; results; analysis.

Финансовые результаты предприятия являются ключевым показателем его эффективности и успешности. В условиях современной рыночной экономики они играют определяющую роль для долгосрочного выживания и развития бизнеса. Финансовые результаты предприятия – это один из важнейших показателей его деятельности, определяющий устойчивость, конкурентоспособность и перспективы развития. В условиях современного рынка, характеризующегося высокой динамикой и изменчивостью, улучшение финансовых результатов становится приоритетной задачей для всех организаций, независимо от их размера и сферы деятельности. В данной статье рассмотрим основные способы улучшения финансовых результатов предприятия и их значимость для успешного функционирования организации.

Первым шагом к улучшению финансовых результатов является детальный

анализ всех расходов предприятия. Анализ как метод познания объективной реальности весьма популярен, практически во всех отраслях науки, во всех сферах деятельности людей. Зачастую под словом «анализ» понимают любое исследование вообще, как в естественных и гуманитарных науках, так и в практической деятельности. Так, в науке и на практике применяются разные виды анализа: физический, химический, математический, статистический, маркетинговый и др. Они отличаются объектами, целями и методикой исследования [1, с. 4]. Этот процесс включает в себя сбор данных о всех статьях затрат, их классификацию и оценку. Основные цели анализа – выявить излишние и неэффективные расходы, а также определить области, где возможно снижение затрат без потери качества продукции или услуг. После анализа можно перейти к непосредственным мерам по снижению издержек. Это может подразумевать оп-

тимизацию внутренних процессов, например, внедрение эффективных технологий, которые позволят сократить производственные затраты. Также стоит рассмотреть возможность изменения поставщиков, чтобы получить более выгодные условия. Аутсорсинг непрофильных функций, может значительно снизить затраты на содержание штата сотрудников. Это позволяет сосредоточиться на ключевых процессах, которые влияют на основной бизнес. Если нет сложностей с бухгалтерией, бухгалтера целесообразно привлечь по аутсорсингу из специализированной бухгалтерской фирмы и оплачивать только те функции, которые требуются, например, платить только за подачу периодической отчетности. Незачем держать машину и водителя, если не нужно ежедневно ездить по рабочим вопросам. Можно использовать каршеринг [2, с. 124].

Одним из самых эффективных способов увеличения доходов является расширение ассортимента предлагаемых товаров и услуг. Фирмы создаются для того, чтобы приносить доход своим владельцам и помогать им становиться богаче. Но в рыночной экономике доход возникает только в результате успешной продажи товаров или услуг, когда удастся получить от покупателя сумму большую, чем сам изготовитель затратил на производство. Поэтому первейшим условием успеха любой фирмы является рост продаж товаров и услуг, приносящих прибыль, и тех активов, которые для этого необходимы [3, с. 161]. Важно проводить маркетинговые исследования для выявления потребностей целевой аудитории и соответствующим образом адаптировать предложение. Введение новых товаров может привлечь новых клиентов и увеличить лояльность существующих. Эффективная ценовая политика может существенно повлиять на доходы предприятия. Важно периодически пересматривать цены с учетом изменений на рынке, конкуренции и потребительского спроса. Внедрение акций, скидок и программ лояльности также может

стимулировать спрос и увеличить объем продаж. Выход на новые географические рынки или целевые аудитории может значительно увеличить объем продаж. Это требует создания адаптированных маркетинговых стратегий для разных сегментов рынка, возможно, с учетом культурных и экономических особенностей.

Инвестиции в обучение и развитие сотрудников отдела продаж могут привести к значительному увеличению их продуктивности. Обучение должно охватывать как теоретические аспекты, так и практические навыки, включая техники продаж, общение с клиентами и навыки разрешения конфликтов. Сегментация клиентской базы помогает выделить наиболее прибыльные группы и адаптировать маркетинговую стратегию для каждой из них. Это позволяет лучше понимать потребности клиентов и разрабатывать предложения, которые действительно будут их интересовать. Стремление к получению лучших условий для сбыта своей продукции предполагает систематическое осуществление инноваций в производство на основе использования новой техники и технологии, что, в свою очередь, является исходным моментом, оказывающим воздействие на все стороны развития предприятий. Совершенствование техники и технологии влияет не только на способ изготовления продукции, но и на процессы концентрации производства, его организацию. Дело в том, что технология предполагает наличие совместных знаний многих специалистов, а следовательно, вызывает и определенную их организацию [4, с. 13]. Внедрение новых технологий и автоматизация рутинных операций могут существенно снизить затраты и повысить производительность. Это может привести как к улучшению финансовых показателей, так и к повышению репутации предприятия на рынке.

Использование финансовых моделей для прогнозирования будущих результатов позволяет принимать обоснованные решения и планировать стратегии на ос-

нове актуальных данных. Это дает возможность заранее реагировать на изменения рыночной среды и избегать негативных последствий. Создание стратегических партнерств с другими компаниями может привести к совместному росту и улучшению финансовых результатов. Такие альянсы дают возможность обмениваться опытом, ресурсами и клиентской аудиторией, что в итоге повышает эффективность и прибыльность. Участие в сетевых бизнес-структурах позволяет предпринимателям обмениваться информацией, ресурсами и опытом. Это способствует повышению инновационной активности и улучшению финансовых результатов.

Оптимизация уровня запасов помогает снизить связанные с ними затраты и улучшить оборачиваемость капитала. Важно находить баланс между достаточным уровнем запасов для удовлетворения спроса и минимизацией издержек на их содержание. Эффективное управление дебиторской задолженностью способствует быстрому получению платежей и улучшению ликвидности компании. Оптимизация кредиторской задолженности помогает избежать ненужных финансовых нагрузок.

Внедрение современных принципов корпоративного управления и создание прозрачной структуры управления способствует повышению доверия со стороны собственников, инвесторов и клиентов. Это важно для долгосрочного успеха предприятия. Обеспечение постоянной обратной связи между различными уровнями управления и сотрудниками позволяет выявлять проблемы на ранней стадии и внедрять необходимые изменения для улучшения финансовых результатов. Применение принципов корпоративной социальной ответственности может повысить лояльность клиентов и привлекательность компании для инвесторов. Реализация программ по охране окружающей среды, социальной поддержке и устойчивому развитию дает возможность выде-

литься на фоне конкурентов и укрепить репутацию. Устойчивое управление ресурсами и внедрение экологически чистых технологий способствуют не только снижению затрат, но и улучшению имиджа компании. Это становится все более важным критерием для современных потребителей, что может положительно сказаться на финансовых результатах. Другим важным способом улучшения финансовых результатов предприятия является развитие инноваций. Зачастую инновационный подход к бизнесу позволяет создать уникальные товары или услуги, что способствует росту спроса на продукцию компании и увеличению выручки. Таким образом, развитие инноваций способствует не только росту выручки, но и укреплению финансового статуса предприятия в целом.

В современных условиях конкурентной экономики улучшение финансовых результатов предприятия является необходимым условием для его долгосрочного успеха. Оптимизация расходов, развитие инноваций, эффективное управление финансами – все эти методы способствуют повышению финансовой устойчивости и успешной деятельности организации. Важно осознавать, что постоянное совершенствование финансовых показателей требует комплексного подхода и грамотного управления ресурсами. Только при условии правильного использования различных стратегий и инструментов можно достичь стабильного роста финансовых результатов и обеспечить процветание бизнеса в долгосрочной перспективе. Улучшение финансовых результатов предприятия требует системного подхода и интеграции различных стратегий и инструментов. Необходимо постоянно анализировать изменения на рынке и адаптироваться к ним, применяя инновационные методы и технологии. Реализация озвученных выше мер позволит предприятиям не только повысить свои финансовые показатели, но и обеспечить долгосрочное

устойчивое развитие, укрепляя свои позиции на рынке.

Библиографический список

1. Асканова О. В. Экономический анализ: Учебное пособие для студентов экономических направлений всех форм обучения / Рубцовский индустриальный институт. – Рубцовск, 2020. – 84 с.
2. Финансовая грамотность [Электронный ресурс] : учебное пособие / Т. В. Александрова, Г. Г. Модорская ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2022. – 3,71 Мб ; 191 с.
3. Экономика: учебник для вузов/И.В. Липсиц. – М.: Омега-Л, 2006. – 656 с. – (Высшее экономическое образование). – ISBN 5-98119-407-3.
4. Экономика [Электронный ресурс]: учебник для студентов неэкономических профилизованных / Г. И. Журухин [и др.]; под ред. Г. И. Журухина, Т. К. Руткаускас. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2016. 327 с.

© *Осадчий Э. А., Гилемханова Л. Р., 2025*

УДК 339.138

ФАНАТЫ БРЕНДОВ: КАК ФОРМИРУЮТСЯ СООБЩЕСТВА ВОКРУГ МАРКИ **EDN TOWELW**

К. Д. Осепова

Студентка, e-mail: angelina-shikerina@yandex.ru,
 Российский государственный
 гуманитарный институт,
 г. Москва, Россия

BRAND FANS: HOW COMMUNITIES FORM AROUND A BRAND

K. D. Osepova

Student,
 Russian State Humanitarian Institute,
 Moscow, Russia

Abstract. This article examines the relevance of creating and maintaining the activity of brand communities. The issue of community formation is considered, examples of well-known companies are given with a description of ways to increase the level of activity in communities by implementing various types of online and offline events. An analysis of the loyalty programs in force today, and customer support methods is carried out.

Keywords: community; branding; involvement; communication building; community formation.

Введение. Современные тенденции развития бренда, претерпев множество изменений, во многом, как и ранее продолжают базироваться на принципах формирования сообществ в рамках конкретно взятой марки, бренда. Анализируя теоретическую базу и практический опыт компаний, можно судить о набирающей популярности комьюнити-менеджмента, способствующего организации сообществ, включая онлайн пространство [1, с. 169]. Нельзя не согласиться утверждением ведущего специалиста в индустрии менеджмента, продвижения брендов, Аси Репревой. Согласно ее выводам, комьюнити-менеджмент представляет собой универсальный способ продвижения любого проекта, ограниченного рамками бюджета и сроков реализации [2, с. 58]. Базой описываемого подхода является активный контакт с аудиторией, посредством которого учитывается необходимость содействия потребностям клиентов при дальнейшем продвижении бренда.

Коммуникативный подход может быть реализован в разных форматах: онлайн-конференции, акции и опросы. При офлайн формате активное воздействие на потребительскую аудиторию оказывают

влияние встречи, направленные на образовательный и развлекательный подход [3, с. 210].

При успешной реализации коммуникативного подхода запускается процесс «сарафанного радио», при котором активные потребители и сторонники бренда привлекают новых клиентов. Эмоциональная связь между брендом и потребителем способствует становлению постоянного сообщества, способного обеспечить стабильность развития и конкурентоспособности бренда в условиях борьбы за аудиторию.

Сообщество оказывает бренду незаменимую поддержку в формировании позитивного образа, имиджа, повышая интерес будущих потенциальных потребителей [4, с. 97]. Процесс построения сообщества не ограничивается его формированием, требуется систематическое взаимодействие, отклики на предложения и критику, контроль активности аудитории. Которая неразрывно связана с активностью самой компании. Построение двусторонней коммуникации обеспечивает многолетний дружественный контент общения.

Аналитика научных публикаций по теме создания сообществ вокруг бренда,

помогает определить следующий алгоритм действий.

К начальному этапу формированию сообщества целесообразно определение ключевых ценностей и определяющей миссии бренда. Так, при четком алгоритме собственных действий, можно в достаточно доступной форме презентовать собственные идеи потенциальным потребителям продукта или услуги. Примером может выступать компания Patagonia, созданная в 1973 году и специализирующаяся на создании одежды, включая одежду для занятий активными видами спорта. Бренд получил широкую известность за счет актуализации идеи экологичности. Это во многом определило круг фанатов бренда, разделяющих общую идею сохранения природы [5, с. 44].

Значимым условием развития уже сформированного сообщества, является возможность общения не только между представителями бренда и потребителями, но и общение внутри сообщества. Реализация данного условия развития возможна посредством применения специализированных платформ, форумов, или приложений. Всем известная компания Apple с целью поддержания общения внутри сообщества фанатов бренда, использовала собственную разработку, ставшей платформой, где пользователи могли решать технические вопросы, делиться опытом пользования продуктами компании, тем самым укрепляя и пополняя ряды единомышленников. Подобный подход консолидирует людей, давая им чувство единения, услышанности, небезучастности в развитии бренда [6, с. 17].

Значительным шагом в устойчивом развитии сформированного сообщества, является его настрой на проявление активности. Под активностью стоит понимать участие фанатов бренда в различных акциях, мониторингах, конкурсах. Активность невозможна без разработки программы мероприятий, и ее освещения на сайте или в приложении. Стоит понимать, что заранее спланированное мероприятие

привлечет большее количество участников, а также сможет спрогнозировать предстоящие мероприятия [7, с. 18]. Бренд GoPro активизировала уровень мотивации своего сообщества среди видеографов благодаря предложению обмениваться видеороликами с приключениями, снабженными хештегами. Такой подход стимулирует создание контента и способствует увеличению популярности бренда. Важно, чтобы обмен опытом приносил эмоции, вдохновляющие к действиям.

Компании Nike и Starbucks с целью поддержки связи с сообществом создали онлайн-сообщества. Так, Nike разработала платформу Nike+ и спортивное приложение, где спортсмены и фитнес-энтузиасты могут обмениваться опытом, участвовать в челленджах и отслеживать свои успехи. А компания Starbucks предоставляет возможность пользователям высказывать свои идеи и предложения по улучшению сервиса и продуктов на платформе My Starbucks Idea. Культура общения и активного взаимодействия представлена опытом такого бренда как Harley-Davidson. Компания объединила всех единомышленников, интересующихся тематикой мотоспорта. Это сообщество стало образом жизни для своих поклонников, демонстрируя, как бренды могут укрепить свои сообщества.

Понимая необходимость развития общения внутри сообществ, многие компании стремятся реализовать, различные подходы, способствующие активности фанатов бренда.

Важным элементом создания активного сообщества является признание участников и их вклада в развитие бренда. В нынешних условиях конкурентной борьбы, программы лояльности играют ключевую роль в маркетинговых стратегиях компаний, помогая не только привлекать, но и удерживать клиентов. Предложенная система разнообразных бонусов и вознаграждений, стимулируют покупателей к повторным приобретениям продуктов компании. Публичное признание со сто-

роны бренда, участие в эксклюзивных мероприятиях создают у покупателей чувство важности и вовлеченности. Таким образом, разработка программ лояльности и организация признаний от сообщества являются эффективным способом улучшения отношений с клиентами и укрепления позиций бренда на рынке.

Компания «Газпромнефть» создала предложение для своих клиентов, которое заключается в возможности регистрации виртуальной бонусной карты программы «Нам по пути», с целью получения баллов за покупку топлива и сопутствующих товаров на АЗС. Повышение статуса участника происходит в зависимости от количества баллов, которые рассчитываются как один балл за рубль, учитывая также количество заправленных литров: Silver (до 99,99 л), Gold (до 299,99 л) и Platin (от 300 л и более) [8, с. 221].

Еще одним примером может послужить программа, представленная компанией «Аэрофлот». Четко отражая свое название, программа «Аэрофлот Бонус», дает возможность клиентам накапливать баллы с последующим их списанием при покупке новых билетов.

Программа лояльности Lamoda Club предлагает клиентам баллы за отзывы о товаре, а также дает возможность увеличенного процента скидки, а за каждую потраченную тысячу рублей участники получают 50 баллов.

Программа лояльности «Апельсин» от сетей магазинов «Пятерочка» и «Перекрёсток» предлагает клиентам персонализированные скидки. Увеличенный процент скидки можно получить на выбранные товары, в рамках каждого месяца с возможностью получения до 20 % от потраченной суммы возвратом.

Заключение. Создание сообществ вокруг популярных компаний и продуктов становится все более значимым явлением, привлекая внимание фанатов брендов. Эти группы активно обсуждают свои предпочтения, создавая уникальные культурные

явления и поддерживая свои любимые компании. Сегодня бренды представляют собой не просто товары или логотипы, а целые миры ценностей, эмоций и социальной принадлежности. Брендинг открывает новые возможности для установления прочных связей с клиентами и обеспечения долгосрочных отношений [9, с. 54].

Для расширения своей аудитории и превращения клиентов в сторонников, компании могут создавать собственные культурные сообщества и фан-клубы. Ключевое значение в этом процессе имеют искренность, обмен информацией и активное вовлечение клиентов в бренд [10, с. 41]. Готовность клиентов поддерживать компанию на протяжении долгого времени становится результатом этой стратегии.

Библиографический список

1. Аршинова М. А. Имидж бренда как результат его восприятия потребителем // Инновации и инвестиции. – 2018. – № 4. – С. 168–171.
2. Беляевский И. К. Маркетинговое исследование: информация, анализ, прогноз: учебное пособие: [для студентов, обучающихся по специальности «Маркетинг»] / И. К. Беляевский. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Москва : ИНФРА-М [и др.]. – 2013. – 392 с.
3. Васюк, Е. Н. Клиентские сообщества как инструмент привлечения и удержания клиентов [Текст] // Клиентинг и управление клиентским портфелем. – 2013. – № 3 (07). – С. 208–215.
4. Воронкевич А. Б., Карпова С. В. Изменение особенностей потребительского поведения на рынке товаров массового потребления под влиянием цифровизации в России // В сборнике: Управленческие науки в современном мире. Сборник докладов студенческих секций Восьмой Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, – 2021. – С. 95–99.
5. Зеркалий Н. Г. Партнерские отношения с потребителями как современная тенденция развития интернет-бизнеса // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. – 2016. – № 42. – С. 43–47.
6. Емильянов, С. М. Теория и практика связей с общественностью: вводный курс / С. М. Емильянов. – СПб.: Питер, – 2005 – 369 с.
7. Качанова Т. С. Факторы покупательских предпочтений и комплексная лояльность //

- Практический маркетинг – 2010. – № 03 (157). – С. 17–21.
8. Колесникова Е. В., Дегтярь О. Н., Трищенко Д. А. Интернет-мессенджеры как способ продвижения бренда в цифровой среде // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2021. – № 1 (86). – С. 217–227.
9. Третьяк, О. А. Отношенческая парадигма современного маркетинга [Текст] // Российский журнал менеджмента. Том 11. – 2013. – № 1. – С. 41–62.
10. Clark M. Brand community integration and satisfaction with social media sites: a comparative study // Journal of Research in Interactive Marketing. – 2017. – Т. 11. – № 1. – С. 39–55.

© Осенова К. Д., 2025

УДК 338.1

ЭВОЛЮЦИЯ МАРКЕТИНГОВЫХ СТРАТЕГИЙ В УСЛОВИЯХ
ОГРАНИЧЕННОГО ДОСТУПА К МЕЖДУНАРОДНЫМ ПЛАТФОРМАМ

EDN TPXBMB

А. Е. Половоникова

М. Р. Исаков

*Студентка,
e-mail: angelina.polovnikova@icloud.com,**ассистент,
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*EVOLUTION OF MARKETING STRATEGIES IN THE CONTEXT
OF LIMITED ACCESS TO INTERNATIONAL PLATFORMS

A. E. Polovonikova

M. R. Isakov

Student

Assistant,

*Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the transformation of marketing strategies of Russian companies in the context of limited access to international digital platforms caused by geopolitical and economic changes intelligence, predictive analytics and process automation as key factors contributing to business adaptation to changing conditions. Based on the analysis of practical cases (Sberbank, Wildberries, Skillbox, etc.), it is demonstrated how companies use localization and digital innovations to compensate for losses from the unavailability of international platforms, as well as reveals the opportunities and limitations of these approaches. The work highlights the importance of flexibility and innovation for building sustainable marketing strategies in the face of high geopolitical risks.

Keywords: transformation of marketing strategies; localization of digital marketing; geopolitical challenges; Telegram; VKontakte; RuTube; digital innovations; artificial intelligence; predictive analytics; automation of business processes; targeting; personalization; return on investment (ROI); local platforms; marketing technologies; business sustainability.

Введение

Современные условия ведения бизнеса характеризуются высокой степенью неопределённости, вызванной геополитическими, экономическими и технологическими факторами. В условиях ограниченного доступа к международным платформам, таким как Meta*, Google Ads и другие, компании сталкиваются с необходимостью адаптировать свои маркетинговые стратегии. Уход международных игроков с рынка и наложение санкций привели к появлению новых вызовов и возможностей, что способствовало развитию инновационных технологий и локальных платформ.

Цель данной статьи – проанализировать эволюцию маркетинговых стратегий в условиях ограничения на российском рынке.

Материалы и методы. Проведен анализ современной отечественной и зарубежной научной литературы по проблеме исследования. Сформирована репрезентативная выборка для количественного анализа на основании результатов исследований агентств Deloitte и Ingate, отчёты VK, данным по внедрению искусственного интеллекта за 2023 г., где в ТОП-10 по запуску рекламных кампаний вошли Сбербанк, Skillbox, Wildberries, RuTube, Lamoda, Perekrestok.

*Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией на территории РФ.

1. Теоретический обзор

Эффективное использование цифровых каналов коммуникации требует опоры на ключевые концепции маркетинга, такие как сегментация, таргетинг, позиционирование (STP-модель). Классическая модель STP позволяет компаниям не только лучше понять свою аудиторию, но и эффективно распределить ресурсы на наиболее перспективные сегменты. Однако в условиях ограничения доступа к международным платформам, важно пересмотреть подходы к сегментации и таргетингу, чтобы адаптировать маркетинговые усилия к новой реальности.

Согласно Котлеру и Армстронгу, маркетинговая кампания должна строиться на персонализации контента, что в настоящее время является одной из главных тенденций. Как подчёркивают Smith (2020) и Chaffey (2021), для эффективной работы в условиях локализации приходится использовать новые каналы коммуникации.

Работы российских исследователей (Крылов, 2023; Смирнова, 2022) показывают, что важнейшей задачей в рассматриваемых условиях становится использование инструментов автоматизации и аналитики. Именно автоматизация позволяет сокращать затраты на привлечение клиентов, а предиктивная аналитика – реагировать на изменения потребностей.

2. Анализ эффективности каналов коммуникации

Telegram стал одним из ключевых инструментов маркетинга в России. Его аудитория насчитывает более 50 млн активных пользователей, что делает его привлекательным для компаний. Telegram имеет несколько значительных преимуществ: это быстрое распространение контента, высокий уровень безопасности, возможность сегментации аудитории через каналы и боты, а также наличие большого набора аналитических инструментов и низкая стоимость взаимодействия с клиентами при высокой вовлеченности.

Успех в Telegram зависит от правильной настройки стратегии контента и персонализации. Это касается как самих каналов, так и чат-ботов. Примеры кампаний подтверждают эффективность использования Telegram в маркетинге. Сбербанк, используя чат-ботов, смог не только увеличить вовлечённость на 50 %, но и привлечь 18 % новых клиентов за счёт более удобного взаимодействия с пользователями. В то время как ресторанная сеть Ритм, автоматизируя процесс рассылок, смогла увеличить количество заказов на 40 %.

Несмотря на это, в сравнении с WhatsApp и WeChat в Telegram ограничены инструменты анализа, интеграции рекламы, а также охват аудитории ниже (800 млн в Telegram против 1,3 млрд в WeChat во всем мире). Кроме того, WeChat предоставляет возможность интеграции с платёжными системами, а стоимость рассылок в WhatsApp ниже почти в 2 раза, в отличие от Telegram.

В свою очередь ВКонтакте остаётся крупнейшей социальной сетью в России с месячной аудиторией более 70 млн пользователей, что делает её крайне привлекательной для бизнеса. ВКонтакте позволяет использовать таргетинг с учётом специфики региона, интеграцию с маркетплейсами и видеоформатами. Важно, что в условиях ограниченного доступа к международным платформам, ВКонтакте активно развивает инструменты для локализации, аналитики и адаптации контента.

Эффективность доказывают запущенные кампании. Например, Wildberries, используя таргетинг и адаптированные рекламные кампании, смог увеличить продажи на 25 %. В то же время Skillbox, интегрировав рекламные инструменты ВКонтакте с образовательным контентом, увеличил CTR до 14 % и получил рост заявок на 30 %.

Сравнивая ВКонтакте с Facebook*, можно сказать, что в последнем существуют более узкие критерии для таргетинга, что обеспечивает низкую стои-

мость привлечения клиента: look-alike-модели Facebook* обеспечивают до 30 % более высокий CTR. Также аудитория ВКонтакте ограничивается территориальным присутствием в России. К примеру, Магнит использует платформу ВКонтакте для проведения таргетированных акций, но стоимость привлечения клиента в 2023 году увеличилась на 25 % в сравнении с показателями Facebook* 2021 года. Кроме того, можно также отметить ограниченность аудитории площадки (70 млн во ВКонтакте против 1,4 млрд Instagram).

После ограничения международных платформ в России также начали развиваться видеохостинг RuTube, платформы для стриминга и локальные новостные порталы. Эти инструменты обеспечивают доступ к нишевым аудиториям, что особенно важно для узкоспециализированных брендов.

В 2023 году RuTube провёл более 100 рекламных кампаний, охватив 20 млн пользователей. Эти кампании показали относительно высокую эффективность, поскольку рекламные продукты органично встраивались в контент и не вызывали раздражения у пользователей.

Однако RuTube уступает международной платформе YouTube объёмом аудитории – 25 млн и 2 млрд соответственно. На RuTube представлены возможности для таргетинга, когда YouTube используют сложные поведенческие модели для персонализации. Вовлечённость аудитории также ниже, о чем говорит продолжительность просмотра – 3–4 минуты против 10–12 минут в среднем.

Примерами ограничений является кампания Сбербанка в 2023 году, которая охватила 15 млн пользователей с CTR 1.4 %. Для сравнения, аналогичная кампания на YouTube в 2021 году принесла Сбербанку охват в 50 млн пользователей с CTR 3.7 %. Еще один пример – видеореклама Магнита в 2023 году позволила увеличить узнаваемость бренда на 12 %, когда на YouTube в 2021 году она составила 25 %.

3. Зарубежные платформы: до и после ограничений

До введения ограничений такие платформы, как Facebook* (Meta*), Instagram* и Google Ads, занимали до 70% доли российского рекламного рынка. Например, в 2021 году Ozon проводил рекламную кампанию через Google Ads, которая обеспечила ROI (окупаемость инвестиций) в размере 320% и привела к росту продаж на 45 %. СберМаркет использовал Instagram для продвижения продуктовых наборов, добившись снижения стоимости клика (CPC) до 4 рублей.

После ограничений, введённых в 2022 году, компании зафиксировали резкий спад охватов и конверсий. Так, Lamoda сообщила, что после ухода Meta* с российского рынка конверсии на новых площадках снизились на 25 %. Яндекс.Маркет заменил Google Ads на свои собственные инструменты таргетинга, но столкнулся с ростом стоимости конверсии на 30 %.

Помимо резкого ограничения трафика и поиска альтернатив, замещение платформ Meta* на российские аналоги сопровождалось увеличением издержек на анализ данных и снижением качества таргетинга.

4. Роль современных технологий

В современном обществе в результате непрерывного научно-технического прогресса появляются новые технологии, использование которых в условиях ограничений стало наиболее актуальным.

Одним из них является искусственный интеллект (ИИ), который позволяет не только персонализировать контент, но и предсказывать поведение клиентов, улучшить таргетинг и оптимизировать рекламные кампании. Пример с Lamoda, которая использовала ИИ для персонализированных рекомендаций, показал значительный рост продаж.

Автоматизация на примере внедрения CRM-систем и платформ для управления контентом позволяет существенно снизить затраты на маркетинг, а также улуч-

шить взаимодействие с клиентами. Например, внедрение CRM-системы в Точка привело к увеличению повторных покупок на 25 %.

Ещё одна технология – предиктивная аналитика. Её использование позволяет строить более точные прогнозы спроса и на основе этих данных корректировать маркетинговые стратегии. Например, Perekrestok применил предиктивную аналитику для прогнозирования спроса и оптимизации ассортимента, что позволило увеличить выручку на 15 %.

5. Специфика работы локальных платформ в различных отраслях

Работа локальных платформ в разных отраслях имеет свои особенности, которые зависят от специфики аудитории, целей бизнеса и доступных инструментов.

1. Розничная торговля и eCommerce.

В этой отрасли локальные платформы активно используются для таргетированных рекламных кампаний, продвижения товаров и услуг, а также для повышения уровня вовлеченности пользователей.

Примеры:

- Wildberries использует рекламу на платформе ВКонтакте, применяя таргетинг и Look-alike модели, что помогает увеличивать конверсии и привлекать новых клиентов. В отличие от международных платформ, таких как Facebook*, система таргетинга ВКонтакте в 2023 году обеспечивала на 20 % более низкие затраты на привлечение клиентов, но и не обеспечила такой же точности в определении интересов пользователей.
- Ozon активно использует Telegram для рассылки промо-материалов и взаимодействия с клиентами, что позволяет повысить уровень конверсии за счет персонализированных предложений. В отличие от аналогичных платформ, таких как Amazon или Alibaba, Telegram позволяет гораздо более быстро реагировать на запросы пользовате-

лей, что повышает уровень удовлетворенности клиентов.

2. Образование.

В сфере онлайн-образования локальные платформы, такие как ВКонтакте и Telegram, играют важную роль в распространении образовательного контента, организации вебинаров и взаимодействии с обучающимися. ВКонтакте активно используется для продвижения образовательных курсов, тогда как Telegram становится удобным инструментом для создания образовательных сообществ и групп.

Примеры:

- Skillbox использует ВКонтакте для продвижения онлайн-курсов, увеличив CTR на 14 % и получив рост заявок на 30 %. В отличие от зарубежных платформ, таких как LinkedIn или Coursera, ВКонтакте позволяет точнее настраивать таргетинг по регионам и интересам пользователей, что снижает затраты на маркетинг.

- Нетология применяет Telegram для создания групп с обучающими материалами, где студенты могут общаться, задавать вопросы и получать поддержку. Этот подход позволяет более активно взаимодействовать с аудиторией, что, например, невозможно в той же степени на платформах вроде Udemy или Khan Academy.

3. Финансовый сектор.

Для финансовых учреждений локальные платформы предлагают возможности для привлечения клиентов через рекламные кампании, автоматизированные консультации через чат-ботов, а также для сервисной поддержки пользователей.

Примеры:

- Сбербанк использует Telegram для создания ботов, которые помогают клиентам быстро получить информацию о банковских продуктах и услугах. Это позволяет обеспечить высокий уровень вовлеченности и снизить затраты на обслуживание клиентов. В отличие от международных банковских приложений, таких как PayPal, которые не имеют аналогичных встроенных инструментов взаимо-

действия через мессенджеры, Telegram обеспечивает большую гибкость и персонализацию.

- Тинькофф активно использует ВКонтакте для рекламных кампаний, что помогает привлекать новых клиентов через таргетированные предложения и акции. Однако по сравнению с международными аналогами, такими как Revolut или Monzo, локальные платформы ограничены в плане финансовых инструментов и интеграции с международными системами, что снижает их универсальность.

4. Медиа и развлечения.

В медиаиндустрии локальные платформы, такие как RuTube и ВКонтакте, играют ключевую роль в распространении видеоконтента, организации стримов и продвижения культурных и развлекательных мероприятий.

Примеры:

- RuTube активно используется для размещения рекламных роликов, кино-

фильмов и музыкальных клипов, что позволяет достигать охвата более 20 млн пользователей. Однако в сравнении с YouTube, RuTube уступает в плане удобства интерфейса и возможностей монетизации для создателей контента. Например, YouTube позволяет использовать более разнообразные форматы рекламы, а также монетизировать контент через подписки и партнёрские программы.

- Кинотеатр «Синема Парк» использует ВКонтакте для продвижения акций, а также для организации онлайн-мероприятий. В отличие от платформ типа Netflix, которые предоставляют собственную площадку для распространения контента, ВКонтакте ограничивает возможности монетизации контента для кинокомпаний, что снижает финансовую привлекательность платформы для крупных медиапроектов.

Таблица 1

Оценка эффективности адаптации маркетинговых стратегий

Компания	Канал	Технологии	Результат
Сбербанк	Telegram	Чат-боты, персонализация	50% рост вовлечённости, 18% увеличение клиентов
Wildberries	ВКонтакте	Таргетинг, Look-alike	25% рост продаж
Skillbox	ВКонтакте	Реклама, видеоконтент	CTR 14%, рост заявок на 30%
RuTube	RuTube	Видеореклама	100 кампаний, 20 млн пользователей
Lamoda	Все каналы	ИИ, персонализация	30% увеличение покупок, 20% снижение отказов
Perekrestok	ВКонтакте	Предиктивная аналитика	15% рост выручки

5. Здравоохранение.

В здравоохранении локальные платформы также могут быть использованы

для продвижения медицинских услуг, организации консультаций и информирования населения.

Примеры:

- Медицинская платформа «Доктор на работе» использует Telegram для создания чат-ботов, которые помогают пользователям записываться на приём, получать консультации и назначать лекарства. Это позволяет снизить затраты на звонки в колл-центр и повысить удовлетворённость клиентов. Однако в отличие от международных платформ, таких как Babylon Health или Teladoc, локальные решения имеют ограничения по интеграции с медицинскими сервисами и платформами для удалённых консультаций.

6. Количественные показатели и кейсы

Для оценки эффективности адаптации маркетинговых стратегий в условиях ограничений приведём дополнительные примеры. Таким образом, применение различных каналов и технологий показало, что локализация и правильный выбор инструментов могут значительно повысить результаты. Важно, чтобы компании продолжали тестировать и адаптировать свои стратегии, используя новые данные и подходы.

7. Долгосрочные перспективы развития отечественных платформ

В условиях высокой неопределённости перспективными направлениями развития отечественных платформ, способных конкурировать с международными, можно назвать:

- увеличение инвестиций в развитие и интеграцию инструментов аналитики и таргетинга;
- диверсификация инструментов, в том числе с использованием нейросетей и предиктивной аналитики. Интеграция ИИ может обеспечить рост эффективности рекламы на 20–30 %;
- фокус на внутренний рынок: развитие нишевых платформ таких как Dzen и Yarru, обеспечит рост вовлечённости в специфических аудиториях;
- расширение партнёрств: компании, такие как Яндекс, могут развивать сотрудничество с другими отечественными и международными игроками,

чтобы создать более интегрированные экосистемы;

- персонализация контента с целью увеличения аудитории и ее удержания.

8. Практические рекомендации для компаний, стремящихся адаптироваться к новым условиям

1. Расширение зоны присутствия в медиапространстве – освоение новых интернет-площадок (социальные сети, мессенджеры, тематические порталы, новые медиа, партнерство с блогерами (в т.ч. присутствующих в Facebook* и Instagram*)).

2. Привлечение специалистов по маркетинговым исследованиям, мониторингу информационного пространства, адаптации контента под разные площадки (в т.ч. на аутсорсинге), обучение и развитие персонала с целью поддержания компании в актуальной повестке дня и удержания внимания на площадках с наибольшим трафиком.

3. Использование всех возможностей, предоставляемых площадкой, что позволит увеличить количество взаимодействий с пользователями.

4. Автоматизация процессов сбора и обработки результатов маркетинговых стратегий, подсчета эффективности и выявления проблемных элементов, процессов рекламных кампаний (рассылки, коммуникация).

5. Персонализация контента и уточнение критериев таргетинга, что позволит в реализации рекламных кампаний на целевую аудиторию, снизив экономические затраты и увеличив конверсию.

6. Внедрение в практику создания контента и оптимизации рекламных кампаний инновационных технологий (искусственный интеллект, предиктивная аналитика) с целью персонализации контента, прогнозирования поведения клиентов.

7. Партнерство и сотрудничество, в т.ч. с интернет-площадками, что может обеспечить получение наиболее выгодных и уникальных условий для рекламы.

8. Увеличение финансирования на медиаисследования с последующим снижением затрат на рекламные кампании.

Заключение

Изменения в международной политике и экономике потребовали от российских компаний адаптации маркетинговых стратегий. В условиях ограничений доступности международных платформ организации смогли эффективно переключиться на локальные каналы коммуникации, такие как Telegram, ВКонтакте и RuTube. Эти платформы обеспечили возможность не только поддерживать связь с аудиторией, но и значительно повысить результативность маркетинговых усилий.

Технологические инновации, включая искусственный интеллект и автоматизацию процессов, сыграли ключевую роль в оптимизации маркетинговых операций. Эти технологии помогли повысить качество и эффективность контента, снизить операционные затраты. Кейсы реальных компаний, использующих эти инструменты, подтверждают их значительный вклад в рост показателей вовлеченности и продаж.

Для дальнейшего роста компании должны продолжать инвестировать в инновации и адаптировать стратегии, ориентируясь на новые цифровые инструменты и локальные особенности рынка. В отличие от международных платформ, отечественные каналы имеют возможность более гибко реагировать на изменения в законодательстве и предпочтения аудитории, что даёт им стратегическое преимущество

на текущем этапе. Однако для достижения долгосрочного успеха российским организациям необходимо усилить интеграцию с международными цифровыми инструментами и улучшать качество своих продуктов, чтобы соответствовать общемировым стандартам и оставаться конкурентоспособными в глобальной среде.

Таким образом, локальные платформы, несмотря на свои ограничения в функционале и международной интеграции, продемонстрировали значительный потенциал в условиях кризисных ситуаций и могут сыграть ключевую роль в цифровом будущем России.

Библиографический список

1. Исследования Deloitte по цифровому маркетингу в России. – 2023.
2. Котлер Ф., Армстронг Г. Основы маркетинга. – М.: Вильямс, 2018.
3. Крылов А. В. Цифровые платформы и маркетинг. – М.: Экономика, 2023.
4. Отчёт VK о результатах рекламных кампаний в 2023 году.
5. Отчёты о внедрении ИИ в маркетинг российских компаний. – 2023.
6. Смирнова Е. П. Адаптация маркетинговых стратегий в условиях санкций. – СПб.: Питер, 2022.
7. Chaffey, D. Digital Marketing: Strategy, Implementation and Practice. – Pearson, 2021.
8. Ingate. Анализ эффективности Telegram как маркетингового инструмента. – 2023.
9. Phillips, J. ROI in Marketing: The Definitive Guide. – Wiley, 2021.
10. Smith, P. R. Digital Marketing Excellence. – Kogan Page, 2020.

© Половоникова А. Е., Исаков М. Р., 2025

УДК 347.7

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ ОБЩЕСТВ

EDN TSAQEC

А. А. Резникова

*Специалист экономики,
ORCID 0009-0001-6245-1320,
e-mail: 306060_ok@mail.ru,
Тольяттинский государственный университет,
г. Тольятти, Самарская область, Россия*

REORGANIZATION OF BUSINESS ENTITIES

A. A. Reznikova

*Economics specialist,
Togliatti State University,
Togliatti, Samara region, Russia*

Abstract. The article examines the legal and economic aspects of the reorganization of business entities in modern Russian practice. The author analyzes statistical data on the dynamics of reorganization processes, identifies key problems and trends in this area. Special attention is paid to the comparative analysis of different forms of reorganization (merger, acquisition, division, spin-off, transformation) and their impact on the economic performance of companies. The study is based on the analysis of judicial practice and regulatory framework as of 2023.

Keywords: reorganization; business entities; merger; acquisition; division; transformation; corporate law; economic efficiency.

Реорганизация хозяйствующих обществ остается одним из ключевых инструментов корпоративного управления, позволяющим компаниям адаптироваться к изменяющимся экономическим условиям. В последние годы этот процесс приобрел особую актуальность в связи с глобальными вызовами, включая санкционное давление, цифровизацию и трансформацию бизнес-моделей. В статье рассматриваются основные аспекты реорганизации, анализируются современные тенденции и предлагаются рекомендации по оптимизации данного процесса.

Регулирование отношений между участниками хозяйственных обществ. Правовые нормы определяют правила взаимодействия между участниками хозяйственных обществ, включая порядок принятия решений, распределение прибыли и управление обществом [8]. Это помогает предотвратить конфликты и споры между участниками и обеспечивает эффективное функционирование общества.

Согласно ст. 57 Гражданского кодекса РФ, реорганизация – это процесс, в ре-

зультате которого происходит прекращение или изменение юридического лица с переходом его прав и обязанностей к правопреемнику. Основные формы реорганизации включают:

- слияние (объединение двух и более компаний в одну);
- присоединение (вхождение одной компании в состав другой);
- разделение (создание новых компаний на базе одной);
- выделение (создание новой компании без прекращения деятельности исходной);
- преобразование (изменение организационно-правовой формы).

Решение вопроса о реорганизации юридического лица относится к компетенции его участников либо органа юридического лица, уполномоченного на то учредительными документами.

В случаях, установленных законом, допускается принудительная реорганизация юридического лица по решению уполномоченных государственных органов или по решению суда. Такая реорганизация юридического лица проводится

только в форме разделения юридического лица или выделения из его состава одного или нескольких юридических лиц. Такая возможность предусматривается Гражданским кодексом (ст. 57 ГК) и конкретизируется в законе о конкуренции (ст. 38 Закона [7]).

В предусмотренных законом случаях (ст. 27 Закона [7], Правила, утвержденные Правительством¹) реорганизация юридического лица в форме слияния, присоединения или преобразования может быть проведена лишь с согласия уполномоченных государственных органов.

Защита интересов общества и общественных ценностей. Правовое регулирование определяет правила и ограничения, которые необходимы для защиты интересов общества и общественных ценностей. Это включает борьбу с коррупцией, монополизацией рынка, нарушением прав потребителей и другими негативными явлениями [7]. Правовое регулирование также способствует соблюдению этических и моральных норм в бизнесе.

Как отмечает Долинская В.В., «реорганизация позволяет компаниям не только оптимизировать налогообложение, но и повысить управляемость бизнеса» [13, с. 45].

Необоснованное и незаконное использование имущества хозяйственного общества при его реорганизации. В частности, передача активов и имущества хозяйственного общества без соблюдения установленных процедур и без согласия участников (акционеров) общества [1]. Соккрытие информации о реорганизации от участников (акционеров) хозяйственного общества или от органов государственной регистрации. Например, несвоевременное представление документов и уведомлений о реорганизации или предоставление заведомо ложной информации.

Согласно данным Федеральной налоговой службы, в 2023 году в России было зарегистрировано 12,5 тыс. случаев реорганизации, что на 15 % больше, чем в 2022 году. Основные причины роста:

- санкционное давление (реорганизация как способ сохранения бизнеса);
- цифровая трансформация (создание ИТ-холдингов);
- оптимизация налоговой нагрузки (использование специальных режимов).

По мнению экспертов Высшей школы экономики, «в условиях санкций реорганизация стала инструментом минимизации рисков» [10, с. 78].

Несмотря на преимущества, реорганизация сопряжена с рядом проблем:

- злоупотребления (использование для уклонения от обязательств);
- нарушение прав кредиторов (ст. 60 ГК РФ);
- сложности правопреемства (споры о переходе активов).

Институт реорганизации в российском праве характеризуется недостаточной степенью проработки, обусловленной его относительной новизной и отсутствием легального определения. Это приводит к разночтениям в понимании сущности реорганизации и затрудняет ее правовое регулирование. Зачастую в научных исследованиях реорганизация рассматривается исключительно как способ прекращения предпринимательской деятельности, что сужает взгляд на данный процесс [7, с. 28].

В процессе реализации реорганизационных мероприятий возникают сложности, связанные с разграничением полномочий и ответственности сторон, а также с распределением имущества между реорганизуемой организацией и ее правопреемниками. Важным аспектом является обеспечение законных интересов всех заинтересованных лиц, включая кредиторов и сотрудников. Необходимо учитывать специфику каждого вида реорганизации и проводить разграничение со схожими правовыми институтами.

Согласно статистике Верховного Суда РФ, в 2023 году было рассмотрено 3,2 тыс. дел, связанных с оспариванием реорганизации, из них 63 % были удовлетворены.

Несовершенство правового поля в сфере реорганизации предприятий приводит к возникновению другой серьезной проблемы – ущемлению прав кредиторов. Действующее законодательство, опираясь на положения п. 1 ст. 60 ГК РФ, допускает возможность уведомления кредиторов о реорганизации в форме преобразования, а также освобождает от обязанности публикации соответствующего сообщения в средствах массовой информации (п. 5 ст. 58 ГК РФ).

Аналогичная ситуация наблюдается и при трансформации одного типа акционерного общества в другой, поскольку такая трансформация не квалифицируется как реорганизация. Следовательно, предписания пункта 5 статьи 58 ГК РФ, пункта 5 статьи 15 и статьи 20 Федерального закона № 208 «Об акционерных обществах» не распространяют требования об информировании кредиторов на юридические лица, подвергающиеся подобной процедуре. Внесение корректировок в упомянутые законодательные акты, предусматривающих обязанность организаций по направлению письменных уведомлений кредиторам, способствовало бы разрешению данной проблемы.

Реорганизация в форме выделения или разделения зачастую сопровождается сложностями, связанными с передачей обязательств и активов, а также попытками уклонения от ответственности по долгам предшественников. Для предупреждения судебных тяжб и защиты прав кредиторов целесообразно внести изменения в законодательство, регламентирующие порядок передачи обязательств или заключение соглашений о погашении задолженности. Вопрос исполнения обязательств, возникших после реорганизации, например, гарантийных, также требует законодательного урегулирования, в частности, путем конкретизации взаимосвязи типа правопреемства с формой реорганизации. Отсутствие четких норм, регулирующих процесс реорганизации, делает эту процедуру непривлекательной. Целе-

сообразно консолидировать все нормы в единую законодательную базу, гарантирующую защиту прав всех участников.

Среди ключевых направлений совершенствования законодательства:

- усиление контроля за фиктивными реорганизациями;
- развитие цифровых реестров правопреемства;
- упрощение процедур для малого бизнеса.

Как отмечает А. В. Губин, «будущее реорганизации связано с цифровизацией и прозрачностью» [7, с. 112].

Проведенный анализ реорганизации хозяйственных обществ позволяет сделать ряд важных выводов. В современных экономических условиях реорганизация остается эффективным инструментом адаптации бизнеса к изменяющимся условиям, однако требует тщательного правового регулирования и контроля.

Реорганизация хозяйственных обществ представляет собой сложный правовой процесс, требующий соблюдения установленных законодательством процедур и учета интересов всех заинтересованных сторон.

В 2020–2024 годах наблюдается устойчивая тенденция к росту количества реорганизаций, что связано как с экономическими, так и с правовыми факторами.

Наибольшие сложности в правоприменительной практике связаны с проблемой злоупотребления правом при реорганизации и защитой прав кредиторов.

Перспективным направлением развития является дальнейшая цифровизация процессов реорганизации и создание единого информационного пространства для всех участников.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.03.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (ред. от 28.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № рег. – Ст. 1.

3. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ “Об обществах с ограниченной ответственностью” (ред. от 28.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 7. – Ст. 785.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации” // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 8.
5. Алексеев С. С. Гражданское право. – М.: Проспект, 2023. – 768 с.
6. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая. – М.: Статут, 2022. – 847 с.
7. Губин Е. П., Лахно П. Г. Предпринимательское право Российской Федерации. – М.: Норма, 2023. – 1008 с.
8. Кашанина Т. В. Корпоративное право. – М.: Норма, 2023. – 815 с.
9. Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения. – М.: Статут, 2022. – 543 с.
10. Могилевский С. Д. Правовые основы деятельности акционерных обществ. – М.: Дело, 2023. – 672 с.
11. Беликов А. П. Проблемы правового регулирования реорганизации юридических лиц // Журнал российского права. – 2023. – № 5. – С. 45–56.
12. Витрянский В. В. Реорганизация юридических лиц: современные проблемы // Вестник гражданского права. – 2022. – № 3. – С. 12–34.
13. Долинская В. В. Актуальные вопросы реорганизации хозяйственных обществ // Закон. – 2023. – № 7. – С. 78–92.
14. Официальный сайт Федеральной налоговой службы. URL: <https://www.nalog.gov.ru> (дата обращения: 01.05.2025)
15. Официальный сайт Министерства экономического развития РФ. URL: <https://www.economy.gov.ru> (дата обращения: 01.05.2025)
16. Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsrfr.ru> (дата обращения: 01.05.2025)

© Резникова А. А., 2025

УДК 331

**ЗАЩИТА ПРАВ РАБОТНИКОВ В РАМКАХ
КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ТРУДОВЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ**

EDN TTOSUX

А. И. Сабитова
Г. Р. Мухаметшина

*Студентка, e-mail: ss.adel417@gmail.com,
кандидат социологических наук, доцент,
ORCID 0000-0003-2146-718X,
e-mail: ggr-nauka@mail.ru,*

*Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*

**PROTECTION OF WORKERS' RIGHTS IN THE FRAMEWORK
OF CORPORATE LABOR RELATIONS MANAGEMENT**

A. I. Sabitova
G. R. Mukhametshina

*Student,
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Badhkortostan, Russia*

Abstract. Protecting the labor rights of employees is an essential aspect of the effective functioning of any organization. Current corporate governance trends involve creating conditions that ensure respect for the rights of each employee, increasing the level of trust between management and the team, minimizing conflicts and increasing labor productivity. The relevance of the topic is related to the modern transformation of labor relations: new areas of employee-employer, employee-team interaction are emerging that do not fit into the usual legal framework. The article deals with topical issues of the adoption of codes of corporate ethics, which are a factor in the development of corporate culture and create a favorable working climate in teams.

Keywords: labor relations; corporation; ethics; law.

Основу любого общества составляет трудовая деятельность людей. Трудовые отношения – один из важнейших элементов системы общественных отношений в любой современной стране. В настоящее время специалисты экономики и социологии все больше внимания уделяют проблемам и особенностям трудовых отношений. Актуальность защиты прав работников обусловлена изменениями в социально-экономическом устройстве страны и реформами трудового законодательства.

Многие эксперты проявляют интерес к изучению вопроса защиты прав работников в рамках корпоративного управления. Можно выделить Т. Ю. Барышникова, Т. А. Нестерова, Л. А. Николаева, Т. А. Сошникова, Е. А. Федорова, А. В. Яковлева, др. В своих исследованиях они ссылаются на Конституцию Российской Федерации, Трудовой Кодекс Российской Федерации и законы трудо-

вых отношений в рассматриваемых субъектах РФ [5].

Система управления социально-трудовыми отношениями призвана воздействовать на трудовой потенциал работников с целью изменения его параметров в нужном для организации направлении. Целью управления социально-трудовыми отношениями на предприятии выступает обеспечение сбалансированности и защита интересов участников социально-трудовых отношений.

Корпоративное управление – это подход к управлению компанией, обеспечивающий равноправное и справедливое распределение результатов её деятельности между акционерами и другими заинтересованными лицами.

Корпоративное управление должно быть основано на принципе устойчивого развития общества и повышения отдачи от инвестиций в акционерный капитал в

долгосрочной перспективе. Для этого обществу необходимо определить свою миссию и внедряемые корпоративные ценности, которые станут для членов органов управления и работников общества инструментом достижения его стратегических целей [6].

Вопросы корпоративного управления наиболее актуальны для крупных предприятий и групп компаний, важной особенностью которых является то, что они находятся в собственности одной группы людей (акционеров), но при этом непосредственно управляются другими людьми (директорами и менеджерами). Таким образом, права собственности оказываются отделенными от функций непосредственного управления, что порождает проблему доверия директорам со стороны собственников.

В случае отделения прав собственности от функций менеджмента возникает так называемая проблема агентских отношений (*agency problem*). В нашем случае директора предприятия являются агентами акционеров (собственников) и в идеале должны действовать таким образом, чтобы в максимальной степени представлять интересы последних. Однако интересы директоров не всегда совпадают с интересами акционеров, и этим объясняется то, что директора, как показывает практика, не всегда действуют так, как было бы выгодно акционерам.

Однако проблемы агентских отношений на корпоративном уровне не ограничиваются отношениями между акционерами и руководителями высшего звена (директорами) предприятия и могут охватывать самые разные группы участников бизнеса [3].

Не менее значимым инструментом регулирования корпоративного поведения работников является кодекс профессиональной этики. Деятельность по разработке новых и улучшению уже существующих кодексов профессиональной этики свидетельствует об острой потребности

бизнес-сообщества в поиске правовых и нравственных ориентиров для развития направлений деятельности, что отвечает социально-экономическому развитию корпораций, общества и государства.

Локальные нормативные акты обладают наименьшей юридической силой по сравнению с кодексами корпоративного поведения, однако это не уменьшает их значимости. Существует большое количество актов локального нормотворчества (положения об охране труда, положения о порядке прохождения аттестации, штатное расписание, должностные инструкции и т.д.), однако больший интерес вызывают так называемые «Кодексы корпоративной этики», которые имеют правовую природу, отличную от кодексов профессиональной этики, и не находят своего закрепления в трудовом законодательстве России, но активно интегрируются и используются российскими организациями в настоящее время. Таким образом, кодекс корпоративной этики в свою очередь выступает регулятором внутрикорпоративных отношений и включает в себя требования о необходимости следования правилам делового этикета, делового общения и переписки, антикоррупционную политику, деловой стиль одежды и порядок решения конфликта интересов [7].

Право требования от работника соблюдения правил корпоративного поведения и принципов корпоративной культуры, действующих в конкретной организации, возникает только при детальной регламентации таковых в локальных нормативных актах работодателя. Несмотря на то, что в общем локальное нормотворчество отнесено к правам, а не обязанностям работодателя (в соответствии со ст. 22 Трудового кодекса РФ), из совокупности других норм Трудового кодекса РФ (ст. 8, ст. 68 Трудового кодекса РФ) следует, что наличие локальных нормативных актов презюмируется.

В этой связи в целях возможности установления основ корпоративной куль-

туры и поведения, а также в целях допустимости применения санкций за их несоблюдение работодателем должен быть принят локальный нормативный акт в соответствии со ст. 8, ст. 68 и ст. 372 Трудового кодекса Российской Федерации: локальный нормативный акт не должен содержать положений, ухудшающих положение работников по сравнению с установленным Трудовым кодексом РФ и иным законодательством в сфере труда, а содержание локального нормативного акта должно быть доведено до сведения работника под роспись. Кроме того, во избежание оценочного толкования закрепленных на локальном уровне положений и требований представляется необходимым формулировать их конкретно и определенно. Таким образом, от высокого уровня юридической техники при разработке локальных нормативных актов (в особенности кодексов корпоративной этики) и от соблюдения норм действующего трудового законодательства зависит степень эффективности принятых правил корпоративного поведения и корпоративной культуры в конкретной организации [3].

На практике возникает большое количество ситуаций, порядок разрешения которых не установлен на уровне федерального трудового законодательства, а равно не может выноситься на рассмотрение юрисдикционного органа. Например, в действующем трудовом законодательстве отсутствует механизм правового регулирования защиты от психологического насилия со стороны коллег (моббинга), а также от харассмента. В локальных актах уделяется особое внимание проблемам рассматриваемого характера и указанные вопросы в основном регулируются посредством принятия кодексов корпоративной этики.

Чаше споры о соблюдении норм корпоративной этики связаны с нарушением правил о вежливом обращении и уважительном отношении коллег друг к другу. Суды в данных спорах могут встать как на

сторону работодателя, так и на сторону истца.

Кодекс устанавливает требования к тому, как должен вести себя работник в трудовых отношениях, регламентация данных вопросов допускается ст.8 ТК в рамках локального регулирования. Если работодатель принял кодекс корпоративной этики в качестве локального нормативного акта, то этот кодекс является обязательным для исполнения работниками. Роструд отмечает, что кодекс корпоративной этики регламентирует правила поведения работников и предусматривает ответственность за их нарушение, поэтому он является частью правил внутреннего трудового распорядка и должен приниматься в порядке, предусмотренном ст. 372 ТК РФ (Письмо Роструда от 14 февраля 2022 года № ПГ/01665-6-1) [1].

Основной задачей разработчиков этических кодексов является формирование и внедрение в профессиональную среду принципов и норм корпоративной этики, которые направлены на разрешение спорных ситуаций, предотвращение злоупотреблений в различных сферах трудовой профессиональной деятельности.

Действующим отечественным трудовым законодательством четко не определены пределы нормотворческих полномочий работодателя. Данное трудовое законодательство не содержит принципов корпоративной культуры и целей принятия кодексов корпоративной этики, что часто приводит к изданию таких положений, которые ухудшают положение работников по сравнению с действующим законодательством (не только в сфере труда). Кодексы корпоративной этики не могут ограничить работников публичного высказывания личного мнения посредством социальных сетей, устанавливать жесткие запреты на публикации в СМИ. Ограничить права и свободы можно только посредством федерального законодательства (ст. 55 Конституции РФ) [2].

Трудовым кодексом РФ работодателю предоставлено право на издание локаль-

ных нормативных актов, а работник, в свою очередь, обязан их соблюдать. В этой связи очевидным видится факт возможности установления указанных ограничений, но только в той мере, в которой это необходимо для сохранения деловой репутации конкретной организации. Разработка кодекса позволит предусмотреть возможные риски в деятельности сотрудника конкретной организации и защитит его в случае нарушений. Кодекс обеспечивает определенный уровень юридической защиты как компании в целом, так и каждому работнику в отдельности, являясь важнейшим нормативным актом, регулирующим профессиональную деятельность, наравне с действующим законодательством. Его знание и соблюдение являются не только условиями профессионального успеха компании, но и быстрого роста каждого специалиста.

Библиографический список

1. Аксиненко, Д. А. Кодекс корпоративной этики как регулятор трудовых отношений / Д. А. Аксиненко, И. А. Новицкий // Трансформация права : Материалы VI Всероссийского научно-практического форума студентов и молодых ученых, Екатеринбург, 23–27 октября 2023 года. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, 2024. – С. 261–270.
2. Аширбагина, Н. Л. Кодекс этики как фактор развития корпоративной культуры / Н. Л. Аширбагина // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2012. – № 2(2). – С. 69–71.
3. Исаев, Д. В. Корпоративное управление и стратегический менеджмент / Д. В. Исаев. – Москва: ГУ ВШЭ, 2009. – 42 с.
4. Кириллова, Л. С. Корпоративная этика в регулировании трудовых отношений / Л. С. Кириллова // Вестник экономики, права и социологии. – 2024. – № 2. – С. 102–108.
5. Макарова, О. А. Принципы корпоративного управления как основа для законодательного регулирования отношений в сфере корпоративного управления / О. А. Макарова // Региональные аспекты управления, экономики и права Северо-западного федерального округа России : Межвузовский сборник научных трудов / под редакцией А. Д. Макарова, А. А. Цельковских. Том Выпуск 1(34). – Санкт-Петербург : Свое издательство, 2015. – С. 89–92.
6. Митюсова, А. А. Корпоративное управление в интересах менеджмента как один из видов корпоративного управления / А. А. Митюсова // Аллея науки. – 2023. – Т. 1, № 8(83). – С. 90–94.
7. Наконечников, Н. Н. Корпоративная культура и кодекс Этики компании: роль и значение / Н. Н. Наконечников // Форум. – 2024. – № 1(31). – С. 253–256.

© Сабитова А. И., Мухаметшина Г. Р., 2025

УДК 338

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ БЬЮТИ-ИНДУСТРИИ В РОССИИ

EDN UFVQKY

Е. В. Терелецкова

Кандидат социологических наук, доцент,
ORCID 0000-0002-6687-7601,
e-mail: tereletskova@mail.ru,

М. Р. Кинзябаева

студентка, e-mail: kinzyabaeva.milena@yandex.ru,
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия

MODERN TRENDS IN THE BEAUTY INDUSTRY IN RUSSIA

E. V. Tereletskova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor.

M. R. Kinzyabaeva

Student,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia

Abstract. The article considers the trends of modern development of the beauty industry market in Russia. The domestic market of this sphere is rapidly growing and changing under the influence of new products, services, technologies and trends. This is explained by the desire of society to meet fashion trends. One of the external factors affecting the success of the promotion of services or goods in the market – the ability to deftly and quickly track the activities of competitors and not give up positions, passing through the latest trends, which is so important to study not only at the local level, but also to pay attention to those trends that cover the niche as a whole.

Keywords: beauty industry; development trends; cosmetology; beauty; market; motivation.

Рынок красоты – это активно развивающаяся среда, внутри которой не происходит застоя, его участники и участницы – юные девушки и женщины – активно прогрессируют в представлениях о красоте, приспосабливаясь к мировым тенденциям. Распространено мнение о том, что сфера услуг в области оказания косметического сервиса представляет собой сеть салонов красоты, работающих на благо женского населения [1]. Мотивацию посещения подобных мест – студий визажа, ногтевых студий, парикмахерской – легко понять, ведь каждый индивидуум стремится к самоидентификации и выражению своих достоинств.

При определенном настроении и желании каждому доступна возможность записи на услугу или программу красоты, для этого всего лишь необходимо подобрать надлежащий салон красоты, который откликается ряду требований, например [2]: геолокация, ценовой сегмент, широта ассортимента, высококвалифициро-

ванный персонал – после чего с помощью звонка или интернет-сайта необходимо заявить о себе, выбрав день и время, удобные для посещения выбранной локации. После того, как заказчик получает услугу, возникает необходимость в ее оплате, в случае если услуга оказана в полном объеме и удовлетворяет клиента, после чего сотрудник обязан выдать зафиксированный чек [3].

Если рассматривать сферу обслуживания в целом, причисляя к ней все виды возможно оказываемых услуг, то можно прийти к выводу, что целью данной отрасли является налаживание и обеспечение как жизнедеятельности производственной и социальной сфер, так и удовлетворение потребностей населения, семей, индивида.

С. Б. Алексеев, считает, что внутри сферы услуг процветает безжалостная конкуренция, борьба за каждого клиента, за внимание, победа в которой достается тем предприятиям/лицам, которые пред-

лагают услуги, подходящие запросу аудитории. «Актуальное развитие сервиса базируется на анализе нужд и требований масс в той или иной услуге, процедуре, категории товара» [4, с. 30].

У любого салона красоты, как и у частного мастера, есть перечень целей, которые стоят превыше всего и обязательны к исполнению: качественное оказание услуг; широкий ассортимент услуг; получение выручки; высокий уровень квалификации мастеров/персонала; привлечение новых и наличие постоянных клиентов. Предпринимателям необходимо сформировать и обосновать процесс развития их коммерческой деятельности, где истинные достижения и превосходства значительно выделяют их в среде конкурентов. Помимо прочего важно периодически видоизменять фокус и менять подходы к выработыванию бизнес-стратегии, не забывая про уникальное и четкое позиционирование [6].

В 2025 году индустрия красоты продолжит развиваться, акцентируя внимание на новых технологиях и инновационных подходах. Одним из ключевых трендов станет использование экзосом – инновационных технологий для восстановления кожи, которые будут популярны в косметических процедурах [7].

В 2024 году российский рынок парфюмерии, уходовой и декоративной косметики вырос более чем на 17,3 % до 950 млрд рублей, а в 2025 году ему прогнозируют ёмкость в 1,1 трлн рублей. Спрос на косметику стабильно увеличивается, растёт средний чек и количество товаров: по данным «Ромир», за последние пять лет траты россиян на косметику достигли 10 246 рублей в год на человека [9].

На это влияет несколько факторов: лёгкость покупки (больше не нужно искать время для похода в магазин, все товары доступны в онлайн), появление большого количества новых брендов и изменение возраста потребителей. Онлайн продажи расширяют географическую

группу покупателей: заказать доставку косметики можно практически в любую точку страны. При этом в онлайн часто ассортимент обширнее, поскольку место на полках не ограничено, как в офлайн продажах.

Выход азиатских брендов на российский рынок повлиял на увеличение спроса на косметику не меньше, чем появление новых отечественных производителей. Аудитория в целом стала больше открыта к экспериментам, и этот потребительский интерес проще удовлетворить товарами из категории «Красота». Средний чек в ней в два раза меньше, чем в категории «Мода» и составляет 2 326 рублей.

Также изменилась нижняя граница возраста потребителей косметики – на 2025 год она достигла 14 лет. Это ещё больше расширяет потребительскую группу. Покупатель приобретает косметику на 3 года раньше, чем пять лет назад. При этом завершает пользование он всё позже, поскольку новые поколения привыкают ухаживать за собой с юности.

Отсюда появился один из трендов косметического рынка, который будет актуален и в 2025 году: антивозрастная косметика. По данным Института общественного мнения её приобретает треть (32 %) россиянок. Среди них 54 % начали пользоваться подобными средствами в 25–35 лет. Самыми эффективными компонентами они посчитали: гиалуроновую кислоту, коллаген и витамин А (ретинол, ретиналь). Отечественной уходовой косметике доверяют и готовы использовать 71 % россиянок по данным аналитического центра НАФИ на вторую половину 2024 года [10].

Новое потребительское поколение больше внимания уделяет своему ментальному здоровью, что также влияет на косметический рынок. Популярными остаются средства для расслабления: соли, бомбочки и пены для ванн, аромамасла, благовония. В 2025 году они могут сохранить свою долю на рынке, поскольку

уровень стресса потенциальных потребителей растёт с каждым годом. В 2024 он вырос на 3 % по сравнению с предыдущим годом – согласно исследованию ВШЭ 47 % респондентов, признались, что за последние 12 месяцев у них были нервные расстройства и плохое эмоциональное самочувствие.

Сервис, как отдельная сфера по оказанию услуг, содержит в себе разнородные варианты инициатив, общая картина которых характеризует уровень жизни и степень развития традиций, наследия общест-венности. Как и на любом другом рынке, на рынке услуг красоты существует несколько целевых сегментов, определяемых финансовыми возможностями клиентов.

Предприятия и фирмы, а также частные мастера предлагают разный спектр услуг и предложений, в зависимости от социального слоя населения, к которому относится их потенциальный клиент [8].

Таким образом, в индустрии красоты можно выделить классы, характеризующиеся уровнем предоставляемых услуг: эконом, бизнес и люкс сегменты. Класс «эконом» особенно популярен, благодаря своей доступности и привлекательности для широкого круга клиентов. На этом этапе стоит проанализировать все три основных уровня возможно оказываемых услуг для лучшего понимания отличий (табл. 1).

Таблица 1

Отличительные черты ценовых классов в сфере оказания бьюти-услуг

Критерий	Эконом	Бизнес	Люкс
Ценовой сегмент	низкий	средний	высокий
Планировка помещения и интерьер	соответствует санитарным стандартам, без излишеств	качественная отделка с удобствами	большое помещение с роскошным ремонтом и с большим количеством дополнительных удобств
Наличие автостоянки	часто отсутствует	важное условие	необходимый критерий
Форменная одежда	необязательно	стандартная	заказана и отшита в соответствии с концептом заведения и его работниками
Профессиональный уровень сотрудников	стандартный	выше среднего	исключительно профессионалы с большим стажем
Сервис	не в приоритете	поддержание качественного приветливого обслуживания	всегда на высшем уровне
Качество используемого оборудования и ценовой сегмент используемой косметики/материалов	любой/ая	среднее и выше	профессиональная косметика ведущие и дорогостоящие инструменты/материалы/ косметика класса люкс

Разница между ними будет достаточно весомая, начиная от манеры общения персонала с клиентом, заканчивая помещени-

ем и качеством сервиса – урегулирование трудностей до их появления.

Сущность вышеизложенного сводится к подтверждению идеи о современной «гонке» внутри индустрии красоты, которая обеспечивает клиентам слишком широкий спектр услуг, а мастерам и бизнесменам – жестокую конкуренцию, внутри которой, чтобы привлечь внимание, необходимо иметь что-то особенное и уникальное.

Покупатели по всему миру со временем становятся все более требовательными, частично избалованными, но в тоже время аккуратными на выбор товара или услуги, в любом случае – потенциальному клиенту должно быть предоставлено качество по выверенной сегментом цене, с целью удовлетворения потребности.

Библиографический список

1. Абдукаримов Ф. Б. А., Мирзаева Ш. Н. Малый бизнес – как фактор развития конкурентной среды национальной экономики // *Gospodarka i Innowacje*, 2023. Т. 36. 657–667 с.
2. Аксенова К. А. Реклама и рекламная деятельность. М.: «Приориздат», 2025. – 96 с.
3. Алексеев С. Б. Стратегическое формирование управленческого потенциала предприятия сферы услуг // *Вестник Института экономических исследований*, 2022. – №. 2 (26). – 30–35 с.
4. Аликберова А. М., Вахабова С. А., Садуева М. А. Инновационный подход к стратегическому планированию рекламной кампании // *Журнал прикладных исследований*, 2023. № 1. 105–108 с.
5. Анищенко К. Л., Пантелеева Т. А. Феномен формирования личного бренда // *Россия и мир: развитие цивилизаций. Преобразования цивилизационных ценностей в современном мире. Материалы XI международной научно-практической конференции*, 2021. 442–445 с.
6. Антонов М. А., Капранова М. В. Принятие профессиональных решений в рекламе на основе психологических особенностей восприятия рекламы потребителем // *Социально-гуманитарные технологии*, 2023. № 3(27). 67–73 с.
7. Апатова Н. В., Минабилева М. Н. Анализ функций социальной сети «ВКонтакте» для бизнеса // *Теория и практика экономики и предпринимательства: труды XVIII Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского*, 2021. – 264–265 с.
8. Беляева И. А. PR-инструменты брендинга как способ управления сознанием потребителя // *Молодой ученый*, 2021. № 16 (358). 207–211 с.
9. Компания ООО «ЕвроТек» – официальный сайт [Электронный ресурс] <https://evropro.com/blog/stati/rossijskij-rynok-kosmetiki-analiz-i-prognozy-na-2025-god/?ysclid=mbfkhwdze642734218> (дата обращения: 22.05.2025)
10. Аналитический центр НАФИ [Электронный ресурс] Официальный сайт <https://nafi.ru/quizzes/daily/> (дата обращения 20.05.2025).

© Терелецкова Е. В., Кинзябаева М. Р., 2025

УДК 338

АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МАРКЕТИНГЕ

EDN UOIMRW

Е. В. Терелецкова

П. А. Селезнёва

В. Г. Брунько

Кандидат, социологических наук, доцент,

ORCID 0000-0002-6687-7601,

email: tereletskova@mail.ru,

студентка, e-mail: selezneva.polina249@xmail.ru,

студент, email: vitya.brunko2@gmail.com,

*Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*

ANALYZING THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN MARKETING

E. V. Tereletskova

P. A. Selezneva

V. G. Bruniko

Candidate of Social Sciences, Associate Professor,

students,

Ufa University of Science and Technology,

Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia

Abstract. Digital technologies have brought significant changes in modern business processes, including marketing activities. The presented article considers the possibility of application and influence of artificial intelligence on the marketing strategy of companies.

Keywords: artificial intelligence; marketing; new technologies; economics; machine learning.

В современных реалиях развитие цифровых технологий играет большую роль в экономике. Эволюционирование процессов позволяет не только расширить конкурентные рынки, но и повысить число трудоспособного населения, открывая новые вакансии и виды работ. Стоит отметить, что сегодня «в процедурах управления конкурентным преимуществом обладают те государства, экономика которых основывается на наиболее продвинутых электронных технологиях и услугах, включая технологии анализа «больших данных» и прогностические технологии» [4, с. 84]. Одновременно, с появлением искусственного интеллекта инструменты управления и многие задачи, например, маркетинга стали более доступными и ускорили время их реализации. Методы и технологии искусственного интеллекта позволяют компании четко увидеть оборот с товаров, повысить узнаваемость бренда, увидеть прогнозы продаж и оценку со стороны потребителя.

Компания Forbes опубликовала статистику относительно преимуществ использования ИИ в маркетинге (рисунок 1).

Результаты исследований, собранных компанией Forbes:

- объем продаж увеличился на 52 %;
- показатель удержания клиентов вырос на 51 %;
- успех при запуске новых продуктов увеличился на 49 %;
- прибыль выросла на 79 % [6].
- Добавляя чат-роботов и внедряя интеллектуальные алгоритмы, каждая платформа активно общается с целевыми потребителями, разрабатывает маркетинговую стратегию компании, а также собирает и анализирует данные с потребителями до и после покупки, чтобы помочь платформе сформулировать разумные и эффективные планы цифрового маркетинга.

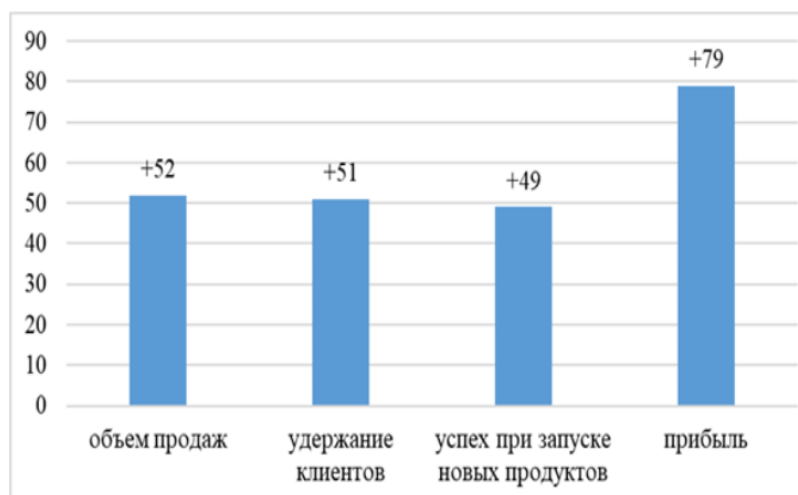

Рис. 1. Преимущества использования ИИ в маркетинге, % [5]

Исследования цифрового маркетинга постепенно углубляются. Некоторые исследователи включили потребительскую идентичность в поддержку принятия решения о покупке, неосознанно создавали потребительский спрос через социальные платформы и формировали вмешательство социально-психологического механизма, который может использовать потенциальное потребление потребителей и предоставлять целевые предложения по продажам для производителей [2].

Таким образом, можно выделить некоторый ряд возможностей, которые можно применить в маркетинге при помощи искусственного интеллекта (ИИ):

1. Проводить маркетинговые исследования (market analysis), выдвигать гипотезы.
2. Создавать тексты для каталога товаров, маркетплейсов, рекламы.
3. Генерировать идеи продвижения продуктов, проведения рекламных кампаний.
4. Писать контент-планы и продумывать контент-маркетинг.
5. Транскрибировать тексты докладов и делать выжимки из них.
6. Создавать презентации товаров, продуктов и услуг.
7. Рисовать баннеры, картинки для объявлений.
8. Автоматизировать работу техподдержки (чат-боты, подсказки оператора в режиме реального времени).
9. Генерировать и озвучивать тексты аудиорекламы (синтез речи) [1].

Технологии и алгоритмы, которые являются фундаментальными для персонализации на основе искусственного интеллекта, включают машинное обучение (ML), обработку естественного языка (NLP), глубокое обучение (DL), прогнозную аналитику и интеллектуальный анализ данных. Алгоритмы машинного обучения, в частности, способны выявлять закономерности в данных о клиентах, обеспечивая динамическую персонализацию предложений на основе индивидуального поведения, предпочтений и истории покупок.

Глубокое обучение еще больше усиливает это за счет анализа более сложных структур данных и взаимодействий с клиентами, предлагая еще более тонкие возможности персонализации. Обработка естественного языка облегчает понимание и генерацию человеческой речи, обеспе-

чивая более персонализированное и привлекательное общение с клиентами [3].

Примеры успешной персонализации, основанной на ИИ, охватывают различные отрасли, иллюстрируя универсальность и влияние этой технологии. В сфере розничной торговли ИИ поддерживает механизмы рекомендаций, которые предлагают товары клиентам на основе истории их просмотров и покупок, значительно повышая коэффициент конверсии и удовлетворенность клиентов. В секторе электронной коммерции такие компании, как Amazon, используют его для создания высоко персонализированного опыта покупок, предлагая рекомендации по продуктам, соответствующие индивидуальным предпочтениям клиентов и истории поиска.

Индустрия СМИ и развлечений также использует искусственный интеллект для персонализации доставки контента. Поток сервисов, такие как Netflix, используют его для анализа моделей просмотра и предоставления персонализированных рекомендаций по шоу и фильмам, повышая вовлеченность и удержание пользователей. В секторе финансовых услуг ИИ используется для предоставления персонализированных инвестиционных консультаций и индивидуальных финансовых продуктов, основанных на финансовой истории и целях человека.

В секторе здравоохранения искусственный интеллект и аналитика больших данных используются для адаптации маркетинговых усилий, связанных со здоровьем. Анализируя данные о пациентах, результаты лечения и тенденции в области здравоохранения, поставщики медицинских услуг могут предлагать индивидуальные планы медицинского обслуживания, оздоровительные программы и медицинские консультации, что не только улучшает уход за пациентами, но и повышает вовлеченность пациентов и лояльность к медицинским брендам [3].

Исходя из вышеперечисленных примеров, можно сделать вывод о значительной

роли ИИ в различных отраслях экономики и общества. Использование технологий в разных отраслях рынка, позволяет не только расширить ряд возможностей ИИ, но и вычленив недостатки, что раньше оставались незамеченными. Искусственный интеллект продолжает свое развитие из года в год, тем самым открывая новые горизонты для маркетологов, оставляя за собой уже старые методы привлечения аудитории. При этом стоит учесть, что «эффективность маркетинговой деятельности с использованием ИИ в значительной степени зависит от выбора правильной платформы ИИ [6].

Использование ИИ – это новый шаг в развитии маркетинга и продаж, но это не всегда подъемы. Установка и отслеживание процессов ИИ требует не мало усилий и затрат, что также дает маркетологам места для их деятельности, идей и инноваций.

В заключении, ИИ не просто повышает результативность деятельности, но и дает возможность компаниям основательнее изучать запросы своей целевой аудитории, предоставляя им индивидуализированные предложения и информацию. Принимая во внимание стремительное развитие технологий и усиливающуюся конкуренцию на рынке, предприятия, которые эффективно внедряют ИИ в свои маркетинговые планы, смогут не только приспособиться к меняющимся обстоятельствам, но и превзойти своих конкурентов. Следовательно, будущее маркетинга будет тесно переплетено с искусственным интеллектом, открывая новые перспективы для инноваций и развития.

Библиографический список

1. Developers sber. Использование искусственного интеллекта в маркетинге [Электронный ресурс] URL: <https://developers.sber.ru/help/gigachat-api/marketing> (дата обращения: 20.05.2025).
2. Азоев, Г. Л. Цифровые маркетинговые коммуникации на основе интеллектуального анализа данных // Молодой ученый. – 2022. – № 21 (416). – С. 374–376. – URL:

- <https://moluch.ru/archive/416/92277/> (дата обращения: 13.05.2025).
3. Нечаев В. А. Применение искусственного интеллекта в маркетинге: успешные примеры персонализации, анализа данных и взаимодействия с клиентами // Актуальные исследования. 2022. № 10 (89). URL:<https://apni.ru/article/8836-primenenie-iskusstvennogo-intellekta-v-market> (дата обращения: 20.05.2025).
 4. Терелецкова, Е. В. Вопросы подготовки кадров в условиях становления цифровой среды современной экономики / Е. В. Терелецкова, И. М. Ягафарова // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2018. – № 1(139). – С. 82–85.
 5. 10 Charts that will change your perspective of AI in marketing [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.forbes.com/sites/louiscolumnbus/2019/07/07/10-charts-that-will-change-your-perspective-of-ai-in-marketing/> (дата обращения 21.05.2025)
 6. Хачатурян, К. С. Искусственный интеллект в маркетинге как новая концепция и бизнес-возможность для повышения эффективности компаний / К. С. Хачатурян, С. В. Пономарева, Н. В. Корюшов // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 15, № 3.

© Терелецкова Е. В., Селезнёва П. А., Брунько В. Г., 2025

УДК 331

ЭФФЕКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТАМИ В ОРГАНИЗАЦИИ

EDN UXHKNQ

Е. В. Терелецкова
Р. И. Султангузина

*Кандидат социологических наук, доцент,
студентка,
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*

EFFECTIVE TECHNOLOGIES FOR CONFLICT MANAGEMENT IN THE ORGANIZATION

E. V. Tereletska

R. I. Sultanguzina

*Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Student,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. Conflicts in organizations can be a common occurrence that can negatively affect the work of the team and the achievement of the goals of the organization. Managing conflict in an organization is becoming increasingly important to maintain healthy relationships among employees and ensure successful completion of tasks. In this article, we will consider modern conflict management technologies in an organization and their effectiveness.

Keywords: alternative dispute resolution; conflict; conflictology; mediation.

Введение. Конфликт в организации может быть определен как противоречие между двумя или более сторонами по поводу определенной темы. Это может быть связано с разными точками зрения, целями, интересами или личными обидами. Конфликты могут возникать между коллегами, между подразделениями, между сотрудниками и руководством, а также с клиентами и поставщиками.

Стоит отметить, что «в обстоятельствах нынешнего производства увеличивается значимость эмоциональной составляющей персонала, умственной работы сотрудника, развития его рабочей и общей культуры, способности улавливать и осмысливать научную информацию» [4, с. 4]. Предотвращение и урегулирование конфликтов в коллективе способствует повышению «культурно-производственного уровня персонала», как одному «из главных требований, гарантирующих направленное вперед развитие общества» [4, с. 4].

Управление конфликтами в организации – это процесс разрешения и предотвращения конфликтов, который может

быть реализован с помощью различных технологий и подходов. Основная цель управления конфликтами – это поддержание профессиональных и эффективных отношений между сотрудниками, обеспечение безопасности и устойчивости организации.

Анализ последних исследований и публикаций. Современные технологии управления конфликтами в организации – это актуальная и многогранная тема, которая вызывает интерес у многих исследователей.

Генри Барки и Джон Хартвик представляют обзор современных технологий управления конфликтами в организации. В ходе исследования было проанализировано более 150 статей и книг, опубликованных с 1990-х годов до настоящего времени. Авторы выделяют три основных подхода к управлению конфликтами в организации: интеграция, компромисс и доминирование. Кроме того, авторы обсуждают несколько факторов, которые могут влиять на выбор подхода к управлению конфликтом, вклю-

чая культуру организации, тип конфликта и силу сторон [7, с. 218].

Хонгу Ву и Юнфенг Чен анализируют влияние культуры организации на управление конфликтами. Исследование базируется на анализе более 100 статей и книг, опубликованных с 1990-х годов до настоящего времени. Авторы выделяют несколько культурных факторов, которые могут влиять на эффективность управления конфликтами в организации, включая открытость, доверие, взаимное уважение и толерантность. Кроме того, авторы обсуждают важность принятия мер по улучшению культуры организации, чтобы повысить эффективность управления конфликтами [8, с. 694].

Таким образом, анализ последних исследований и публикаций показывает, что управление конфликтами в организации является актуальной и многогранной темой, которая требует дальнейшего изучения.

Цель исследования – проанализировать современные технологии управления конфликтами в организации и оценить их эффективность для достижения этой цели.

Изложение основного материала. Исторически, управление конфликтами было связано с традиционными подходами, такими как «большинство против меньшинства» или «компромисс». Однако, «сегодня мы наблюдаем довольно уникальный феномен» [6, с. 134] с развитием науки и технологий появились новые подходы, такие как сотрудничество и применение технологий управления конфликтами.

Отметим, что «в экономике нового уклада ключевыми факторами экономической деятельности становятся электронные технологии и услуги, а также представленные в цифровом виде объемные, многоотраслевые и интеграционные данные» [5, с. 84]. Данный факт говорит о необходимости применения иных, более совершенных и действенных технологий управления конфликтами.

Современные технологии управления конфликтами в организации включают в себя [1, с. 488]:

- альтернативное разрешение споров (ADR);
- медиация;
- конфликтология;
- тренинг управления конфликтами.

ADR – это процесс, который включает альтернативные методы разрешения споров, такие как арбитраж, примирение и судебные разбирательства. Эти методы используются для решения споров между сторонами без необходимости обращения в суд. ADR может быть более быстрым и экономически эффективным, чем судебное разбирательство.

Медиация – это процесс, в котором третья сторона – независимый и нейтральный медиатор – помогает сторонам найти решение своих разногласий. Медиатор не принимает решений за стороны, но предоставляет им информацию и помогает им найти взаимовыгодное решение.

Конфликтология – это наука, изучающая конфликты и методы их разрешения. Конфликтологи исследуют причины конфликтов, способы их предотвращения и разрешения, а также эффективные стратегии управления конфликтами.

Тренинг управления конфликтами – это процесс, в ходе которого сотрудники получают знания и навыки по управлению конфликтами. Тренинги могут включать в себя обучение техникам общения, примирения, решения проблем и т.д. Такие тренинги помогают сотрудникам научиться эффективно общаться друг с другом, предотвращать конфликты и управлять ими.

Современные технологии управления конфликтами в организации могут быть эффективными для достижения целей управления конфликтами. Некоторые исследования показывают, что использование ADR и медиации может снизить стоимость разрешения конфликтов и сократить время, затраченное на решение споров.

Кроме того, использование конфликтологии и тренингов по управлению конфликтами может помочь сотрудникам научиться эффективно управлять конфликтами и предотвращать их возникновение.

Однако, необходимо учитывать, что эффективность современных технологий управления конфликтами в организации может зависеть от различных факторов, таких как тип конфликта, его сложность, степень вовлеченности сторон и т.д. Некоторые конфликты могут быть слишком сложными или эмоционально заряженными, чтобы решить их с помощью ADR или медиации, и в этом случае может потребоваться судебное разбирательство [3, с. 75].

Кроме того, эффективность современных технологий управления конфликтами может зависеть от того, как они применяются в организации. Необходимо, чтобы руководство организации действительно поддерживало использование ADR, медиации, конфликтологии и тренингов по управлению конфликтами, и чтобы сотрудники были готовы использовать эти инструменты для разрешения конфликтов [2, с. 392].

Выводы. В современном бизнесе конфликты являются неизбежной частью жизни организаций. Однако, использование современных технологий управления конфликтами может помочь организациям снизить стоимость и время, затраченные на разрешение конфликтов, а также улучшить отношения между сотрудниками и повысить эффективность работы. Необходимо, чтобы руководство органи-

зации поддерживало использование современных технологий управления конфликтами, и чтобы сотрудники были готовы использовать их для разрешения конфликтов.

Библиографический список

1. Антонова Н. Л., Логинова Д. О. Виды конфликтов и управление конфликтами в организации // *Modern Science*. 2020. № 5-3. С. – 486–492.
2. Мескон М. Х., Альберт М., Хедоури, Ф. Основы менеджмента. М.: Диалектика. 2019. – 672 с.
3. Рачицкая В. А. Место и роль организационного конфликта в управлении организацией / В. А. Рачицкая // *Via scientiarum. Дорога знаний*. 2019. № 1. С. 72–75.
4. Терелецкова Е. В., Осинцева П. В. Обучение сотрудников как способ предотвратить профессиональное выгорание и повысить конкурентоспособность // *Научный результат. Экономические исследования*. 2021. – Т. 7. – № 4. – С. 4–13.
5. Терелецкова Е. В., Ягафарова И. М. Вопросы подготовки кадров в условиях становления цифровой среды современной экономики // *Экономика и управление: научно-практический журнал*, 2018, № 1 (139). С. 82–85.
6. Ягафарова И. М., Терелецкова Е. В. Формирование кадрового потенциала в новых экономических реалиях // *Экономика и управление: проблемы и решения. Научно-практический журнал* № 3, том 4(75). 2018. С. 133–136.
7. Barki H., Hartwick J. (2016). *Conflict Management in Organizations: A Review and Future Directions*, 15, p. 216–244.
8. Wu H., Chen Y. The Impact of Organizational Culture on Conflict Management: A Literature Review. – *HCI International 2020 – Late Breaking Papers: Interaction, Knowledge and Social Media* (pp. 693–706).

© Терелецкова Е. В., Султангузина Р. И., 2025

УДК 334

СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСА

EDN UXQOND

Е. В. Терелецкова

Р. С. Халимов

*Кандидат социологических наук, доцент,**e-mail: tereletskova@mail.ru,**студент,**e-mail: Risathalimov77@mail.ru,**Уфимский университет науки и технологий,**г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*

MODERN CONCEPT OF SOCIAL RESPONSIBILITY OF BUSINESS

E. B. Tereletskova

R. S. Khalimov

*Candidate of Sociological Sciences,**Associate Professor,**Student,**Ufa University of Science and Technology,**Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. The article explores the evolution of corporate social responsibility (CSR) from isolated PR gestures to a structured strategy for sustainable development. Based on the analysis of Russian and international sources, the study identifies the causes of institutional distrust toward business in Russia, emphasizes CSR's strategic role in enhancing corporate competitiveness, and proposes measures to embed responsibility into both public policy and business practices. Special attention is given to global standards, ESG case studies, and the need to institutionalize CSR as an essential element of management culture.

Keywords: corporate social responsibility; business trust; sustainable development; ESG; non-financial reporting; corporate strategy.

В общественном сознании слово «бизнес» долго ассоциировалось с дистанцией. Он решает свои задачи, преследует прибыль, вкладывается в имидж. Но когда рядом рушится инфраструктура, выгорают леса, а детям в глубинке нечем добираться до школы – этот образ становится раздражающим. Общество перестаёт видеть в предпринимательстве партнёра и всё чаще воспринимает его как чужеродную силу. В условиях затяжных экономических трансформаций и моральной усталости общества, такая разобщённость становится токсичной. Именно здесь возникает запрос на нечто большее, чем налоговые отчисления или спонсорские баннеры на фестивалях. Запрос – на ответственность.

По данным ВЦИОМ, доля россиян, считающих бизнес социально ответственным, составила в 2023 году всего 44 % [4]. Кажется, неплохо по сравнению с 2006 годом, когда таких было лишь 29 %, но,

если вдуматься – это означает, что более половины населения не доверяет бизнесу даже на базовом уровне. При этом государство с 2019 года юридически выделяет особую категорию – социальное предпринимательство, подчеркивая значимость бизнес-активности в социальной сфере [2]. Но что мешает остальной массе предпринимателей интегрироваться в эту систему координат?

Прежде всего, непоследовательность. Многие компании используют CSR-элементы как маркетинговые костыли: посадили деревья – сняли видео – забыли. Но социальная ответственность не может быть ситуационным жестом. Это культура, встроенная в саму ткань управления. Когда она существует, бизнес не нуждается в громких жестах, потому что за него говорят действия. Однако в российской практике часто нет даже нормативной основы, не говоря уже о стандартной процедуре

отчётности. Это создаёт правовой вакуум, в котором социальная активность носит преимущественно имитационный характер – особенно в малом и среднем сегменте. Более того, отсутствует механизм общественного контроля или независимого аудита – это подчёркивает Е. В. Пустынникова, выделяя дихотомию между декларируемой и фактической моделью КСО [4].

Всё это приводит к ключевому следствию: утрата доверия. А без доверия ни о каком устойчивом развитии речи не идёт.

Но на этом месте картина начинает меняться. Среди тех, кто выжил после волны 2020-х, формируется другая логика – стратегия долгой игры. КСО в ней уже не украшение, а выверенный элемент бизнес-модели. Угольные и металлургические гиганты объявляют о переходе к ESG-стандартам. «Татнефть» в 2023 году озвучивает цель углеродной нейтральности к 2050 году, обозначив конкретные этапы: минус 14 % к 2025 и минус 30 % к 2030 [2]. Это заявление, сделанное в публичной и юридической плоскости, говорит не просто о репутационной манипуляции, а о включении экологических и социальных векторов в стратегическое планирование.

Подобный тренд объясним. Рынки стали оценивать компанию не только по её прибыли, но и по тому, насколько она вписана в новую социальную логику. Глобальные цепочки поставок требуют прозрачной нефинансовой отчётности. Крупные игроки, такие как ПАО «Сбербанк» или ПАО «Лукойл», уже реализуют комплексные социальные и культурные программы [4]. Это не только благотворительность – это работа с регионами, экологическими инициативами, внутренними образовательными системами. Они не просто дают – они формируют пространство, в котором выгодно и работать, и жить.

Важно, что «развитие корпоративной социальной ответственности российских компаний позволяет увеличивать стоимость бренда, формировать новые конкурентные

преимущества и повышать уровень жизни общества» [7, с. 71]. Для российских компаний рост вовлеченности в достижение целей в области устойчивого развития выступает новой составляющей социальной ответственности бизнеса [7, с. 71].

Чудинов в своей работе даёт точную формулировку: КСО становится доминантой устойчивого развития, интегрированной в стратегическое управление [6]. Это важная мысль. Речь больше не о доброй воле, а об обязательстве. Сегодня конкурентоспособность – это не только продукт и логистика, но и прозрачность, соблюдение экологических норм, участие в общественных инициативах.

Принципиальное отличие новой модели от прежней – её необратимость. Если раньше CSR можно было включать «по мере необходимости», теперь игнорирование этих практик может означать недопуск к торгам, инвестиционную изоляцию, репутационные потери. ESG становится условием выживания.

Но российская модель КСО по-прежнему страдает фрагментарностью. На федеральном уровне нет обязательной системы нефинансовой отчётности, отсутствует государственная аккредитация программ CSR, а льготные механизмы – единичны и неравномерны. Для того чтобы выйти из этого институционального тупика, необходим поворот к системным мерам.

Международный опыт даёт конкретные ориентиры. В Евросоюзе существует требование к компаниям с численностью свыше 500 человек публиковать нефинансовые отчёты, отражающие экологические, социальные и управленческие аспекты. В Великобритании действует независимая оценка социальной деятельности компаний, а в США бизнес, включённый в NASDAQ ESG Index, имеет преференции при публичных размещениях. Плис и Антонов справедливо указывают, что именно интеграция КСО в международные регламенты управления позволяет транснациональным компаниям сочетать прибыль с устойчивостью [3].

В этом контексте для России актуальны следующие шаги: во-первых, формализация ESG-отчётности на базе ISO 26000 или GRI; во-вторых, внедрение налоговых и административных льгот для компаний, сертифицированных по социальным критериям; в-третьих, развитие механизмов общественного мониторинга и партнёрств с НКО.

Ромашова подчёркивает, что «КСО должна стать частью стратегического менеджмента, а не PR-отдела» [5]. Это возможно лишь тогда, когда государство выступает не просто регулятором, а равноправным участником развития социальной политики бизнеса – через совместные проекты, субсидии и поддержку малого социального предпринимательства.

Особый акцент стоит сделать на региональном уровне. Локальные инициативы часто оказываются более гибкими и ориентированными на реальные запросы населения. Например, в Ульяновской области действуют программы поддержки волонтерства и корпоративного наставничества, где бизнес напрямую взаимодействует с муниципальными школами и колледжами. Это модели, которые можно масштабировать при наличии политической воли и экономического стимула. Также отметим, что «для повышения уровня социальной ответственности важно развивать внутренний уровень организаций – направленный на собственный персонал» [1, с. 111].

Вместо вывода – простое наблюдение. КСО больше не нуждается в оправданиях. Это не моральный выбор, а конкурентный ресурс. Но чтобы он работал, нужна системность. Ответственный бизнес должен стать нормой – не потому, что так принято в Европе, а потому, что только в условиях общественного доверия возможен устойчивый рост.

И если раньше слово «ответственность» в деловой среде вызывало насто-

роженность, то сегодня оно всё чаще воспринимается как капитал. Капитал, который нельзя украсть, но можно выстроить. Только вместе.

Библиографический список

1. Лапина, А. Г. Корпоративная социальная ответственность как фактор социального развития персонала / А. Г. Лапина, Е. В. Терелецкова // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – № 12-1(106). – С. 108–112. – DOI 10.24412/2411-0450-2023-12-1-108-112.
2. Мингалиева, Л. Р. Корпоративная социальная ответственность как элемент стратегии организации в период трансформационных процессов в России / Л. Р. Мингалиева // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». – 2024. – Т. 20. – С. 201–203.
3. Плис, К. С. Корпоративная социальная ответственность международных компаний как эффективный инструмент международного бизнеса / К. С. Плис, А. И. Антонов // Современные проблемы инновационной экономики. – 2023. – № 10. – С. 330–336. – DOI 10.52899/978-5-88303-660-5_330.
4. Пустынникова, Е. В. Корпоративная социальная ответственность бизнеса / Е. В. Пустынникова, А. В. Тимохина // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – № 11-3(105). – С. 12–16. – DOI 10.24412/2411-0450-2023-11-3-12-16.
5. Ромашова, К. А. Связь корпоративной социальной ответственности с устойчивым развитием / К. А. Ромашова // Социальное предпринимательство и корпоративная социальная ответственность. – 2024. – Т. 5, № 1. – С. 37–50. – DOI 10.18334/social.5.1.120926.
6. Чудинов, О. О. Корпоративная социальная ответственность как доминанта устойчивого развития / О. О. Чудинов // Экономика. Налоги. Право. – 2024. – Т. 17, № 3. – С. 96–105. – DOI 10.26794/1999-849X-2024-17-3-96-105.
7. Терелецкова, Е. В. Современное понимание корпоративной социальной ответственности / Е. В. Терелецкова, М. В. Поколова // Управление персоналом: реалии настоящего и возможности будущего: материалы I Международной научно-практической конференции, Донецк, 20 апреля 2022 года. – Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2022. – С. 68–71.

© Терелецкова Е. В., Халимов Р. С., 2025

УДК 331

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ДЕФИЦИТА КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРОВ

EDN VJOXXP

Е. В. Терелецкова

Кандидат социологических наук, доцент,
ORCID 0000-0002-6687-7601,
e-mail: tereletskova@mail.ru,

А. В. Хусаинов

студенты,
e-mail: arslan.khusainov2002@gmail.com

В. В. Срибный

e-mail: slava9108.91@mail.ru
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия

HR POLICY IN THE CONTEXT OF A SHORTAGE OF QUALIFIED PERSONNEL

E. V. Tereletskova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Students,

A. V. Khusainov

Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia

V. V. Sribny

Abstract. The article deals with the current problems of formation and implementation of personnel policy in the conditions of acute shortage of qualified specialists in the modern labor market. The article analyzes the main causes of staff starvation, examines the existing approaches to solving this problem and proposes a set of measures to optimize the human resources strategy of organizations. Special attention is paid to the issues of personnel attraction, retention and development, as well as the use of innovative methods of work with personnel.

Keywords: personnel deficit; personnel policy; personnel management; personnel recruitment; employee retention; personnel development; motivation; corporate culture.

Развитие современного общества обусловлено влиянием целого ряда факторов социально экономического характера, большинство из которых находятся в кризисном состоянии. Сегодня мы наблюдаем довольно уникальный феномен, когда потребности меняющейся экономики в условиях формирующегося и развивающегося рынка опережают предложение по обеспечению подготовленными специалистами и профессионалами [9, с. 82]. Кадровый голод особенно ярко проявляется в ключевых отраслях экономики: промышленности, здравоохранении, образовании и IT-сфере. Согласно данным опросов работодателей, проведенным в 2024 г., дефицит кадров испытывают 86 % компаний, причем эта проблема более выражена у представителей крупного бизнеса (89 %), чем у небольших компаний (85 %) [3]. Дефицит квалифицированных специалистов создает серьезные препятствия для

дальнейшего развития предприятий и реализации стратегических планов по модернизации производства.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска эффективных решений в области управления персоналом и разработки комплексных мер по преодолению кадрового дефицита. В условиях демографических вызовов и растущей конкуренции за квалифицированные кадры особенно важно понимать причины возникновения данной проблемы и разрабатывать механизмы ее устранения.

Целью данной работы является анализ причин кадрового дефицита в современной России и разработка рекомендаций по его преодолению.

Кадровая политика организации представляет собой совокупность основополагающих принципов и правил, определяющих подход к управлению персоналом и формирующих систему взаимоотношений

между работодателем и сотрудниками. Это важнейший элемент стратегического управления, который определяет направление работы с человеческими ресурсами и создает фундамент для развития организации.

По своей сути кадровая политика является целостной системой взглядов, идей, требований и ограничений, направленных на формирование, развитие и эффективное использование трудового потенциала организации. Она охватывает все аспекты работы с персоналом: от найма и адаптации новых сотрудников до их профессионального роста и мотивации.

В современной практике выделяют несколько основных видов кадровой политики. Пассивная кадровая политика характеризуется отсутствием четко сформулированных целей и методов работы с персоналом. Реактивная кадровая политика строится на мониторинге негативных ситуаций в коллективе и их оперативном устранении. Превентивная кадровая политика предполагает наличие у руководства организации прогноза развития кадровой ситуации и соответствующих мер. Активная кадровая политика отличается целенаправленным воздействием на персонал и может быть, как рациональной (основанной на точном прогнозе), так и авантюристической (с неполным анализом ситуации) [1].

Формирование эффективной кадровой политики базируется на ряде основополагающих принципов. Системность предполагает взаимосвязь всех элементов кадровой работы. Комплексность требует учета всех факторов, влияющих на работу с персоналом. Демократичность выражается в учете интересов всех участников трудовых отношений. Эффективность означает достижение поставленных целей при оптимальном расходовании ресурсов. Справедливость предполагает равные возможности для всех сотрудников.

На формирование кадровой политики организации оказывают влияние различные факторы как внешнего, так и внут-

реннего характера. К внешним факторам относятся состояние рынка труда, законодательная база, экономическая ситуация в стране, технологические изменения и конкуренция. Внутренние факторы включают цели и стратегию организации, ее финансовые возможности, организационную культуру, кадровый потенциал и производственные особенности.

Особую роль играют факторы, связанные с корпоративной культурой и ценностями организации. Они определяют стиль управления, методы мотивации персонала и характер взаимоотношений между сотрудниками. Также значительное влияние оказывают демографические характеристики трудового коллектива, уровень квалификации работников и их профессиональная мобильность [2].

В современных условиях все большее значение приобретают факторы цифровизации и автоматизации бизнес-процессов, которые требуют от организации постоянного развития компетенций персонала и внедрения новых методов управления человеческими ресурсами. Успешная кадровая политика должна учитывать эти тенденции и обеспечивать готовность организации к будущим вызовам.

Одной из ключевых причин кадрового голода является демографический спад, характеризующийся старением населения и низкой рождаемостью. Это приводит к существенному сокращению численности экономически активных граждан, что особенно заметно в профессиональных сферах, требующих длительного обучения и специализированных навыков. Данные различных сервисов по поиску работы, в целом, отмечают снижение среднего числа запросов на поиск работы – например, в июне 2024 г. по сравнению с аналогичным периодом 2023 г. спад составил около 19 % [7, с. 266].

Серьезную проблему создает масштабная эмиграция квалифицированных работников. Многие опытные специалисты предпочитают искать возможности за

рубежом, где предлагают более привлекательные условия труда и значительно более высокую оплату. Особенно это касается представителей технических профессий и высококвалифицированных управленцев, которые востребованы на международном рынке труда.

Технологические изменения в экономике также вносят свой вклад в формирование кадрового дефицита. Стремительное развитие IT-сектора, инженерных специальностей и цифрового маркетинга создает высокий спрос на соответствующих специалистов. Рыночная экономика не успевает подготовить необходимое количество профессионалов, способных работать с новыми технологиями и соответствовать современным требованиям работодателей.

Острая конкуренция за кадры между малым и крупным бизнесом усугубляет ситуацию на рынке труда. Небольшие предприятия зачастую не могут конкурировать с крупными компаниями по уровню заработной платы и социальному пакету. Соискатели предпочитают работать в более стабильных организациях, где помимо высокой зарплаты предлагаются официальное оформление, ДМС и развитая корпоративная культура. Это создает серьезные трудности для малого бизнеса в привлечении и удержании квалифицированных специалистов [4].

В условиях острого кадрового дефицита современные компании вынуждены переосмысливать традиционные подходы к управлению персоналом и внедрять инновационные стратегии привлечения и удержания специалистов. Ключевым направлением становится создание привлекательного работодателя, способного конкурировать не только по уровню заработной платы, но и по целому комплексу нематериальных факторов.

Стратегии привлечения персонала в первую очередь фокусируются на цифровизации процессов подбора. Компании активно используют искусственный интеллект для анализа резюме и проведения

первичных собеседований, что позволяет существенно ускорить процесс найма. Особое внимание уделяется развитию бренда работодателя через социальные сети и профессиональные платформы, где демонстрируются преимущества работы в компании, корпоративные ценности и возможности для профессионального роста.

Многие организации переходят к гибким форматам трудоустройства, включая удаленную работу и гибридные модели. Это позволяет расширить географию поиска кандидатов и привлечь специалистов, которые по разным причинам не могут или не хотят работать в офисе. Компании также развивают программы стажировок и менторства, что помогает готовить будущих специалистов изнутри и формировать лояльность с первых дней сотрудничества.

В сфере удержания квалифицированных сотрудников на первый план выходят программы развития персонала. Компании инвестируют в обучение и повышение квалификации, создают системы карьерного роста и ротации кадров между подразделениями.

Современные подходы к мотивации включают не только материальный, но и нематериальный компонент. Компании разрабатывают комплексные системы вознаграждений, включающие бонусы, акции компании, программы медицинского страхования и поддержки здоровья.

Формирование эффективной кадровой политики требует комплексного подхода и тщательной проработки каждого элемента управления персоналом. Рассмотрим ключевые направления работы в этом направлении [5].

Разработка системы мотивации должна начинаться с четкого понимания целей компании и потребностей сотрудников. Эффективное управление системой мотивации производственной организации требует развития качественной системы мотивации сотрудников и определенных мотивационных элементов, направленных на достижение оптимальной стимулирующей составляющей, которая объединяет со-

трудников компании с точки зрения общих организационных целей и задач в обществе [10, с. 136].

Важно создать сбалансированную систему, включающую как материальные, так и нематериальные стимулы. Материальная мотивация может включать базовую заработную плату, бонусы за достижение KPI, премии за особые достижения, программы участия в прибыли компании и опционы. Нематериальная мотивация охватывает гибкий график работы, возможности для профессионального развития, корпоративное обучение, публичное признание достижений и комфортную рабочую среду.

Создание привлекательного бренда работодателя – это стратегическая задача, требующая системного подхода. Необходимо разработать уникальное торговое предложение для кандидатов, подчеркивающее преимущества работы в компании. Это может быть инновационная корпоративная культура, возможности карьерного роста, престижность компании, социальные гарантии или уникальные условия труда. Важно активно продвигать бренд через профессиональные социальные сети, участвовать в карьерных мероприятиях, публиковать истории успеха сотрудников и демонстрировать достижения компании.

Оптимизация процессов подбора начинается с четкого описания вакансий и компетенций, необходимых для успешной работы. Рекомендуется использовать современные инструменты автоматизации рекрутинга, включая AI-рекрутинг. Эффективная воронка подбора должна включать активное использование различных каналов поиска кандидатов; создание привлекательных описаний вакансий; проведение структурированных интервью с использованием поведенческих вопросов; тестирование профессиональных навыков.

Процесс адаптации новых сотрудников должен быть тщательно продуман и структурирован. Рекомендуется разрабо-

тать программу онбординга, включающую, например, встречу с HR-специалистом в первый день; знакомство с корпоративной культурой и ценностями компании; введение в рабочие процессы и инструменты; план обучения на первые 30, 60 и 90 дней; регулярную обратную связь от руководителя [6].

Для повышения эффективности кадровой политики важно внедрить систему оценки и мониторинга. Это включает регулярную оценку удовлетворенности сотрудников, анализ текучести кадров, измерение эффективности программ обучения и развития.

Таким образом, дефицит квалифицированных кадров – это не столько проблема, сколько стимул к развитию новых подходов в управлении персоналом. Компании, которые смогут эффективно адаптироваться к этим вызовам, не только сохранят свои позиции на рынке, но и значительно укрепят свои конкурентные преимущества, создав устойчивую базу для дальнейшего развития и процветания [8].

Будущее кадровой политики за организациями, способными гибко реагировать на изменения рынка труда, инвестировать в развитие человеческого капитала и создавать условия, при которых каждый сотрудник становится ценным активом и партнером в достижении общих целей.

Библиографический список

1. Агафонова В. А. Формирование кадровой политики // Молодой ученый. 2019. № 22. С. 485–487. URL: <https://moluch.ru/archive/260/59566/>
2. Астанаева Л. Г. Принципы кадровой политики ведущих организаций России и мира / Л. Г. Астанаева, Ю. В. Кудрявцева // Мир современной науки. 2021. № 6. С. 138–141.
3. Буйлова Д. Компании ведут борьбу за каждого специалиста. [Электронный ресурс] – 2024. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6663123> (дата обращения: 27.04.2025).
4. Валькович О. Н. Кадровая политика как стратегия управления персоналом / О. Н. Валькович, К. А. Лагерева // Символ науки. 2020. № 12-1 (21). С. 55–57.

5. Вукович Г. Г. Кадровая политика как инструмент управления персоналом / Г. Г. Вукович, А. В. Никитина // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 1. С. 34–38.
6. Кибанов А. Я. Социально-трудовые отношения, рынок труда и занятость персонала / А. Я. Кибанов, Е. А. Митрофанова, И. А. Эсаулова. М.: Проспект, 2022.
7. Костенко, Е. П. Трансформация HR-сферы в условиях дефицита кадров / Е. П. Костенко // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2024. – № 4. – С. 261–277.
8. Любшина Д. С. Кадровая политика организации: определение и ее виды // Вестник науки и образования. 2021. № 8 (20). С. 56–57.
9. Терелецкова, Е. В. Вопросы подготовки кадров в условиях становления цифровой среды современной экономики / Е. В. Терелецкова, И. М. Ягафарова // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2018. – № 1(139). – С. 82–85.
10. Терелецкова, Е. В. Управление системой мотивации персонала производственного предприятия / Е. В. Терелецкова, А. С. Порошин // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – № 12-3(70). – С. 134–137. – DOI 10.24411/2411-0450-2020-11143.

© Терелецкова Е. В., Хусаинов А. В., Срибный В. В., 2025

УДК 339.138

ВЛИЯНИЕ НЕЙРОМАРКЕТИНГА НА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

EDN VLSPKA

П. К. Тугарева
М. Б. Богатырев
Е. В. Кузнецова

*Студенты, e-mail: juses3im@mail.ru,
e-mail: mag.bogatyrev@mail.ru,
кандидат социологических наук, доцент,
e-mail: 5kuznetsova@mail.ru,
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*

THE INFLUENCE OF NEUROMARKETING ON CONSUMER BEHAVIOR

P. K. Tugareva
M. B. Bogatyrev
E. V. Kuznetsova

*Students,
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. The article examines the concept of neuromarketing as a technology for influencing the psychology and neurophysiology of buyers based on sensory and emotional marketing tools for the purpose of predictable behavioral reactions during the purchase process and interaction with brands. The objectives of neuromarketing are defined. Particular emphasis is placed on such neuromarketing methods as segmentation of target audiences, the use of technical means and digital AR/VR tools. An analysis of creative practices of neuromarketing technologies is conducted. Forecast values for the growth of the neuromarketing market and key players in the industry are given.

Keywords: neuromarketing; sensory marketing; emotional marketing; consumer behavior; customer experience; market segmentation.

Актуальность исследования. Впервые о возможностях нейромаркетинга заговорили иностранные ученые в 1990-х годах [5, 9]. Нейромаркетинг – область маркетинга, которая объединяет исследования мозга людей и маркетинговые стратегии компании, направленные на понимание пути клиента (CJM) и покупательского поведения [2]. Традиционные количественные и качественные маркетинговые исследования не могут в полной мере отразить реальную ситуацию в сфере изучения поведенческих реакций на инструменты маркетинга, а также вскрыть истинные ценности, интересы и потребности целевых аудиторий в условиях острого соперничества брендов и высоко конкурентного рынка [7].

Цель исследования: определить роль нейромаркетинга в поведенческих реакциях потребителей.

Задачи исследования: уточнить авторское определение нейромаркетинга, сформулировать специфические задачи нейромаркетинга, идентифицировать методы нейромаркетинга и показать, как бренды используют данную технологию в практике маркетинговой деятельности.

Результаты исследования. По мнению автора, нейромаркетинг – это воздействие на психологию и нейрофизиологию клиентов посредством инструментов сенсорного маркетинга с целью поведенческих и эмоциональных реакций в процессе покупки и взаимодействия с брендами. Маркетологи разрабатывают специальные инструменты и приложения, которые позволяют исследовать предпочтения потребителей без субъективных факторов, влияющих на принятие решений в процессе покупки, а также сформировать ценности целевых аудиторий и разработать яркий эмоцио-

нальный коммуникационный контент. Задачи нейромаркетинга показаны на рис. 1.

Рис. 1. Задачи нейромаркетинга [составлено автором]

В качестве методов нейромаркетинга можно назвать:

1. Психографическую сегментацию (жизненная позиция, ценности, отношение к инновациям и самому себе); сегментацию VALS (экспериментаторы, нацеленные на успех, творцы, выживающие, старающиеся, инноваторы, мыслители, последователи) [4]; сегментацию по теории поколений (Бэби-бумеры, X, Y, Z, Альфа) [6].

2. Сенсорный маркетинг – использование в маркетинге инструментов осязания, цвета, вкуса, запаха, звука. Яркие и насыщенные цвета, контрастные изображения, оказывают сильное влияние на активацию определённых зон мозга, в частности, на вентральную область передней коры. Применение известных торговых марок в рекламных кампаниях стимулирует работу тех участков мозга, которые отвечают за систему вознаграждения, включая медиальную префронтальную кору. Это подтверждается тем, что люди

часто связывают известные бренды с положительными эмоциями, что может способствовать увеличению их желания приобрести продукцию данных компаний. Функционирование этих участков мозга говорит о том, что товар с торговой маркой воспринимается как более значимый и привлекательный.

3. Технические приемы и оборудование. Физиология и нейробиология лежат в основе построения концепции нейромаркетинга. Например, полиграф, фиксирует ритм сердцебиения и частоту дыхания при взаимодействии с рекламными материалами. Магнитно-резонансная томография и электроэнцефалография позволяют наблюдать за работой мозга, отслеживая изменения в кровотоке, которые связаны с активностью нервных клеток. Гальванометр измеряет электрическую активность кожи при возбуждении человека. Система кодирования движения лица изучает эмоции потребителя по изменению мимики при просмотре рекламного контента.

Айтрекер считает движение глаз по времени и направлению взгляда на элементах маркетинга: этикетке, ярлыке, упаковке, баннере. Например, использование нейрокартирования для анализа реакции на различные элементы дизайна упаковки или структуры рекламного сообщения позволяет брендам улучшить контент и сделать его более привлекательным для своей аудитории. В этом контексте нейромаркетинг становится не просто набором методов воздействия, а

инструментом для создания более искреннего и ориентированного на потребности клиентов подхода к маркетинговым коммуникациям.

Компании разных сфер в своем бизнесе и даже органы государственной власти для решения социальных проблем активизируют применение методик нейромаркетинга: от сегментации и таргетинга до сенсорного маркетинга и технических средств [8]. Наглядные примеры приведены на рис. 2.

Рис. 2. Примеры нейромаркетинга [составлено автором]

В настоящее время рынок нейромаркетинговых услуг (1,57 млрд. долл.) набирает обороты, и к 2029 г. ожидается его рост до 2,41 млрд. долл. (рис. 3) [1]. Основные игроки рынка являются крупными компани-

ями, функционирующими в олигопольной отрасли, по разработке AR/VR-приложений по нейромаркетинговому взаимодействию в цифровом пространстве компаний со своими пользователями [3].

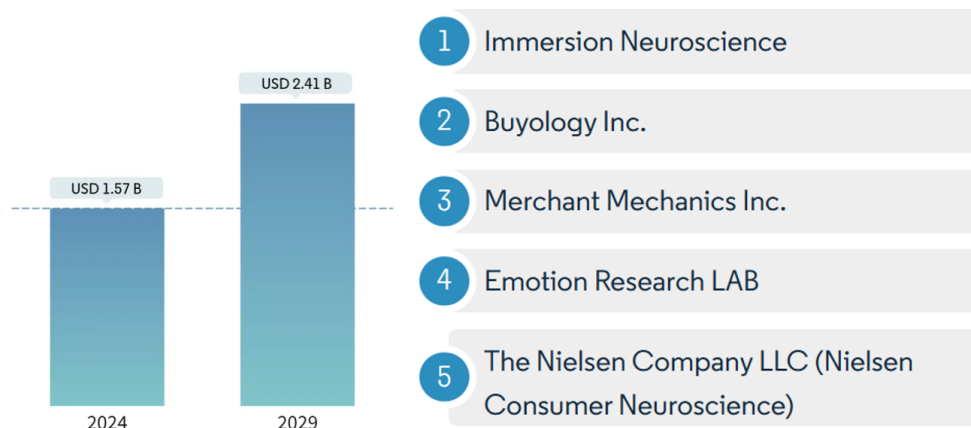

Рис. 3. Размер рынка нейромаркетинга в 2024 г., 2029 г. (прогноз) и основные игроки отрасли

Закключение. Можно резюмировать, что нейромаркетинг является современной технологией, которую задействуют маркетологи для лучшего понимания своих целевых аудиторий, и отраслью рынка, в которой компании разрабатывают психофизиологическое оборудование и цифровые приложения для брендов.

Библиографический список

1. Анализ размера и доли рынка нейромаркетинга – тенденции роста и прогнозы (2024–2029 гг.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mordorintelligence.com/ru/industry-reports/neuromarketing-market> (дата обращения: 07.03.2025).
2. Антонова В. А., Кузнецова Е. В. Тренды создания и развития клиентского опыта организаций // XXV Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартковского государственного университета / под общ. ред. Д. А. Погонишева. Ч. 6. Экономика. Менеджмент. – Нижневартковск: НВГУ, 2023. – С. 10–15.
3. Бикметов Е. Ю., Бронников М. А., Кузнецова Е. В. Применение технологий виртуальной и дополненной реальности (VR/AR) в проектной деятельности студентов университетов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 4 –1 (79). – С. 24–27.
4. Бикметов Е. Ю., Кузнецова Е. В., Рувенный И. Я. Современные коммуникационные технологии в маркетинге: уч. пособие. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2024. – 136 с.
5. Дули Р. Нейромаркетинг. Как влиять на под-сознание потребителя. – Минск: Попурри, 2024. – 336 с.
6. Елубаева Н. О. Инновации в нейромаркетинге: тренды на 2023 год // Молодой ученый. – 2022. – № 51 (446). – С. 407–411.
7. Родионова Л. Н., Давлетшина С. М. Конку-рентная разведка. – Уфа, 2024. – 310 с.
8. Стратегические ориентиры управления эконо-мической безопасностью: коллективная моно-графия / отв. ред. З. Э. Сабилова, О. В. Сидо-рова. – Уфа: Мир печати, 2023. – 322 с.
9. Трайндл А. Нейромаркетинг. Визуализация эмо-ций. – М.: Альпина Пабlishер, 2021. – 114 с.

© Тугарева П. К., Богатырев М. Б., Кузнецова Е. В., 2025

УДК 339.138

РОЛЬ ФУНКЦИЙ МАРКЕТИНГА В ОРГАНИЗАЦИИ

EDN VOQYLU

Д. Ф. Тукумбетов
Е. В. Кузнецова*Студент, e-mail: dinar.tukumbetov@bk.ru,
кандидат социологических наук, доцент,
e-mail: 5kuznetsova@mail.ru,
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия***THE ROLE OF MARKETING FUNCTIONS IN THE ORGANIZATION****D. F. Tukumbetov**
E. V. Kuznetsova*Student,
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. The article defines the role of marketing functions in an organization. The basic functions of marketing include: the analytical function – conducting marketing research – monitoring the consumer and competitor market; the production function – applying an integrated approach to operational business processes and ensuring the implementation of production capacities in the required volume; the distribution and communication function – setting prices, managing logistics processes and marketing communications; the management and control function – forming, developing, implementing and monitoring the organization's marketing strategy. An example of the implementation of the marketing functions of a diversified company is given.

Keywords: marketing functions, analytical function, production function, distribution and communication function, management and control function.

Актуальность исследования. Маркетинговые процессы в организации долгое время занимают главенствующую роль в планировании как финансовой, так и управленческой деятельности. В связи с тенденциями цифрового общества организациям трудно определить, какой именно деятельностью необходимо заниматься маркетингологу. Исходя из чего в современном мире компании остро нуждаются в понимании функций маркетинга и возможностей его грамотного применения для правильного принятия решений. Конъюнктура экономического развития государства диктует необходимость в постоянных изменениях и повышении эффективности работы коммерческих предприятий. Актуальность работы обоснована необходимостью рассмотрения ключевых функций маркетинга в организации. В условиях экономической неопределенности предприятия не могут детально определить перспективный прогноз деятель-

ности, в связи с чем особое внимание уделяется маркетинговым исследованиям.

Результаты исследования. Маркетинговые исследования по сей день являются темой многих научных дискуссий. Понятие «маркетинг» упомянуто в работах многих авторов, в том числе: Е. В. Степаньчева, М. А. Джабраилов – рассмотрение генезиса маркетинга как феномена [8], И. С. Лукин – применение маркетинговых исследований [7], Э. А. Крумм, В. А. Курешов – разработка маркетинговой стратегии [5]. Все подобные исследования позволяют составить определенное представление о маркетинге в организации, а также предпринять попытку обосновать важность маркетинга в организационном пространстве.

Маркетинг представляет из себя комплекс клиентоориентированных функциональных действий организации, необходимых для дальнейшего её развития [1]. В данной работе будут рассмотрены базис-

ные функции маркетинга, однако следует обратить внимание на то, что маркетинговые функции носят эмерджентный характер и могут исследоваться преимущественно комплексно с взаимосвязанными компонентами.

Функционал маркетинга многогранен и уникален, так как затрагивает практически все сферы организационной деятельности, исходя из чего, можно сделать вывод о достаточно обширном влиянии грамотного маркетинга на перспективы развития компании.

В качестве базисных функций маркетинга следует назвать:

1. Аналитическую функцию (маркетинг ниш, транзакционный маркетинг, маркетинг лояльности, интерактивный маркетинг) – изучение рынка и его особенностей для сбора и анализа данных о географическом положении организаций на рынке b2b и конечных потребителей на рынке b2c, специфике запросов, потребностей и ценностей. Аналитическая функция позволяет собрать необходимые для организации сведения не только о внутренней среде, но и о внешней, к которой относятся конкуренты и их доля, и положение на рынке. Используются современные цифровые методы CustDev.

2. Производственную функцию (операционный маркетинг, цифровой маркетинг, партнерский маркетинг, HR-брендинг [3]) – применение комплексного подхода к операционным бизнес-процессам и обеспечение реализации производственных мощностей в требуемом объеме. Подразумевается распределение ресурсов под потребности, предоставление сведений о складе и возможности полностью самостоятельного обособленного производства, а также контроль качества продукции и соотнесение готового продукта с ожиданиями и ценностями целевой аудитории.

3. Распределительно-коммуникационную функцию (маркетинг-логистика, контент-маркетинг, партизанский маркетинг, событийный маркетинг) – организация то-

вародвижения и продвижения продукции на рынок. В перечень задач данной функции входит: организация транспортировки продукции с выбором наиболее оптимального вида перевозки и сохранности товара, выбор посредника/платформы для сбыта, ценообразование с изучением цен конкурентов и спроса, маркетинговые коммуникации с потенциальными клиентами [2], управление имиджем [4] и брендингом.

4. Функцию управления и контроля (стратегический маркетинг) – формирование, разработка, реализация и контроль маркетинговой стратегии организации. Под стратегическим маркетинговым управлением понимается процесс стратегического анализа, разработки стратегии и тактики, оценки и контроля за всеми этапами создания и сбыта продукции с учетом временных и стоимостных характеристик (дорожной карты и финансового плана) [9].

Все вышеупомянутые функции указывают на то, что маркетинговая система затрагивает все сферы деятельности организации и позволяет представить продукт на рынке наиболее оптимальным образом. Эмерджентный характер маркетинга обусловлен последовательностью функциональных особенностей и синергетическим эффектом. Синергетический эффект подразумевает большую практическую полезность при комплексном применении компонентов, что может рассматриваться как характеристика функций маркетинга в организации.

Маркетинговые функции успешно реализуются в отрасли финансов, например, ПАО «Сбербанк». Компания длительное время занимает лидирующие позиции в сфере банковских услуг РФ и считается сегодня крупнейшим диверсифицированным конгломератом.

Аналитическая функция позволяет «Сбер» установить правильный диапазон цен на продукты, изучить особенности потребительского спроса и провести анализ рентабельности в конкретном регионе. Полезность производственной функции

заключается в использовании исключительно необходимых для компании операционных мощностей, которые позволят продукции продаваться именно в требуемом количестве и снизят количество испортившейся или потерявшей рентабельность продукции. Распределительно-сбытовая функция обеспечивает наиболее выгодный способ транспортировки продукции и экономию издержек (CRM) [6]. Также следует обратить внимание на высокую сохранность продукции при выбранной транспортировке. Управление и контроль является своеобразным завер-

шением и закреплением всех реализованных функций. Контроль подразумевает наблюдение маркетолога за всеми бизнес-процессами с целью увеличения рентабельности вложенных ресурсов и получаемой прибыли.

Авторами исследования проведен опрос сотрудников ПАО «Сбербанк» в г. Уфк РБ, в котором приняли участие 47 работников. Исследование сконцентрировано на мнении сотрудников о роли маркетинга и выполнении функций маркетинга в компании (рис. 1).

Рис. 1. Результаты опроса сотрудников ПАО «Сбербанк»

По результатам опроса можно сделать вывод о том, что в компании наиболее явной функцией является функция управления и контроля (проектные инновации, разработка и реализация стратегий, ССП), а также аналитическая функция (работа с юридическими и физическими лицами, SWOT-анализ, сегментирование, позиционирование, клиентский опыт).

Комплексность маркетинговых функций может позволить компании продвигать диверсифицированные продукты и оптимизировать бизнес-процессы. Однако понятие «маркетинг» зачастую сводят к рекламной деятельности, что в корне не соответствует действительности, так как рекламной деятельностью маркетинг не ограничивается и присутствует практически везде: как во внутренней среде орга-

низационных процессов и логистической цепочки доставки товара, так и во внешней среде при взаимодействии с покупателями, поставщиками, посредниками, стейкхолдерами.

В заключении можно сделать вывод о многогранности маркетинговых функций и о большой доле влияния маркетинговой деятельности на разработку и реализацию инновационного продукта. В данной работе рассмотрены основные функции маркетинга и предпринята попытка обобщить их роль в организации.

Библиографический список

1. Бикметов Е. Ю., Галиханова Л. И., Кузнецова Е. В., Рувенный И. Я. Использование клиентского опыта для принятия маркетинговых решений в здравоохранении // KANT. – 2023. –

- № 3 (48). – С. 4–9.
2. Бикметов Е. Ю., Кузнецова Е. В., Рувенный И. Я. Современные коммуникационные технологии в маркетинге: уч. пособие. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2024. – 136 с.
 3. Быкова А. Д., Кузнецова Е. В. Сильный HR-бренд как фактор повышения конкурентоспособности организации // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2025. – № 1-1 (119). – С. 58–61.
 4. Касимова, Э. Р., Кузнецова, Е. В., Рувенный, И. Я. Концептуальная модель имиджевого маркетинга // Бизнес. Образование. Право. – 2024. – № 3 (68). – С. 46–51.
 5. Крумм Э. А., Курешов В. А. Разработка маркетинговой стратегии фирмы // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2010. – № 6. – С. 197–198.
 6. Кучумов А. В., Тестина Я. С. CRM-системы: история, сущность, классификация // Экономический вектор. – 2022. – № 1 (28). – С. 41–46.
 7. Лукин И. С. Организация маркетинговых исследований // Территория науки. – 2014. – № 4. – С. 91–94.
 8. Степанычева Е. В., Джабраилов М. А. Генезис маркетинга и его современная парадигма // Социально-экономические явления и процессы. – 2015. – № 11. – С. 124–129.
 9. Стратегические ориентиры управления экономической безопасностью: коллективная монография / отв. ред. З. Э. Сабилова, О. В. Сидорова. – Уфа: Мир печати, 2023. – 322 с.

© Тукумбетов Д. Ф., Кузнецова Е. В., 2025

УДК 339.138

ТЕРРИТОРИЯ КАК ОБЪЕКТ МАРКЕТИНГА
НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

EDN VWZOJF

Р. М. Утяшев
К. В. Апокина*Студент, e-mail: romanutyashev@yandex.ru,
кандидат социологических наук, доцент,
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*TERRITORY AS AN OBJECT OF MARKETING ON THE EXAMPLE
OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTANR. M. Utyashev
K. V. Apokina*Student,
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. The article examines the territory as an object of marketing using the example of the Republic of Bashkortostan. It analyzes the theoretical foundations of territorial marketing, the region's characteristics, and existing marketing strategies aimed at promoting Bashkortostan as an attractive destination for tourists, investors, and new residents. Special attention is given to the problems and challenges faced by the region in forming its image and attracting resources. The conclusion offers recommendations for improving marketing approaches to ensure sustainable socio-economic development of the Republic of Bashkortostan. The article will be useful for specialists in regional development, marketing, and territorial management.

Keywords: regional marketing; Republic of Bashkortostan; regional promotion; tourism marketing; regional image; socio-economic development.

В современном мире территориальный маркетинг играет важную роль в привлечении инвестиций, туристов и новых жителей, способствуя социально-экономическому развитию регионов. Территория как объект маркетинга представляет собой комплекс природных, экономических и культурных ресурсов, которые используются для формирования привлекательного имиджа региона. Республика Башкортостан выбрана для анализа благодаря своему уникальному географическому положению, богатому природному и культурному наследию, а также экономическому потенциалу, что делает её интересным примером эффективного территориального маркетинга.

Цель статьи – исследовать особенности территориального маркетинга на примере Республики Башкортостан и оценить эффективность существующих стратегий продвижения региона.

Задачи статьи включают:

- анализ теоретических основ территориального маркетинга;
- характеристику Республики Башкортостан как объекта маркетинга;
- рассмотрение применяемых в регионе маркетинговых инструментов и стратегий;
- выявление проблем и вызовов в продвижении территории;
- разработку рекомендаций по улучшению маркетинговой деятельности для устойчивого развития региона.

Территориальный маркетинг – это комплекс мероприятий и стратегий, направленных на формирование и продвижение привлекательного образа определённой территории (региона, города, страны) с целью привлечения инвестиций, туристов, новых жителей и развития экономики. Он учитывает уникальные природные, экономические, культурные и социальные особенности региона.

Главными целями территориального маркетинга являются повышение конкурентоспособности региона, улучшение его имиджа и создание благоприятных условий для социально-экономического развития. Задачи включают анализ ресурсов территории, разработку эффективных стратегий продвижения, привлечение инвесторов и туристов, а также формирование устойчивого бренда региона.

Для достижения целей территориального маркетинга используются различные инструменты:

- 1) брендинг территории – создание уникального образа региона, отражающего его особенности и преимущества;
- 2) PR (связи с общественностью) – формирование позитивного восприятия региона через коммуникации с общественностью и СМИ;
- 3) реклама – распространение информации о регионе через различные каналы для привлечения целевой аудитории;
- 4) инвестиционный маркетинг – мероприятия по привлечению инвесторов, создание благоприятного бизнес-климата и поддержка предпринимательства.

Имидж региона является ключевым фактором в принятии решений потенциальными туристами, инвесторами и мигрантами. Позитивный образ способствует росту доверия к региону, повышает его узнаваемость и конкурентоспособность на внутреннем и международном рынках. Эффективное управление имиджем помогает стимулировать экономический рост и улучшать качество жизни населения.

В Республике Башкортостан реализуются комплексные государственные программы, направленные на социально-экономическое развитие и повышение привлекательности региона. Особое внимание уделяется развитию инфраструктуры, поддержке малого и среднего бизнеса [7].

Башкортостан активно развивает туристическую отрасль с акцентом на экотуризм и культурный туризм. В регионе реализуются проекты по созданию экологических маршрутов, развитию санаторно-

курортных комплексов и сохранению историко-культурных памятников.

Для привлечения инвестиций внедряются меры по улучшению бизнес-климата: упрощение административных процедур, налоговые льготы, создание промышленных парков и технопарков.

Цифровые технологии играют важную роль в маркетинговой стратегии Башкортостана; создаются официальные порталы и мобильные приложения для информирования туристов и инвесторов.

Башкортостан сталкивается с высокой конкуренцией как внутри страны, так и на международной арене. Многие регионы предлагают схожие инвестиционные и туристические возможности, что требует от республики постоянного обновления маркетинговых стратегий и поиска уникальных конкурентных преимуществ.

Несмотря на выгодное географическое положение, регион испытывает трудности с развитием транспортной и социальной инфраструктуры. Ограниченная пропускная способность дорог, недостаток современных логистических центров и проблемы с доступностью удалённых территорий снижают привлекательность региона для инвесторов и туристов.

Бренд Башкортостана пока недостаточно известен за пределами региона. Отсутствие системного подхода к продвижению имиджа снижает эффективность маркетинговых кампаний и ограничивает возможности привлечения новых целевых аудиторий.

Активное развитие промышленности и туризма ставит перед регионом задачу «балансирования экономического роста с охраной окружающей среды. Недостаточное внимание к вопросам экологии может привести к деградации природных ресурсов, что негативно скажется на долгосрочной привлекательности территории» [8].

На мой взгляд, для повышения эффективности территориального маркетинга Башкортостану необходимо сосредоточиться на развитии уникальных конкурентных преимуществ, таких как богатое

культурное наследие и природные ресурсы, при этом активно внедряя инновационные цифровые инструменты продвижения. Важно также усилить межрегиональное сотрудничество и инвестировать в модернизацию инфраструктуры. Особое внимание следует уделить устойчивому развитию, чтобы сохранить природное богатство региона для будущих поколений, что станет дополнительным фактором привлекательности для экологически ориентированных туристов и инвесторов. Только комплексный подход позволит Башкортостану занять достойное место среди ведущих регионов России и мира.

Для повышения эффективности маркетинга Башкортостана необходимо разработать более целенаправленные и адаптивные стратегии, учитывающие современные тенденции и запросы целевых аудиторий. Важно усилить координацию между государственными органами, бизнесом и общественными организациями, а также расширить использование цифровых каналов коммуникации для оперативного взаимодействия с инвесторами и туристами.

Создание сильного и узнаваемого бренда Башкортостана должно базироваться «на его природных богатствах, культурном наследии и экономическом потенциале. Комплексный бренд должен отражать уникальность региона, объединять различные направления развития и вызывать эмоциональный отклик у целевой аудитории, что повысит лояльность и интерес к территории» [3].

Использование современных технологий – виртуальной и дополненной реальности, искусственного интеллекта – позволит создавать персонализированные предложения для туристов и инвесторов. Развитие «умных» туристических маршрутов, цифровых платформ для инвестиций и интерактивных сервисов повысит конкурентоспособность региона на рынке.

Активное вовлечение жителей и предпринимателей в процессы продвижения

территории способствует формированию аутентичного образа региона. Местное сообщество может стать амбассадором бренда, поддерживая инициативы по развитию туризма, сохранению культурных традиций и улучшению качества жизни. Партнёрство бизнеса с органами власти создаст условия для устойчивого экономического роста и укрепления позиций Башкортостана на внутреннем и внешнем рынках.

Республика Башкортостан обладает значительным потенциалом для успешного территориального маркетинга благодаря своему выгодному географическому положению, богатому природно-климатическому и культурному наследию, а также развитой экономике. Однако для реализации этого потенциала необходимо преодолеть существующие вызовы, такие как конкуренция с другими регионами, инфраструктурные ограничения и недостаточная узнаваемость бренда. Внедрение комплексного и инновационного подхода к продвижению территории, активное участие местного сообщества и бизнеса, а также акцент на устойчивое развитие станут ключевыми факторами повышения привлекательности Башкортостана для туристов и инвесторов. Только системная и скоординированная работа позволит региону занять прочные позиции на федеральном и международном уровнях, обеспечив долгосрочный социально-экономический рост и укрепление имиджа.

Библиографический список

1. Государственная программа Республики Башкортостан «Развитие экономики» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bashkortostan.ru/economy/programs/> (дата обращения: 10.06.2024).
2. Инвестиционный портал Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://invest.bashkortostan.ru/> (дата обращения: 08.05.2025).
3. Искандарова, В. Ф. Законодательная основа регулирования деятельности фирм в Республике Башкортостан / В. Ф. Искандарова, К. В. Апокина // Вектор экономики. – 2020. –

- № 12(54). – С. 40. – DOI 10.51691/2500-3666_2020_12_2. – EDN QRBWRA.
4. Кузнецова М. А. Брендинг территорий: современные подходы [Текст] / М. А. Кузнецова // Маркетинг территорий. – 2018. – № 2. – С. 45–53.
 5. Лебедев В. П., PR в региональном развитии [Текст] / В. П. Лебедев // Журнал связей с общественностью. – 2019. – № 3. – С. 12–18.
 6. Николаев И. С. Реклама как инструмент продвижения региональных брендов [Текст] / И. С. Николаев // Рекламный бизнес. – 2020. – № 5. – С. 22–29.
 7. Официальный сайт Правительства Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bashkortostan.ru/> (дата обращения: 08.05.2025).
 8. Экономические основы бизнеса : Учебное пособие для бакалавров, магистрантов, аспирантов, преподавателей, менеджеров, занимающихся проблемами управленческой и предпринимательской деятельности / К. В. Апокина. Том Часть 2. – Уфа : Башкирский государственный университет, 2022. – 174 с. – ISBN 978-5-7477-5542-0. – EDN HFVVEV.

© Утяшев Р. М., Апокина К. В., 2025

УДК 339.72.015

ESG ВО ВЬЕТНАМЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И УСИЛИЯ КОМПАНИЙ, КОТИРУЮЩИХСЯ НА БИРЖЕ

EDN WAOBEF

Фам Ву Туьет Нга
М. Р. Искаков

Студентка,
ассистент,

Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия

ESG IN VIETNAM: CURRENT TRENDS AND EFFORTS OF LISTED COMPANIES

Pham Vu Tuyet Nga
M. R. Iskakov

Student,
Assistant,

Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia

Abstract. In the context of the institutionalization of sustainable development at the international level, the principles of Environmental, Social, and Governance (ESG) are acquiring the status of mandatory elements of corporate strategy. This study is an empirical analysis of the level of ESG integration in the largest public companies in Vietnam based on a structured comparative approach. The methodological base includes system and content analysis, case study and assessment by five indicators covering all three ESG components, as well as financial performance (ROAA). The sample consists of four leading issuers representing key sectors of the economy. The analysis revealed significant heterogeneity of ESG practices, the dominance of the management component (G) over the environmental (E), as well as the presence of institutional and regulatory barriers. Directions for strengthening the quality of information disclosure, introducing quantitative metrics and developing external verification mechanisms are substantiated. The results obtained allow us to assess the degree of readiness of Vietnamese companies to comply with international sustainable development standards and can be used for further applied research.

Keywords: ESG; sustainable development; corporate governance; public companies of Vietnam.

Введение

Актуальность темы обусловлена растущей ролью ESG (Environmental, Social, Governance) в международной деловой практике и устойчивом развитии компаний. Для развивающихся экономик, таких как Вьетнам, интеграция ESG становится не только требованием со стороны международных инвесторов, но и фактором повышения корпоративной устойчивости. Тем не менее, степень включенности ESG-принципов в деятельность вьетнамских компаний остаётся неоднородной, что требует всестороннего анализа.

Цель исследования – проанализировать уровень и особенности внедрения ESG-практик среди крупнейших публичных компаний Вьетнама.

Объект исследования – публичные компании, котирующиеся на вьетнамской

фондовой бирже. Предмет исследования – особенности интеграции ESG-принципов в их корпоративные стратегии.

Методология включает:

- системный анализ государственной ESG-повестки;
- контент-анализ годовых и нефинансовых отчётов компаний;
- сравнительный анализ ESG-ориентированности.

Для эмпирического анализа были выбраны четыре крупнейшие публичные компании Вьетнама: Vinamilk, Vingroup, Masan Group и Hoa Phat Group. Критерии отбора включали: 1) рыночная капитализация свыше 3 млрд долларов США; 2) принадлежность к ключевым отраслям (потребительские товары, промышленность, девелопмент); 3) наличие ESG-отчётности и/или нефинансовых показа-

телей в публичном доступе за период 2021–2023 гг.

Гипотеза исследования заключается в наличии положительной корреляции между зрелостью ESG-подходов и уровнем финансовой устойчивости компании.

Статья состоит из трёх основных частей. В первой части рассматриваются определение и ключевые аспекты ESG, а также их значение в глобальной и вьетнамской экономике. Вторая часть посвящена анализу ESG-тенденций во Вьетнаме, усилиям публичных компаний и их сравнительному анализу на основе пяти показателей. В заключительной части выделены ключевые барьеры на пути внедрения ESG-практик в корпоративную среду Вьетнама, включая институциональные, нормативные и операционные ограничения, а также предложены рекомендации для заинтересованных сторон.

1. ESG: Определение и ключевые аспекты

ESG (Environmental, Social, and Governance) представляет собой систему критериев, применяемых для оценки деятельности компаний с точки зрения устойчивости, управления рисками и социальной ответственности [13]. Согласно определению Европейской комиссии, ESG позволяет оценить устойчивость бизнеса или инвестиций, учитывая три ключевых аспекта: экологический, социальный и управленческий [14].

- Экологический компонент (Environmental) охватывает воздействие компании на окружающую среду, включая управление ресурсами, выбросы парниковых газов и экологическую политику.
- Социальный компонент (Social) отражает подход компании к работникам, клиентам, поставщикам и сообще-

ствам, включая вопросы условий труда, прав человека и локального вклада.

- Компонент корпоративного управления (Governance) связан с организацией системы управления: прозрачностью, структурой совета директоров, внутренним контролем и отношениями с инвесторами.

По данным ОЭСР, ESG-факторы интегрируются в управленческие и инвестиционные решения как компаний, так и финансовых институтов [15]. Такой подход способствует управлению нефинансовыми рисками и укрепляет долгосрочную устойчивость бизнеса. Несмотря на то, что ESG изначально рассматривался в инвестиционном контексте, его значение распространяется и на другие группы стейкхолдеров, включая сотрудников, партнёров и потребителей, что требует более комплексного корпоративного подхода [14].

Термин «ESG» получил широкое распространение после публикации доклада ООН в 2004 году [16], однако переход к стратегической интеграции ESG в корпоративное управление стал наблюдаться лишь в конце 2010-х годов. С учётом междисциплинарного характера и взаимосвязи компонентов, перечень ESG-факторов остаётся открытым и может варьироваться в зависимости от отрасли. На рисунке 1 представлена обобщённая классификация ESG-факторов, предложенная Банком России [17].

Связь ESG и финансовых показателей остаётся предметом активного академического анализа. Мета-анализ, проведённый исследовательской группой NYU Stern и Rockefeller Asset Management, выявил положительное влияние ESG-интеграции на долгосрочную доходность, особенно в рамках корпоративного управления, климатической стратегии и управления рисками. Наилучшие результаты наблюдаются при активной, а не формальной интеграции ESG [9].

Е Экологические факторы	С Социальные факторы	Г Корпоративные управления
• Климатическая политика • Энергоэффективность • Воздействие на атмосферу • Управление водными ресурсами • Обращение с отходами • Биоразнообразие и экосистемы • Экологический менеджмент	• Мотивация персонала • Равенство и инклюзивность • Охрана труда • Взаимодействие с обществом • Ответственное финансирование	• Структура собственности и защита прав акционеров • Органы управления • Стратегическое управление • Система вознаграждения • Управление рисками • Раскрытие информации

Рис. 1. Основные ESG-факторы, рекомендованные Банком России

Источник: ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАНК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (БАНК РОССИИ). Рекомендации по разработке методологии и присвоению ESG-рейтингов (рейтингов устойчивого развития). URL: <https://www.cbr.ru/Crosscut/LawActs/File/6225>

Эмпирические исследования демонстрируют неоднородные результаты. Так, в исследовании публичных компаний дельты реки Янцзы установлено, что экологические показатели (Е) негативно коррелируют с рентабельностью активов (ROA), в то время как управленческие факторы (G) оказывают стабилизирующее воздействие. Социальные компоненты (S) не показали значимой связи с финансовыми результатами [10].

В контексте развивающихся рынков ESG рассматривается как фактор повышения устойчивости и конкурентоспособности. Исследование китайских компаний подтверждает наличие положительной связи между уровнем ESG-интеграции и финансовыми результатами, особенно в отраслях с высокой капиталоемкостью и регуляторной нагрузкой [11].

Анализ вьетнамских публичных компаний за 2020–2022 годы демонстрирует положительное, но ограниченное влияние ESG-факторов на ROA. Несмотря на улучшение репутационных показателей и

внутренних процессов, масштабные финансовые выгоды от ESG-практик в большинстве случаев не зафиксированы. Это объясняется низким уровнем внедрения, фрагментарной нормативной базой и ограниченными возможностями верификации [12]. Дальнейшее развитие правовых механизмов и институциональной инфраструктуры может усилить эффект от ESG-интеграции в условиях вьетнамского рынка.

2. ESG во Вьетнаме: современные тенденции и усилия компаний, котирующихся на бирже

Представленные теоретические подходы и результаты эмпирических исследований подчеркивают необходимость изучения специфики внедрения ESG-принципов в контексте развивающихся стран. В этом аспекте Вьетнам представляет особый интерес как динамично развивающаяся экономика с растущим инвестиционным потенциалом и амбициозными целями устойчивого развития.

Таблица 1

Государственная поддержка ESG во Вьетнаме

Категория	Ключевые инициативы	Описание
Климатические и устойчивые обязательства	Достижение углеродной нейтральности к 2050 году	Объявлено на COP26, включает отказ от угля и прекращение вырубki лесов.
	Национально определенные вклады (NDCs)	Цель – сокращение выбросов парниковых газов (ПГ) на 9% (за счет внутренних ресурсов) и на 27% при международной поддержке.
Политики и регулирование	Национальная стратегия зеленого роста (2021–2030, Видение 2050)	Дорожная карта для устойчивого экономического развития и зеленой трансформации.
	Закон об охране окружающей среды (2020)	Ужесточение регулирования выбросов, управления ресурсами и корпоративной ответственности.
	Постановление о выбросах ПГ и защите озонового слоя	Создание национального углеродного рынка.
	Расширенная ответственность производителя (EPR)	Обязывает компании управлять жизненным циклом продукции с учетом устойчивого развития.
	Национальная программа развития циркулярной экономики	Поощряет сокращение отходов и эффективное использование ресурсов.
ESG в корпоративном управлении и финансах	Индекс устойчивого развития Вьетнама (VNSI)	Стимулирует публичные компании повышать прозрачность ESG-отчетности.
	Циркуляр № 96/2020/TT-BTC	Требует от публичных компаний публиковать ESG-отчеты и данные об устойчивом развитии.
	Руководство Государственного банка Вьетнама (SBV)	Разработка экологических норм для банков и продвижение зеленого финансирования.

Источник: составлена автором работы

В последние годы ESG-факторы приобрели значительную роль в стратегических приоритетах на глобальном уровне, что связано с ужесточением регуляторных требований и усилением внимания к вопросам устойчивости. Во Вьетнаме данный вектор становится всё более актуальным в условиях ускоренного экономического роста, развития производственного сектора и расширения фондового рынка. Повышенный интерес со стороны инвесторов и заинтересованных сторон к вопросам корпоративной ответственности делает интеграцию ESG-принципов важным элементом поддержания конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности компаний.

Прогресс Вьетнама в области устойчивого развития отражается в ряде макроуровневых индикаторов. В 2024 году стране был присвоен кредитный ESG-рейтинг на уровне BB [20], а в глобальном

индексе устойчивого развития Вьетнам занял 38-е место, улучшив свои позиции на 16 пунктов по сравнению с предыдущим годом [21]. Эти достижения указывают на последовательные усилия со стороны государства и растущий интерес со стороны международных инвесторов к вьетнамскому рынку.

Государственная поддержка устойчивого развития во Вьетнаме реализуется через климатические обязательства, национальные стратегии, регуляторные инициативы и программные документы в сфере «зелёной» трансформации. Таблица 1 содержит обзор ключевых инструментов ESG-политики на государственном уровне. В то же время, по данным опроса PwC, 67 % опрошенных компаний указывают на отсутствие чётких регуляторных механизмов как на основное препятствие для внедрения ESG. Участники рынка отмечают необходимость стандартизации

требований к раскрытию информации, более чётких руководств для «зелёного» финансирования и повышенной регуляторной определённости.

Согласно исследованию PwC 2022 года, 44 % вьетнамских компаний уже утвердили внутренние ESG-обязательства и соответствующие планы, 36 % находят-

ся в стадии планирования, и лишь 22 % не проявляют интереса к данным вопросам [22]. Уровень вовлечённости различается в зависимости от структуры собственности. Сравнение показателей ESG-инициатив по типу компаний представлено в таблице 2.

Таблица 2

Как вьетнамские компании описали свой статус выполнения обязательств в области ESG в 2022 году

	«Не планируют идентифицировать/брать на себя ESG-обязательства в ближайшие 2-4 года»	«Находятся в стадии планирования ESG-обязательств на ближайшие 2-4 года»	«Уже приняли ESG-обязательства и план»
Компании с иностранными инвестициями (FIEs)	16 %	27 %	57 %
Публичные компании	7 %	58 %	35 %
Частные/Семейные компании	31 %	35 %	40 %

Источник: PwC. Vietnam ESG Readiness Report 2022: From ambition to impact. URL: <https://www.pwc.com/vn/en/publications/2022/pwc-vietnam-esg-readiness-2022-en.pdf>

Так, среди компаний с иностранным капиталом ESG-обязательства зафиксированы у 57 %, в то время как среди публичных вьетнамских компаний – у 35 %. Примерно 58 % находятся на стадии подготовки. Частные семейные компании демонстрируют умеренную, но устойчивую вовлечённость (40 %), что может отражать трансформацию управленческой культуры под влиянием нового поколения владельцев.

Отдельные исследования показывают институционализацию ESG-подходов в компаниях с иностранным участием. Так, в 2024 году 61 % из 173 опрошенных FIEs (foreign-invested enterprises) заявили о наличии отдельного бюджета на ESG-деятельность [23]. Бюджетное планирование в данном контексте коррелирует с масштабом бизнеса: чем крупнее компа-

ния, тем выше вероятность системного подхода к ESG.

Несмотря на частую ассоциацию ESG с экологическим компонентом, во Вьетнаме наибольшее внимание уделяется вопросам корпоративного управления. По результатам опросов, 62 % компаний считают компонент G приоритетным, в то время как экологический и социальный компоненты были отмечены лишь 22 % и 16 % респондентов соответственно [22]. Это подчеркивает восприятие систем управления и прозрачности как ключевых основ ESG-стратегий, в то время как экологические инициативы остаются менее институционализированными. Примечательно, что в промышленном производстве все три компонента ESG рассматриваются как относительно равнозначные.

Среди факторов, стимулирующих внедрение ESG-подходов, наибольшее значение имеют имиджевые и конкурентные соображения. Так, 82 % опрошенных компаний отметили укрепление репутации как ключевой мотиватор, а 68 % – повышение конкурентоспособности на рынке [25]. ESG также рассматривается как инструмент дифференциации в условиях глобальной конкуренции, а также как механизм привлечения инвесторов, клиентов и квалифицированных кадров. К числу дополнительных факторов относятся удержание сотрудников (44 %), ожидания заинтересованных сторон (40 %) и соответствие нормативным требованиям (37 %).

С учётом изложенного, в качестве эмпирической базы исследования были отобраны четыре из крупнейших публичных компаний Вьетнама [26], каждая из которых представляет ключевой сектор экономики:

- Vingroup (недвижимость, ритейл и электротранспорт);
- Vinamilk (молочная продукция и потребительские товары);
- Masan Group (продукты питания, ритейл и потребительские товары);
- Hoa Phat Group (металлургия и промышленное производство).

Данный отбор позволяет сопоставить уровень зрелости ESG-инициатив в различных отраслях с учётом корпоративной структуры и уровня публичности.

Выбор обоснован их значительным весом на фондовом рынке (капитализация свыше 3 млрд долларов США), стратегическим положением в приоритетных секторах экономики (включая производство, потребительский сектор и девелопмент), а также доступностью нефинансовой и ESG-отчётности за 2021–2023 годы.

Для оценки степени ESG-ориентированности компаний использовались пять показателей, отражающих три ключевых компонента устойчивого разви-

тия (Environmental, Social, Governance), а также учитывающих связь с финансовой эффективностью (см. табл. 3).

Каждый из индикаторов был выбран на основании его применимости, полноты раскрытия в корпоративной отчётности и соответствия международным стандартам:

- Экологический показатель (Environmental): удельные выбросы CO₂: измеряется в тоннах CO₂ на единицу продукции или выручки. Данный показатель используется для оценки уровня контроля компании над воздействием на климат и соответствует стандарту GRI 305 [1] и методологии CDP [2].
- Социальный показатель (Social): объём инвестиций в социальные инициативы: рассматриваются прямые расходы компаний на благотворительные и общественно полезные проекты (в абсолютных величинах или как доля прибыли до налогообложения). Методически обоснован в рамках GRI 413-1 [1] и тематического стандарта SASB для потребительского сектора [3].
- Управленческий показатель (Governance): наличие совета/комитета по устойчивому развитию или аудиту с большинством независимых членов: присутствие такой структуры свидетельствует о формализованном контроле и зрелости корпоративного управления в ESG-области. Показатель соответствует рекомендациям GRI 2-12 [1], методологии IFC по корпоративному управлению [4], а также учтён в системе рейтингов MSCI ESG [5].
- Интегральный показатель: ESG Risk Score агентства Sustainalytics*: представляет собой агрегированный рейтинг, отражающий как степень воздействия ESG-факторов на бизнес, так и наличие внутренних механизмов управления рисками. Используется в качестве внешней независимой оценки зрелости ESG-системы.

* Company ESG Risk Ratings – Sustainalytics - [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sustainalytics.com/esg-rating/>

Таблица 3

**Сравнение ESG-ориентации вьетнамских компаний, котирующихся на бирже,
в 2023 году**

Показатель	Vinamilk	Vingroup	Masan Group	Hoa Phat Group
Удельные выбросы CO ₂ (кг CO ₂ e / тонна продукции или эквивалент)	226 кг CO ₂ e/тонна продукции	Снижение выбросов в тCO ₂ e (без удельного показателя)	376 029 тCO ₂ e совокупно (без удельного показателя)	Верифицированная GHG-отчётность (ISO 14064), без точного показателя
Расходы на социальные инициативы (% от чистой прибыли)	12,2 %	2 %	23.32 %	5,88 %
ESG Risk Score (в соответствии с Sustainalytics)	Нет в базе	30.8 (высокий риск)	37.5 (высокий риск)	49.9 (критический риск)
ROAA (%)	17,54 %	0,35 %	0,29 %	3,82 %
Наличие комитета по устойчивому развитию / аудиту	Имеется (3 из 5 членов – независимые)	Имеется (комитет по устойчивому развитию)	Имеется (комитет по аудиту и рискам с независимыми членами)	Не раскрыто

Источник: составлено автором на основе данных годовых и нефинансовых (ESG) отчётов за 2023 год компаний Vinamilk, Vingroup, Masan Group и Hoa Phat Group [26, 27, 28, 29, 30]

- Финансовый индикатор: ROAA (Return on Average Assets) отражает эффективность использования активов компании и используется как контекстный показатель для анализа возможной связи между ESG-зрелостью и финансовой результативностью [7; 8].

На основе анализа приведенной в табл. 3 выявлены существенные различия между компаниями. Наиболее сбалансированный и зрелый профиль продемонстрировала компания Vinamilk, сочетающая низкий уровень выбросов (226 кг CO₂ на тонну продукции), высокую долю социальных инвестиций (12,2 % от чистой прибыли), наличие независимого комитета и максимальный показатель ROAA (17,54 %). Остальные компании – Vingroup, Masan Group и Hoa Phat Group – характеризуются более низкой финансовой результативностью (ROAA менее 4 %)

при одновременном наличии высоких или критических ESG-рисков согласно данным агентства Sustainalytics. Это позволяет предположить наличие положительной взаимосвязи между зрелостью ESG-стратегии и эффективностью использования активов.

Вместе с тем, отсутствие ESG-рейтинга у Vinamilk подчёркивает ограниченность использования внешней оценки в качестве единственного критерия и необходимость комплексного подхода.

Следует также отметить, что социальный компонент (S) является наиболее приоритетным среди анализируемых компаний: все четыре активно инвестируют в местные сообщества, при этом Masan Group направила на эти цели свыше 23 % прибыли. В то время как показатели по компонентам E и G раскрываются неравномерно, социальные инвестиции высту-

пают наиболее полно представленным и значимым направлением в корпоративной ESG-повестке Вьетнама.

3. Барьеры внедрения ESG во Вьетнаме

Несмотря на растущее внимание со стороны государства, инвесторов и бизнеса, развитие ESG-практик во Вьетнаме сталкивается с рядом устойчивых и системных ограничений, которые сдерживают полноценную интеграцию принципов устойчивого развития в деятельность компаний.

Одной из ключевых проблем остаётся отсутствие единого нормативного акта, который бы чётко регламентировал требования к ESG-отчётности, структурам корпоративного управления и метрикам оценки. Хотя в стране действуют такие инициативы, как Закон об охране окружающей среды и национальная стратегия зелёного роста, они не охватывают весь спектр специфики ESG. Согласно исследованию PwC, 67 % опрошенных компаний отметили нехватку понятных правил как основное препятствие на пути внедрения ESG-практик.

Также серьёзным вызовом является низкий уровень прозрачности и полноты раскрытия нефинансовой информации. Несмотря на существующие регуляции, компании зачастую публикуют отчёты в описательном виде, без количественных показателей или единой структуры. Лишь немногие организации раскрывают конкретные данные, такие как удельные выбросы CO₂, структуру независимого комитета по устойчивому развитию или показатели охраны труда. Отсутствие единых стандартов мешает объективному сравнению и снижает доверие со стороны инвесторов.

Не менее важной проблемой остаётся отсутствие механизмов ответственности за искажение или формальный подход к ESG-раскрытию – явление, известное как greenwashing. В настоящее время в стране не предусмотрено административных санкций или проверок в отношении достоверности ESG-информации, что сни-

жает мотивацию компаний к честному и прозрачному раскрытию данных.

Кроме того, внедрение ESG-инициатив ограничено как в финансовом, так и в кадровом плане. Многие компании не располагают отдельными бюджетами на устойчивое развитие, а функции ESG зачастую возлагаются на один департамент без межфункционального взаимодействия. Даже среди иностранных предприятий, только 61 % респондентов сообщили о наличии выделенного ESG-бюджета, что говорит о неравномерной институционализации процесса.

Наблюдается также тенденция к формальному участию в международных инициативах, таких как Повестка ООН в области устойчивого развития или Принципы ответственного инвестирования. Часто такие декларации не подкрепляются конкретными действиями внутри компании. ESG воспринимается скорее как элемент имиджа, чем как стратегический приоритет.

Дополнительную сложность создаёт слабое развитие рынка внешней верификации ESG-отчётности. Хотя отдельные крупные компании сотрудничают с международными аудиторами (PwC, SGS и др.), таких кейсов единицы. Только одна из четырёх рассмотренных компаний в исследовании подтвердила факт внешней оценки своей нефинансовой отчётности. На национальном уровне отсутствует устойчивая инфраструктура квалифицированных ESG-аудиторов и консультантов.

Заключение

Проведённый сравнительный анализ показал, что уровень ESG-ориентированности среди крупнейших публичных компаний Вьетнама остаётся неоднородным. Наиболее зрелые практики наблюдаются у компаний с высокой социальной вовлечённостью, низким уровнем выбросов и наличием независимых механизмов управления устойчивым развитием. При этом значительная часть компаний демонстрирует либо низкий уровень

финансовой эффективности, либо высокий показатель ESG-рисков, что может указывать на ограниченную глубину интеграции принципов устойчивого развития в корпоративную стратегию.

Кейс-анализ позволил выявить как лидеров, так и аутсайдеров ESG-трансформации. Компании, характеризующиеся сбалансированным подходом к экологическим, социальным и управленческим аспектам, добиваются лучших результатов по таким метрикам, как ROAA, прозрачность отчётности и институциональная устойчивость. В то же время отдельные участники выборки демонстрируют низкий уровень раскрытия ESG-информации и отсутствие формализованных механизмов управления, что ограничивает их инвестиционную привлекательность.

В рамках выявленных тенденций прослеживается усиленное внимание к компоненту Governance, тогда как экологическая составляющая (E) остаётся наименее развитой. Компании активно инвестируют в социальные инициативы, однако чаще всего они носят декларативный характер и не сопровождаются системой измерения результатов. Это затрудняет объективную оценку вклада в устойчивое развитие и снижает сопоставимость отчётности между компаниями.

Проведённый анализ также позволил систематизировать ключевые барьеры внедрения ESG во Вьетнаме. Среди них: отсутствие специализированного законодательства, недостаточная прозрачность отчётности, отсутствие санкций за недостоверные данные (greenwashing), ограниченные ресурсы у бизнеса, формальный характер вовлечённости во внешние инициативы, а также слабое развитие рынка верификации нефинансовой информации.

Тем не менее, в текущих условиях можно выделить ряд возможностей для дальнейшего развития ESG-подходов. Для бизнеса перспективными направлениями являются развитие внутренних механизмов управления устойчивостью, интегра-

ция количественно измеримых ESG-метрик и укрепление доверия путём внешней верификации отчётности. На уровне регулирования целесообразно рассмотреть внедрение единых стандартов раскрытия информации, создание системы стимулов (налоговых, рейтинговых) и поддержку национальной системы подготовки экспертов в области устойчивого развития.

Перспективы будущих исследований включают расширение выборки на весь индекс VNSI, анализ влияния ESG на стоимость капитала и исследование различий в восприятии ESG между компаниями с иностранными и локальными инвестициями.

Библиографический список

Нормативные документы и стандарты

1. GRI Standards. GRI 305: Emissions 2016; GRI 413: Local Communities 2016; GRI 2: General Disclosures 2021 [Электронный ресурс]. – Global Reporting Initiative. – URL: <https://www.globalreporting.org/> (дата обращения: 10.05.2025).
2. CDP. Guidance for Corporate Climate Disclosure 2023 [Электронный ресурс]. – CDP Worldwide. – URL: <https://www.cdp.net/> (дата обращения: 10.05.2025).
3. SASB. Consumer Goods Sector Standard (CN0101) [Электронный ресурс]. – Sustainability Accounting Standards Board, 2018. – URL: <https://www.sasb.org/> (дата обращения: 10.05.2025).
4. IFC. Methodology for Assessing Corporate Governance [Электронный ресурс]. – International Finance Corporation, 2021. – URL: <https://www.ifc.org/> (дата обращения: 10.05.2025).
5. MSCI ESG Ratings Methodology [Электронный ресурс]. – MSCI Inc., 2023. – URL: <https://www.msci.com/our-solutions/esg-investing/> (дата обращения: 10.05.2025).
6. ESG Disclosure in the EU, Singapore, and Vietnam: A Comparative Legal View [Электронный ресурс] // EuroCham Vietnam. – 2024. – URL: <https://eurochamvn.org/wp-content/uploads/2024/01/2.-ESG-Disclosure-Brief-Research-July-2024.pdf> (дата обращения: 10.05.2025).
7. Fombrun C., Gardberg N., Sever J. The Reputation Quotient: A multi-stakeholder measure of corporate reputation // Corporate Reputation Review. – 2000. – Vol. 3(1). – P. 40–60.

8. Pätäri S., Arminen H., Tuppur A., Jantunen A. ESG performance and financial performance: A meta-analysis // *Journal of Sustainable Finance & Investment*. – 2021. – Vol. 11(3). – P. 233–257.
9. Whelan T., Atz U., Clark C. ESG and Financial Performance // *NYU Stern, Rockefeller Asset Management*. – 2021 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.stern.nyu.edu/sites/default/files/assets/documents/NYU-RAM_ESG-Paper_2021.pdf (дата обращения: 19.05.2025).
10. Liu H., Wu K., Zhou Q. Whether and How ESG Impacts on Corporate Financial Performance in the Yangtze River Delta of China // *Sustainability*. – 2022. – Vol. 14(24). – Art. № 16584. – DOI: <https://doi.org/10.3390/su142416584>
11. Zhao C., Guo Y., Yuan J. и др. ESG and Corporate Financial Performance: Empirical Evidence from China's Listed Power Generation Companies // *Sustainability*. – 2018. – Vol. 10. – Art. № 2607. – DOI: <https://doi.org/10.3390/su10082607>
12. Le T.H.Y., Trinh T.T.T., Le K.L. и др. The Impact of ESG on the Performance of Highly Capitalized Enterprises Listed on the Vietnamese Stock Exchange // *FTU Working Paper Series*. – 2024. – Vol. 3, No. 2.
13. Tạp chí Công thương. ESG implementation in Vietnamese businesses [Электронный ресурс]. – URL: <https://tapchicongthuong.vn/esg-implementation-in-vietnamese-businesses-120865.htm> (дата обращения: 17.04.2025).
14. European Commission. Corporate Sustainability and Responsibility [Электронный ресурс]. – URL: https://single-market-economy.ec.europa.eu/industry/sustainability/corporate-sustainability-and-responsibility_en (дата обращения: 17.04.2025).
15. OECD. Sustainable Finance [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.oecd.org/en/topics/sub-issues/sustainable-finance.html> (дата обращения: 17.04.2025).
16. United Nations. Who Cares Wins: Connecting Financial Markets to a Changing World. – 2004 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unepfi.org/fileadmin/events/2004/stocks/who_cares_wins_global_compact_2004.pdf (дата обращения: 17.04.2025).
17. Центральный банк Российской Федерации (Банк России). Как присваивать ESG-рейтинги: рекомендации Банка России [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=16901> (дата обращения: 17.04.2025).
18. PwC. ESG-рейтинги и как они работают. – 2021 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.pwc.com/kz/ru/esg-rating.html> (дата обращения: 17.04.2025).
19. РБК. На зелёный свет: итоги ESG-индекса НКР и РБК за 2024 год [Электронный ресурс]. – 2024. – URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/66fa7d299a7947824401db42> (дата обращения: 17.04.2025).
20. SolAbility. ESG Credit Rating & Sovereign Bonds [Электронный ресурс]. – URL: <https://solability.com/the-global-sustainable-competitiveness-index/sovereign-bonds-sustainability> (дата обращения: 17.04.2025).
21. SolAbility. The Global Sustainable Competitiveness Index (GSCI) [Электронный ресурс]. – URL: <https://solability.com/the-global-sustainable-competitiveness-index> (дата обращения: 17.04.2025).
22. PwC. Vietnam ESG Readiness Report 2022: From ambition to impact [Электронный ресурс]. – 2022. – URL: <https://www.pwc.com/vn/en/publications/2022/pwc-vietnam-esg-readiness-2022-en.pdf> (дата обращения: 17.04.2025).
23. Vietnam Business Forum. ESG Report 2024: Pathway towards a sustainable economic recovery [Электронный ресурс] // *AmCham Vietnam*. – 2024. – URL: https://www.amchamvietnam.com/wp-content/uploads/2024/03/VBF_ESG-Report_ENG_FINAL.pdf (дата обращения: 17.04.2025).
24. PwC. Public Listed Companies (“PLC”) in Viet Nam: The state of ESG commitment and Sustainability reporting [Электронный ресурс]. – 2023. – URL: <https://www.pwc.com/vn/en/publications/2023/esg-readiness-sustainability-plc.pdf> (дата обращения: 17.04.2025).
25. ARC Group. Navigating ESG Trends in Vietnam: Progress and Challenges [Электронный ресурс]. – 2024. – URL: <https://arc-group.com/esg-trends-vietnam/> (дата обращения: 17.04.2025).
26. Vietstock [Электронный ресурс]. – URL: <https://vietstock.vn/chung-khoan/co-phieu.htm> (дата обращения: 17.04.2025).
27. Vinamilk. Sustainability Report 2023 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vinamilk.com.vn/phat-trien-ben-vung/bao-cai/2023/pdf/RGB-ENG-Vinamilk-SR-2023.pdf> (дата обращения: 17.04.2025).
28. VinGroup. Sustainability Report 2023 [Электронный ресурс]. – URL: https://ircdn.vingroup.net/storage/Uploads/Phat%20trien%20ben%20vung/2023%20VGR%20Sustainability%20Report_En.pdf (дата обращения: 17.04.2025).
29. Masan Group. Annual Report 2023 [Электронный ресурс]. – URL: <https://masangroup-cms-production.s3-ap-southeast-1.amazonaws.com/iblock/aae/aae2bc9840592271>

9232ac4bb2e1fbc3/9034b2be9c42a1a86f4189b49
27bdcea.pdf (дата обращения: 17.04.2025).
30. Hoa Phat Group. Annual Report 2023 [Элек-
тронный ресурс]. – URL:

[https://file.hoaphat.com.vn/hoaphat-com-
vn/2024/07/bctn2022-e1-7.pdf](https://file.hoaphat.com.vn/hoaphat-com-vn/2024/07/bctn2022-e1-7.pdf) (дата обращения:
17.04.2025).

© Фам Ву Туиет Нга, Искаков М. Р., 2025

УДК 334.012.64

ЦИФРОВИЗАЦИЯ БИЗНЕСА: ПОНЯТИЕ, ОСНОВНЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ВЛИЯНИЕ НА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ БИЗНЕСА

EDN WDTYLS

Фам Чан Бак
Фам Ву Тунет Нга
Е. В. Терелецкова

*Студенты,
Кандидат социологических наук, доцент,
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*

DIGITALIZATION OF BUSINESS: CONCEPT, MAIN MODERN TRENDS AND IMPACT ON BUSINESS COMPETITIVENESS

Pham Tran Bac
Pham Vu Tuyet Nga
E. V. Tereletska

*Students,
Candidate in Sociological Sciences,
Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. In today's business environment, digital technologies play a crucial role in shaping the development of companies and optimizing operational processes. The introduction of new digital tools increases efficiency, simplifies work processes and improves customer interaction, which ultimately strengthens the company's position in the market. In an increasingly competitive environment, digitalization is becoming a key factor in maintaining and strengthening competitive advantages. In recent years, the digital transformation of small and medium-sized businesses has become a global priority. Companies that actively integrate technological innovations gain greater flexibility and resilience to changes in the market environment [1]. The more a business invests in digital tools, the higher its ability to compete in a dynamically developing economy.

Keywords: business digitalization; digital transformation; competitiveness; technological innovation; digital technologies.

Современные реалии таковы, что «на наших глазах происходит смена кадровых ориентиров в различных сферах, и прежде всего в тех отраслях экономики, которые ориентированы на поиски новых ресурсов, на инновации, и формирование цифровой среды» [6, с. 97]. Успех любой компании связан в первую очередь с профессиональной командой работников и их мотивацией на достижение целей организации. Цифровизация, в свою очередь, является тем инструментом, который помогает более эффективно и грамотно решать текущие задачи.

Исследование PwC показывает, что одни руководители рассматривают цифровую трансформацию как мощный инструмент для увеличения доходов, тогда как другие акцентируют внимание на ее способности обеспечивать долгосрочную экономию затрат [24]. Несмотря на разные подходы, существует общее понимание

того, что цифровизация – это не просто конкурентное преимущество, а необходимость для устойчивого развития в современном рынке. Использование цифровых технологий открывает перед компаниями новые возможности, укрепляет их рыночные позиции и способствует формированию более инновационного и устойчивого будущего.

Целью данной статьи является рассмотрение использования цифровизации бизнеса и ее влияния на повышение конкурентоспособности компаний в России.

Основными методами исследования, использованными при разработке, являются условный анализ, метод сравнения, метод анализа и синтеза, интуитивный и системный подход.

Цифровизация представляет собой системную интеграцию цифровых технологий во все сферы бизнеса, приводящую к фундаментальным изменениям в органи-

зационных процессах, конкурентной среде и экономических структурах [21; 17]. Это не просто внедрение цифровых инструментов, а комплексная перестройка отраслей, институтов и общества посредством цифрового распространения [23].

Как ключевой фактор корпоративных изменений, цифровизация способствует постоянной взаимосвязи между секторами бизнеса, требуя от организаций адаптации к изменяющимся условиям цифровой экономики [20]. Этот процесс ускоряет бизнес-деятельность, повышает операционную эффективность и трансформирует взаимоотношения с клиентами и сотрудниками за счет передовых технологий, таких как облачные вычисления, аналитика больших данных и Интернет вещей (IoT) [15].

«Бизнес-управление с акцентом на эффективность процессов в компании в эпоху цифровых технологий предполагает стратегическое управление, целью которого является максимизация результативности каждого аспекта работы предприятия путем применения инновационных технологий и передовых управленческих практик. В его рамках решается множество вопросов от планирования до контроля и эффективного распределения ресурсов в целях достижения стратегических задач. В эру цифровизации бизнес-управление также включает углубленную работу с клиентами и партнерами через цифровые каналы связи, обеспечивая сбор и анализ данных о потребителях для более точной настройки товаров и услуг под их нужды» [1, с. 42].

В то время как цифровая трансформация охватывает более широкие общественные изменения, цифровизация ориентирована именно на бизнес, позволяя компаниям создавать новые продукты, услуги и бизнес-модели, открывая беспрецедентные возможности для роста и инноваций [17].

Цифровая трансформация играет ключевую роль в повышении конкурентоспособности компаний, способствуя росту эффективности, внедрению инноваций и

адаптации к динамичным условиям рынка. Преобразование корпоративной культуры и управленческих процессов позволяет предприятиям внедрять более гибкие и основанные на данных подходы, что ускоряет принятие решений и улучшает взаимодействие с клиентами. Как отмечает Лобанова З. И., цифровое предпринимательство не только открывает новые рыночные возможности, но и укрепляет позиции компании, позволяя использовать технологии для устойчивого роста [3].

Влияние цифровизации на конкурентоспособность можно рассматривать как с внешней, так и с внутренней точки зрения. На уровне отрасли цифровизация трансформирует конкурентную среду, создавая новые возможности и усиливая соперничество между компаниями. В этих условиях предприятиям необходимо постоянно адаптироваться к изменяющимся рыночным условиям и активно использовать технологии для поддержания актуальности.

Внутренние преобразования, связанные с цифровой трансформацией, способствуют повышению операционной эффективности, стимулируют инновации и улучшают качество принимаемых решений за счет анализа данных. Компании, эффективно интегрирующие цифровые технологии, получают возможность повысить производительность, снизить издержки и предлагать более персонализированные продукты и услуги, что обеспечивает им значительное конкурентное преимущество [2].

Примером успешного влияния цифровой трансформации на конкурентоспособность является банковский сектор. Исследование вьетнамских банков показало, что цифровые инициативы не только способствуют сокращению операционных затрат, но и позволяют диверсифицировать источники доходов за счет внедрения новых финансовых продуктов и услуг, что в конечном итоге повышает общую рентабельность [14].

Внедрение современных цифровых технологий является ключевым элементом цифровизации бизнеса, предлагая инновационные решения для автоматизации и оптимизации. Компании в различных отраслях используют эти технологии для повышения операционной эффективности, оптимизации рабочих процессов и улучшения процесса принятия решений. Среди наиболее значимых цифровых решений можно выделить:

ERP-системы – системы управления ресурсами предприятия (Enterprise Resource Planning, ERP) автоматизируют управление ресурсами, контроль запасов, логистику и финансовые операции, что позволяет бизнесу оптимизировать внутренние процессы и повышать эффективность [7].

Облачные технологии – облачные вычисления обеспечивают доступность, безопасность и гибкость данных, позволяя компаниям поддерживать удаленную работу и масштабируемую инфраструктуру [16].

Big Data и аналитика – продвинутые методы анализа данных позволяют компаниям обрабатывать большие объемы информации, прогнозировать рыночные тенденции и принимать обоснованные стратегические решения [1].

Искусственный интеллект (AI) и чат-боты – решения на основе AI автоматизируют обслуживание клиентов, персонализируют взаимодействие с пользователями и улучшают общий клиентский опыт [20].

Цифровой маркетинг – стратегии цифрового маркетинга, включая поисковую оптимизацию (SEO), таргетированную рекламу, email-кампании и продвижение в социальных сетях, расширяют охват рынка и повышают узнаваемость бренда [8].

Интернет вещей (IoT) – технологии IoT обеспечивают мониторинг процессов в режиме реального времени и автоматизацию, повышая операционную эффективность в таких отраслях, как производство, логистика и ритейл [13].

Можно с уверенностью сказать, что успешная интеграция цифровых технологий дает компаниям конкурентное пре-

имущество за счет повышения эффективности процессов, снижения операционных расходов и повышения вовлеченности клиентов. Компании, инвестирующие в ERP-системы, искусственный интеллект и аналитику данных, получают возможность оптимизировать рабочие процессы, прогнозировать тенденции рынка и предоставлять персонализированные услуги, что в конечном итоге приводит к повышению удовлетворенности клиентов и долгосрочному росту.

Уровень цифровизации предприятия существенно влияет на его способность конкурировать на рынке. Истомина А. и др. отмечают, что цифровые технологии становятся не только ключевым фактором повышения конкурентных преимуществ отдельных компаний, но и важным элементом экономического развития макро-регионов [16].

Кроме того, инновации, основанные на цифровых технологиях, выступают основным драйвером конкурентоспособности. Хавриш О. и Карпенко И. подчеркивают, что «внедрение инновационных стратегий позволяет предприятиям эффективно адаптироваться к динамичным рыночным условиям и занимать лидирующие позиции» [12]. В этом контексте исследование Славкова М. демонстрирует, что «цифровое управление инновациями способствует устойчивому развитию бизнеса, обеспечивая его долгосрочные конкурентные преимущества» [2].

Цифровая трансформация оказывает влияние не только на деятельность отдельных предприятий, но и на макроэкономическую стабильность. Цифровые технологии, особенно в сфере финансов и экономики, служат фундаментом для долгосрочного экономического роста и укрепления конкурентоспособности национальных экономик [19; 10].

Библиографический список

1. Галимова А. Ш., Мухаметшина Г. Р. Цифровая трансформация предпринимательских струк-

- тур: монография / А. Ш. Галимова, Г. Р. Мухаметшина. – Уфа: РИЦ УУНИТ, 2024. – 191 с.
2. Исследование Т-Бизнеса: китайцы стали чаще регистрировать онлайн-бизнес в России // Тбанк. 2025. URL: <https://www.tbank.ru/about/news/07022025-t-business-research-chinese-more-often-register-online-businesses-in-russia>
 3. Лобанова З. И. Развитие цифрового предпринимательства как фактор повышения конкурентоспособности фирмы // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2019. № 3(101). С. 52–58. EDN ELUVBC.
 4. Рейтинги регионов России по развитию информационных технологий // TAdviser. 2025.
 5. Филонов Д. Железные данные: как промышленники дают заработать IT-компаниям // Forbes. 2015. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/tekhnika-i-biznes/306575-zheleznye-dannye-kak-promyshlenniki-dayut-zarabotat-vysokotekhn>
 6. Ягафарова, И. М. Вопросы подготовки кадров в условиях становления цифровой среды современной экономики / И. М. Ягафарова, Е. В. Терелецкова // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. – 2018. – № 1. – С. 96–100.
 7. Ashton K. That ‘Internet of Things’ Thing // RFID Journal. 2009.
 8. Bobryshev Ye. The influence of financial technologies on the stability of the national economy // Financial Analytics: Problems and Solutions. 2023. Vol. 16, No. 1. Pp. 23–34.
 9. Bryanski G., Fabrichnaya E. Russia will boost AI clout despite West's sanctions, Sberbank first deputy CEO says // Reuters. 2024. URL: <https://www.reuters.com/technology/artificial-intelligence/russia-will-boost-global-ai-clout-despite-western-sanctions-sberbank-first-2024-12-12/>
 10. Data Insight: оборот рынка e-commerce в России превысит 10 трлн рублей в 2024 году // Моллы. 2024. URL: <https://www.malls.ru/rus/news/data-insight-oborot-rynka-e-commerce-v-rossii-prevysit-10-trln-rublej-v-2024-godu.shtml>
 11. Data Insight: в 2024 году оборот рынка e-commerce в РФ превысит 10 трлн рублей // Коммерсантъ. 2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7248916>
 12. Havrysh O., Karpenko I. Innovations as an imperative for the competitiveness of multinationals on the global markets // International Economics. 2023. Vol. 16, No. 2. Pp. 56–68.
 13. Humeniuk I. The impact of information technologies on the state's economy // Economics and Forecasting. 2023. No. 1. Pp. 112–125.
 14. Chaffey D., Ellis-Chadwick F. Digital Marketing: Strategy, Implementation and Practice. Pearson. 2019.
 15. Chen H., Chiang R. H. L., Storey V. C. Business Intelligence and Analytics: From Big Data to Big Impact // MIS Quarterly. 2012. Vol. 36, No. 4. Pp. 1165–1188.
 16. Istomina A., Vinogradova M., Lukyanova A., Dobrovolskaya O., Prodanova N. Leadership in the digital age: a new strategy for the competitiveness of countries and macro regions // Revista Espacios. 2020. Vol. 41, No. 07. Pp. 21–38.
 17. Kaplan A., Haenlein M. Siri in my hand, who's the fairest in the land? On the Interpretations, Illustrations, and Implications of Artificial Intelligence // Business Horizons. 2019. Vol. 62, No. 1. Pp. 15–25.
 18. Kiel D., Arnold C., Collisi M., Voigt K. I. The impact of the industrial internet of things on established business models // Proceedings of the International Association for Management of Technology (IAMOT). 2016. May 15–19. Pp. 673–695.
 19. Marketplaces' Year in Review: Regions Are Key Drivers of Online Trade Growth // Тбанк. 2024. URL: <https://www.tbank.ru/about/news/26022025-marketplaces-year-in-review-regions-are-key-drivers-of-e-commerce-growth/>
 20. Marston S., Li Z., Bandyopadhyay S., Zhang J., Ghalsasi A. Cloud computing – The business perspective // Decision Support Systems. 2011. Vol. 51, No. 1. Pp. 176–18
 21. Nguyen Q.T.T., Ho L.T.H., Nguyen D.T. Digitalization and bank profitability: evidence from an emerging country // International Journal of Bank Marketing. 2023. Vol. 41, No. 7. Pp. 1847–1871. <https://doi.org/10.1108/IJBM-03-2023-0156>
 22. Romero D., Vernadat F. Enterprise Information Systems State of the Art: Past, Present and Future Trends // Computers in Industry. 2016. Vol. 79. Pp. 3–13.
 23. Unruh G., Kiron D. Digital Transformation on Purpose // MIT Sloan Management Review. 2017. URL: <http://sloanreview.mit.edu/article/digital-transformation-on-purpose/>.
 24. Xie Y., Song Z. A Preliminary Study on the Impact of Digital Transformation on Enterprise Competitive Advantage // Transactions on Economics, Business and Management Research. 2024. Vol. 12. Pp. 65–78. <https://doi.org/10.62051/zcjc6x82>.

© Фам Чан Бак, Фам Ву Туиет Нга, Терелецкова Е. В., 2025

УДК 658.8

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ МАРКЕТИНГОВОЙ
КАМПАНИИ В СФЕРЕ УСЛУГ: ПОДХОДЫ, ИНСТРУМЕНТЫ
И ВЛИЯНИЕ НА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

EDN WDVCLN

А. А. Хакимова
Е. В. Терелецкова

*Студентка,
кандидат социологических наук, доцент,
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*

SOCIAL RESPONSIBILITY AS AN ELEMENT OF A MARKETING CAMPAIGN
IN THE SERVICE SECTOR: APPROACHES, TOOLS, AND IMPACT
ON CONSUMER BEHAVIOR

A. A. Khakimova
E. V. Tereletskova

*Student,
Candidate of Agricultural Sciences,
Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. The article explores current approaches to integrating social responsibility into marketing campaigns in the service sector. Special attention is paid to the impact of CSR on consumer behavior, brand trust, and service choice, along with the analysis of effective tools of socially responsible marketing.

Keywords: social responsibility; service marketing; brand; consumer behavior; social advertising; trust; CSR.

В секторе услуг, где качество нельзя потрогать руками, особенно важно доверие. Это доверие невозможно выстроить только рекламой и скидками. Но вместо системной работы с социальной повесткой, компании нередко ограничиваются мимолётными акциями. Кто-то отчитывается о разовой благотворительной помощи, кто-то – о корпоративном субботнике. За этим нередко скрывается непонимание сути самой идеи социальной ответственности.

В отличие от промышленного сектора, где КСО уже встроена в стандарты устойчивого развития и отчётности, сервисный бизнес всё ещё отчасти живёт в парадигме PR-кампаний. Это не вина бизнеса как такового, а результат слабой институциональной среды. Российские компании не обязаны публиковать нефинансовую отчётность. Уровень обязательств формирует логика «а нужно ли вообще?». В 2024 году только 17% российских сервисных компаний регулярно обновляли информацию о социальных проектах в публичном доступе [3].

При этом сама идея КСО, если вернуться к её истокам, появилась не как модный тренд. Исследования Ховарда Боуэна в 1950-х задали тон: бизнес должен действовать в интересах общества и быть морально ответственным перед ним. В российской трактовке до сих пор доминирует представление о социальной ответственности как о варианте добровольной помощи. Между тем ISO 26000 называет КСО обязанностью компаний учитывать последствия своей деятельности для общества и природы, действуя прозрачно, этично и в интересах устойчивого развития [3].

Пока у нас это определение чаще звучит на форумах и в докладах, чем реализуется в рабочих процессах. И это ведёт к главной проблеме: потребитель не верит в искренность социальной активности компаний. Он чувствует, когда забота становится частью маркетинга, а когда – чистой формальностью. Такая разорванность между риторикой и действием разрушает даже хорошие инициативы.

Когда социальная ответственность перестаёт быть утяжелённым дополнением бизнес-стратегии и становится её органичной частью, рождается мощный маркетинговый инструмент – социально-этический маркетинг. Это больше, чем реклама с красивыми лицами и лозунгами. Это подход, в котором бренд живёт в том же мире, что и его потребитель, разделяет с ним тревоги и желания, реагирует на вызовы вместе с ним.

Сфера услуг – идеальная почва для таких стратегий. Ведь именно здесь клиент чаще сталкивается не с продуктом, а с отношением. Банки, клиники, образовательные платформы, страховые компании – все они строят взаимодействие с клиентом не на уровне «товар-деньги», а «внимание-доверие». И вот тут начинается игра всерьёз.

Социальная реклама в таких условиях – не просто формат, а средство идентификации. Кампания «Делай добро» бренда «Добрый» стала примером, когда социальная инициатива стала неотделимой от самого продукта [7]. Поддержка детей-сирот, интегрированная в упаковку и коммуникацию бренда, позволила компании сформировать мощную эмоциональную связь с аудиторией.

Важно подчеркнуть: социальная реклама работает не потому, что «так надо», а потому что она цепляет. Согласно данным, ВЦИОМ, 43 % россиян в 2023 году вспоминали хотя бы один пример социальной рекламы, увиденной за год [7]. Причём женщины чаще не просто замечали такую рекламу, но и запоминали её содержание. Это означает, что такие сообщения находят отклик.

Актуальность социально-этического подхода в России особенно заметна в региональном контексте. Исследование 2024 года показывает, что социальная ответственность компаний в регионах начинает восприниматься не как благотворительность, а как часть долгосрочной стратегии [2]. Например, участие компании в разви-

тии городской инфраструктуры, создание стипендиальных фондов, поддержка инициатив в сфере образования – всё это становится маркером зрелости бизнеса и усиливает его влияние на поведение потребителя.

Компании, которые действительно понимают, как работает социально ориентированный маркетинг, начинают использовать его как систему. И в этой системе реклама – это не крик в пустоту, а аккуратный, точный диалог с обществом.

Привлекательный бренд уже давно не тот, у кого больше билбордов. Это тот, чьё лицо не вызывает отторжения, а вызывает эмпатию. Именно эту связку – «эмоции – доверие – выбор» – и обеспечивает грамотная социальная ответственность. Особенно в сфере услуг, где продукты неосвязаемы, а ощущение заботы играет решающую роль.

Анализ показывает: восприятие социальной ответственности компании напрямую влияет на намерения совершать покупки, уровень лояльности и готовность рекомендовать бренд другим [4]. Более того, такие оценки устойчивы: если клиент поверил в бренд как в «хорошего игрока», вернуть его доверие при утрате репутации будет почти невозможно.

Показательно исследование 2024 года, в котором изучались восприятия бренда у клиентов, осведомлённых о его социальных инициативах. Более 60 % таких потребителей признавали, что воспринимают бренд как «близкий по ценностям» [1]. Это не просто имидж – это переход на уровень культурной близости.

Сервисные компании, которые используют социальную ответственность не только вовне, но и вовнутрь, получают важный бонус – повышение доверия к самим процессам обслуживания. Например, банки, заявляющие о своей миссии повышения финансовой грамотности, не только расширяют клиентскую базу, но и получают более подготовленного и лояльного потребителя. Страховые компании,

участвующие в социальной защите, вызывают не раздражение, а понимание. В этом и есть сила КСО в услугах: она меняет интонацию диалога.

Стоит отметить, что сегодня запрос на КСО идёт не только от клиентов, но и от сотрудников. Исследования показывают, что уровень вовлечённости персонала значительно выше в компаниях, реализующих внутренние социальные программы [3]. На сегодняшний день все больше российских компаний внедряют в свою систему управления персоналом технологии health-management, well-being [5]. Такие программы как инструмент управления эффективностью персонала организации способствуют повышению показателей работоспособности, производительности, лояльности персонала к организации. Это особенно важно в сфере услуг, где «человеческий фактор» – главный носитель качества.

Социальная ответственность становится своего рода гарантом долгосрочных отношений: между клиентом, обществом и работниками. И чем раньше компания это поймёт, тем быстрее превратит КСО из красивой витрины в ресурс роста.

Библиографический список

1. Анофриков Д. О. Влияние корпоративной социальной ответственности на продвижение бренда организации / Д. О. Анофриков // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2024. – Т. 13, № 2. – С. 63–67. – DOI 10.24412/2225-8264-2024-2-797.
2. Барабанов А. А., Дегтерева В. А., Лихтин А. А. Социально-этический маркетинг как перспективное направление развития социальной ответственности бизнеса в регионе // Вестник Академии знаний. – 2024. – № 3(62). – С. 58–64.
3. Субеев Р. Т., Коротаева Т. В. Корпоративная социальная ответственность как социальное явление // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2023. – № 1(77). – С. 204–208.
4. Чжао Ц. Взаимосвязь корпоративной социальной ответственности компании и потребительской оценки бренда / Ц. Чжао // Информация–Коммуникация–Общество. – 2023. – Т. 1. – С. 398–402.
5. Терелецкова, Е. В. Health-management как один из элементов обеспечения социально-экономической безопасности предприятия / Е. В. Терелецкова, И. И. Шакирова // Экономическая безопасность: проблемы, перспективы, тенденции развития : материалы VII Международной научно-практической конференции, Пермь, 19 мая 2021 года. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. – С. 327–332.
6. Терелецкова, Е. В. Well-being технологии как инструмент управления эффективностью персонала / Е. В. Терелецкова, А. С. Уланова // Научный аспект. – 2024. – Т. 5, № 1. – С. 564–570.
7. Шарапов Р. О., Астахин А. С., Воронов А. А. Социальная реклама как инструмент социально ответственного маркетинга // Экономика устойчивого развития. – 2024. – № 1(57). – С. 297–303.
1. Анофриков Д. О. Влияние корпоративной социальной ответственности на продвижение бренда организации / Д. О. Анофриков //

© Хакимова А. А., Терелецкова Е. В., 2025

УДК 338

БИЗНЕС-ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

EDN WMPBUL

Ш. Ф. Хоч
А. Ш. Галимова*Студентка,
кандидат экономических наук, доцент,
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия***BUSINESS PROCESSES IN THE CONDITIONS OF THE DIGITAL ECONOMY****Sh. F. Hoch**
A. Sh. Galimova*Student,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. The article discusses the important role of management systems for commercial organizations in the context of the digital economy. It emphasizes the latest approaches that can assist in the effective functioning of commercial organizations. Additionally, the concept of digitalization is examined. The necessity of transitioning from classical management methods to more adaptive ones is highlighted, as well as the importance of enhancing the competitive capabilities of commercial organizations.

Keywords: commercial organizations; management methods; competition; approaches; technological progress; digital economy; digitalization; business processes; optimization.

Важно отметить, что цифровой экономике принадлежит значительная роль в системе управления коммерческой организацией. Благодаря цифровой экономике появились возможности, с помощью которых деятельность коммерческих организаций становится эффективнее, и приносит хорошие результаты. Кроме того, предложенные пути во многом способствуют ведению бизнеса. В настоящее время в России отмечается технологический прогресс, многие организации осуществляют свою деятельность, следуя новым правилам. Это необходимо для того, чтобы подходить под все требования, что диктует экономика страны. Важно отметить, что успешная деятельность коммерческих организаций и дальнейшие перспективы зависят от того, как руководители внедряют свои бизнес-проекты в условиях цифровой экономики. Разумеется, без инструментов цифровизации сегодня не справиться. При помощи этих инструментов руководители коммерческих организаций достаточно быстро решают важные задачи. Основу инструментов цифро-

визации составляют технологии. Речь идет об искусственном интеллекте и его способности работать с большими объемами данных. Для того, чтобы коммерческие организации могли управлять бизнес-процессами в условиях развития цифровой экономики, нужно акцентировать внимание на их практику, это позволит не допустить ошибок. Необходимо заменить классические методы управления на более современные, чтобы адаптироваться под новые условия. Это даст возможность коммерческим организациям вполне успешно конкурировать с другими организациями, и сохранять свою экономическую стабильность на протяжении долгого времени. Очень значимо проанализировать всю систему управления коммерческими организациями в условиях развития цифровой экономики [1].

Насколько известно, цифровая экономика совершенствует все традиционные методы по осуществлению деятельности, это позволяет успешно использовать современные подходы для управления бизнес-процессами для тех коммерческих ор-

ганизаций, которые стремятся свою конкурентоспособность вывести на более высокий уровень, помогают адаптироваться к непростым экономическим условиям. В деятельности коммерческих организаций ведущая роль принадлежит планированию. На старте своей деятельности коммерческим организациям нужно составить план, определить цели и задачи. Важно провести мониторинговые мероприятия, которые помогут выявить, какие есть проблемы в деятельности коммерческих организаций, и как можно их решить в условиях развития цифровой экономики.

Важно разобраться, что представляет собой бизнес-процесс. Бизнес-процесс – это порядок взаимосвязанных между собой действий для достижения всех поставленных задач. Бизнес-процессы содержат множество аспектов ведения бизнеса. Эффективное управление бизнес-процессами помогает коммерческим организациям на более высоком уровне оказывать услуги своим клиентам [5].

Все классические методы по управлению, которыми ранее руководствовались коммерческие организации, в настоящее время утратили эффективность по причине того, что экономика в РФ перешла на новый уровень своего развития, она стала цифровой. И появившиеся новшества в деятельности коммерческих организаций можно объяснить многоуровневой системой рынка вместе с ведением конкуренции. Эти новшества позволяют коммерческим организациям оперативно подстроиться под инновации для дальнейшего принятия решений.

Основу управления бизнес-процессами в цифровой экономике составляет автоматизация. Она помогает решать непростые задачи, ограждает от совершения ошибок, экономит время [9]. А также сокращает операционные расходы, что дает возможность сохраненную часть ресурсов направить на решение других задач.

Немаловажная роль в управлении бизнес-процессами коммерческих организаций принадлежит аналитике. Сбор и ана-

лиз информации помогает компаниям понять, что конкретно хотят их клиенты, они составляют прогноз их потребностей, соотносят свои продукты и услуги с качеством своих предложений, и после этого принимают обоснованное решение [6].

В своей деятельности коммерческим организациям необходимо внедрять цифровые технологии для улучшения организационной культуры. Культура новшеств, подготовка к переменам помогает успешно применить стратегию по управлению коммерческими организациями в условиях развития цифровой экономики. И чтобы сотрудники активно участвовали в изменениях деятельности компаний, надо обеспечить все необходимые условия, в которых они беспрепятственно смогут повышать свою квалификацию. Необходимо всех сотрудников коммерческих организаций поощрять за проявленную инициативу, связанную с улучшением бизнес-процессов.

Самый распространенный метод в системе управления бизнес-процессами – это Agile. Он отличается своей гибкостью. Потому что, благодаря ему, сотрудники коммерческих организаций могут быстро приспособиться ко всем изменениям, а также полностью сосредоточиться на постоянных поставках продукции для своих клиентов. Кроме того, применение Agile вместе с цифровыми инструментами помогает с успехом решить все поставленные задачи, а деятельность организаций сделать особенно прозрачной [7].

Для любой организации важное значение имеет объединение с внешними партнерами. Совершенствование экономической системы организаций помогает успешно обмениваться ресурсами с другими организациями, все бизнес-процессы делает более эффективными. Партнерские отношения продукцию организаций выводят на новый уровень. Сегодня коммерческим организациям нужно обратить внимание на кибербезопасность, потому что в связи с ростом цифровизации существенно возрастает риск утечки данных. Поэтому так важно установить систему

безопасности над всеми бизнес-процессами, чтобы коммерческие организации могли более эффективно функционировать. Прозрачные протоколы безопасности не просто обеспечивают сохранение данных, но и устанавливают доверительное отношение со стороны клиентов и партнеров, а это – залог успеха деятельности коммерческих организаций в условиях цифровой экономики.

У каждой коммерческой организации должна быть обратная связь с клиентами. Это поможет своевременно реагировать на все поступающие запросы и вносить свои предложения по осуществлению деятельности в условиях цифровой экономики. Нужно проводить встречи с клиентами, чтобы выявить их потребности, и продукты сделать более качественными [7].

Таким образом, мы видим, что система управления коммерческими организациями в условиях развития цифровой экономики – сложный многоуровневый процесс, который нуждается в инновационных подходах с использованием цифровых технологий [8]. Чтобы добиться успеха в своей деятельности, необходимо выбирать технологии, которые помогут вывести на более высокий уровень культуру той или иной коммерческой организации. Всем сотрудникам коммерческих организаций нужно проявлять инициативу в партнерских отношениях с другими организациями – все это поможет добиться значительного успеха в своей деятельности и с легкостью адаптироваться к новым условиям [2].

Библиографический список

1. Амелин С. В., Щетинина И. В. Организация производства в условиях цифровой экономики // Организатор производства. 2018. Т. 26. № 4. С. 7–18.
2. Всемирное исследование DigitalIQ за 2019 год. Цифровое десятилетие. В ногу со временем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pwe.ru/ru/publications/global-digital-iqsurvey-rus.pdf> (дата обращения: 26.02.2025 г.)
3. Гибадуллина Л. И., Галимова А. Ш. Проблемы правового регулирования онлайн-предпринимательства в современной России // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2024. – № 11-2 (117). – С. 51–53.
4. Косарева И. Н., Самарина В. П. Применение процессного подхода к управлению промышленным предприятием: преимущества и недостатки // Экономика и управление народным хозяйством: генезис, современное состояние и перспективы развития: материалы II Международной научно-практической конференции, 15 ноября 2018 г.: в 2 частях / Воронежский экономико-правовой институт, Орловский филиал Финуниверситета. – Воронеж, 2018. Ч. 1. С. 173–177.
5. Курбанов А. Х., Курбанов Т. Х., Лучкин С. В. Цифровые логистические технологии: возможные перспективы и риски внедрения в цепи поставок // Логистика. 2018. № 10. С. 32–36.
6. Маркова В. Д. Влияние цифровой экономики на бизнес // ЭКО. 2018. № 12. С. 7–22.
7. Плотников В. А. Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. № 4 (112). С. 16–24.
8. Тхакахова З. З., Текушева А. А. Цифровая экономика и ее роль в управлении // В сборнике: национальные экономические системы в контексте формирования цифровой экономики. Материалы международной научнопрактической конференции. 2019. С. 184–189.
9. Ableeva A. M., Salimova G. A., Farrahettinova A., Galimova A., Gabidullina G., Galimova E. A balanced scorecard system as a character of the enterprise's financial stability // International Journal of Intelligent Enterprise. 2024. Т. 11. № 1. С. 21–32.

© Хоч Ш. Ф., Галимова А. Ш., 2025

УДК 658.5

**ВЗАИМОСВЯЗЬ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ:
ВЛИЯНИЕ ESG-ПРИНЦИПОВ НА СТРАТЕГИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ КОМПАНИЙ**

EDN WORCSR

**Д. Р. Шафикова
М. Р. Искаков**

*Студентка, e-mail: shaficova@inbox.ru,
ассистент, e-mail: marat.iskakov1995@yandex.ru,
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*

**THE RELATIONSHIP BETWEEN CORPORATE GOVERNANCE
AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT:
THE IMPACT OF ESG PRINCIPLES ON THE STRATEGIC DEVELOPMENT
OF COMPANIES**

**D. R. Shaficova
M. R. Iskakov**

*Student,
Assistant,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. The article explores the impact of ESG principles on the strategic development of companies in the context of corporate governance transformation. It analyzes key barriers to ESG implementation: greenwashing, high costs, and lack of mandatory reporting standards. Data on ESG's influence on investment attractiveness is presented, including a case study of Gazprom. A comparison of ESG regulation in the EU, USA, and Russia is conducted. The scientific novelty lies in the systematization of factors hindering effective ESG strategies. Conclusions are drawn on the prospects for ESG in Russia and recommendations for strengthening regulatory frameworks are offered.

Keywords: corporate governance; sustainable development; ESG principles; investments; greenwashing; strategic development; regulation; reporting; ESG strategies; Russia.

Введение.

Рост общественного запроса на экологическую и социальную ответственность бизнеса, а также ужесточение международных регуляторных требований трансформируют корпоративное управление в сторону устойчивого развития. Компании всё чаще заявляют о приверженности ESG-принципам, однако реальная глубина этих изменений остаётся под вопросом. Возникает необходимость в анализе: насколько ESG влияет на стратегическое развитие и инвестиционную устойчивость компаний?

Актуальность темы статьи обусловлена множеством факторов. Во-первых, в условиях современных глобальных изменений, таких как климатические кризисы, быстрое развитие технологий и социальные трансформации, необходимо анали-

зировать новые подходы и инновации. Во-вторых, изучение рассматриваемой проблемы позволяет выявить важные тенденции и механизмы, влияющие на общество и экономику. Третьим фактором является потребность в научных исследованиях для разработки эффективных решений, способствующих устойчивому развитию. В-четвертых, статья способствует расширению знаний в данной области, что важно для профессионалов и исследователей. Таким образом, актуальность исследования не вызывает сомнений и подчеркивает его значение для практики и науки.

Научная проблема статьи касается недостаточной прозрачности взаимосвязи между корпоративным управлением и устойчивым развитием. В условиях глобальных вызовов, таких как изменение климата и социальное неравенство, ком-

пании все чаще стремятся интегрировать ESG-принципы в свою стратегию. Однако, несмотря на растущий интерес к этой теме, существует дефицит эмпирических данных, исследующих, как именно принципы ESG влияют на стратегическое развитие компаний.

Другая проблема заключается в том, что многие организации воспринимают устойчивое развитие как второстепенный аспект, а не как ключевой элемент корпоративной стратегии. Это приводит к оптимальному управлению ресурсами и упущенным возможностям для создания долгосрочной ценности. Исследование этой взаимосвязи позволит выявить, как ESG-принципы могут служить катализатором для более эффективного корпоративного управления и устойчивого роста.

Цель исследования – выявить влияние ESG-принципов на стратегическое развитие компаний в условиях усложнения регулирования и роста общественного запроса на устойчивость.

Задачи исследования:

- проанализировать риски и барьеры внедрения ESG;
- исследовать влияние ESG на инвестиционную привлекательность компаний;
- сопоставить международные и российские подходы к ESG-отчётности;

Гипотеза исследования: интеграция ESG-принципов напрямую влияет на инвестиционную привлекательность и устойчивость стратегических решений компаний.

Теоретические основы: ESG и корпоративное управление.

Концепция ESG (Environmental, Social, Governance) представляет собой совокупность критериев, отражающих не только экономическую эффективность компании, но и её экологическую ответственность, социальную устойчивость и уровень управленческой зрелости. ESG давно вышел за пределы экологической тематики,

превратившись в фактор долгосрочной капитализации и инвестиционной стабильности [7].

Исследование Эскиева и Кошукоева показывает, что устойчивое развитие невозможно без качественного корпоративного управления, способного учитывать экологические и социальные риски при формировании стратегии [6]. В свою очередь, устойчивое управление требует адаптации системы KPI, трансформации организационной культуры и привязки мотивации менеджмента к достижению ESG-результатов.

Методология: использовались методы контент-анализа открытых источников, сравнительный анализ регуляторных практик в ЕС, США и РФ, а также кейс-анализ корпоративных ESG-стратегий. Анализ охватил более 25 открытых источников, включая нефинансовую отчётность, аналитические обзоры и нормативные документы. В кейс-анализе применялась структура: декларируемая ESG-стратегия – внешние вызовы – фактические действия – последствия.

Метод анализа в статье включает в себя системный подход, сочетая теоретические и эмпирические исследования. Основными объектами анализа являются компании, внедряющие ESG-принципы, а также их влияние на корпоративное управление и устойчивое развитие.

Источники данных охватывают научные статьи, отчеты компаний по устойчивому развитию, а также публикации аналитических агентств. Это обеспечивает широкий спектр информации для исследования.

Критерии анализа включают оценку эффективности внедрения ESG-принципов, их влияние на экономические показатели компаний, а также социальные и экологические результаты. Установленные критерии помогают выявить взаимосвязь между корпоративным управлением и устойчивым развитием, а также оценить стратегическое значение ESG для компаний.

Барьеры внедрения ESG: от деклараций к практике.

Несмотря на активное продвижение ESG-стандартов, компании сталкиваются с рядом препятствий. Наиболее очевидны три: высокие затраты, сложные требования к отчётности и распространённая практика гринвошинга – когда устойчивое развитие существует только в отчётах, но не в действиях [8].

Согласно данным Deloitte, внедрение ESG-инструментов обходится крупным корпорациям в 2–5 % от оборота, а для среднего бизнеса – до 15 % от прибыли [7]. Это сдерживает реальное распространение ESG, особенно в развивающихся экономиках. Примером гринвошинга стал скандал с фондом DWS (Deutsche Bank), который в 2022 году заявил о масштабной реализации ESG-инициатив, но после расследования выяснилось, что до 50 % активов не соответствовали заявленным критериям, что привело к оттоку инвестиций на 10 млрд долларов [10]. Однако борьба с

гринвошингом ведётся по трём основным направлениям:

1. Защита прав потребителей.

Общественные организации и сами потребители активно подают иски против компаний, уличенных в ложных утверждениях о своей экологической ответственности. Такое поведение нарушает права покупателей и намеренно вводит их в заблуждение. Даже сам факт судебного разбирательства наносит репутационный ущерб компании, а обвинительное решение может стать серьёзным ударом по ее деятельности.

2. Контроль за стандартами рекламы.

Надзорные органы в разных странах проверяют достоверность заявлений компаний в их рекламе. Утверждения, которые невозможно проверить или подтвердить, считаются нарушением. Это стимулирует компании более ответственно подходить к своей маркетинговой политике.

3. Борьба с недобросовестной конкуренцией.

Таблица 1

Методы борьбы с гринвошингом

Метод	Описание	Применение
Образование и информирование	Повышение осведомленности потребителей о гринвошинге и его признаках	Проведение семинаров, создание информационных материалов
Сертификация и стандарты	Использование независимых сертификатов и стандартов для оценки экологичности продукции	Эко-ярлыки, сертификационные программы (например, FSC, Energy Star)
Проверка фактов	Подтверждение заявлений компаний через независимые источники и исследования	Публикация отчетов с анализом экологических действий компаний
Прозрачность	Требование от компаний раскрывать информацию о своих поставках и производственных процессах	Публикация отчетов о устойчивом развитии, доступность данных
Законодательство	Введение законов, регулирующих маркетинг и рекламу экологически чистых товаров	Законы о защите прав потребителей, запрет на ложную рекламу
Обратная связь	Создание платформ для отзывов потребителей о компаниях и их экологических инициативах	Социальные сети, специальные веб-сайты для оценки брендов

Гринвошинг нарушает нормы честной коммерческой практики. Это означает, что

пострадавшими от ложных утверждений становятся не только потребители, но и

конкуренты, которые теряют прибыль из-за ложной экологической репутации других компаний. Такие компании, как устойчивые, так и традиционные, могут подавать жалобы в регуляторные органы, защищая свои интересы.

ESG и инвестиционная привлекательность: цифры и кейсы.

Несмотря на сложности, ESG уже влияет на рыночную капитализацию компаний. Согласно отчёту FTSE Russell за 2023 год, фирмы с высоким ESG-рейтингом демонстрируют на 6 % более высокую доходность по акциям по сравнению с конкурентами [5]. Аналогично, PwC фиксирует, что 80 % глобальных инвесторов принимают во внимание ESG-факторы при принятии решений [10].

Кейс: ПАО «Газпром». ESG-обязательства: компания декларирует сокращение выбросов и развитие социальной политики.

Отвечая современным вызовам по обеспечению энергетической безопасности,

«Газпром» уделяет особое внимание сохранению благоприятной окружающей среды для настоящего и будущих поколений.

96,2 млрд. рублей – расходы Группы Газпром на охрану окружающей среды в 2023 году.

Коллектив компании – ее основная ценность. В своей деятельности «Газпром» соблюдает высокие стандарты в вопросах социальной и кадровой политики. Более 498,1 тыс. человек – число работников Группы Газпром; 56 часов – среднее количество часов обучения в год для руководителей, специалистов и других служащих Группы Газпром; 77 часов – среднее количество часов обучения в год для рабочих Группы Газпром.

Внешние вызовы: экологическая повестка, давление со стороны западных инвесторов, отсутствие жёстких требований в РФ. Решения: выпуск нефинансового отчёта, участие в программе «зелёных» облигаций.

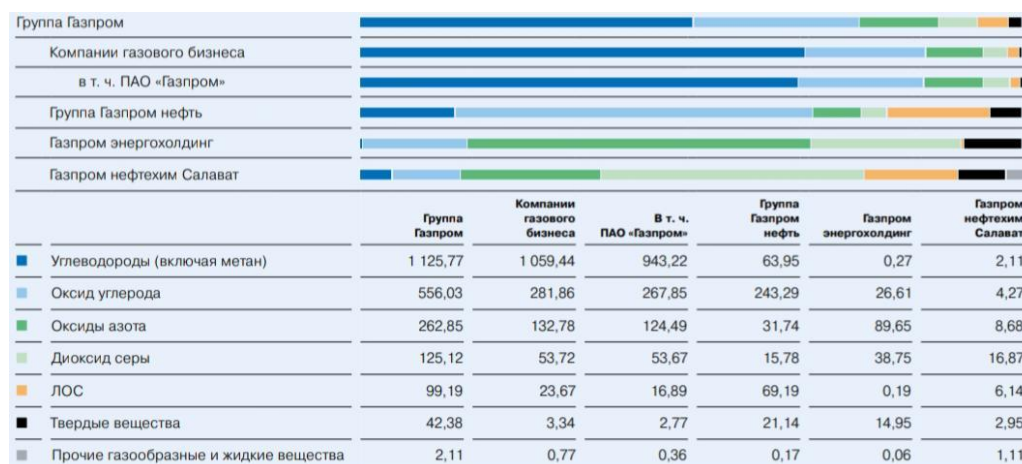

Рис. 1. Компонентная структура выбросов в атмосферный воздух в Группе Газпром, 2023 г., тыс. т

Последствия: отчёт за 2023 год вызвал критику: отсутствуют конкретные данные по выбросам метана. Несмотря на это, компания сохранила доступ к внутреннему финансированию, но утратила ряд позиций в ESG-рейтингах.

Этот кейс отражает общую проблему: даже крупные компании в России продолжают ограничиваться формальной отчётностью без реального изменения бизнес-модели.

Международное и российское регулирование ESG.

В 2024 году в ЕС вступает в силу Директива CSRD, которая обяжет около 50 000 компаний ежегодно раскрывать стандартизированную ESG-отчётность [10]. В США аналогичная инициатива находится на рассмотрении в SEC, но уже обсуждаются штрафы за недостоверные климатические отчёты [9].

В России пока отсутствует обязательный стандарт. Рекомендации Банка России 2023 года носят добровольный характер [1]. Однако наметились подвижки: государство продвигает «зелёные» облигации и предлагает налоговые преференции для устойчивых проектов.

Отсутствие унифицированных требований позволяет компаниям выбирать, что именно включать в отчёт. Это снижает уровень доверия к российским ESG-метрикам как у инвесторов, так и у аналитиков [1]. Для повышения прозрачности необходим переход от добровольных рекомендаций к обязательному раскрытию информации – как это реализовано в ЕС. В таблице 2 рассматривается сравнительная характеристика требований к ESG в РФ, США и ЕС:

В США отчетность по ESG не является обязательной, но многие компании начали добровольно раскрывать информацию о своих показателях ESG. Комиссия по ценным бумагам и биржам (SEC) также выпустила руководство по раскрытию ESG. Многие американские компании в настоящее время внедряют устойчивые практики, такие как сокращение выбросов углекислого газа и поощрение многообразия и инклюзивности. Среди компаний с самым высоким рейтингом ESG в США – Microsoft, Alphabet (Google) и Intel.

В Европе ESG-отчетность является обязательной для крупных компаний в рамках Директивы ЕС о нефинансовой отчетности. Европейские компании также подпадают под действие Положения ЕС о

раскрытии информации об устойчивом финансировании, которое требует от них раскрытия информации о рисках и возможностях ESG. Многие европейские компании внедрили практику устойчивого развития, например, достижение нулевого уровня выбросов и продвижение социальной ответственности. Среди компаний с самыми высокими рейтингами ESG в Европе – Nestle, Unilever и Siemens.

В России отчетность по ESG не является обязательной, но некоторые компании начали добровольно раскрывать информацию о своих показателях ESG. Российское правительство также выдвинуло ряд инициатив в области устойчивого развития, таких как национальная цель по достижению нулевого уровня выбросов к 2024 году. Среди компаний с самым высоким рейтингом ESG в России – Газпром, Роснефть и Сбербанк.

Прогноз на 3–5 лет: в России можно ожидать постепенного перехода от рекомендаций к нормативным актам, введение базовых стандартов ESG-отчётности и формирование внутреннего инвестиционного давления со стороны банков и институтов развития. Компании, не адаптирующиеся к этим изменениям, рискуют утратить конкурентные позиции как внутри страны, так и на внешних рынках.

Научная новизна работы заключается в систематизации факторов, препятствующих эффективной интеграции ESG-принципов в стратегическое управление. Кроме того, исследование выявило разрыв между корпоративными декларациями и реальным содержанием ESG-стратегий, что позволяет точнее оценивать инвестиционные и репутационные риски компаний в переходный период.

Исследование подтвердило выдвинутую гипотезу: интеграция ESG-принципов оказывает прямое влияние на стратегическую устойчивость и инвестиционную привлекательность компаний.

Таблица 2

Сравнительная характеристика требований к ESG в РФ, США, ЕС

Параметр	Россия	США	ЕС
Регуляция	Начальная стадия, отсутствие четкой системы	SEC, различные инициативы и стандарты	Строгие нормы: Регламент о таксономии, CSRD
Экологические требования	Основное внимание на природоохранное законодательство	Разнообразные программы, инициативы по устойчивому развитию	Жесткие экологические нормы, цель по углеродной нейтральности
Социальные требования	Слабая регуляция, но растущий интерес	Увеличение фокуса на разнообразии и инклюзии	Высокие стандарты в отношении прав человека и социальных вопросов
Управленческие требования	Недостаточная прозрачность и отчетность	Инвесторы требуют повышения прозрачности и управления рисками	Обязательные раскрытия информации, акцент на корпоративном управлении
Отчетность	Необязательная, но растущий интерес	Обязательная для публичных компаний, рекомендации SEC	Обязательная для компаний, соответствующих CSRD
Инвестиционные инициативы	Развивающиеся, но ограниченные	Активные ESG-фонды и стратегии	Интеграция ESG в инвестиционные решения и стратегию
Репутационные риски	Низкий уровень осознания среди бизнеса	Высокий уровень осознания, активное давление со стороны инвесторов	Высокие репутационные риски за несоответствие стандартам
Образование и осведомленность	На начальном уровне, обучение растет	Высокий уровень, множество программ и курсов	Активное продвижение образования в области устойчивого развития

По первой задаче – выявлены основные барьеры: гринвошинг, высокие издержки и отсутствие обязательных стандартов [7; 8]. По второй задаче – установлено, что ESG напрямую влияет на рыночную капитализацию и доступ к инвестициям [10; 9]. По третьей задаче – сопоставление регуляторных систем показало существенное отставание РФ от ЕС и США в стандартизации отчетности [1; 10].

Вклад данной статьи заключается в структурном подходе к проблеме: она предлагает сравнение подходов, даёт количественные оценки и вводит кейс-анализ для понимания практики.

Практическая значимость статьи заключается в ее способности предоставить актуальные и применимые рекомендации для предприятий, стремящихся интегри-

ровать концепцию устойчивого развития в свою деятельность. Исследование подчеркивает важность внедрения ESG-принципов для повышения конкурентоспособности и создания положительного имиджа компании.

Статья предлагает инструменты и модели управления, направленные на оптимизацию рисков и повышение эффективности корпоративного управления. Это может помочь предприятиям адаптироваться к меняющимся условиям рынка и повышенным требованиям со стороны потребителей. Кроме того, анализ глобальных трендов и примеров из практики позволяет малым и средним предприятиям вдохновиться лучшими практиками, что повышает их шансы на успешную интеграцию устойчивого развития в страте-

гию. В конечном счете, данная работа способствует формированию устойчивой бизнес-среды и экономического роста.

Перспективы дальнейших исследований по данной теме могут включать следующие направления:

1. Расширение теоретической базы, чтобы углубить понимание ключевых аспектов проблемы.
2. Исследование влияния различных факторов на изучаемые явления, что позволит создать более полную картину.
3. Использование новых технологий, таких как анализ больших данных, для повышения точности и эффективности исследований.
4. Проведение междисциплинарных проектов, объединяющих экспертизу из разных областей науки, что может дать новые инсайты.
5. Долгосрочные исследования для отслеживания изменения тенденций и динамики в предметной области.
6. Практическое внедрение результатов в соответствующие сферы для оценки их эффективности на практике.
7. Сравнительный анализ с международным опытом для улучшения местных практик и решений.

Заключение

ESG-принципы играют ключевую роль в формировании стратегий компаний, однако необходимы усилия для устранения барьеров и повышения эффективности внедрения ESG в России. Рекомендуется усилить регуляторные рамки и обеспечить обязательные стандарты отчетности для повышения уровня ответственности бизнеса.

Библиографический список

1. Дружинин, П. А. К вопросу об использовании концепции устойчивого развития в деятельности промышленного предприятия / П. А. Дружинин // Социальное предпринимательство и корпоративная социальная ответственность. – 2023. – Т. 4, № 4. – С. 201–212. – DOI 10.18334/social.4.4.120807. – EDN BYDCKI.
2. Кабанов, Д. С. Влияние ESG-принципов на стратегию управления брендом компании / Д. С. Кабанов, З. В. Басаев // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Т. 13, № 8. – С. 2731–2750. – DOI 10.18334/epp.13.8.118642.
3. Кудряшов, А. Л. Глобальная ESG-трансформация и тенденции устойчивого развития российских компаний в условиях санкционного давления / А.Л. Кудряшов // Отходы и ресурсы. – 2022. – Т. 9. – № 4. – DOI: 10.15862/50ECOR422.
4. Пашковский, Д. А. Управление рисками устойчивого развития как фактор повышения эффективности корпоративного управления / Д. А. Пашковский // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2023. – № 3-1(141). – С. 122–128. – EDN QVDFGS.
5. Шлихтер, А. А. Бизнес-стратегии компаний в контексте концепции устойчивого развития / А. А. Шлихтер // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64, № 4. – С. 37–44. – DOI 10.20542/0131-2227-2020-64-4-37-44. – EDN OQHDDK.
6. Эскиев, М. А. Концептуальная модель устойчивости стратегического развития промышленных компаний на основе обеспечения надлежащего корпоративного управления / М. А. Эскиев, Х. М. Кошукоев // Вестник Академии знаний. – 2020. – № 37(2). – С. 403–407. – DOI 10.24411/2304-6139-2020-10199. – EDN RPITRX.
7. Deloitte Insights. 2023 ESG Trends Report : [отчет] / Deloitte. – 2023. – URL: <https://www2.deloitte.com> (дата обращения: 08.03.2025).
8. Financial Times. The Challenges of ESG Reporting : [статья] / Financial Times. – 2023. – URL: <https://www.ft.com> (дата обращения: 08.03.2025).
9. FTSE Russell. ESG Performance and Market Trends : [отчет] / FTSE Russell. – 2023. – URL: <https://www.ftserussell.com> (дата обращения: 08.03.2025).
10. PwC. ESG Reporting: Global Trends and Regulatory Updates : [отчет] / PwC. – 2023. – URL: <https://www.pwc.com> (дата обращения: 08.03.2025).

© Шафикова Д. Р., Исаков М. Р., 2025

УДК 35

ВНЕШНЯЯ СРЕДА, КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ РАЗРАБОТКИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОЙ МАРКЕТИНГОВОЙ СТРАТЕГИИ

EDN WWNSMD

Г. В. Якшибаева
Д. А. Нуриева

*Кандидат экономических наук, доцент,
студентка,
Уфимский институт науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*

THE EXTERNAL ENVIRONMENT AS A TOOL FOR DEVELOPING A COMPETITIVE MARKETING STRATEGY

G. V. Yakshibaeva

*Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,*

D. A. Nurieva

*Student, Ufa Institute of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. The article examines the role of environmental analysis in the process of forming a competitive marketing strategy of an enterprise. The importance of macro and micro environmental factors is taken into account in order to identify opportunities and threats that allow us to develop effective marketing solutions that ensure a sustainable competitive advantage in the market.

Keywords: external environment; marketing strategy; competitiveness.

В настоящее время в процессе формирования и развития бизнеса важно понимание внешней маркетинговой среды, что является ключевым аспектом успешного функционирования любой компании. Каждое предприятие нужно рассматривать как открытую систему, которая постоянно взаимодействует как с внешней, так и внутренней средой. В процессе разработки, производства продукции или оказания услуг, а также их реализации компания может столкнуться с множеством факторов, которые находятся вне её контроля, но могут оказать значительное влияние на ее способность эффективно обслуживать клиентов. Внешняя среда организации – это различные существующие процессы, влияние которых прямо или косвенно отражается на деятельности организации, а также на уровне риска и неопределенности управленческих решений. Внешняя среда влияет на формирование стратегии организации и, в частности, на то, как она должна вести себя в долгосрочной перспективе, чтобы обеспечить ее устойчивое

существование в конкурентной среде с другими организациями [1].

Рассмотрим состав внешней среды предприятия и её влияние на деятельность организации.

Внешняя среда подразумевает влияние различных факторов, которые могут оказывать как прямое, так и косвенное воздействие на маркетинговую стратегию и общую эффективность бизнеса. Анализ внешней среды позволяет выявить возможности и угрозы для бизнеса [2]. Для более глубокого анализа данных факторов выделяется два основных уровня микро и макро-факторы.

Внешняя макро-маркетинговая среда подразумевает собой своеобразные условия, в рамках которых функционирует компания. Существуют различные факторы, которые могут влиять на ее развитие и ограничения, такие как:

- политико-правовые;
- экономические;
- социально-демографические;
- научно-технические.

Политико-правовые факторы подразумевают государственный контроль в различных сферах деятельности, к которым можно отнести: изменения в законодательстве, смену политического режима, а также контроль над различными секторами экономики. Экономические факторы, выступают важными индикаторами уровня экономического развития страны, включая такие показатели как ВВП, уровень инфляции и уровень жизни населения. Социально-демографические факторы в основном отражают степень развитости населения и разнообразие потребностей клиентов, сюда входят: изменение в численности и состава населения, культурные ценности и предпочтения в досуге и работе. Заключительной группой являются факторы научно-технического прогресса, которые отражают частоту появления новых технологий продуктов и инноваций.

Микро-среда организации – это ближайшее окружение компании, которые непосредственно взаимодействуют с предприятием и субъектами этой среды, к ним относятся: поставщики, партнеры-посредники, конкуренты и целевая аудитория. К основным факторам влияния в микро-среде, можно отнести:

- потребителей;
- конкурентов;
- поставщиков;
- посредников;

- общество.

Данные факторы оказывают непосредственное воздействие на деятельность компании и могут существенно влиять на ее работу. Потребитель является главным элементом в сфере маркетинга. Активность потребителей является залогом успешного сбыта и реализации продукции. Все, кто проявляет интерес к товарам компании считается потребителями. Немаловажным элементом в сфере маркетинга, являются конкуренты, которые выступают еще одной важной силой, влияющей на деятельность предприятия. Также дилеры и различные организации, помогающие в продвижении и реализации продукции, условия и требования которых, могут оказать влияние на деятельность компании. Применение имеющихся знаний об данных параметрах и в общем о тенденциях развития экономики, является определенным преимуществом каждой организации, перед конкурентами.

Важным фактором для деятельности компании является конкурентная внешняя среда, когда на рынке одновременно существуют несколько соперничающих друг с другом субъектов хозяйствования, которые предоставляют схожие услуги или одноименные товары. Анализ конкурентной среды может производиться по следующей схеме:

Рис. 1. Схема анализа конкурентной среды [3]

Рисунок составлен автором на основе: Портер М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов / Майкл Портер ; Пер. с англ. – 4-е изд. – М.: Альпина Паблшер, 2011.

Для понимания различных сценариев, которые проходит компания, важно тща-

тельно анализировать все стороны её деятельности. Этот анализ должен быть все-

сторонним и системным, который будет опираться на различные методы, позволяющие руководству организации исследовать внешнюю среду. Среди данных методов выделяют факторный анализ, который помогает выявлять наиболее значимые факторы, которые как-либо могут оказывать влияние на систему. Также популярен метод прогнозирования, благодаря которому можно составлять научно обоснованные прогнозы о возможных сценариях развития и альтернативных путях их реализации. Немаловажные методы в исследовании внешней среды, такие как экспертный, ситуационный и корреляционный анализы, позволяют оценивать тесноту связи между анализируемыми факторами.

Существует и иная классификация методов анализа. Такие как, SWOT-анализ, PEST-анализ и анализ конкурентных сил Портера считаются наиболее эффективными.

SWOT-анализ представляется в формате таблицы, в которой отражаются сильные и слабые стороны организации, возможности и угрозы.

PEST-анализ предназначен для выявления политических (Policy), экономических (Economy), социальных (Society) и технологических (Technology) факторы. Анализ политической ситуации важен, поскольку регулирование власти, законодательства и обеспеченности ресурсами напрямую влияет на деятельность предприятия. Целью изучения технологического аспекта направлен на выявление тенденций в развитии технологических отраслей и рынков и появлении новых продуктов [4].

Конкурентный анализ по Портеру рассматривает конкуренцию как взаимодействие пяти основных сил:

- соперничество между компаниями в отрасли;
- угроза появления товаров-заменителей;
- угроза появления новых игроков;
- влияние поставщиков;
- влияние потребителей.

Анализ этих пяти сил Портера может дать представление, насколько прибыльной может быть отрасль в долгосрочной перспективе и определить, как компания может контролировать ситуацию, выигрывая конкурентное преимущество.

Таким образом, внешняя среда играет важную роль в формировании конкурентоспособной маркетинговой стратегии организации. Анализ макро- и микроэкономических факторов выявляет, как потенциальные возможности для роста, так и существующие угрозы, которые могут оказать негативное влияние на деятельность организации. Однако, использование инструментов оценки внешней среды, таких как SWOT-анализ, PEST-анализ и анализ конкурентных сил Портера являются хорошими инструментами, для более детального представления рыночных условий и конкурентной ситуации. Что в свою очередь, с большей вероятностью помогут менеджерам разработать проактивные стратегии, направленные на укрепление позиций компании и достижения конкурентного преимущества. Именно поэтому, использование анализа внешней среды в стратегическом процессе является необходимым условием для успешного функционирования предприятия, в условиях динамично меняющейся рыночной конъюнктуры.

Библиографический список

1. Тухватулина, Л. Р. Понятие внешней среды в современном менеджменте / Л. Р. Тухватулина // Вестник науки Сибири. – 2016. – № 1 (7). – С. 21 – 24. [Электронный ресурс] URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-vneshney-sredy-v-sovremennom-menedzhmente/> (Дата обращения 25.05.25)
2. Котляр, И. А. Анализ внешней среды: возможности и угрозы для бизнеса / И. А. Котляр. – М.: Инфра-М, 2019. – 256 с. – ISBN 978-5-16-012345-6.
3. Портер М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов / Майкл Портер ; Пер. с англ. – 4-е изд. – М.: Альпина Паблишер, 2011. – 453 с. [Электронный ресурс] URL : <http://library.lgaki.info:404/65.29%20%20%20%>

- 20%20%20%20%20%20%20Бизнес.%20Предприниматель-ство.%20Экономика%20организации/М.%20Пор-тер%20Конкурентная%20стратегия%202007.PDF (Дата обращения 25.05.2025).
4. Попова, Н. А. Управление предприятием и организация производства : учебное пособие / Н. А. Попова, Акперов. – Ростов-на-Дону : РГУПС, 2021. – 64 с. – 978-5-88814-966-9. – Текст : электронный // УМЦ ЖДТ : электронная библиотека. – URL: <https://umczdt.ru/books/1214/261889/> (дата обращения 15.05.2025).

© Якшибаева Г. В., Нуриева Д. А., 2025

УДК 33

МЕТОДЫ И ВИДЫ МАРКЕТИНГОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

EDN WYXMGN

Г. В. Якшибаева
Д. А. Нуриева

*Кандидат экономических наук, доцент,
студентка,
Уфимский институт науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*

METHODS AND TYPES OF MARKETING RESEARCH

G. V. Yakshibaeva
D. A. Nurieva

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Student,
Ufa Institute of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. This article discusses three main types of marketing research. Much attention is paid to the analysis of marketing research methods, which play a key role in making managerial decisions. The article emphasizes that successful marketing research is the foundation for the development of marketing strategies.

Keywords: marketing research; methods; types; directions.

Маркетинг является деятельностью, которая существует в условиях рыночной экономики, что означает постоянную необходимость анализа рынка его участников и возможностей предприятия. В данном контексте маркетинговые исследования можно считать систематическим процессом поиска, анализа и регистрации данных, которые влияют на различные аспекты деятельности организации. Данный процесс является ключевым в маркетинговой деятельности, поскольку полученные данные о таких исследованиях становятся фундаментом для составления и формирования, рыночной, товарной и ценовой политики предприятия, а самое важное является ключевым фактором для создания и внедрения стратегии продвижения продукта или услуги.

Компания обращается к маркетинговым исследованиям, в тех случаях, когда сталкивается со следующими ситуациями:

- 1) Компания начала замечать признаки ухудшения производственно-с бытовой деятельности, таких как: потеря доли рынка, снижение объемов продаж или же уменьшение прибыли;
- 2) Компания создает новый продукт или же планируют расширение рыночных возможностей;

- 3) Компания стоит на пути разработки и внедрения новых стратегий или тактик. Маркетинговое исследование поможет определить цели и пути развития;

- 4) Когда компания не обладает достаточной информацией, позволяющей ей принимать взвешенные решения, важность достоверной и обоснованной информации, является залогом успеха в определении правильной стратегии.

Существует необходимость изучения, потребительских предпочтений, потребительского поведения на рынке товаров [1; 2].

Наиболее распространены следующие методы проведения маркетинговых исследований [3; 4]:

Маркетинговое исследование проводится по различным сферам, которые имеют влияние на компанию, в нее может входить сам рынок, заинтересованные лица, то есть потребители и конкуренты, продукты и услуги, существующие на рынке, ценовой сегмент, каналы продвижения и распределения, а также финансовые возможности. Классификация маркетинговых исследований может состоять из нескольких критериев:

1. Если компанию интересует объект исследования, то нужно изучить рынки,

для понимания, где лучше продавать наши товары или услуги.

2. Анализ «внутренней кухни» компании, проводя анализ ее сильных и слабых сторон, или же брать шире – анализировать внешние факторы, которые имеют влияние на деятельность компании.
3. Территориальные признаки. Иногда, изучая ту или иную ситуацию только в определенном регионе, иногда – по всей стране, а бывает, что стоит анализировать и возможность выхода на международные рынки.
4. Время – еще один интересный критерий. Важно анализировать прошлый опыт (ретроспективные исследования), чтобы понять, как компания пришла к текущей ситуации. Анализ состояния компании на данный момент (текущие исследования), для оперативного реагирования на изменения. А также постараться предугадать изменения в будущем (прогнозные исследования), чтобы заранее подготовиться к новым вызовам.
5. Изучение товаров – могут быть товары, которые нужны для производства (средства производства), товары, которые покупают обычные люди (потребление), или же разного рода услуги.
6. Показатели, которые мы используем для анализа, могут быть разными. Есть объективные данные, такие как цены, объемы продаж или структура спроса – это то, что можно измерить и посчитать. А есть субъективные факторы, такие как возраст, пол, профессия потребителей – это то, что связано с их личным мнением и опытом.
7. И, наконец, ключевой аспект – добыча информации. Можно проводить полевые исследования, то есть собирать данные непосредственно «в поле», общаясь с потребителями, проводя опросы и т.д. А можно использовать уже готовую информацию, собранную другими (кабинетные исследования).

В маркетинге выделяют три основных подхода к исследованию: зондирование, описание и эксперимент. И, зачастую, они

идут рука об руку, как этапы одного большого процесса. Обычно процесс начинается с зондирования, потом переходит к описанию, а затем, если нужно, ставятся эксперименты.

Зондирующее исследование – это как разведка боем. Представления о происходящем на рынке нет, поэтому ставится задача – прощупать почву, собрать идеи, сформулировать гипотезы. В маркетинге это происходит путем изучения статей и отчетов, общения с экспертами, проведение фокус-группы, наблюдение за рынком и поведением покупателей.

Когда менеджеры немного сориентировались, наступает время описательного исследования. На данном этапе ставится задача – собрать как можно больше информации. В маркетинге это обычно опросы покупателей, дистрибьюторов, специалистов, чтобы узнать их мнение, предпочтения, уровень удовлетворенности. Менеджеры пытаются получить четкую картину того, что происходит на рынке и с чем предстоит взаимодействовать.

Ну и наконец, эксперимент. Это самый серьезный этап, когда происходит не просто анализ того, что происходит, но и раскрытие причин, почему это происходит. В маркетинге это значит, что меняется какой-то параметр (цена, реклама, упаковка) и оценивается влияние на поведение потребителей. Эксперименты могут быть лабораторными, когда создается искусственная ситуация, или полевыми, когда проводится исследование в реальных условиях. Важно контролировать все переменные, чтобы убедиться, что именно наблюдаемое изменение вызвало определенный эффект. Сейчас часто используют тест-маркетинг и электронные тест-рынки, чтобы проверить свои идеи в реальной жизни, но с минимальными рисками.

Рассмотрим основные цели и методы проведения маркетинговых исследований:

1. Размер рынка. Целью исследования является определение пределов расширения. А методами проведения исследований выбирают: кабинетные исследования

на основе данных правительства и рыночной активности. Анализ публикаций и привычек потребителей для получения полной информации о рынке.

2. Рыночная доля. Целью исследования определяют выявление конкурентных позиций. Методами проведения исследований выбирают: обобщение данных опросов покупателей и изучение товарооборота компаний в отрасли. Использование косвенных показателей, таких как численность сотрудников, и беседы с ключевыми игроками.

3. Динамика рынка. Целью исследования является определение сбытовой политики. Методами проведения исследований рекомендуют: обзор статистических данных, анализ товарооборота конкурентов, интервью с пользователями, дистрибьюторами и отраслевыми экспертами.

4. Покупательские решения. Целью исследования выдвигают упорядочивание и процесс принятия решения о покупке. Методами проведения исследований: интервью с покупателями и посредниками для оценки их осведомленности о марке и приоритетов, а также наблюдение за влиянием цен и промоакций на продажи.

5. Цены. Целью исследования является определение конкурентных цен.

Методами проведения исследований выбирают сбор прейскурантных цен, интервью с конечными пользователями о скидках, а также информация от дистрибьюторов и поставщиков.

6. Продвижение продукта. Целью исследования является установка методов продвижения и известности товаров. Методами проведения исследований выбирают: Метод балльной оценки, расчет интегрального показателя конкурентоспособности и интервью с потребителями. Также анализ рекламных материалов, опросы покупателей об источниках информации и изучение затрат конкурентов на продвижение.

7. Исследование товара и его конкурентоспособности. Целью исследования является оценка новизны и соответствие продукции требованиям. Методами проведения исследований выбирают метод балльной оценки, расчет интегрального показателя конкурентоспособности и интервью с потребителями.

В заключении можно сказать, что проведенное исследование видов и методов маркетинговых исследований подчеркивает его важность, как инструмента, для легкой адаптации компании к постоянно меняющимся условиям рынка. Важность поиска и анализа информации, получение достоверной информации, является ключом к поиску и созданию решений, для успешного развития компании. Предугадывать тренды, изменения и ожидания клиентов, критически важно, для достижения конкурентного преимущества. В условиях постоянного изменения динамики рынка компании должны активно использовать маркетинговые исследования для оптимизации своих действий и повышения эффективности.

Библиографический список

1. Маркетинговые исследования: учебник для среднего профессионального образования / О. Н. Жильцова [и др.]; под общей редакцией О. Н. Жильцовой. – Москва: Издательство Юрайт, 2022. – 315 с.
2. Коротков, А. В. Маркетинговые исследования: учебное пособие для среднего профессионального образования / А. В. Коротков. – Москва: Издательство Юрайт, 2017. – 224 с.
3. Азарова С. П. Маркетинговые исследования: теория и практика: учебник для прикладного бакалавриата / С. П. Азарова [и др.] ; под общей редакцией О. Н. Жильцовой. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 314 с.
4. Галицкий Е. Б., Галицкая Е. Г. Маркетинговые исследования. – М.: Юрайт, 2012. – 540 с. [Электронный ресурс]
URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1748273032&tld=ru&lang=ru&name=МАРКЕТИНГОВЫЕ%Б>

© Якишбаева Г. В., Нуриева Д. А., 2025

UDC 811.11

FEATURES OF TRANSLATION OF LEGAL TEXTS

EDN XKZBGE

S. E. Kegeyan

*Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
ORCID 0000-0002-4390-1015,
e-mail: svetlana.kegeyan@mail.ru,
Sochi State University,
Sochi, Krasnodar region, Russia*

Abstract. This article is devoted to the consideration of the peculiarities of the translation of legal discourse texts. Modernity places high demands on the translator of legal texts, on which intercultural communication in the field of jurisprudence depends.

Keywords: legal discourse; intercultural communication; integrated approach; the role of the translator.

In the modern world, legal translation plays a crucial role in understanding laws and regulations at the international level. It makes it possible to develop and adapt existing law to respond to the challenges and events of modern society. Legal translation allows a legal text to be transferred from one language to another, while maintaining its legal force and respecting the cultural and legal standards specific to each country. This facilitates the understanding and application of the law in various national and international contexts. Thus, translation makes legal content accessible to a wider audience [1, p. 6]. This allows people who do not speak a particular language to have access to laws, regulations, contracts and other important legal documents. In addition, legal translation facilitates communication and mutual understanding between people of different nationalities and cultures involved in legal proceedings. This helps to overcome language and cultural barriers, thereby contributing to a fair and transparent judicial process [1, p. 17]. The translator, in turn, is the link in the process of translation itself and obtaining a reliable interpretation of all necessary documents.

The translation of legal texts and documents serves a number of purposes:

1) Facilitating international cooperation. Translated legal texts enable countries and international organizations to cooperate more effectively by promoting mutual understanding of laws and regulations;

2) Guaranteeing access to justice. Legal translations enable people who do not speak the language of the legal system in which they find themselves to gain access to justice. This is especially important in court proceedings, where it is vital that all parties fully understand the legal implications;

3) Preventing misinterpretation. Laws and regulations can be complex and may require precise interpretation. Accurate translations of legal texts reduce the risks of misinterpretation of laws;

4) Facilitating international trade. International trade involves transactions between different jurisdictions, each of which has its own laws and regulations. Legal translations facilitate mutual understanding of legal rights and obligations, as well as commercial contracts and agreements, thereby facilitating international trade;

5) Ensuring regulatory compliance. Companies operating internationally must comply with the regulations of the countries in which they operate. Legal translations enable them to fully understand their legal obli-

gations and ensure compliance in the countries concerned.

Therefore, translations of legal texts play a crucial role in the understanding of laws and regulations on an international scale, thereby preventing misinterpretations, ensuring cooperation, access to justice, international trade and regulatory compliance [1, p. 15].

To translate legal texts flawlessly and accurately, translators need to have the skills that allow them to carry out a particular translation:

1) Language skills. A legal translator must have an excellent command of the source and target languages. He must be able to understand and express himself accurately in both languages;

2) Knowledge of the legal system: The translator must have a thorough knowledge of the legal system of the two countries concerned, including laws, regulations and legal procedures;

3) Legal terminology: the translator must be familiar with the legal terminology specific to each area of law (criminal, civil, commercial, etc.). He must know the technical terms and expressions commonly used in a legal context;

4) Rigor and Accuracy: In the legal field, accuracy is of utmost importance. The translator must be attentive to detail to ensure that all information is translated and interpreted correctly;

5) Research Ability: A legal translator must be able to find accurate and up-to-date legal information, as well as to consult reliable sources and check the necessary references for each subject under consideration;

6) Confidentiality: Due to the sensitive and confidential nature of legal documents, the translator must maintain confidentiality in his work;

7) Adaptability: A legal translator must be able to adapt to different writing and communication styles depending on the specifics of the legal texts. He must also be flexible in order to meet the deadlines and requirements of clients;

8) Writing skills: A translator must have good writing skills in order to translate legal documents clearly, accurately and fluently. He or she must be able to convey the meaning and purpose of the source text while maintaining the structure and style of the target document;

9) Knowledge of translation tools: A legal translator must be familiar with computer translation tools and software used in the legal field, such as glossaries and terminology databases;

10) Intercultural skills: Since legal translation often involves transferring legal concepts and rules from one culture to another, a translator must have a good understanding of cultural differences and be able to take them into account when translating legal documents [3, p. 7].

Translation of legal texts in the light of modern times has several important features:

1) Accuracy and reliability. Legal texts require special care in translation in order to accurately convey the nuances and specific terminology of the law. Today, a legal translator needs to accurately translate texts into another language to ensure that the terms are correctly translated and understood in the legal context;

2) Adaptation to legal systems. Legal texts differ from one legal system to another, and translation must take these differences into account. This may include translating legal concepts from one country to another while maintaining their meaning and effect in the original legal system;

3) Use of technology. With the development of technology, legal translators can use computer translation tools to make the translation process easier and faster. However, despite the use of technology, it is important to understand that the translation of legal texts still requires human supervision to ensure accuracy and consistency;

4) Adaptability to new laws and regulations. In the legal field, new laws and regulations are regularly adopted, which requires up-to-date and timely translation. Therefore,

the translation of legal texts requires the ability to quickly adapt to changes in legislation and accurately and consistently translate new laws; 5) Compliance with confidentiality and data security. Legal texts often contain confidential and secret information, which requires translators to maintain confidentiality and data security. In the modern era, this also means taking measures to protect digital data during the translation process. Therefore, the translation of legal texts requires increased accuracy and precision, adaptation to legal systems, the use of technology, adaptability to new laws and regulations, as well as compliance with confidentiality and data security [4, p. 21].

Legal terms have their own unique meanings and are important for understanding the content of documents and complying with legal norms. Therefore, a translator must carefully and thoroughly study the context and specifics of the text, as well as consult with lawyers and legal experts. Translation plays an important role in the legal sphere, ensuring the accuracy, accessibility and comprehensibility of legal texts for a multicultural audience, while maintaining their legal force and contributing to a fair legal process. It is important to understand that the key competence of translators in the 21st century is the ability to search for relevant, reliable, high-quality information. It is impossible to know everything, but you must be able to quickly navigate and understand where exactly you can find the necessary information.

Thus, the translation of legal texts is a complex and responsible process that requires special knowledge and skills. Modernity brings its own peculiarities to this area,

given the ever-increasing international and multicultural activity in the field of law. In the context of globalization and international relations, a translator must take into account not only legal terms, but also specific legal structures and norms inherent in a particular country or region [4, p. 25]. Nowadays, the translation of legal texts is in a single relationship with the use of modern technologies, such as computer programs and online resources. This allows the translator to improve their productivity and accuracy of translation, simplify the process of searching and checking specialized information. The translation of legal texts at the present stage requires an integrated approach that combines knowledge of jurisprudence, speech skills and abilities, and skills in using modern technologies. Only such an approach will allow making accurate and correct translations that preserve the meaning and legal significance of the original texts. In the era of globalization and the development of multinational projects, Understanding and transmitting legal information in different languages is becoming a necessity, and the importance and demand for the role of a translator in this process is growing.

Bibliography

1. Aleshkovskaya I. V. Legal translation: theory and practice. Moscow: Flinta, 2011, pp. 6–13
2. Aleksandrova M. M. Legal translation: textbook. Moscow: Profit-InfoResource, 2018, pp. 10–18.
3. Nemirovskaya N. S. Practical course in legal translation. St. Petersburg: Yur-Info, 2017, pp. 3–10.
4. Malanin A. V. Legal translation: aspects and problems. Moscow: WoltersKluwer, 2016, pp. 20–25.

© Kegeyan S. E., 2025

UDC 811.11

**LEGAL DISCOURSE: PROBLEMS OF TRANSLATION OF LEGAL TERMS
(BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE)**

EDN XSEJFK

S. E. Kegeyan

*Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
ORCID 0000-0002-4390-1015,
e-mail: svetlana.kegeyan@mail.ru,
Sochi State University,
Sochi, Krasnodar region, Russia*

Abstract. The article examines legal discourse and provides its characteristics. The author analyzes the problems of translating English-language legal terms and examines their methods of translation into Russian.

Keywords: discourse; legal discourse; English legal terms; equivalent vocabulary; non-equivalent vocabulary.

The term «discourse» is one of the most vague in linguistics. Despite the existence of a large number of works devoted to the study of discourse, an exact definition of this concept has not yet been given. However, all researchers consider discourse not as an abstract language system, but living speech in the conditions of real communication [3, p. 8]. Being close to the concept of «text», in modern linguistics the term «discourse» is used not as a generic concept, but as a specific type of speech activity (medical discourse, political discourse). This article will consider legal discourse. Legal discourse is one of the varieties of professionally oriented discourse, reflecting the entire diversity of social communication. Legal discourse refers to institutional discourse, and just like any such discourse can be defined by the following parameters [2, p. 63]: the status of the participants in communication (judge – accused), the purpose of communication (identifying the circumstances of the crime, determining the corpus delicti), the place of communication (courtroom). The legal discourse includes legal documents (texts of laws), public speeches (speeches of judges, opening and closing speeches of lawyers, prosecutors). Legal discourse should be considered as a stable type of institutional discourse, which limits the communicative freedom of participants. Thus, a judge cannot freely interpret

the law; his speech and behavior are regulated by certain principles and rules.

Legal discourse is also characterized by cliches, that is, it is characterized by stable speech patterns. For example: sever from other charges / defendants – to allocate to a separate proceeding; charge a suspect with a crime – to bring charges against a suspect for committing a crime; criminal cases are heard – criminal cases are being heard. Translation of legal texts often presents a particular difficulty for a translator. The main difficulty lies in the fact that the transfer of terms of legal discourse texts always represents a translation from one legal system to another. This is due to the fact that law is deeply rooted in national culture. As a result, there are significant differences in the legal systems of countries even belonging to the same legal family. It is precisely these differences that cause translation difficulties. Firstly, cliches and stamps in English can be translated into one word in Russian, and vice versa (criminate – to prove someone's guilt in committing a crime). In addition, some legal terms may not have an equivalent in Russian. In this regard, there are specifics of translating terms in the field of jurisprudence. A special place here is occupied by the translation of non-equivalent vocabulary, which uses descriptive translation, transliteration or transcription, as well as tracing. The main feature of legal discourse texts is the precise

and clear presentation of the material with an almost complete absence of emotional elements; the possibility of arbitrary interpretation of the essence of the issue is practically excluded in them. Therefore, the main requirements that a good translation of a legal discourse text must meet are: – accuracy (all provisions interpreted in the original must be set out in the translation); – brevity (all provisions of the original are presented in a concise and succinct manner in the translation); – clarity (the brevity and brevity of the translation language must not affect the completeness of the transmission of the vocabulary of the original); – literariness (the translation text must meet the generally accepted norms of the literary language, without using syntactic constructions of the original language). Here are some examples of descriptive translation: infamy – deprivation of civil rights as a result of a crime committed; accessory – a person who helped a criminal before and after the crime; skimming – a crime in which fraudsters read bank card data while a person is using an ATM. Phrases such as action in personam – bringing to court for the purpose of returning a certain thing, usually an item of personal property, can also be translated descriptively. Translation of legal terminology using transliteration or transcription is usually typical for Latinisms and Anglicisms: jurisdiction, beneficiary, affidavit, arrest, apartheid, casus. Often, when transliterating and transcribing, it is also necessary to do descriptive translation. For example, beneficiary – beneficiary; the person in whose favor payments will be made. It is appropriate to recall that law is a set of rules of conduct for individuals and groups in society, prescribing a certain form of action for each and forming principles for resolving contentious issues. Therefore, the language of translation of a legal document should generally be accurate, clear and reliable. The text of

most documents should have a neutral official style that does not evoke additional associations and does not distract from the essence of the document.

The translation of equivalent legal vocabulary is usually determined by the context. For example, decide a case on the property rights – make a decision on the case on property rights, give protections – provide protection, bring a lawsuit – file a lawsuit. The translator's task is to choose the right equivalent. This means that the translator must translate English legal phrases in accordance with Russian canons, that is, what phrases are used in a particular case in Russian legal practice. Thus, the word rule should be most correctly translated not as "rule", but as "court ruling". It is also important for the translator to pay attention to combinability. For example, when translating the phrase "adopt a law", different verbs can be used: pass / adopt / enact a law.

Thus, legal discourse is of particular interest to translators. A distinction is made between the translation of equivalent and non-equivalent English-language legal terminology. The translation of equivalent English-language legal vocabulary is determined by the context, and non-equivalent legal terminology is translated using such methods as descriptive translation, transcription, transliteration and calque.

Bibliography

1. Degtyareva L. D. English-Russian dictionary of legal terms / L. D. Degtyareva. – M.: Prospect, 2017. – 216 p.
2. Kosonogova O. V. Characteristics of legal discourse: boundaries, content, parameters / O. V. Kosonogova // Historical and socio-educational thought. – 2015. – No. 1. – P. 61–66.
3. Makarov M. L. Fundamentals of discourse theory / M. L. Makarov. – M.: Gnosis, 2003. – 280 p.

© Kegeyan S. E., 2025

UDC 811.11

FOREIGN LANGUAGES IN THE HOSPITALITY INDUSTRY IN RUSSIA

EDN YAMAER

M. E. Prudnikova

*Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor,
ORCID 0000-0003-2183-7320,
e-mail: prudnik@inbox.ru,
Sochi State University,
Sochi, Krasnodar Region, Russia*

Abstract. The article discusses the importance of the English language in the modern hospitality industry and its influence on all its aspects.

Keywords: English language; tourism; investment; mutual understanding; cooperation; development; culture; society.

The hospitality industry is based on people's interest in traveling and learning about the world around them. With the development of transport, it became possible for large numbers of people to travel long distances en masse, which led to the rapid development of the hospitality industry. Five-star hotels and small inns were built to give travelers a place where they could get themselves in order, rest after a long journey. But such establishments were also a starting point for a detailed study of new places, new culture, customs, and lifestyle.

A full exploration of new places, especially very remote ones, is impossible without knowledge of the local language or its variation, dialect, etc. Therefore, within the hospitality industry, foreign language skills are often used and knowledge of as many of them as possible is encouraged. This ensures comfortable accommodation for guests of various nationalities.

However, sometimes the establishment's clients may not have even basic knowledge of the local language. If the hotel's service

allows for the latter, the guest may not experience any inconvenience. But they are highly likely to arise when visiting places outside the hotel or even in the hotel itself, if it cannot provide the foreign client with sufficient assistance in adaptation.

This problem is especially common when visiting Eastern European and Asian countries, due to the complexity of local languages for the European population and the low level of knowledge of international languages (English, German, Spanish, etc.) among the local population.

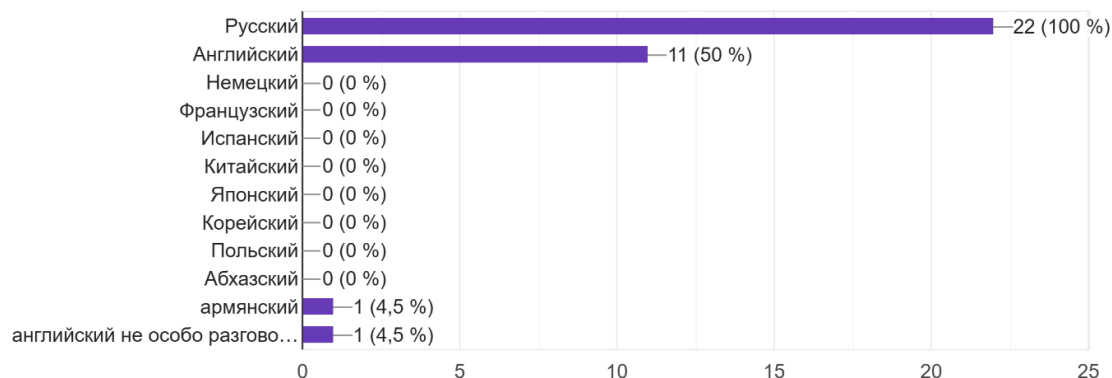
A survey was conducted among students of Sochi State University to find out the level of proficiency in foreign languages and interest in foreign languages among people associated with the hospitality industry [3].

They were asked the following questions:

1. What languages you are fluent in? The Russian language is the most known, English is half less known and almost no other languages were present, except for Armenian.

1. Какими языками вы владеете на разговорном уровне?

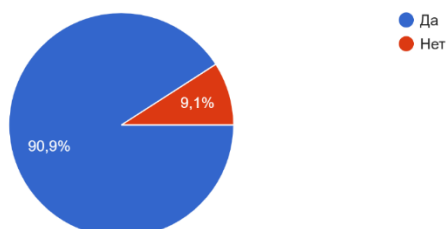
22 ответа

2. Are you learning any language now? Most of people were in process of learning a new language, to be particular, developing their English skills.

2. Изучаете ли вы какой либо язык сейчас?

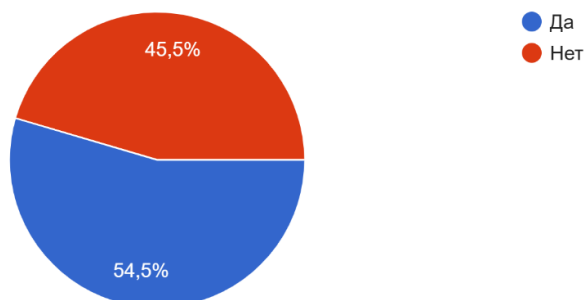
22 ответа

3. Do you have experience communicating in a foreign language with a native speaker? Only 54% of people do so.

3. Имеете ли вы опыт общения на иностранном языке с его носителем?

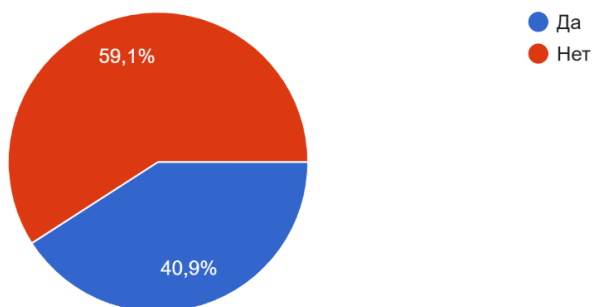
22 ответа

4. Have you been to countries other than Russia? Almost 60% have never been outside Russia in their life.

4. Бывали ли вы в странах помимо России?

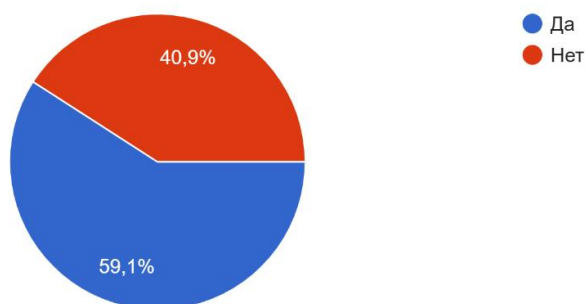
22 ответа

5. Do you have relatives or and friends in the other country? 59 % Answered yes, which shows people's interest in learning about other countries.

5. Есть ли у вас знакомые/друзья/родственники в другой стране?

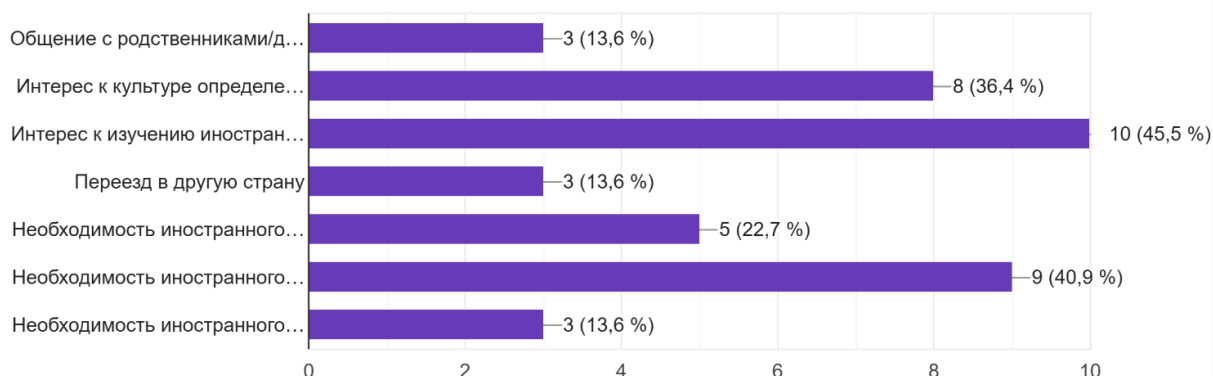
22 ответа

6. What motivated you to learn a foreign language? Most popular motivations were: interested in the culture of the other country (36 %), Interested in learning foreign language as it is (45 %), needed foreign language for work (40 %).

6. Что послужило для вас мотивацией в изучении иностранного языка?

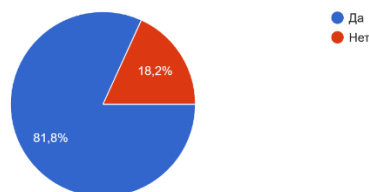
22 ответа

7. Do you think that people around you should be more interested in learning foreign languages?

7. Считаете ли вы, что окружающие должны больше интересоваться изучением иностранных языков?

22 ответа

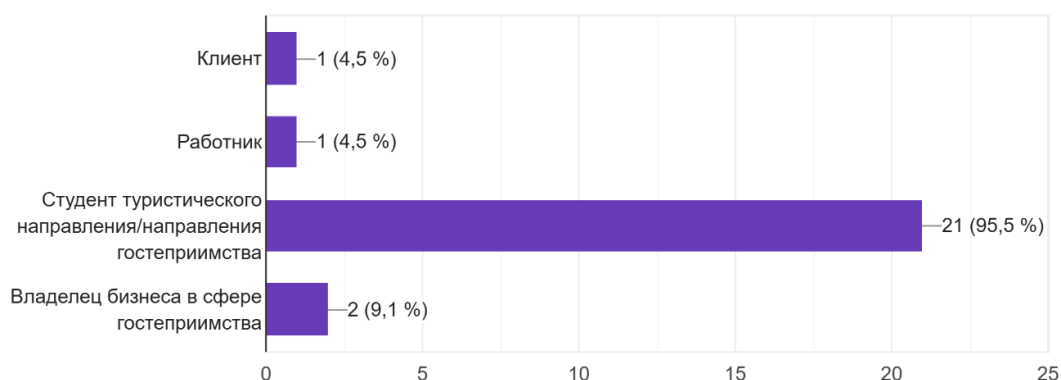

81 % of people answered yes.

8. Who are you, related to the hospitality industry? Most people were the students of the hospitality field in the university.

8. Относительно индустрии гостеприимства вы:

22 ответа

9. How often do you use foreign languages when working/visiting hospitality related establishments? Most people (40 %) have never used a foreign language before.

9. Насколько часто вы пользуетесь иностранными языками при работе/посещении заведений связанных с гостеприимством?

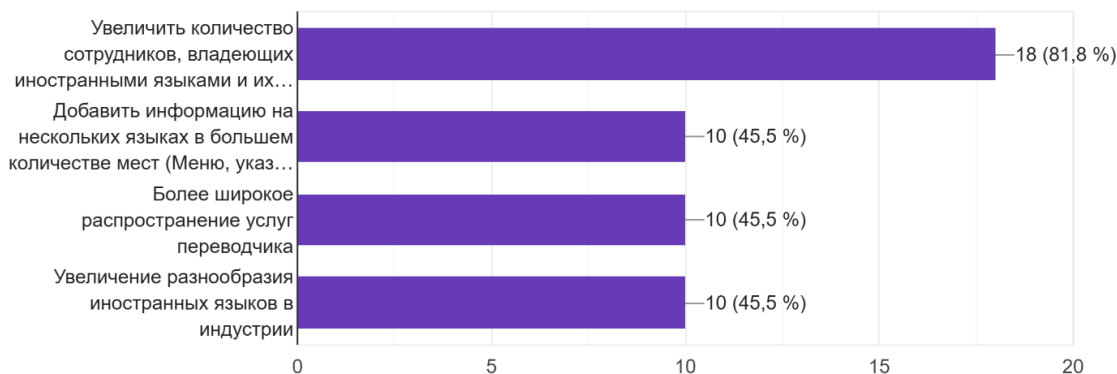
22 ответа

10. What aspects of the use of foreign languages in the hospitality industry would you like to improve? Most people wanted a bigger amount of workers fluent in different languages in this industry, as well as a more multi-language exterior in the establishments.

10. Какие аспекты относительно использования иностранных языков в индустрии гостеприимства вы бы хотели улучшить?

22 ответа

The Russian language is quite widespread numerically due to the large territory of the Russian state and its influence on the neighboring countries of the Middle East, whose population is also quite large.

The number of people who speak Russian as their native language worldwide is estimated at 154 million people, the number of people who speak Russian as a second language is estimated at 110 million people, and the total number of Russian speakers is 258.2 million people.

The figures given are quite large, but they cannot compete with the English language, which

is widespread throughout the planet. In addition, the rate of increase in the number of Russian speakers on the planet is much lower than the rate of increase in the planet's population.

Fewer people can call themselves fluent in Russian because of its complexity. Russian is the 5th most difficult language in the world, including Arabic and Mandarin Chinese.

To top it all off, most of the Russian infrastructure uses only Russian, and most of the local population, especially the older generation, does not know any foreign languages and is not motivated to learn them.

According to the latest census, the most popular foreign language in Russia is English, spoken by about 5.1 million citizens. In second place is German, with 1.1 million people. In third place is French, with about 235,000 people speaking it [4].

Despite the complexity of the Russian language, many people from the Western part of the globe are interested in learning it, as they are curious about Russian culture and many openly say that they find the Russian language beautiful, pleasant to hear, diverse and expressive.

It is also worth adding that due to the complexity of the Russian language, people have many questions in learning it, they are surprised by strange speech patterns that Russian speakers initially do not notice due to habit, which leads to the emergence of funny stories, memes and other content that contributes to the popularization of the language. As an example, below are posts from Reddit:

“I’m going into my sixth (and last) semester of Russian at university and I can honestly tell you that it’s a hard language. The alphabet, which scares away so many people, is by far the easiest part. Declension of nouns, pronouns, and adjectives takes time, but it’s not super hard. The biggest problem, at least for me, is that some structures require a whole new way of rewiring your brain to express yourself. Like, in Russian you typically don’t say «I have [noun],» you literally say «to me there is [noun]» ” [1]. “I started self-learning Russian at 16. I’m not fluent, but I can have a basic conversation in Russian. For example, ask for help, describe my day, or make some jokes. Here are some things I found to be helpful -Russian videos

or movies with subtitles. On YouTube there are movies, TV shows, and YouTubers that have subtitles. If not, see if you can use the auto translate function. I learned a lot this way. I’m assuming you can’t afford Netflix and Amazon Prime. Online articles, memes, and poetry. What is a topic you like to research? Search for it in Russian. First, read it in Russian, and see how many words you recognize. Then use google translate or something. I also learned a lot this way. Children’s cartoons. They speak slowly and simply. Often lots of repetition. Good for building vocabulary. There’s a lot of free cartoons on Youtube” [2].

Bibliography

1. Reddit.com / RodrikDaReader // 2025, URL: https://www.reddit.com/r/russian/comments/1hnjlk8/comment/m4286z6/?utm_source=share&utm_medium=web3x&utm_name=web3xcss&utm_term=1&utm_content=share_button
2. Reddit.com / bubbling_bubbling // 2025, URL: https://www.reddit.com/r/russian/comments/o155d0/comment/h1z9gn2/?utm_source=share&utm_medium=web3x&utm_name=web3xcss&utm_term=1&utm_content=share_button
3. GoogleForms / «Иностранные языки в сфере гостеприимства» // 2025, URL: https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSeBK62n7GIDZ1FAPJ_62XGN1IbpkfhJ_X1OOe9EM8yrmOuz1g/viewform
4. Rosstat.gov.ru / «Тезисы доклада Шeverdовой Г. Е. на заседании секции ЦДУ РАН по теме: об итогах федерального статистического наблюдения «Социально-демографическое исследование (микроперепись населения) 2015 года» // 2018, URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tez-sheverdova.docx>

© Prudnikova M. E., 2025

UDC 811.11

**SIMILARITIES BETWEEN RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS
AND ENGLISH IDIOMS**

EDN YCXCKE

M. E. Prudnikova

*Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor,
ORCID 0000-0003-2183-7320,
e-mail: prudnik@inbox.ru,
Sochi State University,
Sochi, Krasnodar Region, Russia*

Abstract. Phraseology is a stable combination of words that has an integral lexical meaning, independent of the meaning of the units from which it consists, a stable expression used figuratively. Phraseological units add brightness, expressiveness and imagery to speech. On a daily basis, we use them in our speech, without thinking about whether they have an English equivalent.

Key words: phraseology; idiom; Russian; English; analog; similarities; linkage.

Knowledge of Russian phraseological units is absolutely necessary for every Russian speaker. Phraseological units are an integral part of our great language, they reflect the peculiarities of our culture and way of life. They will also enrich your speech and make it more interesting and vivid.

Finding relationships between phraseological units and idioms can be interesting, because in the process we delve into the history of these lexical units, find similar phraseological units and idioms, which will be useful for increasing vocabulary.

**The origin of phraseological units
and idioms**

Stable expressions appeared and were actively used back in the days of Kievan Rus and the late Middle Ages. Over time, their number only increased, and by the end of the 19th century. Dictionaries and collections of idioms and phraseological units have also appeared. Idioms, like phraseological units, owe their rapid appearance and spread to several sources: folk speech, borrowing from foreign languages and literature [5].

1. Folk speech. Expressions used in simple speech for many centuries later become phraseological units. Many phraseological units have their roots in traditional proverbs and sayings that were passed down orally

from generation to generation and eventually transformed into stable expressions.

2. Borrowings from foreign languages. With the process of globalization came borrowing. This also affected expressions. One language could take an expression from another, translate it, and integrate it into its vocabulary.

3. Literature, biblical tales, myths. Folk tales, legends, and myths often serve as sources for sustained expressions. They may include images of animals, natural phenomena, or mythical creatures that convey certain ideas or moral lessons [1].

**The history of the emergence
of phraseological units and idioms**

Stable expressions were not invented on purpose. They appeared when people began to use a figurative meaning and find deep meaning in natural phenomena, household items, and so on. Over time, these expressions were passed from mouth to mouth and became widespread. Most of the phraseological units came from the Old Slavonic language or from Russian literature, while the rest are borrowed from other languages [5]. English idioms mostly come from the Bible, English literature, or borrowed from French and Latin [6].

1. Warm the snake on your chest. The source of the phraseology is the work of the

ancient fabulist Aesop called «The Peasant and the Snake». It tells the story of a man who found a frozen snake in a field. He put her in his bosom so that she wouldn't die. But after the snake warmed up, it bit its savior. That is, phraseology appeared thanks to literature.

2. The buffoon. Earlier in Russia, it was called a scarecrow in a field sown with peas. Yuletide rituals were also associated with this bean crop, in which mummers decorated with pea straw took part. Buffoons used it in their costumes, and on Shrovetide they carried a scarecrow of a buffoon through the streets. This phraseological unit originated from folk speech.

3. Blue stocking. This expression appeared in the 1760s in England, in the salon of the writer Elizabeth Montague. According to one version, the nickname originally stuck to the man. Benjamin Stillingfleet, a botanical scientist, writer, and translator, was the most active member of the circle. He wore blue wool stockings instead of the black silk stockings prescribed by etiquette. And when he skipped meetings, they commented on it like this: «We can't live without blue stockings, today the conversation is going badly – there are no blue stockings!» So Benjamin Stillingfleet got the nickname «blue stocking», and then the whole circle began to be called the «Blue Stocking Society». Eventually, «blue stockings» began to be called women who were interested in science and literature, and who did not pay due attention to family and home by the standards of that time. Phraseology came into the Russian language by borrowing [3].

4. To live from hand to mouth - barely make ends meet. This idiom appeared during the Great Depression, when people were hungry and did not know when they would have to eat next. That is why everything edible that fell into their hands was immediately eaten, sent into their mouths – from hand to mouth. The phraseology is taken from the vernacular.

5. To bad-mouth – to blacken, defame. The expression was borrowed from the slang

of people from Africa and the Caribbean and means a spell or curse.

6. Wolf in sheep's clothing. The expression is taken from the text of the Gospel: «Beware of false prophets, who come to you in sheep's clothing, but inside they are ravenous wolves» [4].

Thus, phraseological units appeared in both Russian and English in three ways: literature, folk speech, and borrowings from other languages. This fact is the similarity between Russian phraseological units and English idioms.

Analogues of Russian phraseological units in English

Phraseological units are stable expressions that have a special meaning and often reflect the cultural and historical features of the language. They play an important role in any language, including Russian and English, and help convey emotions, moods, or certain nuances in communication. There are also many idioms in English that may be similar to Russian expressions or be their complete counterparts.

1. Сжигать мосты – to burn bridges
2. Жить как кошка с собакой – a cat and dog life
3. Аппетит приходит во время еды – appetite comes with eating
4. Браки совершаются на небесах – marriages are made in heaven
5. Буря в стакане воды – a storm in a tea-cup
6. Ищите женщину – there is a woman in it
7. Быть или не быть – to be or not to be
8. Скелет в шкафу – a skeleton in the closet [4]

Similar phraseological units and idioms

1. That is the heart of matter – вот сердце вопроса (translate) – вот где собака зарыта
2. To kill two birds with one stone – убить двух птиц одним камнем (translate) – убить двух зайцев

3. Fight fire with fire – огнем бороться с огнем (translate) – клин клином вышибать

4. To promise the moon – обещать луну(translate) – обещать золотые горы

5. To make a mountain out of molehill – делать гору из кротовины (translate) – делать из мухи слона

6. When pigs fly – когда полетят свиньи (translate) – когда рак на горе свистнет

7. Black sheep – чёрная овца (translate) – белая ворона

8. Curiosity killed the cat – любопытство убило кота (translate) – любопытной Варваре на базаре нос оторвали [4].

This implies that many Russian phraseological units can be replaced with English idioms, some can be translated literally, and others can find analogues with the same meaning. This is another similarity between phraseological units and idioms.

There are also similarities between idioms and phraseological units:

Stability: both types of expressions are stable combinations of words that are not subject to change in their structure. They cannot be freely modified without loss of meaning;

Figurative meaning: idioms and phraseological units usually have a figurative meaning, the words in them are not used in the literal sense. For example, «hit the sack does not mean hitting the sack».

Cultural specificity: Both types of expressions often reflect the cultural and historical features of the language in which they are used. This makes them important for understanding language and culture;

Usage in speech: idioms and phraseological units are used to add expressiveness and imagery to speech. They can help convey emotions, moods, and ideas more vividly and effectively.

The survey

A study was conducted on the topic «The use of phraseological units in Russian and English». The respondents were offered questionnaires that contained the following questions and tasks:

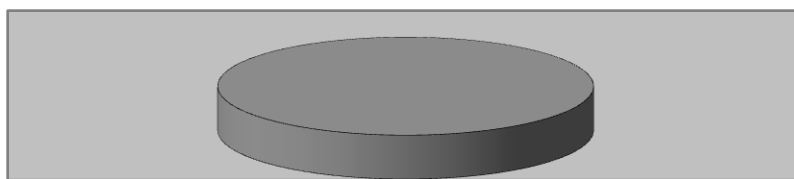
1. Do you know what a phraseological unit is?

2. Which phraseological units do you use most often?

3. Name 3 English idioms

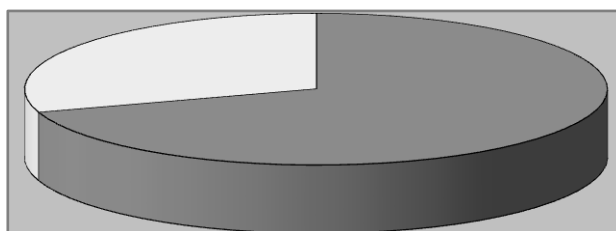
4. Correlate the Russian phraseology with a similar idiom.

10 people aged 16 to 20 answered the questionnaire questions. 10/10 of the respondents were able to define phraseology (Pic. 1), 7/10 were able to name their favorite phraseological units (Pic. 2), the most popular were: без труда не выловишь и рыбку из пруда, пригреть змею на груди и шут гороховый. There were difficulties with English idioms, out of 10 respondents, only 3 people were able to complete this task (Pic. 3), all three indicated the idiom «piece of cake». 6/10 of the respondents were able to correctly correlate idioms and phraseological units (Pic. 4). Idioms with a meaning similar to the phraseological unit, but with a different translation, caused difficulties.

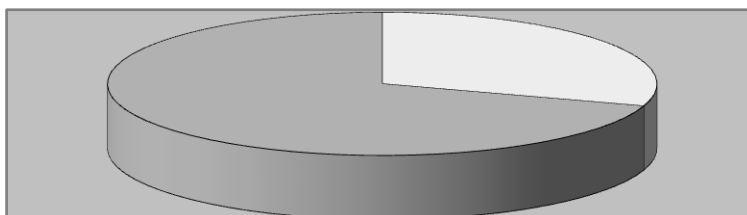
Picture 1

10/10 people gave a definition to a phraseologism

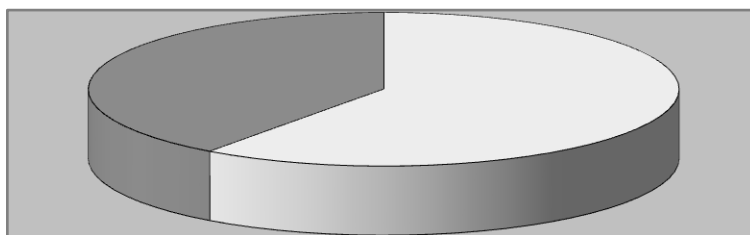
Picture 2

7/10 people were able to name favorite phraseological units, 3/10 were not able to name favorite phraseological units

Picture 3

3/10 people were able to name any English idioms, 7/10 were not able to name any English idioms

Picture 4

6/10 people were able to correlate the phraseology with the idiom, 4/10 were not able to correlate the phraseology with the idiom

Thus, the survey showed that, on average, the respondents had more problems with English idioms when they had no difficulties with Russian phraseological units. The survey participants understood the meaning of some English idioms, but only 3 people could name the idioms themselves, which indicates a lack of knowledge of English vocabulary among the respondents. The ability to translate an idiom from English into Russian indicates that the respondents have an average vocabulary, but do not know stable expressions in English. All the survey participants showed interest in this topic, which means that young people still use phraseological units in their speech and do not consider them an outdated lexical unit. This survey helped the respondents to learn more about phraseological units and idioms, to remind them that their use enriches speech. Knowledge of idioms is especially useful for English language learners, it shows the level of language proficiency and makes speech more interesting.

In the course of the study of Russian phraseological units and English idioms, the main conclusions can be identified. First, despite the differences in language systems and cultural contexts, there are many similarities between these expressions. This indicates

that human experience and perception of the world have universal features, which makes it possible to find parallels in different languages. Secondly, phraseological units and idioms enrich the language, giving it expressiveness and imagery. They help to convey emotions, create vivid images and make speech more lively and interesting. Understanding these expressions contributes to deeper language acquisition and improved intercultural communication skills. In addition, the study of phraseological units and idioms allows for a better understanding of the cultural characteristics of the peoples who speak Russian and English. Each expression carries historical, social, and cultural references that make the language vibrant and dynamic. Thus, our research confirms the importance of phraseological units and idioms as an integral part of the language, contributing to its richness and diversity.

Bibliography

1. Aliyah, Bekzat Zhaikhanuly. Similarity and difference of Russian and English phraseological units / Bekzat Zhaikhanuly Ali, A. K. Dauletalina. – Text : direct // Young scientist. – 2023. – № 48 (495). – Pp. 491–494. – URL: <https://moluch.ru/archive/495/108446> / (date of request: 08/02/2025).
2. Merkur'yeva N. M. Structural and semantic features of the composite-idioms and phraseological units: similarities and differences // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2020. No. 10. URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-semanticheskie-osobennosti-kompozita-idiomy-i-frazeologizma-shodstva-i-razlichiya> (date of request: 08/02/2025).
3. Handbook of phraseology, Literacy.ru – reference portal
<https://gramota.ru/biblioteka/spravochniki/spravochnik-po-frazeologii> (date of request: 08/02/2025).
 4. IdiomsOnline – Your Free Idioms Dictionary
<https://www idioms online/> (date of request 08.02.2025)
 5. Trofanyuk N. A., Mikhailova I. G. The origin of phraseological units of the Russian language // Language and Culture (Novosibirsk). 2016. № 21.
 6. Batunova I. V. Etymology of idioms: origin and usage in modern english / I. V. Batunova, E. I. Lobyneva, A. Y. Nikolaeva // International Scientific Research Journal. – 2020. – № 12 (102). URL: <https://research-journal.org/archive/12-102-2020-december/etimologiya-idiom-vozniknovenie-i-upotreblenie-v-sovremennom-anglijskom-yazyke> (date of request : 27.01.2025). – doi: 10.23670/IRJ.2020.102.12.093

© Prudnikova M. E., 2025

УДК 338

ПРОБЛЕМЫ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ В ОТНОШЕНИИ ТОВАРОВ
ИЗ НЕДРУЖЕСТВЕННЫХ СТРАН И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

EDN YDDQGJ

С. С. Воложина

*Студентка,
0009-0007-7655-958X,
e-mail: sofya_shkurina@mail.ru,
Юридический институт,
Владимирский государственный университет
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых,
г. Владимир, Россия*

PROBLEMS OF CUSTOMS CONTROL IN RELATION TO GOODS
FROM UNFRIENDLY COUNTRIES AND WAYS TO SOLVE THEM

S. S. Volozhina

*Student,
Law Institute,
Vladimir State University
named after A. G. and N. G. Stoletov,
Vladimir, Russia*

Abstract. The article discusses the current problems of customs control in relation to goods coming from unfriendly countries. The author analyzes the existing customs control mechanisms, identifies shortcomings in legislation and practice, and examines the impact of political and economic factors on the effectiveness of control. Special attention is paid to practical aspects such as the detection and prevention of smuggling, falsification of goods and tax evasion. The article suggests ways to solve these problems, including improving the regulatory framework, introducing modern technologies and automated systems, as well as the need to improve the skills of customs officials.

Keywords: customs control; unfriendly countries; foreign economic activity; economic policy; protection of the domestic market.

В эпоху глобализации и активного развития международной торговли таможенный контроль выступает в качестве ключевого инструмента обеспечения экономической безопасности государства. Однако с введением санкций и изменением политической обстановки, особенно по отношению к недружественным странам, таможенные органы сталкиваются с новыми вызовами и проблемами. Актуальность данной работы обуславливается необходимостью глубокого анализа существующих проблем в области таможенного контроля товаров, импортируемых из

недружественных стран, а также поиска путей их решения.

Санкционная политика, введенная в ответ на различные международные конфликты и экономические угрозы, значительно усложнила процесс таможенного контроля. Одной из основных проблем стало несоответствие действующих таможенных процедур и законодательства новшествам, вызванным санкциями. Это создает трудности как для органов таможенного контроля, так и для участников внешнеэкономической деятельности (ВЭД), которые вынуждены адаптировать-

ся к новым условиям работы. Особое внимание в данной работе уделено вопросам определения таможенной стоимости товаров, что является критически важным для правильного расчета пошлин и налогов.

Среди значительных барьеров для точного определения таможенной стоимости товаров выделяется отсутствие единых образных подходов к оценке. Возникают сложности с подтверждением фактической стоимости товаров: поставщики могут не предоставлять достаточных данных о цене продукции, что влечёт за собой возможность занижения или завышения оценок. В таких обстоятельствах таможенные органы порой прибегают к сопоставимым методам оценки, что не всегда гарантирует объективность результатов.

Кроме того, внешнеэкономическая ситуация значительно влияет на стоимость товаров. Изменения в курсах валют, колебания цен на сырьё и отклонения в логистических цепочках оказывают влияние на таможенные ставки. Это требует постоянного мониторинга и актуализации со стороны таможенных органов, а также поддерживает интерес к знаниям о текущих рыночных трендах у участников внешнеэкономической деятельности.

Для решения указанных проблем важно внедрение международных стандартов оценки и унификация подходов к определению таможенной стоимости. Разработка четких методик, а также создание единой базы данных для оценки товаров может упростить процедуры и снизить уровень конфликтов между сторонами.

Необходима комплексная реформа, включающая как правовые, так и организационные меры. Дискуссии и согласование новых инициатив на уровне профессионального сообщества могут помочь в нахождении оптимальных решений и снижении уровня неопределенности на внешнеэкономическом рынке. Правительственная поддержка таких инициатив окажет значительное влияние на стабильность и предсказуемость в области таможенного контроля.

Введение новых таможенных пошлин на товары из недружественных стран создает ряд факторов, влияющих на внешнеэкономическую деятельность. Изменчивость цен, обусловленная новыми налогами, может значительно влиять на окончательную стоимость товаров. Дополнительно необходимо переосмысление логистических цепочек, что требует дополнительных затрат и временных ресурсов.

Важной темой остаётся влияние на уровень конкуренции. Местные производители получают определённые преимущества благодаря росту цен на импортные товары, однако со временем это может привести к стагнации и отсутствию стимула к инновациям, так как низкая конкуренция не способствует улучшению качества и снижению цен.

Также стоит отметить смещение географии торговли. Сокращение поставок из недружественных стран может направить спрос на товары из стран с более высокими ценами и менее конкурентоспособными предложениями. Это приводит к уменьшению выбора для потребителей и может негативно сказаться на качестве товаров на рынке.

Очевидна необходимость разработки четких регуляторных механизмов и платформ для обеспечения прозрачности относительно новых пошлин. Поскольку участники ВЭД сталкиваются со сложными условиями, важно выработать стратегии, которые помогут адаптироваться к новшествам на рынке.

Развитие двусторонних и многосторонних торговых соглашений с дружественными странами также можно считать важным шагом, который создаст более благоприятные условия для торговли и снизит зависимость от недружественных поставок. Это включает в себя упрощение процессов таможенного контроля и установление более простых правил импорта.

Учитывая вышеперечисленные факторы, становится очевидным, что новые таможенные пошлины создают как проблемы, так и перспективы для участников

внешнеэкономической деятельности. Сложившаяся ситуация требует немедленного анализа и гибкости в подходах к ведению бизнеса, что позволит минимизировать негативные последствия и использовать возможные выгоды.

Текущие преобразования в области таможенного регулирования показывают множество сложных и многообразных проблем, возникающих при торговле с недружественными странами. Анализ воздействия новшеств свидетельствует о необходимости рассмотрения ситуаций участников внешнеэкономической деятельности в контексте современных экономических реалий.

Внедрение таких мер, как увеличение тарифов и ужесточение контроля за товарами из недружественных стран, вкупе с расширением списка товаров, на которые введены новые ограничения, направлено на защиту внутреннего рынка и реализацию государственных интересов. Эти инициативы, однако, могут как негативно, так и позитивно сказываться на предпринимателях, ведущих внешнеэкономическую деятельность.

Увеличение таможенных пошлин и рост административных процедур создают серьезные препятствия для экспортеров и импортеров, стремящихся свести к минимуму временные и финансовые издержки. Комплексные процессы сертификации и новые стандарты становятся дополнительным источником неопределенности и риска в операционной деятельности.

Сравнительный анализ международного опыта в области таможенного контроля товаров из недружественных стран помогает определить лучшие практики и стратегии, которые могут быть адаптированы для улучшения контроля в Российской Федерации. Эффективный и безопасный процесс таможенного оформления крайне важен в условиях нынешних экономических и политических вызовов, что создает необходимость глубокого анализа успешных зарубежных моделей.

В Европейском Союзе актуализирована система управления рисками, позволяющая мониторить и анализировать потенциальные угрозы на этапе предварительного таможенного декларирования. Это дает возможность ускорять оформление низкорисковых товаров, в то время как высокорисковые подлежат более тщательному контролю. Ключевым является внедрение информационных технологий для создания единой базы данных, что обеспечивает эффективную защиту от коррупции на всех этапах обработки товаров.

В Соединенных Штатах таможенные органы активно используют данные транзакций для выявления аномалий и подозрительных действий. Система «Customs Trade Partnership Against Terrorism» (C-TPAT) объединяет бизнес в процесс обеспечения безопасности поставок, тем самым снижая нагрузку на таможенные органы и повышая общий уровень контроля. Установление прочного сотрудничества между государственными структурами и частным сектором позволяет эффективно выявлять и предотвращать потенциальные угрозы и нарушения.

Анализ практик стран Восточной Азии, таких как Сингапур и Гонконг, показывает, что применение современных технологий, включая автоматизированные системы документооборота и электронные декларации, значительно ускоряет процессы таможенного оформления. Эти страны внедрили прогрессивные подходы, которые не только ускоряют работу, но также минимизируют уровень уплаты налогов. Прозрачные системы контроля облегчают взаимодействие с международными партнерами, что особенно важно в условиях глобализации.

Проблемы таможенного контроля товаров из недружественных стран требуют системного рассмотрения для их решения. Одним из центральных аспектов является оптимизация методов оценки и контроля таможенной стоимости. Важно разработать четкие и понятные методологии, ко-

торые исключают манипуляции со стороны импортеров. Внедрение автоматизированных систем, способных сопоставлять информацию о ценах на аналогичные товары на международных рынках, потенцирует сокращение рисков занижения стоимости.

Также необходимо пересмотреть подходы к классификации товаров. Использование унифицированной системы кодирования, ориентированной на актуальные товарные группы и специфику недружественных стран, поможет снизить вероятность ошибок в таможенном оформлении и ускорить процесс контроля. Создание общих баз данных для таможенных органов различных стран усовершенствует сотрудничество и повысит уровень прозрачности.

Еще одной важной проблемой остаются задержки товаров на таможне, возникающие из-за недостатка информации от участников внешнеэкономической деятельности. Оптимизация системы обмена данными между таможенными службами и компаниями может существенно сократить временные затраты на оформление и отслеживание товаров в реальном времени. Создание единой платформы, аккумулирующей все необходимые данные о грузах, упростит процесс контроля и уменьшит вероятность злоупотреблений.

Введение общественного контроля за деятельностью таможенных органов, механизмы обратной связи от участников внешнеэкономической деятельности, а также независимые аудиторы могут способствовать повышению доверия к системе таможенного контроля и снижению коррупционных рисков.

В результате нашего исследования можно выделить несколько ключевых аспектов, касающихся проблем таможенного контроля относительно товаров из недружественных стран, а также возможные пути их разрешения. В условиях глобализации и активного развития внешнеэкономической деятельности, таможенные органы сталкиваются с рядом сложностей,

требующих комплексного подхода и быстрых решений.

Основной проблемой, выявленной в ходе анализа, является несоответствие текущих таможенных процедур и законодательства изменениям, вызванным действующими санкциями. Это создает значительные трудности как для таможенных служб, так и для участников внешнеэкономической деятельности. В частности, сложности связаны с определением таможенной стоимости товаров, что сказывается на точности расчета пошлин и налогов. Непрозрачные и неопределенные вопросы в этой сфере могут привести к финансовым потерям как для государства, так и для бизнеса.

Введение новых таможенных пошлин в ответ на санкции также существенно влияет на участников внешнеэкономической деятельности. Увеличение расходов на импорт товаров из недружественных стран может изменять структуру поставок и приводить к необходимости поиска альтернативных источников. Как следствие, это может негативно сказаться на конкурентоспособности отечественных производителей и привести к повышению цен на конечные товары для потребителей.

Следовательно, для успешного преодоления трудностей, возникающих в процессе таможенного контроля товаров из недружественных стран, необходим комплексный и системный подход, учитывающий как внутренние, так и внешние факторы. Важно, чтобы таможенные органы и участники внешнеэкономической деятельности взаимодействовали в тесном сотрудничестве, что позволит создать более эффективную и адаптивную систему контроля, способную оперативно реагировать на современные вызовы.

Библиографический список

1. Иванов И. И. Таможенные барьеры и их влияние на экономические отношения // Вестник Таможенной академии. – 2021. – № 3. – С. 28–35.
2. Петрова А. С. Проблемы и перспективы таможенного контроля на границе с недружествен-

- ными странами // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2022. – № 6. – С. 112–117.
3. Смирнов В. А. Современные вызовы таможенной безопасности России в условиях глобализации // Таможенное дело. – 2020. – № 2. – С. 54–61.
 4. Ковалев Н. Л. Анализ проблем таможенного контроля товаров из недружественных стран // Журнал современных исследований. – 2023. – № 1. – С. 45–53.
 5. Яковлева Е. М. Эффективность законодательства в сфере таможенного контроля // Правовые аспекты международной торговли. – 2021. – № 4. – С. 97–105.
 6. Федоров Р. Ю. Информационные технологии в таможенном контроле: вызовы и решения // Инновации в таможенном деле. – 2022. – № 5. – С. 22–29.
 7. Григорьев А. С. Роль государственного регулирования в обеспечении таможенной безопасности // Управление внешнеэкономической деятельностью. – 2022. – № 7. – С. 88–95.
 8. Сидоренко Т. А. Проблемы сотрудничества с зарубежными странами в сфере таможенного контроля // Экономика и право. – 2023. – № 2. – С. 120–126.
 9. Михайлов Д. В. Перспективы развития таможенной службы в условиях внешнеэкономических кризисов // Вестник экономической науки. – 2021. – № 8. – С. 75–82.
 10. Кузнецова Л. И. Альтернативные пути решения проблем таможенного контроля в условиях санкций // Таможенная политика. – 2023. – № 3. – С. 33–39.

© Воложина С. С., 2025

УДК 343.8

ОСНОВНЫЕ СТАДИИ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

EDN BOBVMA

И. А. Курочкин

*Магистрант, e-mail: Alankia@mail.ru**Юридический институт**имени М. М. Спиранского,**Владимирский государственный университет**имени Александра Григорьевича**и Николая Григорьевича Столетовых,**г. Владимир, Россия,*

Д. А. Курочкин

*консультант отдела правового сопровождения**и судебной работы,**e-mail: 93Dak@mail.ru,**МКУ «ЦОФУ Ивановского муниципального района»,**г. Иваново, Россия*

MAIN STAGES OF RESOCIALIZATION OF PERSONS CONVICTED TO IMPRISONMENT

I. A. Kurochkin

*Undergraduate,**M. M. Spiransky Law Institute,**Vladimir State University named after Alexander**Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov,**Vladimir, Russia*

D. A. Kurochkin

*Consultant of the Department of Legal support**and judicial work,**MCU «TSOFU of the Ivanovo municipal district»**Ivanovo, Russia*

Abstract. The article examines the various points of view of Russian jurists regarding the concept and stages of re-socialization of those sentenced to isolation from society

Keywords: convicted person; correctional institution; place of deprivation of liberty; living conditions; stages; stage; law-abiding citizen; training of a convicted person.

Один из приоритетных вопросов политики нашего государства на современном этапе является ресоциализация осужденных. Этот процесс включает в себя совокупность мероприятий, направленных на сокращение роста рецидивной преступности. Формированию у лиц, содержащихся в местах лишения свободы законопослушного поведения и включения их в гражданское общество. В рассматриваемом вопросе речь идет о виде профессиональной деятельности, направленной на оказание социальной помощи, поддержке и защите осужденных в период отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы, а также их адаптации в обществе после

освобождения из пенитенциарного учреждения (ресоциализация осужденных).

Большинство ученых сравнивают ресоциализацию с понятиями, как «социальная адаптация», «реабилитация», «исправление осужденного». В рамках уголовно-исполнительного права имеется подмена понятия «ресоциализация осужденных» понятием «исправление осужденных».

В настоящее время в научной литературе остается спорным вопрос о делении ресоциализации на стадии. Принято выделять два основных этапа исправления: первый – пенитенциарная, то есть работа, которая проводится с осужденными в период содержания в местах лишения сво-

боды и второй – постпенитенциарная. Она осуществляется после освобождения из исправительного учреждения государственными органами.

Этой точки зрения придерживаются некоторые российские правоведы. В частности, А. Ф. Степанюк и В. М. Трубников. По их мнению, пенитенциарный этап исправления осужденных, необходимо рассматривать как подготовительную стадию к последующему постпенитенциарному этапу. С их точки зрения, ресоциализация осужденных это процесс, состоящий из ряда взаимосвязанных этапов, на которых различные субъекты должны осуществлять комплексное воздействие на лиц, совершивших противоправное деяние [1].

В своей диссертации М. С. Рыбак, ресоциализацию осужденного к лишению свободы рассматривает как процесс реорганизации и исправления свойств личности спецконтингента. С его точки зрения коррективировка осужденных, это процесс перерождения преступника в законопослушного гражданина, который осознал всю вредность совершенного им преступного деяния. Способность осужденного приспособится к жизни на свободе, заняться полезной деятельностью. Восстановить утраченные им социальные контакты с обществом. По его мнению, необходимо выделяет пять стадий:

1) установление принадлежности осужденного к положительной, отрицательной или нейтральной группе, к которой он может относиться с учетом его интеллектуальных и волевых качеств;

2) создание условий для разрыва негативных связей с социально опасной группой, асоциальной средой;

3) исправление осужденного как средство ресоциализации;

4) воспитательная работа с осужденным как средство ресоциализации;

5) социальная адаптация лишенного свободы [2].

С позиции Ю. В. Баранова вопрос деления ресоциализации на стадии является

спорным. Одной из причин, по его мнению, является наличие оценочных понятий «положительные группы» и «отрицательные группы». После осуждения гражданина и перевода в исправительное учреждение для него с точки зрения возможностей человеческого организма создаются экстремальные условия для адаптации. В случае положительного прохождения стадии, осужденного в исправительном учреждении он полностью приспособляется к условиям в местах лишения свободы. Потом начинается процесс индивидуализации. При прохождении стадии индивидуализации в рамках исправительного учреждения осужденный переходит к стадии интеграции в общество, существующее в исправительном учреждении [3].

Более расширенное толкование процесса ресоциализации осужденных дает В. Е. Южанин. Структуру исправления осужденных он подразделяет на три стадии. Это допенитенциарный, пенитенциарный и постпенитенциарный. Первая стадия начинается с момента десоциализации лица, которая привела осужденного на определенном этапе жизни к совершению противоправного деяния. Последняя стадия заканчивается возвращением осужденного в общество и адаптацией его в нем. На допенитенциарном этапе на обвиняемое в совершении преступления лицо оказывается большое нравственно-психологическое давление со стороны сотрудников правоохранительных органов, суда, других участников уголовного процесса, друзей, родственников. На пенитенциарной стадии ресоциализации воспитывается психологическая установка осужденного на дальнейшее поведение и образ жизни. На постпенитенциарной стадии ресоциализации осужденного идет его приобщение к ближайшему социальному окружению. У него вырабатывается способность преодолевать трудности [4].

Н. А. Крайнова в своей диссертации процесс ресоциализации осужденных так же предлагает подразделить на 3 этапа.

Первый этап – это допенитенциарным. Он включает в себя вынесение в установленном порядке наказания и отношение к нему осужденного. Второй этап пенитенциарный. Он включает в себя: адаптация к условиям исполнения уголовного наказания, исправление и подготовка осужденного к освобождению. В третий в постпенитенциарный этап входит освобождение и социальная приспособление к условиям жизни на свободе.

На допенитенциарном этапе исправляющее воздействие на осужденного оказывает вид, срок назначенного судом наказания, а также вид исправительного учреждения. Слишком строгое наказание озлобляет осужденного, препятствуют нормальному приспособлению к жизни в условиях лишения свободы. Непомерно легкое наказание дает неверное представление о безнаказанности собственных противоправных действий, которое приводит к невыполнимости достичь цели исправления и возвращения в общество законопослушного гражданина [5].

По-моему, мнению у каждой стадии ресоциализации осужденных существуют определенные системные характеристики. У всех один и тот же объект воздействия – это лицо с антиобщественным противоправным поведением, на которое оказывается внешнее воздействие с целью возвращения в гражданское общество.

От мероприятий, проводимых в исправительных учреждениях по подготовке осужденного к освобождению, зависит их жизни в обществе, как изменятся их мировоззрение, и дальнейшая жизнь как законопослушного гражданина.

Заключительный этап ресоциализации осужденных покажет, насколько продуктивно прошел процесс ресоциализации. Как прошел процесс устранения негативных причин, которые препятствуют возвращению осужденных к полезной деятельности.

Анализируя, рассматриваемый вопрос можно сделать вывод, что упомянутые выше российские юристы в своих доводах о стадиях ресоциализации осужденных к лишению свободы не противопоставляют друг другу свои мнения, а дополняют. Каждый из авторов стремится осветить отдельные стадии единого процесса.

Библиографический список

1. Полякова Е. А. Стадии процесса ресоциализации осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stadii-protsess-a-resotsializatsii-osuzhdennyh-otbyvayuschih-nakazanie-v-vide-lisheniya-svobody/viewer>
2. Рыбак М. С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики: Дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.08. Саратов, 2001. 445 с. С. 52–56.
3. Баранов Ю. В. Стадии ресоциализации осужденных в свете новых социолого-антропологических воззрений и социальной философии. СПб., 2006. С. 41 URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002917425>
4. Полякова Е. А. Стадии процесса ресоциализации осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stadii-protsess-a-resotsializatsii-osuzhdennyh-otbyvayuschih-nakazanie-v-vide-lisheniya-svobody/viewer>
5. Крайнова Н. А. Проблемы ресоциализации неоднократно судимых лиц: Дис.... канд. юрид. наук. 12.00.08. Владивосток, 2002. 225 с. С. 20. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_N_LR_bibl_394018/

© Курочкин И. А., Курочкин Д. А., 2025

УДК 347.7

К ВОПРОСУ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ, ЦИФРОВЫХ И ВИРТУАЛЬНЫХ ДЕНЕГ

EDN BRMJNR

Е. Д. Меднис
Т. В. Корнева

*Студенты,
ORCID 0009-0002-4868-3915,
e-mail: mednislx@yandex.ru,
ORCID 0009-0007-6550-6336,
e-mail: tank03.97@mail.ru,
Санкт-Петербургский политехнический
университет им. Петра Великого,
г. Санкт-Петербург, Россия*

ON THE ISSUE OF DISTINGUISHING ELECTRONIC, DIGITAL AND VIRTUAL CURRENCIES

E. D. Mednis
T. V. Korneva

*Students,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
Saint-Petersburg, Russia*

Abstract. The article examines the concepts of electronic, digital and virtual money as new forms of payment from the point of view of law. Through the analysis of theoretical materials and existing legislation, the authors have attempted to clearly distinguish these concepts using criteria such as «fiat». The article also raises the issue of the essence of the «Digital Ruble» as a new payment unit of the Russian Federation, covering the advantages and disadvantages of this type of payment and its importance for economics and law. As a result of the conducted research, the relevant conclusions and potential options for distinguishing these categories, which today play an integral role in everyday commerce, were formulated.

Keywords: non-cash funds; electronic money; digital currency; digital ruble; cryptocurrency; digital (electronic) money; virtual money.

В современном мире существует несколько форм денег: банкноты, монеты, бумажные деньги и электронные деньги [1]. Банкноты – денежные знаки, выпускаемые национальным центральным банком, разновидность кредитных денег. Монеты – это денежные знаки, изготовленные из металла или других материалов, с определенной формой, весом и номиналом [2]. Бумажные деньги для нас – выпускаемые государством бумажные знаки стоимости, имеющие официальный принудительный номинал и унифицированную форму.

Сегодня наибольшее количество вопросов вызывают определения виртуальных, цифровых и электронных денег, поскольку именно с подобными вариациями «классических денег» человечеству приходится сталкиваться всё чаще. В связи с

этим, возникает необходимость приведения чётких дефиниций данных понятий, а также уточнение факторов, разграничивающих их.

Под «электронными деньгами» в доктрине принято считать деньги, обладающие ликвидностью, и используемые для оплаты (приобретения) различных благ, однако, доступ, к которым осуществляется программным способом. Самым распространенным примером таких денег является счёт в онлайн-банке [3].

Цифровые деньги появились примерно в 2011 году, в то же время, что и популяризация криптовалюты «биткоин», из-за чего термин часто используют в контексте криптовалют.

Под виртуальными деньгами подразумевается валюта, на которую нельзя купить что-то реальное. Это валюта онлайн-игр

или локальных счетов сервисов; купить можно только то, что предлагает сервис, в пределах которого такая валюта и хранится. Вывести такие деньги в настоящие ликвидные – прямой возможности нет.

В нашем государстве разрабатывается и развивается правовое регулирование данной сферы. Рассмотрим существующие нормативно-правовые акты и проанализируем насколько актуальна нормативно-правовая база соответствует вызовам современности.

Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 № 161-ФЗ, даёт характеристику ряду понятий, во многом фокусируясь на электронных деньгах. Из множества предлагаемых терминов, нам видится разумным выделить следующие:

- Оператор электронных денежных средств – оператор по переводу денежных средств, осуществляющий перевод электронных денежных средств без открытия банковского счета (перевод электронных денежных средств);
- Электронные денежные средства – денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа.
- Электронное средство платежа – средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием

информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств [4].

Не смотря на большое количество норм, отведенных понятиям электронных и цифровых денег, сохраняется непонимание и запутанность в отличии данных терминов. Проанализировав теорию по данному вопросу, была выявлена следующая классификация денег, по которой и предлагаем определять разницу между электронным, цифровыми и виртуальными:

- Фиатные деньги – представляют собой деньги, номинальная стоимость которых определяется и обеспечивается посредством государственного регулирования. Данные денежные средства не обладают внутренней ценностью и не подкреплены резервами, такими, как например, золото. Государственные органы признают их в качестве законного платежного средства. К таким денежным средствам относятся, в частности, электронные деньги.
- Нефиатные деньги – выражены в единицах стоимости негосударственных платежных систем. Такой вид платёжных средств способны эмитировать частные корпорации, с разрешения компетентных государственных органов. Нефиатные деньги не признаются официальным платежным средством и не подлежат обналечиванию. Их обращение, также как и эмиссия, осуществляются частными организациями. Основное применение таких денежных средств – это проведение операций в интернете: пополнение счетов, оплата коммунальных услуг, интернета и телевидения и др. [5, с. 56–57].
- Виртуальные деньги – представляют собой средства, применяемые для расчетов в виртуальных магазинах, социальных сетях и компьютерных играх. Основная их задача – быть товаром, обеспечивающим конвертацию «реальных денежных средств» в расши-

рение пользовательского потенциала внутри определённой цифровой платформы. В качестве примера можно привести «голоса» в социальной сети «ВКонтакте», которые позволяют обменивать электронные деньги с банковской карты на виртуальные средства, используемые для приобретения различных нематериальных товаров внутри данной социальной сети.

В Российской Федерации активно идет внедрение разных форматов денег в обращение. Правовое регулирование электронных и цифровых денег было ранее затронуто нами. Однако, стоит уделить внимание одному из самых важных и громких событий сферы «компьютерных денежных средств» – появлению Цифрового рубля.

С 1 августа 2023 года в законную силу вступил Федеральный закон от 24.07.2023 года № 340-ФЗ. Данный нормативный акт посвящен изменениям в отдельные законодательные акты Российской Федерации, в частности, рассматривает «Цифровой рубль» – средство платежа, которое является особым электронным кодом, дающим обладателю возможность совершать покупки и переводы третьим лицам [6].

Эмитентом Цифрового рубля служит Центральный банк Российской Федерации в то время, как в криптовалюте единый эмитент отсутствует. Также при использовании данного средства платежа необходимо пройти идентификацию, в частности, через единый портал – Госуслуги, иными словами, исключается возможность анонимного совершения операций [7]. Использование Цифрового рубля добровольно, причем, субъектами являются как ИП с компаниями, так и физические лица. Стоит также указать на то, что цифровой рубль равноценен одному безналичному, а также одному наличному рублю.

На сегодняшний день Цифровым рублем нельзя оплатить налог или государственную пошлину, однако есть возможность оплаты товаров и услуг, получение

оплаты от физических и юридических лиц. Исходя из аспекта функциональности, указанная валюта обладает преимуществом, заключающимся в возможности распоряжения ею посредством приложения любого банковского учреждения, интегрированного с Центральным банком РФ.

Таким образом, Цифровой рубль – это форма российской национальной валюты, которую Банк России выпускает в дополнение к существующим формам денег [7].

Использование цифрового рубля обладает рядом преимуществ и недостатков, которые можно рассмотреть с точки зрения экономической эффективности и правовой регуляции.

Преимущества:

1. Оптимизация транзакционных издержек: Цифровой рубль способствует значительному снижению транзакционных издержек за счет устранения необходимости в физическом обмене наличными средствами, что, в свою очередь, повышает оперативность и надежность финансовых операций.
2. Усиление контроля и прозрачности: Внедрение цифрового рубля позволяет усилить контроль со стороны регуляторов и повысить прозрачность финансовых транзакций, способствуя снижению уровня финансовых преступлений и улучшению качества мониторинга экономической деятельности.

Недостатки:

1. Проблемы безопасности: Внедрение цифрового рубля сопряжено с рисками компьютерной безопасности. Уязвимость к кибератакам требует значительных инвестиций в разработку и поддержание надежных систем защиты данных.
2. Юридические и нормативные вызовы: Цифровой рубль предполагает разработку и внедрение новых нормативно-правовых актов, что способно повлечь трудности в адаптации существующей

правовой системы. На данном этапе крайне важно оказание усилий по гармонизации национального законодательства, прежде чем данная форма валюты станет привычной и востребованной в обществе.

Для предупреждения возникновения правовых казусов в данной сфере, законодатель дополнил Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» ст. 30.8, а именно внес ограничения на использование новой валюты. Так, несколько человек не может быть пользователем одного кошелька; нельзя совершать операции без идентификации; напрямую обналичивать Цифровой рубль, а также формировать договор счета в драгоценных металлах.

Изучив Цифровой рубль можно сделать вывод, что с одной стороны, такая форма валюты удобна при использовании и даже способна заменить «бумажные деньги» (если функциональные возможности будут расширены). В связи с контролем со стороны «Центробанка», злоумышленникам будет сложно скрывать средства от налоговых органов, совершать мошеннические и коррупционные деяния. С другой стороны, из-за такого тщательного контроля и отсутствия возможности анонимного использования цифрового платёжного средства, контролироваться будет кошелек каждого пользователя, усложнится система отчётности.

Подводя итоги по всей теме, можно заключить, что электронные деньги это есть фиатные деньги – разновидность денег в их безналичной форме расчёта. Цифровые деньги или нефиа́тные – деньги, которые нельзя напрямую обналичить. Это платёжные средства, которые выпускаются и используются в обращении частными институциональными субъектами. Яркими примерами являются: биткоин и другие криптовалюты [8, с. 149]. Цифровой рубль имеет особенности, так как он не по всем признакам нефиа́тный (только ограничение обналичивания). Виртуальные деньги – вовсе не деньги, а особая валюта в

цифровом пространстве, которая приобретает за счёт электронных или цифровых денег и существует исключительно внутри одного узкого поля (сервиса).

Таким образом, изучив теоретические материалы по данной теме, а также действующие нормативно-правовые акты возникает мысль о том, что законодатель существенно усложнил понимание темы, введя искусственные термины: электронный и цифровой. С точки зрения русского языка, данные термины синонимы, из-за чего возникает путаница в понимании и отличии данных форм денег. Было бы логичнее и рациональнее квалифицировать деньги, как фиатные; нефиа́тные и виртуальные (или даже «искусственные», исходя из приведенных признаков данного понятия).

Цифровые технологии очень быстро внедряются в нашу жизнь, из-за чего «закон» не может спрогнозировать все возможные варианты необходимые для регулирования общественных отношений в данной сфере. Вследствие этого, правовая регламентация проводится в спешке, в результате, отсутствуют единые систематизированные акты. Это говорит о том, что данная тема нуждается как в теоретическом, так и в правовом развитии и изменении, так как отсутствие единого понимания основных терминов приводит к возникновению запутанности и сложности при обращении электронных, цифровых и виртуальных денег в современном обществе.

Библиографический список

1. От ракушек и пушинки до электронной валюты: как появились деньги и какими они бывают // Mos.ru URL: <https://www.mos.ru/news/item/93529073/> (дата обращения: 10.04.2025). – Текст: электронный.
1. Монета // Словарь Нумизмата URL: <https://www.numizm.ru/html/m/moneta.html> (дата обращения: 12.04.2025). – Текст: электронный.
2. Антология денег: электронные и цифровые деньги // Plus World URL: <https://plusworld.ru/articles/60533/> (дата обращения: 10.04.2025). – Текст: электронный.
3. Закон Российской Федерации «О национальной платежной системе» от 14.06.2011 № 161-

- ФЗ // Российская газета. – 2011. – № 5515. – с изм. и допол. в ред. от ред. от 08.08.2024.
4. Строителева Е. В., Мигачев И. Б. Электронные деньги: виды, сущность и перспективы развития // Дискуссия. – 2014. – № 6 (47). – С. 54–59.
5. Закон Российской Федерации «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 11 июля 2023 года № 340-ФЗ // Российская газета. – 2023. – № 9112. – с изм. и допол. в ред. от 24.07.2023.
6. Цифровой Рубль // Банк России URL: <https://cbr.ru/fintech/dr/> (дата обращения: 10.04.2025). – Текст: электронный.
7. Юрий Борисович Шубников Безналичные денежные средства и цифровые (электронные) деньги в системе объектов гражданских прав // КриминалистЪ. – 2022. – № 4 (41). – С. 146–150.

© Меднис Е. Д., Корнева Т. В., 2025

УДК 347.736

ПОНЯТИЕ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ ПРИ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

EDN CBPISD

А. В. Серикова

Магистрант*, e-mail: av.serikova10@gmail.com,
Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск, Россия

CONCEPT OF SUBSIDIARY LIABILITY PERSONS CONTROLLING THE DEBTOR IN CASE OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY)

A. V. Serikova

Master's student**,
Pacific State University,
Khabarovsk, Russia

Abstract. The article considers the concept and legal nature of subsidiary liability of persons controlling the debtor in case of insolvency (bankruptcy). The author analyzes the statistical data of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation regarding the number of applications considered by arbitration courts to bring persons controlling the debtor to subsidiary liability in 2014–2023. The provisions of the current legislation regulating the procedure for bringing to subsidiary liability, the concept of persons controlling the debtor are investigated. Doctrinal views are given regarding the understanding of the concept under study, the author's definition of subsidiary liability of persons controlling the debtor is formulated.

Keywords: subsidiary liability; persons controlling the debtor; debtor; insolvency; bankruptcy.

Одним из актуальных вопросов современной теории и практики юриспруденции является защита прав и законных интересов кредиторов в деле о несостоятельности (банкротстве). Одним из механизмов, обеспечивающих эффективность защиты кредиторов, выступает подача в арбитражный суд заявления о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц. Анализ статистических данных, представленных Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, однозначно свидетельствует о стабильном росте числа подобных заявлений, поступивших в арбитражный суд. В частности, в 2023 году арбитражными судами было рассмотрено 7 051 заявление о привлечении к субсидиарной ответственности контролирую-

щих должника лиц, в 2022 году – 7 429, в 2021 году – 6 779, в 2020 году – 5 671, в 2019 году – 5 906, в 2018 году – 4 299, в 2017 году – 2 252, в 2016 году – 2 882, в 2015 году – 2 676, в 2014 году – 2 090 [8].

Несмотря на достаточную популярность данного механизма и многолетнюю (и однозначную) судебную практику в ряде вопросов относительно субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц (в частности, сложившиеся доказательственные презумпции, устоявшиеся критерии противоправности действий руководителя и пр.), в настоящее время легально не регламентировано понятие субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, а в доктрине также можно встретить различные мнения. В этой связи представляется необходимым

* Научный руководитель: Домченко А. С., кандидат юридических наук, директор Юридического института 013299@pnu.edu.ru

** Supervisor: Domchenko Artem Sergeevich, Candidate of Law, Director of the Law Institute 013299@pnu.edu.ru

первоначальное рассмотрение данного понятия и формулирование его дефиниции, которая будет положена в основу дальнейшего исследования.

По обоснованному замечанию В. Ф. Попондопуло и Е. В. Силина нельзя исключать применение общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации при определении правовой природы субсидиарной ответственности в делах о банкротстве [6]. В этой связи необходимо обратиться к основным источникам материального права. Так, в статье 399 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ [3] (далее – ГК РФ) не содержится легальное понятие субсидиарной ответственности, но раскрыт порядок предъявления требований к лицам, несущим субсидиарную ответственность. Хотя из первого пункта указанной статьи следует, что субсидиарная ответственность является разновидностью дополнительной ответственности, которая применяется наряду с основной ответственностью должника, соответственно, к иным лицам, не являющимися должником.

Более детальное раскрытие вопросов субсидиарной ответственности можно проследить в специальном отраслевом законодательстве. В частности, Главой III.2 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [2] (далее – Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)») регламентирована ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве.

Для целей определения субъектов, подлежащих привлечению к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве, законодателем введено понятие «контролирующее должника лицо» под которым понимается физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до приня-

тия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий (часть 1 статьи 61.10 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»). Таким образом, можно сделать вывод, что одним из обязательных критериев отнесения того или иного лица к контролирующему должника является возможность определять его действия, что нередко рассматривается учеными как определенный процессуальный фильтр [7].

Данное положение необходимо проиллюстрировать одним из примеров судебно-арбитражной практики. В частности, Постановлением Арбитражного суда Дальневосточного округа от 25 декабря 2023 года № Ф03-6099/2023 по делу № А73-3108/2019 [3] оставлены без изменения акты нижестоящих судов об отказе в привлечении Таталина Ф. Ф. к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, поскольку отсутствуют доказательства того, что своими умышленными действиями контролирующее должника лицо способствовало его банкротству, а обстоятельства сокрытия им документации должника и непредоставления данных о наличии у должника дебиторской задолженности не подтверждены.

Отдельно судом обращено внимание, что «все приведенные конкурсным управляющим действия, сделки и решения Таталина Ф. Ф., которые возможно оценить на предмет их убыточности, существенности в той степени, в которой они могли повлиять на финансовое положение ООО «Ресурснефть», с учетом невозможности расчета с ПАО «Дальневосточный Банк» основным заемщиком, датируются ранее установленной даты объективного банкротства должника, что нивелирует какое-либо значимое влияние действий контролирующего должника лица на возможность исправить финансовое положение

подконтрольного ему общества после необратимого финансового кризиса».

Обращаясь к доктринальным воззрениям относительно правовой пригороды субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве, следует отметить справедливое мнение К. И. Евтеева о том, что к такой ответственности следует относить возникающую в связи с производством по делу о несостоятельности внедоговорную, реализуемую при недостаточности имущества должника ответственность контролирующих должника лиц, неправомерными действиями (бездействием) и решениями которых была вызвана его несостоятельность [4, с. 33]. Вместе с тем, полагаем, что данная дефиниция не в полной мере отражает правовую сущность субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, которая является дополнительной по отношению к основной ответственности должника и не может существовать без неё. Единственным условием рассмотрения вопроса о привлечении лица, контролирующего должника, к субсидиарной ответственности является неисполнение должником обязанностей по гражданско-правовым или трудовым договорам, вследствие причинения вреда и пр., что и послужило причиной введения процедур банкротства в отношении должника. В этой связи мы разделяем мнение А. Курбатова о том, что «субсидиарная ответственность призвана компенсировать имущественные потери кредиторов, то есть выступает в качестве возмещения убытков и носит гражданско-правовой характер» [5].

Подводя итог изложенному, представляется необходимым понимать под субсидиарной ответственностью контролирующих должника лиц в деле о несостоятельности (банкротстве) разновидность дополнительной ответственности, применяющейся за установленные судом недобросовестные действия (способствующие

банкротству должника) к лицу, не являющемуся должником (который является субъектом основной ответственности), но имеющим возможность определять его действия.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
3. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 25 декабря 2023 года № Ф03-6099/2023 по делу № А73-3108/2019 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.02.2025).
4. Евтеев, К. И. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц при трансграничной несостоятельности: банкротстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Евтеев Константин Игоревич. – Москва, 2017. – С. 33.
5. Курбатов, А. Субсидиарная ответственность руководителей при несостоятельности (банкротстве) возглавляемых ими кредитных организаций / А. Курбатов // Хозяйство и право. – 2007. – № 7 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2025).
6. Попондопуло, В. Ф., Силина (Слепченко), Е. В. Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве / В. Ф. Попондопуло, Е. В. Силина (Слепченко) // Судья. – 2018. – № 4. – С. 10–15. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2025).
7. Середа, И. М., Середа, А. Г. Механизм правового регулирования отношений, возникающих в связи с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: монография. – Москва: Статут, 2020. – 112 с. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2025).
8. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2014–2023 годы «Отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации по рассмотрению дел о банкротстве» // Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном суде РФ. URL.: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 08.02.2025).

© Серикова А. В., 2025

УДК 343

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ
ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

EDN CGSFTK

И. В. Упоров

*Доктор исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
ORCID 0000-0002-0906-5228,
e-mail: uporov@list.ru,
Российская академия естествознания,
г. Краснодар, Россия*

STATE COERCION IN THE CONTEXT OF PUBLIC AUTHORITY
(THEORETICAL ASPECT)

I. V. Uporov

*Doctor of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Professor,
Russian Academy of Natural Sciences,
Krasnodar, Russia*

Abstract. The article examines various features of such a category as «state coercion» in a theoretical aspect. The points of view set out in scientific publications are analyzed. It is noted that there are various interpretations of state coercion in the literature. In some cases, «state coercion» is identified with «state» violence, which seems fundamentally incorrect. Accordingly, the position is substantiated that state coercion can only be legal, and violence in the system of legal relations always has a negative connotation and is associated with an offense. In such cases, the strictness of the terminology must be maintained. The essence of state coercion is also substantiated.

Keywords: state coercion; power; violence; society; law.

Функционирующее в обществе государственная (публичная) власть реализуется различными методами. В их числе и метод принуждения, сопряженный с правомерным лишением и ограничением прав и свобод человека и гражданина в наибольшей степени, вплоть до лишения жизни (при наличии в законе такого вида уголовного наказания). Следует заметить, что в обществе из всех структур только государство обладает соответствующими полномочиями. И это не случайно. Дело в том, важнейшая особенность государственной власти заключена в ее публичной природе, а это означает, что функционирующая на объективной основе демократическая власть представляет собой действующую структуру, включая силовые ведомства, соответственно власть обладает реальной возможностью управлять поведением людей, разрешать социальные противоречия, согласовывать индивиду-

альные или групповые интересы, подчинять их единой властной воле и используя – при необходимости – меры государственного принуждения.

Как справедливо отмечает А. В. Кряжков, государственная власть реализуется через государственное управление – целенаправленное воздействие государства, его органов на общество в целом, те или иные его сферы (экономическую, социальную, духовную) на основе познанных объективных законов для выполнения определенных задач и функций [1, с. 91]. Будучи концентрированным выражением воли и силы, мощи государства, воплощенное в государственных органах, власть обеспечивает социальный порядок, защищает права и свободы граждан путем использования различных методов, в том числе государственного принуждения.

При этом, решая стоящие перед ней задачи, государственная власть непрерыв-

но воздействует на общественные процессы, порождая властеотношения, образующие своеобразное политико-правовое явление. Как и любые отношения, властеотношения имеют свою структуру, субъектами которых выступают органы (должностное лицо) государственной власти – с одной стороны, и объект власти (то есть индивиды, обязанные исполнять волю власти). Содержание таких отношений образует процесс передачи воли властвующего подвластным и подчинение (добровольное или принужденное) последних этой воле. Обычно это делается бесконфликтно и добровольно со стороны подвластных, учитывая, что большинство людей ведут законопослушный образ жизни. Но часть людей нарушает установленные правила, и тогда реализация государством своей власти может быть осуществлена посредством применения мер принуждения. Это обусловлено прежде всего тем, что в обществе совершаются деяния, направленные против интересов общества, государства и отдельных лиц, которые невозможно пресечь и предупредить иначе, как используя государственное принуждение, при этом, разумеется, должны соблюдаться процессуальные гарантии [2, с. 39].

Встречается различное толкование понятия «государственное принуждение», по которым, в частности, понимается: психологическое, материальное или физическое (насильственное) воздействие полномочных органов и должностных лиц государства на личность с целью заставить (принудить) ее действовать по воле властвующего субъекта, в интересах общества и государства [3, с. 74]; физическое, психическое или иное воздействие, осуществляемое на основе закона уполномоченными органами в отношении определенных субъектов вопреки их воле или независимо от нее, в целях защиты личных, общественных или государственных интересов [4, с. 31]; совершаемое компетентными органами и должностными лицами властное воздействие в виде

категорического предписания определенного поведения (психическое принуждение) либо в форме непосредственного воздействия («физическое» принуждение) [5, с. 126] (более подробно виды государственного принуждения здесь не рассматриваются, поскольку эти вопросы отражены автором в специальной работе [6]).

С основными признаками указанных определений следует согласиться, но есть ряд неоднозначных позиций, о которых речь ниже. По мнению И. П. Кравец, государственное принуждение заключается в применении компетентными государственными органами, их должностными лицами психологического воздействия на сознание, волю и поведение принуждаемых лиц, влекущих причинение правоограничений морального, личного, имущественного и организационного характера, с целью заставить этих лиц исполнять возложенные на них юридические обязанности, с соблюдением установленных законодательством запретов [7, с. 231]. Здесь, на наш взгляд, недостаточно указать только на психологическое воздействие – меры физического воздействия также входят в рамки государственного принуждения.

Другой автор (И. В. Паршина) полагает, что государственное принуждение представляет собой особую форму воздействия государственно-политической власти, которое применяется в случае, когда государству угрожает опасность потери функциональности, суверенитета и территориальной целостности [8, с. 40]. С этой точкой зрения мы не можем полностью согласиться, поскольку государство может и должно применять принуждение не только, когда создается угроза государственности, но, в первую очередь, когда необходимо охранять и защищать право и свободы граждан и в целом интересы общества. При этом государственное принуждение основано на организованной силе, выражает ее и потому способно обеспечивать безусловное доминирование в обществе воли властвующего субъекта

[9, с. 47], следствием чего допустимо определенное ограничение прав и свобод гражданина в различных сферах общественных отношений.

Важно подчеркнуть, что государственное принуждение может быть только правовым. В этой связи в литературе дискутируется вопрос о том, может ли быть принуждение неправовым, и в этом же контексте обсуждается вопрос о соотношении терминов «принуждение» и «насилие». Так, А. Б. Кирюхин в своей работе использует термин «насилие» как к преступникам («насильственные преступления»), так и к государству в лице соответствующих должностных лиц, отмечая, в частности, что «структурированное государственное насилие ... служит основным способом разрешения тех конфликтных ситуаций, которые трансформируются в совершение общественно-опасных деяний. При этом степень такой опасности, как правило, должна быть достаточно высокой для возможного применения крайних форм принуждения – физической силы, специальных средств, оружия, срочного и бессрочного лишения свободы» [10, с. 101]. В данном случае статья посвящена философским аспектам, поэтому, очевидно, автор применительно к государству отождествляет применяемое им «насилие» и «принуждение», не при давая этому должного значения. Также нельзя согласиться с тем, что «государственное насилие носит санкционированный характер, имеет монополию на легитимность» [11, с. 58], равно как и с тем, что насилие – это крайняя форма принуждения, включая принуждения, применяемое государством [12 с. 47] или с тем, что «Насилие или угроза применения насилия служат мощным фактором, сдерживающим людей от всякого рода посягательств на жизнь, свободу, собственность других членов общества» [13, с. 150] – здесь автор (К. С. Гаджиев), вероятно, имел в виду «силу закона», как он сам пишет в другом месте статьи, но «сила закона» и «наси-

лие» – это, на наш взгляд, противоположные вещи, и даже в политологической работе вряд ли уместно говорить о «насилии» со стороны «закона» (читай: государства).

Поэтому наша позиция однозначна – государственное принуждение может только правовым. А неправовое государственное принуждение уже может быть расценено как насилие, и в целом в сфере правовых отношений насилие всегда имеет негативную коннотацию – невозможно путем насилия совершить социально-полезные действия, насилие – это признак правонарушения, в том числе преступления. Если же речь идет о неправой сфере, а, например, политологической, то, очевидно, возможно применять термин, например, «политическое насилие» [14], хотя в таких случаях вряд ли это правильно.

Интересные суждения по данной проблеме содержатся в работе А. П. Цыганкова. В частности, он отмечает, что государственное принуждение принадлежит к распространенным средствам стабилизации режима и используется не только авторитарными, но нередко и демократическими режимами. В тех случаях, когда ситуация выходит из-под контроля правящей элиты, когда возникает угроза безопасности режима и его граждан, демократическое правительство может прибегать к помощи органов принуждения, причем, не только полиции, но и армии [15, с. 136]. Однако в действительности, использование государственного принуждения есть скорее признак слабости, чем силы. В этой связи указанный автор полагает, что могут быть выделены, по меньшей мере, четыре состояния власти: стабильная до такой степени, что в использовании средств принуждения нет никакой необходимости (это ситуация, более или менее типичная для повседневного существования демократических режимов); стабильная, но в ряде случаев вынужденная обращаться к средствам принуждения, используя поддержку общественного

большинства. Такое положение может складываться как в условиях демократии, так и авторитаризма, когда авторитарный режим уже прошел фазу своей консолидации и достаточно стабилен. Время от времени, однако, авторитаризм, прибегает к принуждению и насилию, прежде всего, в отношении к оппозиции. Нередко это делается совершенно открыто, опираясь на поддержку общественного большинства. Сталинские процессы – один из характерных примеров относительно стабильная власть, функционирующая исключительно благодаря использованию средств принуждения; нестабильная, крайне слабая власть, когда ничто – ни убеждение, ни принуждение – уже не обеспечивает ее стабилизацию [15, с. 137]. Однако и здесь нельзя согласиться с тем, что при том же Сталине применялось насилие к оппозиции. Дело в том, что как бы ни относиться к советскому государству того времени, оно было легитимным и признанным мировым сообществом, соответственно государство к той же оппозиции применяло не насилие, а меры государственного принуждения. Представляется, что в такого рода общественных отношениях точность терминологии необходима.

Что касается форм государственного правового принуждения, то они достаточно многообразны и зависят от разных обстоятельств, когда приходится применять такого рода меры. При этом наиболее жесткие меры государственного принуждения предусматриваются уголовным законодательством (Уголовный кодекс РФ) в виде наказаний за совершенные общественно опасные деяния, а среди уголовных наказаний самая жесткая мера – пожизненное лишение свободы; приговоренный к этому виду наказания преступник помимо его воли доставляется в соответствующее уголовно-исполнительное учреждение, где изолируется от общества и ограничивается в ряде прав и свобод в соответствии со ст. 55 Конституции России [и иными законодательными актами.

В России наибольшим объемом принуждения от имени государства осуществляют органы внутренних дел в силу тех функций и полномочий, которыми они наделены, и прежде всего ФЗ «О полиции». Здесь важно подчеркнуть, что все меры государственного принуждения детально регулируются в общедоступных нормативно-правовых актах. Вместе с тем эти содержатся не только в указанном законе, но и в других нормативно-правовых актах, что создает определенные трудности в правоприменительной деятельности. В этой связи, очевидно, целесообразно сконцентрировать соответствующие нормативные предписания в одном федеральном законе.

Анализ отмеченных и иных позиций позволяет сделать вывод о том, что государственное принуждение базируется на праве и связывается с выполнением государством своих функций, и прежде всего в правоохранительной сфере. Сущность государственного принуждения заключается в применении согласно соответствующим правовым актам принудительных мер физического и психического характера к человеку, ограничивая в определенной мере права и свободы и вопреки его воле с целью охраны защищаемых законом и нарушенных интересов общества, государства, отдельных лиц [16, с. 81]. Основанием применения мер государственного принуждения является совершение правонарушения, подозрение и обвинение в совершении правонарушения, а также возникновение форсмажорных обстоятельств, не связанных с правонарушением. Государственное принуждение уполномочены осуществлять только компетентные государственные органы и должностные лица.

Библиографический список

1. Кряжков А.В. Публичный интерес: понятие, виды, защита // Государство и право. 1999. № 10. С. 89–94.
2. Багаутдинов Ф.Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений. М.: Юрлитинформ, 2004.

3. Корельский, В. М. Власть. Демократия. Перестройка. М.: Мысль, 1990. 237 с.
4. Макарейко Н.В. Государственное принуждение как средство обеспечения общественного порядка: дисс. ...на соис. уч. степ. канд. юрид. наук. Н. Новгород. 1996.
5. Пьянов, Н. А. Теория государства и права. Иркутск, 2015. 528 с.
6. Турицын И. В., Упоров И. В. Виды государственного принуждения, применяемого правоохранительными органами, и принципы его реализации // Право и практика. 2013. № 4. С. 21–28.
7. Кравец И. П. Сущность государственного принуждения // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2020. № 1. С. 231–235.
8. Паршина И. В. Институционально-правовые формы государственного принуждения и насилия: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2002.
9. Стус Н. В., Власенко Е. Е. Государственное принуждение как элемент функционирования власти // Право и практика. 2018. С. 46–51.
10. Кирюхин А. Б. К вопросу о правовой культуре насилия // Криминологический журнал. 2022. № 3. С. 98–102.
11. Мартыненко Б. К. Классификация государственно-правового насилия // Общество и право. 2012. № 5. С. 56–59.
12. Попкова Е. С. Юридическая ответственность и ее соотношение с иными правовыми формами государственного принуждения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
13. Гаджиев К. С. Политология. М., 2007.
14. Розов Н. С. Организованное насилие в мировой истории и условия становления гуманных порядков // История и современность 2023. № 2. С. 29–37.
15. Цыганков А. П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика: (учебное пособие). М. : Интерпракс, 1995. 295 с.
16. Мельникова О. В. К вопросу о сущности государственно-правового принуждения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 5. С. 75–81.

© Упоров И. В., 2025

УДК 343

ИНСТИТУТ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В СОВЕТСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ (1918–1926 ГОДЫ)

EDN CNVRIG

И. В. Упоров

*Доктор исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
ORCID 0000-0002-0906-5228,
e-mail: uporov@list.ru,
Российская академия естествознания,
г. Краснодар, Россия*

INSTITUTE OF PUNISHMENT IN THE FORM OF IMPRISONMENT IN SOVIET LEGISLATION (1918–1926)

I. V. Uporov

*Doctor of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Professor,
Russian Academy of Natural Sciences,
Krasnodar, Russia*

Abstract. The article examines the process of formation of the institution of punishment in the form of imprisonment by the Soviet government. The first acts regulating this type of criminal punishment were adopted in 1918, and the legislator's position was determined in its final form in 1926 with the adoption of the second Criminal Code of the RSFSR. The article analyzes regulatory legal acts in this area, party documents, as well as scientific works that address this issue. It is noted that the initial intentions of the Soviet government were based on a political and ideological platform, including the replacement of prisons with educational institutions, such a provision was recorded in the RCP(b), which became the monopoly ruling party, since it was assumed that under socialism there would be no conditions for committing crimes. Accordingly, the sociological doctrine of punishment dominated, and relatively mild measures of criminal-legal influence on criminals were adopted in the laws (for example, the maximum term of imprisonment in 1921 was determined at five years). However, the reality turned out to be completely different, including the intensification of the class struggle, and the Soviet government changed its position rather quickly, adjusting the laws, which was reflected in the aforementioned codes, where the classical doctrine of punishment already dominated, but relatively mild conditions for serving imprisonment were still preserved. Later, beyond the period under study, imprisonment as a form of punishment would become even more severe, especially with the emergence of the infamous GULAG at the turn of the 1930s.

Keywords: Soviet state; criminal legislation; imprisonment; code; doctrine of punishment.

В первые годы Советской власти, когда еще не было кодифицированного уголовного права, отдельные, регулирующие назначение наказаний, связанных с лишением свободы, принимались государством в хаотическом порядке, откликаясь на «злобу дня», что, собственно, не было удивительно, учитывая напряженную обстановку периода первых лет после октябрьских событий. Важно заметить, что принимались и нормы, предусматривающие наказание в виде лишения свободы, причем, как нам представляется, это делалось без расчета на реальное исполнение

таких норм, которые, вероятно, были ориентированы прежде всего на общее предупреждение. Так, согласно декрету СНК «О борьбе со спекуляцией» от 22 июля 1918 г. «виновный в скупке, сбыте или хранении с целью сбыта, в виде промысла, продуктов питания, монополизированных Республикой, подвергается наказанию не ниже лишения свободы сроком не менее 10 лет, соединенного с тягчайшими принудительными работами и конфискацией всего имущества» [1, с. 75–76] (сразу заметим, что в последующих документах смысл «тягчайших» работ не раскрывается).

ся, да и сам термин больше не применяется; его появление было вызвано скорее всего напряженно-экономической обстановкой, нежели продуманным правовым смыслом). В этом же декрете достаточно большие сроки лишения свободы (от 5 до 10 лет) предусмотрены за спекуляцию и многих других товаров, продовольственными карточками и др. Значится и осуждение к лишению свободы «на срок по определению суда» (п.10 декрета – за непредставление к регистрации или учету предметов, «кои согласно постановлениям ... должны быть представлены к учету или регистрации»). В последующих кодифицированных уголовных законах подобная норма также не нашла развития.

Об определенной беспорядочности принятия государством решений по вопросам лишения свободы свидетельствует постановление СТО «Об усилении наказания за нарушение правил пользования железнодорожным транспортом» от 15 апреля 1921 г. [1, с. 407], подписанное В. И. Лениным, согласно которому лица, «едущие на паровозах и тормозных площадках», могли быть заключены в концентрационный лагерь сроком до 5 лет – здесь явное несоответствие наказания характеру и тяжести действий (далеких от преступления!). Имели место даже случаи наказания к пожизненному лишению свободы [2, с. 78]. Можно еще указать и на то, что наказание в виде лишения свободы определялось различными высшими государственными органами (ВЦИК, СНК, СТО, ВЧК). А согласно декрету СНК от 21 марта 1921 г. «О лишении свободы и о порядке условно-досрочного освобождения заключенных» [3, с. 90–91] высший предел наказания в виде лишения свободы в отношении лиц, «признанных для советского строя опасными» был определен в 5 лет (это был самый минимальный законодательно установленный максимальный срок наказания в виде лишения свободы). При этом, во-первых, совершенно не уточнялись вид и характер «опасных» де-

яний, и, во-вторых, не далее, чем через год максимальный срок лишения свободы был увеличен до 10 лет.

И лишь в декабре 1919 г. с принятием НКЮ Руководящих начал по уголовному праву РСФСР [3, с. 57–60] была ясно выражена позиция государства по вопросу уголовного наказания. В ст. 8 указывалось, что «задача наказания – охрана общественного порядка от совершившего преступление или покушавшегося на совершение такового и от будущих возможных преступлений как данного лица, так и других лиц». И далее: «Обезопасить общественный порядок от будущих преступных действий лица, уже совершившего преступление, можно или приспособлением его к данному общественному порядку или, если он не поддается приспособлению, изоляцией его и, в исключительных случаях, физическим уничтожением его» (ст. 9). Согласно ст.10 «наказание не есть возмездие за «вину», не есть искупление вины. Являясь мерой оборонительной, наказание должно быть целесообразным и в то же время совершенно лишено признаков мучительства и не должно причинять преступнику бесполезных и лишних страданий». Такая формулировка отражает победу одной из сторон в развернувшейся накануне научно-практической дискуссии по поводу целей уголовного наказания в условиях строительства нового общества, представители которой (М. Ю. Козловский, Я. Л. Берман и др.) доказывали бесполезность жестоких кар и видели в наказании средство самозащиты общества и исправления преступников. Против жесткого подхода к преступникам выступал и нарком юстиции Д. И. Курский [4, с. 67–69].

Логическую цепочку теоретического обоснования наказания в Руководящих началах по уголовному праву завершает ст. 16: «С исчезновением условий, в которых определенное деяние или лицо, его совершившее, представлялись опасными для данного строя, совершивший его не

подвергается наказанию». В этой связи представляет также интерес ст. 25, определяющая лестницу видов наказания, построенную с целью «наибольшего сокращения личных страданий преступника» и учета «особенностей каждого отдельного случая и личности преступника». Лестница насчитывает 16 (!) видов наказаний – такого разнообразия в уголовно-правовой истории не было никогда. Под пунктом «н» значится «лишение свободы на определенный срок или на неопределенный срок до наступления известного события»; более суровыми являются объявление вне закона и расстрел. Каких-либо дополнительных норм, связанных с лишением свободы, документ не содержит. Указанные положения Руководящих начал по уголовному праву о вольном или невольном влиянии на их разработчиков социологического учения о наказании (предполагающего, как известно, отказ от главенствующей цели наказания как возмездия и делающего акцент на целесообразности наказания, своего рода социальном лечении преступника [5, с. 187]). В этой связи М. Д. Шаргородский отмечал, что «социологическое направление в уголовном праве ... наложило свой отпечаток и на законодательство, и на литературу по уголовному праву в эти годы» [2, с. 9].

Очевидно, такой подход в значительной мере исходил из общеидеологических установок ставшей монополю правящей РКП(б) (затем ВКП(б)), в частности, из необходимости усиления просветительной и воспитательной работы среди населения в убеждении из того, что граждане совершали антиобщественные деяния в силу своего недостаточного сознания и под влиянием гнета класса эксплуататоров (такая позиция, вместе с тем, отражала преобладающее влияние социологического учения о наказании в научно-практической среде среди пенитенциаристов конца XIX – начала XX веков). Характерно в этом отношении высказывание М. И. Калинина на Втором Всероссийском съезде административных работников, состояв-

шемся в апреле 1928 г.: «начальники домов заключения ... из административных чиновников, которые наказывают за совершенные преступления, будут делаться педагогами, их роль будет педагогически-воспитательная» [Цит. по: 6, с. 16]. В одной из работ он писал также, что «в нашем обществе со временем отомрет карательный институт, а сам факт осуждения станет восприниматься как самая величайшая кара» [7, с. 469].

В отношении преступников из числа самих эксплуататоров, врагов революции на более позднем этапе (на раннем этапе, то есть сразу после революции, речь шла об их уничтожении) также допускалась, хотя и со многими оговорками и после довольно жестких дискуссий, возможность их перевоспитания. Так, И. В. Крыленко, С. Н. Файнблит и др. утверждали, что классовых врагов «надо карать, а не исправлять» [4, с. 70]. Однако уже в 1932 г. И. В. Крыленко говорил о том, что «даже в отношении классово-чуждых и паразитических элементов задача исправительно-трудовой политики сводится не к одному только подавлению, но и к приучению их к труду, к усвоению ими полезных трудовых навыков и перевоспитанию их этим путем для того, чтобы по освобождению они могли бы принять участие в общей работе». Эта мысль была утверждена в качестве одного из тезисов VII съезда советских работников юстиции [6, с. 34].

Идеи Руководящих начал по уголовному праву были развиты в принятых постановлениями ВЦИК УК РСФСР сначала 1922 г. [3, с. 116–143], а затем 1926 годов [3, с. 258–288] (до этого, в декрете СНК от 21 марта 1922 г. «О лишении свободы и о порядке условно-досрочного освобождения заключенных» [3, с. 90–91], были уточнены цели лишения свободы лиц, признанных для советского строя опасными: 1) поставить таковых лиц в практическую невозможность причинять вред; 2) предоставить им возможность исправления и приспособления к трудовой жиз-

ни). В этих правовых актов социологическое направление выражено гораздо явственнее, в частности, вводятся «меры социальной защиты». Согласно ст. 8 УК РСФСР 1922 г. наказание и другие меры социальной защиты должны были применяться с целью: а) общего предупреждения новых нарушений как со стороны нарушителя, так и со стороны других неустойчивых элементов общества; б) приспособления нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия; в) лишение преступника возможности совершения дальнейших преступлений.

Вот таким образом впервые в уголовно-правовой истории России на законодательном уровне (Руководящие начала по уголовному праву, где также имеются соответствующие нормы, носили характер ведомственного документа) были определены цели уголовного наказания. Это, безусловно, достойный и серьезный шаг вперед. Если сделать сопоставление с целями наказания, закрепленными ранее в законах Российской империи, то обнаруживается значительное сходство; одинаковые по сути мысли были выражены лишь разными словами. Так, цель «нравственного исправления» здесь названа «приспособлением». Однако есть и различия, и прежде всего по средствам достижения целей наказания. Если раньше нравственное исправление опиралось, помимо привлечения к труду, на религиозное воздействие, то в советском государстве – на повышение образования и культурного уровня заключенных. В этом отношении советская система в целом оказалась более эффективной (мы оставляем в стороне вопрос по поводу такой крайности, как искоренение вообще религиозного влияния; однако нельзя не признать и того, что влияние религиозного воздействия на содержащихся в местах заключения преступников в период империи вряд можно назвать высоким, о чем свидетельствует, в частности, описание эпизодов их

жизни каторжан, когда они нередко с презрением и самыми грязными словами поносили и священников [8, с. 123–124]; в литературе отмечалось также, что в местах лишения свободы церковь «существует только на бумаге» [9, с. 382].

Влияние социологического учения особенно видно в ст. 24 и 25 УК РСФСР 1922 г. Так, при определении меры наказания предписывалось учитывать прежде всего степень общественной опасности и характер преступника, и только после этого – характер и степень общественной опасности совершенного им преступления. Для установления этого «изучается обстановка совершения преступления, выясняется личность преступника, поскольку таковая выявилась в учиненном им преступлении и его мотивах и поскольку возможно уяснить ее на основании его образа жизни и прошлого» (ст. 24). В этой связи еще на стадии обсуждения проекта уголовного кодекса Д. И. Курский писал: «для нас преступник – это человек, который опасен в данное время, которого нужно или изолировать, или попытаться исправить, но которому ни в коем случае не надо мстить» [10, с. 127]. Согласно ст. 32 лишение свободы могло назначаться со строгой изоляцией или без таковой. Сроки лишения свободы могли составлять от 6 месяцев до 10 лет (ст. 34). Определялись следующие места лишения свободы: а) исправительно-трудовой дом; б) трудовая сельскохозяйственная и ремесленная колония; в) переходной исправительный дом. Вид учреждения устанавливался в зависимости от тех мер исправительного воздействия, которые являются необходимыми для исправления преступника. Лишение свободы обязательно соединялось с работами, которые, по возможности, должны были сообразовываться со специальными знаниями или склонностями заключенного (ст. 34). Если наказание по кодексу составляет не ниже, чем лишение свободы на 1 год, то суд в обязательном порядке

должен был рассматривать вопрос о поражении прав (ст. 42), заключавшееся прежде всего в лишении активного избирательного права, а также запрете занимать ответственные должности, быть заседателем в народном суде, поручителем и опекуном (ст. 40). По способу регулирования правового положения Уголовный кодекс 1922 года сходен с Уголовным уложением 1903 года.

В Общую часть кодекса был включен также раздел V («Порядок отбывания наказания»), где устанавливалось, что надзор и руководство по исполнению приговора к лишению свободы и принудительным работам возлагается на Центральный исправительно-трудовой отдел НКЮ и его органы на местах, осуществляющих свое руководство через губернские распределительные комиссии, наблюдательные комиссии при отдельных ИТУ и бюро принудработ через отделы труда (ст. 51). (В последующих уголовно-правовых актах подобных уголовно-исполнительных норм уже не будет, поскольку последние выделяются в самостоятельные правовые акты). К отбывающим лишение свободы в случае, если они «обнаружат исправление», могло применяться условно-досрочное освобождение (ст. 52–55).

В Особенной части УК РСФСР 1922 г. также налицо элементы социологического учения – по большинству составов преступлений срок лишения свободы устанавливается не в каких-либо рамках, и не «до» какого-либо предела, а «не ниже» такового. Например, спекуляция с иностранной валютой в обмен на советские денежные знаки или наоборот каралось лишением свободы на срок не ниже шести месяцев (ст. 138). Таким образом по большинству составов преступлений, за совершение которых предусмотрено лишение свободы, суд теоретически, исходя из степени социальной испорченности личности преступника, мог назначать произвольно высокий срок лишения свободы. Отметим еще и то обстоятельство,

что лестница наказаний в кодексе (по сравнению с Руководящими началами по уголовному праву) значительно сокращена и состоит из 11 видов (включая расстрел). А согласно ст. 46 предусмотрены меры социальной защиты, заменяющие наказание или иное воздействие (помещение в учреждение для умственно отсталых или морально дефективных, принудительное лечение, воспреещение занимать ту или иную должность, удаление из определенной местности и др.).

В УК РСФСР 1926 г. концепция социологического учения получила дальнейшее развитие в виде теории социальной защиты. Уже в ст. 1 указывается, что уголовное законодательство имеет задачей охрану социалистического государства рабочих и крестьян и установленного в нем правопорядка от общественно опасных действий (преступлений) путем применения к лицам, их совершившим, мер социальной защиты. Такие меры могли применяться в отношении лиц, как совершивших общественно опасные деяния, так и представляющих опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности (ст. 7). Согласно ст. 9 кодекса меры социальной защиты применяются в целях: а) предупреждения новых преступлений со стороны лиц, совершивших их; б) воздействия на других неустойчивых членов общества; в) приспособления совершивших преступные деяния к условиям общежития государства трудящихся. Там же указывается, что меры социальной защиты не могут иметь целью причинение физического страдания или унижение человеческого достоинства и задачи возмездия и кары себе не ставят.

В соответствии со ст. 20 кодекса устанавливалась довольно обширная лестница мер социальной защиты судебно-исправительного характера (всего 14), среди них: лишение свободы со строгой изоляцией (п. «б»); лишение свободы без строгой изоляции (п. «в»). Расстрел (ст. 21) впервые называется исключительной мерой охраны государства. Согласно

ст. 28 лишение свободы устанавливается на срок от 1 дня (ранее было от 6 месяцев) и не свыше десяти лет и обязательно соединяется с работами. При назначении срока лишения свободы менее 1 года не допускается поражение осужденного политических и гражданских прав (ст. 31, 34). Отметим еще следующие особенности кодекса. В ст. 47 и 48 (отягчающие и смягчающие обстоятельства) четко проведен классовый признак. В отличие от предыдущего кодекса санкции, определяющие пределы лишения свободы, сконструированы только по одному типу – «до» какого-либо срока, то есть четко определен верхний предел.

Изложенное наводит на следующие размышления. С одной стороны, влияние социологического учения о наказании на содержание уголовно-правовых норм в УК 1926 г. по сравнению с УК 1922 г. усилилось. Так, в последнем кодексе четко отражена идея о том, что государство, применяя меры социальной защиты, совершенно не стремится к тому, чтобы преступник испытывал какие-либо страдания, на что мы уже обращали внимание. С другой стороны, исключение из Особенной части УК 1926 г. санкций с фиксированием лишь нижней границы срока лишения свободы, а также положение ст. 47 о том, что основным вопросом, подлежащим разрешению в каждом конкретном случае, является вопрос об общественной опасности рассматриваемого преступления (а не об общественной опасности прежде всего самого преступника) некоторым образом идут вразрез с социологическим учением. Как видно, развитие в нормах уголовного права идей социологического учения происходило противоречиво; тем не менее основные принципы этого учения были все же преобладающими. В связи с этим мы не можем согласиться с мнением И. С. Ноя о том, что советский законодатель в первые годы после 1917 г. не испытывал влияния социологического направления о наказании [11,

с. 18]. Здесь указанный автор некоторым образом противоречит сам себе, поскольку говоря об отказе советской науки (и законодательства) от классической школы [11, с. 10–11], он не мог не сделать иного вывода, кроме как об усилении социологической школы (достаточно назвать, например, уменьшение максимального срока лишения свободы до 10 лет), ибо и в XIX в., как и сейчас в теории уголовного наказания главенствуют именно два фундаментальных направления, соотношение которых меняется в зависимости от многих факторов; в настоящее время, например, в России усилилось влияние классической школы [12].

В дальнейшем законодатель вернулся к термину «наказание» (1934 г.) и в целом уголовно-правовая и уголовно-исполнительная практика довольно быстро свели на нет идеи социологического учения, уступив место классической теории наказания, предусматривающей кару и возмездие в качестве обязательных и ведущих целей уголовного наказания. В этой связи заметим, что в первые годы после установления Советской власти был взят, как известно, курс на скорейшее построение коммунистического общества, предполагающего создание социальных условий, исключающих совершение преступлений. Соответственно предусматривалось принятие мер по повышению образовательного и культурного уровня граждан страны. В пенитенциарной сфере такой подход выразился в программном положении партии о замене тюрем воспитательными учреждениями («РКП ... должна стремиться к тому, чтобы ... система наказания была окончательно заменена системой мер воспитательного характера [13, с. 47–48]). Эта установка трансформировалась затем в уголовно-правовые нормы, отражающие социологическое учение о наказании (здесь обратим внимание на то, что идея замены тюрем воспитательными учреждениями обосновывалась в «буржуазной» литературе еще до 1917 г. [14,

с. 22], и это обстоятельство лишний раз свидетельствует об объективности процесса преемственности правосознания в обществе).

Однако реальность оказалась таковой, что преступность, как среди «контрреволюционеров», так и среди «трудящихся», продолжала расти. При таких обстоятельствах «усилению классовой борьбы» уже не отвечала «легкость» и «мягкость» социологического учения; требовались устрашение, кара, возмездие, что было ярко продемонстрировано, в частности, по известным уголовно-политическим процессам 1920–30-х годов [15]. В последующее время российский законодатель придерживался и придерживается в большей мере классической теории, не отказываясь от понятия кары в связи с наказанием преступников. Очевидно, что самонадеянность, присущая советскому государству во многих, если не в большинстве, сферах общественной жизни, сыграла негативную роль и в случае с уголовным законом. Возможности судов и революционных трибуналов, а также уголовно-исполнительных учреждений были явно переоценены, более того, идеализированы (как в целом стремление построить коммунистическое общество). Поэтому такой подход не нашел воплощения, поскольку положения о том, что меры социальной защиты (наказания) никаким образом не ставят задачи кары (возмездия) не отражало объективно сложившихся общественных отношений в уголовно-правовой сфере. Вместе с тем в принятых нормативных актах нельзя не отметить гуман-

ного (в сравнении с законами как империи, так и последовавших периодов Советского государства) характера наказания в виде лишения свободы, что проявлялось прежде всего в ограничении максимального срока лишения свободы десятью годами, а также относительно нестро-гого режима отбывания лишения свободы.

Библиографический список

1. В. И. Ленин и ВЧК (сборник документов). М., 1987.
2. Шаргородский М. Д. Наказание по советскому уголовному праву. М., 1958.
3. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). М., 1953.
4. Уголовно-исполнительное право России / под ред. А. И. Зубкова. М., 1997.
5. Дриль Д. А. Учение о преступности и мерах борьбы с ней. СПб., 1912.
6. Ной И. С. Теоретические вопросы лишения свободы. Саратов, 1965.
7. Калинин М. И. Избр. произв. Т. 1. М., 1960.
8. Якубович П. Ф. В мире отверженных. Записки бывшего каторжника. СПб., 1907.
9. Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 7. М., 1969.
10. Курский Д. И. Избранные статьи и речи. М., 1958.
11. Ной И. С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве. Саратов, 1973.
12. Сыч К. А. Доминирующие парадигмы наказания и иных принудительных мер уголовного права в контексте их развития // Человек: преступление и наказание. 2023. № 4. С. 518–529.
13. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1970.
14. Окунев Н. С. Исправительно-работные дома – на смену тюрьмам. СПб., 1914.
15. Маслов В. П., Чистяков Н. Д. Вопреки закону и справедливости. М., 1990.

© Упоров И. В., 2025

УДК 340

НАЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЕГО ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

EDN CUUUKZ

И. В. Упоров

Е. А. Вакарина

*Доктор исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
ORCID 0000-0002-0906-5228,
e-mail: uporov@list.ru,
кандидат юридических наук, доцент,
ORCID 0000-0003-3508-8690,
e-mail: uporov@list.ru,
Российская академия естествознания,
г. Краснодар, Россия*

APPOINTMENT OF CRIMINAL PUNISHMENT IN THE CONTEXT OF ITS INDIVIDUALIZATION: SOCIAL AND LEGAL ASPECT

I. V. Uporov

E. A. Vakarina

*Doctor of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Professor,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Russian Academy of Natural Sciences,
Krasnodar, Russia*

Abstract. The issues of assigning criminal punishment for a committed crime are permanently relevant, since it is necessary to take into account many factors, which, in turn, depend on the socio-political and socio-economic situation in the country during the period of adoption of the criminal law. The current Criminal Code of the Russian Federation in the General Part contains Chapter 10 («Assignment of Punishments»), covering 17 articles, which is quite a lot for the General Part of the criminal law. The article considers only some aspects of this problem with an emphasis on the features of individualization of criminal punishment when assigning it. The articles of the specified chapter of the Criminal Code of the Russian Federation, scientific works that touch upon this topic are analyzed, and the author's generalizations are made.

Keywords: criminal punishment; individualization; criminal law; mitigating circumstances; elements of a crime.

В соответствии с российским законодательством в системе мер государственного принуждения наиболее жесткие меры применительно к физическим лицам предусматриваются институтом уголовного наказания за совершение общественно опасных деяний, что регулируется уголовным законом – УК РФ[1]. В частности, мерами уголовно-правового воздействия в наибольшей степени осуществляется правомерное лишение и ограничение прав и свобод граждан, в том числе фундаментальных прав на свободу. Данные обстоятельства определяют необходимость тщательного подхода при решении вопроса о назначении уголовного наказания к лицам, осуждаемым судами за совершен-

ные преступления – с тем, чтобы наказание достигало своих целей согласно ст. 43 УК РФ, где указывается, что посредством уголовного наказания должна быть восстановлена социальная справедливость, чтобы осужденный исправился и чтобы имело место предупреждение новых преступлений; собственно, исходя из этого строятся и принципы уголовной ответственности при назначении и исполнении уголовного наказания [2; 3 и др.]. Добиться этого невозможно без последовательного проведения дифференциации (включая индивидуализацию) наказания, что имеет важное значение, поскольку дифференциация и индивидуализация уголовного наказания являются одними из

методов реализации уголовно-правовой политики [4, с. 123].

В этом контексте далее под дифференциацией наказания понимается градация, разделение наказания в уголовном законе, в результате которой законодателем устанавливаются различные уголовно-правовые последствия в зависимости от типовой степени общественной опасности преступления и личности виновного. Логическим продолжением дифференциации наказания является его индивидуализация, то есть, основанная на результатах дифференциации наказания конкретизация вида и размера наказания лицу, совершившему преступление, в зависимости от его личностных качеств и обстоятельств, усиливающих или смягчающих степень общественной опасности деяния.

Назначение наказания получает свое выражение в законе, в нормах уголовного права. Этим вопросам посвящена отдельная глава Уголовного кодекса – «Назначение наказания» (гл. 10 УК РФ). Следует отметить, что содержащиеся в этой главе общие начала назначения наказания на первое место выдвигают положение о том, что лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание. Каждое из закрепленных в уголовном законе положений имеет самостоятельное значение при назначении наказания и в то же время по своей совокупности они обеспечивают справедливое наказание [5, с. 88].

В соответствии с ч. 1 ст. 60 УК РФ лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ и с учетом положений Общей части УК РФ. Далее в этой части ст. 60 УК РФ указывается, что более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания.

Как нам представляется, данная законодательная формулировка не совсем удачно и точно вписывается в контекст смысла гл. 10 УК РФ. Дело в том, что цели наказания (восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения новых преступлений) достаточно разнохарактерны. Для того, чтобы избежать такого противоречия, целесообразно, на наш взгляд, исключить из ч. 1 ст. 60 УК РФ второе предложение («Более строгий вид...»). При этом смысл его не потеряется, поскольку повторяется, хотя и в иных выражениях, в части 3 ст. 60 УК РФ. И именно в рамках ч. 3 ст. 60 УК РФ происходит индивидуализация наказания по деянию. Эти общие указания закона о том, что должен учитывать суд, носят абстрактный характер и реализуются затем в суде применительно к конкретному преступнику. Соответственно следует различать индивидуализацию наказания в законе и индивидуализацию наказания в суде, без которого в решении такого рода вопросов не обойтись [6, с. 121].

При этом, как отмечалось выше, суд может избрать из альтернативной санкции более строгий вид наказания только в том случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания. Здесь дополнительно выделим следующий аспект. Из этого правила предусматриваются два исключения, существенно влияющих на индивидуализацию наказания. Первое касается назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за преступление в санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ. Самое общее указание на данное исключение содержится в ч. 2 ст. 68 УК РФ. Затем свое развитие оно находит в ст. 64 УК РФ, согласно которой при наличии исключительных обстоятельств, связанных с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления, и другими обстоятельствами, суд может назначить более мягкий вид наказания.

В литературе отсутствует однозначный подход по вопросу о применении и понимании природы исключительных обстоятельств. Так, А. Рарог и Е. Акимова считают, что при наличии таких обстоятельств назначение самого строгого вида наказания при наличии в санкции альтернативных более мягких видов наказания не соответствует идее обязательного смягчения наказания при наличии исключительных смягчающих обстоятельств, поскольку суд и без таких обстоятельств мог бы избрать любой вид наказания из числа предусмотренных санкцией, вплоть до самого мягкого [7, с. 54]. Иная точка зрения у И. И. Карпеца, который полагает, что исключительными могут быть признаны обстоятельства, которые входят в законодательный перечень обстоятельств, смягчающих наказание, а также и те, которые не включены в этот перечень, но которые признаются таковыми судами при назначении наказания конкретному лицу, виновному в совершении преступления, с учетом его личностных качеств [8, с. 112]. Как представляется, данный подход в большей степени отвечает задачам уголовного права. Дело в том, что указанные в законе некоторые смягчающие наказание обстоятельства (ст. 61 УК РФ) имеют оценочный характер, и могут значительно отличаться по содержанию в зависимости от личности лица, совершившего преступление. Следует также согласиться с Е. Е. Мелюхановой в том, что, что при назначении наказания подлежат учету только те обстоятельства, характеризующие личность виновного, которые непосредственно связаны с совершением им преступлением [9, с. 91].

В этом смысле необходимо выделить прежде всего следующие признаки: совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания; совершение преступления в результате физического или психического принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зави-

симости; совершение преступления при нарушении условий правомерности необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление, крайней необходимости, обоснованного риска, исполнения приказа или распоряжения; противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления [1].

Каждый из перечисленных признаков может по-разному индивидуализировать наказание. Так, условием для признания смягчающим такого обстоятельства, как совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания, является совершение преступления, которое тесно связано с указанным обстоятельством. Такими условиями могут признаваться, например, отсутствие средств для проживания в случае утраты работы – при краже чужого имущества; тяжелое заболевание самого виновного или его близких и т.д. При этом в уголовном законе не указываются ограничения в применении более мягкого наказания, что позволяет сделать вывод о том, что оно может быть назначено за любое по тяжести преступление.

По нашему мнению, такое законодательное положение противоречит принципу справедливости, а точнее соотношению деяния и наказания. Если, например, виновный в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств совершит убийство, то применять к нему более мягкое наказание было бы неправильным по причине тяжести самого общественно опасного деяния. Более того, мы полагаем, что вообще институт назначения наказания менее строгого, чем предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ, должен быть исключен из уголовного закона.

Обоснование данного предложения сводится к следующим аргументам. За каждое общественно опасное деяние законодатель в УК РФ установил пределы наказания. Если имеются смягчающие об-

стоятельства, то для виновного мера наказания индивидуализируется соответствующим образом, вплоть до минимума наказания. Но в случае, если виновному назначать наказание более мягкое, чем предусмотрено за данное деяние, то тем самым фактически суд снижает общественную опасность деяния. Нельзя забывать, что согласно ч. 3 ст. 60 УК РФ при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного. Здесь мы выделяем то обстоятельство, что, прежде всего, учитывается степень общественной опасности преступления – не случайно законодатель поставил этот критерий на первое место, а уже во вторую очередь личность преступника, что соответствует классической теории уголовного наказания, которого придерживается российское уголовное право. Поэтому при наличии исключительных обстоятельств целесообразно не назначать более мягкое наказание, чем предусмотрено санкцией, а применять условное осуждение (ст. 73 УК РФ). При этом условное осуждение применяется не ко всему наказанию, а только к той части, на которую снижено наказание в связи с исключительными обстоятельствами. Тенденция, направленная на развитие такого подхода в 1990-е гг., целесообразно продолжать [10].

Предложенный вариант, на наш взгляд, в большей мере обеспечивает баланс общественных и частных интересов, то есть принципу социальной справедливости, который является важнейшим при назначении уголовного наказания [11; 12 и др.]. В завершении кратко затронем еще один аспект. При индивидуализации наказания может также возникнуть вопрос о том, возможно ли не применять в качестве смягчения дополнительного вида наказания. На наш взгляд, это возможно, но

только по тем составам преступлений, санкции которых предусматривают дополнительное наказание в качестве обязательного, а не в качестве альтернативы его применения.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.03.2025).
2. Зыков Д. А., Савин А. А. Цели и принципы уголовной ответственности при назначении и исполнении уголовного наказания // Аграрное и земельное право. 2023. № 11. С. 229–231.
3. Сабитов Т. Р. Принципы назначения уголовного наказания // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 2. С. 59–66.
4. Шеслевр А. В. Дифференциация и индивидуализация уголовного наказания как методы реализации уголовно-правовой политики // Вестник Кузбасского института. 2018. № 3. С. 123–128.
5. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 2. / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 1999. С. 88.
6. Лядов Э. В. Назначение уголовного наказания в разрезе судебного усмотрения // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 121–128.
7. Рарог А., Акимова Е. Назначение наказания: Верховный Суд разрешил вопросы, накопившиеся после принятия УК РФ, но уже возникли новые // Российская юстиция. 1999. № 11. С. 51–56.
8. Карпец И. И. Отягчающие и смягчающие обстоятельства в уголовном праве. М., 1979.
9. Мелюханова Е. Е. Общее начало назначения наказания // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 2. С. 88–93.
10. Агафонов Ю. А., Рассказов Л. П., Упоров И. В. Становление и особенности развития современного российского права. Краснодар, 2000.
11. Козаченко И. Я., Мелюханова Е. Е. Баланс интересов при назначении наказания // European and Asian Law Review. 2023. № 1. С. 38–44.
12. Кругликов Л. Л. О принципах назначения уголовного наказания // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 54–57.

© Упоров И. В., Вакарина Е. А., 2025

УДК 004.8

ИНТЕГРАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШКОЛЫ В РАМКАХ КУРСА «ПРОПРОЕКТ»

EDN CVVUID

А. А. Аллагулова

Студентка, e-mail: anna.allagulova.03@mail.ru,

ORCID 0009-0008-8413-2006

Сургутский государственный университет,

г. Сургут, Россия

INTEGRATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE INTO THE EDUCATIONAL ACTIVITIES OF THE SCHOOL WITHIN THE FRAMEWORK OF THE «PROPROJECT» COURSE

A. A. Allagulova

Student,
Surgut State University,
Surgut, Russia

Abstract. This article discusses the integration of artificial intelligence into the educational activities of a modern educational organization, as well as a systematic analysis of key obstacles and opportunities associated with this process. The author explores the possibilities of artificial intelligence to improve the quality of education at school, to individualize the approach to students and optimize management tasks. Particular attention is paid to the problems associated with the introduction of modern educational technologies, among which should be highlighted the lack of qualified professionals, resistance to change on the part of teachers and students, as well as issues of maintaining the confidentiality of digital data.

Keywords: automation; adaptive learning; virtual assistants; interactive tools; artificial intelligence.

В современном мире образование претерпевает значительные изменения, обусловленные стремительным развитием технологий. Одной из ключевых инноваций, оказывающих влияние на учебный процесс, является искусственный интеллект. Его интеграция в образовательные системы открывает новые возможности для повышения качества и индивидуализации обучения. Однако внедрение искусственного интеллекта в учебный процесс сопряжено с рядом барьеров, таких как нехватка квалифицированных специалистов, сопротивление изменениям со стороны педагогов и отдельных учащихся, а также этические и правовые вопросы. В связи с этим возникает необходимость глубокого анализа как возможностей, так и препятствий, связанных с использованием искусственного интеллекта в образовании.

Автором исследования разработан и внедрен в рамках внеурочной деятельности курс «ПРОпроект», целью которого является обучение учащихся проектной деятельности с использованием искусственного интеллекта, участием в олимпиадном и конкурсном движении, интеграции в образовательную среду высших учебных заведений.

Значение данной программы обусловлено современными требованиями системы образования и общества к формированию компетентной, творческой, социально активной личности. В условиях стремительного развития технологий особую значимость приобретает подготовка обучающихся к самостоятельной исследовательской и проектной деятельности. Программа отвечает запросам современного образования, обеспечивая формирование критического

мышления, навыков целеполагания, планирования и достижения результатов.

При должном развитии проектов, созданных в рамках программы, они могут стать основой для успешного участия в конкурсах и олимпиадах различного уровня, получить поддержку на региональном и федеральном уровнях, а также привлечь внимание потенциальных работодателей и партнеров. Реализация качественных проектов, по заранее определенным 7-ми направленностям авторской классификации, открывает перед обучающимися широкие перспективы: возможность получения грантовой поддержки; преимущества при поступлении в ведущие вузы страны; создание собственного стартапа или инновационного продукта; формирование профессионального портфолио; установление полезных контактов в профессиональной среде. Следовательно, программа не только формирует необходимые компетенции, но и создает основу для дальнейшего профессионального и личностного роста обучающихся, успешной реализации их творческого и интеллектуального потенциала.

Изучение курса «ПРОпроект», включающего знания о российском олимпиадном и конкурсном движении и направлениях его развития в современных условиях, об основах научных компетенций, способствует воспитанию российской гражданской идентичности, готовности к служению Отечеству, приверженности национальным ценностям. Привлечение при изучении курса различных источников социальной информации, включая СМИ и Интернет, помогает школьникам освоить язык современной культурной, социально-экономической и политической коммуникации, вносит свой вклад в формирование метапредметных умений извлекать необходимые сведения, осмысливать, преобразовывать и применять их. Курс предполагает активное использование цифровой образовательной среды и ресурсов. Отсюда возникла необходимость в эмпирическом исследовании го-

товности общеобразовательной организации, ее сотрудников и учащихся к использованию возможностей искусственного интеллекта на своей площадке.

Анализ результатов проведенного анкетирования среди педагогов и учащихся позволил сформировать комплексное представление о перспективах и возможностях интеграции искусственного интеллекта в образовательную деятельность. Результаты анкетирования показывают, что респонденты неоднозначно оценивают будущее искусственного интеллекта в образовании. При изучении схожих результатов, проводимых на территории нашей страны, видно, часть опрошенных (35 %) выражает пессимистические взгляды, предвещая «восстание машин» и «порабощение человечества» [5, с. 124]. Согласно полученным данным, основными направлениями развития искусственного интеллекта в образовании через пять лет станут: автоматизация учебного процесса, внедрение персональных помощников для учителей, модульное обучение с использованием искусственного интеллекта, адаптация под индивидуальные особенности каждого студента и активное использование искусственного интеллекта школьниками и студентами [4, с. 89].

Анализ ответов на вопрос о новых возможностях искусственного интеллекта выявил следующие ключевые направления: интеллектуальные знания и расширенные информационные источники [1, с. 145], мгновенная обратная связь и персональные рекомендации, адаптивное обучение с учетом уровня каждого ученика, виртуальные помощники для ответов на вопросы, интерактивные инструменты (3D-модели, карты с динамическими данными). Респонденты отмечают, что искусственного интеллекта может существенно повысить качество предоставления информации и точность ответов, что соответствует современным тенденциям развития образовательных технологий [3, с. 67].

На основе анализа ответов можно выделить следующие барьеры внедрения:

недостаточная осведомленность о возможностях искусственного интеллекта, сопротивление изменениям со стороны школ, разрыв в уровне внедрения между различными образовательными учреждениями, опасения по поводу безопасности и этических аспектов использования искусственного интеллекта.

Результаты исследования позволяют выделить наиболее перспективные области применения искусственного интеллекта в образовании: персонализация обучения с учетом индивидуальных особенностей учащихся, автоматизация рутинных процессов проверки заданий и оценки, создание интерактивного контента с использованием современных технологий, поддержка учителей через виртуальных ассистентов, модульные системы обучения с элементами искусственного интеллекта. Полученные данные свидетельствуют о том, что внедрение искусственного интеллекта в образовательный процесс имеет значительный потенциал для улучшения качества обучения. Однако успешная интеграция требует решения ряда организационных задач. Результаты анкетирования подтверждают необходимость комплексного подхода к внедрению искусственного интеллекта в образование [2, с. 112]. Важно обеспечить баланс между автоматизацией процессов и сохранением человеческого фактора в обучении.

Перспективным направлением развития является создание гибридных образовательных моделей, сочетающих традиционные методы обучения с инновационными технологиями на основе искусственного интеллекта. Это позволит максимально эффективно использовать преимущества обеих систем и минимизировать возможные риски.

Основными барьерами выступают недостаточное техническое оснащение, со-

противление педагогов и вопросы безопасности данных. Для успешной интеграции искусственного интеллекта необходимо комплексное решение: развитие инфраструктуры, подготовка кадров и создание нормативно-правовой базы.

Успешная интеграция искусственного интеллекта в образовательную деятельность требует повышения цифровой грамотности педагогов, разработки методических рекомендаций по его использованию, создания нормативно-правовой базы, обеспечения технической поддержки школ, проведения регулярных исследований эффективности применения искусственного интеллекта в современном обществе образования.

Таким образом, результаты исследования подтверждают актуальность дальнейшего изучения возможностей и барьеров внедрения искусственного интеллекта в образовательный процесс [5, с. 135]. Важно отметить, что успешная интеграция искусственного интеллекта требует не только технической подготовки, но и изменения подходов к обучению и взаимодействию в классе, что подтверждается как эмпирическими исследованиями, так и практическим опытом внедрения подобных технологий в общеобразовательных организациях.

Библиографический список

1. Иванов В. Г., Галеева И. Х. Искусственный интеллект в образовании. Казань: КГТУ, 1996. 194 с.
2. Искусственный интеллект. 9 класс. / Э. Р. Басырова [и др.]. М.: Просвещение, 2024. 162 с.
3. Искусственный интеллект в образовании / Е. В. Гребенюк [и др.]. – М.: РИОР, 2024. 97 с.
4. Носова Л. С. Искусственный интеллект и нейросети в образовании. Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2024. 117 с.
5. Сартакова И. В. Искусственный интеллект и роботизированные системы в образовании. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2024. 139 с.

© Аллагулова А. А., 2025

УДК 796.011.3

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ ТАНЦА НА ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

EDN CXNTGH

В. А. Бабайцева

Р. Н. Копков

Аспирант, ORCID 0009-0009-8823-6985,

старший преподаватель,

e-mail: babaytseva.lera@mail.ru,

старший преподаватель,

e-mail: koroni73@yandex.ru,

Петрозаводский государственный университет,

г. Петрозаводск, Республика Карелия, Россия

PSYCHOLOGICAL EFFECT OF DANCE ON PEOPLE WITH DISABILITIES

V. A. Babaytseva

R. N. Kopkov

Postgraduate Student, Senior Lecturer,

Senior Lecturer,

Petrozavodsk State University,

Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia

Abstract. The article examines the psychological impact of dance therapy on people with disabilities. The results of an empirical study on the influence of regular dance classes on the psycho-emotional state, self-esteem, and social adaptation of persons with disabilities are presented. A model of an adaptive dance program has been developed and tested, taking into account the physical, psychological, and social characteristics of participants. The effectiveness of dance therapy as a means of psychological rehabilitation and integration of people with disabilities into society is demonstrated.

Keywords: dance therapy; people with disabilities; psychological rehabilitation; adaptive physical education; psycho-emotional state; social integration; inclusive art; body-oriented therapy; physical activity; self-esteem.

Актуальность изучения психологического воздействия танца на людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) обусловлена возрастающей значимостью поиска эффективных методов психологической и социальной реабилитации данной категории лиц. По данным Всемирной организации здравоохранения, около 15% населения мира имеют ту или иную форму инвалидности, что составляет более миллиарда человек [1, с. 7]. В России, согласно официальной статистике, насчитывается более 11 миллионов людей с ОВЗ, многие из которых испытывают значительные трудности в процессе социальной адаптации и интеграции [2, с. 23]. Цель данной статьи – исследовать и систематизировать психологические эффекты танцевальной терапии как средства психологической реабилитации людей с ограниченными возможностями здоровья.

Исследование основано на комплексном подходе, включающем анализ научной

литературы и эмпирическое исследование. Ведущим методом к исследованию проблемы выступил эксперимент, позволяющий выявить динамику психологического состояния участников до и после прохождения курса танцевальной терапии. В основе методологии лежит биопсихосоциальная модель инвалидности, рассматривающая людей с ОВЗ в контексте взаимодействия биологических, психологических и социальных факторов [3, с. 125].

Эмпирическое исследование проводилось на базе Центра реабилитации инвалидов г. Орла в период с сентября 2023 по февраль 2024 года. В исследовании приняли участие 42 человека с различными формами ОВЗ в возрасте от 18 до 45 лет, которые в течение 6 месяцев занимались по специально разработанной программе танцевальной терапии, адаптированной с учетом их физических возможностей.

Результаты исследования показали значительные положительные изменения в

психологическом состоянии участников после прохождения курса танцевальной терапии. Отмечено заметное улучшение показателей эмоционального состояния, самооценки и социальной адаптации [4, с. 93].

Анализ интервью участников позволил выделить следующие психологические эффекты танцевальной терапии: повышение уровня принятия собственного тела и его возможностей; снижение тревожности и депрессивных состояний; развитие навыков невербальной коммуникации; усиление чувства принадлежности к социальной группе; повышение мотивации к социальной активности; формирование позитивной идентичности.

Выявленные эффекты согласуются с данными, полученными в исследованиях Н. С. Шутовой, которая указывает на то, что танцевально-двигательная терапия способствует не только физической реабилитации, но и формированию позитивного образа тела, что особенно важно для людей с ОВЗ, часто испытывающих сложности в принятии своей телесности [5, с. 58].

Исследование Козлова и соавторов также подтверждает выводы о положительном влиянии танцевальной активности на психосоциальное функционирование лиц с ОВЗ. Авторы отмечают, что регулярные занятия танцами способствуют не только улучшению физического самочувствия, но и значительно повышают уровень психологического благополучия, способствуя формированию позитивной Я-концепции и снижению социальной изоляции [6, с. 184].

Значимым аспектом влияния танцевальной терапии является ее воздействие на эмоциональную сферу людей с ОВЗ. Согласно исследованиям Е.В. Ломакиной, танец как вид творческой деятельности позволяет участникам выражать сложные эмоциональные состояния, которые часто трудно вербализовать [7, с. 137].

В ходе исследования была разработана модель адаптивной танцевальной про-

граммы для лиц с ОВЗ, включающая диагностический, адаптационный, реализационный, интеграционный и оценочный блоки. Данная модель показала свою эффективность не только в контексте индивидуального психологического благополучия участников, но и в формировании инклюзивной танцевальной среды, способствующей интеграции людей с ОВЗ в культурную жизнь общества [8, с. 215].

Проведенное исследование подтверждает значительный психологический эффект танцевальной терапии для людей с ограниченными возможностями здоровья. Танец как форма телесно-ориентированной терапии способствует улучшению психоэмоционального состояния, повышению самооценки, развитию коммуникативных навыков и социальной адаптации лиц с ОВЗ. Особую значимость имеет влияние танцевальной терапии на формирование позитивного образа тела и принятие собственных физических возможностей, что является важным аспектом психологического благополучия людей с ОВЗ.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение долгосрочных эффектов танцевальной терапии и разработку специализированных программ для различных нозологических групп.

Библиографический список

1. Валентик Н. Д. Инвалидность в Российской Федерации: современное состояние и тенденции // Социология и социальная работа. – 2023. – № 2. – С. 5–12.
2. Федеральная служба государственной статистики. Положение инвалидов в России [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964>
3. Шипицына Л. М. Психология детей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата: учеб. пособие / Л. М. Шипицына, И. И. Мамайчук. – Москва: ВЛАДОС, 2019. – 368 с.
4. Евсеев С. П. Адаптивная физическая культура в практике работы с инвалидами и другими маломобильными группами населения: учеб. пособие / С. П. Евсеев и др. – Москва: Советский спорт, 2020. – 298 с.

5. Шутова Н. С. Танцевально-двигательная терапия как средство реабилитации людей с ограниченными возможностями здоровья // Вестник психологии и педагогики. – 2022. – № 3. – С. 54–61.
6. Козлов В. В. Интегративная танцевально-двигательная терапия / В. В. Козлов, А. Е. Гиршон, Н. И. Веремеенко. – Москва: Речь, 2021. – 286 с.
7. Ломакина Е. В. Танцевально-двигательная терапия в контексте социальной инклюзии // Вопросы психологии. – 2021. – № 4. – С. 135–142.
8. Киселева М. В. Арт-терапия в практической психологии и социальной работе: учеб. пособие / М. В. Киселева. – Санкт-Петербург: Речь, 2020. – 336 с.

© Бабайцева В. А., Копков Р. Н., 2025

УДК 796.077.5

**ЗНАЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ
СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ФИТНЕС-АЭРОБИКЕ**

EDN CZETRV

В. А. Бабайцева**Р. Н. Копков****Е. Е. Нестеренко***Аспирант, старший преподаватель,**ORCID 0009-0009-8823-6985,**e-mail: babaytseva.lera@mail.ru,**старший преподаватель,**e-mail: koroni73@yandex.ru,**студентка,**e-mail: nesterenko.evgenia@icloud.com,**Петрозаводский государственный университет,**г. Петрозаводск, Республика Карелия, Россия***THE SIGNIFICANCE OF PROFESSIONAL ETHICS IN THE TRAINING
OF FUTURE FITNESS AEROBICS SPECIALISTS****V. A. Babaytseva****R. N. Kopkov****E. E. Nesterenko***Postgraduate Student, Senior Lecturer,**Senior Lecturer,**Student,**Petrozavodsk State University,**Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia*

Abstract. At the moment fitness aerobics is actively transforming, which is accompanied by a significant increase in requirements to the process of training future specialists. Under the condition of significant competition, as well as increased attention to ensuring the safety of the training process, it is professional ethics that becomes an important element of trainers' qualification. That is why it is important for future specialists to form a comprehensive understanding of ethical principles that establish the optimal technique for the implementation of training, the general nature of interaction with colleagues and athletes, and responsibility for the health of all students. Here professional ethics is noted as a backbone factor directly influencing the process and quality of training, as well as improving the field of fitness aerobics, increasing the reputation of the coach.

Keywords: fitness; aerobics; professional ethics; specialist; coach; education; sport.

Фитнес-аэробика сегодня является довольно актуальным направлением для общего поддержания физического здоровья, формирования навыков и умений, важных для будущих спортсменов. В этой области присутствует большое количество стандартов, норм и условий поддержания оптимального тренировочного процесса, который должен соответствовать не только комфортной подготовке занимающихся, но и всем правилам безопасности, сохранения, поддержания здоровья [6].

Сегодня приоритетное значение приобретает не только общая подготовка специалистов по фитнес-аэробике, а также определение качественных этических признаков данной профессии, которые помогают формировать соответствующие

практические рекомендации для повышения эффективности образовательного процесса. Стоит отметить, что польза совершенствования области профессиональной этики в рамках подготовки будущих специалистов отражается в демонстрации стремительного роста данного направления тренировок, обеспечивающихся значительными изменениями требований к подготовке тренеров.

При наличии высокого уровня конкуренции между тренерами по фитнес-аэробике, большое значение приобретает совершенствование области профессиональной этики в виде качественного инструмента их подготовки. Соответственно, проблематика рассматриваемой темы проявляется в наличии существенного уровня

потребности профессионального сообщества в качественной системе подготовки и воспитания профессиональных спортсменов, изменении запросов общества на этические и качественные фитнес-услуги, которые полностью соответствуют всем действующим стандартам здоровья.

Для того, чтобы выявить значение профессиональной этики в подготовке будущих специалистов по фитнес-аэробике, изначально рассмотрим её определение. Так как сегодня отсутствует единая принятая трактовка понятия профессиональной этики, приведем мнение разных авторов.

Долгова П. В. считает, что профессиональная этика характеризуется совокупностью правил и норм поведения сотрудников области образования, создающих соответствующий характер педагогической деятельности, а также отношений, устанавливаемых этим видом деятельности. По мнению данного специалиста, профессиональная деятельность воспринимается сознанием в виде нравственности педагога, а также его умения вдохновлять, обучать и преподавать. Данная деятельность имеет социально-значимую направленность, осуществляется в рамках воспитания и развития занимающихся [3].

Федорова М. Э. считает, что профессиональная этика характеризуется совокупностью средств и инструментов достижения целей тренировочного процесса с учетом потребностей и особенностей занимающихся, соблюдением правил поведения в процессе подготовки, налаживания взаимоотношений с тренером [7].

Наркевич-Июдко М. С. отмечает, что профессиональная этика является общностью правил и морально-нравственных норм, которые регулируют взаимоотношения между тренером и занимающимися, формируют ответственность за их соблюдение, налаживание плодотворных взаимоотношений в процессе тренировок [5].

На наш взгляд, определение Федоровой М. Э. является наиболее исчерпывающим в рамках рассматриваемой темы.

Можно сказать, что профессиональная этика формирует направленность взаимодействия тренера и занимающихся, задает и сохраняет высокие стандарты ответственности за качественный тренировочный процесс, уровень профессионализма. В области спорта и физической культуры профессиональная этика несет в себе систему поддержания физического состояния и здоровья, что обуславливает важность формирования соответствующих профессиональных знаний, соблюдения моральной ответственности.

Именно в спорте этические нормы имеют важную роль, ведь доверие между тренером и спортсменом – неотъемлемая часть будущего успеха. Тем самым, профессиональная этика позволяет специалистам успешно реализовывать собственные обязанности, формировать позитивную, безопасную и комфортную среду для достижения поставленных целей со стороны занимающихся. В фитнес-аэробике это также важно, ведь тренер работает с людьми разного возраста, в том числе и с детьми, у каждого разное состояние здоровья и уровень подготовки, однако – одна цель – добиться стойкого результата.

Стоит выделить принципы, которые важны в рамках профессиональной этики тренеров по фитнес-аэробике:

- учет индивидуальных особенностей и потребностей всех занимающихся;
- принятие во внимание не только личных целей, но и общего состояния здоровья занимающихся;
- исключение дискриминации;
- формирование комфортной и безопасной атмосферы для реализации занятий [6].

Каждый будущий специалист должен иметь понимание физиологии, анатомии и процесса реализации техники выполнения упражнений, а также особенностей обеспечения безопасности. Постоянное совершенствование навыков – залог успеха будущего тренера. При этом тренер должен объективно и прозрачно оценивать возможности спортсмена, исключать завышенные ожидания. Четкое следование

срокам и цели имеет важное значение в процессе подготовки. Помимо этого, конфиденциальность – ещё одна важная составляющая в работе тренера. С помощью неё возможно не только повысить уровень доверия между занимающимся и тренером, но и сформировать позитивную атмосферу для занятий.

Во время тренировок важно поддержание безопасной работы, своевременная коррекция нагрузки для исключения рисков. Тренер берет на себя ответственность за здоровье занимающегося в процессе тренировок. В связи с этим, у него должны быть сформированы знания об оказании первой помощи и оптимальном реагировании на разного рода чрезвычайные ситуации.

Стоит сказать, что спортивный тренер характеризуется специалистом по воспитанию спортсменов в процессе их подготовки, в том числе и к соревнованиям. Педагогический процесс формирует в себе направленность не только воспитывать, но и готовить занимающегося к достижению поставленных целей. От личности тренера здесь может зависеть эффективность процесса формирования умений и навыков. Принципы профессиональной этики для тренеров по фитнес-аэробике довольно актуальны, создают не только престиж профессии, повышают уровень доверия к специалистам, а также привлекают людей в эту сферу деятельности [7].

Безусловно, профессиональная этика имеет большое влияние на реализуемую работу тренера по фитнес-аэробике, здесь проявляется несколько факторов:

- общее соблюдение этических норм помогает формированию доверительных отношений с детьми, в данном случае со стороны тренера должны проявляться: эмпатия, доброта, профессионализм, коммуникабельность и возможность воздействовать на личность;
- увеличение успешности тренировочного процесса возможно тогда, когда тренер проявляет заботу, уважение к

спортсменам, а они, в свою очередь, повышают мотивацию на достижение новых целей и чувствуют себя комфортно на тренировках;

- профессиональный рост, а также удовлетворение от работы, тренеру формируют позитивную обратную связь, помогают выстраивать соответствующий уровень нагрузки и достигать всех поставленных целей.

Исследование успешности тренировочного процесса, влияния на него профессиональной этики сегодня обуславливает применение комплексного подхода, куда входят не только количественные, но и качественные методы. В качестве исследовательских методов выделяют теоретические (системный анализ имеющейся документации и профессиональных стандартов), а также эмпирические (наблюдение, анкетирование).

Основные исследования включают в себя особенности выявления не только качества тренировочного процесса, успешности подготовки спортсменов, а также общее влияние тренера на процесс достижения поставленных целей, мотивированность их на будущие свершения в области фитнес-аэробики [8].

Подводя итог, стоит сказать, что профессиональная этика характеризуется важным рычагом, позволяющим своевременно и качественно налаживать взаимодействие между тренером по фитнес-аэробике и занимающимися, формировать ответственность за здоровье и качество реализуемых тренировок, исключать конфликты и недопонимания. Тренер должен обладать всеми морально-нравственными качествами, помогающими ему осуществлять плодотворный и комфортный для занимающихся, тренировочный процесс.

Таким образом, соблюдение всех условий и норм обеспечения безопасности и комфортности тренировок – на сегодняшний день основа реализуемой деятельности тренера по фитнес-аэробике.

Библиографический список

1. Белгородцева Э. И. Этическая культура тренера // Вопросы устойчивого развития общества. – 2022. – № 2. – С. 80–85.
2. Глухарева М. Р. Тренер – ключевая роль в становлении личности спортсмена// Спорт – дорога к миру между народами. Материалы международной научно-практической конференции. – 2023. – С. 276–279.
3. Долгова П. В. Морально-нравственная составляющая в деятельности спортивного тренера// Наследие великого русского педагога К. Д. Ушинского. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – 2023. – С. 82–85.
4. Ильина Н. Л. И. Психология тренера: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2016. – 109 с.
5. Наркевич-Иодко М. С. Общие принципы профессиональной этики тренера// Агропромышленный комплекс: состояние, проблемы, перспективы. Сборник статей международной научно-практической конференции. – 2022. – С. 315–317.
6. Пентина А. И. Мягкоступова Т. В. Профессиональная этика специалиста в сфере физической культуры и спорта// Проблемы качества физкультурно-оздоровительной и здоровьесберегающей деятельности образовательных организаций. Сборник статей всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – 2024. – С. 138–140.
7. Федорова М. Э. Степанова Л. В. Профессиональная этика тренера// Афанасьевские чтения, инновации и традиции педагогической науки. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. – 2021. – С. 197–200.
8. Яковлев А. А. Этические ценности против агрессивности и насилия в спорте// Теория права и межгосударственных отношений. – 2022. – № 5. – С. 744–751.

© Бабайцева В. А., Копков Р. Н., Нестеренко Е. Е., 2025

УДК 796.41

ЭВОЛЮЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГИМНАСТИКИ

EDN DCAAZH

В. А. Бабайцева*Аспирант, старший преподаватель,**OORCID 0009-0009-8823-6985,**e-mail: babaytseva.lera@mail.ru,***М. С. Соловьева***студентка, e-mail: dasha23bog@mail.ru,**Петрозаводский государственный университет,**г. Петрозаводск, Россия***EVOLUTION OF RHYTHMIC GYMNASTICS****V. A. Babaytseva***Senior lecturer,***M. S. Solovieva***Student,**Petrozavodsk State University,**Petrozavodsk, Russia*

Abstract. This work explores the evolution of rhythmic gymnastics, tracing its journey from ancient dances to modern sport. The study examines how gymnastics schools have influenced the formation of a unique style and technique. Special attention is given to key stages of development, including the organization of the first competitions and the introduction of the first apparatus.

Keywords: rhythmic gymnastics; history; apparatus; elements.

Художественная гимнастика – вид спорта, в котором гимнастические и танцевальные элементы выполняются и гармонично сочетаются с музыкальным сопровождением. Элементы могут выполняться как без, так и с предметами (например, булавами, мячом, скакалкой, обручем и лентой). Этот вид спорта имеет богатую историю, которая начинается с древних танцев и прослеживается до современных соревнований.

Первые гимнастические элементы появились в античную эпоху, когда жители Древней Греции занимались упражнениями для поддержания физической формы [6]. Историческими предпосылками художественной гимнастики стали античные традиции гармоничного развития человека [4]. История становления художественной гимнастики как вида спорта начинается с формирования других направлений, которые со временем составят единое целое спортивное движение. Возникновению художественного направления в дисциплине предшествовали такие виды, как эстетическая гимнастика, танцевальная

гимнастика, художественная гимнастика и свободный танец.

Основателем эстетического направления считается Франсуа Дельсарт. Он основал студию выразительной гимнастики для развития грации и артистизма, с упором на жесты, мимику и свободу движений. Его система подчеркивала выражение через движение, взаимодействие с музыкой и использование пространства [6]. Работы Дельсарта заложили принципы выразительного движения, ставшие частью художественной гимнастики как вида спорта, сочетающего атлетизм и артистизм [7].

Жорж Демени, основатель танцевального движения, разработал метод динамических упражнений для развития грациозности. Он ввел булавы в спортивную практику и сформулировал принципы выполнения элементов: динамичность, плавность, естественность движений и их поэтапное освоение [2]. Научные исследования Демени в области физиологии движения позволили создать методику, где ритм и амплитуда

соответствуют анатомическим особенностям женского организма [5].

Эмиль Жак-Далькроз считается основателем ритмической гимнастики. Далькрозом был разработан принцип «прохлопывания» ритма, который и по сей день остается важной частью обучения ритмической гимнастике. Суть этого метода заключается в том, что все движения должны выполняться в строгом соответствии с ритмом и темпом музыки [2]. Метод Далькроза, основанный на связи музыки и движения, революционизировал подход к телесной выразительности и заложил основы для будущей интеграции музыкального сопровождения в соревновательную программу художественной гимнастики [9].

Значительный вклад в развитие художественной гимнастики внесла Айседора Дункан. Основной идеей ее творчества было самовыражение личности через движение. Дункан отвергала строгие порядки классического балета и стремилась к естественности, свободе и гармонии тела. Ее танцы были плавными и грациозными, подчеркивая естественные линии и ритмы тела, а также связь между движением и музыкой. Этот подход вдохновил многих хореографов и гимнастов, что привело к введению элементов свободного танца в художественную гимнастику. Влияние Айседоры Дункан также можно увидеть и в применении музыки как важного элемента в выступлениях по художественной гимнастике.

Айседора Дункан нашла большой отклик на свое творчество, поэтому она часто выступала на международной сцене, в том числе и в России, где нашла свою публику и последователей. В 1921 году в Москве была основана школа художественного течения, названная ее именем [3]. Философия движения Дункан, основанная на естественности и эмоциональной выразительности, стала важным фактором в формировании эстетических принципов художественной гимнастики, особенно в разработке критериев артистизма и выразительности в соревнова-

тельных программах [8]. В России художественная гимнастика начала формироваться в конце XIX века, став самостоятельным видом спорта в СССР. Развитие художественного движения в России прошло несколько этапов: первый (1917–1925) характеризовался разрозненностью школ; второй (с 1925) – попытками объединения; в 1929 году начался синтез искусства и физкультуры на базе Ленинградского областного совета физкультуры. Третий этап принес обобщение опыта различных школ. В 1932 году была создана кафедра художественного движения в Институте имени П. Ф. Лесгафта [6]. Советская школа художественной гимнастики сыграла определяющую роль в формировании международных стандартов этого вида спорта [1].

Приглашение в 1934 году ведущих руководителей ритмопластических школ стало важным шагом на пути создания единой образовательной платформы, объединяющей разнообразные подходы, разработанные в разных уголках страны.

Разработка единой программы, системы упражнений, терминологии и правил музыкального сопровождения создала необходимые условия для стандартизации художественного движения и облегчила преподавание дисциплины. Ключевым моментом в истории этого направления стало открытие Высшей школы художественного движения, которая стала центром подготовки высококвалифицированных специалистов, способных сочетать навыки хореографии, гимнастики и театрального искусства, что было особенно актуально для художественной гимнастики [2]. Первые в истории России индивидуальные соревнования по художественной гимнастике состоялись в 1939 году и были приурочены к Международному женскому дню. Важно, что для проведения соревнований были разработаны основные упражнения, система оценки выступлений и правила проведения соревнований.

В 1941 году был организован первый чемпионат Ленинграда. В программу со-

ревнований были включены обязательные и вольные упражнения, ставшие стандартом для будущих соревнований. Спортивная система того времени уже позволяла присваивать участницам спортивные разряды от III до I степени. Первой победительницей турнира стала Юлия Шишкарева, что сделало ее знаковой фигурой в истории отечественной художественной гимнастики [6]. В 1948 году состоялся первый Всесоюзный чемпионат по художественной гимнастике, ставший важным этапом в развитии этого вида спорта в Советском Союзе. Это событие ознаменовало начало систематических национальных соревнований и способствовало дальнейшей популяризации художественной гимнастики среди женщин различных возрастов [4].

С 1987 года в соревнованиях по групповым упражнениям по художественной гимнастике введены два вида выступлений. Первый вид предполагает выступление всех гимнасток в дуэте с использованием одних и тех же предметов. Второй вид предполагает использование разных предметов, что позволяет внести индивидуальность и разнообразие в исполняемые номера [3]. Этот формат соревнований значительно повысил зрелищность художественной гимнастики и потребовал от спортсменок развития новых навыков синхронизации движений и командного взаимодействия [5].

Постепенно в выступления стали включаться различные снаряды. Мяч и скакалка вошли в художественную гимнастику в СССР в 1934 году. Появление ленты связано с искусством балета. Согласно правилам, лента должна постоянно находиться в движении и иметь длину не менее 6 метров [7]. Позже всех частью соревнований стала булава длиной 40–50 см и весом 150 граммов [3]. Эволюция снарядов отражает не только технический прогресс, но и изменение требований к технике и артистизму выступлений на международной арене [8].

Международная федерация гимнастики (FIG) является руководящим органом для всех дисциплин гимнастики. В 1962 году FIG признала художественную гимнастику как отдельную дисциплину, утвердив ныне известное нам наименование – «художественная гимнастика». Это решение стало поворотным моментом в истории этого вида спорта, открыв путь к международному признанию и стандартизации правил соревнований [9].

В 1978 году в Мадриде прошел первый чемпионат Европы, на котором советская гимнастка Галина Шугурова завоевала золотую медаль. 1980 год стал ключевым для художественной гимнастики: после Олимпиады в Москве Конгресс Международного олимпийского комитета принял решение о включении этого вида спорта в программу Олимпийских игр. Первую олимпийскую золотую медаль в этой дисциплине завоевала канадская спортсменка Лори Фунг [6]. Включение художественной гимнастики в программу Олимпийских игр значительно повысило престиж этого вида спорта и способствовало его дальнейшему развитию и популяризации во всем мире [10].

Таким образом, эволюция художественной гимнастики – это длительный и очень интересный процесс, отражающий изменения спортивных норм и эстетических предпочтений общества. С каждым годом уровень сложности элементов возрастает, что требует от гимнасток выдающейся физической подготовки и мастерства. Слияние с другими дисциплинами, такими как спортивная гимнастика и танец, обогащает программу, добавляя новые выразительные возможности. Артистизм и эмоциональная составляющая выступлений становятся ключевыми элементами, привлекающими внимание зрителей. Технический прогресс также играет значительную роль в развитии этого вида спорта, совершенствуя как тренировочный процесс, так и судейство. В результате художественная гимнастика превраща-

ется не только в соревнование, но и в настоящее искусство, способное тронуть сердца зрителей.

Библиографический список

1. Венгерова, Н. Н. Профилирующие физические упражнения художественной гимнастики в процессе физического воспитания студенток / Н. Н. Венгерова // Вестник спортивной науки. 2022. № 3. С. 47–51.
2. Винер-Усманова, И. А. Ритмическая гимнастика. История, состояние и перспективы развития / И. А. Винер-Усманова, Е. С. Крючек, Е. Н. Медведева, Р. Н. Терехова. Москва: Человек, 2014. 200 с.
3. Зайкина, А. О. История художественной гимнастики / А.О. Зайкина, И. А. Кузнецов // Современные инновации. 2019. № 2 (30). С. 65–66.
4. Карпенко, Л. А. Художественная гимнастика: учебник / Л.А. Карпенко. Москва: Всероссийская федерация художественной гимнастики, 2015. 382 с.
5. Коваленко, Я. О. Структурно-функциональная модель соревновательной композиции в художественной гимнастике / Я. О. Коваленко // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2021. № 2. С. 18–24.
6. Косивченко, Е. В. История зарождения художественной гимнастики как отдельного вида спорта / Е.В. Косивченко, Е.А. Мазуренко // Ученые записки Университета имени П. Ф. Лесгафта. 2023. № 7 (221). С. 194–198.
7. Плеханова, М. Э. Эстетические аспекты спортивно-технического мастерства в сложно-координационных видах спорта / М. Э. Плеханова // Теория и практика физической культуры. 2017. № 11. С. 21–23.
8. Супрун, А. А. Технологический подход к формированию навыков выразительности у гимнасток в упражнениях с предметами / А. А. Супрун // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2020. № 9 (187). С. 353–358.
9. Терехина, Р. Н. Современный подход к процессу постановки соревновательных композиций в художественной гимнастике / Р. Н. Терехина, Е. Н. Медведева // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2018. № 3. С. 64–67.
10. Хабибуллин, И. М. Художественная гимнастика в жизни детей / И. М. Хабибуллин, А. З. Зигангирова // Электрон. наук. 2019. № 6 (33). С. 82–87.

© *Бабайцева В. А., Соловьева М. С., 2025*

УДК 796.819(076)

**ДИАГНОСТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РУКОБОРЦЕВ
В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА**
EDN DGMMNO**Ю. В. Драгнев***Кандидат педагогических наук, доцент,
Луганский государственный
педагогический университет,
г. Луганск, Луганская Народная Республика,
Россия***DIAGNOSTICS OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF WRESTLERS
IN THE CONDITIONS OF INFORMATION AND EDUCATIONAL SPACE****Yu. V. Dragnev***Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Lugansk State Pedagogical University,
Lugansk, Lugansk People's Republic, Russia*

Abstract. The article presents the results of diagnostics of professional development of wrestlers in the conditions of information and educational space. The diagnosis was carried out taking into account the developed criteria, indicators and levels in accordance with the conditions of the information and educational space. This diagnosis showed that the respondents of the control and experimental groups have a low level of professional development, but they are also partially at the middle and high levels.

Keywords: diagnostics; professional development; wrestlers; information and educational space; arm wrestling.

Диагностика профессионального развития рукоборцев в условиях информационно-образовательного пространства осуществлялась в начале 2024 года. Заметим, что в содержательном плане мы выделили такие направления профессионального развития рукоборцев: формирование профессиональных навыков и качеств, которых ещё нет, но которые необходимы в будущей профессиональной деятельности в общеобразовательном учебном заведении на уроке физической культуры; развитие позитивных умений и качеств, которые можно сформировать в процессе самостоятельной работы с помощью работы в сети Интернет и т.д.

Для проведения диагностики профессионального развития рукоборцев мы разработали следующие критерии: «Профессиональное мастерство», «Информационная компетентность», «Профессиональная компетентность», «Информационная культура» в соответствии с условиями информационно-образовательного про-

странства. Изучением различных сторон подготовки рукоборцев занимаются современные учёные [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9].

Констатирующий этап педагогического эксперимента был проведён с привлечением рукоборцев ООО «Федерации армрестлинга России» из разных субъектов России, а также рукоборцев Регионального отделения ООО «Федерации армрестлинга России» – «Федерация армрестлинга Луганской Народной Республики». Экспериментальная работа была проведена на базе кафедры теории и методики физического воспитания ИФВС ФГБОУ ВО «ЛГПУ» в рамках работы научной школы Ю. В. Драгнева «Теория и практика армрестлинг», дисциплины «Спортивно-педагогическое совершенствование. Армрестлинг», РО ООО «ФАР» – «ФАЛНР».

Общее количество участников экспериментальной работы составило 79 респондентов из региональных отделений Федерации армрестлинга России из

таких субъектов и городов России: Белгородская область, Волгоград, Вологодская область, Краснодарский Край, Красноярский Край, Луганская Народная Республика, Московская область, Нижегородская область, Приморский Край, Псковская область, Республика Бурятия, Республика Северная Осетия-Алания, Ростовская область, Санкт-Петербург, Свердловская область, Ставропольский край, Хабаровский Край, Челябинск.

В экспериментальной работе в соответствии с задачами исследования была выделена общая выборочная совокупность рукоборцев ООО «Федерации армрестлинга России», а также рукоборцев Регионального отделения ООО «Федерации армрестлинга России» – «Федерация армрестлинга Луганской Народной Республики». В соответствии с задачами исследования общее количество участников опытно-экспериментальной работы составило 79 респондентов в анкетировании и 34 респондента в тестировании. В *контрольную группу* вошли рукоборцы ООО «Федерации армрестлинга России», а так же рукоборцы Регионального отделения ООО «Федерации армрестлинга России» – «Федерация армрестлинга Луганской Народной Республики из различных субъектов России в количестве 17 рукоборцев, в *экспериментальную группу* вошли рукоборцы Регионального отделения ООО «Федерации армрестлинга России» – «Федерация армрестлинга Луганской Народной Республики» так же в количестве 17 рукоборцев.

В начале констатирующего этапа педагогического эксперимента была сделана рассылка в кроссплатформенной системе мгновенного обмена сообщениями Теле-

грамм, а так же в российской социальной сети Вконтакте разработанной анкеты «Теория и практика армрестлинга» для проведения констатирующего этапа педагогического эксперимента [1] и вопросов для тестирования «Теория и практика армрестлинга» в рамках проведения констатирующего этапа педагогического эксперимента с целью определения уровней профессионального развития рукоборцев в условиях информационно-образовательного пространства [10]. Вопросы отражали содержание проводимого исследования. Анкета содержала 15 вопросов, тестирование имело 8 вопросов с тремя вариантами ответов. Все ответы на вопросы анкеты и тестирования записывались автоматически в гугл-таблицу. Физическими лицами были: спортсмен, студент, школьник, тренер, преподаватель, самозанятый, иная профессия. В анкетировании и тестировании приняли участие респонденты из региональных отделений Федерации армрестлинга России из таких субъектов и городов России: Белгородская область, Волгоград, Вологодская область, Краснодарский Край, Красноярский Край, Луганская Народная Республика, Московская область, Нижегородская область, Приморский Край, Псковская область, Республика Бурятия, Республика Северная Осетия-Алания, Ростовская область, Санкт-Петербург, Свердловская область, Ставропольский край, Хабаровский Край, Челябинск. Далее представим результаты проведённого анкетирования «Теория и практика армрестлинга» (см. рис. 1), где представлено количество физических лиц, принявших участие в анкетировании.

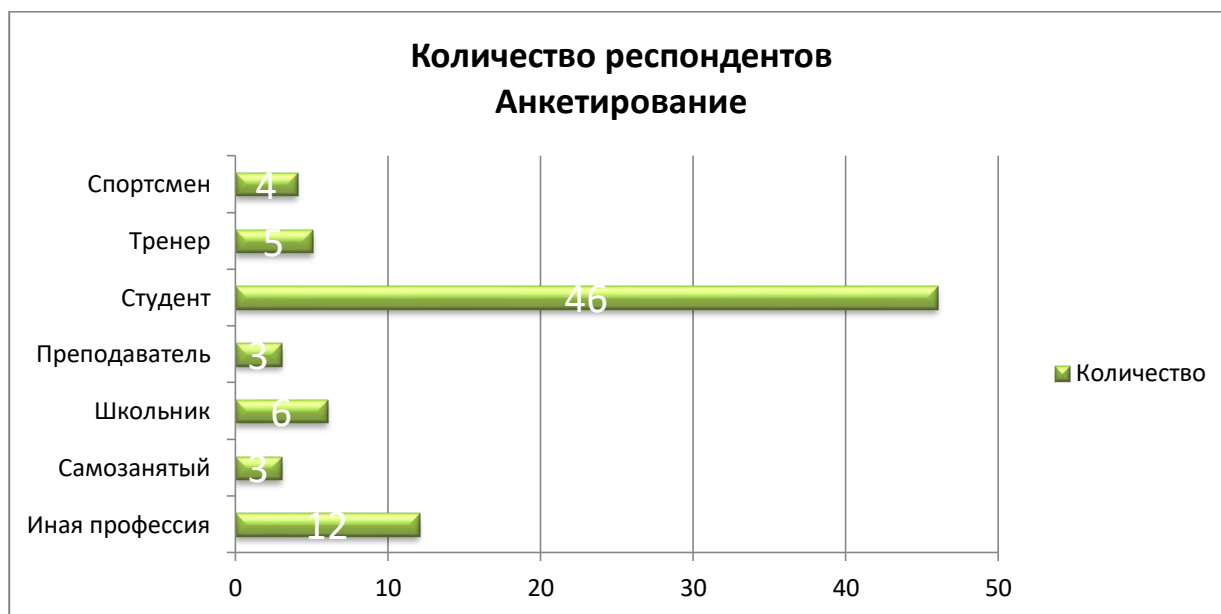

Рис. 1. Количество физических лиц, принявших участие в анкетировании (спортсмен, студент, школьник, тренер, преподаватель, самозанятый, иная профессия) в анкетировании и тестировании

На вопрос «Знаете ли Вы про такой вид спорта «Армрестлинг»?» ответили «Да» – 79 респондентов, «Нет» – 0 респондентов; на вопрос «Занимаетесь ли Вы армрестлингом?» ответили «Да» – 63 респондента, «Нет» – 16 респондентов; на вопрос «Знаете ли Вы теоретические основы профессионального развития рукоборцев в процессе занятий армрестлингом в условиях информационно-образовательного пространства?» ответили «Да» – 56 респондентов, «Нет» – 23 респондента; на вопрос «Знаете ли Вы что такое профессиональное развитие рукоборцев в процессе занятий армрестлингом в условиях информационно-образовательного пространства?» ответили «Да» – 48 респондентов, «Нет» – 31 респондентов; на вопрос «Знаете ли Вы что такое профессиональное мастерство?» ответили «Да» – 70 респондентов, «Нет» – 9 респондентов; на вопрос «Знаете ли Вы что такое информационная компетентность?» ответили «Да» – 62 респондента,

«Нет» – 17 респондентов; на вопрос «Знаете ли Вы что такое профессиональная компетентность?» ответили «Да» – 69 респондентов, «Нет» – 10 респондентов; на вопрос «Знаете ли Вы что такое педагогическая система профессионального развития рукоборцев в процессе занятий армрестлингом в условиях информационно-образовательного пространства?» ответили «Да» – 25 респондентов, «Нет» – 54 респондента; на вопрос «Знаете ли Вы концептуальные положения педагогической системы профессионального развития рукоборцев в условиях информационно-образовательного пространства?» ответили «Да» – 20 респондентов, «Нет» – 59 респондентов; на вопрос «Знаете ли Вы педагогические технологии, направленные на совершенствование содержания образования рукоборцев с целью повышения уровня профессионального развития рукоборцев в условиях информационно-образовательного пространства?» ответили «Да» – 21 респондент, «Нет» – 58 ре-

спондентов; на вопрос «Необходимо ли внедрение педагогической системы профессионального развития рукоборцев в практику высшего образования?» ответили «Да» – 69 респондентов, «Нет» – 10 респондентов; на вопрос «Необходимо ли международное сотрудничество со странами БРИКС в контексте перспектив развития армрестлинга в ЛНР?» ответили «Да» – 68 респондентов, «Нет» – 11 респондентов; на вопрос «Знаете ли Вы историю развития Луганского армрестлинга?» ответили «Да» – 12 респондентов, «Нет» – 67 респондентов; на вопрос «Необходимо ли вступить РО ФАР «ФАЛНР» в Центр развития международного спорта БРИКС?» ответили «Да» – 65 респондентов, «Нет» – 14 респондентов; на вопрос «Необходимо ли иметь перспективы сотрудничества научной школы Ю. В. Драгнева «Теория и практика армрестлинга» в странах БРИКС и в Центре развития международного спорта БРИКС в научной сфере?» ответили «Да» – 70 респондент, «Нет» – 9 респондентов.

Изучая данные тестирования (см. рис. 2) по критерию «Профессиональная компетентность» по показателю «Отношение к результату в армрестлинге» получены такие результаты: «всегда адекватно отношусь к результатам в армрестлинге» – 31 респондент; «не всегда адекватно отношусь к результатам в армрестлинге» – 3 респондента; «к результатам в армрестлинге отношусь не адекватно» – 0 респондентов; по показателю «Отношение к материально-техническим условиям в армрестлинге» получены такие результаты: «всегда творчески подхожу к материально-техническим условиям в армрестлинге» – 11 респондентов; «творчески подхожу к

материально-техническим условиям в армрестлинге ситуативно» – 18 респондентов; «редко способен изменять материально-технические условия в армрестлинге» – 5 респондентов.

Изучая данные тестирования по критерию «Информационная культура» по показателю «Желание самостоятельно осуществлять деятельность с использованием информационных технологий в армрестлинге» получены такие результаты: «всегда стремлюсь самостоятельно осуществлять деятельность с использованием информационных технологий в армрестлинге» – 13 респондентов; «стремление самостоятельно осуществлять деятельность с использованием информационных технологий в армрестлинге у меня проявляется ситуативно» – 15 респондентов; «стремление самостоятельно осуществлять деятельность с использованием информационных технологий в армрестлинге у меня проявляется редко» – 6 респондентов; по показателю «Интерес к самостоятельной деятельности с использованием информационных технологий в армрестлинге» получены такие результаты: «проявляю устойчивый интерес к самостоятельной деятельности с использованием информационных технологий в армрестлинге» – 16 респондентов; «проявляю частичный интерес к самостоятельной деятельности с использованием информационных технологий в армрестлинге» – 10 респондентов; «интерес к самостоятельной деятельности с использованием информационных технологий в армрестлинге проявляю редко» – 8 респондентов.

Далее представим результаты проведённого тестирования «Теория и практика армрестлинга» (см. рис. 2).

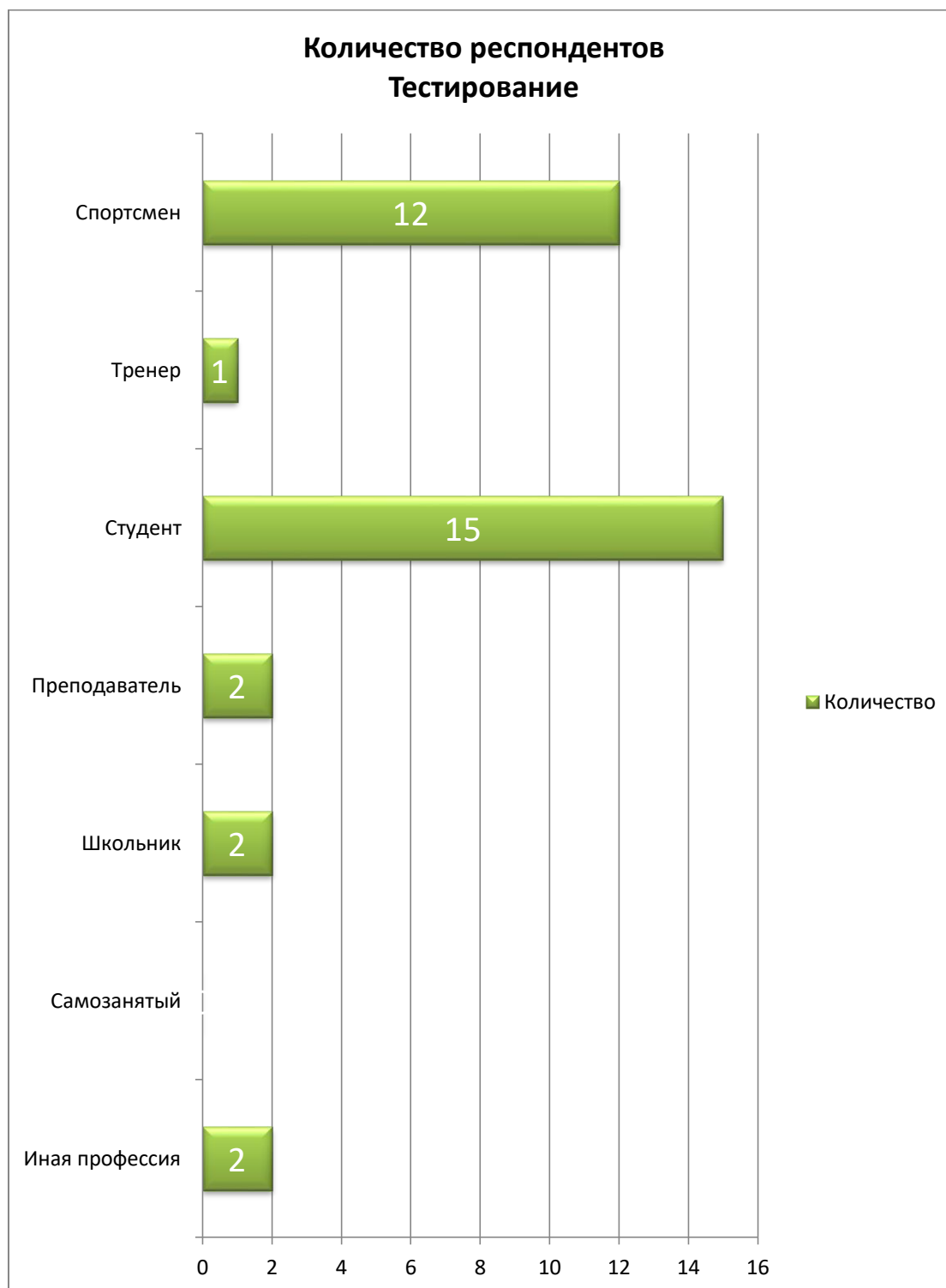

Рис. 2. Количество физических лиц, принявших участие в тестировании (спортсмен, студент, школьник, тренер, преподаватель, самозанятый, иная профессия) в анкетировании и тестировании

Далее представим результаты констатирующего этапа педагогического эксперимента (см. табл. 1).

Таблица 1

Сводная таблица критериев, показателей и уровней профессионального развития рукоборцев ООО «Федерации армрестлинга России», рукоборцев Регионального отделения ООО «Федерации армрестлинга России» – «Федерация армрестлинга Луганской Народной Республики (констатирующий этап эксперимента)

№	Критерии	Показатели	Уровни		
			Высокий	Средний	Низкий
1	Профессиональное мастерство	Полнота знаний о способах повышения уровня мастерства в армрестлинге	Полнота знаний о способах повышения уровня мастерства в армрестлинге вполне достаточная	Полнота знаний о способах повышения уровня мастерства в армрестлинге не вполне достаточная	Полнота знаний о способах повышения уровня мастерства в армрестлинге недостаточная
		Ответы (34 респондента)	11 респ. 32,35 %	15 респ. 44,11 %	8 респ. 23,52 %
		Прочность знаний о способах повышения уровня мастерства в армрестлинге	Прочность знаний о способах повышения уровня мастерства в армрестлинге вполне достаточная	Прочность знаний о способах повышения уровня мастерства в армрестлинге не вполне достаточная	Прочность знаний о способах повышения уровня мастерства в армрестлинге недостаточная
		Ответы (34 респондента)	12 респ. 35,29 %	18 респ. 52,94 %	4 респ. 11,76 %
2	Информационная компетентность	Полнота умений применять знания при использовании информационных технологий в армрестлинге	Полнота умений применять знания при использовании информационных технологий в армрестлинге достаточная	Полнота умений применять знания при использовании информационных технологий в армрестлинге не вполне достаточная	Полнота умений применять знания при использовании информационных технологий в армрестлинге недостаточная
		Ответы (34 респондента)	14 респ. 41,17 %	17 респ. 50 %	3 респ. 8,82 %
		Прочность знаний при использовании информационных технологий в армрестлинге	Прочность знаний при использовании информационных технологий в армрестлинге достаточная	Прочность знаний при использовании информационных технологий в армрестлинге не вполне достаточная	Прочность знаний при использовании информационных технологий в армрестлинге недостаточная
		Ответы (34 респондента)	16 респ. 47,05 %	13 респ. 38,23 %	5 респ. 14,70 %
3	Профессиональная компетентность	Отношение к результату в армрестлинге	Всегда адекватно относится к результатам в армрестлинге	Не всегда адекватно относится к результатам в армрестлинге	К результатам в армрестлинге относится не адекватно

		Ответы (34 респондента)	31 91,17 %	3 8,82 %	0 0 %
		Отношение к материально-техническим условиям в армрестлинге	Всегда творчески подходит к материально-техническим условиям в армрестлинге	Творчески подходит к материально-техническим условиям в армрестлинге ситуативно	Редко способен изменять материально-технические условия в армрестлинге
		Ответы (34 респондента)	11 респ. 32,35 %	18 респ. 52,94 %	5 респ. 14,70 %
4	Информационная культура	Желание самостоятельно осуществлять деятельность с использованием информационных технологий в армрестлинге	Всегда стремится самостоятельно осуществлять деятельность с использованием информационных технологий в армрестлинге	Стремление самостоятельно осуществлять деятельность с использованием информационных технологий в армрестлинге ситуативно	Стремление самостоятельно осуществлять деятельность с использованием информационных технологий в армрестлинге редко
		Ответы (34 респондента)	13 респ. 38,23 %	15 респ. 44,11 %	6 респ. 17,64 %
		Интерес к самостоятельной деятельности с использованием информационных технологий в армрестлинге	Проявляет устойчивый интерес к самостоятельной деятельности с использованием информационных технологий в армрестлинге	Проявляет частичный интерес к самостоятельной деятельности с использованием информационных технологий в армрестлинге	Интерес к самостоятельной деятельности с использованием информационных технологий в армрестлинге проявляется редко
		Ответы (34 респондента)	16 респ. 47,05 %	10 респ. 29,41 %	8 респ. 23,52 %

Таблица 2

**Сводная таблица критериев, показателей и уровней профессионального развития
рукоборцев контрольной (КГ) группы ООО «Федерации армрестлинга России»
и рукоборцев экспериментальных (ЭГ) Регионального отделения
ООО «Федерации армрестлинга России» –
«Федерация армрестлинга Луганской Народной Республики
(констатирующий этап эксперимента)**

№	Критерии		Показатели	Уровни		
				Высокий	Средний	Низкий
1	Профессиональное мастерство	КГ	Полнота знаний о способах повышения уровня мастерства в армрестлинге	Полнота знаний о способах повышения уровня мастерства в армрестлинге вполне достаточная	Полнота знаний о способах повышения уровня мастерства в армрестлинге не вполне достаточная	Полнота знаний о способах повышения уровня мастерства в армрестлинге недостаточная
			Ответы (17 респондентов)	6 респ. 35,29 %	7 респ. 41,17 %	4 респ. 23,52 %
			Прочность знаний о способах повышения уровня мастерства в армрестлинге	Прочность знаний о способах повышения уровня мастерства в армрестлинге вполне достаточная	Прочность знаний о способах повышения уровня мастерства в армрестлинге не вполне достаточная	Прочность знаний о способах повышения уровня мастерства в армрестлинге недостаточная
			Ответы (17 респондентов)	5 респ. 29,41 %	10 респ. 58,82 %	2 респ. 11,76 %
		ЭГ	Полнота знаний о способах повышения уровня мастерства в армрестлинге	Полнота знаний о способах повышения уровня мастерства в армрестлинге вполне достаточная	Полнота знаний о способах повышения уровня мастерства в армрестлинге не вполне достаточная	Полнота знаний о способах повышения уровня мастерства в армрестлинге недостаточная
			Ответы (17 респондентов)	5 респ. 29,41%	8 респ. 47,05%	4 респ. 23,52%
			Прочность знаний о способах повышения уровня мастерства в армрестлинге	Прочность знаний о способах повышения уровня мастерства в армрестлинге вполне достаточная	Прочность знаний о способах повышения уровня мастерства в армрестлинге не вполне достаточная	Прочность знаний о способах повышения уровня мастерства в армрестлинге недостаточная
			Ответы (17 респондентов)	7 респ. 41,17 %	8 респ. 47,05 %	2 респ. 11,76 %
2	Информационная компетентность	КГ	Полнота умений применять знания при использовании информационных технологий в армрестлинге	Полнота умений применять знания при использовании информационных технологий в армрестлинге достаточная	Полнота умений применять знания при использовании информационных технологий в армрестлинге не вполне достаточная	Полнота умений применять знания при использовании информационных технологий в армрестлинге недостаточная

			Ответы (17 респондентов)	7 респ. 41,17 %	9 респ. 52,94 %	1 респ. 5,88 %
			Прочность знаний при использовании информационных технологий в армрестлинге	Прочность знаний при использовании информационных технологий в армрестлинге достаточная	Прочность знаний при использовании информационных технологий в армрестлинге не вполне достаточная	Прочность знаний при использовании информационных технологий в армрестлинге недостаточная
			Ответы (17 респондентов)	9 респ. 52,94 %	7 респ. 41,17 %	1 респ. 5,88 %
		ЭГ	Полнота умений применять знания при использовании информационных технологий в армрестлинге	Полнота умений применять знания при использовании информационных технологий в армрестлинге достаточная	Полнота умений применять знания при использовании информационных технологий в армрестлинге не вполне достаточная	Полнота умений применять знания при использовании информационных технологий в армрестлинге недостаточная
			Ответы (17 респондентов)	7 респ. 41,17 %	8 респ. 47,05 %	2 респ. 11,76 %
			Прочность знаний при использовании информационных технологий в армрестлинге	Прочность знаний при использовании информационных технологий в армрестлинге достаточная	Прочность знаний при использовании информационных технологий в армрестлинге не вполне достаточная	Прочность знаний при использовании информационных технологий в армрестлинге недостаточная
			Ответы (17 респондентов)	6 респ. 35,29 %	6 респ. 35,29 %	5 респ. 29,41 %
		КГ	Отношение к результату в армрестлинге	Всегда адекватно относится к результатам в армрестлинге	Не всегда адекватно относится к результатам в армрестлинге	К результатам в армрестлинге относится не адекватно
			Ответы (17 респондентов)	16 респ. 94,11 %	1 респ. 5,88 %	0 респ. 0,0 %
			Отношение к материально-техническим условиям в армрестлинге	Всегда творчески подходит к материально-техническим условиям в армрестлинге	Творчески подходит к материально-техническим условиям в армрестлинге ситуативно	Редко способен изменять материально-технические условия в армрестлинге
3	Профессиональная компетентность	ЭГ	Отношение к результату в армрестлинге	Всегда адекватно относится к результатам в армрестлинге	Не всегда адекватно относится к результатам в армрестлинге	К результатам в армрестлинге относится не адекватно
			Ответы (17 респондентов)	15 респ. 88,23 %	2 респ. 11,76 %	0 респ. 0,0 %
			Отношение к материально-техническим	Всегда творчески подходит к материально-	Творчески подходит к материально-	Редко способен изменять материально-
			Отношение к результату в армрестлинге	Всегда адекватно относится к результатам в армрестлинге	Не всегда адекватно относится к результатам в армрестлинге	К результатам в армрестлинге относится не адекватно
			Отношение к материально-техническим	Всегда творчески подходит к материально-	Творчески подходит к материально-	Редко способен изменять материально-

			условиям в армрестлинге	техническим условиям в армрестлинге	техническим условиям в армрестлинге ситуативно	технические условия в армрестлинге
			Ответы (17 респондентов)	7 респ. 41,17 %	9 респ. 52,94 %	1 респ. 5,88 %
4	Информационная культура	КГ	Желание самостоятельно осуществлять деятельность с использованием информационных технологий в армрестлинге	Всегда стремится самостоятельно осуществлять деятельность с использованием информационных технологий в армрестлинге	Стремление самостоятельно осуществлять деятельность с использованием информационных технологий в армрестлинге проявляется ситуативно	Стремление самостоятельно осуществлять деятельность с использованием информационных технологий в армрестлинге проявляется редко
			Ответы (17 респондентов)	9 респ. 52,94 %	5 респ. 29,41 %	3 респ. 17,64 %
			Интерес к самостоятельной деятельности с использованием информационных технологий в армрестлинге	Проявляет устойчивый интерес к самостоятельной деятельности с использованием информационных технологий в армрестлинге	Проявляет частичный интерес к самостоятельной деятельности с использованием информационных технологий в армрестлинге	Интерес к самостоятельной деятельности с использованием информационных технологий в армрестлинге проявляется редко
			Ответы (17 респондентов)	10 респ. 58,82 %	4 респ. 23,52 %	3 респ. 17,64 %
		ЭГ	Желание самостоятельно осуществлять деятельность с использованием информационных технологий в армрестлинге	Всегда стремится самостоятельно осуществлять деятельность с использованием информационных технологий в армрестлинге	Стремление самостоятельно осуществлять деятельность с использованием информационных технологий в армрестлинге проявляется ситуативно	Стремление самостоятельно осуществлять деятельность с использованием информационных технологий в армрестлинге проявляется редко
			Ответы (17 респондентов)	4 респ. 23,52 %	10 респ. 58,82 %	3 респ. 17,64 %
			Интерес к самостоятельной деятельности с использованием информационных технологий в армрестлинге	Проявляет устойчивый интерес к самостоятельной деятельности с использованием информационных технологий в армрестлинге	Проявляет частичный интерес к самостоятельной деятельности с использованием информационных технологий в армрестлинге	Интерес к самостоятельной деятельности с использованием информационных технологий в армрестлинге проявляется редко
			Ответы (17 респондентов)	6 респ. 35,29 %	6 респ. 35,29 %	5 респ. 29,41 %

Далее подадим общие данные о состоянии профессионального развития рукоборцев в условиях информационно-

образовательного пространства на констатирующем этапе педагогического эксперимента (см. табл. 3).

Таблица 3

**Состояние профессионального развития рукоборцев
в условиях информационно-образовательного пространства
(констатирующий этап эксперимента)**

№	Критерий	Группы	Показатели	Уровни профессионального развития, %		
				Высокий	Средний	Низкий
1	Профессиональное мастерство	КГ	1	35,29 %	41,17 %	23,52 %
		КГ	2	29,41 %	58,82 %	11,76 %
		ЕГ	1	29,41 %	47,05 %	23,52 %
		ЕГ	2	41,17 %	47,05 %	11,76 %
2	Информационная компетентность	КГ	1	41,17 %	52,94 %	5,88 %
		КГ	2	52,94 %	41,17 %	5,88 %
		ЕГ	1	41,17 %	47,05 %	11,76 %
		ЕГ	2	35,29 %	35,29 %	29,41 %
3	Профессиональная компетентность	КГ	1	94,11 %	5,88 %	0,0 %
		КГ	2	23,52 %	52,94 %	23,52 %
		ЕГ	1	88,23 %	11,76 %	0,0 %
		ЕГ	2	41,17 %	52,94 %	5,88 %
4	Информационная культура	КГ	1	52,94 %	29,41 %	17,64 %
		КГ	2	58,82 %	23,52 %	17,64 %
		ЕГ	1	23,52 %	58,82 %	17,64 %
		ЕГ	2	35,29 %	35,29 %	29,41 %

Исходя из полученных данных таблицы 3 мы сделали вывод, что респонденты контрольных и экспериментальных групп имеют низкий уровень профессионального развития, однако также частично находятся и на среднем и высоком уровнях. В ходе проведённой диагностики мы получили такие экспериментальные данные: а) критерий «Профессиональное мастерство» по двум показателям и трём уровням в среднем в контрольной группе составил 33,32 %; в экспериментальной группе – 33,32 %; б) критерий «Информационная компетентность» по двум показателям и трём уровням в среднем в контрольной группе составил 33,33 %; в экспериментальной группе – 33,32 %; в) критерий «Профессиональная компетентность» по двум показателям и трём уровням в среднем в контрольной группе составил 33,32 %; в экспериментальной

группе – 33,33 %; г) критерий «Информационная культура» по двум показателям и трём уровням в среднем в контрольной группе составил 33,32 %; в экспериментальной группе – 33,32 %.

Следует сделать вывод, что профессиональное мастерство рукоборцев, которое раскрывалось через полноту знаний у рукоборцев о способах повышения уровня мастерства в армрестлинге, и прочности знаний о способах повышения уровня мастерства рукоборцев в армрестлинге, имело в контрольной группе на высоком уровне 35,29 % и 29,41 %; на среднем уровне – 41,17 % и 58,82 %; на низком уровне – 23,52 % и 11,76 %; в экспериментальной группе на высоком уровне 29,41 % и 41,17 %; на среднем уровне – 47,05 % и 47,05 %; на низком уровне – 23,52 % и 11,76 %. Полнота знаний о способах повышения уровня мастерства в

армрестлинге была вполне достаточная; прочность знаний о способах повышения уровня мастерства в армрестлинге так была вполне достаточной.

Информационная компетентность, которая раскрывалась через полноту умений рукоборцев применять знания при использовании информационных технологий в армрестлинге, а так же через прочность знаний у рукоборцев при использовании информационных технологий в армрестлинге имела в контрольной группе на высоком уровне 41,17 % и 52,94 %; на среднем уровне – 52,94 % и 41,17 %; на низком уровне – 5,88 % и 5,88 %; в экспериментальной группе на высоком уровне 41,17 % и 35,29 %; на среднем уровне – 47,05 % и 35,29 %; на низком уровне – 11,76 % и 29,41 %. Полнота умений применять знания при использовании информационных технологий в армрестлинге была достаточной, а так же прочность знаний при использовании информационных технологий в армрестлинге была достаточной.

Профессиональная компетентность, которая раскрывалась через отношение рукоборцев к результату в армрестлинге и отношение рукоборцев к материально-техническим условиям в армрестлинге имела в контрольной группе на высоком уровне 94,11 % и 23,52 %; на среднем уровне – 5,88 % и 52,94 %; на низком уровне – 0,0 % и 23,52 %; в экспериментальной группе на высоком уровне 88,23 % и 41,17 %; на среднем уровне – 11,76 % и 52,94 %; на низком уровне – 0,0 % и 5,88 %. Отношение к результату в армрестлинге у рукоборцев, в основном, всегда адекватное отношению к результатам в армрестлинге. Отношение к материально-техническим условиям в армрестлинге проявляется, в основном, через творческий подход.

Информационная культура, которая раскрывалась через желание самостоятельно осуществлять деятельность с использованием информационных технологий в армрестлинге и интересом к само-

стоятельной деятельности с использованием информационных технологий в армрестлинге имела в контрольной группе на высоком уровне 52,94 % и 58,82 %; на среднем уровне – 29,41 % и 23,52 %; на низком уровне – 17,64 % и 17,64 %; в экспериментальной группе на высоком уровне 23,52 % и 35,29 %; на среднем уровне – 58,82 % и 35,29 %; на низком уровне – 17,64 % и 29,41 %. Самостоятельная деятельность с использованием информационных технологий в армрестлинге проявлялась ситуативно, а интерес к самостоятельной деятельности с использованием информационных технологий в армрестлинге имел устойчивый и частичный характер.

Итак, диагностика показала, что респонденты контрольных и экспериментальных групп имеют низкий уровень профессионального развития, однако также частично находятся и на среднем и высоком уровнях. Результаты диагностики дают возможность начать процесс разработки структурно-функциональной модели педагогической системы профессионального развития рукоборцев в процессе занятий армрестлингом в условиях информационно-образовательного пространства с целью повышения уровня профессионального развития рукоборцев в условиях информационно-образовательного пространства.

Библиографический список

1. Анкета для проведения констатирующего этапа педагогического эксперимента [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSfDIxs3d6GyUVI_1i7K9_XcPkUw3cIAHcse1Nl353oGyZvtSg/viewform
2. Драгнев, Ю. В. Методика физической подготовки ученической молодежи. Часть 1. «Армспорт» : учеб. пособ. для студ. высш. учеб. завед. физич. воспитания и спорта / пер. с укр. / Юрий Владимирович Драгнев ; Гос. учр. «Луган. нац. ун-т имени Тараса Шевченко». – Луганск : Изд-во ДЗ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», Элтон-2, 2011. – 428 с.
3. Драгнев, Ю. В. Достижения научной школы Ю. В. Драгнева «Теория и практика армрестлинга» в 2021–2022 гг. / Ю. В. Драгнев //

- Вестник Луганского государственного педагогического университета : сб. науч. тр. / гл. ред. Т. Т. Ротерс; вып. ред. Г. Г. Калинина; ред. сер. Н. А. Павлова. – Луганск : Книта, 2022. – № 1 : Серия 2, Физическое воспитание и спорт. – С. 10–19.
4. Драгнев, Ю. В. Научная школа Ю. В. Драгнева «Теория и практика армрестлинга»: концептуальные основы / Ю. В. Драгнев // Социосфера, 2021. – № 4. – С. 70–74.
 5. Матюшенко, И. А. Модельные характеристики силовых показателей отдельных мышечных групп армрестлеров различной квалификации / И. А. Матюшенко, И. Н. Никулин, А. В. Антонов, Э. И. Никулин // Теория и практика физической культуры. – 2020. – № 8. – С. 19–21.
 6. Матюшенко, И. А. Особенности проявления специальной пиковой силы у начинающих армрестлеров различной массы тела / И. А. Матюшенко, И. Н. Никулин, А. В. Посохов, Ю. П. Гладких // Теория и практика физической культуры. – 2022. – № 3. – С. 17–19.
 7. Никулин, И. Н. Сравнительная характеристика показателей специальной силовой подготовленности армрестлеров различных весовых категорий и уровня спортивного мастерства / И. Н. Никулин, И. А. Матюшенко, А. В. Антонов, А. В. Посохов // Теория и практика физической культуры. – 2021. – № 5. – С. 9–11.
 8. Никулин, И. Н. Успешность выступления национальных команд на чемпионатах Европы по армрестлингу / И. Н. Никулин, А. В. Посохов, А. В. Воронков, М. Д. Васильев // Теория и практика физической культуры. – 2020. – № 7. – С. 78–81.
 9. Силовые способности в армрестлинге: основные тенденции, оценка, особенности проявления: монография / И. Н. Никулин, И. А. Матюшенко, А. В. Посохов, А. В. Воронков. – Москва : Советский спорт, 2022. – 121 с.
 10. Тестирование «в рамках проведения констатирующего этапа педагогического эксперимента [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.google.com/forms/d/1vYrknCxxHlfbzQxTrCics2mOe1SoBVXdXwxPW9WmMkg/edit>.

© Драгнев Ю. В., 2025

УДК 796.4(378.147)

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДИКИ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ-ГИМНАСТОВ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ВУЗАХ: ВЫЗОВЫ И ИННОВАЦИОННЫЕ РЕШЕНИЯ

EDN DIGAOI

Р. Н. Копков

Старший преподаватель,
ORCID 0009-0000-5144-7388,
e-mail: koroni73@yandex.ru,

Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск, Республика Карелия, Россия

MODERN METHODS OF TRAINING STUDENT GYMNASTS IN REGIONAL UNIVERSITIES: CHALLENGES AND INNOVATIVE SOLUTIONS

R. N. Kopkov

Senior Lecturer,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia

Abstract. In the context of rapid advancements in sports technology, the training of student gymnasts requires constant updating of methodological approaches. The article explores the transformation of the training process under the influence of digitalization and analyzes the key differences between metropolitan and regional universities in the application of innovative methods. Special attention is given to the practical aspects of implementing modular systems, VR simulators, and biomechanical analysis under limited funding. Based on research data and expert assessments, adaptive strategies are proposed to help regional universities enhance the effectiveness of gymnast training without significant capital investments.

Keywords: artistic gymnastics; innovative techniques; virtual reality; biomechanical analysis; training process adaptation; regional universities.

Современная спортивная гимнастика переживает этап качественного преобразования тренировочных методик. Если еще десятилетие назад основу подготовки составляли традиционные подходы с акцентом на физические нагрузки, то сегодня на первый план выходят технологии персонализации и цифрового мониторинга. Однако, как свидетельствуют данные Мониторинга развития студенческого спорта РФ (2023), масштабы внедрения инноваций варьируются в зависимости от географического расположения вуза [5].

Парадоксальная ситуация складывается в региональных университетах: с одной стороны, тренеры осознают необходимость технологического обновления, с другой – сталкиваются с объективными барьерами. Среди них:

- ограниченность бюджетного финансирования;
- дефицит квалифицированных кадров;

- отсутствие инфраструктуры для обслуживания сложного оборудования.

В этом контексте особую актуальность приобретает поиск компромиссных решений – адаптация передовых методик к реальным условиям региональных спортивных программ.

Эволюция тренировочных методик: от традиций к инновациям

Концепция модульного построения тренировочного процесса, активно внедряемая в РГУФКСМиТ и НГУ им. Лесгафта, представляет собой яркий пример синтеза спортивной и академической составляющих подготовки [7]. В отличие от жестких линейных программ, модульная система позволяет:

- оперативно корректировать нагрузку в период сессии или восстановления после травм;
- индивидуализировать тренировки с учетом антропометрических данных гимнаста;

- интегрировать междисциплинарные знания (физиология, психология, биомеханика).

Однако в региональной практике эта методика сталкивается с неожиданными сложностями. Как отмечает тренер-преподаватель Краснодарского университета физической культуры: «*Без цифровых инструментов управления нагрузкой модульная система превращается в фор-*

мальность – мы физически не успеваем обрабатывать данные вручную» [6].

Опыт использования VR-технологий в подготовке гимнастов демонстрирует двоякие результаты. В ведущих вузах виртуальные тренажеры позволили:

- сократить травматизм при освоении сложных элементов на 40 %;
- моделировать соревновательные условия для психологической адаптации [8].

Таблица 1

Сравнение технологических возможностей столичных и региональных вузов

Критерий	Столичные вузы	Региональные вузы
Доступ к VR-тренажерам	Полный (80 % учреждений)	Ограниченный (15 %)
Биомеханический анализ	Лабораторные системы (Qualisys)	Мобильные приложения (Kinovea)
Модульное обучение	Автоматизированные планы	Ручная корректировка

Источник: составлено автором по данным [5; 8].

Высокая стоимость профессионального оборудования для анализа движений (средняя цена комплекта составляет 27 месячных зарплат тренера) делает его недоступным для большинства региональных учебных заведений. В качестве эффективных и бюджетных альтернатив предлагаются:

Современные смартфоны поддерживают AR-технологии, что позволяет использовать специализированные приложения, такие как «Gymnastics AR Coach». Эти программы помогают:

- Визуализировать технику выполнения упражнений – наложение цифровой модели на реальное изображение спортсмена.
- Корректировать ошибки в режиме реального времени – сравнение движе-

ний ученика с эталонной 3D-анимацией.

- Автоматизировать анализ – некоторые приложения фиксируют углы суставов, траектории и скорость движений. Преимущества:
- Низкая стоимость (в сравнении с профессиональными системами).
- Доступность – достаточно смартфона или планшета.
- Интерактивность – мгновенная обратная связь для спортсмена.

2. 360-градусное видео для иммерсивного обучения

Технология 360° видео позволяет «погрузить» обучаемого в среду с идеальным выполнением упражнений. Этот метод включает:

- Запись тренировок профессионалов с обзором со всех ракурсов.

- Использование VR-шлемов или обычных экранов для детального разбора техники.
- Интерактивные элементы – замедление, повторы, выделение ключевых фаз движения.
Преимущества:
- Эффект присутствия – студент видит движение так, как если бы находился рядом с тренером.
- Возможность многократного просмотра сложных элементов.
- Отсутствие необходимости в дорогом оборудовании – достаточно камеры 360° и ПО для монтажа.

Для региональных университетов, ограниченных в финансировании, AR-приложения и 360° видео становятся оптимальными решениями. Они обеспечивают доступность, наглядность и интерактивность, компенсируя отсутствие дорогостоящих систем анализа движений [4].

Современные биомеханические системы, такие как Qualisys Motion Capture, совершили революцию в технической подготовке гимнастов. Их применение позволяет:

- выявлять микроошибки в фазе полета;
- оптимизировать энергозатраты при выполнении комбинаций [3].

Однако в отсутствие дорогостоящего оборудования тренеры региональных вузов находят нестандартные решения. Так, в Воронежском институте физкультуры разработали методику комбинированного анализа:

- Видеосъемка на смартфон в замедленном режиме.
- Разметка ключевых точек движения в бесплатной программе Kinovea.
- Сравнение с эталонными моделями через облачные базы данных [9].

Одним из ключевых направлений развития региональных вузов является формирование эффективной кадровой стратегии. Для этого предлагаются следующие решения:

- Создание межвузовских центров повышения квалификации с дистанционными модулями [1].

- Привлечение спортивных волонтеров из числа IT-студентов для технической поддержки.

Внедрение современных технологий в образовательный процесс требует гибких и экономически обоснованных решений. Среди возможных мер:

- Разработка «бюджетных пакетов» (например, связка смартфон + датчики Xiaomi + облачный анализ).
- Использование open-source программ для биомеханического анализа.

Оптимизация использования материально-технической базы и привлечение дополнительного финансирования – важные аспекты устойчивого развития вузов. В этом контексте предлагается:

- Совместное использование дорогостоящего оборудования несколькими вузами региона.
- Поиск альтернативных источников финансирования через партнерство с IT-компаниями [2].

Преодоление технологического разрыва в подготовке гимнастов требует не столько увеличения финансирования, сколько переосмысления подходов к использованию имеющихся ресурсов. Как показывает практика, эффективные решения часто лежат в плоскости:

- творческой адаптации технологий;
- междисциплинарного сотрудничества;
- сетевого взаимодействия между вузами.

Перспективным направлением видится разработка «гибридных» методик, сочетающих проверенные временем подходы с элементами цифровизации, доступными в региональных условиях.

Библиографический список

- Белова О. Н. (сост.). Современные подходы к подготовке тренерских кадров. – Казань: КГУФКСТ, 2023. – 98 с.
- Громов А. Ю. Государственно-частное партнерство в студенческом спорте // Управление в сфере физической культуры и спорта. – 2023. – № 2. – С. 34–41.
- Иванов А. В. Биомеханические технологии в спортивной подготовке. – М.: Спорт, 2022. – 184 с.

- Козлов Д. С. Применение VR и AR в тренировочном процессе гимнастов // Теория и практика физической культуры. – 2023. – № 5. – С. 45–51.
- Мониторинг развития студенческого спорта РФ / под ред. Петровой Л. И. – М.: РГУФКС-МиТ, 2023. – 210 с.
- Сидоров В. К. Инновационные методики в региональных вузах: опыт Краснодарского края // Вестник спортивной науки. – 2022. – № 4. – С. 22–29.
- Федоров Н. П. Модульные системы в подготовке спортсменов. – СПб.: Олимп-Пресс, 2021. – 156 с.
- Шевченко Е. А. Цифровые технологии в гимнастике: возможности и ограничения // Спорт и наука. – 2023. – № 3. – С. 67–74.
- Яковлев М. И. Альтернативные методы биомеханического анализа // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 2022. – № 6. – С. 18–25.

© Копков Р. Н., 2025

УДК 376.02

КОРРЕКЦИЯ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ЗПР ПОСРЕДСТВОМ ИЗУЧЕНИЯ ФРОНТОВЫХ ПИСЕМ

EDN DJIAQE

Ю. В. Котова
О. С. Гудкова
Н. В. Лапина

*Магистр, e-mail: julia.sabar11@gmail.com,
магистр, e-mail: gudkova075@yandex.ru,
магистр, e-mail: nata.lapina.92@mail.ru,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

CORRECTION OF WRITTEN SPEECH OF JUNIOR SCHOOLCHILDREN WITH DISABILITIES THROUGH THE STUDY OF FRONT LETTERS

Yu. V. Kotova
O. S. Gudkova
N. V. Lapina

*Master,
Master,
Master,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. The article deals with the problem of correction of written speech of junior schoolchildren with mental retardation. The aim of the article is to develop and approve a set of tasks for the correction of written speech of junior schoolchildren with mental retardation through the study of front letters. The methodology includes general methods of scientific cognition (synthesis, analysis, generalisation and structuring of information), as well as specific diagnostic techniques and correctional-developmental programmes, which became the basis for the programme of experimental work as a whole. The experimental work was carried out in three stages: at the first stage, the first stage was the ascertaining diagnostics aimed at identifying the initial level of development of written speech in junior schoolchildren with mental retardation; at the second stage, a formative programme was developed and tested, the purpose of which was to develop the written speech of junior schoolchildren with mental retardation with reliance on the visual, informational, corrective and developmental potential of front letters. As part of the third stage, a control examination was carried out, which made it possible to note the positive dynamics of the development of written speech of preschool children with mental retardation. Practicing teachers, speech therapists and defectologists can use the material presented in the article to implement a programme for the development of written speech in younger preschoolers based on the content of front letters.

Keywords: mental retardation; front letters; correctional and speech therapy; dysgraphia.

Введение. Овладение навыками устной и письменной речи дает человеку возможность вхождения в безграничное информационное и социально-культурное пространство для общения, обмена опытом и осуществления жизнедеятельности. Ребенок сможет стать частью этого пространства только в том случае, если освоит навыки чтения и письма, так как именно эти навыки являются значимыми инструментами познания окружающего мира.

В некоторых случаях у детей могут формироваться нарушения, которые затрудняют, а порой и делают невозможным процесс усвоения грамоты на этапе школьного обучения. Одним из нарушений, которое приводит к трудностям в

освоении грамоты, является задержка психического развития (далее – ЗПР). Структура данного нарушения может стать причиной стойкого снижения академической успеваемости ребенка, нарушения алгоритмов практического использования письменности и торможения всего процесса обучения в целом.

Задержка психического развития проявляется в нарушении нормального развития, при котором ребенок школьного возраста остается по развитию высших психических функций на уровне дошкольника, соответствуя этому уровню возможностями академического восприятия и игровыми интересами. Понятие «задержка» в структуре нарушения ЗПР говорит также

о непостоянном характере отставания, который со временем преодолевается с успешностью, пропорциональной своевременной коррекционной работе и созданию условий для обучения и развития детей с данным нарушением.

К факторам развития ЗПР и, как следствие, недостаточной сформированности работы речевого, зрительного и слухового анализаторов, а также письменной и устной речи, специалисты относят как генетическую предрасположенность (наследственный фактор), так и последствия соматической ослабленности, повреждения центральной нервной системы в пренатальный и постнатальный периоды, социальную и психологическую депривацию, педагогическую запущенность, общее недоразвитие речи и ряд других причин.

Исследованию проблем коррекции письменной речи у детей посвящены исследования ряда отечественных ученых, среди которых можно выделить труды Т. А. Фотековой [1], Е. А. Логиновой [2], Л. Н. Ефименковой [3], Р. И. Лалаевой [4], Л. С. Цветковой [5] и др. В работах авторов делается акцент на том, что у письма и чтения в общей структуре высших психических функций есть особенность, которая заключается в том, что их формирование представляет собой целенаправленный и длительный процесс обучения. Так, языковые закономерности и основы осваиваются учениками на протяжении всего школьного периода, и эффективность обучения письму и чтению во многом зависит от многих совокупных факторов. Рассмотрим более подробно особенность письменной речи.

Так, письменная речь – это сложный вид психической деятельности, результат целенаправленного обучения. Овладение письменной речью в структуре школьного обучения играет значимую роль, так как от ее уровня зависит уровень успешного обучения по всем предметам в целом. Соответственно, обучение письменной речи – это первостепенная задача началь-

ного обучения в школе. Помимо методики обучения, педагогических условий и возможностей школьника, на эффективность освоения письменной речи влияют также такие факторы, как сформированность фонетико-фонематических процессов и лексико-грамматического строя. Нарушения одного из перечисленных компонентов может стать причиной формирования специфических ошибок на письме у школьников, являющихся признаками дисграфии.

Многими исследователя отмечено, что в современных реалиях с каждым годом возрастает количество детей с нарушениями письменной речи в начальной школе. Это также говорит о том, что изучение, профилактика и коррекция дисграфии у детей младшего школьного возраста на сегодняшний день – это актуальная задача логопедии.

Дисграфия, выявленная у детей с ЗПР, имеет такие особенности, как полиморфность характера и механизма нарушения, сопутствующая низкая работоспособность, неполноценная саморегуляция в письменной деятельности, сложности с концентрацией внимания. Все эти сопутствующие факторы в общем механизме дисграфии, и с учетом симптоматики и особенностей ЗПР, приводят к тому, что для детей данной категории развитие письменной речи является затруднительным.

Исследование особенностей и состояния письменной речи у детей с ЗПР представлено в научных трудах Е. В. Мальцевой [6], Е. Ф. Архиповой [7], М. Г. Борисенко [8], Т. Г. Визель [9], В. А. Ковшикова [10], Т. А. Власовой [11] и других ученых. Так, например, В. А. Ковшиков в исследованиях отмечает, что нарушение письменной речи в младших школьников ЗПР является результатом совокупности таких причин, как нарушение устной речи, недостаточность внимания, нарушение зрительного гнозиса, нарушение памяти, нарушение сукцессивных процессов и т.д. Также, дисграфия у детей с ЗПР может

формироваться как следствие недостаточности отдельных зрительных и слуховых функций, неполноценности сложных форм анализа и синтеза структуры слов и предложений и т.д.

По мнению И. Ф. Марковской, нарушение письменной речи может развиваться у детей с ЗПР вследствие недоразвития эмоциональной сферы и повышенной утомляемости, а также негрубой недостаточности кинестетических и кинетических основ движений и действий, слабости речеслуховых связей и т.д. [12].

Таким образом, анализ отечественных источников по вопросам развития дисграфии у детей с ЗПР позволяет отметить актуальность данной проблематики. При этом учеными отмечается, что коррекционно-развивающая работа, направленная на преодоление дисграфии у детей младшего школьного возраста с ЗПР, должна выстраиваться с упором на индивидуальную диагностику, построение индивидуального плана работы, использование классических, а также творческих и инновационных методов воздействия.

Методика. В рамках исследования проводился педагогический эксперимент, целью которого было изучение особенностей письменной речи у младших школьников с ЗПР и последующая организация и апробация коррекционно-развивающей работы по коррекции этих нарушений.

Первый этап экспериментальной работы – констатирующий, проводился с целью определения уровня сформированности письменной речи у младших школьников с ЗПР. Для проведения констатирующего эксперимента была отобрана группа, в которую входили ученики младших классов с ЗПР «МБОУ Лицей № 20 имени В. П. Поляничко» в количестве 5 человек. Диагностическая программа, направленная на определение уровня развития сформированности письменной речи у младших школьников с ЗПР, была составлена с опорой на методические рекомендации и коррекционные

программы А. Н. Корнева, И. Н. Садовниковой и Г. В. Чиркиной [13; 14; 15].

Диагностическая программа состояла из десяти проб: «Письмо под диктовку», «Списывание букв», «Письмо отдельных букв под диктовку», «Письмо под диктовку отдельных слов, словосочетаний и коротких предложений», «Самостоятельное письмо слов различной сложности с опорой на иллюстрацию», «Слуховой диктант», «Контрольное списывание с грамматическим заданием на основе деформированного текста», «Зрительно-моторная координация», «Графический узор». В результате обследования, по выделенным критериям оценки, определялось три уровня развития письменной речи: высокий, средний и низкий.

Следующим этапом экспериментальной работы был формирующий эксперимент, целью которого была разработка и апробация содержания коррекционно-логопедической работы по преодолению нарушений письменной речи у младших школьников с ЗПР. Программа формирующего эксперимента была представлена комплексом заданий и управлений, подобранных с учетом возраста, вида дисграфии и уровня развития письменной речи респондентов. Основой формирующей программы стала работа с фронтальными письмами и подобранным лексическим и наглядным материалом на военнопатриотическую тематику. Формы, принципы и основы коррекционной работы в рамках формирующей программы определялись с опорой на труды В. А. Киселевой, Е. А. Лапп, Н. И. Буковцовой и Ю. А. Костенковой [16; 17; 18; 19].

Оценка динамики уровня развития письменной речи у младших школьников с ЗПР по результатам апробации программы фронтального эксперимента осуществлялась в рамках контрольного эксперимента, которые реализовывались по методикам, используемым на констатирующем этапе. Контрольная диагностика также проводилась в индивидуальном формате, и ее результаты позволили

сформулировать выводы по проделанной работе.

Результаты. Результаты констатирующего эксперимента показали, что 60 % учащихся младших классов (3 респондента) имеют низкий уровень развития письменной речи, 40 % (2 респондента) – средний уровень развития письменной речи. Высокого уровня выявлено не было. В ходе качественного анализа результатов диагностики было определено, что в группе респондентов преобладает смешанный вид дисграфии, с преобладанием ошибок одного или двух видов дисграфий. К наиболее частым ошибкам по типу дисграфий были определены следующие виды ошибок: ошибки оптического характера, ошибки грамматического характера, реже – ошибки, связанные с трудностями дифференциации звуков и характерные для артикуляторно-акустической дисграфии. Также у группы обучающихся с ЗПР наблюдались множественные орфографические ошибки в письменных работах. Было также определено, что для младших школьников с ЗПР характерна низкая работоспособность, низкий уровень самоконтроля, быстрая утомляемость. Полученные результаты были проанализированы и использованы для построения программы коррекционно-развивающей работы по развитию письменной речи младших школьников с ЗПР.

Соответственно, следующим этапом работы стала разработка и апробация коррекционной программы по развитию письменной речи младших школьников с ЗПР. Было определено в качестве основы коррекционной программы использовать фронтовые письма. Опора на фронтовые письма в качестве стимульного материала и использование наглядного и методического материала в военно-патриотической тематике были определены приоритетными задачами школьного образования по ФГОС НОО, а также историческим и познавательным потенциалом перечисленного материала. Отбор фронтовых писем для

работы с младшими школьниками с ЗПР проходил с соблюдением ряда условий:

- содержание фронтового письма должно представлять интерес и быть доступным для понимания для младших школьников;
- текст фронтового письма должен быть читаем и понятен (для этого некоторые из писем «реставрировались» – перепечатывалось или переписывалось и приклеивалось на состаренную бумагу);
- в содержании фронтового письма в работе с детьми не должно присутствовать агрессии, жестокости, подробностей военных действий, упоминания смертей, упоминания пыток и страданий.

Задания с опорой на фронтовые письма были дополнены такими методами педагогического воздействия, как словесные методы, творческая активность, наглядный материал, арт-терапия (рисование, аппликация).

В рамках программы формирующего эксперимента были составлены и апробированы четыре варианта системы упражнений и заданий:

- комплекс заданий по коррекции ошибок на письме оптического характера;
- комплекс заданий по коррекции ошибок на письме грамматического характера;
- комплекс заданий по коррекции ошибок на письме акустического характера;
- комплекс заданий, направленных на коррекцию ошибок на письме смешанного характера (ошибки грамматического характера и нарушение языкового анализа и синтеза).

В рамках системы занятий предполагалось два формата работы: индивидуальный формат (80 % программы) и формат групповой работы (20% программы). Каждое занятие в рамках коррекционной программы, представленной комплексом заданий и упражнений по развитию письменной речи у младших школьников с ЗПР, включало в себя по три упражнения из одного комплекса. Каждое коллектив-

но-творческое задание было проведено как одно полноценное групповое занятие.

На рисунке 1 представлены примеры

индивидуальных заданий с использованием фронтовых писем.

Рис. 1. Примеры индивидуальных заданий с использованием фронтовых писем

Также, приведем пример комплексных групповых заданий, в рамках которых реализовывалась коллективно-творческая деятельность. Они представлены в таблице 1.

Таблица 1

Коллективно-творческая деятельность

Задание	Содержание
Коллективно-творческое упражнение 1.	Логопед зачитывает фронтовое письмо, затем проводит слуховой диктант с заданиями: – выпишите все слова на определенную букву; – опишите основную мысль текста; – выпишите все слова, связанные с войной.
Коллективно-творческое задание 2.	Совместное заполнение кроссворда.
Коллективное-творческое упражнение 3. «Раскрась победу яркими красками».	Педагог перед детьми кладёт раскраски с сюжетом «День победы», «Памятники войны». Каждый ребёнок выбирает один рисунок, получает к нему инструкцию (раскрась определенные детали определенным цветом) и выполняет задание. На отдельном листе обучающийся должен составить и записать предложения на тему: Что такое «День победы»?

Коллективно-творческое задание 4.	Педагог даёт каждому ребёнку лист формата А3, на котором напечатаны вырезки из военных журналов, фильмов, изображения салюта, гвоздик и других атрибутов войны и дня победы. Также каждому ребёнку выдается фронтовое письмо, с которым он работал. Подготавливаются различной сложности стихотворения про войну, распечатанные на отдельном листе каждый. Детям обозначается задача: переписать одно стихотворение на тетрадный лист, приклеить на лист А3, остальное пространство заполнить вырезками, наклейками и т.д. Также дополнительно приклеиваются конверты для вложения фронтового письма, с которыми работали дети. По завершении из работ детей будет сделан плакат-книжка. Это творческое задание – составление плаката, которое отразит всю проведенную коррекционную работу.

Результат коллективно-творческого задания 4 представлен на рисунке 2.

Таким образом, в рамках фронтального этапа экспериментальной работы был

разработан и апробирован комплекс заданий и упражнений, направленных на развитие письменной речи у детей младшего школьного возраста с ЗПР.

Рис. 2. Результат коллективно-творческого задания 4

После реализации программы фронтального эксперимента был проведен контрольный эксперимент, который позволил выявить количественные и качественные изменения по итогам проведенной коррекционной работы. Так, количественный анализ результатов контрольного эксперимента показал следующие данные: один респондент перешел от низкого уровня развития письменной речи к среднему. Соответственно, на контрольном этапе выявлено на 20 % меньше респондентов с низким уровнем развития письменной речи. Высокого уровня все также не было выявлено.

Обсуждение. По результатам качественного анализа контрольной диагностики было определено, что в группе есть позитивная динамика, выражающаяся в общем улучшении качества прохождения диагностических проб учащимися младших классов с ЗПР: меньшее количество ошибок, общее повышение работоспособности, активное участие и проявление интереса к занятиям со стороны респондентов, заинтересованность в работе с фронтовыми письмами, общее развитие высших психических функций, формирование патриотических чувств.

Таким образом, итоги контрольной

диагностики позволяют сделать вывод о том, что программа формирующей работы, заключающаяся в апробации комплекса занятий и упражнений по развитию письменной речи у младших школьников с ЗПР посредством фронтальных писем, была успешно реализована. Проведенное исследование представляет педагогическую ценность и значимость.

Заключение. Цель исследования заключалась в разработке и апробации комплекса занятий по развитию письменной речи у младших школьников с ЗПР посредством фронтальных писем. Всего в рамках коррекционно-развивающей работы было проведено 7 занятий в индивидуальной форме и 4 коллективно-творческих занятий. Основой программы стало использование фронтальных писем как стимульного, наглядного и лексического материала. Фронтальные письма в рамках данной работы выступали не только как опора коррекционной деятельности, но и как способ реализации требований ФГОС НОО по патристическому и общему воспитанию школьников. Результаты контрольного эксперимента показали положительную динамику развития письменной речи у младших школьников с ЗПР. По итогам работы был сделан вывод о том, что коррекционно-логопедическая работа по использованию и изучению фронтальных писем как способа развития письменной речи у младших школьников с ЗПР прошла успешно. Соответственно, процесс коррекции нарушений письма у младших школьников с ЗПР будет протекать эффективно при соблюдении ряда условий, таких как использование традиционных диагностических методов для определения уровня развития письменной речи, коррекция нарушений письменной речи посредством коррекционно-развивающих технологий работы с опорой на текст и наглядный потенциал фронтальных писем.

Библиографический список

1. Фотекова Т. А., Ахутина Т. В. Диагностика

речевых нарушений школьников с использованием нейропсихологических методов: Пособие для логопедов и психологов. – М.: АРК-ТИ, 2002.

2. Логинова, Е. А. Нарушения письма. СПб., 2004. – С. 113, 183.
3. Ефименкова, Л. Н. Коррекция устной и письменной речи учащихся начальных классов / Л. Н. Ефименкова. – М.: Владос, 2001. – 336 с.
4. Лалаева, Р. И. Нарушения речи и их коррекция у детей с задержкой психического развития / Р. И. Лалаева, Н. В. Серебрякова, С. В. Зорина. – М.: Гуманитар, изд. центр ВЛАДОС, 2004. – 303 с.
5. Цветкова, Л. С. Диагностика и коррекция нарушений письменной речи у детей: метод. пособ. для логопедов. М., 2001. – 211 с.
6. Мальцева, Е. В. Особенности нарушений речи у детей с задержкой психического развития / Е. В. Мальцева // Дефектология. – 1990. – № 6. – С. 10–18.
7. Архипова, Е. Ф. Логопедическая работа с детьми: учебное пособие для студентов пед. вузов. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – С. 224.
8. Борисенко М. Г., Лукина Н. А. Диагностика развития ребенка (5–7 лет). Практическое руководство по тестированию. – СПб.: Паритет, 2007.
9. Визель, Т. Г. Нарушения чтения и письма у детей дошкольного и младшего школьного возраста: учеб.-метод. пособие / Т. Г. Визель. – М.: Астрель, 2005. – 127 с.
10. Ковшиков, В. А. О речевых нарушениях у детей с задержкой психического развития / В. А. Ковшиков, Ю. Г. Демьянов // Дефектология: Научно-теоретическая конференция. – 1967. – № 11. – С. 157–159.
11. Власова Т. А., Лебединская К. С. Актуальные проблемы клинического изучения задержки психического развития у детей // Дефектология. 1975. № 6. – С. 8–17.
12. Марковская И. Ф. Задержка психического развития у детей. Клиническая и нейропсихологическая диагностика. – М.: Комплекс-центр, 1993.
13. Корнев, А. Н. Нарушения чтения и письма у детей. – СПб.: Речь, 2003. – 330 с.
14. Садовникова, И. Н. Дисграфия, дислексия: технология преодоления. Пособие для логопедов, учителей, психологов, студентов педагогических специальностей. – М.: Парадигма / T&RUGRAM, 2017. – 282 с.
15. Чиркина, Г. В. Структура обследования навыка письма у учащихся 2–3 классов, 2017 [Электронный ресурс] URL: <https://www.psmetodiki.ru/index.php/mladshie-shkolniki/tnr/187-tekhnologiya-obsledovaniya-pismennoj-rechi-mladshikh-shkolnikov-s-zpr>
16. Левченко И. Ю., Киселева Н. А. Психологиче-

- ское изучение детей с нарушениями развития. – М.: Издательство «Книголюб», 2015. 160 с.
17. Лапп, Е. А. Характерные особенности продуктивных письменных работ младших школьников с ЗПР [Текст] / Е. А. Лапп // Дефектология. – 2006. – № 6. – С. 34–41.
18. Буковцова, Н. И. Коррекционно-профилактическая работа по предупреждению оптической дисграфии у детей с задержкой психического развития [Текст] / Н. И. Буковцова // Логопедия. – 2006. – № 4. – С. 35–38.
19. Костенкова, Ю. А. Некоторые особенности письменной речи младших школьников, имеющих задержку психического развития [Текст] / Ю. А. Костенкова // Школьный логопед. – 2008. – № 4. – С. 17–22.

© Котова Ю. В., Гудкова О. С., Лапина Н. В., 2025

УДК 159.923:316.6

СИМВОЛИЗАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗА МАТЕРИ, СЛОЖИВШЕГОСЯ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

EDN DKARBF

М. В. Ломако
Л. В. Лапшина

Е. В. Звонова

Учителя, e-mail: lomako.marina2015@yandex.ru,
e-mail: liud.lapshina@yandex.ru,
Средняя общеобразовательная школа № 12,
г. Коломна, Россия
кандидат педагогических наук, доцент,
ORCID 0000-0001-9271-8367,
e-mail: zevmgpi@rambler.ru,
Российский государственный
социальный университет,
г. Москва, Россия

SYMBOLIZATION IN THE PROCESS OF STUDYING THE IMAGE OF THE MOTHER FORMED IN PRIMARY SCHOOL CHILDREN

M. V. Lomako
L. V. Lapshina

E. V. Zvonova

Teachers,
Secondary school number 12,
Kolomna, Russia
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Russian State Social University,
Moscow, Russia

Abstract. The image of the child's mother has a huge impact on the well-being of the entire life of a person. Studying the image of the mother allows for early diagnostics and prediction of the child's further unfavorable development. Analysis of the drawings allows us to identify symbols that determine the main role of the mother in the child's life.

Keywords: image of mother; children of primary school age; analysis of drawings; symbolization; well-being of children.

Вопросы родительства является актуальной темой современного российского научного пространства. Но если изучение специфики отношения родителей к их несовершеннолетним детям, формирование и развитие образа родительства в представлениях современных матерей и отцов находится в фокусе внимания многих научных школ, очень мало исследований, позволяющих изучать образ родителя в представлениях детей [1].

Роль образов родителей в специфике развития детей отмечалось во многих исследованиях и наблюдениях практических психологов. Особое внимание уделяется образу матери, чьи характеристики оказывает непосредственное воздействие на процесс социальной вовлеченности и отвержения со стороны сверстников. Одна-

ко, не смотря на важность исследования данного аспекта образа окружающих и образа мира ребенка, остается открытым и дискуссионным вопрос методов и методик, позволяющих диагностировать неблагополучие на ранних этапах его возникновения. Например, в условиях песочной терапии появляется возможность изучения возникающих образов отношений с матерью и характерные проявления отстранения от социального мира [4].

Вопрос разработки и использования адекватных методов, позволяющих раскрывать глубинные, скрытые процессы социально-перцептивного отражения родителей и особенно матери является актуальной в связи с тем, что растет количество семей с приемными и опекаемыми детьми. Неготовность приемных родите-

лей, приводящая к возврату детей в систему опеки, а также попытки детей скрывать внутренний дискомфорт за социально одобряемыми формами поведения требуют оперативного выявления и квалифицированного вмешательства [3].

Вместе с тем, активное использование возможностей Internet технологий позволяет сделать психологическую помощь более мобильной и доступной широким массам [2].

Роль матери в благополучии детей отмечается в многочисленных исследованиях, поскольку материнство требует высокого уровня адаптации к физическим, психологическим и социальным изменениям, которые приносит материнство. Они влияют непосредственно на самих матерей, а также на отношения в семье [5]. Одна из причин нерационального, неискреннего, гипертрофированного поведения матерей, по мнению исследователей, объясняется социальным контекстом, определяющим ожидания социума от «хороших матерей», и воплощающимся в образе «идеальной матери» [7]. Данный образ не имеет ничего общего с реальным положением дел, поскольку посвящение всего своего физического и умственного «я» детям, отказ от карьеры и других радостей жизни приводит к высокому уровню стресса, более низкой родительской самоэффективности, родительскому выгоранию, депрессии и снижению удовлетворенности жизнью [6].

Использование механизма символизации, не только в части применения рисуночных методов исследования, но также на уровне анализа принципов и закономерностей использования символических средств в создании образов, позволяет актуализировать опыт переживаний ребенка, фиксировать его и анализировать смысл взаимоотношений членов семьи, в частности, взаимоотношений ребенка и матери в контексте семейных отношений.

Эмпирическое исследование проводилось в одной из школ Подмосковья. В ис-

следовании приняли участие ученики двух параллельных вторых классов. Выборку составили 47 человек, 25 учеников одного класса и 22 ученика другого класса, возраст от 7 до 8 лет ($M=7,57$, $SD=0,49$).

Мы попросили детей нарисовать картинку на тему: «Моя мама», что вызвало оживление в классах. Дети обсуждали друг с другом, какие события домашней жизни более всего интересны для того, чтобы передать, какую роль играет мама в их семье. Задание выполнялось самостоятельно, дома. В процессе объяснения задания мы просили детей подписать свои рисунки, чтобы лучше было понятно, что на рисунке изображено. Все рисунки были подписаны, как правило, первое предложение содержало описание мамы, например, «Моя мама самая красивая», «Моя мама самая добрая». Далее следовало объяснение того, что было изображено на рисунке. Анализ показал, что практически все рисунки описывали домашние заботы мамы, ее функции в счастливой жизни семьи. Например, «Мама готовит вкусный обед», «Мама печет пирожки», «Мама учит меня танцевать», «Мама гуляет с нами», «Мама меня лечит» и т.д. Только один рисунок из 47 содержал только большой, во весь лист, портрет мамы, остальные все представляли «жанровые сцены».

Мы разделили рисунки по темам и по тем атрибутам, которые были изображены.

1. Больше всего (31 рисунок) дети рисовали семью за столом или маму в окружении детей на кухне («Мама готовит обед. Мы помогаем»). Дети использовали яркие, светлые краски. На многих рисунках были изображены цветы, сердечки, ленточки и конфетти. Все рисунки были динамичные, это были истории с продолжением: «Мы встречаем бабушку и дедушку», «Это день рождения брата».

2. На 10 рисунках мамы были изображены в процессе развития детей и всей семьи: «Мама ведет нас в парк», «Мама и

я идем гулять», «Мама читает нам книгу», «Мы идем в кино!».

3. Один рисунок представлял большой портрет мамы («Моя мама самая красивая»).

4. Один рисунок представлял маму рядом с кроватью больного ребенка: «Мама меня лечит».

5. 4 рисунка представляли маму в процессе выполнения социальных функций: «Моя мама врач», «Моя мама учитель», «Моя мама парикмахер. Она делает красоту», «Моя мама повар».

На многих рисунках изображены другие члены семьи (папы, братья, сестры, бабушки, дедушки), на 25 рисунках изображены домашние животные, которые тоже ждут вкусную еду. Лица мам прорисовывались с большой любовью, с яркими губами и сияющими глазами.

Анализ полученных рисунков позволяет сделать вывод, что для большинства детей, участников исследования, мамы выступают источником счастья и семейного уюта. Все мамы воспринимались как важный и активный член семьи, выполняющий свои обязанности с радостью, удовольствием и любовью. Все представленные рисунки были динамичными, они могли развиваться дальше в целый рассказ. Важно то, что во всех рисунках дети передавали теплую атмосферу семьи, свою безусловную ценность, принимаемую родными людьми и радость собственного бытия.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о благополучии детей, участников исследования, об отсутствии сложных травм от недостатка внимания и любви со стороны матери. Данные рисунки показывают, что мамы детей выполня-

ют свои функции, ведут домашнее хозяйство, развивают своих детей, а главное, дарят детям ощущение любви и безусловной собственной ценности.

Библиографический список

1. Арамачева Л. В., Дубовик Е. Ю., Захарова А. А. Изучение представлений детей старшего дошкольного возраста о родителях // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева (Вестник КГПУ). 2021. № 3 (57). С. 77–89.
2. Петрова Е. А., Левковская Н. А. Контент-анализ социомедийного пространства в работе психолога с молодыми родителями // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2021. Т. 20. № 4 (161). С. 36–44.
3. Ситников В. Л., Стреленко А. А., Кедич С. И., Комарова А. В. Социально-перцептивные образы как регуляторы детско-родительских отношений в приемных семьях // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 2. С. 129–147.
4. Федунина Н. Ю. Под знаком материнской депрессии: образы отношений с матерью в терапии ребенка младшего школьного возраста // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25. № 3 (97). С. 98–108.
5. Levesque, S., Bisson, V., Charton, L., & Fernet, M. (2020). Parenting and relational wellbeing during the transition to parenthood: Challenges for first-time parents. *Journal of Child and Family Studies*, 29(7), 1938–1956. <https://doi.org/10.1007/s10826-020-01727-z>
6. Williamson, T., Wagstaff, D. L., Goodwin, J. et al. Mothering Ideology: A Qualitative Exploration of Mothers' Perceptions of Navigating Motherhood Pressures and Partner Relationships. *Sex Roles* 88, 101–117 (2023). <https://doi.org/10.1007/s11199-022-01345-7>
7. Zhou, M. (2017). Motherhood, employment and the dynamics of women's gender attitudes. *Gender & Society*, 31(6), 751–776. <https://doi.org/10.1177/089>

© Ломако М. В., Лапина Л. В., Звонова Е. В., 2025

УДК 159.923:316.6

**ВОСПИТАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ КАЧЕСТВ БУДУЩИХ
СОТРУДНИКОВ СИЛОВЫХ СТРУКТУР**

EDN EJKWGC

А. Ю. Лунина
Л. Л. Ломако*Директор, e-mail: mo_voskkolledzh@mosreg.ru,*
преподаватель,
e-mail: lomako.marina2015@yandex.ru
Воскресенский колледж,
*г. Воскресенск, Московская область, Россия***UPBRINGING PROFESSIONALLY SIGNIFICANT QUALITIES
IN FUTURE EMPLOYEES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES****A. Yu. Lunina**
L. L. Lomako*Director,*
Lecturer,
Voskresensky College,
Voskresensk, Moscow region, Russia

Abstract. The issues of upbringing of professionally important personal qualities play a major role in the professional training of future employees of law enforcement agencies. In the process of upbringing, it is necessary to conduct timely diagnostics. This helps to identify alarming trends in time and implement corrective measures and programs. As a diagnostic material, it is necessary to introduce into practice a modern, professionally oriented toolkit.

Keywords: professional upbringing; diagnostics; professionally important qualities; tendency to observe service discipline; tendency to psychological violence; collective subject of upbringing; employees of law enforcement agencies.

Воспитание как феномен, порождаемый самой сущностью человечности, существует как активное взаимодействие воспитателя и воспитуемого с целью формирования качеств, которые будут необходимы в будущей жизни. Большое внимание вопросы воспитания привлекают педагогов-практиков, специалистов в области среднего профессионального обучения. В силу своей заданной целенаправленности воспитание «имеет субъект-объектный характер, несмотря на весьма многочисленные заявления, концепции и даже нормативные акты» [4, с. 30], декларирующие субъект-субъектную парадигму воспитания.

Современные исследования, проведенные в рамках теории и практики воспитания новых поколений будущих профессионалов, рассматривают формирование профессионально значимых качеств для будущей работы как одно из генеральных условий развития общества. По-

иск психологического обоснования эффективного подхода к совершенствованию образовательной системы и разработка инновационного инструментария являются актуальной формой данного типа рефлексии как в отечественной [9], так и в зарубежной науке [10].

Учитывая разнообразные тенденции и массу информации, которые определяют специфику развития современного информационного общества [1], в рамках междисциплинарных исследований изучаются возможности трансформации и эволюции воспитательных и образовательных систем в условиях изменения и развития средств коммуникации [11]. Тенденции расширения информационного поля приводят к возникновению разнонаправленных образов успешного профессионала. С одной стороны, государственные профессиональные стандарты однозначно определяют уровень профессиональных компетенций, а также личност-

ные характеристики, необходимые в дальнейшей профессиональной деятельности. Вместе с тем, современные молодые люди, будущие профессионалы, позже приобретают самостоятельность и обретают чувство взрослости. С одной стороны, развитие цифрового мира создают условия когнитивной гибкости, развивают способность человека адаптировать свое мышление при переходе от старой ситуации к новой [8]. С другой стороны, продуктов современного отечественного киноискусства формирует образ успешного работника силовых структур как борца-одиночку, противостоящего враждебному миру, зачастую не находящего понимание среди коллег и демонстрирующего явное нежелание и невозможность следовать требованиям дисциплины и корпоративной этики.

Активная эволюция средств коммуникации порождает не только проблемы, но и открывает путь поиску новых средств воспитания [7]. Традиционное для отечественной научной школы внимание к единству эмоционального и когнитивного процессов в ситуации воспитания, и опора на признание важной роли знаково-символического развития создают потенциально привлекательные условия для разработки новых технологий и использование новых средств воспитания [3].

Особое внимание тот обратить на тот факт, что обучение и воспитания будущих сотрудников силовых структур происходит с учетом активного участия коллективного субъекта воспитания, что создает возможность полноценного диалога [2] в условиях триады «воспитатель – субъект – коллективный субъект», что потенциально открывает возможность для самооценки и рефлексии реакции и оценки будущих коллег, товарищей по служебной деятельности.

Теоретические основы реализации воспитания в рамках системного подхода заложены в исследованиях Н. Л. Селивановой [6], разработавшей авторскую концепцию внешних и внутренних условий

воспитания, с учетом профессиональных интересов отдельного субъекта и общества в целом. В данной концепции большое внимание уделяется реализации психолого-педагогическим средствам воздействия и своевременный и адекватный контроль получаемых результатов, которые отражают также и изменение уровня сформированности профессионально важных качеств будущего профессионала.

Внедрение в практику работы профессионального учебного заведения современного психологического инструментария позволяет выявлять тенденции развития и своевременно применять корректирующие мероприятия и программы. Выбранные методики отличаются инновационной направленностью, позволяющей исследовать психологические явления, которые приобрели актуальность в XXI веке и недостаточно изучены на методическом уровне. Вместе с тем, данные методики в процессе разработки ориентировались на отечественный менталитет. Такой подход исключает двусмысленности толкования предлагаемых методиками вопросов, что обеспечивает решение поставленных диагностических задач. Проективная направленность предлагаемых вопросов и заданий и наличие контрольных шкал позволяет проводить своевременные срезы в учебных группах [5].

В практике профессиональной подготовки будущих сотрудников силовых структур можно использовать методику «Оценка склонности к соблюдению служебной (воинской) дисциплины» [5, с. 83–87] и методика «Диагностика склонности к психологическому насилию» [5, с. 128–134]. Автор методики считает, что своевременная диагностика является неотъемлемой частью профилактики психологического насилия, важнейшего направления в работе с сотрудниками, членами служебных коллективов.

Важным результатом процесса профессионального обучения и воспитания выступает способность индивида к полноценной интеграции в профессиональ-

ной среде и дальнейшее успешное профессиональное и карьерное развитие. Данное положение означает, что индивид, с одной стороны, осознанно принимает и разделяет фундаментальные ценности и целевые установки служебной деятельности силовых структур и в то же время, является носителем базовых представлений о морали и этики служебной деятельности, способен к восприятию инновационных идей, и способен принимать на себя ответственность за результаты своей профессиональной активности.

Библиографический список

1. Березина А. В. Чтение современных российских подростков в условиях цифровой реальности / А. В. Березина, Е. А. Колосова // Наука. Культура. Общество. – 2021. – Т. 27. – № 4. – С. 122–131.
2. Демакова И. Д., Шустова И. Ю. Социокультурная среда и воспитательное пространство: отличие и взаимосвязь // Образование личности. – 2018. – № 4. – С. 90–99.
3. Леванова Е. А., Тарабакина Л. В., Звонова Е. В. Семейные фотоальбомы в воспитании школьников // Воспитание школьников. – 2018. – № 4. – С. 37–41.
4. Звонова Е. В., Зотова О. Н., Ильин В. А., Леванова Е. А., Мудрик А. В., Перминова А. А., Пушкарева Т. В., Серякова С. Б., Тарабакина Л. В. Социально-педагогические основы теоретических и оперантных моделей муниципальных и локальных систем воспитания в мегаполисе. – Москва, 2023. – 368 с.
5. Петров В. Е. Прикладная диагностика: Учебное пособие. – М.: Издательство «Спутник+», 2024. – 246 с.
6. Селиванова Н. Л. Системный взгляд на воспитание: вчера и сегодня // Вопросы воспитания. – 2014. – № 4. – С. 57–61.
7. Серякова С. Б. Технологический подход в проектировании образовательных программ // Преподаватель XXI век. – 2016. – № 2-1. – С. 24–31.
8. Синягина Н. Ю. Глобальная цифровизация: результаты опроса подростков // Образование личности. – 2018. – № 4. – С. 12–17.
9. Сохраняева Т. В., Хмелевская С. А. Образование в системе социальных рисков // Социально-политические науки. – 2016. – № 2. – С. 93–97.
10. Barker B. R. (2010). Too simple to fail: A Case for Educational Change – Oxford University Press, USA. 256 p.
11. Walther, J. B. (2007). «Selective self-presentation in computer-mediated communication: Hyperpersonal dimensions of technology, language, and cognition». *Computers in Human Behavior. Volume 23, Issue 5, September 2007*. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0747563206000720?via%3Dihub> (дата доступа 12.12.24)

© Лунина А. Ю., Ломако Л. Л., 2025

УДК 811.111

РАБОТА С ЛИТЕРАТУРОЙ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ НА ЗАНЯТИЯХ
ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

EDN ESYJQC

А. В. Лучникова

*Старший преподаватель,
e-mail: lav168@mail.ru,
Пермский государственный
научно-исследовательский университет,
г. Пермь, Россия*

SOME ASPECTS OF WORKING WITH THE AUTHENTIC PROFESSIONAL
LITERATURE IN THE ENGLISH CLASSES AT THE UNIVERSITY

A. V. Luchnikova

*Senior Lecturer,
Perm State University,
Perm, Russia*

Abstract. The article presents the features of the use of the authentic professional literature in English as one of the methods of studying a foreign language in the higher education system. The article highlights the importance of developing students' reading skills in scientific and technical literature as an integral component of foreign language knowledge in general. Examples of tasks for working with specialized subjects are given.

Keywords: non linguistic university students; reading skills; scientific and technical literature; studying a foreign language; English language.

Согласно требованиям Федерального государственного стандарта высшего образования целью дисциплины «Иностранный язык» в неязыковом вузе является формирование у студентов определенной системы языковых знаний и коммуникативных умений для обеспечения адекватной трудовой деятельности после выхода из стен университета. Достижению этой цели преподаватели иностранных языков добиваются разными способами. Смена стратегической цели обучения иностранному языку в ответ на вызовы современной реальности превращает обучение иностранному языку не как в самоцель образовательного процесса вуза, а как к оптимальное средство развития личности студента, что отвечает современным требованиям к профессиональной подготовке компетентного специалиста. В современном образовательном процессе вуза для нового формата преподавания иностранного языка имеются широкие возможности, хотя и имеются ограничения в часах, данных на эту дисциплину [5].

В процессе обучения английскому языку в вузе студент должен:

1. реализовывать языковые знания, умения и навыки на практике в условиях иноязычного общения в устной и письменной речи [7].
2. принимать активное участие в общении в рамках повседневных тем на 1 курсе и профессиональных ситуаций на старших курсах;
3. читать специализированную литературу и уметь переводить тексты по специальности.

Несмотря на то, чтение литературы стоит по значению после развития навыков говорения, нельзя умалять важности этого вида речевой деятельности. Если выпускник овладел навыками чтения оригинальной литературы на иностранном языке и может их использовать в различных ситуациях профессионального общения, то это позволит ему в будущем быть конкурентоспособным на современном рынке труда.

Умения читать и понимать литературу по своей специальности является, по

нашему мнению, одной из главных задач обучения иностранному языку в неязыковом вузе. При этом преподаватель ставит следующие педагогические задачи – расширение словарного запаса студентов за счет общенаучной и узкой терминологической лексики, а также формирование фонетических и грамматических навыков устной и письменной речи. Кроме того, чтение подобной литературы расширит кругозор обучающегося, усовершенствует его знания о специальности и о мире в целом в его динамическом развитии.

Так как работа с профессиональным английским начинается у групп ИКНТ (будущие программисты) и физикоматематического института ПГНИУ во 2 семестре, то первый семестр, в основном, занят актуализацией языковых и речевых знаний, повторением транскрипции, фонетических норм, порядка слов английского предложения, основных грамматических форм и конструкций, то есть отработкой тех навыков и умений, которые студенты получили в школах. Прирост нового материала имеется, но он больше связан с простыми общечеловеческими понятиями и темами – «Образование», «Межкультурные связи», «Современные технологии», «Проблемы окружающей среды» и т.п. Все эти темы, естественно, так же проходят и в школах, поэтому имеет смысл говорить о первом семестре как об этапе закрепления и углубления знаний иностранного языка, который у студентов уже имеется. Здесь преподаватель сталкивается с проблемой разноуровневости знаний студентов в одной группе. От уровня Beginner до уровня Pre-intermediate или иногда Intermediate (у единичных студентов). В одной и той же подгруппе встречаются студенты, изучавшие английский язык только в среднем звене школы или, наоборот, только в старшем. Как показывает практика, наибольшую сложность вызывает выбор глагола и употребление его в нужной видо-временной форме. Поэтому считаем, что первый се-

местр очень важен для будущего углубленного изучения языка специальности и является отличной стартовой площадкой для этого. Также, еще одна проблема, с которой преподаватель в вузе встречается при работе с вновь прибывшими студентами, это отсутствие или недостаточным развитием навыков говорения. При работе выясняется, что требует внимания целый комплекс навыков, связанных с этим. Среди них – низкий уровень словарного запаса. Обычный первокурсник, закончивший школу без углубленного изучения иностранного языка, не может свободно общаться на нем. Его словарный запас минимален. При этом те лексические конструкции, которыми он владеет, не всегда могут применяться корректно. В лучшем случае студент использует самые простые синтаксические конструкции, при этом допуская грамматические, фонетические и коммуникативные ошибки. Студенты могут изъясняться на простейшие темы типа «Мой рабочий день», «Хобби», «Свободное время», «Моя семья», что как раз и характерно для уровня Elementary. На нашей кафедре английского языка профессиональной коммуникации разработан электронный курс MOODLE, по окончании которого предполагается, что все студенты с начинающего уровня и до продолжающего подтянутся к уровню A2. Студенты с более высоким уровнем отточат свои умения и навыки, что позволит им в дальнейшем преуспеть в изучении профессионального английского в более короткие сроки. Естественно, чтение также является важным этапом занятия, но тексты берутся уровня A1(1), темы бытовые, нацеленные на расширение глоссария «общечеловеческих» терминов. Использование на паре разных видов чтения позволяет преподавателю подготовить студента ко встрече с аутентичными текстами по его специальности в следующем триместре.

Во втором семестре студенты переходят к чтению научных текстов по специ-

альности и изучают иностранный язык для профессиональных целей. Этому способствует и освоение ряда смежных прикладных и специальных дисциплин. Чем больше студенты погружаются в специальность, тем больше должны углубляться языковые умения и коммуникативные навыки владения профессиональным иностранным языком. Мы всегда стараемся отслеживать соответствие тем на занятиях по английскому языку и тем их специальности. Английский язык по своей тематике должен идти в ногу или чуть отставать от тем по их предметам, чтобы у студентов снималась трудность, касающаяся их профессии.

Достичь этой цели позволяет работа с литературой по специальности, а именно использование на практических занятиях по иностранному языку аутентичных текстов. При этом необходимо учитывать тематику и проблематику, объем текстов, их соответствие возрасту, интересам и возможностям обучаемых. При этом решается проблема, упомянутая выше – недостаточный словарный запас. Он постоянно растет за счет расширения глоссария. Если студент ведет так называемый учет своего лексического запаса, он, наверняка, заметит этот прирост иноязычной лексики. Согласно Китайгородской словарь должен быть увеличен до 4–4,5 тысяч единиц. Необходимость в большом объеме словаря диктуется не только целями обучения, но и тем общеизвестным явлением, которое можно было бы назвать «экономичностью». Оно заключается в том, что если мы строим курс обучения на словаре 2500 тысяч единиц, мы можем рассчитывать, что в активном словаре учащихся будет не более 1200–1500 единиц. Исходя из этого любой курс обучения должен строиться с учетом избыточности [1, с. 21].

Мы предлагаем студентам тексты, соответствующие программе, развивающие навыки и умения в чтении, двустороннем переводе, расширяющие лексический запас студентов в области профессиональ-

ной терминологии, а также нацеленные на развитие навыков говорения в профессионально-ориентированной устной речи, решая, таким образом проблему с ней.

Что надо учитывать при подборе таких текстов по специальности?

Как уже было отмечено, необходимо учитывать межпредметные связи с профильными дисциплинами по каждому курсу. Межпредметные связи при их систематическом и целенаправленном осуществлении выступают как современный дидактический принцип. Система межпредметных связей способствует:

- 1) развитию системного мышления, гибкости и самостоятельности ума, познавательной активности и интересов студентов (развивающая функция межпредметных связей);
- 2) формированию мировоззрения, профессиональных знаний и умений (воспитывающая функция межпредметных связей) [4, с. 102].

Именно межпредметные знания, умения и навыки способствуют формированию профессионального мышления студентов и обеспечивают их готовность к практическому применению английского языка. А это и является нашей глобальной целью. Реализация профессиональных возможностей предмета достигается тогда, когда студенты видят связь этого предмета со своей будущей профессией. Например, студентам-физикам мы предлагаем такие темы для обсуждения: «Известные великие ученые-физики и программисты», «Наука и технологический прогресс», «Вселенная, ее формирование», «Современные открытия в ИТ», «Радиоактивность и ядерные реакторы», «Суперпроводники и высокотемпературная сверхпроводимость», «Компьютерная революция» и пр. (Е. И. Курашвили – Английский язык для студентов-физиков, часть 2 (2005) [5]. Так же мы предлагаем книгу для чтения «English for Beginners Reader» Корляковой А. Ф., где собраны тексты по специальности для физиков [2].

Также стоит отметить, что обязательно сразу же брать самый сложный аутентичный текст и заставлять студента его переводить. Во всем нужна преемственность и логика. Начинаем с научных, но адаптированных текстов по специальности. Научно-популярные тексты, как правило, не только информативны, но и интересны, что немаловажно для начинающих читателей научно-технической литературы.

Считаем, что при работе с профильной тематикой эффективным является применение интерактивных методов обучения, таких как дискуссия, мозговая атака и пр. Использование таких методов на занятиях требует быстрой речевой реакции, включения в общение. Ранее усвоенные речевые образцы и профессиональная терминология должны работать совместно и использоваться в новой ситуации. Потребностью участников игры может быть вызвана и активизация пассивно усвоенной лексики и речевых образцов. Таким образом, участники игры расширяют сферу своей речевой активности.

Мини конференции и «круглые столы» решают те же самые задачи, то есть вызывают интерес к изучению языка, позволяют совершенствовать накопленный лексический запас, применять грамматические конструкции, что снимает языковые барьеры, способствует формированию навыков говорения у студентов. Мы предлагаем своим студентам, например, провести небольшую научную конференцию по заданной тематике с распределением ролей, в ходе которой обсудить одно из новейших изобретений или интересных явлений окружающего мира. Студенты-физики, например, активно интересуются вселенной, ее законами, формированием звезд, так как это минимально отражено в их программе, и именно на занятиях по английскому языку они вполне могут заполнить пробелы в этой интересной для них теме. В моем пособии «Иностранный язык в профессиональной сфере деятельности (английский) English for Mastering

Natural Sciences as a Profession» первый блок как раз посвящен теме “The Universe”. Теория Большого Взрыва, Рождение Земли, Солнечная Система, Галактики, – вызывает неподдельный интерес у студентов [3, с. 27–51].

Положительным моментом является использование разных способов учебной деятельности: индивидуальных, парных, групповых и коллективных. Коллективная структура взаимодействия и общения преподавателя и студентов и студентов между собой является учебной моделью деятельности профессионального сообщества. Студентам предлагается решение какой-либо учебной задачи, которая побуждает всех членов группы к сотрудничеству. В процессе работы они обмениваются мнениями, высказывают разные предположения, приводят доводы и аргументы, делятся своими знаниями по различным вопросам. По окончании студентам предлагается подготовить небольшое сообщение, в группе или индивидуально, либо презентацию на темы, изученные в этом блоке или близкие к ним. Студенты готовятся самостоятельно, советуясь с преподавателем по возникающим вопросам. Оценка за данный юнит или блок формируется из нескольких, включая данное сообщение. Такая работа весьма эффективна, поскольку студенты самостоятельно и осознанно обогащаются новыми профессиональными знаниями, сотрудничают друг с другом, демонстрируют полученные навыки, ведут беседу на английском языке с использованием профессиональной лексики. Студенты с интересом читают такие тексты, обретая новую информацию, которую они в дальнейшем могут использовать на занятиях по своему профилю. Кстати, часто они выходят за рамки своего предмета, охватывая области, косвенно касающиеся их специализации. Это тоже пример расширения научного кругозора и повышения мотивации к научной деятельности.

Таким образом, рассмотренные виды заданий, направленные на работу с профессиональными текстами, повышают мотивацию к изучению английского языка, способствуют более полному усвоению студентами лексики по направлению подготовки, развитию навыка понимания и умения переводить профессиональные тексты, совершенствованию их речевых умений, что, в результате, помогает решить основную задачу – научить студентов вести беседу на профессиональные темы [4].

Итак, несомненными плюсами использования аутентичных текстов по специальности на занятиях по английскому языку в неязыковых вузах на этапе изучения английского как профессионального можно отметить следующие:

- развитие навыков говорения (в том числе на тему своей будущей специальности, расширение научного глоссария, отработка фонетических навыков, развития грамматических умений, повышение общего уровня знания английского языка в целом);
- формирование и развитие межпредметных связей, что способствует формированию системности знаний на основе овладения ведущими общенаучными понятиями (образовательная функция межпредметных знаний);
- повышение мотивированности студентов к изучению иностранного языка, так как они воочию видят целесообразность, необходимость и пользу данной дисциплины в практическом смысле этих слов, для их будущей работы, для успешности их как грамотных специалистов с высокими котируемками на рынке труда.

Повышение роли преподавателя как наставника и куратора, ведущего студентов сквозь «дебри» иноязычных формулировок, сложных языковых явлений и как реального старшего товарища и помощника в нелегком, но очень полезном деле – изучении иностранного языка.

Повышение профессиональной компетенции студентов как специалистов в своей области знаний, так как современные тексты по специальности знакомят их с последними научными открытиями наряду с историческими фактами и примерами исторического развития науки в целом.

Становление студентов самостоятельно мыслящими личностями, которые могут отстаивать и доказывать свою точку зрения, сопровождая аргументами и фактами, выражая мысли на английском языке. И так как подготовка к чтению является обычно самостоятельной, то это очень дисциплинирует студента, развивая в нем чувство ответственности за свою работу.

На данный момент мы работаем только со студентами этого профиля. Остальные факультеты пока не увеличили количество часов на английский язык, тем самым ограничивая возможности преподавателей научить студентов профессиональной иноязычной речи. Подобный курс имеется в программе студентов магистратуры, но он имеет свои особенности и цели и является логическим продолжением курса английского языка после бакалавриата. Взяв во внимание неоспоримые преимущества программы по английскому языку, включающую изучение профессиональной литературы на английском, считаем, что введение в программу вуза на бакалавриате профессионального английского языка является необходимым условием получения высшего образования нашим студентам.

Библиографический список

1. Китайгородская Г. А. Методика интенсивного обучения иностранным языкам: Учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1986. 103 с. (Б-ка преподавателя). С. 20. Иностранные языки в высшей школе. Выпуск 6. Издательство «Высшая школа». – М., 1971. С. 21.
2. Корлякова А. Ф. English for beginners. Reader [Электронный ресурс] : практикум / Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. Пермь, 2023. – 1,30 Мб; 185 с. Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/sci>

- ence/books/uchebnie-posobiya/korlyakova-English-for beginners Reader.pdf. Заглавие с экрана.
3. Лучникова А. В. Иностранный язык в профессиональной сфере деятельности (английский): English for Mastering Natural Sciences as a Profession [Электронный ресурс] : учебно-методическое пособие / составитель ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2023. – 5,50 Мб ; 180 с. – Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnie-posobiya/Inostrannyj-yazyk-v-professionalnoj-sfere-deyatelnosti-anglijskij-English-for-MasteringNatural-Sciences-as-a-Profession.pdf>. – Заглавие с экрана.
 4. Кузнецова С. В., Шепелева Е. В. Особенности работы с профессиональными текстами в обучении студентов неязыковых специальностей вуза английскому языку. https://dep_fl.pnzgu.ru/files/dep_fl.pnzgu.ru/rabota_s_prof_tekstami.pdf?ysclid=m8lbne1vsm52158215 [Электронный ресурс, дата обращения 23.03.2025]
 5. Курашвили Е. И., Кондратьева И. И., Штрунова В. С. Английский язык для студентов-физиков. Второй этап обучения: учеб пособие. – 2 изд, перераб и доп. – М.: Астрель: АСТ, 2005. – 189, (3) с.
 6. Трофименко М. П. Проблемы в преподавании иностранного языка в современном вузе // Интернет-журнал «Мир науки» 2016, Том 4, № 6 <http://mirnauki.com/PDF/62PDMN616.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ. [Электронный ресурс, дата обращения 23.03.2025]
 7. <http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2018/06/Mirzoyan.pdf> [Электронный ресурс, дата обращения 23.03.2025]

© Лучникова А. В., 2025

УДК 377.44

**ПРОЕКТНОЕ ОБУЧЕНИЕ В СПО:
БАРЬЕРЫ ВНЕДРЕНИЯ И ПУТИ РЕШЕНИЯ**

EDN FJHYRG

Н. Е. Мокиевская

А. И. Гудкова

*Кандидат исторических наук, доцент,
ORCID 0000-0002-5381-349X,
e-mail: nadmoki@yandex.ru,
бакалавр, e-mail: lina.gudkova21@yandex.ru,
Пензенский государственный
технологический университет,
г. Пенза, Россия*

**PROJECT-BASED LEARNING IN SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION:
OBSTACLES, BARRIERS AND SOLUTIONS**

N. E. Mokievskaya

A. I. Gudkova

*Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Bachelor,
Penza State Technological University,
Penza, Russia*

Abstract. The article is devoted to the study of the application of project-based learning technology in colleges. In conclusion, specific steps are proposed for the implementation and support of project-based learning in the educational process of the college.

Keywords: project-based learning technology; technology; projects; students; college.

В Российской Федерации технология проектного обучения в системе среднего профессионального образования рассматривается как значимый инструмент модернизации педагогического процесса, соответствующий стратегическим документам в сфере образования: ФГОС СПО подчеркивает необходимость формирования актуальных soft-skills, включая проектную деятельность, как часть компетенций выпускников; новый национальный проект «Молодёжь и дети» включает развитие практико-ориентированных методов в колледжах, где проектная технология является одним из механизмов реализации.

Таким образом, государство рассматривает технологию проектного обучения как важный элемент педагогического процесса в СПО. Учитывая современные требования к квалификации специалистов и необходимость адаптации образовательных программ к условиям рынка труда, проектное обучение становится неотъемлемой частью образовательного процесса.

По определению У. К. Килпатрика, проектное обучение – это «планирование целесообразной деятельности в связи с разрешением какого-нибудь учебного задания в реальной жизненной обстановке, как деятельность, «выполненную от всего сердца», с высокой степенью самостоятельности детей, объединенных общим интересом» [1].

Нами было проведено исследование на предмет использования проектного обучения в колледже. Респондентами стали 20 преподавателей Пензенского колледжа современных технологий переработки и бизнеса.

Согласно полученным данным, в выборке представлены преподаватели с различным стажем профессиональной деятельности: до 5 лет стажа – 40 % респондентов, 5–10 лет – 20 %, 10–15 лет – 40 %. Данная структура выборки позволяет учесть мнение как начинающих, так и опытных педагогов.

Анализ ответов на вопрос об использовании технологии проектного обучения демонстрирует, что большинство преподавателей не применяют данную технологию в своей практике. Регулярно используют проектное обучение 30 % респондентов, крайне редко – 10 %, не применяют вовсе – 60 %. Таким образом, можно констатировать, что технология проектного обучения не находит широкого применения в системе среднего профессионального образования.

Также следует отметить, что регулярно применяют в своей практике технологию проектного обучения только педагоги со стажем до 5 лет.

Изучение предпочитаемых видов проектов, среди преподавателей, использующих технологию проектного обучения, показало, что наиболее востребованными являются исследовательские (80 %), социальные (10 %) и творческие (10 %) проекты также реализуются преподавателями, но в меньшей степени.

Основными трудностями при организации проектного обучения респонденты считают нехватку времени – 50 % опрошенных, сложность в оценке результатов и подготовке тематик проектов – также 50 %, недостаточную подготовку студентов отметили 40 % опрошенных. Самым существенной трудностью выступило отсутствие методической поддержки – 70 % опрошенных отметили этот вариант. Данные факторы могут выступать барьерами для более широкого внедрения технологии проектного обучения в образовательный процесс.

Относительно влияния проектной деятельности на нагрузку преподавателя, большинство опрошенных (55 %) считают, что она значительно увеличивает их рабочую нагрузку. В то же время никто из респондентов не отметил, что проектное обучение упрощает их работу.

90 % респондентов считают, что проектная деятельность достаточно эффективно влияет на процесс обучения, и 10%

опрошенных считают, что это влияние малоэффективно

Для активизации использования технологии проектного обучения преподаватели считают необходимым получение готовых методических рекомендаций (70 %), поддержку администрации, обновление технической базы и организацию курсов повышения квалификации (30 %). Данные меры могут способствовать преодолению выявленных трудностей и более широкому внедрению проектного обучения в образовательную практику.

Также нами было проведено исследование среди студентов СПО с целью выявления мотивации студентов участвовать в проектной деятельности в процессе обучения. Респондентами стали 32 студента Пензенского колледжа современных технологий переработки и бизнеса.

Согласно полученным данным, половина респондентов (50 %) принимали участие в проектной деятельности в колледже, в то время как другая половина (50 %) не участвовали, но знакомы с ней.

Основными преимуществами проектного обучения, по мнению студентов, являются развитие умения работать в команде (19,4 %), развитие практических навыков (18,3 %) и возможность проявить креативность (16,1 %). Кроме того, обучающиеся отметили повышение мотивации к обучению (11,8 %) и возможность проявить инициативу (11,8 %) как значимые преимущества.

В то же время респонденты указали на ряд недостатков проектного обучения, среди которых наиболее часто упоминались нехватка времени (26,8 %) и нечеткие критерии оценивания (22 %).

В целом, 90,9 % респондентов оценивают проектное обучение как эффективную технологию. Более того, большинство студентов (77,3 %) хотели бы, чтобы проектная деятельность занимала больше места в учебном процессе.

Проведенное исследование выявило, что технология проектного обучения не находит широкого применения в системе среднего профессионального образования, несмотря на позитивное отношение к ней со стороны студентов. Большинство преподавателей колледжа не используют данную технологию в своей практике, отмечая такие недостатки, как нехватка времени, сложность оценки результатов и недостаток методической поддержки. В то же время, студенты высоко оценивают эффективность проектного обучения, связывая его с развитием навыков командной работы, практических умений и возможностью проявить творческие способности.

Таким образом, для активизации использования технологии проектного обучения в СПО необходимо обеспечить преподавателей необходимыми методическими ресурсами, возможностью прохождения курсов повышения квалификации, что позволит преодолеть выявленные проблемы, а также создать методическую поддержку, что значительно снизит нагрузку на преподавателя.

Библиографический список

1. Томина, Е. Ф. Дж. Дьюи – выдающийся педагог XX столетия: учебное пособие / Е. Ф. Томина. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2009. – 118 с.

© Мокиевская Н. Е., Гудкова А. И., 2025

УДК 377.44

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕДАГОГА
В УСЛОВИЯХ ОРГАНИЗАЦИИ ДОМАШНЕГО ОБУЧЕНИЯ С ДЕТЬМИ
С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ (ОВЗ)**

EDN FJXSTP

Н. Е. Мокиевская

Кандидат педагогических наук, доцент,

ORCID 0000-0002-5381-349X,

e-mail: nadmoki@yandex.ru,

Л. А. Гудожникова

бакалавр, e-mail: lara.gud236346@gmail.com,

Пензенский государственный

технологический университет,

г. Пенза, Россия

**PROFESSIONAL ACTIVITY OF A TEACHER IN THE CONTEXT
OF HOME EDUCATION WITH CHILDREN WITH DISABILITIES (HIA)**

N. E. Mokievskaya

Candidate of Pedagogical Sciences,

Associate Professor,

Bachelor,

L. A. Gudozhnikova

Penza State Technological University,

Penza, Russia

Abstract. The article examines the activity of a teacher in the context of home schooling with children with disabilities. The article analyzes the results of a study of the attitude of teachers and parents to the organization of home schooling with children with disabilities.

Keywords: children with disabilities; home schooling.

Домашнее обучение с детьми с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) становится все более актуальным в современных условиях. Это связано с необходимостью создания индивидуализированной образовательной среды, обеспечивающей равные возможности для всех обучающихся. К тому же, многие семьи выбирают домашнее обучение ввиду страха за здоровье детей, а также из-за недостаточной готовности образовательных учреждений к включению детей с ОВЗ в общий процесс.

Дети с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) – это дети, у которых имеются физические, интеллектуальные или психические нарушения, влияющие на их способность к обучению и социализации [1].

Тем не менее современное общество требует включение всех детей в образовательный процесс, в том числе и детей с

ОВЗ. Для этого часто используется домашнее обучение.

Домашнее обучение – форма образовательного процесса, при которой обучение происходит вне стен образовательного учреждения, часто с использованием различных технологий и методов, позволяющих ребенку учиться в комфортной обстановке [2].

Работа в области домашнего обучения детей с ОВЗ была поддержана множеством исследователей и практиков. Примером могут служить работы таких ученых как: Л. С. Выготский, Н. И. Непомнящий.

Эти исследования помогают педагогам разрабатывать эффективные методы обучения и взаимодействия с детьми с ОВЗ.

При работе с детьми с ОВЗ педагогу следует применять индивидуальный подход, который позволяет разрабатывать индивидуальные образовательные маршруты, учитывая способности, интересы и особенности каждого ребенка. Особую

значимость приобретает использование игровых технологий, которые, выходя за рамки традиционного обучения, создают психологически безопасную среду, наполненную доверием и позитивными эмоциями. В условиях игры дети легче усваивают сложные понятия, развивают коммуникативные навыки и учатся преодолевать учебные барьеры без страха неудачи. Не менее важна системная социальная интеграция, предполагающая вовлечение детей с ОВЗ в коллективные проекты, творческие инициативы и групповые активности. Это не только стирает границы изолированности, но и формирует у ребенка чувство принадлежности к социуму, что является мощным стимулом для личностного роста.

Так же важно, чтобы педагог взаимодействовал с родителями ребенка с ОВЗ. Педагоги должны активно вовлекать родителей в образовательный процесс. Это может быть достигнуто через регулярные встречи, консультации и обучение родителей методам работы с детьми.

Работа с родителями детей с ОВЗ – это важный аспект образовательного процесса, который требует внимания, чуткости и профессионализма со стороны педагогов. Эффективное взаимодействие может значительно улучшить качество образования и помочь детям с особыми потребностями достигать своих целей. Создание партнерских отношений между семьями и образовательными учреждениями – залог успешной интеграции детей с ОВЗ в общество и их гармоничного развития.

Мы провели анкетирование педагогов и родителей. Результаты анкетирования показывают, что зачастую педагог не готов к работе с детьми ОВЗ, так как не имеет нужного образования, испытывает нехватку оборудования и материалов. Многие материалы приобретаются самим педагогом на его средства, что устраивает далеко не всех.

Многие педагоги, работающие с детьми с ОВЗ, отмечают, что готовы пройти обучение в этой сфере, но такой возмож-

ности не предоставляется в силу загруженности или отсутствия такого обучения.

Так же педагог, несмотря на важность взаимодействия с родителями, зачастую не может найти с ними общий язык, так как не сходится с ними в планируемых результатах.

Анкетирование показало, что родители не всегда устраивает обучение на дому. Многие считают, что таких детей нужно в первую очередь социализировать. Это возможно только вне дома. Поэтому обучение в школе стоит у родителей на первом месте. Но, к сожалению, возникают проблемы с перемещением детей в школу и обратно, так как родитель обязан делать это сам. К тому же, далеко не все школы устроены так, чтобы дети с ОВЗ могли в них обучаться. Зачастую в школах не хватает педагогов, способных работать с такими детьми.

Если же рассматривать обучение на дому, то можно сказать, что родители так же замечают недостаток образования педагогов, считают, что обучением детей с ОВЗ должны заниматься квалифицированные специалисты, а не учителя из общеобразовательных школ.

Родители отмечают, что при обучении на дому не предоставляется ни оборудование, ни материалы для обучения. Всё это приобретают сами родители и педагоги.

Также стоит отметить, что большинство родителей говорят о нехватке времени. Родителям хотелось бы уделять время не только ребенку, но и себе, своему отдыху и здоровью. Родители хотели бы получать не только материальную поддержку, но и моральную, так как воспитывать ребенка с ОВЗ непросто, на это уходит много сил. Многие родители вынуждены нанимать няню для ребенка, но это оказывается для некоторых родителей невозможным в силу дороговизны услуг няни.

Для детей с ОВЗ разрабатываются специальные образовательные программы, учитывающие их физические, сенсорные и интеллектуальные особенности. Проблема таких программ заключается в том, что их

реализуют те же педагоги из общеобразовательных школ, которые не имеют должного образования в этой сфере.

Таким образом, профессиональная деятельность педагога в условиях домашнего обучения с детьми с ОВЗ требует высокой квалификации, креативности и готовности к постоянному обучению. Важно помнить, что каждый ребенок уникален, и адаптация образовательного процесса под его особенности – это ключ к успешному обучению и социализации. С учетом современных реалий и вызовов, образование для детей с ОВЗ в домашних условиях может стать не только эффективным, но и возможностью для создания новой модели инклюзивного образования.

Библиографический список

1. Михайлова М. Ф. Особенности работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья // Проблемы науки. 2022.
1. URL:
<https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-raboty-s-detmi-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya-1> (дата обращения 12.03.2025).
2. Кобрин Л. М., Денисова О. А. Эволюция общих и специфических закономерностей развития детей с ограниченными возможностями здоровья в контексте актуальных представлений о сопровождении // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2020. URL:
<https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-obshchih-i-spetsificheskikh-zakonomernostey-razvitiya-detey-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya-v-kontekste-aktualnyh> (дата обращения 17.03.2025).

© Мокиевская Н. Е., Гудожникова Л. А., 2025

УДК 37.02

«МАРШРУТ К СЧАСТЬЮ»-ПЛАТФОРМА ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ ДЕТЕЙ С ОВЗ
EDN FTZJDR

Н. Е. Мокиевская

М. А. Кологорова

А. Д. Силантьева

*Кандидат педагогических наук, доцент,
ORCID 0000-0002-5381-349X,
e-mail: nadmoki@yandex.ru,
студенты,
Пензенский государственный
технологический университет,
г. Пенза, Россия*

«ROUTE TO HAPPINESS»: A SUPPORT PLATFORM FOR PARENTS
OF CHILDREN WITH DISABILITIES

N. E. Mokievskaya

M. A. Kologorova

A. D. Silantieva

*Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Students,
Penza State Technological University
Penza, Russia*

Abstract. This article is devoted to the study of the need of parents of children with disabilities for support in the form of an online platform. The article analyzes the difficulties that arise in their lives, as well as their needs.

Keywords: parents of children with disabilities.

Родители детей с ОВЗ часто чувствуют себя изолированными и одинокими в своих трудностях. Воспитание ребёнка с ОВЗ требует постоянного обучения и адаптации к меняющимся потребностям ребёнка.

С целью изучения потребностей родителей детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) было проведено анкетирование. В исследовании приняли участие 40 респондентов, чьи дети обучаются в коррекционно-развивающих классах города Пензы.

У 5 % опрошенных дети с нарушением слуха, у 5 % опрошенных дети с нарушением зрения, у 40 % опрошенных дети с интеллектуальными нарушениями, у 10 % опрошенных дети с расстройством аутистического спектра, у 20 % опрошенных дети с тяжелыми нарушениями речи, у 10 % опрошенных дети с ЗРР, у 10 % опрошенных дети с СДВГ, у 10 % опрошенных дети с СДВГ, дисартрия.

У 60 % опрошенных родителей трудности в воспитании заключаются в нехватке времени, у 15 % – в незнании особенностей воспитания, у 15 % – в нехват-

ке поддержки и общения, у 10 % – трудности в сложности найти общий язык с подростком, у 20 % – моральное выгорание и у 5 % опрошенных не возникает никаких трудностей.

70 % опрошенных родителей хотели бы общаться с другими родителями детей с ОВЗ, 20 % опрошенных не знают, хотели бы или нет, 5 % не хотели бы общаться с другими родителями детей с ОВЗ и 5 % уже общаются с другими родителями детей с ОВЗ.

70 % опрошенных родителей проводят время наедине с собой, 30 % не проводят наедине с собой время.

15 % процентов опрошенных родителей хотели бы больше времени уделять себе и своим увлечениям, 40 – отдыху и путешествиям, 50 % хотели бы получить образование, 50 % – улучшить свое физическое и эмоциональное состояние, 10 % хотели бы проводить больше времени с семьей.

По мнению 50 % опрошенных родителей, их жизнь стала лучше, если бы было больше мест для отдыха и досуга, для улучшения жизни 20 % опрошенных необходимо повысить информирован-

ность о жизни семей с детьми ОВЗ, для 10 % необходимо обеспечить больше возможности для трудоустройства родителей, 10 % нуждаются в организации программ поддержки для родителей и 10 % нуждаются в повышении оплаты по уходу за ребенком-инвалидом.

50 % опрошенных нуждаются в моральной поддержке, 25 % – в создании доступной среды для ребенка, 10 % – в материальной поддержке, 10 % – в организации досуга и социализации ребенка, 10 % в доступности развивающих услуг для ребенка и 10 % – в помощи в быту и уходе.

70 % опрошенных хотели бы, чтобы в их городе/регионе появились курсы по развитию навыков у детей, 40 % желают появления организации совместного досуга для семьи, 15 % хотят, чтобы появились группы поддержки для родителей, 15 % желают появления центров дневного пребывания для детей.

40 % опрошенных родителей мечтают увидеть, как ребенок становится полностью самостоятельным, 40 % – увидеть, как ребенок достигает успехов в учебе или работе, мечта 20 % опрошенных – увидеть, как ребенок находит друзей и чувствует себя частью общества, мечта 10 % опрошенных – увидеть, как ребенок реализует свои творческие или спортивные таланты.

Таким образом, опрос показал, что родители детей с ОВЗ нуждаются в поддержке и помощи.

Для решения этой проблемы была разработана онлайн-платформа, включающая несколько функциональных разделов. Правовая поддержка предоставляет шаблоны документов и инструкции по оформлению льгот. Интерактивная карта реабилитационных центров с отзывами позволяет быстро находить необходимые услуги, а раздел с методическими материалами (игры, рабочие листы) помогает в развитии детей.

Особое значение имеет раздел сообщества, где родители могут обмениваться опытом и вдохновляющими историями. Это соответствует потребности 40 % респондентов в социализации ребенка и 10 % – в его творческой или спортивной реализации.

Блок «Психологическая поддержка» предоставляет родителям информацию и ресурсы для сохранения эмоционального благополучия, включает статьи о борьбе со стрессом и выгоранием, онлайн-тесты для самодиагностики, контакты психологов, специализирующихся на работе с родителями детей с ОВЗ, и возможность онлайн-записи на консультацию. Блок «Поддержка и вдохновение» создан для эмоциональной поддержки родителей детей с ОВЗ. Он включает разделы: «Письма поддержки» (анонимные письма-ободрения от других пользователей), «Истории доброты» (реальные истории помощи семьям), «Праздники и поздравления» (обмен опытом и поздравлениями), «Спасибо себе» (раздел для самоподдержки и благодарности), и «Дневник радости» (для обмена позитивными моментами из жизни детей).

Таким образом, платформа не только предоставляет практические инструменты, но и создает среду для взаимоподдержки.

Результаты исследования демонстрируют, что онлайн-платформа способна стать эффективным решением для семей с детьми с ОВЗ, объединяя информационные, психологические и социальные ресурсы. Ее внедрение может значительно повысить качество жизни таких семей, обеспечивая доступ к профессиональной помощи и снижая уровень изоляции.

Библиографический список

1. Гарсия Э. Н. ФГОСы для «особенных детей»: [сайт]. – 2022. – URL: https://eduregion.ru/upload/iblock/560/fergbzthm2soerb8idmaybpivsr6qp56/fgosy_dlya_osobennyh_detej.pdf (дата обращения: 21.05.2025)

УДК 37.02

ВЫЗОВ ВРЕМЕНИ: ВЫГОРАНИЕ СРЕДИ СТУДЕНТОВ, СОВМЕЩАЮЩИХ УЧЕБУ И РАБОТУ

EDN GNCZXM

Н. Е. Мокиевская

А. П. Конова

*Кандидат педагогических наук, доцент,
ORCID 0000-0002-5381-349X,
e-mail: nadmoki@yandex.ru,
студентка,
Пензенский государственный
технологический университет,
г. Пенза, Россия*

THE CHALLENGE OF TIME: BURNOUT AMONG STUDENTS, COMBINING STUDY AND WORK

N. E. Mokievskaya

A. A. Konova

*Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Student,
Penza State Technological University,
Penza, Russia*

Abstract. This article examines the current problem of burnout among students who combine study and work. The research aims to identify factors contributing to the development of burnout, as well as to study the impact of burnout on academic performance and the overall well-being of students.

Keywords: burnout; fatigue; anxiety; work; students.

Современные студенты, сталкиваясь с экономической нестабильностью и растущей стоимостью образования, вынуждены совмещать учебу с работой, что в совокупности с высокими академическими требованиями и конкуренцией в системе образования, а также спецификой периода самоопределения, значительно повышает риск развития синдрома эмоционального выгорания [1]. Выгорание оказывает негативное воздействие на академическую успеваемость, психическое и физическое здоровье студентов, приводя к снижению мотивации, депрессии и социальной изоляции, что может иметь долгосрочные последствия для их профессиональной траектории и качества жизни [2]. Ввиду недостаточной изученности данной проблемы, актуальным представляется проведение дальнейших исследований с целью выявления факторов риска и разработки эффективных стратегий профилактики и оказания помощи, что является важной

социальной задачей для обеспечения устойчивого развития общества.

В рамках текущего исследования было проведено пилотное эмпирическое изучение феномена «выраженности симптомов выгорания» среди работающих студентов 1–3 курсов ПензГТУ. В выборку исследования вошли 10 респондентов, отобранных методом целевой выборки. Данное пилотное исследование преследовало цель предварительной оценки выраженности симптомов выгорания, выявления ключевых факторов, ассоциирующихся с повышенным риском развития выгорания, а также оптимизации методического инструментария, предназначенного для диагностики и анализа выгорания в данной целевой группе. Полученные результаты будут использованы для дальнейшей разработки более масштабного исследования, направленного на более глубокое и комплексное изучение обозначенной проблематики.

В ходе проведенного анкетирования среди студентов были получены данные,

отражающие специфику совмещения учебы и работы. Относительно учебной нагрузки, установлено, что 50 % респондентов затрачивают на учебные занятия в среднем 10–20 часов в неделю, в то время как оставшаяся половина выборки уделяет учебе от 1 до 10 часов в неделю.

Анализ данных о рабочей нагрузке показал значительный разброс значений: студенты работают от 12 до 54 часов в неделю, что свидетельствует о высокой степени вовлеченности в трудовую деятельность.

Основными мотивами совмещения учебы и работы, согласно полученным результатам, являются: стремление к финансовой независимости (70 % респондентов), желание отделиться от родительской опеки (60 %) и потребность в получении профессионального опыта наряду с желанием реализовать себя в трудовой деятельности (50 %).

Оценка влияния работы на академическую успеваемость распределилась следующим образом: большинство (60 %) студентов не отмечают значительного влияния работы на свою успеваемость, 30 % респондентов указывают на негативное влияние, и лишь 10 % полагают, что работа оказывает положительное воздействие на их успехи в учебе.

Частота пропусков занятий из-за работы является существенной проблемой для значительной части студентов: 50 % респондентов признают, что часто пропускают занятия по причине занятости на работе, 40 % делают это редко, и лишь 10 % не пропускают занятия из-за работы.

Состояние усталости на занятиях, обусловленное трудовой деятельностью, характерно для большинства студентов: 70 % респондентов испытывают усталость на занятиях, тогда как 30 % не испытывают подобных ощущений. Наличие мыслей о прекращении обучения из-за усталости и перегрузки также выявляется у части респондентов: 20 % студентов часто испытывают подобные мысли, 40 % – редко, а 40 % – никогда.

Оценка частоты переживания состояний усталости и истощения показала, что 20 % респондентов чувствуют себя уставшими и истощенными почти всегда, аналогичная доля (20 %) – часто, большая часть выборки (50 %) – редко, и лишь 10 % – никогда. При анализе эмоционального состояния выявлено, что 20 % студентов почти всегда испытывают раздражительность, тревогу или грусть, 20 % – часто, 50 % – редко, и 10 % – никогда. Оценка качества сна выявила значительную неоднородность: 30 % респондентов оценивают свой сон как отличный, 10 % – как хороший, 50 % – как удовлетворительный, и 10 % – как очень плохой. Удовлетворенность жизнью в целом, измеренная по шкале от 1 до 10, демонстрирует преобладание положительных оценок: 10 % респондентов оценили свою удовлетворенность жизнью на уровень ниже единицы (что, вероятно, является ошибкой при заполнении анкеты, так как шкала начинается с единицы), 30 % – в диапазоне 6–7 баллов, 40 % – в диапазоне 8–9 баллов, и по 10 % респондентов оценили свою удовлетворенность жизнью на 10 и 11 баллов (также вероятно ошибка, либо понимание шкалы с расширением за пределы 10). Наличие периодов, когда респонденты чувствуют себя полностью выгоревшими, подтверждается у 60 % студентов, 10 % отрицают наличие таких периодов, и 30 % отмечают их периодическое возникновение.

Анализ ответов на открытый вопрос о стратегиях преодоления выгорания показал, что наиболее распространенными способами являются отдых и уединение, занятия спортом, медитация и смена обстановки. Важно отметить, что в выборке зафиксированы ответы с описанием стратегий восстановления сил через наполнение позитивными эмоциями от созерцания природы. Осведомленность о доступных ресурсах поддержки в учебном заведении оказалась неоднозначной: 50 % респондентов знают о наличии таких ресурсов (психологическая помощь, консультации,

группы поддержки и т.д.), а 50 % – не знают. В качестве советов другим студентам, совмещающим учебу и работу, респонденты рекомендуют выбирать себя в первую очередь, не жертвовать здоровьем, искать работу с гибким графиком и несложным родом деятельности, избегать работы в общепите, планировать свое время, устанавливать приоритеты и делать перерывы для отдыха. Предложения по улучшению ситуации для работающих студентов касались поддержки со стороны работодателей (дополнительные выходные перед сессией без изменения оплаты, гибкий график работы) и учебных заведений (доступность дистанционного обучения).

Полученные данные указывают на наличие признаков эмоционального выгорания у значительной части студентов, совмещающих учебу и работу. Высокий уровень усталости, периодическое переживание негативных эмоций, ухудшение качества сна и наличие периодов «выгорания» свидетельствуют о необходимости разработки и внедрения комплексных мер по профилактике и коррекции выгорания в данной целевой группе. Также требуется активизация работы по информированию студентов о доступных ресурсах поддержки и создание условий, способствующих оптимальному сочетанию учебы и работы.

В качестве рекомендаций мы предлагаем 3 совета, которые помогут избежать выгорания:

1. Четко определите, что для вас важнее всего – учеба, работа, личная жизнь. Составьте реалистичный план и придерживайтесь его. Не пытайтесь успеть все, это невозможно и приведет к истощению.

2. Во время учебы и работы делайте короткие перерывы каждые 45–60 минут. Встаньте, пройдитесь, сделайте зарядку для глаз, выпейте чашку чая. Это поможет вам оставаться бодрыми и сосредоточенными.

3. Если вы чувствуете, что не справляетесь с заданной Вами нагрузкой, обратитесь за помощью к друзьям, родственникам, преподавателям или психологу. В учебном заведении часто есть консультационные службы, которые могут оказать вам поддержку.

Библиографический список

1. Водопьянова, Н. Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. 2-е изд. [Текст] / Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова. – СПб.: Питер, 2008. – 336 с.
2. Маслач, К. Профессиональное выгорание: как люди справляются. Практикум по социальной психологии [Текст] / К. Маслач. – СПб.: Питер, 2001. – 528 с.

© Мокиевская Н. Е., Конова А. П., 2025

УДК 37.013

ПРОБЛЕМЫ САМОВЫРАЖЕНИЯ СТУДЕНТОВ

EDN GQDLFJ

Н. Е. Мокневская**А. И. Коцких**

*Кандидат педагогических наук, доцент,
ORCID 0000-0002-5381-349X,
e-mail: nadmoki@yandex.ru,
студентка,
Пензенский государственный
технологический университет,
г. Пенза, Россия*

PROBLEMS OF SELF-EXPRESSION AMONG STUDENTS**N. E. Mokievskaya****A. I. Kotskikh**

*Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Student,
Penza State Technological University,
Penza, Russia*

Abstract. The article examines students' self-expression, its role in the formation of a student's personality and the process of education in general. The importance and key aspects of self-expression among college students.

Keywords: students; self-expression; parenting issues; college; students and educators.

В современной системе образования на данный момент лидирующее место занимает аспект воспитания, так как именно оно является ключевым фактором становления личности обучающегося [1]. Воспитание невозможно представить без самовыражения, ведь именно с помощью него студенты транслируют свои цели, ценности и взгляды, демонстрируют свои способности. Современного студента трудно представить вне системы самоопределения и самовыражения.

Важной задачей педагога на сегодняшний день становится не только обучение, но и личностно-ориентированное воспитание, которое будет направлено на возвращение самостоятельной личности, раскрытие и развитие творческого потенциала студентов, их способностей. [2] Современное воспитание должно содействовать самовыражению студентов и поощрять его.

Самовыражение обучающихся представляет собой многогранный процесс, в ходе которого учащиеся демонстрируют свою уникальность, транслируют соб-

ственные мысли и эмоции посредством разнообразных видов активности. Это может проявляться через творческую деятельность, активное участие в дискуссиях, выполнение учебных заданий и другие формы проявления личности. Данный процесс играет ключевую роль в формировании как образовательных, так и личностных качеств учащихся.

В целях выявления и анализа способов самовыражения студентов нами было проведено исследование в Колледже Технологическом Пензенского государственного технологического университета (КТПензГТУ). В исследовании приняли участие 19 студентов колледжа в возрасте от 17 лет до 21 года, из которых 8 человек – это мужчины, что составило 42,1 % опрошенных, а 11 человек женщины, что составило 57,9 % от общего числа опрошенных.

По данным исследования, студенты, участвовавшие в опросе, предпочитают выражать свои мысли и чувства через искусство (рисование, живопись, скульптура), музыку (игра на инструментах, пе-

ние), танец и спорт. При этом интересуются искусством 3 из 19 опрошенных, что составило 15,8 %, музыкой – 5 человек, что составляет 26,3 %, танцами 5 из 19 опрошенных студентов, что составляет также 26,3 %, а спортом 6 человек, что составило 31,6 %.

На вопрос «Как Вы оцениваете важность самовыражения в вашей жизни?» 69,5 % студентов ответили «Очень важно», 19 % «Важно», а 11,5 % «Не очень важно». При этом не может не радовать, что 0 % пришлось на студентов, которые считают самовыражение совсем не важным в их жизни.

В ходе опроса также удалось выяснить, что 68 % опрошенных используют социальные сети для самовыражения.

На вопрос «Как Вы считаете, влияет ли ваше окружение на ваше самовыражение?» большинство ответило «Да, сильно влияет», что составило 46 %, на ответ «Да, немного влияет» пришлось 30 %. Ответ «Нет, не влияет» составил 24 %. На основании полученных данных можно сделать вывод, что для студентов очень важен поддерживающий и вдохновляющий коллектив.

Подавляющее большинство (70 %) ответило, что у них есть хобби, с помощью которого студенты могут выразить себя, показать свою уникальность.

Диагностируя затруднения в самовыражении студентов, было выявлено, что 49 % испытывают нехватку времени, 38 % имеют страх критики, а 13 % опрошенных часто не имеют вдохновения.

На вопрос «Считаете ли Вы, что возможность выразиться помогает Вам справляться со стрессом?» 67 % дали ответ «Да, очень помогает», 31 % ответ

«Помогает немного», а всего 2 % ответили «Не помогает».

На вопрос «Какой совет Вы бы дали другим студентам по поводу самовыражения?» мы получили следующие ответы: а) никого и никогда не стесняться, б) слушать только себя и свою душу, в) не стремиться получать всё и сразу, г) больше времени уделять своим хобби. Также некоторые студенты воздержались от ответа.

На открытый вопрос «Как Вы думаете, что можно улучшить в колледже для поддержки самовыражения студентов?» были получены следующие ответы: а) повысить стипендию, б) проводить больше внеучебных занятий, в) проводить творческие мероприятия.

Таким образом, анализируя данные проведённого нами исследования, хотелось бы отметить, что большинство студентов увлечены выражением себя в творчестве и видят в этом большую важность для своей жизни.

Исследование показало, что среди современных студентов также присутствует проблема нехватки времени на личную внеучебную жизнь, что затрудняет их желание выразиться.

Библиографический список

1. Аль-Рикаби Азиз Мезал Формирование творческого самовыражения студентов в процессе художественного образования в педагогическом вузе [Электронный ресурс] // URL: <https://www.dissercat.com/content/formirovanie-tvorcheskogo-samovyrazheniya-studentov-v-protsesse-khudozhestvennogo-obrazovani> (дата обращения 14.04.2025)
2. Газман О. С. Базовая культура и самоопределение личности / О.С. Газман // Базовая культура личности: теоретические и методологические проблемы / Под ред. О. С. Газмана, Л. И. Романова. М. : Педагогика, 1989. – С. 4–15.

© Мокиевская Н. Е., Коцких А. И., 2025

УДК 37.013

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ ПЕДАГОГА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

EDN GUJFZQ

Н. Е. Мокневская**А. И. Коцких**

*Кандидат педагогических наук, доцент,
ORCID 0000-0002-5381-349X,
e-mail: nadmoki@yandex.ru,
студентка,
Пензенский государственный
технологический университет,
г. Пенза, Россия*

**THE ROLE OF THE TEACHER'S PERSONALITY
IN THE EDUCATIONAL PROCESS****N. E. Mokievskaya****A. I. Kotskikh**

*Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Student,
Penza State Technological University,
Penza, Russia*

Abstract. The article describes the role of the teacher's personality on the educational process. The requirements for the personality of a teacher from the side of professional and personal qualities are presented. The influence of the teacher's personality on the educational process among students of the college of KT PenzSTU is investigated. The problem of partial disinterest of students in the personality of the teacher is revealed

Keywords: teacher; personality of teacher; educational process; education; role of the personality of teacher in education.

Роль личности педагога в образовании не просто огромна, она является основополагающей для всего процесса образования и воспитания студента [1]. Это означает, что каждый педагог несет за собой огромную ответственность, ведь именно он становится образцом, на который должны равняться студенты.

В контексте современных образовательных парадигм, где акцент смещается от авторитарных моделей к гуманистическим, педагог становится ключевой фигурой. Как справедливо отмечал П. П. Блонский, «Всякая школа... и в 1917, и в 2100 г., и в 530 г. должна одинаково иметь одну и ту же цель – воспитание человека как человека» [2].

Личность педагога – это синтез профессиональных компетенций и личностных качеств, которые в совокупности определяют эффективность образовательного процесса. К. Д. Ушинский подчерки-

вал, что «в воспитании всё должно основываться на личности воспитателя» [3].

Роль личности педагога в образовательном процессе была изучена отечественными педагогами и психологами (Н. К. Крупская, П. Г. Щедровицкий, С. С. Рубинштейн, Д. Б. Эльконин, А. Н. Леонтьев, П. Ф. Каптерев и др.)

С целью определения ключевых качеств педагога, наиболее значимых для студентов, выявления проблем, снижающих вовлеченность студентов во взаимодействие с педагогами, нами было проведено исследование в Пензенском государственном технологическом университете (ПензГТУ) и Пензенском Государственном Педагогическом институте им. В. Г. Белинского. В исследовании приняли участие 36 студентов. Обучающимся было предложено ответить на 20 вопросов.

Выбрав ответы из предложенных вариантов, также был предусмотрен вопрос для свободного ответа. Вопросы были

сгруппированы в соответствии с выявленными в ходе анализа научной литературы функциями роли личности педагога в образовательном процессе.

Определяя влияние личности педагога на мотивацию, следует отметить, что 43 % студентов отметили сильное влияние, что подтверждает теорию А. Маслоу о значимости признания и уважения в образовании. 25 % студентов не ощущают мотивирующего влияния педагогов, что указывает на необходимость преодоления институциональных барьеров (например, перегруженность педагогов).

Выявляя ключевые качества педагога, подавляющее большинство опрошенных студентов (51 %) отметили, что им очень важно, чтобы педагог был экспертом в своей области, 34 % ответили, что экспертность педагога не очень важна, а 15 % – совсем не важна. Также, при ответе на вопрос «Какое качество педагога вы считаете самым важным?» на знания в предметной области указали 40 % опрошенных студентов, умение общаться со студентами – 32 %, терпение и понимание – 18 %, креативность и инновационность – 10 %.

Таким образом, предметные знания педагогов остаются приоритетными в студенческой среде, но коммуникативные навыки (32 %) и эмпатия (18 %) играют почти равную роль, что свидетельствует о запросе студентов не только на профессионализм, но и на эмоциональную вовлеченность преподавателя.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что, по мнению студентов, современный педагог должен сочетать:

1. Глубокую предметную компетентность – как основу академического доверия.
2. Навыки эффективной коммуникации – для создания диалоговой среды обучения.
3. Эмоциональную отзывчивость – чтобы поддерживать мотивацию и комфорт студентов.

Этот баланс позволяет не только передавать знания, но и формировать довери-

тельные отношения, способствующие эффективному образовательному процессу.

В ходе исследования также было выявлено значение харизмы педагога в образовательном процессе. 27 % опрошенных студентов отметили роль харизмы педагога очень важной, что подтверждает её значимость как фактора эмоционального вовлечения и мотивации. 45 % оценили её влияние как умеренное, что указывает на дополнительную, но не ключевую роль в образовательном процессе. 28 % посчитали, что харизма преподавателя не играет роли в образовательном процессе. Таким образом, харизма педагога играет заметную, но не универсальную роль – она усиливает вовлеченность части студентов, однако, не заменяет профессиональной компетентности.

Рассматривая влияние педагога на вдохновение к выполнению самостоятельной работы студентов, большинство опрошенных (43 %) отметило, что при наличии вдохновения от педагога, они готовы уделять самостоятельной учебе более 10 часов в неделю. Это демонстрирует прямую связь между эмоциональным воздействием преподавателя и академической активностью. 27 % респондентов отметили готовность уделять самостоятельной работе – от 5 до 10 часов в неделю, 30 % – менее 5 часов в неделю. Эти ответы демонстрируют прямую связь между эмоциональным воздействием преподавателя и академической активностью.

Таким образом, харизма и способность вдохновлять – важные, но не абсолютные факторы педагогического влияния. Они работают в связке с профессиональными качествами. Вдохновение от педагога мотивирует большинство (70 %) к более интенсивной самостоятельной работе. В связи с этим, мы считаем, что педагогам стоит развивать эмоциональную составляющую преподавания (искренность, увлеченность предметом, индивидуальный подход), но не в ущерб академической строгости. Оптимален синтез глубоких

профессиональных знаний и эмоциональной вовлеченности педагогов.

Отвечая на вопрос «Насколько важно для вас, чтобы педагог делился своим опытом и личными историями?» были получены следующие ответы: 33 % – ответ «Важно», 32 % – ответ «Не очень важно», 35 % – ответ «Совсем не важно».

69 % опрошенных считают, что личная жизнь педагога сильно влияет на его профессиональную деятельность, 23 % – немного влияет, а 8 % – не влияет.

Из этих ответов можно сделать вывод, что студенты склонны рассматривать педагога через призму его личных качеств и жизненного опыта. Это требует от преподавателей осознанности в поддержании профессионального имиджа, но без искусственной отстраненности.

На вопрос открытого типа «Что бы вы хотели изменить в подходе ваших педагогов к обучению?» открытые ответы выявили пять ключевых запросов:

1. Интерактивность – использование педагогами игр, дискуссий, цифровых инструментов.
2. Индивидуализация – учет разных стилей обучения.
3. Практическая ориентация – связь теории с реальными кейсами.
4. Психологический комфорт – доброжелательная атмосфера.

Студенты хотят, чтобы обучение было гибким, прикладным и человекоориентированным. Это требует от педагогов пересмотра методов в сторону активного взаимодействия и персонализации.

Результаты исследования показывают, что современный педагог должен быть не только носителем знаний, но и гибким методистом, эмоционально-интеллигентным наставником и открытым к диалогу про-

фессионалом. Приоритет – баланс между научной глубиной и человечностью.

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие рекомендации для педагогов:

1. Дозированно использовать личные истории – как инструмент мотивации, но не замену содержания.
2. Развивать поддержку – чтобы повысить доверие и внеучебное взаимодействие.
3. Комбинировать традиционные и инновационные методы – например, лекции с кейс-стади или цифровыми платформами.
4. Уделять внимание обратной связи – через регулярные опросы студентов и адаптацию программ.
5. Создавать комфортную среду – где академическая строгость сочетается с эмоциональной поддержкой.

Библиографический список

3. Егорова С. Ю. Роль личности педагога и культура его общения в образовательном процессе // Обучение и воспитание: методики и практика. 2012. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-lichnosti-pedagoga-i-kultura-ego-obscheniya-v-obrazovatelnom-protsesse> (дата обращения: 22.05.2025).
4. Афанасьев, В. В. Афоризмы [Электронный ресурс] / В. В. Афанасьев // Электронная библиотека БГПУ. – Минск : БГПУ, 2023. – Загл. с экрана. – Режим доступа: <https://elib.bspu.by/bitstream/doc/1698/1/%D0%90%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D1%8B.pdf>, свободный. – Зап. дата: 22.05.2025.
5. Ушинский, К. Д. Три элемента школы / К. Д. Ушинский. – Санкт-Петербург: Лань, 2013. – 14 с. – ISBN 978-5-507-13005-4. – Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. – URL: <https://e.lanbook.com/book/30551> (дата обращения: 22.05.2025). – Режим доступа: для авториз. пользователей.

© Мокиевская Н. Е., Коцких А. И., 2025

УДК 37.02

МЕТОДИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПЕДАГОГОВ В ОРГАНИЗАЦИИ МЕРОПРИЯТИЙ КО ДНЮ ПОБЕДЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ С ОВЗ

EDN HFWJUL

Н. Е. Мокиевская

А. А. Уморина

А. С. Юкова

*Кандидат педагогических наук, доцент,
ORCID 0000-0002-5381-349X,
e-mail: nadmoki@yandex.ru,
студенты,
Пензенский государственный
технологический университет,
г. Пенза, Россия*

METHODOLOGICAL SUPPORT FOR TEACHERS IN ORGANIZING EVENTS FOR VICTORY DAY FOR CHILDREN WITH DISABILITIES

N. E. Mokievskaya

A. A. Umorina

A. S. Yukova

*Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Students,
Penza State Technological University,
Penza, Russia*

Abstract. The article substantiates the need for patriotic education of children with disabilities in the context of government initiatives such as the Year of Defender of the Fatherland and the 80th anniversary of Victory. The paper identifies key factors that determine the relevance of the study: the lack of specialized materials, the importance of integrating children with disabilities into society through participation in significant events, as well as the need for methodological support from teachers working with this target group.

Keywords: children with disabilities; Victory Day; events; adaptation; methodological recommendations; educational activities; patriotic education.

Современная образовательная парадигма уделяет все больше внимания образованию детей с ОВЗ, подразумевающему создание равных возможностей для развития и социализации всех детей. В связи с этим возрастает потребность в разработке и внедрении эффективных методик проведения воспитательных мероприятий.

Дети с ОВЗ – это дети-инвалиды, либо другие дети в возрасте от 0 до 18 лет, не признанные в установленном порядке детьми-инвалидами, но имеющие временные или постоянные отклонения в физическом и (или) психическом развитии и нуждающиеся в создании специальных условий обучения и воспитания [5].

Основополагающие идеи Л. С. Выготского о зоне ближайшего развития, социальной обусловленности психического развития и компенсаторных возможностях личности заложили методологическую основу для понимания закономерностей

развития детей с ограниченными возможностями здоровья.

Особенностями детей с ментальными нарушениями являются: гетерогенность группы детей с ОВЗ, специфика когнитивного развития, особенности эмоционально-волевой сферы, особенности сенсорного восприятия, социальная дезадаптация.

Условиями успешного обучения детей с ментальными нарушениями являются: адаптация образовательных программ, использование наглядных пособий, структурирование информации и создание поддерживающей среды [1].

Реализация обозначенных принципов обучения детей с ментальными нарушениями находит своё практическое воплощение в организации внеурочных мероприятий патриотической направленности. Особую актуальность в этом аспекте приобретает работа по подготовке и проведению мероприятий, посвящённых Дню Победы.

С целью изучения влияния эмоционального восприятия исторических событий на формирование ценностей у учащихся с ОВЗ, было проведено анкетирование в количестве 100 обучающихся 5–9 классов в МБОУ СОШ № 51 г. Пенза.

Так, данные опроса свидетельствуют о том, что большинство респондентов (100 %) имеют представление о Дне Победы как главном празднике нашего народа.

При ответе на вопрос: «Какие ценности Дня Победы ты считаешь самыми важными?», были получены следующие ответы детей с ОВЗ: «Горжусь своей страной и хочу быть патриотом» – 40 %; «Важно уважать ветеранов и старших» – 29 %; «Нужно помнить героев войны и тех, кто погиб» – 31 %.

Так, отвечая на вопрос, «Какие чувства у вас вызывает День Победы?» дети ответили таким образом: гордость – 38 %; любовь к Родине – 22 %; радость – 25 %; грусть – 15 %.

Таким образом, проведённое анкетирование среди учащихся с ОВЗ выявило высокий уровень их осведомлённости об исторических событиях, ценностях семьи и её связи с событиями в Великой Отечественной войне.

С целью выявления педагогических стратегий формирования патриотических ценностей у детей с ОВЗ в общеобразовательных учреждениях было проведено анкетирование и среди педагогов. В ходе исследования был изучен их опыт по организации воспитательной работы с детьми с ОВЗ в рамках подготовки ко Дню Победы.

Педагогам был задан вопрос: С какими нарушениями обучатся у Вас дети? У 60 % опрошенных дети с интеллектуальными нарушениями, у 20,6 % опрошенных дети с тяжелыми нарушениями речи,

у 9,7 % опрошенных дети с ЗПР – у 9,7 % опрошенных дети с СДВГ.

Учителям был задан вопрос: «Какие методы Вы используете для формирования патриотических ценностей у детей с ОВЗ?». Полученные данные распределились следующим образом: рассказы о войне и героях – 52 %; просмотр тематических фильмов – 43 %; посещение музеев и памятных мест – 37 %; встречи с ветеранами – 14 %; чтение литературы – 8 %.

Реализация патриотического воспитания детей с ОВЗ в условиях инклюзивного образования сталкивается с объективными организационно-методическими сложностями. По результатам проведённого анкетирования были выявлены следующие проблемные области: у 90 % педагогов возникают трудности с адаптацией материалов; 85 % – в готовых сценариях, мероприятий для детей с ментальными нарушениями; 78 % хотели бы иметь доступ к библиотеке адаптированных ресурсов.

Данные опроса подтверждают, что воспитание детей с ОВЗ возможно даже при высокой доле ментальных нарушений, но требует системной поддержки.

Таким образом, проведенное исследование подтвердило необходимость и значимость методического сопровождения педагогов в организации патриотических мероприятий.

Библиографический список

1. Бугорина Т. С. Воспитание патриотизма средствами. – Санкт-Петербург: КАРО, 2004. – 224 с.
2. О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества: Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2025 № 28. – 2025. – № 3. – Ст. 123.
3. О подготовке и проведении празднования 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: Указ Президента Российской Федерации от 31.07.2023 № 568. – 2023. – № 31 (часть II). – Ст. 5124.

© Мокиевская Н. Е., Уморина А. А., Юкова А. С., 2025

УДК 377.44

ОБЪЕДИНЯЕМ УСИЛИЯ ДЛЯ ПОДДЕРЖКИ ДЕТЕЙ С ОВЗ

EDN HKEGUR

Н. Е. Мокиевская

А. А. Уморина

А. С. Юкова

*Кандидат педагогических наук, доцент,
ORCID 0000-0002-5381-349X,
e-mail: nadmoki@yandex.ru,
студенты,
Пензенский государственный
технологический университет,
г. Пенза, Россия*

JOINING FORCES TO SUPPORT CHILDREN WITH DISABILITIES

N. E. Mokievskaya

A. A. Umorina

A. S. Yukova

*Candidate of Pedagogical Sciences,
Association Professor,
Students,
Penza State Technological University,
Penza, Russia*

Abstract. The paper considers a systematic approach to educational work aimed at the formation of professional and personal competencies of future specialists. Special attention is paid to the continuity of educational technologies between universities, schools and vocational education institutions, which contributes to the creation of a unified educational system.

Keywords: educational process; systematic approach; professional and personal competencies; continuity; inclusive education; volunteerism; children with disabilities.

Современная система высшего образования сталкивается с необходимостью переосмысления подходов к воспитательной работе, что обусловлено потребностью создания непрерывной системы воспитания в цепочке «школа-вуз», запросом общества на инклюзивные практики, требующие специальной подготовки будущих педагогов

В условиях современных требований к качеству образования особую значимость приобретает системный подход к формированию у студентов не только профессиональных, но и личностных компетенций. В данной работе рассматривается системный подход к формированию профессионально-личностных компетенций студентов, преимущество воспитательных технологий в системе «школа-вуз» совместно с инклюзивными аспектами воспитания через волонтерскую работу с детьми с ОВЗ.

В представленном исследовании под «воспитательной работой» будем понимать целенаправленный, системный про-

цесс формирования профессионально-личностных качеств студентов через интеграцию учебной, внеучебной и социальной деятельности [1].

С целью выявления уровня заинтересованности студентов в участии в воспитательных мероприятиях, организованных вузом, определения готовности студентов к волонтерской деятельности с детьми с ОВЗ, нами было проведено анкетирование среди 60 студентов ПензГТУ 2–3 курсов направления 44.03.04 «Профессиональное обучение (по отраслям).

Так, на вопрос «Готовы ли вы принимать участие в воспитательных мероприятиях для школьников или студентов СПО, организованных Вашим вузом?» ответы распределились следующим образом: «Да, мне это интересно» – 70 %, «Нет, не вижу в этом необходимости» – 30 %.

Таким образом, большинство опрошенных выразили готовность к участию в воспитательных мероприятиях, что свидетельствует о высоком потенциале вовле-

чения студенческой аудитории в социально-значимые проекты.

Важным аспектом исследования стало изучение волонтерского опыта студентов. На вопрос «Есть ли у вас опыт волонтерской работы?», ответы распределились следующим образом: «Да» – 60 %; «Нет, но хотел (а) бы попробовать» – 40 %.

Примечательно, что 40 % опрошенных не имеют опыта волонтерской деятельности, но выразили желание участвовать в ней, что указывает на значительный резерв для привлечения новых добровольцев.

Для понимания мотивационной составляющей респондентам был задан вопрос: «Какие мотивы могли бы побудить вас к участию в волонтерских проектах?»: «Желание помогать и приносить пользу» – 65 %; «Развитие soft skills» – 50 %; «Получение дополнительных баллов/поощрений от вуза» – 30 %; «Интерес к педагогической деятельности» – 25 %; «Другое» – 10 %.

Доминирующими мотивами оказались альтруистические (65 %) и прагматические (50 %), что показывает различную заинтересованность студентов в волонтерской деятельности.

«Готовы ли вы участвовать в волонтерской деятельности именно с детьми с ОВЗ?» «Да, конечно» ответили 70 % респондентов, «Возможно» – 20 %, «Нет» – 10 %.

«Как вы думаете, какие средства подготовки вы считаете наиболее нужными?»: «Курсы повышения квалификации» – 10 %, «Мастер-классы» – 20 %, «Информационное сопровождение» – 41 %, «Наставничество» – 29 %.

Полученные данные позволяют сделать вывод о необходимости дифференцированного подхода к организации мероприятий, сочетающие разнообразные форматы и гибкие условия участия, чтобы максимально вовлечь студенческую аудиторию в социально значимую деятельность.

Студентами-волонтерами ПензГТУ была разработана и проведена серия ме-

роприятий патриотической направленности в коррекционно-развивающих классах МБОУ СОШ № 51.

Воспитательные мероприятия для детей с ОВЗ, проводимые группой волонтеров, представляли собой сложноорганизованную систему психолого-педагогического воздействия, где особое значение приобретали два взаимосвязанных аспекта: социальная адаптация детей с ОВЗ и развитие у них эмоционального интеллекта. Эти компоненты выступали как фундаментальные условия для создания инклюзивного образовательного пространства, где каждый ребенок получал возможность: осваивать навыки конструктивного социального взаимодействия через специально организованную совместную деятельность.

Кроме того, в проведении системы воспитательных мероприятий с детьми с ОВЗ важно взаимодействие с родителями, вовлечение их в процесс воспитания и обучения своих детей. Родители, вовлеченные в систему воспитательной работы, организованную волонтерами, переставали быть просто наблюдателями, становились соавторами воспитательного процесса. Их глаза, наполненные надеждой и благодарностью, – лучшая оценка работы волонтеров ПензГТУ.

Такая волонтерская деятельность стала настоящей школой воспитания для всех её участников. Студенты, погружаясь в мир детей с ОВЗ, не просто оттачивали профессиональные навыки – они учились главному: видеть за диагнозом личность, чувствовать чужую боль и превращать ограничения в возможности. А дети, в свою очередь, получали не просто наставников, а искренних друзей, которые верят в них и вдохновляют на маленькие и большие победы. Ключевое условие успеха – интересные, полезные форматы взаимодействия для всех участников.

Практическая значимость исследования заключается в формировании профессионально-личностных компетенций сту-

дентов, развитии педагогических навыков через реальную практику работы с детьми с ОВЗ.

Библиографический список

1. Бондаревская Е. В. Воспитание как возрождение гражданина, человека культуры и нравственности. – Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2020. – 320 с.
2. Гриценко Л. И. Теория и методика воспитания: личностно-социальный подход. – М.: Академия, 2019. – 240 с.

© Мокиевская Н. Е., Уморина А. А., Юкова А. С., 2025

УДК 376.37

**К ВОПРОСУ О НЕДОСТАТКАХ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
СО СТЕРТОЙ ФОРМОЙ ДИЗАРТРИИ**

EDN HSKOYY

А. О. Панюшкина**Е. А. Колодовская***Магистрант,**e-mail: kisa.alinaoleg2015@gmail.com,**кандидат педагогических наук, доцент,**e-mail: anastasiya-sml@yandex.ru,**Смоленский государственный университет,**г. Смоленск, Россия***ON THE ISSUE OF THE DISADVANTAGES OF SPATIAL
AND TEMPORAL REPRESENTATIONS IN PRESCHOOL CHILDREN****A. O. Panyushkina****E. A. Kolodovskaya***Master's student,**Candidate of Pedagogical Sciences,**Associate Professor,**Smolensk State University,**Smolensk, Russia*

Abstract. This article examines the issue of the qualitative uniqueness of spatial and temporal representations in older preschool children with an erased form of dysarthria. These representations are formed with special features, which is associated with their insufficient speech development, which affects the understanding and independent use of verbal designations of temporal and spatial relations. The work highlights the stages of the ontogenetic formation of spatiotemporal representations in preschoolers with speech impairment, as well as outlines the features of their mental status.

Keywords: preschool children; speech disorders; erased dysarthria; spatial representations; temporal representations.

Правильная ориентировка в пространстве и времени – залог успешной ориентации в современном окружающем мире: для понимания сторон света, управления автомобилем, чтения карт, определения времени по часам и т.д.

Пространственно-временные представления – это представления о пространственно-временных отношениях и свойствах. Сюда относятся представления о величине, форме, размерах объектов, их относительном расположении, характеристиках движения и передвижения и т.д.

Самым сложным видом восприятия как психического процесса является восприятие времени и пространства.

В организме человека нет отдельного рецептора для восприятия времени и пространства, как например, улитка внутреннего уха для восприятия звуков или вкусовые сосочки на языке для восприятия

вкуса. Восприятие данных категорий осуществляется при одновременной согласованной работе зрительного, слухового, осязательного, кинестетического и вестибулярного анализаторов [5].

Освоение пространства и времени ребенком является долгим и трудоемким процессом. Ведущая роль в нем отводится накоплению жизненного опыта ребенком дошкольного возраста при выполнении им различных видов деятельности: подвижные и настольные игры, изобразительная и конструктивная деятельность, наблюдения во время прогулок и т.д. По мере взросления дошкольника освоение пространственно-временных представлений становится возможным посредством слова, то есть в целенаправленном обучении.

Сводный анализ этапов развития пространственно-временных представлений в онтогенезе приведен в таблице 1 (табл. 1) [2; 5].

Таблица 1

**Возрастные периоды развития пространственно-временных представлений
в онтогенезе**

Возраст- ной пе- риод	Ориентировка в пространстве	Ориентировка во времени
Первый год жи- зни	1) фиксирование стимула взглядом; 2) формирование ориентировочного ре- флекса; 3) слежение за предметом глазами в гори- зонтальном, затем и в вертикальном поло- жении.	
1-2 года	1) восприятие предметов по отдельности, вне пространственных связей, изолирован- но друг от друга; 2) отсутствие страха высоты.	
2-3 года	1) восприятие отдельных предметов ре- бенком в пространственных взаимосвязях при условии их пространственной близо- сти; 2) показ ребенком где голова, уши, рот, ноги и т.д. на своем теле и телах других людей и предметах.	
3-4 года	1) ориентация в расположении частей своего тела и различение в соответствии с ними пространственных направлений от себя: вверх-вниз, спереди-сзади, справа- слева, на, над, под; 2) различение правой и левой руки.	1) ориентация в контрастных временах суток: утро-вечер, день-ночь; 2) понимание смысла слов «утро», «день», «вечер», «ночь».
4-5 лет	1) определение пространственных пред- ставлений от себя, движение в заданном направлении; 2) обозначение словами положения пред- метов по отношению к себе (передо мной стол, слева окно, ...).	1) знание частей суток, их характерных особенностей, их последовательность; 2) умение объяснить значение слов «вче- ра», «сегодня», «завтра».
5-6 лет	1) ориентация в окружающем простран- стве, понимание смысла пространственных отношений, движение в заданном направ- лении; 2) умение ориентироваться на листе бу- маги.	1) представление о том, что утро, день, вечер, день, ночь составляют сутки; 2) установление временной последова- тельности событий в условиях конкретной ситуации: что было сначала, что потом, ка- кой день сегодня, какой будет завтра.
6-7 лет	1) ориентация на бумаге, доске, странице, книге, называние положения предметов (левее, правее, в правом нижнем углу и т.д.); 2) умение читать простейшую графиче- скую информацию	1) знание последовательности всех дней недели, месяцев, времен года; 2) использование в речи словами- понятиями (сначала, потом, до, после, позже и т.д.); 3) умение определять время по часам в часах (при обучении).

Из этой таблицы видно, что формиро-
вание пространственно-временных пред-
ставлений в онтогенезе проходит ряд по-
следовательных этапов.

Сейчас в практике логопедов наблю-
дается большое количество детей, имею-
щих речевое нарушение «стертая дизарт-
рия». Стертая дизартрия, по мнению

Л. В. Лопатиной, это речевая патология, выражающаяся в расстройствах фонетического (звукопроизносительного) и просодического (выразительного и интонационного) компонентов речевой функциональной системы, которая возникает вследствие невыраженного микроорганического поражения головного мозга [1].

Стертая дизартрия характеризуется нечеткой артикуляцией звуков, их искажением, невыразительностью речи и отсутствием интонации.

Психическое же развитие дошкольников со стертой дизартрией проявляется некоторой задержкой и искажением формирования высших психических функций и процессов, в том числе и пространственно-временных представлений.

Дети дошкольного возраста, имеющие стертую форму дизартрии, неточно понимают и неправильно используют пространственные предлоги в речи, а значит, не полностью осознают пространственные отношения между предметами [3].

Неполноценность пространственно-временных представлений также проявляется у детей при овладении чтением и письмом [6]. Данный факт при чтении проявляется в ошибках различения графически сходных букв, трудностях понимания сложных грамматических конструкций, вызванных затруднениями восприятия пространственной конструкции предложения. А на письме часто встречаются несоблюдение полей, смешение сходных по написанию букв и трудности выделения красной строки.

Кроме того дошкольники со стертой формой дизартрии испытывают затрудне-

ния при рисовании и конструировании целого из частей.

Ребята дошкольного возраста зачастую не умеют определять время по механическим часам.

Так, без коррекционной работы данные трудности сами не пройдут, а могут только усугубиться и повлечь за собой возникновение новых проблем в будущем обучении ребенка, не только при освоении чтения, письма и счета в начальной школе, но и при изучении геометрии, географии, истории, иностранных языков в среднем и старшем школьных звеньях.

Библиографический список

1. Баряева Л. Б., Лопатина Л. В., Филатова И. А. Диагностика и коррекция нарушений двигательной сферы у дошкольников со стертой дизартрией. УМЦ «Добрый мир». 2021. 118 с.
2. Литвинова К. В. Формирование пространственных представлений у детей дошкольного возраста в онтогенезе // Страничка дефектолога. 2019. <https://tpmpk8.ru/metodicheskie-materialy-1/stranicka-defektologa/formirovanie-prostranstvennyh-predstavleni-u-detey-dosholno/> (дата обращения 14.03.2025).
3. Люблинская А. А. Детская психология. Просвещение. 1971. 415 с.
4. Николаева Е. И. Психофизиология. Психологическая физиология с основами физиологической психологии. Москва: Пер СЭ Ай Пи Ар Медиа. 2024. 623 с.
5. Цейтлин С. Н. Семантические категории в детской речи. СПб., 2007. 436 с.
6. Чункевич Н. В. Развитие пространственно-временных представлений в речи дошкольников с ОНР // Дефектология Проф. № 22744. https://www.defectologiya.pro/zhurnal/razvitie_prostranstvenno_vremennyykh_predstavlenij_v_rechi_u_doshkolnikov_s_onr/ (дата обращения 20.02.2025).

© Панюшкина А. О., Колодовская Е. А., 2025

УДК 796

СРАВНЕНИЕ КАРДИО-РЕСПИРАТОРНОЙ АДАПТАЦИИ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В ПРОЦЕССЕ ТРЕНИРОВОК

EDN HTEULF

В. А. Романюк

Е. С. Вага

*Старший преподаватель,
e-mail: karelianmarathon@mail.ru
студентка,
Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск, Россия*

COMPARISON OF CARDIO-RESPIRATORY ADAPTATION IN MEN AND WOMEN IN THE PROCESS OF TRAINING

V. A. Romaniuk

E. C. Vaga

*Senior Lecturer,
Student,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia*

Abstract. In the modern world, physical activity plays a key role in maintaining health and preventing cardiovascular diseases. However, physiological differences between men and women can significantly influence the adaptation of the cardiorespiratory system to training loads. Studying these differences is important for developing individualized training programs aimed at enhancing the effectiveness of sports activities and reducing the risk of overloads. The aim of this work is to investigate gender differences in cardiorespiratory adaptation, as well as to determine optimal training strategies for men and women, which will improve their sports performance and overall health. The methods and organization of the study involved literature analysis and comparative analysis of indicators between men and women during testing. The results of the study and conclusions: the research on gender differences in cardiorespiratory adaptation revealed that the physiological characteristics of each group significantly affect the effectiveness of training and the body's adaptation to physical loads.

Keywords: cardiorespiratory adaptation; male; female; physical culture; students; sports.

Введение. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью оптимизации тренировочных программ с учетом половых особенностей, что позволит повысить их эффективность, снизить вероятность травм и улучшить показатели выносливости. Полученные результаты могут быть полезны как для профессиональных спортсменов, так и для любителей, а также для специалистов в области спортивной медицины и фитнеса. Несмотря на большое количество исследований в области спортивной физиологии, вопрос о гендерных различиях в кардиореспираторной адаптации остается недостаточно изученным. Современные данные свидетельствуют о том, что мужчины и женщины демонстрируют различную динамику в частоте сердечных сокращений, минутном объеме сердца, потреблении кислорода и уровне лактата при физических нагрузках.

Физическая культура – одна из важных составляющих поддержания здоровья человека. Влияние физических нагрузок на кардио-респираторную систему у мужчин и женщин имеет как общие закономерности, так и свои особенности, обусловленные анатомо-физиологическими и гормональными различиями. Физическое развитие и телосложение женщин отличается от мужского, что обусловлено в первую очередь различными размерами органов и физиологическими показателями. Нагрузка, которая оптимальна для среднестатистического мужчины, не будет полезной для женского организма.

По статистике у мужчин мышечная масса составляет примерно 40–45 % массы тела, а у женщин этот показатель равен примерно 35 %, что дает мужчинам большую силу. Мышцы у мужского пола более развиты, чем у женского. В то время как

жировая ткань у женщин составляет около 28 % массы тела, а у мужчин – 18 %. У мужчин сердце и объем крови, как правило, больше и весит в среднем 300 г, это обеспечивает более высокий ударный объем – количество крови, выбрасываемое за одно сокращение. Женское сердце весит в среднем 220 г, и у женщин в покое и при нагрузке ЧСС обычно выше, так как меньший ударный объем компенсируется увеличением частоты. У мужчин систолическое давление при нагрузке растет сильнее, чем у женщин, так как у них больше мышечная масса и более высокая симпатическая активность.

У мужчин выше максимальная вентиляция легких, так как у них более крупные дыхательные пути и больше объем легких. У женщин дыхательные пути более узкие и объем легких меньше, диффузная способность ниже, что может ограничивать доставку кислорода при интенсивных нагрузках, соответственно и частота дыхания у девушек меньше, что также еще обусловлено размером грудной клетки и типом дыхания. Женщины чаще используют грудное дыхание за счет вспомогательной мускулатуры, а мужчины – брюшное, что может влиять на эффективность газообмена. Все это указывает на более низкие функциональные возможности сердечнососудистой и дыхательной системы у женского организма. У мужчин на 20–25% выше максимальное потребление кислорода (МПК) – это наибольшее количество кислорода, выраженное в миллилитрах, которое человек способен потреблять в течение 1 минуты. МПК измеряется в мл/кг/мин и считается главным маркером выносливости. Это связано с тем, что у мужчин больше мышечная масса, сердечный выброс и больше гемоглобина. У женщин лучше развито окисление жиров, что может отодвигать наступление лактатного порога при умеренных нагрузках; лактатный порог – это уровень нагрузки, при котором молочная кислота вырабатывается быстрее, чем успевает

утилизироваться. Говоря простым языком, это выносливость, или самый быстрый темп, который возможен без превышения уровня лактата в крови. Чем выше лактатный порог, тем интенсивнее и дольше может работать организм. Также женщины быстрее восстанавливают ЧСС после нагрузки, но зато у мужчин выше способность к повторным высокоинтенсивным тренировкам.

Не мало важное значение имеют гормональные влияния. Женский половой гормон – эстроген способен уменьшить болезненность мышц после тренировки и ускорить восстановление. Повышает выносливость за счёт изменения углеводного, жирового и белкового метаболизма. Способствует улучшению выполнения коротких упражнений – это связано с увеличением доступности глюкозы и её усвоения мышечными волокнами. Эстроген способствует образованию новых клеток, построению белков, жиров и углеводов, что приводит к увеличению мышечной массы (но в меньшей степени, чем тестостерон).

Фазы менструального цикла могут влиять на адаптацию к тренировкам – в предменструальную фазу наблюдается значительное увеличение массы тела, частоты пульса и дыхания, а также снижение максимального поглощения кислорода, наблюдается снижение работоспособности из-за уменьшения выработки эстрогена. Наблюдается наименьшая эффективность при выполнении напряжённых физических нагрузок. В фолликулярную фазу менструального цикла наблюдается увеличение силы и выносливости. Это связано со снижением уровня прогестерона повышением уровня эстрогена, который способствует улучшению метаболизма глюкозы. Кроме того, эстроген снижает разрушение мышечной ткани и поддерживает её регенерацию. Это делает данную фазу оптимальной для интенсивных тренировок, включая силовые упражнения и кардионагрузки.

Исходя из особенностей мужского организма – большая мышечная масса и сила, высокая анаэробная мощность и максимальная потребляемость кислорода, быстрое развитие гипертрофии мышц, склонность к гликолитическому энергообеспечению из-за чего быстрее развивается утомление при длительных тренировках. В соответствии с этим рекомендуемые тренировки для мужчин будут являться силовые тренировки, которые сосредоточены на приросте мышечной массы и силы – к ним относятся базовые упражнения, такие как жим лежа, становая тяга, приседания; интервальные и высокоинтенсивные тренировки – они сосредоточены на развитии анаэробной выносливости (в условиях гипоксии) и мощности; аэробные нагрузки, сосредоточенные на улучшении сердечного выброса и выносливости – сюда могут входить длительный бег, езда на велосипеде, плавание.

Исходя из особенностей женского организма – меньшая мышечная масса, лучшая выносливость и устойчивость к длительным нагрузкам, лучшее окисление жиров и экономия энергии, зависимость работоспособности от менструального цикла, меньший анаболический ответ на силовые тренировки, рекомендуемые тренировки для женщин будут являться комбинированные силовые тренировки, которые сфокусированы на развитии функциональной силы и тонуса мышц. Это могут быть различные выпады, тяги, приседания; циклические тренировки и тренировки на выносливость, они сосредоточены на жиросжигании и повышении аэробной выносливости, примерами таких тренировок могут быть длительный бег, плавание, ходьба, круговые тренировки с минимальным отдыхом между упражнениями. Также из-за особенностей женского организма стоит учитывать фазы менструального цикла – в фолликулярную фа-

зу рекомендуются силовые и интенсивные тренировки, так как именно в эту фазу у женщины лучшая работоспособность и лучше идет прирост мышечной ткани и восстановление. В фазу овуляции рекомендуется умеренная интенсивность тренировок и желательное избегание перегрева. В лютеиновую фазу рекомендуется избегать чрезмерных нагрузок, так как возникает риск переутомления, в этот период рекомендуются занятия йогой и растяжки.

Проба Руфье-Диксона, проведенная в нашем исследовании, представляет собой нагрузочный комплекс, предназначенный для оценки работоспособности сердца при физической нагрузке.

У мужчин в среднем более низкая частота сердечных сокращений (далее по тексту – ЧСС) в покое благодаря большому ударному объему сердца – среднее значение у мужчин 67,8 уд/мин, у женщин – 72,0 уд/мин.

Восстановление ЧСС после нагрузки идет быстрее из-за лучшей адаптации к физическим нагрузкам – среднее значение у мужчин 74,3 уд/мин, у женщин – 81,7 уд/мин. У женщин более высокая ЧСС в покое из-за меньшего размера сердца, и меньший ударный объем компенсируется увеличением частоты. По индексу Руфье стоит отметить, что у женщин он выше (в пределах нормы) по причине более высокой ЧСС и меньшей адаптацией к резким нагрузкам, а не вследствие патологий. По итогу данного теста различия в результатах между мужчинами и женщинами обусловлены анатомическими, гормональными и функциональными особенностями. Однако в здоровом состоянии оба пола должны укладываться в нормы, но более высокие результаты у женщин не означают плохую подготовку, а отражают естественные физиологические отличия.

Таблица 1

Тест Руфье-Диксона, мужчины

№	ЧСС покой (уд/мин)	ЧСС после нагрузки (уд/мин)	ЧСС после отдыха (уд/мин)	Индекс Руфье-Диксона	Оценка работоспособности сердца
1	68	112	74	5.4	средняя
2	65	108	72	4.5	средняя
3	70	118	78	6.6	удовлетворительная
4	62	104	68	3.4	средняя
5	72	120	80	7.2	удовлетворительная
6	66	110	72	4.8	средняя
7	64	106	70	4.0	средняя
8	69	115	76	6.0	средняя
9	71	122	82	7.5	удовлетворительная
10	67	114	75	5.6	средняя
11	72	90	70	3.2	средняя
Среднее значение	67,8	110,8	74,3	5,3	средняя

Таблица 2

Тест Руфье-Диксона, женщины

№	ЧСС покой (уд/мин)	ЧСС после нагрузки (уд/мин)	ЧСС после отдыха (уд/мин)	Индекс Руфье-Диксона	Оценка работоспособности сердца
1	72	124	82	7,8	удовлетворительная
2	75	130	86	9,1	слабая
3	70	120	80	7,0	удовлетворительная
4	68	118	78	6,4	удовлетворительная
5	74	128	84	8,6	удовлетворительная
6	71	122	80	7,3	удовлетворительная
7	73	126	83	8,2	удовлетворительная
8	69	116	76	6,1	удовлетворительная
9	76	135	88	9,6	слабая
10	72	125	82	7,9	удовлетворительная
11	72	108	80	6,0	средняя
Среднее значение	72	122,9	81,7	7,6	удовлетворительная

В работе были проведены различные дыхательные тесты, в ходе которых было установлено, что у мужчин из-за большего объема легких (в среднем на 20–25 % больше), крупной грудной клетке, мышеч-

ной массе, по пробе Штанге показывают лучшие результаты, чем женщины, так как вдох требует большего усилия диафрагмы и межреберных мышц.

Таблица 3

Дыхательные тесты, женщины

№	Задержка дыхания (сек)	Задержка дыхания после гипервентиляции (сек)	Проба Штанге (сек)	Проба Генчи (сек)
1	43	90	65	26
2	38	85	55	22
3	40	80	60	25
4	35	74	51	27
5	39	82	58	24
6	41	88	62	23
7	36	78	53	26
8	44	92	67	25
9	37	84	56	24
10	57	118	75	31

Таблица 4

Дыхательные тесты, мужчины

№	Задержка дыхания (сек)	Задержка дыхания после гипервентиляции (сек)	Проба Штанге (сек)	Проба Генчи (сек)
1	37	89	83	23
2	42	87	83	25
3	45	95	85	28
4	50	100	90	30
5	48	92	88	29
6	44	93	86	27
7	47	97	89	28
8	43	91	84	26
9	46	96	87	27
10	49	99	86	29

Сравнивая результаты в Таблице № 3 и № 4 можно отметить, что у мужчин выше толерантность к гипоксии (нехватка кислорода) из-за более активного использования анаэробных механизмов и большего резервного объема легких, поэтому после гипервентиляции мужчины задерживают дыхание на дольше. Также на лучшую адаптацию к гипоксии у мужчин указывает проба Генчи.

Вывод. В ходе исследования половых различий в кардио-респираторной адаптации у мужчин и женщин было установле-

но, что физиологические характеристики каждой группы существенно влияют на эффективность тренировок и адаптацию организма к физическим нагрузкам. Мужчины, обладая большей мышечной массой и объемом сердца, демонстрируют более высокие показатели ударного объема и систолического давления при нагрузках. В то же время женщины отличаются большей частотой сердечных сокращений и меньшим объемом легких. Кардиореспираторная адаптация к физическим тренировкам проявляется как у мужчин,

так и у женщин, однако существуют значимые гендерные различия в механизмах и степени этих адаптаций. В целом, тренировки приводят к улучшению сердечно-сосудистой и дыхательной системы у обоих полов, но важно учитывать физиологические особенности каждого пола для оптимизации тренировочных программ. Подбор упражнений должен быть адаптирован в зависимости от пола, возраста и уровня подготовки, что позволит повысить эффективность тренировок, минимизировать риск травм и способствовать улучшению показателей. Наибольший эффект достигается при комбинации силовых, аэробных и функциональных тренировок с индивидуальным подходом. Установлено, что анатомо-физиологические и гормональные отличия между мужчинами и женщинами приводят к различной динамике в частоте сердечных сокращений, минутном объеме сердца и потреблении кислорода. Это подчеркивает необходимость индивидуального подхода к тренировкам, основанного на

учете этих различий. Понимание половых особенностей кардио-респираторной адаптации позволяет разрабатывать более эффективные и безопасные тренировочные программы для различных групп населения, что способствует повышению их общих показателей здоровья и физической подготовленности.

Библиографический список

1. Тятенкова Н. Н. Физиология висцеральных систем. Часть 2: Физиология сердечно-сосудистой и дыхательной систем: текст лекций / Н. Н. Тятенкова; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2013. – 68 с.
2. Храмцова, Ю. С. Физиология дыхательной и сердечнососудистой систем: практикум / Ю. С. Храмцова; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. – 108 с.
3. Заика Э. М. Физиология сердечнососудистой системы: Конспективный текст лекций / под редакцией профессора Э. С. Питкевича. – Гомель: Гомельский государственный медицинский университет. 2005. – 53 с.

© Романюк В. А., Вага Е. С., 2025

УДК 371.14

**СИСТЕМНЫЕ РЕШЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ
ПЕДАГОГОВ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ**

EDN HTHDYI

Л. В. Серых

О. А. Демина

С. А. Пульная

*Кандидат педагогических наук, доцент,
заведующий кафедрой, e-mail: seryh_lv@beliro.ru
старший методист, e-mail: demina_oa@beliro.ru
старший методист, e-mail: pulnaya_sa@beliro.ru
Белгородский институт развития образования,
г. Белгород, Россия*

**SYSTEMIC SOLUTIONS IN PROFESSIONAL DEVELOPMENT
OF PRESCHOOL EDUCATION TEACHERS IN BELGOROD REGION**

L. V. Seryh

O. A. Demina

S. A. Pulnaya

*Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor, Head of the chair,
Senior Methodologist,
Senior Methodologist,
Belgorod Institute of Education Development,
Belgorod, Russia*

Abstract. The article examines the activities of resource sites in the preschool education system of the Belgorod region. Attention is focused on the relevance of the activities of resource sites, the effectiveness of their work in the areas of «development of competitive movement» and «formation of a mentoring system in a preschool educational organization». Research data are presented confirming the significance of the activities of resource sites as one of the forms of professional communities for the formation of pedagogical skills of teachers.

Keywords: professional communities; resource sites; preschool education; pedagogical skills; best practices.

Система дошкольного образования стремительно меняется, но неизменными остаются два стратегических направления:

- внедрение федеральных образовательных программ дошкольного образования;
- включение в образовательный процесс современных, инновационных программ, технологий, лучших практик дошкольного образования, ориентированных на развитие потенциала каждого ребенка, самооценку дошкольного детства и игры, как ведущей деятельности на этом этапе его развития, а также учитывающих региональные приоритеты и социальную общественно-политическую ситуацию.

Исследователи Маркова В. К., Иоффе А. Н., Бычкова Л. В. отмечают, что в последнее время в педагогической среде накоплен разнообразный опыт организации всероссийских и региональных коммуникативных сообществ педагогов.

По мнению Скворцовой Н. А., «профессиональное сообщество – это группа людей из двух и более человек, которые регулярно вступают между собой в контакт (лично или виртуально) с целью обмена опытом и профессиональными практиками». Общий алгоритм работы профессионального обучающегося сообщества в системе дошкольного образования заключается в прохождении нескольких этапов: выявление затруднений, совместное планирование работы, обмен информацией и взаимообучение, оценка эффективности деятельности.

С 2024 года в Белгородской области начато внедрение нового инструмента профессионального развития педагогов дошкольного образования, которым стали региональные ресурсные площадки. Ресурсные площадки – это 53 детских сада, имеющие кадровые, материально-технические и методические ресурсы для обобщения и трансляции на уровне регио-

на лучших практик по одному из приоритетных направлений развития дошкольного образования. Для реализации деятельности ресурсных площадок министерством образования разработаны и утверждены приказ, положение о региональной ресурсной площадке, список дошкольных образовательных организаций – ресурсных площадок по актуальным направлениям развития системы дошкольного образования Белгородской области.

Цели и задачи деятельности региональных ресурсных площадок были определены в ходе стратегической сессии. Участники мероприятия представили и обсудили с коллегами свое видение различных методических продуктов, которые будут представлены педагогической общественности по итогам года. Ключевые события площадок вошли в карту событийных мероприятий для максимальной информированности и включенности педагогов в инновационные процессы системы дошкольного образования.

Анонсирование и освещение карты событийных мероприятий осуществляется в Телеграм-канале «Дошкольник Белогорья», объединяющем около 5 тысяч педагогов, родителей, представителей общественности.

Деятельность ресурсных площадок посвящена вопросам реализации федеральных образовательных приоритетов: внедрению федеральных программ и оценке качества дошкольного образования, реализации воспитательного потенциала и формированию российской гражданской идентичности у дошкольников, психолого-педагогической поддержке семьи и созданию условий для инклюзивного образования детей.

Наряду с федеральной повесткой ресурсными площадками прорабатываются и региональные приоритеты: освоение навыков безопасности, финансовой грамотности и формирование основ ранней профориентации, развитие цифровых навыков у дошкольников, дистанционная

поддержка семьи и эффективные модели организации питания.

Одними из приоритетных направлений, по которым работают ресурсные площадки, являются развитие конкурсного движения и формирование системы наставничества в детском саду.

Командой педагогов по наставничеству организован и проведен региональный конкурс «Педагог – наставник года», победителем которого стала Суслова Марина, воспитатель из Валуйского городского округа. Опыт работы лучших наставников обобщается и готовится к распространению, победители и призёры конкурса внесены в региональный реестр наставников. Изучение лучших конкурсных практик наставничества включено в программу онлайн-стажировки по освоению сетевой формы реализации персонализированной программы наставничества, которая впервые проведена в августе этого года.

Командами ресурсных площадок по развитию конкурсного движения активно осуществляется деятельность по повышению мотивации педагогов к участию в профессиональных конкурсах, созданию условий для их профессионального развития. В эту работу включены члены регионального отделения «Созвездие Белогорья» Всероссийского клуба «Воспитатель года» «Созвездие».

Сплочение профессионального сообщества осуществляется в ходе автопробега «Конкурсных дел мастера». Инициативная группа педагогов ресурсных площадок выезжает в муниципальные образования для проведения различных активностей: мастер-классов, тренингов, дискуссий. Школа конкурсного мастерства позволяет выявить наиболее творческих, талантливых педагогов для их дальнейшей поддержки на профессиональном пути и при прохождении конкурсных испытаний.

Результатом системной работы является то, что более 350 педагогов дошкольного образования ежегодно принимают

участие в региональных этапах Всероссийских конкурсов «Воспитатель года России», «Воспитатели России», «Педагог-психолог», «Педагог-дефектолог», «Лучшая инклюзивная школа».

Семененко Анастасия Геннадьевна, воспитатель детского сада «Россияночка» поселка Чернянка, стала лауреатом Всероссийского конкурса «Воспитатель года России – 2023», Черных Ангелина Владимировна, педагог-психолог детского сада № 27 поселка Разумное Белгородского района, также вошла в число лауреатов Всероссийского конкурса «Педагог-психолог – 2024».

Панькова Марина Витальевна, старший воспитатель детского сада № 17 города Белгорода, в 2023 году награждена дипломом 2 степени Всероссийского конкурса «Воспитатели России» в номинации «Наставник – это призвание», в этой же номинации в 2024 году дипломом 1 степени награждена Мозговая Светлана Викторовна, заведующий детским садом № 74 города Белгорода.

С 2022 года по инициативе Губернатора Белгородской области проводится конкурс на присвоение почетного звания «Заслуженный воспитатель Белгородской области», которого удостоиваются ежегодно 5 лучших педагогов области. С 2023 года лучшим представителям каждой отрасли вручается нагрудный знак «Почетный наставник». В 2023 году по отрасли образование одним из обладателей этой награды стала Панькова Марина Витальевна.

Представленные системные решения способствуют раскрытию личностного, творческого потенциала каждого педагога

дошкольного образования Белгородской области, создают психологически комфортную среду для профессионального развития, что, в конечном итоге, содействует повышению престижа профессии педагога.

Библиографический список

1. Андрощук Н. А. Развитие профессиональной компетентности учителей в педагогическом сообществе: автореферат дис. кандидата педагогических наук: 13.00.01 / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 2016. С. 10–11. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01006649543#?page=1> (дата обращения: 01.02.2025).
2. Маркова В. К., Иоффе А. Н., Бычкова Л. В. Проблемно-ориентированные и коммуникационные обучающиеся сообщества педагогов (по материалам отечественных и зарубежных исследований) // Мир науки. Педагогика и психология, 2021. № 2, <https://mir-nauki.com/PDF/01PDMN221.pdf> (доступ свободный).
3. Тихомирова О. В. Профессиональные обучающиеся сообщества учителей как среда улучшения качества преподавания в сельской школе // Педагогика сельской школы. 2022. № 3 (13). С. 132–154. <http://dx.doi.org/10.20323/2686-8652-2022-3-13-132-154>. <https://elibrary.ru/lnehru> (доступ свободный).
4. Тихомирова О. В. Организация тьюторского сопровождения профессионального развития педагогов школ с низкими образовательными результатами: методическое пособие. Ярославль: ГАУ ДПО ЯО ИРО, 2021. 168 с.
5. Скворцова Н. А. Профессиональное обучающееся сообщество как ресурс педагогического роста // Образовательная панорама, 2022. № 1 (17). С. 61–66. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49395926> (доступ свободный).

© Серых Л. В., Демина О. А., Пульная С. А., 2025

УДК 377.5

ВЛИЯНИЕ МЕРОПРИЯТИЙ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ НА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

EDN HVMYHS

И. М. Скрипка
Н. В. Деркач
С. А. Олейникова

Ю. И. Перепечай

Заведующий, e-mail: skripka_im@beliro.ru,

методист, e-mail: derkach_nv@beliro.ru,

старший методист,

e-mail: olejnikova_sa@beliro.ru

методист, e-mail: perepechay_ui@beliro.ru

Центр маркетинга образовательной

деятельности,

Белгородский институт развития образования,

г. Белгород, Россия

THE IMPACT OF PATRIOTIC EVENTS ON THE SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION OF STUDENTS OF PROFESSIONAL EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

I. M. Skripka
N. V. Derkach
S. A. Oleinikova
Yu. I. Perepechay

Head,

methodologist,

senior methodologist,

methodologist,

Educational Activity Marketing Center,

Belgorod Institute of Educational Development,

Belgorod, Russia

Abstract. A few years ago, Russian students had a distorted perception of patriotic values. Currently, patriotism is one of the most relevant areas in the field of education of modern youth. The article examines the impact of patriotic events on the spiritual and moral development of students, as well as the specifics of involving students of professional educational organizations in their organization and conduct. In the process of implementing this direction, students develop the values and personal qualities necessary for life in modern society. In this regard, professional educational organizations play an important role in shaping the foundations of patriotism among the younger generation.

Keywords: patriotism, values, education, students, youth, professional college, state symbols, Russia, formation, orientation, civic identity.

В России патриотизм является одним из приоритетных направлений государственной политики и имеет огромное значение в обеспечении устойчивой национальной безопасности страны. Текущий 2025 год президент России Владимир Путин объявил Годом 80-летия победы в Великой Отечественной войне и Годом мира и единства в борьбе с нацизмом. В связи с этим тема патриотизма является как никогда актуальной и значимой в воспитании подрастающего поколения.

Патриотизм выступает основой национального самосознания народа, выража-

ясь в любви и преданности Родине, а также играет большую роль в формировании личности подрастающего поколения. Патриотизм является одной из основных этических норм личности, совокупность знаний, оценочных суждений, социальных установок, обеспечивающих обоснование индивидуального отношения человека к Родине [1]. Поэтому систематическая и целенаправленная работа по формированию у студентов патриотического сознания является основой патриотического воспитания. Еще Н. Г. Чернышевский указывал на то, что истинный «патриот –

это человек, служащий родине, а родина – это, прежде всего, народ».

Современная молодежь не всегда может отличить настоящий патриотизм от ложных призывов. Поэтому образовательные организации играют важную роль в создании условий для социализации личности и формирования ее идентификационных установок в обществе граждан России [4].

В колледжах и техникумах студенты проводят основное время, и от того, как построена воспитательная работа со студенческой молодежью, зависит как будет складываться будущее нашего государства. Поэтому для воспитания студенческой молодежи в духе патриотизма, важно совершенствовать формы и методы работы в соответствии современным требованиям. В этой связи особое внимание необходимо уделять воспитанию у студентов интереса к историческому прошлому нашей Родины, укреплять национальные и культурные традиции многонациональной страны.

Система патриотического воспитания студентов в профессиональных учреждениях осуществляется как в учебное, так и внеучебное время. В колледжах и техникумах функционируют различные объединения и кружки духовно-нравственной, историко-краеведческой, военно-патриотической направленности.

В. А. Сухомлинский отмечал, что человек становится патриотом и обретает счастье только в служении Отечеству, поэтому для того чтобы направление патриотического воспитания было эффективным, необходимо вовлекать студентов в активное участие в мероприятиях духовно-нравственной и патриотической направленности, в которых транслируется соблюдение социокультурных традиций нашей многонациональной страны, акцентируется внимание на готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите Родины в рядах российской армии.

Для студенческой молодежи профессиональная образовательная организация должна стать центром формирования духовно-нравственных и патриотических ценностей, где они получают необходимую информацию, участвуя в диспутах, беседах, круглых столах, викторинах патриотической направленности, повышая знания о своей стране, ее истории, культуре, религии, героях и тружениках.

В стенах профессиональных колледжей и техникумов готовят не только специалистов определённой сферы деятельности, но и создают особую настройку по формированию гражданско-патриотических качеств у студентов, чтобы студенты, как настоящие патриоты, знали и уважали символику своей Родины, сохраняли и приумножали её богатства, знали историю и культуру страны, понимали и правильно оценивали события, происходящие в ней.

Следует понимать, что патриотизм формируется постепенно, в течение всей жизни по мере взросления человека как личности. Поэтому воспитание является одним из главных инструментов формирования патриотизма, а воспитание патриотическое – связано с общечеловеческими ценностями, с защитой Родины [5].

С целью расширения у студентов знаний об истории и культуре своей родины и формирования нравственности и патриотизма в профессиональных образовательных организациях работа проводится по следующим направлениям:

- духовно-нравственное воспитание;
- культурно-историческое воспитание;
- военно-патриотическое и спортивное воспитание.

В рамках духовно-нравственного воспитания для студентов проводятся круглые столы, дискуссии, беседы, встречи с ветеранами, благотворительные и волонтерские акции. Целью проведения данных мероприятий является формирование у студентов чувств долга, честности, верности Родине, справедливости. Также с обучающимися проводятся опросы, анкети-

рования, которые помогают узнать, что они понимают под словами Родина, долг, ответственность, верность, толерантность.

По результатам проведения мероприятий духовно-патриотического воспитания, студенты активно приняли участие в анкетировании на тему «Патриотизм сегодня». Результат анкетирования показал, что студенты соотносят патриотизм с уважением к своей Родине, гордостью ее достижениями, для них патриотизм – это любовь к малой Родине, семье, месту, где родился. А также преданность своему Отечеству. Патриот, по мнению студентов, должен иметь в себе следующие качества: преданность, мужественность, смелость, храбрость, честность. Всегда должен быть готовым встать на защиту своей Родины.

В беседах и диспутах патриотической направленности, студенты отмечают, что патриотизм проявляется в соблюдении и сохранении культурных ценностей и обычаев своей страны, а также защиты ее границ. Поэтому для укрепления патриотизма необходимо воспитывать у подрастающего поколения не только чувство любви к Родине, но и желание изучать ее многонациональную историю и культуру.

Для того, чтобы сформировать чувство патриотизма у подрастающего поколения в профессиональных образовательных организациях проходят встречи с ветеранами Великой Отечественной войны и участниками специальной военной операции. В ходе проведения данных встреч студенты имеют возможность побеседовать с героями, патриотами своей страны, задать им вопросы, узнать, какие подвиги совершены с целью защиты нашей Родины, а также поделиться историями о подвигах, которые были совершены их родственниками.

С целью культурно-исторического воспитания, студенты профессиональных образовательных организаций изучая историю своей страны, посещают экскурсии, в том числе виртуальные, по местам

военной славы, смотрят исторические, документальные фильмы, разрабатывают свои проекты историко-культурной направленности. Данная работа формирует у студентов активную гражданскую позицию, чувство сопричастности, гордости за свою Родину и чувство ответственности за её будущее.

Важной частью данного направления является проведение совместных мероприятий для обучающихся и их родителей. Преемственность поколений, уважением к старшим, семейные традиции и ценности – основа для развития таких качеств как ответственность, честность, верность и справедливость.

В рамках военно-патриотического и спортивного воспитания студенты принимают участие в военно-спортивных сборах, соревнованиях и турнирах. Для них организованы военно-патриотические лагеря, слёты, мастер классы по основам военной подготовки. Данные мероприятия способствуют развитию умений и навыков военной службы, её популяризации. А также формируют физическую выносливость, укрепляют волю студентов и способствуют воспитанию у подрастающего поколения нравственных качеств настоящих патриотов, защитников своей Родины.

Таким образом, главную роль в образовательной организации следует отнести к воспитанию высших патриотических идеалов и ценностей, а деятельность педагогического коллектива профессиональной образовательной организации по патриотическому воспитанию студенческой молодежи нужно вести с учетом возрождения самоидентификации российской гражданственности. Педагоги должны быть всесторонне подготовлены к данному направлению работы, знать требования современных нормативных актов, систематически изучать передовой опыт по данной тематике, учитывать в своей работе запросы студентов, а также проявлять творческую инициативу в своей работе.

Библиографический список

1. Андреев Э. М. Патриотизм // Социология молодежи. Энциклопедический словарь. Москва: Academia. 2008. 606 с.
2. Воронина И. К. Значение, методы и формы гражданско-патриотического воспитания студенческой молодежи // Молодой ученый. – 2015. – № 17.
3. Иванова А. Д. Патриотическое воспитание молодежи в системе военно-патриотического туризма // Молодой ученый. 2019.
4. Молодежь, конкуренция, работоспособность: монография / под ред. Акад. РАО Г. Ф. Шафранова – Куцева. – Тюмень: Изд. Тюменского государственного университета, 2019.
5. Романцев Г. М., Федоров В. А., Осипова И. В., Тарасюк О. В. Профессионально-педагогические понятия: словарь. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та. 2005.
6. Снопко, Н. М. Психологические механизмы и педагогические основы патриотического воспитания в системе профессионального образования: автореф. дисс. М., 2007.

© Скрипка И. М., Деркач Н. В., Олейникова С. А., Перепечай Ю. И., 2025

УДК 378 (575.1)

**ИНКЛЮЗИВНАЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

EDN HYDKFL

Ф. У. Сугуралиева

*Кандидат исторических наук, преподаватель,
ORCID 0009-0009-7617-3366,
e-mail: feruzausarova@gmail.com,
Ташкентский государственный педагогический
университет им. Низами,
г. Ташкент, Узбекистан*

**INCLUSIVE REBOOT IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM
OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN****F. U. Suguralieva**

*Candidate of Historical Sciences, Lecturer,
Tashkent State Pedagogical University
named after Nizami,
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. The article is devoted to the implementation of inclusivity in the higher education system of the Republic of Uzbekistan. In the context of rapid changes in the social sphere of the republic, an inclusive approach in the higher education system is becoming a key factor in ensuring equal access to quality education for all applicants, without exception. The author examines the main aspects of inclusion in the system of continuing education, highlighting higher education institutions. The article focuses on changes in the legislative framework and institutional transformations aimed at launching an inclusive reboot of the higher education system in Uzbekistan, in order to implement the concept of a welfare state and create conditions for young people who need special support from the government.

Keywords: inclusion; education; constitution; concept; sustainability; universities; development; Uzbekistan.

Введение. В условиях быстроменяющегося мира и стремительного развития современных технологий система высшего образования во всем мире переживает период реформ и модернизации, в этом плане Узбекистан не стал исключением. Важным фактором данных изменений становится внедрение инклюзивных подходов в образовательный процесс, которые призваны обеспечить равные возможности для всех граждан, независимо от их физических или умственных особенностей. В этом контексте тема инклюзивной перезагрузки в системе высшего образования Республики Узбекистан имеет высокую актуальность по нескольким ключевым причинам.

Прежде всего, инклюзивное образование является важнейшим аспектом социальной политики, направленной на улучшение качества жизни людей с ограни-

ченными возможностями. Кроме того, на сегодняшний день, Узбекистан активно модернизирует свою систему образования в рамках национальной программы «Образование-2030», ориентированной на повышение качества образования, совершенствование инфраструктуры и создание условий для инклюзивности в образовательном процессе. В этом вопросе большую роль играет наработанный мировой опыт, который не только изучается со стороны компетентных отечественных образовательных органов, но и успешно адаптируются отдельные ее элементы к национальной специфике системы высшего образования.

В последние десятилетия мировая образовательная практика всё более ориентируется на инклюзивность как основу устойчивого развития и социальной справедливости. Нельзя не согласиться с тем,

что инклюзивное образование имеет долгосрочные позитивные последствия не только для отдельных студентов, но и для общества в целом. Когда люди с ограниченными возможностями имеют равные права на образование, это способствует их интеграции в общественную и экономическую жизнь, улучшает их трудоустройство и повышает качество жизни. Инклюзивная система образования помогает разрушить стереотипы, улучшить социальную среду и создать возможности для более эффективного использования человеческого потенциала страны.

В этой связи, предложенная тема инклюзивной перезагрузки в системе высшего образования Республики Узбекистан является крайне актуальной на сегодняшний день. Введение инклюзивных практик не только соответствует международным стандартам, но и отвечает на внутренние потребности общества в создании равных возможностей для всех студентов.

Методы исследования. Для исследования темы инклюзивной перезагрузки в системе высшего образования Республики Узбекистан был использован комплексный подход, который включает разнообразные методы исследования. Среди использованных методов исследования необходимо указать: анализ имеющейся документации и нормативных актов, касающиеся образовательных прав людей с ограниченными возможностями; сравнительный метод, позволивший сравнить образовательные практики и модели инклюзивного образования, применяемых в разных странах; контент-анализ, для изучения научных публикаций, учебных материалов, а также новостных статей и отчетов о внедрении инклюзивных практик в высшем образовании; эмпирическое исследование, включающий сбор первичных данных через наблюдения, участие в образовательном процессе и общение с непосредственными участниками образовательного процесса; качественный и количественный анализ, позволивший получить более полное представление о теку-

щем состоянии системы высшего образования в контексте инклюзии. Использование разнообразных методов исследования в научной статье позволило всесторонне изучить процесс внедрения инклюзивных практик в высшее образование Республики Узбекистан.

Основная часть. Современная образовательная политика Республики Узбекистан ориентирована на создание инклюзивного образовательного пространства, способствующего интеграции всех слоёв общества, включая людей с особыми образовательными потребностями. Переосмысление подходов в сфере высшего образования стало важным этапом в модернизации системы образования страны. Инклюзивная перезагрузка в системе высшего образования Узбекистана имеет целью устранение барьеров, создание равных возможностей для всех студентов, независимо от их физических и социальных особенностей.

Инклюзивное образование предполагает создание таких условий, при которых каждый человек, независимо от его физических, умственных или социальных особенностей, может получать образование на равных правах с другими. Принципы инклюзии включают уважение к разнообразию, справедливость, доступность, поддержку и индивидуализированный подход. Для Узбекистана внедрение инклюзивных практик в высшее образование является не только ответом на вызовы времени, но и стратегической целью, направленной на развитие страны в рамках глобальных образовательных тенденций.

На сегодняшний день в Узбекистане продолжается реформация высшего образования, которое в 2017 году объявило о начале реализации программы «Образование-2030», в рамках которой были поставлены амбициозные цели по модернизации учебных заведений, улучшению качества преподавания и внедрению новых образовательных технологий, а также запуск инклюзии. Важным шагом на пути инклюзивного образования стали измене-

ния в законодательной и нормативно-правовой базе, которые открыли двери для студентов с особыми потребностями.

Так, 29 апреля 2019 г. был принят Указ Президента Республики Узбекистан «Об утверждении Концепции развития системы народного образования Республики Узбекистан до 2030 года» [7].

На следующий год, 13 октября 2020 г. принимается Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы образования и воспитания детей с особыми образовательными потребностями» [4].

Еще одним правовым документом высокого уровня стало Постановление Президента Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по всесторонней поддержке лиц с инвалидностью, оказанию содействия их занятости и дальнейшему повышению социальной активности» [5].

Но особое внимание необходимо уделить принятой Концепции развития инклюзивного образования в системе народного образования в 2020–2025 гг., которая предусматривает обеспечение равных возможностей для получения образования и создание условий, необходимых для достижения успехов в образовании для всех детей, независимо от их индивидуальных особенностей, предыдущих образовательных достижений, языка, культуры, а также социального и экономического положения родителей [3].

Примечательно, что в «Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы» также определены приоритетные задачи, по представленной нами теме исследования, как совершенствование системы инклюзивного образования и трудоустройства, обеспечивающей вовлечение и активное участие лиц с инвалидностью в социально-экономической жизни общества (цель 66); обеспечение открытого и качественного образования для молодежи, обеспечение получения молодежью всестороннего образования на всех этапах

образования, создание условий для развития инклюзивного образования в регионах (цель 70) [1].

Перечисленная правовая база свидетельствует о целенаправленной и эффективной работе со стороны правительства, в сфере защиты прав молодых людей с ограниченными возможностями.

Еще в 2017 году на основе принятого Указа президента Узбекистана «О мерах по кардинальному совершенствованию системы государственной поддержки лиц с инвалидностью» было предусмотрено предоставление людям с инвалидностью преимущественных прав при поступлении в национальные вузы. Для абитуриентов с инвалидностью I и II группы была введена дополнительная двухпроцентная квота приема в вузы от общего количества приема абитуриентов. На вступительных экзаменах проходной балл для абитуриентов с инвалидностью снизили до 56,7 баллов (30 % от максимально возможного количества в 189 баллов). Абитуриенты с инвалидностью, которые набрали соответствующий балл, поступили на бюджетные места на основе государственного гранта [10].

Двухпроцентная квота и льготы для людей с инвалидностью, как считают некоторые эксперты [11], являются недостаточными мерами для обеспечения доступности высшего образования. Нашему государству предстоит проделать еще очень большую работу, для включения абитуриентов с ограниченными возможностями в полноценный образовательный процесс в вузах, так как получение высшего образования – это не только получение глубоких знаний, но и приобретение жизненных и социализационных навыков, и в этом плане, вузы должны быть адаптированы на полное и равное участие всех студентов без исключения. Для предоставления необходимых условий важно не только разработать и принять правовую базу, но и создать сопровождающие исполнения службы поддержки, адаптировать учебные здания и общежития с учетом доступности

для проживания молодых людей, нуждающихся в особом уходе. При этом сами университеты должны учитывать закладываемый бюджет для развития своего учебного процесса и учебных корпусов.

Действительно, реализация инклюзивных практик требует комплексных и активных действий со стороны учебных заведений, педагогов и властей. В ряде ведущих университетов Ташкента и действующих иностранных филиалов создана физическая доступность для студентов с ограниченными возможностями, среди них: Ташкентский исламский университет (ныне Международная исламская академия Узбекистана), Ташкентская медицинская академия, филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в городе Ташкенте, Вестминстерский международный университет в Ташкенте, Туринский политехнический университет в Ташкенте [9].

Особо выделим, Вестминстерский международный университет в Ташкенте, который активно прорабатывает инклюзивный вопрос и в этой связи, организовал и провел в мае 2022 г. конференцию высокого уровня на тему: «Инклюзивный университет». Инициатива его создания принадлежала специалистам из числа профессоров Британского Совета в Республике Узбекистан, Министерства высшего и среднего специального образования Узбекистана, Вестминстерского университета Великобритании и Узбекистана, а также Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан [2].

На конференции особую роль уделили вопросам, связанным с расширением прав и возможностей женщин, образованием девочек, доступом к образованию для людей с особыми образовательными потребностями и тех, кто представляет уязвимые и/или малообеспеченные семьи. Для усиления концепции Инклюзивности конференция была организована в гибридной форме с синхронным переводом на английский, узбекский и жестовый языки, а отдельные материалы были напечатаны шрифтом Брайля. Конференция проходила

в здании Вестминстерского международного университета в Ташкенте, где была полностью обеспечена доступность места проведения для участников с ограниченными физическими возможностями [2].

Проблемы внедрения инклюзивного образования в образовательное учреждение выдвигает на первый план внутрифирменную курсовую подготовку педагогов, что также позволяет реализовать главный принцип инклюзивного образования «не учащийся подгоняется под существующие в образовательном учреждении условия и нормы, а наоборот, вся система образования подстраивается под потребности и возможности конкретного учащегося». Именно такой вид подготовки позволяет организовать работу, направленную на гармонизацию взаимодействия здоровых студентов и студентов с ОВЗ, создание атмосферы эмоционального комфорта и взаимоприятия всех участников инклюзивного образовательного процесса [8, с. 320].

Одним из ключевых элементов инклюзивной перезагрузки является внедрение современных образовательных технологий, которые облегчают процесс обучения для студентов с особыми потребностями. Это могут быть электронные учебники, приложения для синтеза речи, специализированные программы для людей с нарушениями зрения и слуха, а также системы, помогающие адаптировать образовательные материалы в соответствии с индивидуальными потребностями студентов.

Преподаватели играют важную роль в реализации инклюзивного подхода. Важно, чтобы они не только имели теоретические знания в области инклюзивного образования, но и обладали необходимыми навыками для работы с разными категориями студентов. Ожидается, что преподаватели будут учитывать индивидуальные особенности каждого студента, использовать различные формы и методы преподавания, а также оценивать знания с учетом специфики.

3 декабря 2021 года в “Международный день инвалидов” президент Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиёев отметил: “Критически оценивая нашу работу с наиболее уязвимой категорией населения – инвалидами, мы и впредь будем мобилизовать все силы и возможности для того, чтобы они никогда не чувствовали себя одинокими, активно участвовали в общественной и экономической жизни” [6].

Несмотря на достигнутые успехи, существует ряд проблем, которые необходимо решать для эффективной реализации инклюзивного образования. И в этом может помочь международный опыт, который успешно внедрен в систему высшего образования в отдельно взятых странах.

Так, в университетах Великобритании выдается специальное студенческое пособие по инвалидности (*disability student allowance* или коротко DSA) для покрытия дополнительных расходов, которые могут возникнуть в высшем учебном заведении. Кроме студентов с инвалидностью это пособие могут получить студенты с долгосрочными нарушениями физического и ментального здоровья, трудностей в обучении, такими как, аутизм, дислексия, диспраксия (расстройство координации движения), СДВГ (синдром дефицита внимания при гиперактивности) и другие состояния, влекущими трудности в обучении. Размер данного пособия зависит от индивидуальных потребностей студента, а не от дохода его/ее семьи. Это пособие можно использовать для покупки специализированного оборудования, найма персональных помощников, на транспортные расходы и другое. Кроме того, при выборе университетов студенты с инвалидностью в Великобритании ориентируются в первую очередь на их официальные веб-сайты, где предоставляется подробная информация о физической доступности, возможности проведения вступительных экзаменов с учетом индивидуальных потребностей, а также получения социаль-

ной помощи в стенах университета (разумных приспособлений, финансовой и психологической поддержки) [9].

Внедрение инклюзивных практик в систему высшего образования Узбекистана – это процесс, требующий времени, ресурсов и усилий. Однако в долгосрочной перспективе он приведет к существенному улучшению качества образования и социальной интеграции людей с инвалидностью. Важно, чтобы это становилось частью национальной стратегии развития образования, что обеспечит равные возможности для всех студентов и позволит раскрыть их потенциал.

Будущее высшего образования Узбекистана будет зависеть от того, насколько эффективно удастся реализовать принципы инклюзивности и создать условия для учебы и жизни людей с особыми потребностями на равных с другими.

Выводы. В результате проведенного научного исследования были сделаны следующие выводы:

- проблема в неравном доступе к образованию заключается на ранних стадиях развития детей с инвалидностью. Многие, из которых даже при наличии легких форм инвалидности вынуждены обучаться в специализированных школах-интернатах, которые требуют инклюзивной адаптации;
- в условиях проблем инклюзивного среднего образования, необходимо понимать о сложности инклюзивном высшем образовании, в силу неравных стартовых позиций абитуриентов с ограниченными возможностями, в результате чего льгота в виде сниженных проходных баллов является полумерой при отсутствии инклюзивного подхода на начальных уровнях образования;
- инклюзивное образование в Республике Узбекистан является актуальной задачей, так как существует необходимость создания равных образовательных возможностей для студентов с ограниченными возможностями здо-

ровья (ОВЗ). Система высшего образования страны должна учитывать права этих студентов и предоставлять им доступ к качественному обучению на равных с другими гражданами;

- одним из ключевых факторов, препятствующих успешной реализации инклюзивного образования, является недостаток подготовленных кадров. Преподаватели и административный персонал нуждаются в специальной подготовке, которая включает знание принципов инклюзивного подхода, использование специализированных технологий и методов работы с различными категориями студентов;
- на данный момент во многих университетах страны ещё остаются проблемы с доступностью образовательных учреждений для студентов с ограниченными физическими возможностями. В некоторых вузах не хватает специализированного оборудования, которое обеспечивало бы равные условия для всех студентов.

Итак, на текущий момент внедрение инклюзивных практик в системе высшего образования Узбекистана находится на начальном этапе. Первоначальные усилия дают положительные результаты, однако для оценки их долгосрочной эффективности необходимо проводить регулярные исследования, опросы среди студентов, преподавателей и административного персонала.

Таким образом, внедрение инклюзивной перезагрузки в систему высшего образования Республики Узбекистан требует комплексного подхода, который включает в себя изменения в законодательной базе, подготовку преподавателей, создание доступной инфраструктуры и внедрение инновационных образовательных технологий. В будущем важным шагом станет дальнейшее улучшение условий для студентов с ограниченными возможностями, что позволит создать более равноправное и инклюзивное образовательное сообщество.

На основе проведённого исследования по теме инклюзивной перезагрузки в системе высшего образования Республики Узбекистан, предлагаются следующие **рекомендации**:

- для успешной реализации инклюзивного образования необходимо разработать комплексную государственную программу, которая должна быть адаптирована к особенностям образовательной системы Узбекистана и предусматривать поэтапное внедрение инклюзивных практик в университетах;
- одной из важнейших рекомендаций является создание системных программ обучения и переподготовки преподавателей и административных работников вузов по вопросам инклюзивного образования, так как качество преподавания и готовность преподавателей работать с различными категориями студентов является ключевым фактором успешной инклюзии;
- для создания полноценной инклюзивной образовательной среды необходимо провести работу по адаптации университетских зданий и кампусов, чтобы обеспечить не только физическую доступность, но и создание цифровых платформ, которые будут легко доступны для всех студентов, включая тех, кто имеет ограниченные возможности;
- для успешной инклюзии студентов с ограниченными возможностями важно обеспечить не только доступ к образовательным ресурсам, но и создать условия для их социальной адаптации в вузах, так как эти меры помогут создать инклюзивную культуру в университетах, улучшить взаимопонимание и взаимодействие среди студентов с разными возможностями;
- важно разработать систему мониторинга и оценки внедрения инклюзивных практик в вузах, чтобы обеспечить постоянное совершенствование образовательных процессов, который должен быть интегрирован в систему

оценки качества образования в Узбекистане и обеспечивать регулярные обновления о состоянии инклюзивности в вузах.

Приведенные рекомендации, в рамках исследования направлены на создание условий для полноценной интеграции студентов с ограниченными возможностями здоровья в образовательный процесс. Реализация данных рекомендаций поможет создать более доступную и инклюзивную систему высшего образования, соответствующую международным стандартам и обеспечивающую равные возможности для всех студентов.

Библиографический список

1. Абляров Ф. Инклюзивное образование в Узбекистане: текущие изменения и направления развития. <https://uzconsulate-aktau.kz/2024/>
2. Как в Узбекистане развивают инклюзивное высшее образование. <https://uzreport.news/society/kak-v-uzbekistane-razvivayut-inklyuzivnoe-visshee-obrazovanie>
3. Концепция развития инклюзивного образования в системе народного образования в 2020-2025 гг. от 13 октября 2025 года № ПП-4860. <https://lex.uz/ru/docs/5044745>
4. https://nrm.uz/contentf?doc=636677_koncepciya_razvitiya_inklyuzivnogo_obrazovaniya_v_sisteme_narodnogo_obrazovaniya_v_2020-2025_
5. Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы образования и воспитания детей с особыми образовательными потребностями от 13 октября 2025 года № ПП-4860. <https://lex.uz/ru/docs/5044745>
6. Постановление Президента Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по всесторонней поддержке лиц с инвалидностью, оказанию содействия их занятости и дальнейшему повышению социальной активности» от 21.11.2011 года № ПП-57. <https://lex.uz/docs/5789986>
7. Мирзиёев Ш. Президент рассказал, какие возможности получают инвалиды в Узбекистане. <https://uz.sputniknews.ru/20211203/prezident-rasskazal-kakie-vozmozhnosti-poluchat-invalidy-v-uzbekistane-21642670.html>
8. Указ Президента Республики Узбекистан «Об утверждении Концепции развития системы народного образования Республики Узбекистан до 2030 года от 29 апреля 2019 года № УП-5712
9. Шоев А. Х. Приоритетные направления развития инклюзивного образования в высших учебных заведениях Узбекистана // Iqtisodiyot va ta'lim. 2023. № 2. С. 320.
10. Юсупов Д. Узбекистан: как обеспечить доступность высшего образования для людей с инвалидностью? <https://cabar.asia/ru/uzbekistan-kak-obespechit-dostupnost-vysshego-obrazovaniya-dlya-lyudej-s-invalidnostyu>
11. Юсупов Д. Инклюзивное высшее образование. <https://www.gazeta.uz/ru/2019/03/02/disabled/>
12. Юсупов Д. Докторант Института исследований проблем развития (IDS) Университета Сассекса, участник Школы аналитики CABAR.asia (Ташкент)

© Суғуралиева Ф. У., 2025

UDC [37.016:78]:004.9

PERSPECTIVES AND CHALLENGES FOR TECHNOLOGY INTEGRATION IN VOCAL PEDAGOGY AND VOCAL HEALTH MANAGEMENT

EDN IQFKSL

Guo Guilan

*Postgraduate Student,
e-mail: guilanguo7@gmail.com,
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank,
Minsk, Belarus*

Abstract. The rapid evolution of information technology has catalyzed a paradigm shift in vocal pedagogy and vocal fold health management, transitioning from traditional empirical approaches to data-driven scientific methodologies. This article systematically examines the integration of multimedia tools, emerging media technologies, and acoustic diagnostics in vocal education, emphasizing their transformative potential in enhancing pedagogical efficacy and enabling real-time vocal health monitoring. Key innovations include virtual reality (VR) systems, quantitative acoustic parameters, and the dynamic equilibrium theory of light and heavy vocal mechanisms.

Keywords: vocal pedagogy; multimedia technology; vocal health management; acoustic diagnostics; interdisciplinary integration.

Vocal performance, as an intricate interplay of physiological coordination and artistic expression, has historically relied on subjective instructor expertise and abstract pedagogical frameworks. Traditional methodologies, rooted in the vocal register theory, often impose rigid requirements that lead to abrupt register transitions and heightened risks of vocal fold injury. Recent interdisciplinary collaborations between information technology, medical engineering, and vocal science have introduced innovative tools to address these limitations.

Multimedia platforms enhance pedagogical interactivity through audiovisual integration, while acoustic diagnostics enable real-time monitoring of vocal fold states via objective quantitative parameters. However, fragmented technological applications and cultural adaptability issues hinder the full realization of these tools' potential. This article synthesizes current research on technology integration in vocal pedagogy, critically evaluates existing challenges, and proposes a systematic perspective of the transformation of vocal education and health management.

The integration of multimedia tools has fundamentally reshaped vocal instruction paradigms and led to the emersion of technology-enhanced vocal pedagogy. For exam-

ple, T. Liu in his a pilot study at the Beijing Conservatory demonstrated that “VR (virtual reality) technology simulates realistic performance environments, allowing students to engage in immersive rehearsals that mimic live stage conditions” [3]. Coupled with intelligent feedback systems, VR enables real-time adjustments to vocal techniques, effectively reducing performance anxiety and enhancing stage presence. So, VR can be used to recreate concert hall acoustics, enabling students to visualize audience interactions and refine their projection strategies.

With advanced technology, there is still uneven distribution of resources that causes inequality, especially in rural areas in China. X. H. Wang soundly highlighted the democratizing role of online platforms such as MOOCs (Massive Open Online Courses), which “bridge geographical and resource disparities by providing global access to high-quality vocal training” [4].

In rural regions of China, where access to expert instructors is limited, mobile applications like WeChat have been leveraged for “listen-and-imitate” exercises. L. Xiong’s empirical study on innovative applications of new media technologies in vocal pedagogy revealed that instant audio-video feedback via these platforms considerably reduced

feedback cycles, significantly improving learning efficiency.

As L. Xiong argues, “students using WeChat-based vocal analysis tools achieved a 22 % improvement in pitch accuracy over a 12-week training period” [5]. Thus, advanced technology helps to bridge the gap between demand and supply and ensures equal opportunities for vocalists from all regions of China.

Advancements in acoustic diagnostics have revolutionized the monitoring of vocal health. In particular, C. P. Baker et al. [1] developed the theory of Aeroacoustic Singing Fatigue Index (hereinafter – ASFI), a multivariate model integrating CPPS, vibratory perturbations (VJitt, VShim), and glottal efficiency ratios (hereinafter – ER) to quantify vocal fatigue. CPPS stands for the Smoothed cepstral peak prominence, which is an acoustic measure of both steady vowels and connected speech.

The above mentioned study, involving 120 professional singers, demonstrated that ASFI parameters explained 62.4 % of variance in participants’ composite scores of three scale items related to vocal fatigue [1]. Notably, CPPS values below 8 dB (normal range: 11.58–18.02 dB) were identified as early indicators of incomplete vocal fold closure, enabling preemptive interventions such as hydration protocols or modified rehearsal schedules.

However, existing diagnostic models predominantly focus on Western classical techniques, neglecting the unique acoustic characteristics of ethnic singing styles. For example, “Tibetan folk singing exhibits a second formant (F2) averaging 1500 Hz, significantly higher than the 1000–1200 Hz range typical of Western bel canto (* $p < 0.01$)” [1]. Such disparities necessitate culturally adaptive revisions to diagnostic thresholds.

The dynamic equilibrium theory posits that light mechanisms (cricothyroid-dominant) produce high-frequency sounds through elongated vocal folds, while heavy mechanisms (thyroarytenoid-dominant) generate low-frequency sounds via fold thicken-

ing. The theory was developed by R. J. Li’s, who argues that “dynamic equilibrium theory provides a biomechanical framework for understanding vocal register transitions” [2].

Gradual coordination between these mechanisms enables seamless register transitions spanning 2.5–3 octaves, challenging traditional “breakpoint” training models. Clinical studies using electromyography (hereinafter – EMG) have validated this theory, showing that “optimal thyroarytenoid-cricothyroid muscle synergy (60–70 % EMG ratio) correlates with reduced vocal strain and extended vocal range” [2].

Despite their pedagogical benefits, VR and AI tools remain inaccessible to many institutions due to high costs and technical complexity. This is the first challenge for the broader implementation of the technology into vocal Pedagogy. A survey of 50 music schools conducted by T. Liu revealed that “only 18 % had integrated VR systems, primarily due to budget constraints” [3]. Furthermore, the lack of standardized evaluation frameworks complicates cross-platform efficacy comparisons. For instance, “VR platforms vary widely in immersion metrics (e.g., Presence Questionnaire scores ranging from 5.2 to 8.7/10), hindering objective assessments” [3].

Among the challenges, cultural and gender gaps have to be mentioned. Existing diagnostic models exhibit a Western-centric bias, failing to accommodate ethnic techniques such as Chinese opera’s «occipital resonance» or Mongolian throat singing’s dual-pitch harmonics. Additionally, transgender vocal physiology remains under-explored. Preliminary data indicate that “hormone therapy reduces vocal fold thickness by 1.2 mm in male-to-female singers, necessitating adjustments to ER thresholds” [1]. However, no standardized protocols exist for such adaptations, perpetuating health disparities.

The last challenge worth mentioning is the imbalance of theory and practice. While Li’s equilibrium theory offers groundbreak-

ing insights, its clinical application remains limited. Most vocal pedagogies continue to prioritize empirical methods over evidence-based techniques. For example, a 2022 survey of 200 vocal instructors conducted by X. H. Wang found that “only 35 % incorporated acoustic diagnostics into their curricula, citing a lack of training and resources” [4].

As for the systematic perspective of the transformation of vocal education and health management, there are several pathways that can be listed. They comprise physiological-technological synergy, culturally inclusive solutions, standardization and clinical translation, as well as ethical and cost-effective implementation. Let us consider those in more detail.

First, physiological-technological synergy implies integrating dynamic equilibrium principles with AI-driven monitoring systems. It can revolutionize vocal training, for instance, real-time ASFI thresholds (CPPS < 8 dB) combined with EMG data could trigger personalized interventions, such as head voice transition exercises or resonant tube therapy. Pilot studies at the Shanghai Conservatory demonstrated that such systems “reduced vocal fatigue incidence by 35% and improved range extension efficiency by 28 % over six months” [3].

VR-enhanced anatomical visualization tools, such as 3D laryngeal models reconstructed from CT scans, could further demystify biomechanical processes. For example, real-time rendering of vocal fold vibration phases (abnormal if open phase exceeds 30 %) enables students to correlate auditory feedback with physiological adjustments.

Secondly, culturally inclusive solutions are required. Developing a “Global Vocal Database” (e.g., EthnoVoice2023) is critical for capturing diverse singing traits. This database should include spectral analyses of ethnic techniques – such as the F1=400 Hz and F2=2500 Hz resonance patterns of Chinese opera’s “occipital resonance” – and transgender vocal adaptations. Machine learning algorithms could then tailor diagnostic thresholds to specific cultural or physiological

contexts, such as adjusting CPPS baselines to 12 dB for Mongolian throat singing.

Standardization and clinical translation, in their turn, lead to better transparency and global application of the technology. Establishing ISO/IEC 25010-compliant protocols for VR immersion indices (e.g., Presence Questionnaire scores $\geq 7/10$) and acoustic software validation (≥ 90 % accuracy against MEEI databases) is essential for scalability. Multi-center clinical trials (N=1000) should validate physiological optimal ranges for muscle synergy, such as thyroarytenoid-cricothyroid EMG ratios. For example, a 2023 trial at the Central Conservatory of Music demonstrated that bubble phonation exercises guided by CPPS monitoring (threshold >8 dB) achieved a 42% resolution rate for vocal nodules, verified via laryngeal CT scans (Cohen’s $d^*=1.2$).

Finally, promoting open-source platforms (e.g., VoiceToolkit on GitHub) and cost-reduced hardware (e.g., Huawei’s ASFI chips with convolutional neural networks) can democratize access to advanced tools. This can ensure ethical and cost-effective implementation. Blockchain architectures (e.g., Hyperledger Fabric) ensure data privacy and sovereignty, particularly for sensitive ethnic or transgender vocal data. Ethical guidelines must mandate algorithmic transparency (e.g., SHAP values for model interpretability) and prohibit the pathologization of cultural singing practices.

So, the integration of technology in vocal pedagogy and health management heralds a transformative era where scientific rigor complements artistic intuition. By harmonizing dynamic equilibrium monitoring, culturally adaptive databases, and standardized clinical frameworks, this interdisciplinary approach fosters a sustainable ecosystem for vocal artistry.

Multimedia platforms enhance pedagogical interactivity through audiovisual integration, while acoustic diagnostics enable real-time monitoring of vocal fold states via objective quantitative parameters. Key innovations include virtual reality (VR) systems for

immersive learning, quantitative acoustic parameters (e.g., Cepstral Peak Prominence Smoothed, vibratory frequency perturbations) for early detection of vocal fatigue, and the dynamic equilibrium theory of light and heavy vocal mechanisms, which provides a physiological foundation for seamless register transitions. Despite these advancements, challenges such as high implementation costs, cultural adaptability limitations, and insufficient interdisciplinary validation persist.

Future research should prioritize the development of AI-driven intelligent systems, culturally inclusive diagnostic models for ethnic singing techniques, and large-scale clinical trials to achieve personalized and sustainable advancements in vocal education and health management.

References

1. Baker C. P., Purdy S. C., Rakena T. O., Bonnini, S. It Sounds like It Feels: Preliminary Exploration of an Aeroacoustic Diagnostic Protocol for Singers // *Journal of Clinical Medicine*. – 2023. – Vol. 12(15). – URL: <https://doi.org/10.3390/jcm12155130> (accessed 18.05.2025).
2. Li, R. J. The balanced development of light and heavy functions in vocal training // *Journal of the Central Conservatory of Music*. – 2003. – Vol. 1. – P. 81–84.
3. Liu T. AI-driven vocal health monitoring in music education: A pilot study // *Journal of Voice Science and Technology*. – 2023. – Vol. 10(3). – P. 45–59.
4. Wang X. H. Acoustic characteristics of ethnic singing styles: A comparative study // *Ethnomusicology Review*. – 2022. – Vol. 45(2). – P. 112–130.
5. Xiong L. Innovative applications of new media technologies in vocal pedagogy // *Music Composition*. – 2018. – Vol. 3. – P. 189–190.

© Guo Guilan, 2025

UDC [377.55:005.963.1]-057.875

COMPETENCY REQUIREMENTS DIMENSIONS IN VOCATIONAL TRAINING IN CHINA

EDN JDSVRG

Wang Wei

*Postgraduate Student,
e-mail: 349206865@qq.com,
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank,
Minsk, Belarus*

Abstract. This paper discusses the competence requirements in vocational education in China, stressing the importance of vocational education for the cultivation of high-technology talents in the context of the country's socioeconomic transformation and upgrading. On the example of the Big data and accounting speciality in Zhengzhou City Vocational College, the research presents the scale of subject competencies and supra-subject competencies that are actively developed in China's professional vocational education.

Keywords: vocational education in China; competency-based approach; supra-subject competencies; competency matrix.

Vocational training is an important part of China's higher education. With China's social and economic transformation and upgrading in recent years, higher vocational education has grown from small to large and has formed an education model with Chinese characteristics in the exploration, and cultivated high-tech application professionals who can meet the needs of production, construction, management and service. Therefore, practice-oriented and technology-oriented dimensions of higher education are important priorities for higher vocational colleges, comprehensively improving students' practical skills and future job adaptability.

The theory of competency-based approach is actively introduced into the current practice of vocational education in China through the research of a number of Chinese scholars. For example, Li Weihua, professor of pedagogy at Beijing Normal University, has been actively researching and developing competency assessment models appropriate to the specifics of various sectors of the Chinese economy. His works emphasize the importance of integrating theoretical knowledge with practical experience, as well as the need to develop students' ability to self-learning and adapt to new technologies [2].

Another significant researcher in this field is Zhang Li, a professor at Zhejiang University. Her work focuses on competency-based

curriculum development and the introduction of active learning methods, such as project work and case studies, into vocational education. Zhang Li emphasizes that "the transition to a competency-based approach requires not only changes in curricula, but also the professional development of teachers, who should become facilitators of learning, not just transmitters of knowledge" [4].

It is also worth noting the works of Wang Hong, a professor at the Shanghai Normal University, who studies the impact of the competency-based approach on the employment of vocational education graduates. Her research shows that graduates who have undergone competency-based education are more competitive in the labor market and "adapt faster to the requirements of employers" [3].

"The Vocational Education Law of the People's Republic of China" [5] makes it clear that "vocational education refers to education that is carried out for the purpose of cultivating high-quality technical and skilled personnel, and equipping the educated with the comprehensive vocational qualities such as vocational ethics, scientific and cultural and professional knowledge, technical skills and the ability to take action required for engaging in a certain occupation or realizing vocational development, and stresses, in particular, that "Vocational education is a type of education that has the same importance as

general education, is an important part of the national education system and human resources development, and is an important way to cultivate diversified talents, pass on technical skills and promote employment and entrepreneurship” [5].

In the context of a dynamically developing economy and globalization, China's vocational education system is undergoing significant changes aimed at improving the competitiveness of the workforce and meeting the requirements of the labor market. One of the key areas of modernization is the expansion of requirements to the competencies of graduates.

As noted by researchers, employers are increasingly finding a high enough level of theoretical training of graduates of Chinese vocational education institutions, but almost complete lack of readiness for creative and flexible application of theoretical knowledge in practice.

Since the latter becomes a decisive factor in the effective professional activity of a specialist in the era of global changes, education for sustainable development should be based on the competence approach. In professional education, this approach implies goal-setting based on development and formation of professional and supra-professional competencies.

According to scientists, supra-professional competencies of future specialists are considered as an additional resource for their professional development. For example, C. Nagler Pons states, that it is the supra-professional competences “provide 80 % of the success of professional activity, successful and fast social and professional adaptation” [1].

Professional competencies are knowledge, skills and abilities required to perform specific types of work related to green technologies, energy efficiency, environmental management and other areas contributing to sustainable development. Supra-professional competencies, in their turn, are related to the formation of environmental culture and responsibility, sometimes they are referred to as soft or transferrable skills.

They comprise critical thinking, creativity, communication skills, teamwork skills, problem solving, and ability to change.

The introduction of the competency-based approach in Chinese vocational education is taking place simultaneously with the implementation of the student-centered approach. It is a complex and multifaceted process that requires revision of curricula, teaching methods and assessment system. The main idea is that graduates of vocational education institutions should possess not only theoretical knowledge, but also practical skills and key competencies necessary for successful professional activity. As Li Weihua claims, “These competencies are important for successful adaptation to changing labor market conditions, effective solution of professional tasks and continuous professional growth” [2].

We considered competency matrix for the speciality Big Data and Accounting at Zhengzhou City Vocational College and compiled a diagram that serves to visualize the two dimensions of competencies, namely subject competencies and supra-subject competencies (see figure 1).

Let us elaborate on supra-subject competencies that are actively developed in Chinese vocational education under the umbrella of the Education for Sustainable Development. These competencies are as follows.

1. Critical thinking and problem solving. This competency includes the ability to analyze information, identify problems, develop and evaluate alternative solutions, and make informed decisions. In the Chinese context, this is particularly important because the traditional education system has historically emphasized memorization and reproduction of knowledge rather than analytical thinking. The development of this competency involves the use of problem-based learning programs, case studies, debates, and project activities.

2. Communication skills. This competence includes the ability to communicate effectively in oral and written form, to listen

and understand the interlocutor, to negotiate, to work in a team and to present one's ideas. In the context of globalization, the importance of communication in foreign lan-

guages, especially English, is also emphasized. The development of this competence includes group projects, presentations, role plays and communication training.

Figure 1. Competency matrix for speciality Big Data and Accounting

3. Ability to work in a team and cooperate. This competency includes the ability to interact effectively with others, assign roles and responsibilities, resolve conflicts, and work together to achieve common goals. In Chinese culture, where collectivism and harmony are valued, teamwork is of particular importance. The development of this competency includes group projects, joint problem solving, participation in team competitions and team building training.

4. Information literacy. This competence includes the ability to effectively seek, evaluate, utilize and manage information from various sources. In the digital age, information literacy is becoming increasingly important for professional activities. The development of this competency includes learning how to search for information on the Internet, assess the credibility of sources, use various software tools to process and analyze information, and adhere to ethical norms of information use.

5. Self-learning and continuous professional development. This competence includes the ability to independently define learning objectives, find and utilize necessary resources, evaluate one's progress and adapt to new requirements. In a rapidly changing labor market, the ability to self-learning and continuous professional development becomes a key success factor. The development of this competency includes the use of individualized learning plans, project activities, self-assessment and portfolios, as well as access to online courses and other educational resources.

6. Innovative thinking and creativity. This competency includes the ability to generate new ideas, find non-standard solutions to problems, experiment and develop innovative products and services. As China strives to become a leader in innovation, developing innovative thinking and creativity is a priority. The development of this competency includes the use of brainstorming, design think-

ing, project activities, and participation in innovation project and start-up competitions.

7. Emotional intelligence. This competency includes the ability to understand and manage one's own emotions as well as the emotions of others, build effective interpersonal relationships, and adapt to various social situations. In Chinese culture, where interpersonal relationships and harmony are important, emotional intelligence plays an important role in professional activities. The development of this competence includes training on emotional competence, role-playing, analyzing situations of interpersonal interaction and practicing self-reflection.

8. Time management and self-organization. This competency includes the ability to effectively plan and organize one's time, set priorities, meet deadlines, and self-motivate oneself to complete tasks. In a highly competitive and fast-paced environment, the ability to manage time and self-organize is essential for success. Developing this competency includes learning time management techniques, setting goals and objectives, planning and tracking progress, and practicing self-discipline.

The above-mentioned supra-competencies are not taught as separate disciplines in China's vocational training context, but are integrated into the learning process through various activities such as projects, group assignments, case studies, role-plays, and internships.

It is obvious that graduates of this specialty should have both in-depth knowledge of accounting and big data skills and relevant

personal competencies, which will enable them to successfully solve complex tasks in today's digital economy in a sustainable development environment.

Therefore, the graduates of vocational education should possess not only theoretical knowledge, but also practical skills and key competencies necessary for successful professional activity. These competencies are important for successful adaptation to changing labor market conditions, effective solution of professional tasks and continuous professional growth.

Bibliography

1. Nagler C. Pons. The effects of personality on earning // *Journal of Economic Psychology*. – 2005. – № 26 (3). – P. 363–384.
2. Li W., Liu Y., Chen H. Competency-based vocational education and training in China. A critical review. // *International Journal of Research in Learning*. – 2010. – № 8 (2). – P. 146–163.
3. Wang, H. Challenges and strategies for implementing competency-based education in Chinese vocational schools / H. Wang // *Journal of Vocational and Technical Education*. – 2015. – № 32 (1). – P. 56–68.
4. Zhang J., Li M. The impact of enterprise participation on the development of vocational education in China // *Chinese Education & Society*. – 2018. – №51 (3). – P. 223–236.
5. 中华人民共和国职业教育法; 1996年5月15日通过 · 2022年4月20日修订 = Vocational Education Law of the People's Republic of China; Adopted on May 15, 1996, revised on April 20, 2022. – URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/sjzl_zcfg/zcfg_jyfl/202204/t20220421_620064.html (accessed: 29.12.2024)

© Wang Wei, 2025

УДК 159.922.64-058.87

ОСОБЕННОСТИ СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЕМЬЯХ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ И ИНВАЛИДНОСТЬЮ

EDN LIQOQZ

А. П. Лысенко

Магистрант, ORCID 0009-0003-1755-4747,
e-mail: stoyanovalexandra@gmail.com,
Московский институт психоанализа,
г. Москва, Россия

CHARACTERISTICS OF MARITAL RELATIONSHIPS IN FAMILIES RAISING CHILDREN WITH DISABILITIES AND SPECIAL NEEDS

A. P. Lysenko

Master's student,
Moscow institute of pshychonanalysis,
Moscow, Russia

Abstract. The article discusses the existing features of marital relationships in families raising children with disabilities or limited health opportunities; as well as the existing features of interactions in marital relationships between communication and the distribution of roles in the family. Relevance of the research is due to the difficulties of changing life aspects in families with children who have a special developmental trajectory, changes in emotional, social, and financial spheres, while maintaining marital roles, building personal relationships, and maintaining emotional stability in conditions that require increased parental attention to the child.

Keywords: features of marital relations; child with disabilities; family; limited health opportunities; children with disabilities; family crisis; emotional distance; marital satisfaction; family communication.

Введение

Большое внимание к теме особенностей супружеских отношений в семьях, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью уделили и другие авторы.

Селигман М. исследует супружеские отношения в зависимости от степени нарушений у ребенка: легкая, средняя, тяжёлая.

Легкая степень нарушений у детей, требует специального ухода или лечения с возможностью достичь положительных результатов. В образовательной среде и внутри супружеской пары таких детей могут ровнять с детьми, не имеющими нарушения в развитии, что приводит к недопониманиям и конфликтам. Средняя степень, имеет тяжелые последствия в одной сфере, оставляя возможность нормального развития в других направлениях. Может потребоваться организация допол-

нительных коррекционных или реабилитационных занятий, что требует от супругов дополнительного распределения ролей и обязанностей в семье. Дети с тяжёлой степенью нарушения требуют постоянного контроля и организации во всех сферах деятельности. Часто имеют отклонения в интеллектуальной сфере и чувственном восприятии. При постоянном наблюдении специалистов, врачей, регулярных занятиях с ребенком супруги часто лишены возможности увидеть достижения ребенка, которые бы соответствовали его возрасту [7].

Полоухина Е. А. говорит о том, что супруги сталкиваются с необходимостью изменять свои жизненные приоритеты в пользу обеспечения необходимого ухода за особенным ребенком. Распределение ролей в семье и соответствующего выбора действий согласно этой роли, является одним из факторов, влияющих на взаимо-

действие супругов. Хронический стресс, неудовлетворенные личностные и супружеские потребности во взаимоотношениях создают эмоциональную нагрузку [6].

Бразгун Т. Н., Ткачева В. В. выявляют детоцентрическую модель, где супруги стремятся максимально закрыть потребности ребенка. Супружеские отношения при этом являются менее значимыми и важными, что создает дополнительную дистанцию, отдаляя супругов друг от друга [8].

Будаева М. Д. отмечает, что супруги имевшие крепкие доверительные отношения до рождения особенного ребенка скорее укрепят их взаимоотношения, в отличие от пар имевших сложности. Она выделяет эмоциональные реакции супругов, воспитывающих ребенка с нарушениями в развитии: волнения за ребенка, избегание в принятии решений в конфликтных ситуациях, замкнутость, сложности с выдерживанием критики, запрет на выражение чувств (раздражение, бессилие, душевная боль, печаль), чувство подавленности и растерянности. В семьях, где у ребенка есть особенности с проявлением эмоций наблюдается депривация чувств матери, что влияет на ее социальную активность [4].

Бебчук М. А и Щедринская О. М. отмечают важность психологической работы с такими супружескими парами. Оказание им помощи в принятии факта болезни ребенка, не оправданных ожиданий и внутреннем несогласии, формированием реалистичных взглядов на особенности здоровья или болезни ребенка, на возможности ребенка и его зону ближайшего развития. Отмечают, что супружеские отношения становятся менее значимые, приоритет смещается в сторону детско-родительских обязанностей, поиска ресурсов и проживание чувств по поводу особенностей ребенка [3].

Мастюкова Е. М. и Московкина А. Г. говорят о значимости для таких семей расширять разные сферы жизни, а не жить только ради детей. Это помогает создавать новые внутренние опоры, на которые су-

пружеские пары, воспитывающие ребенка с ограниченными возможностями и инвалидностью, смогут опереться в стрессовых ситуациях. Так же важно иметь возможность проявлять социальную активность, объединяться с разными общественными организациями, группами других родителей детей с теми же нарушениями. Это помогает выстраивать дружеские отношения, получать поддержку и перестать чувствовать себя одинокими, отвергнутыми. Взаимодействие с семьями с такими же проблемами по итогу помогают принять все факты и начать замечать в контакте с ребенком чувство радости, а в дальнейшем возможно даже признать свой собственный рост в супружеских отношениях, который сформировался только благодаря проживанию жизненного опыта связанного с диагнозом ребенка. Принятия своего ребенка таким, какой он есть, меняет мировоззрение, супруги становятся гораздо мягче по отношению друг к другу, чаще проявляют заботу [5].

Выборка исследования

Исследование проводилось на базе интернет-ресурсов, родительских чатов в коррекционных центрах Приморского края. В исследовании приняло участие 22 супружеские пары, воспитывающие ребенка с ограничениями возможностями здоровья и инвалидностью. Всего 44 человека, из них 22 мужчин в возрасте от 28–46 лет, 22 женщин в возрасте от 26–51 лет. Стаж супружеской жизни от 5–20 лет. У пяти семейных пар дети с нарушениями речи, у двух супружеских пар с задержкой психического развития, семь пар имеют детей с проблемами в опорно-двигательном аппарате, одна пара имеет ребенка с сахарным диабетом первого типа, пять супружеских пар с ребенком аутистом, одна пара с ребенком имеющим диагноз умственная отсталость и одна пара с ребенком имеющим спинальную мышечную атрофию.

Для выявления особенностей мы использовали следующие методики:

1. Тест-опросник удовлетворенности браком (ОУБ), В. В. Столин, Т. Л. Романова, Г. П. Бутенко [1], выявил степень удовлетворенности браком.
2. Тест-опросник «Распределение ролей в семье» Е. Ю. Алешина, Л. Я. Гозман*, Е. М. Дубовская [1], помог выявить особенности иерархии в семье, значимые семейные роли.
3. Тест-опросник «Общение в семье» Е. Ю. Алешина, Л. Я. Гозман*, Е. М. Дубовская [2], позволил рассмотреть особенности общения в супружеских отношениях.

Этапы исследования

Первый этап: проведение психодиагностики методом тестирования с целью получения первичных данных по методикам исследования, их первичная обработка. Процедура тестирования реализуется в соответствии с инструкцией, изменения в которую не вносились.

Второй этап: анализ основных характеристик выборок показателей в супружеских отношениях – уровня взаимопонимания, доверия и общения в супружеских отношениях; уровня удовлетворенности супружескими отношениями; уровня распределения ролей в семье.

Третий этап: статистический сравнительный анализ показателей выборок, исходя из полученных данных.

Четвертый этап: выявление статистически достоверных взаимосвязей у супружеских пар между общением и распределением ролей в семье.

Математическая обработка данных

Для выявления значимых различий при нормальном распределении использовался метод расчета по критерию t-Стьюдента, при не нормальном распре-

лении метод Мани Уитни U. Сравнительно корреляционный анализ проводился по критерию Спирмена.

Результаты исследования

Проанализированы результаты тестирования двух групп супружеских пар воспитывающих и нет детей с ограниченными возможностями здоровья или инвалидность. Результаты тест-опросника В. В. Столина, Т. Л. Романова, Г. П. Бутенко удовлетворенности браком [1] в исследуемых семьях показаны на рисунке 1.

Супружеские пары, воспитывающие и нет ребенка со статусом ОВЗ или инвалидностью, составляют 5 % семей, имеющих абсолютно не благополучный тип семьи от всех супружеских пар в каждой группе. Неблагополучные семьи составляют 4 % супруги с ребенком, имеющим нарушения в развитии и 2 % супруги не имеющих такого ребенка. Скорее неблагополучные семьи составляют 7 % супруги, имеющие ребенка с ограниченными возможностями и инвалидностью и 2 % не имеющие таких детей. Переходный период у супругов, воспитывающих детей с ограниченными возможностями и инвалидностью не выявлен, пары не воспитывающих таких детей составляет 11 % от всех респондентов в каждой группе. Скорее благополучные семьи составляют 11 % имеющие ребенка с нарушениями в развитии и 9 % не имеющими. Благополучные семьи составляют 23 % имеющие ребенка с ограниченными возможностями и инвалидностью и 25 % не имеющие такого ребенка. Абсолютно благополучные семьи имеют наибольшее значение в данных типах семей, обе группы супружеских пар составляют по 45 % от всех респондентов в каждой группе.

*Материалы произведены, распространены и направлены иностранным агентом либо касаются деятельности такого агента.

Рис. 1. Данные теста удовлетворенности супружеских пар, воспитывающих и нет детей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью

Исходя из полученных данных видно, что большинство супружеских пар чувствуют себя в браке удовлетворенными и считают его благополучным. Сравнительный анализ данных двух групп с помощью метода расчета по критерию Манни-Уитни U значимых отклонений ($p=0.71$) между супружескими парами воспитывающих и нет ребенка с ограниченными возможностями здоровья или инвалидностью не обнаружено. Среднее значение не имеет значимой разницы между группами, однако у супругов, имеющих ребенка с нарушениями показатели незначительно, но выше, чем у супругов, не имеющих такого ребенка. Отсутствие значимых различий может быть объяснено малой выборкой исследования.

Таким образом, опираясь на результаты всех данных можно сказать, что большая часть супружеских пар воспитывающих ребенка с ограниченными возможностями и инвалидностью видят свои отношения как абсолютно благоприятные, однако в сравнении с результатами супружеских пар, не воспитывающих такого ребенка, они имеют уровень удовлетворенности браком, ниже.

Результаты тест-опросника Е. Ю. Алешиной, Л. Я. Гозмана, Е. М. Дубовской распределения ролей в семье [1] выявили разницу у супругов, воспитывающих и нет ребенка с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью. Данные представлены на рисунке 2 и 3.

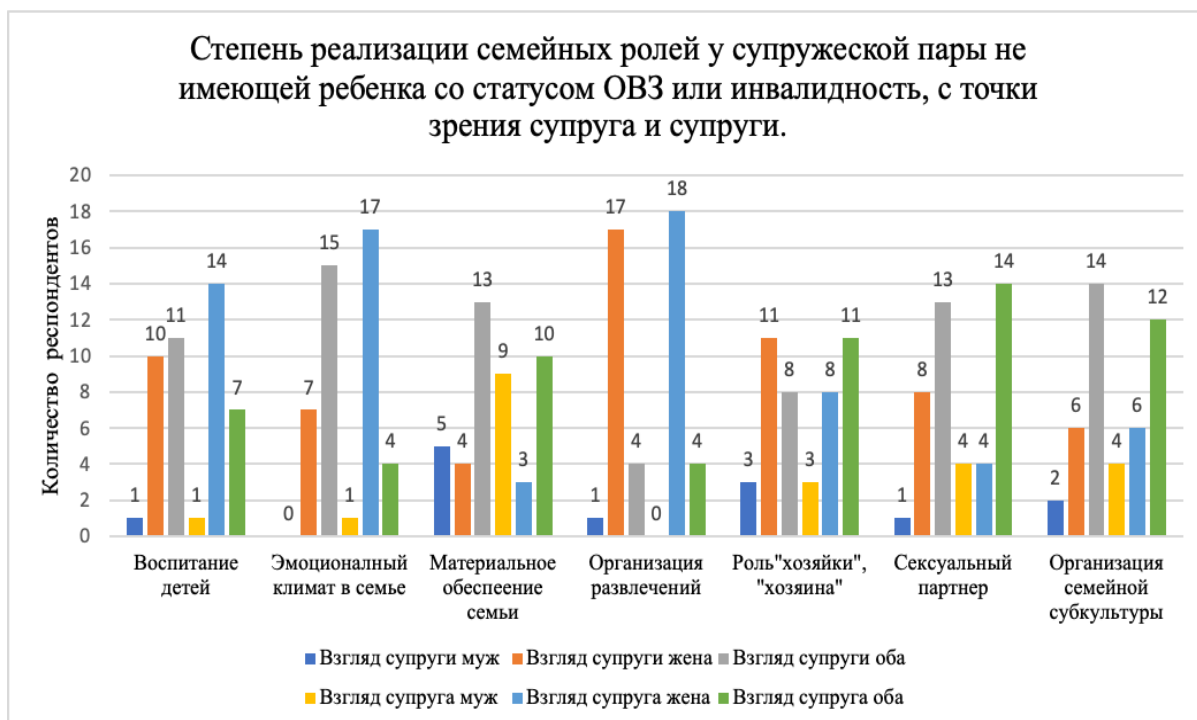

Рис. 2. Индивидуальный взгляд на реализацию семейных ролей в паре у супругов, не имеющих детей с ограниченными возможностями и инвалидностью

По результатам рассмотрения рисунка 2 выявлено, что супружеские пары, не имеющие ребенка с ограниченными возможностями здоровья и инвалидность, видят реализацию материального обеспечения семьи как роль, реализуемую мужем и в равной степени реализуемую мужем и женой. Воспитания детей и органи-

зация развлечений видится супругами как реализация роли жены. В равной степени супруги видят желание в проявлении сексуальной активности друг к другу, организации семейной культуры, расширению ценностей, ролей хозяина/хозяйки, организации быта, уюта и порядка в семье.

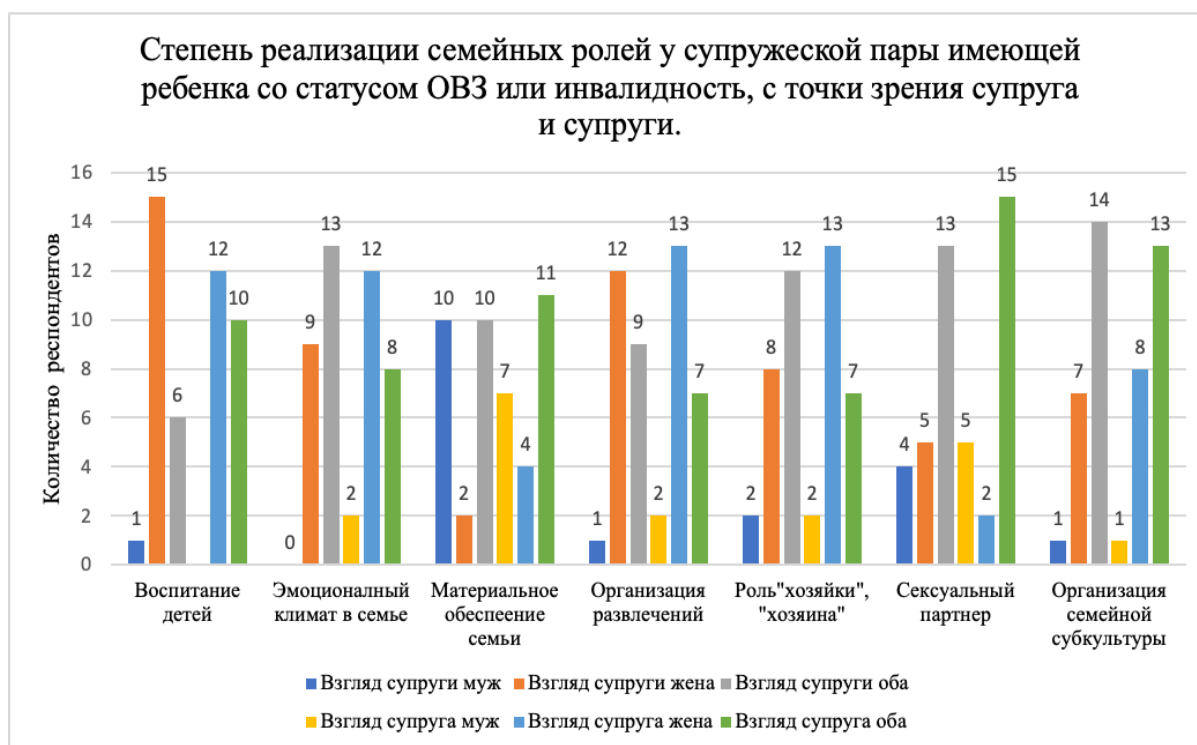

Рис. 3. Индивидуальный взгляд на реализацию семейных ролей в паре у супругов, имеющих детей с ограниченными возможностями и инвалидностью

Распределение ролей у супружеских пар, имеющие ребенка с ограниченными возможностями здоровья или инвалидность на рисунке 3, имеет высокую степень реализации родительской роли, через воспитание детей, у жены. Материальное обеспечение семьи в большей степени реализуется мужем. Роль создания психологического комфорта и поддерживающего эмоциональный климат семьи, у супругов обеих групп реализуются жёнами. Организация семейных развлечений у супружеских пар, воспитывающих ребенка ограниченными возможностями и инвалидностью, делится между супругами. У супружеских пар, не воспитывающих такого ребенка, организация семейных развлечений в большей степени реализуется женой. Организация быта и порядка у супругов обеих групп реализуется женой и делится с мужем. Сексуальное проявление активности к партнеру в парах обеих групп

реализуется в равной степени у мужа и жены. Организация совместного времяпрепровождения, расширения жизненных взглядов у супружеских пар, воспитывающих ребенка с ограниченными возможностями здоровья почти, не реализуется индивидуально мужем, но в большей степени реализуется совместно с женой.

Статистический анализ данных супружеских пар двух групп имеет нормальное распределение в шкалах эмоциональный климат в семье, роль хозяйна/хозяйки, сексуальный партнер. Методом расчета по критерию t-Стюдента. Шкалы воспитание детей, организация развлечений, материальное обеспечение и организация семейной субкультуры имеют не нормальное распределение, метод расчета по критерию Манни-Уитни U. Шкалах «Организация развлечений» ($p=0.038$, $p>0.1$) имеет значимые различия между супружескими парами обеих

групп. Целенаправленность внутренних ресурсов семей, воспитывающих ребенка с ограниченными возможностями и инвалидностью, на сохранение и тенденция к изолированности, особенно у матерей, смещает фокус роли организации развлечений, социального взаимодействия с женской, как это свойственно для семей, не имеющих ребенка с ограничениями в развитии, на парную, совместную реализацию роли. Во всех остальных шкалах значимых отклонений между группами не обнаружено. Среднее значение не имеет значимых различий между группами. Однако отметим, что в шкалах организация семейной субкультуры, роль хозяина/хозяйки, воспитание детей у супругов, имеющих ребенка с ограниченными возможностями и инвалидностью значения

выше, а в шкалах эмоциональный климат в семье, сексуальный партнер, организация развлечений значения ниже. Супруги, воспитывающие ребенка с ограниченными возможностями и инвалидностью в сравнении с супругами, не имеющими таких детей на воспитании, больше включены в родительские, бытовые и организационные задачи семьи. Значение по шкале материальное обеспечение практически идентичны у обеих групп, что отражает классическую модель распределение ролей в российских семьях, где роль добытчика чаще выполняет мужчина.

Результаты данных тест-опросника общение в семье Е. Ю. Алешиной, Л. Я. Гозмана, Е. М. Дубовской [2] представлены на рисунках 4 и 5.

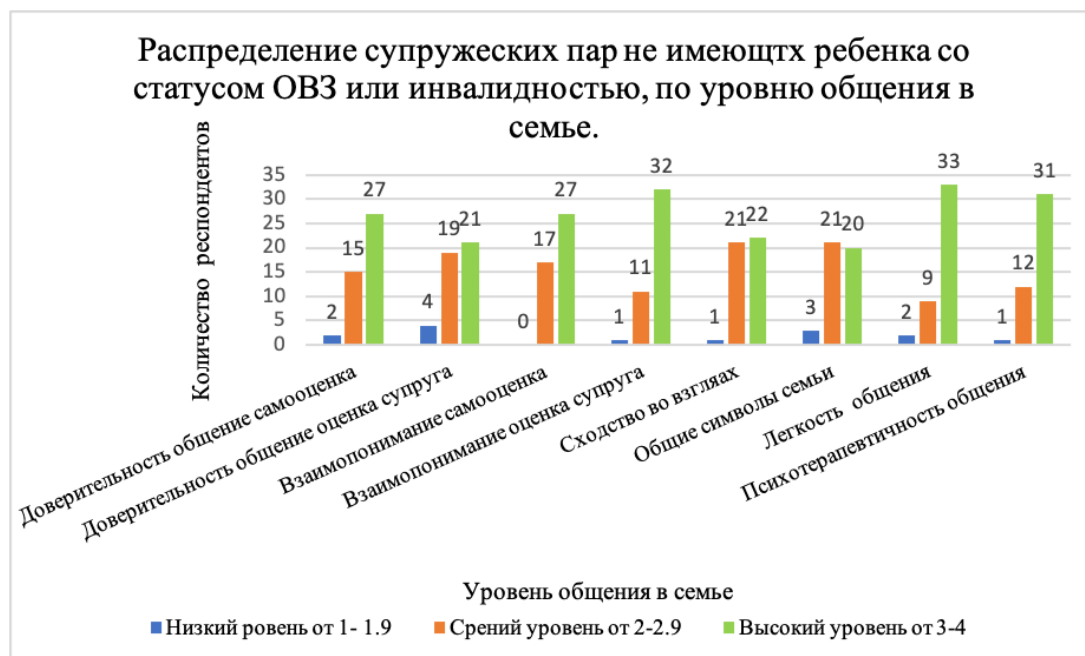

Рис. 4. Результаты данных по уровню общения в семье между супружескими парами, не имеющими ребенка со статусом ОВЗ или инвалидностью

Супругов, не воспитывающих ребенка с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью, имеют высокий уровень общения в семье. По шкале легкость в общении, он составляют 75 % от всех супружеских пар в выборке, 73 % шкала взаимопонимание, оценка супруга и 70 % шкала

психотерапевтического общения. Шкалы самооценка доверительного общения и самооценка взаимопонимания составляют 61 % от всех супружеских пар в выборке, сходство во взглядах составляет 50 %, доверительное общение оценка супруга 48 % и общие символы в семье 45 %.

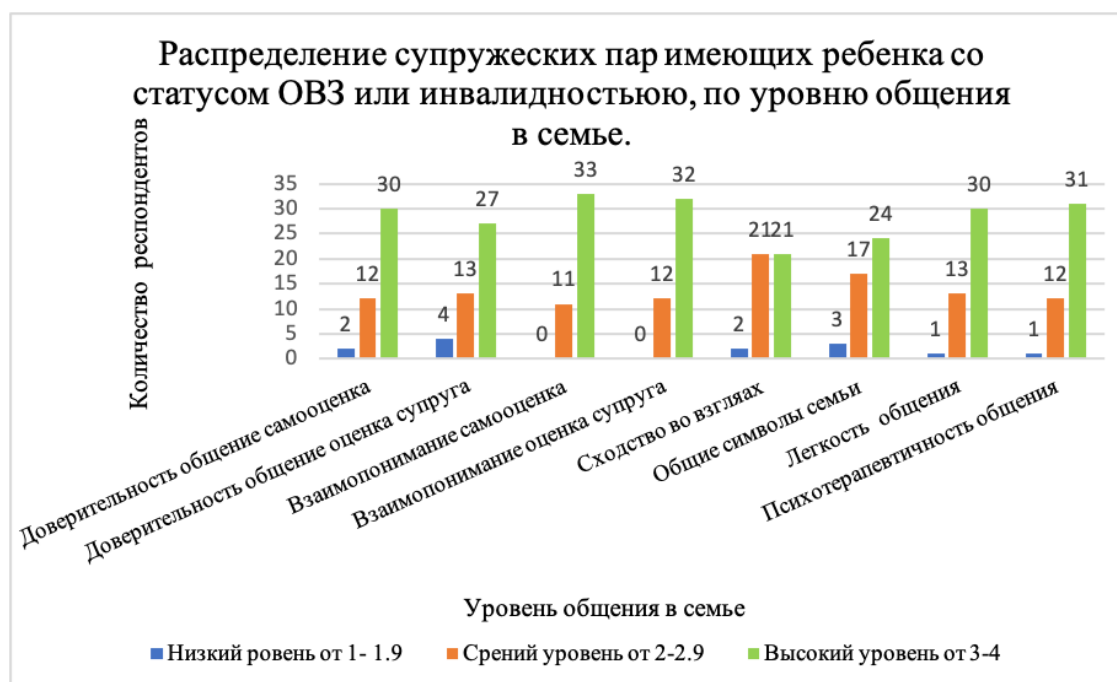

Рис. 5. Результаты данных по уровню общения в семье между супружескими парами, имеющими ребенка со статусом ОВЗ или инвалидностью

На рисунке 5 данные супружеских пар, воспитывающих ребенка с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью. Высокий уровень общения в семье по шкале самооценка взаимопонимания составляет 75 % от всех супружеских пар в выборке, взаимопонимание оценка супруга составляет 73 %, психотерапевтическое общение 70 %, самооценка доверительного общения и легкость в общении составляют 68 %, доверительное общение оценка супруга 61 %, общие символы в семье 55 % и сходство во взглядах 48 %.

Шкалы доверительное общение оценка себя и общие символы семьи имеют нормальное распределение, остальные шкалы имеют не нормальное распределение. Значимых отклонений между супружескими парами, имеющими и не имеющими ребенка с ограниченными возможностями здоровья, и инвалидностью не обнаружено. Среднее значение между су-

пружескими парами, обеих групп почти одинаково.

Таким образом, супружеские пары обеих групп имеют высокий уровень общения в семье. В сравнении групп друг с другом супруги, воспитывающие ребенка с ограниченными возможностями и инвалидностью, имеют более открытые доверительные отношения друг с другом, но ситуации, требующие быстрых решений от супругов, влияют на взаимопонимание между ними, разница не значительна, это может быть связано с маленькой выборкой в исследовании.

Корреляционный анализ методик общение в семье и распределение ролей на рисунке 6 и 7 имеет значимую отрицательную умеренную корреляционную связь у супружеских пар, имеющих и нет ребенка с ограниченными возможностями и инвалидностью.

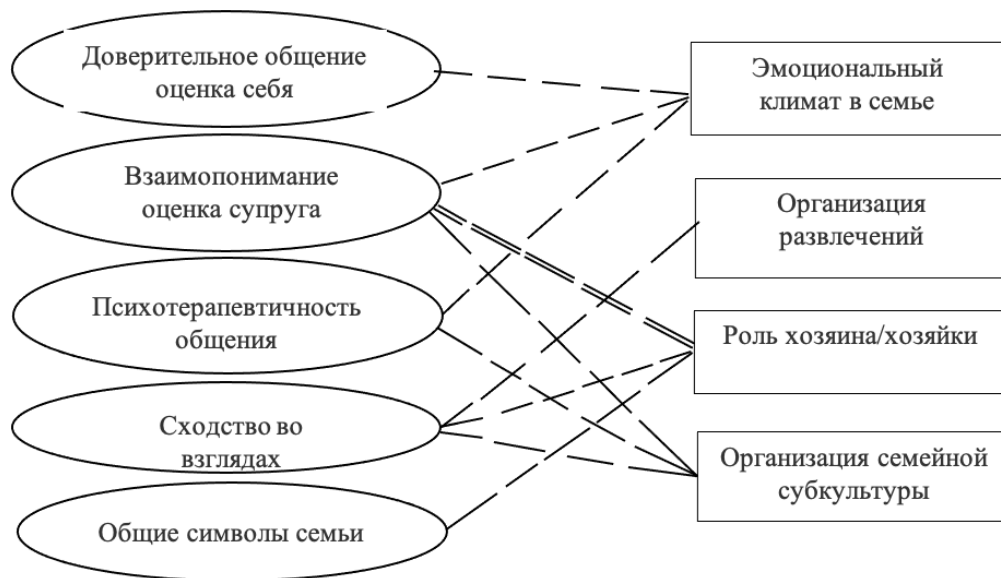

Рис. 6. Значимые взаимосвязи между распределения ролей и общением в семье у супружеских пар, не имеющих ребенка со статусом ОВЗ или инвалидностью ($p < 0.05$, $p < 0.01$ отрицательная корреляционная связь)

Статистически значимая отрицательная взаимосвязь супругов, не воспитывающих ребенка с ограниченными возможностями и инвалидностью, между эмоциональным климатом в семье и уровнем доверительного общения $r = -0.345^*$, взаимопониманием супругов $r = -0.334^*$ и психотерапевтическим общения $r = -0.300^*$. С ухудшением эмоционального климата в семье снижается уровень доверительного общения, взаимопонимания и психотерапевтической поддержки между супругами. Взаимосвязь организации развлечений и сходство во взглядах $r = -0.356^*$. Чем меньше супруги проводят вместе время, тем меньше у них формируются общих взгляд на жизнь. Связь роли хозяина/хозяйки и

общих символов семьи $r = -0.326^*$, взаимопонимания с супругом $r = -0.414^{**}$, и сходство во взглядах $r = -0.303^*$. Чем значимее для супругов роли хозяина/хозяйки, тем слабее формируется общие взгляды на жизнь и семейные ценности, символы, и тем меньше уровень взаимопонимания с супругом. Организация семейной субкультуры имеет взаимосвязь психотерапевтического общения $r = -0.308^*$ и сходством во взглядах $r = -0.318^*$, взаимопонимание с супругом $r = -0.336^*$. Чем более ригидна степень организации семейной субкультурой, тем меньше уровень взаимопонимания между супругами, меньше психотерапевтической, эмоциональной поддержки и общих взглядов на жизнь.

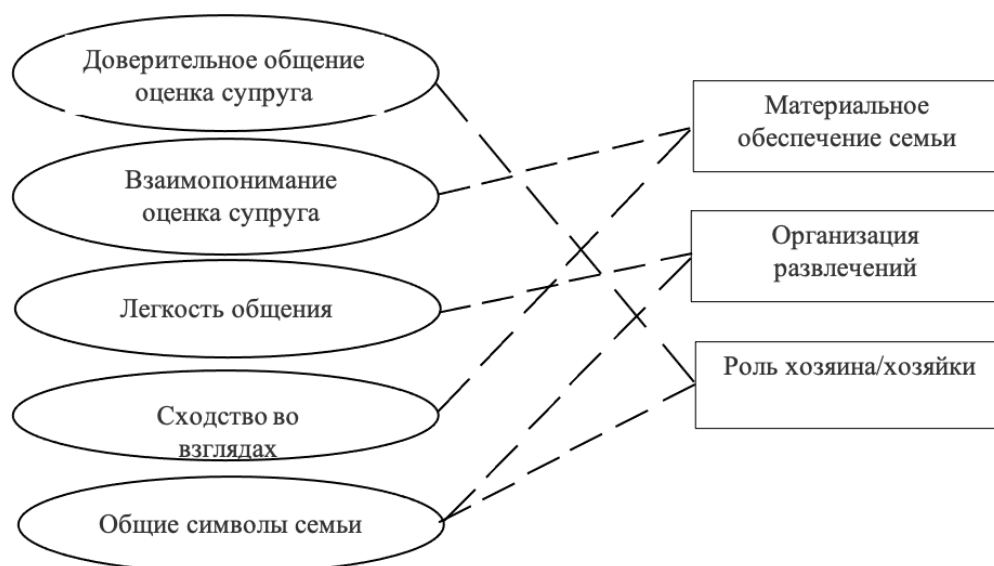

Рис. 20. Значимые взаимосвязи между распределения ролей и общением в семье у супружеских пар, имеющих ребенка со статусом ОВЗ или инвалидностью ($p < 0.05$ обратные корреляционная связь)

Существует статистически значимая отрицательная взаимосвязь супругов, воспитывающих ребенка с ограниченными возможностями и инвалидностью между материальным обеспечением семье и сходством во взглядах $r = -0.326^*$, взаимопониманием супругов $r = -0.307^*$. Чем сильнее супруги сосредотачиваются на материальном обеспечении семьи, тем слабее взаимопонимания между ними и тем меньше формируется общих жизненных взглядов. Возмoжно, центрированность на материальном обеспечении снижает семейную коммуникацию помогающую находить взаимопонимание с супругом и схожесть во взглядах. Организация развлечений имеет связь с общими символами семьи $r = -0.350^*$ и легкостью в общении $r = -0.331^*$. Чем больше к организации развлечений в семье относятся, как к чему-то не значимому, тем меньше легкого и свободного общения в паре и меньше общих семейных ценностей, традиций. Роль хозяина/хозяйки имеет связь с общими символами семьи $r = -0.355^*$ и доверительностью в общении

с супругом $r = -0.349^*$. Чем сильнее будут проявляться роли хозяина/хозяйки, тем слабее будут уровень доверия между супругами и тем меньше будут формироваться общие семейные ценности и традиции.

Выводы

Полученные данные и проведенное исследование помогло нам выявить взаимосвязь общения и распределения ролей в семье, уровень удовлетворенности браком, значимость общения супругов и распределение ролей в семье, воспитывающих и нет ребенка с ограниченными возможностями и инвалидностью. Сравнивая две группы супружеских пар видно, что супруги, не имеют значимых различий в общении друг с другом, пары. Супруги, воспитывающие ребенка с ограничениями менее удовлетворены в браке, разделяют родительские функции между друг другом, хотя и более активно воспитательная роль реализует супругой, а вот финансовой сферой семьи активнее всего занимается супруг.

Библиографический список

1. Алешина Ю. Е., Гозман* Л. Я., Дубовская Е. М. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений: спецпрактикум по социальной психологии. – М.: Издательство МГУ, 198.7 – 120 с.
2. Андреева, Т. В. Психология современной семьи: Монография. – СПб.: Речь, 2012. – 436 с.
3. Бебчук М. А. Щедринская О. М. Семья ребенка с нарушением в психическом здоровье и/или в развитии: задачи, принципы и мишени консультативной и психотерапевтической помощи // Весник психотерапии. СПб.: 2014. № 51. С. 80–94.
4. Будаева М. Д. К вопросу о психологических особенностях родителей ребенка с отклонениями в развитии. – Улан-Удэ: Известия. 2013. Т. 2, № 1. 24–34 с.
5. Мастюкова Е. М., Московкина А. Г. Семейное воспитание детей с отклонениями в развитии: учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений/Под ред. В. И. Селиверстова. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – 408 с.
6. Полоухина Е. А. Особенности семейного микроклимата в семьях с детьми – инвалидами // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. – СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 2008. – № 3. – С. 143
7. Селигман М. Обычные семьи, особые дети: пер. с англ. / М. Селигман, Р. Дарлинг. – 4-е изд.– М.: Тервинф, 2015. – 369 с.

© Лысенко А. П., 2025

УДК 159.9

**ВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВ ГЕРОЕВ ВИДЕОИГРЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ
СЕКСУАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ И ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ**

EDN JMWGVQ

Ю. И. Мотякина*Магистрант, ORCID 0009-0000-9080-7569,
e-mail: motakiha12@gmail.com,
Российский государственный
социальный университет,
г. Москва, Россия***THE INFLUENCE OF IMAGES OF VIDEO GAME HEROES
ON THE FORMATION OF SEXUAL PREFERENCES AND BEHAVIOR
OF YOUNG PEOPLE****Yu. I. Motyakina***Master's student,
Russian State Social University,
Moscow, Russia*

Abstract. In recent years, video games have become an integral part of young people's lives. Young people spend considerable time playing various types of games, from casual mobile games to complex immersive games.

As games have become increasingly realistic and interactive, they have also increasingly included sexually explicit content. This exposure can have a significant impact on shaping sexual attitudes and behaviors among young people.

In this paper, we will examine the impact of gaming technologies on the formation of sexual preferences and behaviors among youth. We will analyze existing research and identify potential risks and protective factors associated with exposure to sexually explicit content and overuse of games.

Keywords: virtual reality; video games; sexual preferences; sexual behavior; game technologies; youth; emotional regulation.

Компьютерные игры в разной степени оказывают воздействие на человека. В первую очередь это зависит от типа компьютерной игры. В целом классификация видеоигр может быть представлена следующим образом.

Ролевые видеоигры (Role Playing Game – RPG) – это игры, в которых человек принимает на себя роль виртуального персонажа в самых различных контекстах.

Неролевые видеоигры: к ним можно отнести логические игры (шахматы и др.), игры на скорость реакции (OSU), на сообразительность (развлекательные аналоги теста IQ), игры – имитаторы игровых автоматов, танцевальные и музыкальные игры (Guitar Hero) и т. д.

Аркадные видеоигры – компьютерные игры с нарочито примитивным игровым процессом. К ним относятся: файтинги

(fighting) – Mortal Kombat X; некоторые стрелялки (shooter) – Doom 4; гонки (racing) – Need for Speed Edge, а также различные игры для телефонов и планшетов.

Стратегии – игры, в которых игрок управляет отдельными отрядами, армиями или целыми народами. Для достижения успеха от игрока требуется выработать и применить определенную стратегию и тактику. Существуют походовые, или пошаговые, стратегии (Turn-Based Strategy – TBS) и стратегии, в которых игрок управляет отрядами или армиями в реальном времени (Real Time Strategy – RTS). Стратегии также имеют многопользовательский или одиночный режимы.

Симуляторы – это игры, позволяющие управлять каким-либо процессом из жизни. Как правило, это симуляция управления средством передвижения. Отлич-

тельной особенностью этого жанра является максимальная реалистичность и правдоподобность происходящего, заставляющую в ущерб играбельности.

Инди-игры – это довольно простые видеоигры, созданные, как правило, маленькой студией, состоящей из одного, максимум трех человек. Их популярность обеспечивается при помощи скорости доступа и уникальности идей (The Path, Papers, Please, Flappy Bird, Minecraft, Five Nights at Freddy's и т. д.).

В приведенной классификации российские исследователи особое внимание обращают на игры жанра RPG как наиболее интенсивно влияющие на психику человека и способные вызывать наиболее тяжелое привыкание [1]. Это связано с особенностями данного жанра видеоигр, которые делают их наиболее опасными для подростков и молодых людей.

В России словосочетание «ролевые игры» и понятие «ролевик» относятся в первую очередь к ролевым играм живого действия (которые исторически появились раньше остальных типов РИ на постсоветском пространстве), тогда как на Западе *role-playing games* означают в первую очередь словесные игры, которые появились с выходом первого в своем роде сборника правил *Dungeons and Dragons* (D'n'D) в 1973 г. Громоздкое для русского уха и редко употребляемое словосочетание «ролевые игры живого действия» (РИЖД) обозначается в английском изящной аббревиатурой *larp*, которая уже давно стала существительным (а игрок, соответственно, называется *larp*er, в отличие от *roleplayer* а, который играет в словесные или компьютерные РИ) [3].

Предмет этой работы Браун определяет в главе 1 следующим образом:

- ЭРИ (эротическая ролевая игра) возникает как эпизод в потоке более общей ролевой игры, не имеющей исключительной сексуальной направленности, ЭРИ должна быть адекватно встроена в нарратив и быть логичной для персонажей (в отличие от, к при-

меру, БДСМ или собственно сексуальной ролевой игры с переодеванием в «медсестру», «полицейского» и проч., направленной только на эротический контекст);

- главной целью ЭРИ не является сексуальное возбуждение и удовлетворение игроков (в отличие от виртуального секса);
- ЭРИ не подразумевает никакого тактильного контакта между игроками (в отличие от некоторых способов моделирования сексуальных действий в ролевых играх живого действия, например, в *Ars Amandi*, где секс персонажей изображается поглаживанием рук игрока-партнера) [2].

Соотношение внешнего вида персонажей и качества игрового нарратива сохраняется в сфере игр и сейчас, разработчики игр, в случае слабости сюжета стараются сделать персонажей, прежде всего женщин визуально более привлекательными.

Сюда можно отнести практически все эротические видеоигры, хентай-игры, а также некоторые «классические» сюжетные игры, например, «NeedforSpeed» (стоит сказать, что данная игра эксплуатирует устойчивые стереотипы о мужской конкурентной сущности и женщине, вдохновляющей мужчину на подвиги) [4].

Компьютер уже давно стал неотъемлемой частью жизни современного человека. И если раньше это устройство использовали только в рабочих целях, то сейчас оно стало настоящим порталом в виртуальный мир, полный разнообразных развлечений.

Традиционно видеоигры были ориентированы на мужскую аудиторию, и большинство игровых жанров (таких как шутеры, спортивные симуляторы и стратегии) и персонажей были созданы с учетом предполагаемых интересов мужчин [6].

Сексуализация женщин в видеоиграх может оказывать влияние на мужчин несколькими способами. Во-первых, постоянное представление женских персонажей в видеоиграх в откровенных или сексу-

ально вызывающих нарядах может формировать у мужчин определенные стереотипы и ожидания по поводу внешности и поведения женщин в реальной жизни.

Это также может способствовать формированию объективации женщин, когда они рассматриваются скорее как объекты сексуального влечения, чем как личности. Такие представления могут отразиться на отношениях между полами в реальной жизни, а также на самооценке женщин.

Однако, следует отметить, что влияние сексуализации женщин в видеоиграх не является однозначным. Некоторые исследования указывают на то, что это может приводить к усилению сексуальных стереотипов, тогда как другие исследования не обнаруживают прямого влияния на поведение мужчин в реальной жизни.

Женские персонажи в играх представлены как сексуальные объекты, а не как полноценные личности, что влияет на гендерные восприятия и отношения.

Сексуализация женского тела может стать условием увеличения насилия против женщин в реальной жизни. Одно дело, если речь идет об уже сформированном сознании взрослого человека, а другое, когда стереотипы формируются у подростков, являющихся частыми любителями видеоигр.

Например, игры серии Grand Theft Auto содержат в себе механику, позволяющую персонажу игрока заниматься сексом с секс-работницей и получить от этого бонус к здоровью, но игрок по своему выбору может пойти дальше, а именно осуществить убийство и забрать оплаченные деньги. Также, существует возможность пройти миссию сутенера в GTA: San Andreas, где нужно развозить секс-работниц по игровому городу клиентам, по завершению которых у игрока будет возможность при получении сексуальных услуг не платить деньги секс-работницам, а наоборот получать от них деньги за соитие. Такого рода механика игры может

истолковываться как поощрение и награда игрока за такие действия, делая их совершенно нормальными в глазах молодых людей [5].

В 2023 году вышла видеоигра Atomic Heart. Она вызвала много дискуссий, и одним из самых ярких стало обсуждение внешности двух второстепенных героинь: роботов-близняшек Правой илевой. Зашкаливающий уровень их сексуализации было весьма трудно не заметить. Эта деталь пробудила старую боль, связанную с объективацией женщин в видеоиграх.

Закключение

В контексте видеоигр и сексуализации персонажей в них важно отметить, что видеоигры, подобно другим формам развлечений и медиа, могут оказывать влияние на восприятие и предпочтения молодежи. Существует доказательство того, что изображение персонажей в видеоиграх, особенно их сексуализация, может влиять на представления о том, что считается привлекательным или желанным.

Однако следует также отметить, что сексуализация персонажей в видеоиграх не является единственным или основным фактором, влияющим на сексуальные предпочтения молодежи. Сексуальные предпочтения формируются под воздействием множества факторов, включая семейные ценности, образование, культурные и социальные влияния.

Более того, важно осознавать, что игры, как и другие формы развлечений, могут быть разнообразными и предлагать различные образы и представления о сексуальности. Разработчики видеоигр имеют возможность создавать персонажей и сюжеты, которые способствуют более разнообразному и инклюзивному представлению о сексуальности и гендерной идентичности.

Итак, хотя видеоигры могут оказывать влияние на представления о сексуальности у молодежи, это является лишь одним из множества факторов, и важно продолжать обсуждать эту тему с учетом широ-

кого спектра влияний на формирование предпочтений и ценностей.

Библиографический список

1. Иванов М. С. Влияние ролевых компьютерных игр на формирование психологической зависимости человека от компьютера // Психология зависимости: хрестоматия / сост. К. В. Сельченко. Минск, 2004. С. 152–175.
2. Ольга В. В. [рецензия н статью] Ashley M. L. Brown. Sexuality in Role-Playing Games. N.Y.; L.: Routledge, 2015. 148 p. // Антропологический форум. 2016. № 30. С. 270–280.
3. Романова Е. А., Шубин С. Б. Психологическое влияние компьютерных и консольных видеоигр на молодежь // Системная психология и социология. 2017. № 1 (21). С. 57–66.
4. Самойлова Е.О. Эволюция женских образов в современных видеоиграх // Архонт. 2022. № 4. С. 62–65.
5. Серeda Е. А., Олейник Е. В. Передача реалий вымышленного мира при переводе видеоигр в жанре интерактивного кино // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2022. № 1 (77). С. 46–57.
6. Тимофеева О. А, Кушкин Н. А. На пороге метавселенной: уроки и опыт видеоигр для новой среды // Litera. 2023. № 9. С. 76–83.

© Мотякина Ю. И., 2025

УДК 339.1

**ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ «МАСТЕР-КЛИЕНТ»
В СФЕРЕ БЬЮТИ-ИНДУСТРИИ**

EDN JSNQHE

Г. Р. Мухаметшина*Кандидат социологических наук, доцент,**ORCID 0000-0003-2146-718X,**e-mail: ggr-nauka@mail.ru,***А. А. Файзрахманова***студентка, e-mail: faydina228666@mail.ru,**Уфимский университет науки и технологий,**г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия***FEATURES OF MASTER CLIENT COMMUNICATION
IN THE BEAUTY INDUSTRY****G. R. Mukhametshina***Candidate of Sociological Sciences,**Associate Professor,**Student,***A. A. Fayzrakhmanova***Ufa University of Science and Technology,**Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of communication between the master and the client in the beauty industry, emphasizing its key role in the success of the provision of services and the long-term sustainability of the business. The authors consider the psychological, linguistic and non-verbal aspects of interaction, focusing on the emotional vulnerability of clients and the need for empathic competence on the part of the masters. Special attention is paid to the ritualized nature of communication, the impact of digital transformation on communication practices, as well as the economic effectiveness of well-structured interaction. The article analyzes conflict situations and suggests strategies for their resolution based on emotional intelligence. In addition, cross-cultural differences in communication practices are considered, with an emphasis on the specifics of the Russian market.

Keywords: communication; beauty industry; master client; communication psychology; service; customer orientation.

Современная бьюти-индустрия представляет собой сложную систему социальных взаимодействий, где коммуникация между мастером и клиентом выступает ключевым элементом, определяющим не только успешность конкретной услуги, но и долгосрочную устойчивость бизнеса. В отличие от многих других сервисных отраслей, где процесс общения носит вторичный характер по отношению к основному продукту, в сфере красоты вербальные и невербальные практики взаимодействия приобретают особую значимость, становясь неотъемлемой частью самой услуги.

Психологическая составляющая данного типа коммуникации заслуживает особого внимания, поскольку связана с глубоко личностными аспектами само-

идентификации. Как отмечают исследователи, обращение за бьюти-услугами часто сопровождается повышенной эмоциональной уязвимостью клиента, обусловленной страхом оценки, тревогой по поводу возможного несоответствия результата ожиданиям или даже подсознательными комплексами, связанными с внешностью [3]. В этом контексте мастеру необходимо проявлять не просто профессиональную вежливость, а подлинную эмпатическую компетентность, включающую способность распознавать эмоциональные состояния клиента и адаптировать стиль общения в соответствии с ними.

Лингвистический анализ коммуникативных стратегий в бьюти-индустрии выявляет необходимость тщательного отбора лексики на всех этапах взаимодействия

[5]. Так, на стадии консультации следует избегать как избыточного использования узкоспециальной терминологии, так и чрезмерного упрощения, которое может быть воспринято как проявление непрофессионализма. Оптимальной представляется стратегия градуального усложнения речи: от общедоступных формулировок к более специализированным понятиям по мере установления доверительного контакта. Особую осторожность следует проявлять при описании эстетических характеристик, где даже нейтральные с профессиональной точки зрения термины (например, «пористые волосы», «купероз») могут быть субъективно восприняты как критика.

Невербальные компоненты взаимодействия приобретают в данном контексте особую значимость. Исследования в области кинесики демонстрируют, что в ситуациях, предполагающих физический контакт (как в случае многих бьюти-процедур), невербальные сигналы становятся важнейшим каналом передачи отношения специалиста к клиенту [7]. Качество прикосновений (уверенность, аккуратность), проксемика (дистанция), мимическая экспрессия – все эти элементы формируют у клиента подсознательное ощущение безопасности или, напротив, дискомфорта. Примечательно, что, как показывают исследования, невербальные аспекты коммуникации в бьюти-сфере часто запоминаются клиентами лучше, чем вербальные, и именно они становятся решающим фактором при принятии решения о повторном визите [2].

Социальный аспект рассматриваемого взаимодействия проявляется в его ритуализированном характере. Коммуникация в бьюти-индустрии подчиняется строгим, хотя и не всегда явно сформулированным, нормам профессионального этикета, нарушение которых может привести к разрушению терапевтического эффекта от процедуры. Например, обсуждение личных тем, политики или религии, допустимое в других сервисных контекстах, в

бьюти-сфере часто воспринимается как проявление непрофессионализма. В то же время искусно поддерживаемый светский разговор на нейтральные темы может значительно повысить удовлетворенность клиента от услуги [4].

Цифровая трансформация индустрии красоты внесла существенные коррективы в традиционные модели коммуникации. Современные клиенты все чаще проходят этап предварительного взаимодействия в онлайн-среде (запись через приложения, консультации в чатах), что создает новые вызовы для специалистов. Как показывают исследования, цифровая коммуникация требует особых навыков – способности передавать эмпатию через текст, соблюдать баланс между формальностью и дружелюбием, оперативно реагировать на сообщения [6]. При этом сохраняется парадоксальная закономерность: несмотря на развитие цифровых каналов, ценность личного контакта в бьюти-индустрии только возрастает, превращаясь в уникальное конкурентное преимущество.

Экономическая эффективность грамотно выстроенной коммуникации в бьюти-сфере подтверждается многочисленными исследованиями. Согласно данным, представленным в работе Иванова А. Р., салоны и мастера, уделяющие особое внимание обучению коммуникативным навыкам, демонстрируют на 25–30 % более высокие показатели удержания клиентов и на 40 % больше рекомендаций через сарафанное радио [1]. При этом инвестиции в развитие soft skills оказываются в 3–4 раза более рентабельными, чем вложения исключительно в техническое оснащение.

В практике взаимодействия «мастер-клиент» конфликтные ситуации возникают достаточно регулярно, что обусловлено высокой эмоциональной вовлеченностью клиентов в процесс преобразования внешности. Одной из наиболее распространенных проблем является несоответствие полученного результата ожиданиям клиента. В таких случаях мастеру крайне

важно проявить не только профессиональную компетентность, но и высокий уровень эмоционального интеллекта. Исследования в области конфликтологии показывают, что успешное разрешение подобных ситуаций строится на трех ключевых принципах: безоценочном слушании, эмпатическом реагировании и совместном поиске решения. Особое значение имеет первый этап – предоставление клиенту возможности полностью выразить свое недовольство, что психологически снижает уровень напряжения. Далее мастеру следует продемонстрировать понимание переживаний клиента через вербальные («Я понимаю ваше разочарование») и невербальные (кивки, поддерживающий зрительный контакт) сигналы. Завершающей фазой становится предложение конкретных способов решения проблемы, которые должны быть сформулированы как сотрудничество («Давайте вместе найдем выход»).

Сравнительный анализ коммуникативных практик в бьюти-индустрии разных стран выявляет существенные различия, обусловленные культурными традициями и социальными нормами. В России коммуникация между мастером и клиентом характеризуется уникальным сочетанием формальности и душевности. С одной стороны, сохраняются элементы традиционного сервисного этикета, с другой – клиенты высоко ценят персонифицированный подход и эмоциональную теплоту. Это проявляется в допустимости переходов на «ты»-общение после установления контакта, обсуждении личных тем (в разумных пределах) и внимании к индивидуальным особенностям клиента. Интересно, что российские клиенты, согласно исследованиям, склонны воспринимать мастера не только как исполнителя услуг,

но и в какой-то мере как доверенное лицо, что создает особый психологический климат взаимодействия. При этом сохраняются определенные табу – темы политики, религии и любые высказывания, которые могут быть восприняты как критика внешности.

Перспективы дальнейшего исследования данной темы видятся в нескольких направлениях: изучение кросс-культурных различий в коммуникативных практиках бьюти-индустрии, анализ влияния поколенческих особенностей на ожидания от взаимодействия, разработка стандартизированных методик оценки и развития коммуникативной компетентности специалистов. Особый интерес представляет изучение коммуникации в контексте мужского сегмента бьюти-услуг, где традиционно существуют иные социальные нормы и ожидания.

Библиографический список

1. Иванова А. Р. Экономика впечатлений в индустрии красоты. – М.: Издательский дом «Бизнес-Аналитика», 2022. – 184 с.
2. Меграбян А. Невербальная коммуникация. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2017. – 256 с.
3. Петрова Е. А. Психология профессионального общения в сфере сервиса. – М.: Юрайт, 2021. – 321 с.
4. Симонова Г. И. Современные коммуникативные практики в индустрии красоты // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2020. – № 3. – С. 45–62.
5. Федорова Л. Л. Профессиональный дискурс: лингвистический аспект. – М.: Флинта, 2019. – 208 с.
6. Шарков Ф. И. Цифровая коммуникация в сервисных отраслях. – М.: Дашков и К°, 2023. – 176 с.
7. Hall E. T. The Hidden Dimension. – New York: Anchor Books, 1990. – 217 с.
8. Kotler P., Keller K.L. Marketing Management. – 16th ed. – Pearson, 2021. – 832 с.

© Мухаметишина Г. Р., Файзрахманова А. А., 2025

УДК 159.9

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕЛЕСНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ТЕРАПИИ ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО БАЛАНСА ПРИ ХРОНИЧЕСКОМ СТРЕССЕ

EDN KIICYU

Д. М. Резчикова

Студентка,
ORCID 0009-0002-1625-9562,
e-mail: dasha081999@gmail.com,
Московский государственный
психолого-педагогический университет,
г. Москва, Россия

USING BODY-ORIENTED THERAPY TO RESTORE PSYCHOEMOTIONAL BALANCE IN CHRONIC STRESS

D. M. Rezchikova

Student,
Moscow State Psychological
and Pedagogical University,
Moscow, Russia

Abstract. The article discusses the theoretical foundations and practical aspects of the use of body-oriented therapy (TOT) to restore psychoemotional balance in people suffering from chronic stress. A detailed overview of the historical development of the TOT is given: attention is paid to the contribution of researchers such as V. Reich, A. Lowen and their followers, key concepts of domestic and foreign authors are analyzed. Modern views on the causes and manifestations of chronic stress as a psychoemotional and somatic phenomenon are considered. Special attention is paid to the mechanism of the effect of bodily techniques on the psycho-emotional state, the role of the formation of muscle armor and the possibilities of overcoming it in the therapeutic process. It also describes the effectiveness of the use of TOT based on modern empirical studies, and provides data on reducing anxiety and emotional stress in various target groups. The expediency of integrating TOT into the structure of comprehensive psychotherapeutic care for chronic stress and the possibility of using it to improve the quality of life and restore the adaptive resource of the individual is substantiated.

Keywords: chronic stress; body-oriented therapy; psycho-emotional balance; muscle armor; psychosomatics; recovery; psychological assistance.

В условиях современного общества проблема хронического стресса приобретает все большую актуальность, оказывая значительное влияние на психоэмоциональное и соматическое состояние личности. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), распространённость хронического стресса среди трудоспособного населения ежегодно увеличивается, что обуславливает рост числа психосоматических заболеваний, снижает уровень работоспособности и качество жизни (World Health Organization, 2020). Современные исследования показывают, что длительное воздействие стрессовых факторов приводит к дисбалансу нейроэндокринной системы и истощению адаптационных резервов организма (Sapolsky,

2004; McEwen, 2006), что актуализирует поиск эффективных способов профилактики и коррекции данного состояния.

В рамках психологической помощи традиционно применяются когнитивно-поведенческая, психодинамическая, гуманистическая и иные формы терапии; вместе с тем в последние десятилетия всё большее признание получает телесно-ориентированная терапия (TOT) как интегративный подход, направленный на восстановление единства тела и психики. Согласно мнению В. Райха, одного из основоположников телесно-ориентированной терапии, непрожитые эмоции и внутренние конфликты фиксируются на соматическом уровне, формируя т.н. мышечную броню, что препятствует полной самореа-

лизации личности (Reich, 1933). Современные авторы подтверждают, что терапевтическая работа с телесными проявлениями стресса способствует снижению уровня психоэмоционального напряжения, нормализации вегетативных и аффективных процессов (Ogden, Minton, Pain, 2006; Майков, 2016).

Целью настоящего исследования является анализ эффективности телесно-ориентированных методов для восстановления психоэмоционального баланса у лиц, страдающих от хронического стресса. В задачи исследования входит: обзор теоретических основ ТОТ, выявление психологических и физиологических проявлений хронического стресса, анализ механизмов воздействия ТОТ, а также описание и оценка практического применения телесно-ориентированных техник в работе с различными целевыми группами.

Телесно-ориентированные методы в психологии берут своё начало в первой половине XX века и тесно связаны с развитием психоаналитической парадигмы. Одним из первых исследователей, обративших внимание на роль тела в формировании и выражении психологических проблем, был Вильгельм Райх, ученик Зигмунда Фрейда. В своих работах Райх (Reich, 1933) предложил концепцию “мышечной брони” – хронических мышечных напряжений, которые, по его мнению, отражают подавленные эмоции и неразрешённые внутренние конфликты. Тем самым Райх впервые интегрировал телесную работу в психотерапевтический процесс, став основоположником телесно-ориентированной терапии (ТОТ).

В дальнейшем идеи Райха получили развитие в трудах таких исследователей, как Александр Лоуэн, основатель биоэнергетического анализа (Lowen, 1975), Фриц Перлз (гештальт-терапия с акцентом на телесные феномены), а также Ида Рольф (ролфинг) и Моше Фельденкрайз (метод Фельденкрайза). Концепция психосоматического единства, выдвинутая

Францем Александером, внесла значительный вклад в теоретическое обоснование роли соматических проявлений в структуре невротических и психосоматических расстройств (Alexander, 1950).

С 1960–1970-х годов развитие ТОТ сопровождается интеграцией с достижениями нейрофизиологии, телесной медицины и психосоматики. Современные исследования подтверждают биологическую и психологическую обоснованность применяемых телесных методик (Ogden, Minton & Pain, 2006; Price, 2013).

Основные теоретические концепции (В. Райх, А. Лоуэн и др.)

Ключевая теория ТОТ базируется на нескольких принципиальных положениях:

- Согласно В. Райху, подавленные эмоции и психотравмы фиксируются на уровне тела, формируя хронические напряжения (“мышечная броня”). Освобождение этих напряжений способствует высвобождению эмоциональной энергии и способствует психотерапевтическому прогрессу (Reich, 1933).
- Александр Лоуэн развил идеи Райха, предложив модель энергетики тела, где физические блоки препятствуют свободному “энергетическому току”. Биоэнергетический анализ, разработанный Лоуэном, включает упражнения, направленные на осознанное прочувствование и срыв мышечных блоков с последующим восполнением энергетического баланса (Lowen, 1975, 1993).
- Питер Левин (Levine, 2010) и Пат Оген соавт. (Ogden, Minton & Pain, 2006) в своих исследованиях подчеркивают значения сенсомоторной интеграции, отмечая, что проработка телесных ощущений (направленное внимание к ощущениям, дыхательным паттернам, позе и движению) способствует восстановлению способности эмоциональной регуляции, особенно у лиц с травматическим опытом.

- Современные телесно-ориентированные методы опираются на интегративный подход, где телесные практики рассматриваются как мост между бессознательными процессами и осознанной терапевтической работой (Ogden et al., 2006; Van der Kolk, 2014).

Базовые принципы телесно-ориентированной терапии включают признание неразрывной взаимосвязи психики и тела, актуальность работы с телесными ощущениями для психоэмоционального баланса, а также использование телесных практик для расширения осознанности и проработки психосоматических паттернов (Malkina-Pykh, 2010; Price, 2013).

В арсенале ТОТ выделяют следующие методы:

- Работа с телом: осознанное исследование телесных ощущений, мышечных зажимов и позы (Lowen, 1993; Ogden et al., 2006).
- Дыхательные техники: различные варианты глубокого, ритмичного или управляемого дыхания используются для снижения тревожности, активации парасимпатической нервной системы, а также усиления контакта с собственным телом (Levine, 2010; Майков, 2016).
- Движение: биоэнергетические, танцевальные, ритмичные упражнения, которые могут быть использованы как для интеграции подавленных эмоций, так и для снятия избыточного напряжения. Перемещение внимания на телесную динамику позволяет расширить возможности эмоциональной саморегуляции (Lowen, 1975; Van der Kolk, 2014).

Кроме того, в современных телесно-ориентированных практиках используются элементы медитации, телесного сканирования, различные техники релаксации и заземления, а также методы биологической обратной связи (Price, 2013; Mayer, 2014).

Таким образом, телесно-ориентированная терапия представляет собой интегративный междисциплинарный подход в психотерапии, который опирается на исторически сложившиеся идеи и постоянно обогащается результатами современных нейронаук, физиологии и психологии. Это обеспечивает высокий потенциал ТОТ для работы с хроническим стрессом и сопутствующими психосоматическими нарушениями.

Хронический стресс определяется как длительное, непрерывное воздействие стрессогенных факторов, приводящее к устойчивой активации стресс-реакций организма (McEwen, 1998). В отличие от острого стресса, который мобилизует ресурсы организма для быстрого реагирования на угрозу, хронический стресс связан с невозможностью выхода из состояния тревоги и напряжения. По мнению Ханса Селье, классика теории стресса, развивается стадия истощения, когда защитные силы организма перестают справляться с перегрузкой (Selye, 1976).

Основные критерии хронического стресса включают продолжительность воздействия стрессора (минимум несколько недель или месяцев), невозможность или затруднённость адаптации, а также устойчивое ухудшение психоэмоционального и/или соматического состояния (Lazarus & Folkman, 1984). Симптомы могут проявляться на когнитивном (проблемы с концентрацией, сниженная работоспособность), эмоциональном (раздражительность, тревога, апатия), поведенческом (избегающие реакции, нарушения сна) и телесном уровнях (повышенное артериальное давление, мышечные зажимы и др.) (Sapolsky, 2004).

Под действием хронического стресса в организме наблюдается постоянная активация гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси (НРА), что ведёт к устойчиво повышенному уровню кортизола и катехоламинов (McEwen, 2007). Это вызывает широкий спектр физиологических изменений: нарушения регуляции

иммунного ответа, обмена веществ, сердечно-сосудистой и пищеварительной систем (Chrousos & Gold, 1992).

С точки зрения психологии, постоянная мобилизация ресурсов приводит к эмоциональному истощению, формированию тревожных, депрессивных состояний, росту чувства беспомощности (Lazarus & Folkman, 1984). Физиологические проявления хронического стресса включают головные боли, хронические мышечные боли, повышенную утомляемость, а также развитие психосоматических расстройств (например, синдром раздражённого кишечника, гипертония) (Van der Kolk, 2014).

Современные исследования подтверждают тесную связь между телесными и психоэмоциональными проявлениями хронического стресса. Например, по данным исследований Б. Ван дер Колка (Van der Kolk, 2014), стресс и травматизация приводят к «застреванию» эмоциональных реакций на уровне тела, влияя на мышечные паттерны, дыхание, сердечный ритм. Одновременно страдают процессы эмоциональной регуляции, концентрации и мотивации.

Длительный стресс оказывает негативное влияние на все основные сферы жизнедеятельности человека. По мнению R. Sapolsky (2004), хронический стресс становится катализатором множества психосоматических (сердечно-сосудистые заболевания, диабет, аутоиммунные расстройства) и психических нарушений (депрессии, тревожные расстройства, снижение качества жизни).

Особое значение имеет влияние хронического стресса на когнитивные функции: когнитивная ригидность, проблемы с памятью, вниманием, сложности в принятии решений (McEwen, 2007). Ослабевает иммунитет, развивается склонность к простудным и инфекционным заболеваниям (Segerstrom & Miller, 2004).

Кроме того, хронический стресс существенно снижает уровень межличностной

коммуникации, приводит к социальной изоляции, снижению профессиональной эффективности (Molodetskiy, 2019). Возрастает риск конфликтов, эмоционального выгорания, утраты интереса к жизни.

Таким образом, хронический стресс – это комплексное явление, оказывающее многоаспектное влияние на тело, психику и социальное функционирование человека. Понимание психофизиологических механизмов стресса и его последствий лежит в основе разработки современных интервенций, направленных на профилактику и коррекцию стрессовых состояний, включая телесно-ориентированные методы терапии.

Современная психология и медицина всё чаще рассматривают тело и психику как единую систему, в которой эмоциональные и психологические переживания находят отражение в соматических процессах. С позиций психосоматического подхода (Б. Ван дер Колк, Ф. Александер, В. Райх), хронический стресс приводит к формированию мышечных зажимов, изменению осанки, нарушению дыхательных и вегетативных реакций. Эти телесные паттерны служат не только маркерами психологических затруднений, но и становятся самостоятельным источником поддержания неблагоприятных эмоциональных состояний. Работа с телом в рамках ТОТ способствует выявлению и осознанию таких зажимов, интеграции вытеснённых эмоций и восстановлению естественной телесной экспрессии (Lowen, 1976; Van der Kolk, 2014).

Многие техники ТОТ (дыхательные упражнения, движения, телесный сканинг) направлены на актуализацию телесных ощущений, развитие осознанности и восстановление контакта с внутренними ресурсами. Исследования показывают, что целенаправленная телесная работа способствует снижению уровня физиологического возбуждения (уровень кортизола, ЧСС), уменьшает тревожность и психофизиологическое напряжение (Mehling et al., 2012). Путём осознанного движения, рас-

тяжения, дыхания активизируются парасимпатические процессы, обеспечивающие чувство безопасности и расслабленности. Это создает предпосылки для переработки негативных эмоций, формирования устойчивых навыков саморегуляции (Price, 2015).

ТОТ, стимулируя телесные и сенсорные каналы, активизирует механизмы биологической обратной связи (biofeedback), позволяя клиенту отслеживать и контролировать свои реакции. Восстановление баланса между симпатическим и парасимпатическим отделами нервной системы способствует нормализации работы эндокринной и иммунной системы (Porges, 2011). Благодаря регулярной работе с телом улучшается регуляция эмоциональных состояний, восстанавливается гомеостаз, что выражается в повышении устойчивости к стрессу, более быстрой адаптации к жизненным трудностям и обретении субъективного чувства психологического комфорта. Тем самым ТОТ выступает эффективным инструментом профилактики и коррекции последствий хронического стресса (Ogden et al., 2006).

К числу наиболее действенных методов относятся:

- Биоэнергетические упражнения (по А. Лоуэну): направлены на снятие мышечных зажимов посредством активных динамических и статических поз, вибраций и дыхательных практик. Данные упражнения позволяют высвободить подавленные эмоции, восстанавливать жизненность, а также усиливают осознанность в отношении своего тела и чувств.
- Телесный сканинг (bodyscan): техника внимательного последовательного сканирования ощущений в различных частях тела в состоянии релаксации. Помогает устранить психофизиологическое перенапряжение, интегрировать ощущения и снизить уровень тревожности.
- Упражнения на релаксацию и заземление: сюда относятся дыхательные прак-

тики (например, диафрагмальное дыхание), работа с опорой, концентрация на точках соприкосновения тела с поверхностями, что способствует возвращению чувства «здесь-и-сейчас» и стабилизации эмоционального состояния.

- Работа с осанкой, балансом и движением (элементы метода Фельденкрайза, соматикс): помогают восстановить естественный двигательный паттерн, стимулируют выработку эндорфинов и улучшают самочувствие в целом.

Примеры кейсов и опыт внедрения ТОТ в работе с различными группами:

- Специалисты помогающих профессий: у представителей профессий, связанных с высоким уровнем эмоционального выгорания (психологи, врачи, учителя), внедрение регулярных телесных практик (например, групповые сессии по биоэнергетике или телесному сканированию) позволяет снижать частоту психосоматических симптомов (головные боли, спазмы, бессонница) и повышать стрессоустойчивость.
- Студенты и молодежь: практики ТОТ (короткие дыхательные упражнения, элементы mindful-movement) внедряются в программу профилактики экзаменационного и хронического стресса, что приводит к снижению тревожности и улучшению концентрации.
- Руководители и менеджеры: корпоративные тренинги с использованием элементов ТОТ способствуют улучшению командной атмосферы, повышению личной эффективности, ускоряют восстановление после профессиональных нагрузок.

Согласно результатам исследований (Mehling et al., 2012; Price, 2015), сочетание телесных техник с вербальными методами психотерапии (КПТ, психодинамический подход) позволяет достичь более устойчивого и глубокого восстановления эмоционального баланса, чем изолированное использование когнитивных или исключительно беседных методов.

TOT показывает высокую эффективность как в самостоятельной, так и в интегрируемой форме:

- быстрее актуализируются подавленные эмоции,
- уменьшается выраженность психосоматических симптомов,
- формируются навыки саморегуляции,
- повышается мотивация к самостоятельной заботе о психическом и физическом состоянии.

Однако важно учитывать индивидуальные особенности клиентов, степень выраженности нарушений и готовность к телесной работе – для ряда случаев рекомендовано сочетание TOT с классическими психотерапевтическими протоколами.

Сильные стороны телесно-ориентированных подходов:

- Комплексность воздействия: TOT вовлекает в терапевтический процесс не только когнитивную и эмоциональную сферу, но и телесную, что позволяет реализовать принцип «единства тела и души».
- Высокая применимость при психосоматических расстройствах: Практики TOT эффективны для работы с различными телесными симптомами, обусловленными стрессом (напр. нарушение сна, мышечное напряжение, головные боли).
- Развитие навыков саморегуляции: Клиенты учатся самостоятельно распознавать телесные сигналы стресса и справляться с ними с помощью освоенных методов (дыхание, осознанные движения, релаксация), что способствует формированию устойчивости к стрессу.
- Доказанная эффективность как самостоятельного интервенционного подхода и в составе мультидисциплинарных программ: Исследования подтверждают, что интеграция TOT с другими видами психотерапии (КПТ, арт-терапия) усиливает терапевтический эффект.

- Улучшение качества жизни и общего самочувствия: Практики TOT способствуют не только снижению стрессовых проявлений, но и общему улучшению психоэмоционального состояния, повышают уровень осознанности и телесного присутствия.

Слабые стороны и ограничения метода:

- Требование готовности клиента к работе с телом: TOT менее эффективна при выраженном сопротивлении или недоверии клиента к телесной работе; возможны трудности у людей с травматическим опытом.
- Ограниченная эффективность при тяжелых психических расстройствах: При психотических состояниях, расстройствах личности и выраженных суицидальных рисках использование TOT должно осуществляться с осторожностью или в составе комплексной терапии.
- Недостаточная стандартизация методов: Наблюдается относительная разнородность практического применения TOT, что затрудняет формализацию протоколов и сравнение результатов разных исследований.
- Зависимость результата от квалификации терапевта: Эффективность TOT во многом определяется уровнем профессиональной подготовки и личной проработанности специалиста.
- Отсутствие долгосрочных лонгитюдных исследований: Необходимы дополнительные научные данные по устойчивости полученного эффекта в отдаленной перспективе.

Ограничения метода и возможные риски

- Активизация трудных переживаний: Работа с телом может вызвать неожиданные воспоминания или эмоциональные реакции, особенно у лиц с травматическим опытом – необходима предварительная оценка психологической устойчивости клиента.

- Соматические ограничения: не все техники подходят людям с некоторыми хроническими заболеваниями, ограниченной подвижностью или противопоказаниями по здоровью.

- Риск неправильного применения неподготовленными специалистами: Новичкам важно тщательно соблюдать этические и методические стандарты, чтобы избежать ретравматизации клиента.

Рекомендации по интеграции ТОТ в комплексные программы профилактики и коррекции стрессовых состояний

- Мультидисциплинарный подход: Включать ТОТ в программы психологического и реабилитационного сопровождения совместно с когнитивными и поведенческими методами.
- Обучение специалистов: разрабатывать и внедрять специализированные образовательные курсы по ТОТ для психологов, врачей, социальных работников и педагогов.
- Персонализация практик: подбирать комбинацию методов ТОТ исходя из индивидуальных особенностей клиента, с учетом существующих психических и физиологических противопоказаний.
- Разработка стандартов и проведение научных исследований: Приоритизировать формализацию протоколов работы, а также расширять базу доказательных данных о клинической эффективности ТОТ на разных выборах.

Библиографический список

1. Всемирная организация здравоохранения. Хронический стресс: масштабы проблемы и пути решения. – Женева: ВОЗ, 2022.
2. Alexander F. Psychosomatic Medicine: Its Principles and Applications. – New York: Norton, 1950. – 298 p.
3. Chrousos G.P., Gold P.W. The concepts of stress and stress system disorders: Overview of physical and behavioral homeostasis // JAMA. – 1992. – Vol. 267, № 9. – P. 1244–1252.
4. Lazarus R. S., Folkman S. Stress, Appraisal, and Coping. – New York: Springer, 1984. – 456 p.
5. Levine P. A. In an Unspoken Voice: How the Body Releases Trauma and Restores Goodness. – Berkeley: North Atlantic Books, 2010. – 369 p.
6. Lowen A. Bioenergetics. – New York: Coward, McCann & Geoghegan, 1975. – 335 p.
7. Lowen A. The Spirituality of the Body: Bioenergetics for Grace and Harmony. – New York: Bioenergetics Press, 1993. – 210 p.
8. Майков В. С. Телесно-ориентированная психотерапия: современные методы и технологии. – М.: Когито-Центр, 2016. – 497 с.
9. Malkina-Pykh I. G. Body Psychotherapy: Theory, Practice and Outcomes. – New York: Nova Science Publishers, 2010. – 380 p.
10. Mayer J. D. Bodymind Healing Psychotherapy: Ancient Pathways to Modern Health. – Oakland: Jessica Kingsley Publishers, 2014. – 300 p.
11. McEwen B. S. Protective and damaging effects of stress mediators // New England Journal of Medicine. – 1998. – Vol. 338, № 3. – P. 171–179.
12. McEwen B.S. Stress, adaptation, and disease: Allostasis and allostatic load // Annals of the New York Academy of Sciences. – 2006. – Vol. 840. – P. 33–44.
13. McEwen B. S. Central effects of stress hormones in health and disease: Understanding the protective and damaging effects of stress and stress mediators // European Journal of Pharmacology. – 2007. – Vol. 583, № 2-3. – P. 174–185.
14. Mehling W. E., Wrubel J., Daubenmier J. J. et al. Body awareness: a phenomenological inquiry into the common ground of mind-body therapies // Philosophy, Ethics, and Humanities in Medicine. – 2012. – Vol. 7, № 6. – P. 1–12.
15. Molodetskiy D. V. Хронический стресс и социальное функционирование личности // Мир психологии. – 2019. – № 2 (98). – С. 59–71.
16. Ogden P., Minton K., Pain C. Trauma and the Body: A Sensorimotor Approach to Psychotherapy. – New York: Norton, 2006. – 366 p.
17. Porges S.W. The polyvagal theory: Neurophysiological foundations of emotions, attachment, communication, and self-regulation. – New York: Norton, 2011. – 368 p.
18. Price C. J., Hooven C. Interoceptive Awareness Skills for Emotional Regulation: Theory and Advances // Frontiers in Psychology. – 2018. – Vol. 9. – Article 798.
19. Price C. J. Body-oriented therapy in the treatment of chronic pain: a review // Alternative Therapies in Health and Medicine. – 2013. – Vol. 19, № 5. – P. 38–45.
20. Price C. Body-mind therapy and body awareness: research and clinical perspectives // International Body Psychotherapy Journal. – 2015. – Vol. 14, №1. – P. 95–109.
21. Reich W. Charakteranalyse. – Wien: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1933. – 520 S.

22. Sapolsky R. M. Why zebras don't get ulcers: The acclaimed guide to stress, stress-related diseases, and coping. – 3rd ed. – New York: Holt Paperbacks, 2004. – 560 p.
23. Segerstrom S. C., Miller G. E. Psychological stress and the human immune system: a meta-analytic study of 30 years of inquiry // Psychological Bulletin. – 2004. – Vol. 130, № 4. – P. 601–630.
24. Selye H. The Stress of Life. – 2nd ed. – New York: McGraw-Hill, 1976. – 515 p.
25. Van der Kolk B. A. The Body Keeps the Score: Brain, Mind, and Body in the Healing of Trauma. – New York: Viking, 2014. – 464 p.

© Резчикова Д. М., 2025

УДК 159.9

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА

EDN LAKLYP

О. Н. Сошина

А. В. Корсак

*Кандидат экономических наук, доцент,
ORCID 0000-0003-4586-2862,
e-mail: olga.soshina@bk.ru,
магистрант, e-mail: avp9043330352@gmail.com,
Санкт-Петербургский государственный
институт психологии и социальной работы,
г. Санкт-Петербург, Россия*

AN INTEGRATED APPROACH TO THE STUDY OF INDIVIDUAL PSYCHOLOGICAL FACTORS OF STAFF MOTIVATION

O. N. Soshina

A. V. Korsak

*Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Master's student
St. Petersburg State Institute
of Psychology and Social Work,
St. Petersburg, Russia*

Abstract. The article examines the classical theories of staff motivation (A. Maslow, F. Herzberg, V. Vroom, K. Alderfer), as well as the theories of self-determination by E. Deci and R. Ryan, the «Big Five» model) and provides a comprehensive analysis of the factors influencing employee behavior. Special attention is paid to the interaction of internal motives and external stimuli, the importance of such personal characteristics. The necessity of an individual approach to motivation management is substantiated.

Keywords: theory of motivation; staff motivation; individual psychological characteristics of personality.

Проблема мотивации персонала остаётся одной из ключевых в современной организационной психологии и теории управления. Быстро меняющаяся деловая среда, цифровые трансформации и смена ценностей работников усилили интерес к психологическим и нематериальным аспектам мотивации, постепенно вытесняя фокус с традиционных стимулов.

Современные социально-экономические реалии бизнеса, предполагают:

1. Изменение трудовых ценностей. Переход от мотивации «зарплата-премия» к ценностям осмысленной работы, гибкости и личностного роста особенно заметен среди миллениалов и поколения Z.
2. Психологические последствия кризисов. Социальная тревожность, инфляция и технологическая нестабильность формируют новый запрос на безопас-

ность, предсказуемость и доверие в организации.

3. Индивидуализация и гибкость подходов. Персонализированные системы мотивации с учётом личных ценностей сотрудников становятся конкурентным преимуществом работодателя.
4. Новые формы занятости. Удалённая и гибридная работа, развитие фриланс-культуры требуют адаптации мотивационных моделей под новые реалии [8].

Классические мотивационные модели, разработанные А. Маслоу, Ф. Герцберг, В. Врум, К. Альдерфер, легли в основу практических подходов к управлению персоналом и до сих пор используются при разработке мотивационных стратегий. Однако современные социально-экономические реалии требуют их переосмысления с учётом новых форм занято-

сти, поколенческих различий и возросшей роли индивидуально-психологических факторов.

Сложность изучения мотивации обусловлена её многомерной природой, объединяющей когнитивные, поведенческие, ценностные и эмоциональные компоненты. Поведение индивида в профессиональной среде формируется под влиянием совокупности потребностей, целей, ожиданий и личностных установок. Как показывают исследования, мотивация не может быть сведена исключительно к внешним стимулам – ключевую роль играют факторы внутренней самодетерминации, психологической безопасности, социальной включённости и индивидуальной ценностной структуры личности.

Анализ традиционных и современных подходов к пониманию мотивации персонала, предполагает взаимосвязь соотношения внешних и внутренних факторов, влияющих на трудовую активность, роли темперамента и личностных черт в формировании устойчивой мотивации, а также значению социальной среды и организационной культуры, обосновывается необходимость проведения дополнительных прикладных исследований в условиях нестабильной экономики и трансформации управленческих практик, связанных с генерацией персонализированных мотивационных стратегий.

В рамках традиционного подхода под мотивацией понимают взаимодействие факторов различной природы, которые активизируют и направляют поведение индивида на достижение поставленных целей. Это динамичный процесс, охватывающий как внутренние стремления личности, так и внешние обстоятельства её профессиональной среды.

При этом субъект действует не хаотично, а в соответствии с:

- потребностями (базовыми и высшими);
- ожиданиями (связь между усилиями и вознаграждением);

- ценностями (личностными и организационными).

Данная трактовка позволяет рассматривать мотивацию не только как психологическое состояние, но и как инструмент управления поведением сотрудников в организации.

Теоретической основой традиционного подхода являются работы: А. Маслоу, где мотивационное поведение формируется по мере удовлетворения базовых нужд и перехода к более высоким уровням личностного развития; ориентации индивида на определённый результат К. Альдерфера, который в модифицированной версии теории Маслоу (ERG-теория) указал на динамичность мотивационного процесса, где поведение корректируется в зависимости от степени удовлетворённости потребностей; теория Ф. Герцберга, разработанная им «Двухфакторная теория» разделила мотивационные факторы на:

- гигиенические (внешние условия труда);
- ожиданиями (связь между усилиями и вознаграждением);
- мотиваторы (внутренние стимулы, связанные с содержанием работы).

Значимый вклад в понимание мотивационного поведения, является концепция В. Врума, с его пониманием ожиданий и ценностей в трудовой деятельности. В его «теории ожидания» акцент на взаимосвязи:

- целенаправленных действий сотрудника;
- результата работы;
- вознаграждения.

Представленное определение мотивации не воспроизводит дословно конкретный источник, а является обобщением ключевых положений, характерных для классических теорий. Наиболее точно его суть передаётся в работе Лобановой Т. Н., где мотивация рассматривается как совокупность внутренних и внешних факторов, определяющих направленность поведения человека на достижение осмысленных целей.

Следует отметить, что мотивация персонала не может быть сведена лишь к

экономическим или административным стимулам. На современном этапе развития организаций становится всё более очевидным значение психологических компонентов мотивации: потребности в признании, самореализации, социальной принадлежности и личностном развитии. Это подчёркивает необходимость интеграции гуманистических и поведенческих моделей мотивации в практику управления.

Как отмечают современные исследователи Лобанова Т. Н. и Кибанова А. Я., традиционная мотивация персонала, с позиции системного подхода, может рассматриваться как элемент организационной системы, поддающийся управлению через комплексное воздействие на внутреннюю мотивационную структуру личности работника. При этом важно учитывать не только тип мотива (например, ориентация на достижение или избегание, а также степень его осознанности и устойчивости).

В отечественной научной традиции подчёркивается важность различения мотива и мотивации как самостоятельных, но взаимосвязанных компонентов. Мотив представляет собой внутреннюю причину действия, осознаваемую и значимую для личности, тогда как мотивация охватывает более широкий контекст, включая формирование целей, выбор стратегий поведения и оценку результатов деятельности. В отличие от этого, мотивация представляет собой более широкий динамический процесс, включающий не только формирование мотивов, но и постановку целей, выбор стратегий поведения и оценку результатов. Такое концептуальное разграничение позволяет: (1) точнее диагностировать причины трудовой активности персонала, (2) дифференцированно подходить к разработке стимулирующих мер – сочетая воздействие на внутренние мотивы (например, через обогащение труда) и управление внешними аспектами мотивации (системы вознаграждений), что в конечном итоге повышает эффективность кадрового менеджмента.

Современная наука выделяет комплекс ключевых психологических факторов, определяющих мотивацию личности в профессиональной деятельности. Эти факторы, имеющие прочную теоретическую базу, продолжают развиваться в актуальных исследованиях.

1. Потребность в признании и достижении:

Основы данного подхода были заложены Дэвидом Макклелландом в теории приобретённых потребностей. Как отмечает Ильин Е. П. в фундаментальном труде «Мотивация и мотивы», эта потребность проявляется в стремлении к совершенству и значимым результатам. Современные исследователи, включая Лобанову Т. Н., подчёркивают её роль как мощного социального мотиватора [2].

2. Ощущение справедливости:

Концепция справедливости как мотивационного фактора восходит к работе Джона Адамса. Кибанов А. Я. в своих работах акцентирует внимание на важности баланса между вкладом сотрудника и получаемым вознаграждением для поддержания трудовой мотивации.

3. Индивидуальные установки и ценности:

Теория ценностей Милтона Рокича получила развитие в работах Герчикова В. И., где подробно анализируется влияние личностных детерминант на профессиональное поведение.

4. Тип личности и темперамент

Исследования «Большой пятёрки» нашли практическое применение в работах Barrick & Mount, доказавших связь между личностными чертами и профессиональной эффективностью.

5. Автономия и контроль:

Теория самодетерминации Деси и Райана получила дальнейшее развитие, и позволила обосновать важность чувства самостоятельности для внутренней мотивации. Значительный вклад в теоретическое осмысление мотивации вносит теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана, в которой акцент сделан на трёх базовых психологических потребностях – автономии, компетентности и связанности. Их

удовлетворение создаёт условия для развития внутренней мотивации, тогда как внешние воздействия могут как способствовать, так и препятствовать её формированию.

В актуальных исследованиях, как отмечает Лобанова Т. Н., эти факторы рассматриваются в комплексе, отражая целостный подход к пониманию мотивации. Кибанов А. Я. подчёркивает необходимость учёта как устойчивых личностных характеристик, так и ситуативных аспектов при разработке систем мотивации персонала [3].

Кроме того, большое влияние оказывает организационная культура: её прозрачность, наличие обратной связи, поддержка развития сотрудников и наличие смысловой составляющей в работе.

Вместе с тем, такие индивидуально-психологические характеристики, как темперамент, уровень стрессоустойчивости и личные ценности, так же оказывают значительное влияние на мотивацию. Например, сотрудники с высоким уровнем добросовестности и эмоциональной стабильности склонны проявлять более высокий уровень вовлечённости и ответственности.

Отечественный психолог Ильин Е. П. подчёркивает значение темперамента и личностных установок в выборе мотивационной стратегии. Он указывает, что устойчивые личные ценности, такие как стремление к самореализации, признание, автономия и справедливость, формируют основу внутренней мотивации и влияют на поведение в рабочей среде [2].

Среди современных личностных моделей, применяемых в организационной психологии, особое место занимает концепция «Big Five», предложенная Л. Голдбергом. Эта модель включает пять устойчивых черт, отражающих психологический профиль человека, и позволяет прогнозировать поведенческие особенности сотрудников в рабочих условиях:

- Добросовестность (conscientiousness) отражает такие качества, как дисциплинированность, целенаправленность и надёжность.
- Эмоциональная стабильность, противоположная нейротизму, связана со способностью сохранять спокойствие, сопротивляться стрессу и демонстрировать устойчивость в нестабильных ситуациях.
- Остальные черты – открытость к новому, склонность к общению и доброжелательное отношение к окружающим – также вносят вклад в уровень трудовой мотивации, хотя и в различной степени, в зависимости от контекста профессиональной среды.

Метаанализ Баррика и Маунта подтвердил, что добросовестность является наиболее устойчивым показателем, а эмоциональная стабильность способствует адаптации к стрессовым ситуациям и снижению риска эмоционального выгорания.

Классический мета-анализ Barrick & Mount, установил значимую взаимосвязь между чертами личности «Большой пятерки» и показателями профессиональной деятельности. Наиболее выраженная корреляционная связь была обнаружена с добросовестностью (conscientiousness) продемонстрировала и эффективностью труда благодаря, целеустремленности, самодисциплины, надёжности, как последовательности в выполнении обязательств. В дальнейшем последующие исследования подтвердили универсальность этого эффекта для различных профессиональных групп.

Вместе с тем эмоциональная стабильность (низкий нейротизм) оказалась значимым фактором в формировании мотивации в двух аспектах, так как стрессоустойчивость, эмоциональным истощением и интеграции личностных черт и организационной среды, которая позволяет более точно прогнозировать и направлять мотивационное поведение.

Отметим, социальные факторы мотивации персонала, такие как отношения в коллективе, поддержка со стороны коллег и руководства, а также социальные нормы. Позитивная рабочая атмосфера и чувство принадлежности к команде способствуют повышению производительности и удовлетворённости работой. Эти положения подтверждаются как классическими, так и современными исследованиями в области мотивации. По мнению Кибанова А. Я. социальная среда, стиль управления и организационная культура рассматриваются как системные факторы, влияющие на поведенческие и мотивационные установки сотрудников [3].

Таким образом, понимание социальных аспектов мотивации становится особенно важным в условиях современных изменений в бизнес-среде.

Так же стандартные мотивационные модели, ориентированные преимущественно на материальное стимулирование, утрачивают свою эффективность. Это требует не только пересмотра подходов, но и углубленного анализа психологических факторов, влияющих на мотивацию, включая социальное благополучие и ощущение личностной безопасности.

На фоне цифровой трансформации, расширения удалённых форм занятости и смещения ценностных ориентиров сотрудников, мотивация персонала приобретает всё более многослойный характер. Современные исследования подчеркивают: привычные материальные стимулы – зарплата и премии – уже не являются универсальным инструментом воздействия. Всё большую значимость приобретают нематериальные факторы – стремление к личностной реализации, внутреннему смыслу работы и гармонии между профессиональной и личной сферами.

Особенно актуален вопрос индивидуализации мотивации. Универсальные подходы становятся неэффективными, поскольку сотрудники преследуют различные цели: одни ориентированы на карьерный рост, другие – на стабильность или

творчество. Поэтому компании нуждаются в персонифицированных системах поощрения, учитывающих личностные особенности и потребности сотрудников.

Изменения в поколенческой структуре сотрудников диктуют необходимость пересмотра традиционных подходов к мотивации. Так, поколения Y и Z стремятся к гибким условиям труда, возможностям быстрого карьерного продвижения и осмысленности профессиональной деятельности, тогда как предыдущие поколения в большей степени ценили стабильность и предсказуемость [2].

Большое значение приобретают психологическая безопасность и эмоциональное благополучие. Психологические последствия пандемии, информационная перегрузка, нестабильность усилили выгорание, тревожность и снизили уровень стрессоустойчивости. Это требует от работодателей не только материального стимулирования, но и создания благоприятной рабочей среды, менторства, гибких форм занятости.

Ключевые сложности формирования мотивации персонала можно условно разделить на две группы: организационные и личностно-психологические. К числу наиболее актуальных относятся:

- несоответствие стимулов потребностям сотрудников, особенно представителей молодого поколения, которые ориентированы на гибкость, развитие и баланс между работой и жизнью.
- выгорание и перегрузка, связанные с высокой интенсивностью труда и информационной нагрузкой, снижают вовлечённость даже изначально мотивированных сотрудников.
- разрыв между ожиданиями и реальностью, когда корпоративная культура и обещания не соответствуют действительности, приводя к падению доверия и мотивации
- отсутствие индивидуального подхода, когда универсальные схемы поощрения не соответствуют многообразию мотивационных установок работников.

Влияние личностно-психологических факторов:

- Стрессоустойчивость. Снижение уровня стрессоустойчивости сотрудников стало следствием постоянной многозадачности, давления сроков и неопределённости [8]. Это требует от работодателей создания поддерживающей среды и внедрения программ эмоционального восстановления.
- Потребность в достижении. Сотрудники с высокой внутренней мотивацией достижений требуют задач, соответствующих их уровню притязаний и желанию развития. При отсутствии вызова они быстро теряют интерес к работе, независимо от внешних поощрений.

- Структура трудовой мотивации. Современные теории мотивации, в частности теория ERG К. Альдерфера, определяют шесть базовых аспектов, влияющих на поведение сотрудников: условия труда, общение, карьерный рост, самоактуализация, социальное благополучие и личностная безопасность. Эти элементы становятся особенно значимыми в эпоху нестабильности, когда потребность в защищённости выходит на первый план.

Ниже представлены два графика, обоснованных проведенным исследованием в Дата-центре ООО «Имаклик» и иллюстрирующих необходимость проведения дополнительных исследований мотивации персонала:

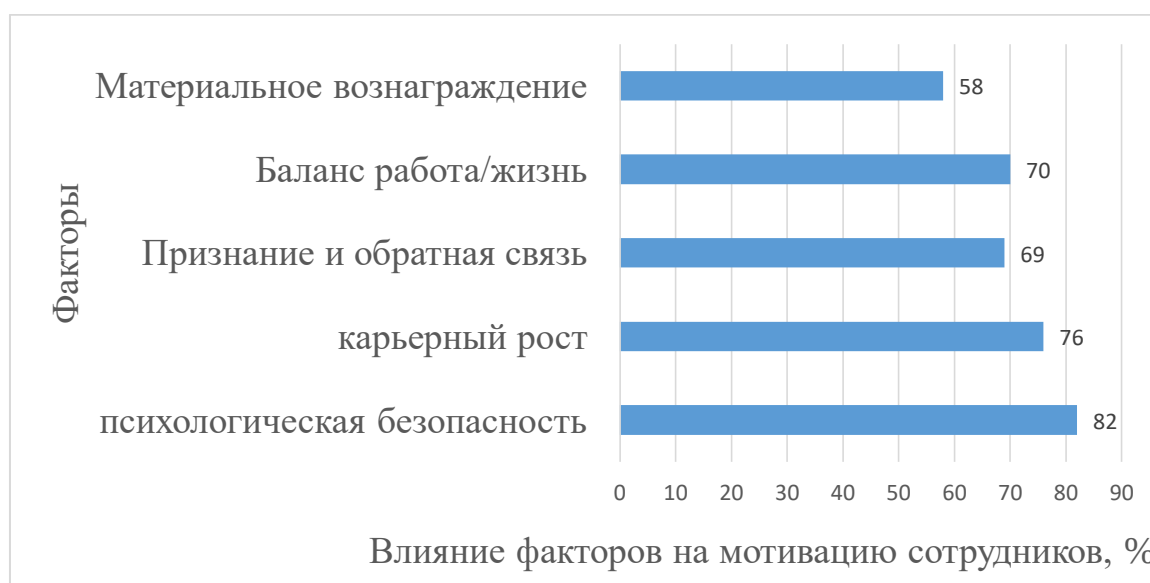

Рис. 1. Влияние различных факторов на мотивацию сотрудников

Этот график показывает, какие аспекты профессиональной среды сотрудники оценивают, как наиболее значимые для своей мотивации. На первом месте – психологическая безопасность (82 %), затем возможности карьерного роста (76 %), баланс работа/жизнь (70 %) и призна-

ние/обратная связь (69 %). Традиционно значимые материальные стимулы занимают лишь пятую позицию (58 %), что подчёркивает необходимость акцента на психологических и гуманитарных аспектах в исследованиях мотивации.

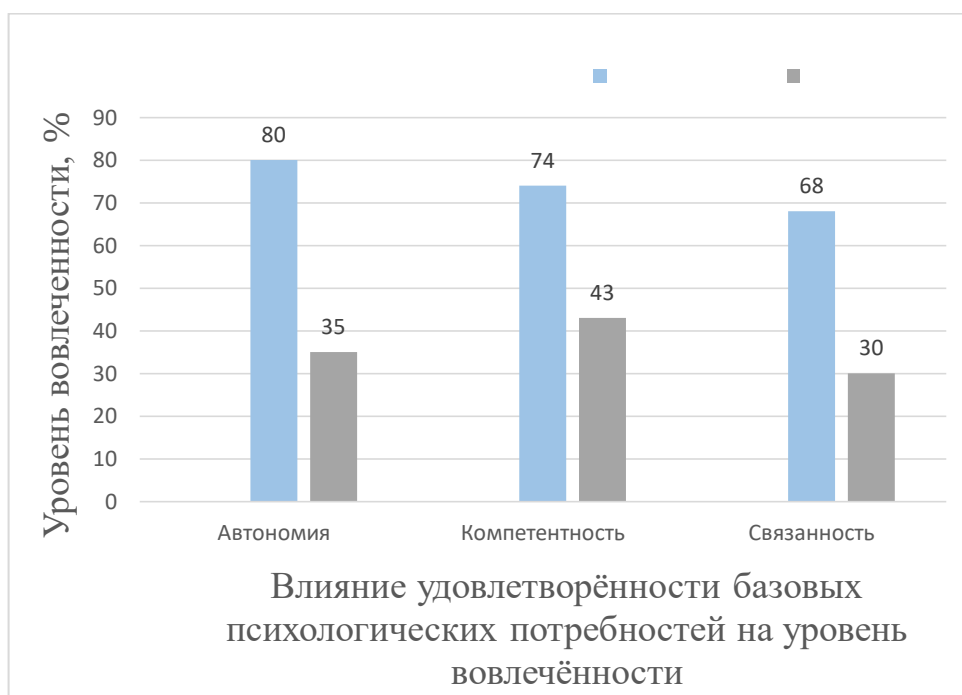

Рис. 2. Влияние удовлетворённости базовых психологических потребностей на уровень вовлечённости

Данный график демонстрирует, что сотрудники, у которых удовлетворены потребности в автономии, компетентности и связанности, в среднем на 40 % более вовлечены в рабочие процессы, чем те, чьи потребности остаются неудовлетворёнными. Эти данные подкрепляют выводы теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана, подчёркивая ключевую роль внутренней мотивации.

Представленные данные подтверждают тезис, что в современных условиях приоритет смещается от внешних стимулов к внутренним и психологическим, что требует разработки гибких, персонализированных мотивационных стратегий. Ключевыми становятся внутренние аспекты мотивации, включая самодетерминацию, потребность в признании, ощущение справедливости, психологическую безопасность и соответствие личностных установок трудовой среде.

В условиях стремительно меняющейся среды и многообразия индивидуальных ценностей становится критически важным

переход к гибким и персонализированным стратегиям мотивации. Такие подходы обеспечивают более точное соответствие между внутренними установками работников и задачами организации, способствуя росту вовлечённости и устойчивости персонала.

Библиографический список

1. Баррик, М. Р., Маунт, М. К. The Big Five Personality Dimensions and Job Performance: A Meta-Analysis // *Personnel Psychology*. – 1991. – Vol. 44(1). – P. 1–26.
2. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы. – СПб: Питер, 2002. – 512 с.
3. Кибанов, А. Я. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности. – М.: ИНФРА-М, 2015. – 334 с.
4. Лобанова, Т. Н. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности: учебник и практикум для вузов / Т. Н. Лобанова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2025. – 553 с. – (Высшее образование). – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/560496/p.32>.
5. Маслоу, А. Мотивация и личность. – СПб: Питер, 2020. – 352 с.

6. Райан, Р. М., Деси, Э. Л. Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being //

American Psychologist. – 2000. – Vol. 55(1). – P. 68–78. – Текст: электронный. – DOI: 10.1037/0003-066X.55.1.68.

© Сошина О. Н., Корсак А. В., 2025

УДК 339.138

ПСИХОЛОГИЯ ПОТРЕБИТЕЛЯ: ВЛИЯНИЕ ЭМОЦИЙ НА ПОКУПАТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

EDN LBYYPX

Д. Р. Шафикова
К. В. Апокина

*Студентка, e-mail: shaficova@inbox.ru,
кандидат социологических наук,
e-mail: k.apokina@bk.ru,
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*

CONSUMER PSYCHOLOGY: THE INFLUENCE OF EMOTIONS ON BUYING BEHAVIOR

D. R. Shaficova
K. V. Apokina

*Student,
Candidate of Sociological Sciences,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. The article examines the impact of cognitive and emotional processes on consumer behavior in the experience economy context. It analyzes key decision-making mechanisms, the role of neuromarketing, and emotional marketing technologies. Current issues in emotional influence on advertising are identified, and promising directions for the development of conscious marketing in the digitalization era are proposed.

Keywords: consumer psychology; emotions in marketing; purchasing behavior; neuromarketing; experience economy; event marketing; emotional marketing.

Проблема, которая заслуживает особого внимания в маркетинговой практике, — это недооценка влияния эмоций на решения покупателей. Более века господствовала идея о рациональности потребителя: он будто бы всегда выбирает лучший товар, ориентируясь на выгоду, характеристики и цену. Такая модель работала в XIX веке, но в XXI она всё чаще приводит компании к провалам в продажах. Если игнорировать эмоциональный фон клиента, рекламная кампания, каким бы идеальным ни был товар, сработает впустую. В условиях избытка предложений и информационного шума именно эмоции стали главным фильтром для восприятия и выбора продукта [2; 4].

Экономика впечатлений как новая реальность современного рынка требует от брендов более тонкой работы. Уже в 1999 году Джозеф Пайн и Джеймс Гилмор писали, что важен не столько товар, сколько впечатление, которое он оставляет. И если в XIX веке экономическая ценность создавалась за счёт производства вещей, то

в XXI веке — за счёт организации эмоций и переживаний [6]. Потребитель стал искать не товар, а чувство, которое он ему дарит. Это фундаментальный сдвиг, который невозможно игнорировать.

Исследования показывают, что до 95 % решений о покупке человек принимает неосознанно, на уровне эмоций. Это данные, полученные в нейромаркетинговых экспериментах, где использовались методы фМРТ и ЭЭГ [3]. Наблюдая за мозгом потребителя в момент просмотра рекламы, учёные фиксировали всплески активности в лимбической системе, которая отвечает за эмоции, а не в префронтальной коре, связанной с рациональным мышлением.

Модель принятия решения Филипа Котлера, представленная в виде «чёрного ящика», показывает, что маркетинговые стимулы воздействуют на внутренние психологические процессы, формируя эмоции, ассоциации и желания, которые в итоге и запускают покупательское поведение [4].

На этом фоне особенно важными становятся когнитивные факторы: восприятие, мотивация, убеждения и прошлый опыт. Например, потребитель с позитивным опытом использования бренда будет эмоционально настроен на его повторную покупку даже при наличии более выгодных альтернатив [2]. Исследования Герцберга доказывают: недостаток негативных факторов (например, отсутствие очередей в магазине) не создаёт лояльности, её формирует только наличие ярких позитивных впечатлений – вкусная кухня, приятная атмосфера, бонусы за покупку [4].

Интересно, что импульсивные покупки, по разным данным, составляют от 40 до 80 % всех трат в магазинах товаров широкого потребления. При этом такие покупки почти всегда сопровождаются эмоциональной мотивацией – радостью, чувством удовольствия, иногда – страхом упустить выгодную возможность [2; 3].

Психологи Зигмунд Фрейд и Абрахам Маслоу ещё в XX веке заложили основы понимания этих процессов. Фрейд утверждал, что скрытые желания и ассоциации определяют выбор товара, а Маслоу выстроил пирамиду потребностей, где базовые физиологические желания сменяются стремлением к признанию и самоактуализации [4].

Эти наблюдения остаются актуальными и сегодня. Например, рекламные кампании люксовых брендов (Chanel, Rolex) практически не рассказывают о характеристиках продукта, зато активно апеллируют к желанию человека выделиться, подчеркнуть статус, получить признание окружающих.

Компании, понявшие силу эмоций, давно перестали продавать товар в его физическом воплощении. Они продают ощущение. Сторителлинг – один из самых эффективных инструментов создания эмоциональной связи между брендом и клиентом [5]. История – это универсальный способ передачи информации через эмоции, а не через факты.

Классический пример – реклама Lego, где через сюжет о семье, мечтах и строительстве идеального дома запускается целая цепочка положительных эмоций: любовь, доверие, вдохновение [5]. Не менее эффективен референтный маркетинг, где бренд ассоциируется с кумиром или архетипическим образом. Яркий пример – кампания «Мегафона» с Брюсом Уиллисом в роли «крепкого орешка» [5].

Геймификация тоже доказала свою эффективность. Акция McDonald's «Монополия» увеличила посещаемость ресторанов почти на 15 % в период проведения [5]. Игра вызывает азарт, радость победы, что значительно усиливает эмоциональную привязанность к бренду.

Цветовое оформление – ещё один мощный триггер эмоций. Красный стимулирует возбуждение и активность, поэтому не случайно используется в логотипах Coca-Cola и KFC [5; 1]. При этом зелёный (экология, безопасность) и синий (спокойствие, надёжность) становятся доминирующими цветами для брендов, работающих в сфере технологий и финансов.

Событийный маркетинг (event-маркетинг) идёт ещё дальше: он создаёт уникальные переживания. Проведённые исследования показывают, что участие в мероприятиях формирует в сознании потребителя более сильные и долгосрочные ассоциации с брендом, чем традиционная реклама [1]. Эмоциональное погружение, иммерсивность, возможность быть не просто наблюдателем, а участником действия – всё это создаёт прочную эмоциональную связь между брендом и клиентом.

Интересно, что события работают даже в сегменте B2B: например, на промышленных выставках создание ярких впечатлений увеличивает лояльность потенциальных клиентов к компаниям-участникам на 20–25 % [7].

Персонализация стала неотъемлемой частью развития маркетинга эмоций. Цифровые технологии позволяют собирать данные о предпочтениях, эмоцио-

нальных реакциях пользователей в реальном времени. Уже сейчас алгоритмы на основе ИИ анализируют мимику лица при просмотре рекламы или отслеживают движения глаз, чтобы понять, какие элементы вызывают наибольшую эмоциональную реакцию [6].

Нейромаркетинг всё активнее используется не только крупными корпорациями, но и средним бизнесом. Стоимость базовых нейроисследований упала за последние пять лет почти в два раза, сделав эту технологию доступной для более широкого круга компаний [3].

Однако развитие эмоционального маркетинга сопровождается и серьёзными вызовами. Этические вопросы становятся всё более острыми: допустимо ли использовать скрытые эмоциональные механизмы для манипуляции поведением потребителей? Где проходит грань между эффективным маркетингом и нарушением личных границ?

Ещё одна проблема – «эмоциональное выгорание» клиентов. Постоянная гонка брендов за вниманием через эмоции приводит к тому, что потребители начинают уставать от переизбытка впечатлений. По данным исследований в США, около 35 % миллениалов заявляют, что реклама, нацеленная на эмоциональный отклик, вызывает у них раздражение [5].

Важным направлением развития становится концепция осознанного маркетинга, который стремится не просто вызвать эмоциональный отклик любой ценой, но и строить честные, долгосрочные отношения с потребителем, уважая его личные ценности и границы [7; 1].

Перспективным трендом является использование положительных эмоций, связанных не с искусственными стимулами, а с реальными социальными инициативами брендов. Например, участие в экологических проектах или поддержка локальных сообществ вызывает у потребителей чув-

ство сопричастности и гордости за свой выбор.

Развитие экономики впечатлений идёт рука об руку с ростом роли эмоционального интеллекта – не только на уровне отдельных маркетологов, но и на уровне корпоративной культуры. Умение распознавать, понимать и управлять эмоциями клиентов становится стратегическим ресурсом в конкурентной борьбе.

Библиографический список

1. Бочкарева, Е. С. Событийный маркетинг как инструмент экономики впечатлений / Е. С. Бочкарева // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 1, № 1 (142). – С. 167–172. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2024.01.01.021. – EDN HGXWWK.
2. Макеев, В. А. Психологические аспекты потребительского поведения / В. А. Макеев // Человек. Социум. Общество. – 2024. – № 9. – С. 38–43. – EDN IMHTCT.
3. Мельник, Е. В. Влияние когнитивных и эмоциональных процессов на поведение потребителей / Е. В. Мельник // Маркетинг и логистика. – 2022. – № 2 (40). – С. 36–46. – EDN DOPYGZ.
4. Попова, Н. Е. Развитие научных представлений о поведении потребителей / Н. Е. Попова // Russian Economic Bulletin. – 2022. – Т. 5, № 1. – С. 328–332. – EDN YHTGSM.
5. Рувенный, И. Я. Сущность и технологии маркетинга эмоций / И. Я. Рувенный, Э. Р. Касимова, Е. В. Кузнецова // Бизнес. Образование. Право. – 2022. – № 1 (58). – С. 59–63. – DOI 10.25683/VOLBI.2022.58.118. – EDN EDFAVL.
6. Байкова, Э. Р. Экономика впечатлений: теоретико-методологические аспекты / Э. Р. Байкова, К. В. Апокина // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2024. – № 5(179). – С. 12–16. – DOI 10.34773/EU.2024.5.2. – EDN PAQWTK.
7. Апокина, К. В. Экономические основы бизнеса : Учебное пособие для бакалавров, магистрантов, аспирантов, преподавателей, менеджеров, занимающихся проблемами управленческой и предпринимательской деятельности / К. В. Апокина. Том Часть 2. – Уфа : Башкирский государственный университет, 2022. – 174 с. – ISBN 978-5-7477-5542-0. – EDN HFVVEV.

© Шафикова Д. Р., Апокина К. В., 2025

УДК 159.9

**ОТНОШЕНИЕ К ЦЕННОСТНЫМ ОРИЕНТАЦИЯМ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН
РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП**

EDN LDOLBD

Ю. Б. Шлыкова*Кандидат психологических наук, доцент,**ORCID 0000-0002-6386-7192,**e-mail: magnoly@mail.ru,***М. А. Бабаджанян***магистрант, ORCID 0009-0005-2039-0741,**e-mail: marinabbd111@gmail.com,**Кубанский государственный университет,**г. Краснодар, Россия***ATTITUDE TOWARDS THE VALUE ORIENTATIONS OF MEN AND WOMEN
DIFFERENT AGE GROUPS****Yu. B. Shlykova***Candidate of Psychological Sciences,**Associate Professor,**Master Student,***M. A. Babaddzanjan***Kuban State University,**Krasnodar, Russia*

Abstract. The article presents an empirical study of attitudes towards the value orientations of men and women of two age groups. Values are considered by authors as a basic component of the personality structure. In the study, value orientations such as Money, Rest, Health, Love, Social status were proposed for evaluation. The study used the following criteria: joy of achievement, grief at the impossibility of implementation, importance, influence of circumstances on implementation, efforts made. The results obtained were compared by age groups separately for men and women. The authors describe the most significant value orientations and their age dynamics. Potentially conflicting value orientations are also described, which are distinguished by high significance, emotional inclusion of the individual and a low level of control over implementation.

Keywords: value orientations; age aspect; intrapersonal conflict; attitude to values.

В современном мире проблема ценностей личности становится всё более актуальной в меняющемся и неустойчивом мире социальных отношений. Актуальность связана как с необходимостью разобратся в уникальных ценностях каждого человека, так и с поиском механизмов формирования ценностей и их реализации в жизни отдельного человека и групп [2; 8]. Ценностные ориентации оказывают влияние на формирование мировоззрения человека, его убеждений и жизненных приоритетов, определяют линии развития личности как центрального аспекта существования человека [2; 6; 7; 8].

Несмотря на огромное число научных и прикладных исследований ценностной сферы человека, мы чаще всего сталкиваемся с поверхностным определением зна-

чимости конкретной ценности в определенной иерархии или поиском корреляции ценностей с различными особенностями личности [2; 5; 8]. В психологии гораздо меньше качественных исследований ценностей личности, включающих содержательный и системный анализ согласованности ценностей личности и их функции в жизни человека [2; 4; 6; 7]. Также нас в значительной мере интересует возрастная динамика ценностей личности [1; 3; 7].

В представленном исследовании реализована попытка провести качественный анализ ценностей представителей разных возрастных групп, с применением сравнительного анализа.

Целью представленного исследования стало определение отношения к ценно-

стям у мужчин и женщин разных возрастных групп.

Для достижения поставленной цели нами использовались в качестве психодиагностических процедур беседа и методика оценки ценностных ориентаций Р. Эммонса [6]. Полученные результаты анализировались в группах, различающихся по полу и по возрасту. Для проверки статистической значимости различий между группами использовался U-критерий Манна-Уитни.

Эмпирическую базу исследования составили две группы. 60 человек респондентов (30 женщин, 30 мужчин) в возрасте от 20 до 24 лет и 40 человек респондентов (20 женщин, 20 мужчин) в возрасте от 42 до 47 лет.

Методика оценки ценностей предполагает использование определенных критериев. В нашем исследовании использовались следующие критерии: радость от достижения, огорчение от невозможности реализации, важность, влияние обстоятельств на реализацию, прилагаемые усилия. Респондентам были предложены следующие ценности: деньги, отдых, социальный статус, здоровье, любовь.

Полученные результаты.

Первыми мы проанализировали результаты двух возрастных групп женщин. Результаты представлены в диапазоне средних значений группы от 0 до 5 баллов.

По ценностной ориентации «Деньги» статистически значимые различия проявились по прилагаемым усилиям: более взрослые женщины прилагают больше усилий (3,27) для реализации данной ценности в сравнении с более молодыми (4,13). Мы связываем это с ориентацией зрелых женщин на материальные потребности не только самих себя, но и своей семьи.

По ценностной ориентации «Отдых» женщины второй группы выше ценят возможность реализации потребности в отдыхе как эмоционально (3,13; 4,33), так и когнитивно (2,93; 3,73). И они же прилагают для этого больше усилий (1,8; 3,27).

Мы связываем эти различия с большей эмоциональной усталостью и выгоранием женщин более старшего возраста.

По ценностной ориентации «Социальный статус» все параметры оценки выше у более зрелых женщин. Для них более характерна радость от реализации данной ценности (2,41; 3,27), они считают её более значимой (2,38; 3,31), но в меньшей степени ощущают контроль (2,07; 3,73) и прилагают больше усилий на достижение и удержание социального статуса (2,93; 3,41). Мы можем говорить об усилении значимости социального положения от более молодого возраста к более зрелому.

По ценностной ориентации «Здоровье» выявлено, что с возрастом усиливается внимание женщин к своему здоровью и значимость данной ценности становится более ощутимой (3,93; 4,53). Отметим, что данная ценность скорее экстернальная, что создает дополнительное напряжение в ее реализации. Мы можем предположить, что при появлении реального ухудшения самочувствия данная ценность может стать конфликтной для женщин, особенно в старшей возрастной группе.

По ценностной ориентации «Любовь» различия проявились по параметрам радости (3,8; 4,77), важности (3,61; 4,83) и влияния обстоятельств (3; 4,27): все три параметра выше оценены более зрелыми женщинами. Мы предположили наличие выгорания женщин в процессе создания условий для реализации ценности любви, что требует дополнительного анализа динамики и содержания данной ценности.

В целом, мы можем говорить о том, что с возрастом женщины начинают переживать больше радости от реализации наиболее значимых ценностей; с возрастом усиливается значимость отдыха, социального статуса, здоровья и любви; более зрелые женщины тратят больше сил на реализацию значимых ценностей, но при этом возрастает и оценка влияния обстоятельств; усиливается противоречивость и потенциальная конфликтность

ценностей любви, здоровья и социального статуса.

Рассмотрим результаты мужчин.

По ценностной ориентации «Деньги» различия показывают, что мужчины старшей возрастной группы сильнее переживают удовольствие от реализации материальных ценностей (3,44; 4,31), считают данную ценность более значимой (3,33; 4,57) и прилагают больше усилий для её реализации (3,44; 4,73). Мы связываем это с тем, что финансовое положение в зрелом возрасте требует более рационального подхода и больших усилий от мужчин, чем в период ранней зрелости.

По ценностной ориентации «Отдых» показатели радости (2,33; 4,23) и важности (2,44; 3,47) выше у мужчин более зрелых, а вот огорчение в ситуации неудачи выше у молодых мужчин (2,44; 1,73). Возможно, это связано с тем, что более зрелые мужчины понимают и принимают ограниченность возможности отдыха (особенно с друзьями) и ценят его выше. Для молодых мужчин отдых не является проблемой, в связи с этим, их больше расстраивает нарушение планов на отдых.

По ценностной ориентации «Социальный статус» выявлены различия по всем параметрам оценки: все показатели значительно выше в старшей возрастной группе. Очевидно, что проблема сохранения и достижения социального статуса для старших мужчин более актуальна и даже конфликтна. В старшей возрастной группе заметно усиливается радость (2,44; 4,23) и огорчение (1,22; 3,5) при реализации или её невозможности в отношении своего социального положения. Такая включённость делает ценность потенциально конфликтной. Эта конфликтность усиливается за счёт повышения значимости социального статуса, увеличения затрачиваемых усилий и снижение контроля над возможностью реализации данной ценности.

По ценностной ориентации «Здоровье» выявлены различия по параметрам важности (3,11; 4,21) и радости (2,56;

3,73): как и ожидалось, оба параметра выше в старшей группе. Мы связываем это с естественной динамикой интереса к проблемам здоровья от более молодого возраста, к более старшему.

По ценностной ориентации «Любовь» выявлены различия по всем параметрам оценки: все показатели выше в старшей возрастной группе. Важная для молодых людей ценность любви становится достаточно конфликтной в старшем возрасте. Выше оценивается радость от возможности реализации (2,44; 3,78) и огорчение от невозможности (1,56; 2,42). Значительно повышается значимость любви в жизни мужчин (2,78; 4,27), но вместе с этим появляется необходимость приложения большего количества усилий для реализации этой ценности (1,56; 3,89), и, что также очень важно, усиливается ощущение зависимости ценности от внешних обстоятельств (2,89; 3,77). В связи со всем перечисленным, мы можем говорить о том, что ценность любви становится одной из конфликтных ценностей у мужчин в возрасте средней зрелости.

Делая выводы по возрастной динамике у мужчин, мы можем говорить о том, что у мужчин старшей группы выше оценка значимости большинства исследованных ценностей; мужчины старшей возрастной группы сильнее включены эмоционально в реализацию ценностей; конфликтность усиливается с возрастом по ценностям любви и социального статуса.

Подводя итог проведенному исследованию, мы можем говорить о том, что существуют выраженные различия в отношении собственных ценностей у мужчин и женщин разных возрастных групп. Полученные результаты показывают, что существует возрастная динамика отношения к ценностям и возможности их реализации. Понимание этой динамики позволит предотвратить возникновение у человека конфликтных и фрустрированных ценностей.

Библиографический список

1. Александрова А. А., Калашников В. М. Сравнительный анализ ценностных ориентаций личности разных возрастных групп // Развитие человека в современном мире. – 2022. – № 4. – С. 51–59.
2. Колодяжная О. Ю. К проблеме ценностей и ценностных ориентаций личности в современной психологии // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. – 2015. – № 4(6). – С. 127–129.
3. Москвитина О. А., Трофимова Л. Н. Особенности ценностных ориентаций взрослых людей, принадлежащих к разным возрастным группам // Актуальные проблемы психологического знания. – 2023. – № 4 (65). – С. 207–223.
4. Сивцова А. В. Ценностные ориентации личности: от внутренних конфликтов к саморазвитию. – Барнаул : Изд-во АГАУ, 2010. – 218 с.
5. Шалхарбекова Н. А., Сахиева Ф. А., Ергашова А. А., Комолова К. Н. Обзор научно-теоретических исследований ценностных ориентаций личности // Qazaqtaný. – 2019. – № 1 (1). – С. 103–109.
6. Эммонс Р. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности. – Москва : Смысл, 2004. – 414 с.
7. Яницкий М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. – Кемерово : Общество с ограниченной ответственностью «Авторское издательство Кузбассвуиздат», 2000. – 204 с.
8. Яницкий М. С., Серый А. В. Основные методологические подходы к изучению ценностно-смысловой сферы личности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 19–1. – С. 82–97.

© Шлыкова Ю. Б., Бабаджанян М. А., 2025

УДК 159.9

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ И ВИД ПЕРЕЖИВАЕМОГО ОДИНОЧЕСТВА

EDN LVGGBI

Ю. Б. Шлыкова*Кандидат психологических наук, доцент,
ORCID 0000-0002-6386-7192,**e-mail: magnoly@mail.ru,***А. А. Гоцкина***магистрант, ORCID 0009-0008-2450-3733,
e-mail: Gotskina24a@mail.ru,**Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия***RESILIENCE AND THE KIND OF LONELINESS****Yu. B. Shlykova***Candidate of Psychological Sciences,**Associate Professor,**Master Student,***A. A. Gotzkina***Kuban State University,**Krasnodar, Russia*

Abstract. In the presented article, the authors consider the problem of the relationship of resilience with the type of loneliness. This problem is investigated through a comparative analysis of men and women of two age groups. At the preliminary stage of work, the authors formed two contrasting samples according to the level of resilience: high and low. Next, a comparison is made of the severity of the types of loneliness in the male and female groups, two age groups with high and low levels of resilience. The results obtained by the authors show that there is a connection between the level of resilience and the type of loneliness experience. Sex and age characteristics of this relationship were also revealed.

Keywords: resilience; loneliness; type of loneliness experience; adolescence; adulthood.

Потребность социализироваться в общество, стать ее полноправным и успешным элементом, достичь удовлетворительного уровня реализации собственных возможностей – вот лишь малая часть основных и невероятно сложных задач, стоящих перед современным человеком. С другой стороны – усугубляющаяся проблема непонимания людьми друг друга, отсутствие времени на полноценное общение, межличностное взаимодействие. Подобное сочетание условий и потребностей вызывает в человеке сложные переживания. И одним из таких переживаний является чувство одиночества.

Несмотря на богатый материал, накопленный в психологической науке, проблема одиночества остается актуальной [1; 5; 6; 9]. Сохранение интереса к данной проблеме обусловлено рядом факторов: усилением у современного человека чувства отверженности, непонятости обществом,

другими людьми; отсутствием эффективных средств избегания или облегчения патологических форм переживания одиночества; появлением новых факторов, вызывающих чувство одиночества [1; 9].

Одним из новых личностных факторов, связанных с переживанием человеком одиночества, является жизнестойкость личности [2; 7; 8]. Жизнестойкость относительно новое понятие и само по себе еще недостаточно устойчивое в психологии. Но феномен жизнестойкости всё активнее используется как предиктор многих психологических явлений и процессов современной личности [3; 4; 10].

В представленном исследовании мы обратились к изучению связи уровня жизнестойкости с типами переживания одиночества в разных возрастных группах.

В исследовании использовались следующие психодиагностические методики: опросник для определения вида одиноче-

ства (С. Г. Корчагина), тест жизнестойкости (С. Мадди, адаптация Д. А. Леонтьев).

На предварительном этапе исследования приняло участие 163 респондента. При интерпретации результатов выделялись контрастные группы – респонденты с повышенными (выше 90 баллов) и пониженными (ниже 60 баллов) показателями жизнестойкости (103 человека). Сравнительный анализ проводился с учётом пола, возраста и уровня жизнестойкости респондентов. Результаты сравнивались с использованием U-критерия Манна-Уитни.

Результаты.

Связь жизнестойкости с типом переживания одиночества у юношей.

Диффузное одиночество одинаково представлено в группах юношей с разным уровнем жизнестойкости (43,3 %; 43,7 %). Диффузное одиночество предполагает выраженную потребность в социальных контактах, которая сопровождается переживанием разочарования в этих контактах. У юношей, как правило, несколько значимых людей, с которыми они себя идентифицируют. В связи с этим, диффузное одиночество не выражено у юношей, и не зависит от жизнестойкости.

Также слабо выражен в группе юношей диссоциированный вид одиночества (39,4 %; 23,7 %). Данный вид одиночества связан с процессами идентификации и отчуждения, и резкой их сменой. Для юношей не характерно настолько глубоко ассоциировать собственную жизнь, свои переживания с другими людьми, а также открыто отрицать в себе какие-либо качества, черты характера.

Отчуждающее одиночество является наиболее выраженным в группе юношей, не зависимо от их жизнестойкости (87,3 %; 58,9 %). При этом, у юношей с низким уровнем жизнестойкости этот показатель значительно выше. Отчуждающее одиночество характеризуется повышением тревожности, конфликтности, выраженной неспособностью к сотрудничеству. Такие люди оказываются неспо-

собными строить адекватные межличностные отношения, они избегают привязанностей, вследствие чего, боятся быть отвергнутыми, непонятыми.

Неопределенное одиночество, не относящееся к конкретному типу переживания, выражено в группе с низкой жизнестойкостью (62,7 %) и практически отсутствует в группе юношей с высокой жизнестойкостью (14,7 %).

Таким образом, мы видим, что у юношей уровень жизнестойкости оказался связанным с типом переживания одиночества: у юношей с низким уровнем жизнестойкости все виды одиночества выражены сильнее; отчуждающее и неопределенное одиночество имеют статистически значимые различия между группами юношей с высоким и низким уровнями жизнестойкости.

Связь жизнестойкости с типом переживания одиночества у девушек.

Диффузное одиночество более выражено в группе девушек, имеющих низкий уровень жизнестойкости (89,3 %; 72,6 %). Для них более характерно стремиться к социальным контактам, идентифицировать себя с другими людьми, подражать другим людям. Потребность быть похожими на более успешных людей и неспособность сделать это и вызывает у девушек противоречивые чувства и усиление переживания одиночества.

Отчуждающее одиночество и одиночество неопределенного типа не показали значимых различий между группами с разным уровнем жизнестойкости. Отметим, что неопределенный тип одиночества (переживание одиночества, без отнесения к какому-либо виду) имеет оценки выше среднего, что говорит о выраженности у всех девушек переживания одиночества (81,2 %; 80,2 %).

Наиболее выраженным в группе девушек с высокой жизнестойкостью оказался диссоциированный вид одиночества (84,7 %). Данный вид одиночества характеризует противоречивое отношение молодёжи к окружающим людям. Потреб-

ность выделяться из толпы, быть индивидуальностью, поиск себя сосуществуют с потребностью в близких отношениях, понимании и принятии со стороны других людей.

Таким образом, результаты девушек юношеского возраста показали наличие связи между некоторыми видами переживания одиночества и жизнестойкостью: для девушек с низкой жизнестойкостью более характерно диффузное одиночество; для девушек с высокой жизнестойкостью – диссоциированное.

Связь жизнестойкости с типом переживания одиночества у мужчин зрелого возраста.

Диффузное одиночество более характерно для мужчин, имеющих высокую жизнестойкость (61,2 %; 79,8 %). Для этого типа одиночества характерны высокий уровень эмпатии, человек стремится к другим людям, надеясь найти в общении с ними подтверждение собственного бытия, своей значимости. Такие люди очень остро реагируют на стрессы, выбирая стратегию поиска сочувствия и поддержки.

Отчуждающее (65,7 %; 71,2 %) и диссоциированное (34,2 %; 34,5 %) одиночество не показали значимых различий между подгруппами мужчин. Но отчуждающее одиночество имеет более высокие показатели у всех мужчин, по сравнению с диссоциированным.

Статистически значимые различия выявлены по переживанию одиночества, не отнесенному ни к одному из предложенных видов (37,2 %; 71,4 %). Мы выявили, что мужчины, имеющие высокую жизнестойкость, более склонны испытывать чувство одиночества, чем мужчины, имеющие низкие показатели жизнестойкости.

Отметим, что все виды одиночества выражены сильнее у мужчин с высоким уровнем жизнестойкости. Мы связываем это с повышением уровня самосознания и рефлексии у более зрелых мужчин. Жизнестойкость в зрелом возрасте может быть отражением личностных особеннос-

тей мужчин (ответственность, интеллектуальная развитость, субъектность), что определяет развитие рефлексии и самоанализа. А они, в свою очередь, являются необходимыми элементами глубоких переживаний личности, в том числе, одиночества.

Связь жизнестойкости с типом переживания одиночества у женщин зрелого возраста.

Диффузное одиночество выражено одинаково у всех женщин данной возрастной группы и не зависит от уровня жизнестойкости (81,4 %; 73,6 %). Оно является наиболее выраженным видом одиночества для женщин с низкой жизнестойкостью.

Статистически значимые различия проявились по оставшимся трем категориям переживания одиночества. И отчуждающее (50,4 %; 89,5 %), и диссоциированное (44,1 %; 91,2 %), и неопределенное (41,3 %; 87,3 %) одиночество более выражены у женщин, имеющих высокую жизнестойкость.

Мы видим, что, как и у мужчин, в период зрелости жизнестойкость тесно связана с переживанием одиночества, к которому оказываются склонны взрослые люди с высоким уровнем жизнестойкости.

В целом, проведенное нами исследование позволило описать некоторые особенности переживания одиночества людьми в зависимости от пола, возраста и уровня жизнестойкости: переживание себя как одинокого человека более характерно для женского пола; чувство одиночества усиливается к зрелому возрасту, по сравнению с юношеским; у мужчин низкая жизнестойкость связана с одиночеством в юношеском возрасте, а высокая жизнестойкость связана с одиночеством в зрелом возрасте; у женщин с низкой жизнестойкостью переживание одиночества ослабевает к зрелому возрасту, а у женщин с высокой жизнестойкостью остается неизменно высоким в обеих возрастных группах.

Полученные результаты позволили выявить парадоксальную связь переживания одиночества во взрослой возрастной группе. Также нами выявлены некоторые возможные направления динамики переживания одиночества в их связи с жизнестойкостью личности. Полученные результаты ставят новые исследовательские и прикладные задачи, которые помогут получить больше знаний о динамических характеристиках как жизнестойкости, так и переживания одиночества.

Библиографический список

1. Бармина П. С., Нозикова Н. В. Исследования феномена «одиночество» в гуманитарных науках // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2019. – Т. 8. – № 1–1. – С. 32–39.
2. Басаргина Д., Базалева Л. А. Жизнестойкость у лиц с высоким уровнем субъективного ощущения одиночества // Человек. Искусство. Вселенная. – 2017. – № 1. – С. 235–238.
3. Быстрова Т. В. Жизнестойкость как социально психологический феномен: генезис, перспективы // Российский научный журнал. – 2015. – № 2 (45). – С. 241–249.
4. Галиев Р. Р. Обзор исследований жизнестойкости личности // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 1 (93). – С. 129–133.
5. Корчагина С. Г. Психология одиночества. – Москва : Московский психолого-социальный институт, 2008. – 228 с.
6. Лабиринты одиночества : Сб. ст. : Пер. с англ. / Сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. – Москва : Прогресс, 1989. – 623 с.
7. Орлов Р. В. Влияние уровней жизнестойкости на субъективное переживание одиночества // В сборнике: Инновационный потенциал развития общества: взгляд молодых ученых: сборник научных статей 4-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок. – Курск, 2023. – С. 406–412.
8. Рапохина М. А. Анализ проблемы одиночества и жизнестойкости в современной психологии // Наука и современность. – 2012. – № 17. – С. 159–162.
9. Чурилова Е. Е., Каминская М. А. Феномен одиночества в философии и психологии // Вестник Вятского государственного университета. – 2020. – № 1. – С. 114–129.
10. Ярощук И. В. Психология жизнестойкости: обзор теоретических концепций, эмпирических исследований и методик диагностики // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. – 2020. – Т. 33. – № 1. – С. 50–60.

© Шлыкова Ю. Б., Гоцкина А. А., 2025

УДК 93/94

НАРОДЫ ГЕРМАНИИ И ИХ КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ, СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ВЫЗОВЫ ИНТЕГРАЦИИ

EDN LWTEUI

Д. Р. Насыров
О. В. Фурер

*Студент, e-mail: danila.nasyrov@gmail.com,
кандидат филологических наук, доцент,
e-mail: o.furer@psuti.ru,
Поволжский государственный университет
телекоммуникаций и информатики,
г. Самара, Россия*

THE PEOPLES OF GERMANY AND THEIR CULTURAL DIVERSITY: HISTORICAL CONTEXT, CONTEMPORARY PROCESSES, AND INTEGRATION CHALLENGES

D. R. Nasyrov
O. V. Furer

*Student,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Povolzhskiy State University
of Telecommunications and Informatics,
Samara, Russia*

Abstract. This paper explores the cultural diversity of the peoples of Germany, examining their historical and social contributions to the development of German society. It discusses key ethnic groups such as Germans, Turks, Arabs, Poles, Roma, and others, as well as the impact of migration on the formation of cultural identity and integration within the German nation. The main goal of the study is to analyze the role of these communities in contemporary cultural and socio-political processes, and to identify the challenges and opportunities associated with intercultural integration. The findings highlight the importance of preserving ethnic identity while fostering cultural interaction for social harmony and sustainability in the context of globalization.

Keywords: Germany, cultural diversity, ethnic groups, migration, integration.

Вводная часть и новизна. Значение исследуемых научных фактов в теории и практике. В чем новое решение научной задачи. Германия – это одна из самых многокультурных стран Европы с историей, которая переплетается с миграционными процессами, межкультурными контактами и преобразованиями. В последние десятилетия население Германии значительно изменилось, и культурное многообразие стало важной частью социально-политического ландшафта. Этнические и культурные группы, проживающие на территории Германии, оказывают влия-

ние на развитие немецкого языка, литературы, искусства и социальной среды. Значение исследования народов Германии и их культур проявляется в теоретическом контексте мультикультурализма и интеграции, а также в практическом применении для решения вопросов взаимодействия различных этнических и культурных групп в условиях глобализации. Новизна данного исследования заключается в комплексном подходе к анализу этнических меньшинств Германии в контексте текущих миграционных процессов и их

воздействия на формирование социальной идентичности.

Данные о методике исследования. Собственное научное исследование, предыдущие исследования (по теме статьи), статистика и т.п. Методология исследования базируется на использовании сравнительного и интегративного подходов. В ходе работы использовались данные Федерального статистического ведомства Германии, отчеты Всемирной организации миграции (ИОМ), а также исследовательские работы по миграции и этническим процессам в Европе. Для углубленного анализа культурного разнообразия применялись методы культурной антропологии, социологии и лингвистики, что позволило выявить связь между миграцией и развитием культурных идентичностей.

Согласно официальной статистике, на 2023 год в Германии проживает около 21,3 миллиона мигрантов, что составляет примерно 25 % от общего числа населения. Это разнообразие требует тщательного анализа взаимодействия различных культур и этнических групп. В качестве источников для изучения использовались работы немецких ученых, таких как Н. Ветцель, А. Эшенбург и другие, а также отчеты международных организаций, включая исследования, опубликованные в журналах *International Migration Review* и *European Journal of Migration and Law* [1, с. 45].

Экспериментальная часть, анализ, обобщение и разъяснение собственных данных или сравнение теорий.

Германия является многоэтничным государством, где представлены различные народности, сформировавшие своеобразные культурные общины. Наиболее заметные этнические группы включают германцев, турков, поляков, арабов, итальянцев и другие, каждая из которых вносит свой вклад в культурное многообразие страны.

1. Немцы (основное население страны). По данным Федерального статистического ведомства Германии, немцы составляют около 80 % населения страны.

Культура немецкого народа развивалась в течение многих веков и оказала влияние на мировую философию, литературу и музыку. Выдающиеся представители немецкой культуры, такие как Иоганн Вольфганг фон Гёте, Фридрих Шиллер, Людвиг ван Бетховен, стали символами национальной гордости, и их наследие продолжает вдохновлять новые поколения. В то же время, важно отметить, что национальная идентичность Германии в последние десятилетия претерпела изменения из-за влияния миграции и глобализации [2, с. 123].

2. Турки. Турецкая диаспора в Германии является крупнейшей среди мигрантских групп, численность которой составляет около 3,5 миллионов человек. Эти мигранты начали массово прибывать в Германию в 1960-х годах в рамках трудовой миграции. Турецкая община активно сохраняет свою культурную идентичность через традиции, такие как празднование Курбан-Байрама, турецкие свадьбы и кулинарию. Однако также наблюдается процесс культурной интеграции, и многие представители турецкой диаспоры становятся важными участниками социально-политической жизни Германии, как, например, в политической сфере (представители турецкой общины были избраны в бундестаг) [3, с. 156].

3. Арабы. Арабская община, особенно после миграции беженцев в 2015 году, увеличила свое присутствие в Германии. Согласно данным Федерального статистического ведомства, на 2023 год в Германии проживает около 1 миллиона арабов, в основном из Сирии, Ирака и Ливана. Эта группа привнесла новые культурные и религиозные элементы в немецкое общество, включая исламскую культуру, литературу и кухню. В то же время, арабские мигранты сталкиваются с вызовами интеграции, что является темой многочисленных исследований, включая работы К. Лаута (Lauter, 2021), в которых обсуждаются вопросы культурной адаптации и социальной инклюзии [4, с. 210].

4. Поляки и славяне. Польская диаспора в Германии является одной из старейших и многочисленных, насчитывая более 2,5 миллионов человек. Исторически поляки мигрировали в Германию в поисках работы, а также после Второй мировой войны, когда многие польские территории были включены в состав СССР. Сегодня польская культура активно сохраняется через музыку, искусство и кухню. В Восточной Германии, в частности в Саксонии и Мекленбурге, польские традиции имеют значительное влияние на локальные культуры. Польская община также активно участвует в политической жизни, а количество польских граждан, проживающих в Германии, продолжает расти [5, с. 88].

5. Ромские общины. Ромы составляют меньшинство в Германии, но их культурное влияние на музыку, театр и танцы значимо. Исторически ромы подвергались преследованиям, особенно во времена нацизма, когда многие из них были депортированы и уничтожены в концлагерях. Сегодня ромская культура продолжает развиваться в рамках немецкой культурной традиции, несмотря на продолжающуюся маргинализацию [6, с. 143].

6. Мигранты из других регионов мира. Последние десятилетия характеризуются увеличением миграции из стран Восточной Европы, Азии, Африки и Латинской Америки. По данным OECD International Migration Outlook (2022), Германия стала одним из главных пунктов назначения для мигрантов. Эти новые волны мигрантов приносят свои языковые и культурные особенности, что продолжает изменять культурное лицо страны [7, с. 34].

Выводы и рекомендации. Изучение культурного многообразия Германии позволяет сделать несколько ключевых выводов. Во-первых, этнические и культурные группы, проживающие на территории страны, играют важную роль в формировании современного немецкого общества.

Миграция и мультикультурализм становятся не только вызовами, но и возможностями для обогащения национальной культуры.

Во-вторых, проблемы социальной интеграции и сохранения этнической идентичности требуют разработки новых моделей взаимодействия, которые будут способствовать сохранению культурных традиций и обеспечению социальной гармонии.

В-третьих, необходимо проводить дальнейшие исследования, направленные на углубленное понимание миграционных процессов и их влияния на культурное пространство Германии. В этом контексте важным является не только сохранение этнических традиций, но и создание условий для их взаимодействия с немецкой культурой.

Библиографический список

1. Федеральное статистическое ведомство Германии. Population with a Migration Background. 2023. URL: <https://www.destatis.de> (дата обращения: 20.03.2025).
2. Ветцель, Н. Die türkische Diaspora in Deutschland: Integration und kulturelle Identität / Н. Ветцель. – Migration Studies Journal. – 2019. – Т. 5, № 3. – С. 119–136.
3. Лайтер, К. Integration und Identität: Die arabische Migrantengemeinschaft in Deutschland / К. Лайтер. – European Journal of Migration and Law. – 2021. – Т. 27, № 1. – С. 45–67.
4. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). International Migration Outlook 2022. URL: <https://www.oecd.org> (дата обращения: 20.03.2025).
5. Эшенбург, А. Die polnische Migrantengemeinschaft in Deutschland: Tradition und Wandel / А. Эшенбург. – Берлин: Verlag für Sozialforschung, 2020.
6. Report of the Roma Cultural Foundation / Roma Cultural Foundation. – Berlin: Roma Studies Institute, 2021.
7. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). OECD International Migration Outlook 2022. URL: <https://www.oecd.org> (дата обращения: 20.03.2025).

© Насыров Д. Р., Фурер О. В., 2025

УДК 316.344.253.4:34

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ГАРАНТИИ
БЕЗРАБОТНЫМ ГРАЖДАНАМ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

EDN LXBZAG

Фам Чан Бак
А. Э. Галина*Студент, Gmail: bacpham2710@gmail.com,
кандидат социологических наук, доцент,
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*SOCIAL PROTECTION AND STATE GUARANTEES
FOR UNEMPLOYED CITIZENS IN MODERN CONDITIONSPham Tran Bac
A. E. Galina*Student,
PhD in Sociology, Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. This article examines the legal regulation of social protection and state guarantees applied to such a category of the population as persons with the status of unemployed. The main measures of state support for this category of the population have been identified. In addition, the significance of the current norms of Federal Law No. 565-FZ dated December 12, 2023 «On Employment in the Russian Federation» has been determined.

Keywords: social protection; state guarantees; unemployed citizens; employment of the population.

Социальная политика в сфере занятости населения Российской Федерации реализуется посредством правового регулирования и практической реализации мер социальной защиты, государственных гарантий в отношении лиц, которым присвоен правовой статус безработных.

В настоящее время исследование указанных этих двух составляющих социальной политики в сфере занятости населения является актуальным, что обусловлено все возрастающим, в последнее время, развитием социального обеспечения и поддержкой всех категорий населения, в том числе безработных, а также принятием и введением в действие нового Федерального закона от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» (далее – Закон № 565) [4].

Социальная защита безработных представляет собой систему, включающую в свою структуру разные виды мер социального характера, практическая реализация которых способствует улучшению качества жизни рассматриваемой катего-

рии населения, посредством гарантирования и защиты со стороны государства их основных прав, предоставления им открытого доступа к базовым материальным благам и социальным услугам.

Главенствующая роль в указанной системе отведена нормам и принципам Конституции РФ [1], в которой нашли отражение все общепризнанные международные правовые нормы, изложенные в том числе в Конвенция № 2 Международной организации труда «О безработице» (Вашингтон, 14 июля 1921 г.) [2].

Конституционные принципы и нормы детализируются в различных нормативных правовых актах как федерального, так и регионального значения. В настоящее время действует новый Федеральный закон от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации», большинство положений положений которого вступило в силу с 1 января 2024 года и постепенно отменяет действующее регулирование в соответствии с прежним Законом РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Рос-

сийской Федерации» (далее – Закон № 1032-1) [3].

Государство осуществляет ряд мер по поддержке безработных граждан, включая выплаты пособий по безработице, предоставление бесплатного медицинского обслуживания, обеспечение бесплатного доступа к образованию и профессиональной переквалификации [6, с. 59].

При этом необходимо отметить, что применение мер государственной поддержки в сфере занятости населения регламентируется нормами, содержащимися в статье 28 Закона № 565. Нормы Закона № 1032-1 для правовой регламентации в указанной части не применяются.

Указанные меры государственной поддержки определяют содержание социальной защиты рассматриваемой категории населения.

Действующей в настоящее время нормой Закона № 565 закреплена именно система социальной защиты безработных, а не только отдельные государственные гарантии, распространяющиеся на рассматриваемую категорию населения. Современная официально закрепленная система мер социальной защиты безработных граждан включает в себя две группы мер государственной поддержки: основные и дополнительные. Основные меры поддержки можно условно разделить на материальные и те, которые способствуют трудоустройству лица, зарегистрированного в качестве безработного. К последним следует отнести содействие в трудоустройстве через центры занятости, создание и обеспечение бесплатного прохождения переобучения, помощь в открытии собственного дела. Большое значение имеет дополнительное образование в сфере освоения гражданами цифровых технологий и получения в данной сфере новых навыков, обеспечивающих для них не только конкурентность на рынке труда, но и возможности карьерного роста [10].

К дополнительным мерам следует отнести те, которые оказываются отдель-

ным, особо уязвимым группам граждан – инвалидам, молодежи и т.д.

Значимость материальной поддержки в системе мер социальной защиты определяет необходимость рассмотрения адекватности предоставляемых пособий. В данном случае, адекватность должна определяться возможностью лица обеспечить себя, а иногда и свою семью необходимыми благами на установленную сумму пособия.

В целях улучшения социальной поддержки безработных граждан с 1 февраля 2024 года размер пособия по безработице подлежит индексации исходя из роста потребительских цен за предыдущий год. В данном случае индексируются минимальный и максимальные величины размеров пособия по безработице, для чего Правительством РФ определяется коэффициент индексации.

Так, Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 января 2024 г. № 46 «Об утверждении коэффициента выплат, пособий и компенсаций в 2024 году» коэффициент индексации установлен в размере 1,074 для пособий по безработице [5]. Минимальным размером определена сумма 1500 руб. Максимальный размер пособия по безработице является 12 792 руб. Однако, данный размер пособия предоставляется первые три месяца периода выплаты. Последующие три месяца выплаты пособия по безработице максимальный размер составляет 5 000 руб.

С 12.03.2024 г. с учетом индексации минимальный размер пособия по безработице составляет 1611 руб. Максимальный размер пособия на первые три месяца определен в размере 13 738, 61 руб., а на последующие три месяца – 5 370 руб. [4; 5].

С 01.02.2025 г. минимальный и максимальный размер пособия по безработице составили, соответственно, 1764 руб. и 15044 руб. – в первые три месяца и 5880 руб. – в последующие три месяца.

Аналогичные размеры пособия применяются и в Республике Башкортостан. Однако, в связи с тем, что нормами Закона № 565 предусмотрено право ряда субъектов увеличивать размеры минимальной и максимальной величин пособия по безработице на размер районного коэффициента, то размер минимального пособия составляет 2028,6 руб., максимальный размер – 17300,6 руб. в первые три месяца, а также 6 762 руб. в последующие три месяца.

Насколько данные суммы могут обеспечить минимальные потребности безработного лица, может быть установлено на основании сравнений минимального размера оплаты труда (далее – МРОТ) и прожиточного минимума. МРОТ на 2024 год был установлен Федеральным законом от 19.06.2000 № 82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда» в сумме 19 242 руб., с 1 января 2025 года составляет 22 440 руб. [7]. Прожиточный минимум в 2024 г. составлял: для всех категорий граждан – 15 453 руб., для трудоспособных – 16844 руб. На 2025 г. установлен: на душу населения – 17 733 руб., для трудоспособного населения – 19 329 рублей [8].

Таким образом, можно видеть, что лишь максимальный размер пособия по безработице приближается к прожиточному минимуму. Минимальный же – не может удовлетворить даже самые минимальные потребности лица, оставшегося без работы.

Рассматривая вопрос о социальной защите безработных граждан, интересно провести сравнение ее реализации в других странах, в первую очередь, с активно развивающимся соседом нашей страны – Республикой Казахстан.

В соответствии с Законом Республики Казахстан от 5 декабря 2023 года № 43-VIII ЗРК «О республиканском бюджете на 2024–2026 годы» [9], минимальный размер заработной платы составляет 85 000 тенге, а величина прожиточного минимума – 43 407 тенге. Сумма пособия по безработице рассчитывается по достаточно

сложной формуле, позволяющей учитывать не только средний доход гражданина, но и период выплаты страховых взносов, что, по нашему мнению, является достаточно логичным исходя из солидарного принципа социального страхования. При средней заработной плате размер пособия по безработице составит 51 300 тенге, т.е. сумму, превышающую прожиточный минимум.

Исходя из вышеизложенного, следует сделать вывод о том, что действующий Закон № 565 в своих нормах закрепил более расширенный перечень мер государственной поддержки в сфере занятости населения по сравнению с ранее действовавшей нормой статьи 28 Закона № 1032-1. Тем самым, его нормами система социальной защиты безработных граждан была расширена и структурирована.

В целом, условия предоставления социальной защиты безработным гражданам включают безусловность права на получение поддержки и реальные механизмы ее предоставления. Они направлены на обеспечение социальной справедливости и защиты достоинства каждого безработного гражданина, а также на активное снижение безработицы в обществе.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, № 8-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. – Электрон. текст. дан. – [Москва], 6 октября 2022 г., № 0001202210060013. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595/> (дата обращения: 21.02.2024).
2. Конвенция № 2 Международной организации труда «О безработице»: заключена в г. Вашингтоне 29.10.1919 г. – 27.01.1920 г. // Конвенции и рекомендации, принятые Международной Конференцией труда. 1919–1956. Т. I. – Женева: Международное бюро труда, 1991. – С. 9–11.
3. Закон РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 (ред. от 25.12.2023) «О занятости населения в Российской Федерации» // Бюллетень нормативных актов РСФСР. – 1992. – № 1. – С. 4–18.
4. Федеральный закон от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации».

- ской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 18.12.2023. – № 51. – Ст. 9138.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 23 января 2024 г. № 46 «Об утверждении коэффициента выплат, пособий и компенсаций в 2024 году» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 29.01.2024. – № 5. – Ст. 696.
 6. Размеры минимальной и максимальной величин пособия по безработице // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115258/76d57c0dcc2c1f4beffb4a83e0066a7d65292ee/ (дата обращения: 26.05.2025)
 7. Федеральный закон от 19.06.2000 № 82-ФЗ (ред. от 29.10.2024) «О минимальном размере оплаты труда» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 26.06.2000. – № 26. – ст. 2729.
 8. Постановление Правительства РФ от 12.06.2024 № 789 «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации на 2025 год» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 24.06.2024. – № 26. – ст. 3649.
 9. Закон Республики Казахстан от 5 декабря 2023 года № 43-VIII ЗРК «О республиканском бюджете на 2024-2026 годы» // Казахстанская правда. – 6 декабря 2023 г. – № 233 (30110).
 10. Галина А. Э., Загитова Л. Ф. Формирование цифровых компетенций для построения карьерных траекторий // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2021. № 1 (157). С. 170–173.

© Фам Чан Бак, Галина А. Э., 2025

УДК 712.03

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ЛАНДШАФТНОЙ АРХИТЕКТУРЕ

EDN MBGSQJ

Ю. Р. Бурашникова
Т. В. Портнова

*Студент,
доктор искусствоведения, профессор,
Российский государственный
аграрный университет –
Московская сельскохозяйственная академия
им. К. А. Тимирязева,
г. Москва, Россия*

ECOLOGICAL APPROACH AS A STYLISTIC TREND IN LANDSCAPE ARCHITECTURE

Yu. R. Burashnikova
T. V. Portnova

*Student,
Doctor of Art History, Professor,
Russian State Agrarian University –
Russian State Agricultural Academy
name after K. A. Timiryazev,
Moscow, Russia*

Abstract. Landscape architecture makes a significant contribution to sustainable development, contributing to the harmonious interaction of nature and the anthropogenic environment. In recent decades, eco-stylistics has been actively integrated into the design of public spaces, due to the growing public attention to environmental issues and the conservation of natural resources. The article is devoted to the study of the ecological approach in landscape architecture as an independent stylistic direction. The main tasks include studying the influence of environmental principles on the design process, analyzing successful examples of eco-design, and determining the role of sustainable development in creating landscape facilities.

Keywords: ecology; ecological approach; architecture; ecodesign; ecostylistics.

В условиях современного мира вопросы охраны окружающей среды и устойчивого развития приобретают всё большую актуальность. Быстрая урбанизация и климатические изменения требуют переосмысления подходов к проектированию и взаимодействию с природной средой. Эстетика и функциональность ландшафтной архитектуры всё теснее переплетаются с необходимостью гармоничного сосуществования с природой, что способствует появлению инновационных методов создания объектов.

Целью исследования является изучение экологического подхода в ландшафтной архитектуре как самостоятель-

ного стилистического направления – экостилистики, с акцентом на её роль в обеспечении устойчивого развития и гармоничного взаимодействия природы и антропогенной среды.

В данной статье экостилистика рассматривается как целостное направление, интегрирующее экологические принципы в проектирование общественных пространств. Особое внимание уделяется влиянию этих принципов на процесс проектирования, анализу успешных примеров экодизайна и роли устойчивого развития в создании ландшафтных объектов, способствующих сохранению природных ресурсов и повышению качества жизни.

Экологический подход – это концепция, направленная на сбалансированное взаимодействие человека и природы, основанная на принципах устойчивого развития. Эти принципы предполагают удовлетворение текущих потребностей общества без нанесения вреда будущим поколениям, что достигается за счёт рационального использования природных ресурсов и сокращения экологического ущерба.

Основными элементами экологического подхода выступают: сохранение биоразнообразия, сокращение отходов, применение возобновляемых источников энергии и уменьшение углеродного следа. Эти аспекты позволяют разрабатывать проекты, которые не только отвечают функциональным и эстетическим требованиям, но и способствуют улучшению состояния окружающей среды.

Подобную тему затрагивают авторы Долотказина Н. С., Иванова Е. М. в своей работе «Инновационные технологии устойчивой архитектуры». Их статья направлена на освещение проблемы внедрения энергосберегающих и экологически безопасных технологий в архитектуре в условиях роста энергопотребления. Рассматриваются концепции устойчивой архитектуры, включающие энергосбережение, экологическую безопасность и создание комфортной среды для жизни с учетом потребностей будущих поколений. Энергоэффективные и экологичные здания представляют собой инновационный подход к архитектуре, решая проблемы энергопотребления и экологии. Автономные системы, возобновляемые источники энергии, экологичные материалы и озеленение способствуют устойчивому развитию, хотя высокая стоимость строительства остается препятствием [3].

Сохранение биоразнообразия занимает центральное место в данном подходе. С 1992 года, после Конференции ООН по окружающей среде и развитию, устойчивое развитие стало ключевой темой в раз-

личных сферах, включая архитектуру и ландшафтный дизайн. В этом контексте проектирование осуществляется в рамках эколого-ландшафтной модели, направленной на создание комфортной среды [4].

Экостилистика приобрела популярность при создании гармоничных зелёных зон как в городской, так и в загородной среде. Это направление не только преобразует облик городов, но и существенно влияет на образ жизни их жителей, формируя экологическое сознание и новые потребительские привычки. Она играет важную роль в восстановлении экосистем и гармонизации ландшафта, обеспечивая более устойчивые условия для жизни местных сообществ [1].

Восстановление и сохранение экосистем представляют собой ключевые принципы ландшафтной архитектуры, подразумевающие минимальное вмешательство в природные процессы и регенерацию деградированных территорий. Будущее развитие городов и их общественных пространств должно основываться на единой стратегии устойчивого развития [4].

Экостилистика способствует увеличению биоразнообразия в городской среде. Проекты, использующие местные виды растений, не только повышают эстетическую привлекательность общественных зон, но и создают благоприятные условия для жизни различных видов флоры и фауны. Такие подходы поддерживают восстановление эндемичных видов, что способствует укреплению экологического равновесия на территории [2].

Исследования подтверждают положительное воздействие экостилистики на качество почвы и воды. Применение природных материалов, таких как компост и мульча, а также использование систем сбора дождевой воды и естественных фильтров улучшают экологическое состояние территории. Это способствует обогащению почвы питательными веществами и повышению её способности удержи-

вать влагу, что особенно значимо в условиях изменения климата [5].

Согласно исследованию 2019 года, включение природных элементов в городские пространства повышает уровень удовлетворённости жителей на 15 %. Таким образом, эстетика экодизайна не только визуально обогащает среду, но и благотворно влияет на психологическое благополучие людей. Экологический дизайн в этом контексте выступает как теоретико-методологический принцип, направленный на экологизацию проектной деятельности, основанный на целостном восприятии материальной и духовной среды, природосообразности и культурной уместности [9].

Гармония эстетики и функциональности в экодизайне достигается за счёт интеграции природных и технологических элементов, выполняющих как декоративные, так и практические задачи. Примером служит проект «Bosco Verticale» в Италии, где деревья и кустарники на фасаде здания не только создают привлекательный облик, но и улучшают качество воздуха, способствуя формированию комфортного микроклимата. Исследования подчёркивают важность комплексного озеленения улиц и дорог в рамках общей застройки с учётом подземных и надземных коммуникаций сооружений.

Так, авторы Трофимова Ю. С., Копылов А. Б., Головин К. А. в своей работе «Зеленая архитектура. Устойчивое развитие» подчеркивают значение зелёной архитектуры и устойчивого развития в условиях экологических вызовов, вызванных современными технологиями и урбанизацией. Зелёные здания сталкиваются с проблемами, связанными с недостатком моральной основы, экономической рациональности и интеграции технологий. Эти аспекты должны формировать единую концепцию зелёной архитектуры. Экономические трудности включают высокие начальные затраты и медленный возврат инвестиций, что требует новых ценностей, законодательной поддержки и компенсаций для инвесторов. Устойчивая ар-

хитектура рассматривается как революция, переосмысливающая отношения человека и природы, и требует глубоких знаний в области экологии и устойчивого дизайна, которые должны внедряться через образование. В статье говорится, что устойчивая архитектура направлена на снижение вреда для экологии, а также на гармоничное взаимодействие с природой, изменяя образ жизни людей [10].

Экодизайн получил мировое признание благодаря своей способностью решать экологическую проблему загрязнения окружающей среды, одновременно улучшая качество жизни. Он включает энергосберегающие технологии, рациональное использование воды и ресурсов, а также озеленение для оптимизации микроклимата.

Изменения климата усложняют разработку экологических решений, создавая дополнительные нагрузки на флору и фауну, что затрудняет адаптацию экодизайна к местным условиям. Проекты требуют не только тщательной разработки, но и регулярных изменений с учётом постоянно меняющегося климата. Это в свою очередь ведет к большим затратам ресурсов.

Для адаптации ландшафтного дизайна к климатическим изменениям применяются методы, обеспечивающие устойчивость экосистем. Например, проект «Climate Ready Gardens» в Австралии использует засухоустойчивые растения для экономии воды, а система «Cloudburst Management» в Копенгагене снижает риски наводнений, повышая устойчивость городов к экстремальным погодным явлениям.

Экодизайн также способствует эффективному использованию пространства и земли. Проекты, основанные на его принципах, имеют multifunctional зоны для отдыха, культурных мероприятий и сельскохозяйственной деятельности, делая общественные пространства более интерактивными и привлекательными, что в свою очередь заставляет население заинтересоваться ими.

Инновации являются важными элементами в развитии экодизайна. Проект

«CopenHill» в Копенгагене, объединяющий мусороперерабатывающий завод с «зелёной» крышей, которая служит зоной отдыха и лыжным склоном, наглядно показывает соединение современных технологий и архитектуры. Такие объекты подчёркивают как функциональность, так и экологическую устойчивость.

Панкина отмечает, что экологические аспекты дизайна должны быть частью производственного процесса, что требует целостного подхода к созданию объектов экодизайна. Эти проекты раскрывают потенциал экодизайна в решении сложных задач на пересечении экологии и урбанистики. Экологический дизайн вбирает в себя лучшие практики различных направлений переосмысливая эффективные методы для создания природосообразной и гармоничной среды [9].

Устойчивое развитие – важный аспект, который впервые был обозначен в докладе «Наше общее будущее» 1987 года, подчёркивает необходимость удовлетворения потребностей текущего поколения без ущерба для будущих. В ландшафтной архитектуре это означает создание пространств, которые могли бы сочетать заботу об экологии, удобство для людей и экономическую выгоду. Такой подход помогает снизить вред для природы и улучшить качество жизни, что делает его важной частью современного дизайна. В докладе подчёркивается, что дизайн помогает решать экологические проблемы, формировать экологическое мышление и менять привычки людей, чтобы достичь необходимых целей [8].

Очень важны и критерии оценки в экологическом проектировании. Они позволяют объективно проверять, как проекты влияют на природу и соответствуют ли принципам устойчивости. Главные признаки успешных проектов – это их способность гармонично вписываться в окружающую среду, улучшать экологию территории и создавать комфортные места отдыха для людей.

Основные критерии оценки включают снижение загрязнения, увеличение биоразнообразия, экономическую целесообразность и социальную значимость, что обеспечивает всестороннюю оценку вклада проекта в устойчивое развитие. Качество и разнообразие ландшафтов признаются важным ресурсом, определяющим уровень жизни, культурное наследие и социальное благополучие [7].

Таким образом, успешные экологические проекты не только улучшают состояние окружающей среды, но и способствуют повышению качества жизни и сохранению культурных ценностей.

С точки зрения экономики, устойчивые подходы в ландшафтной архитектуре позволяют сократить долгосрочные расходы на содержание зелёных насаждений. Экологические методы, такие как уменьшение применения синтетических удобрений и пестицидов, снижают негативное воздействие на природу и одновременно уменьшают финансовые затраты на уход за ландшафтом.

Экостилистика помогает восстанавливать природу и создавать гармоничные ландшафты, принося пользу экологии, экономике и местным жителям. Этот подход предоставляет новые возможности ландшафтной архитектуре, показывая, как экологические идеи можно применять в городах. Благодаря экостилю появляется возможность вернуть природную гармонию в ландшафт.

Данную мысль с точки зрения использования минимализма в ландшафте изучает Мотрук Я. Б. в статье «Экологический подход в проектировании пространств минимализма». Автор подмечает возможности использования минимализма в архитектуре XXI века с акцентом на интеграцию озеленённых пространств и их взаимодействие с архитектурными объектами. Подчеркивается, что современный минимализм определяется идеологией времени, уделяя внимание техническим характеристикам зелёных зон, которые

способствуют энергоэффективности зданий и созданию психологически и экологически комфортной среды. Особое внимание уделено использованию местных видов растений и «сдержанного» ассортимента для создания устойчивых ландшафтов. Эстетика среды должна отвечать социальным и личностным потребностям, но с учетом экологического воздействия на окружающую среду, что существенно для качества среды обитания [6].

Но внедрение экостиля в ландшафтную архитектуру иногда является сложной задачей. Главная проблема – нехватка денег. Проекты в экостиле требуют больших затрат в начале создания, что может мешать их реализации, особенно в общественных местах с ограниченным бюджетом. Из-за этого часто выбирают более дешёвые и быстрые варианты, которые не всегда соответствуют принципам устойчивого развития.

Ещё одна проблема – недостаток квалифицированных специалистов, которые хорошо разбираются в направлении. Сейчас не хватает профессионалов с глубокими знаниями в экологии, экодизайне и ландшафтной архитектуре. Это приводит к ошибкам, например, неправильному выбору материалов или неподходящим местным растениям, что может навредить созданию экологических решений.

Кроме того, культурные и социальные факторы могут затруднять внедрение экостилистических инициатив. Для многих горожан привычны традиционные подходы к благоустройству, и они нередко сопротивляются новым решениям, требующим изменения восприятия пространства и взаимодействия с природой. Недостаточная осведомлённость о значимости экостилистики вызывает сомнения в успехе таких проектов, что проявляется в общественном сопротивлении и нежелании поддерживать инициативы, направленные на преобразование окружающей среды [3].

Внедрение экостилистики сопряжено с рядом ограничений и проблем, что подчёркивает необходимость более тщатель-

ного подхода к проектированию и реализации. Разработка комплексных стратегий для преодоления этих барьеров будет способствовать успешной интеграции экостиля в ландшафтную архитектуру и поддержке устойчивого развития городской и сельской инфраструктуры.

Анализ в данной статье показал, что экостилика – важное направление в ландшафтной архитектуре, которое помогает улучшать экологию и устойчивость окружающей среды. Она позволяет гармонично взаимодействовать с природой, что особенно важно при росте урбанизации и глобальных изменениях климата.

Экостиль также улучшает жизнь горожан. Создание удобных общественных пространств с элементами экостиля побуждает жителей активнее участвовать в общественной жизни и следить за экологией хотя бы в месте их проживания. Растущий интерес к экостилю среди людей и дизайнеров может сильно изменить подходы к созданию ландшафтных объектов.

Это открывает новые возможности для экологически устойчивого проектирования и подчёркивает значимость экологического образования и повышения осведомлённости общества об устойчивом развитии. Забота о природе и чистота, основанные на принципах экостиля, становятся ключевыми элементами гармоничного существования городской среды.

Библиографический список

1. Гутман С., Басова А. А. Индикаторы устойчивого развития арктической зоны Российской Федерации: проблемы выбора и измерения // Арктика: экология и экономика. – 2017. – № 4(28). – С. 32–48.
2. Лугарева Д. В., Мальченко Д. А., Лапшина Е. А. Архитектурная и ландшафтная организация многоуровневых парков в сложном рельефе // Вестник инженерной школы ДВФУ. – 2022. – №2 (51). – С. 136–147.
3. Долотказина Н. С., Иванова Е. М. Инновационные технологии устойчивой архитектуры // Инженерно-строительный вестник Прикаспия. – 2017. – № 2 (20). – С. 69–74.
4. Етеревская И. Н. Принципы экологического ландшафтного проектирования городских об-

- щественных пространств (на примере г. Волгограда) // Автореферат дис. ... канд. архитектуры. – 2004. – 256 с.
5. Жарикова Е. А. Экология почв в вопросах и ответах // учебн. пособие. – Владивосток: Изд-во ДВГТУ. – 2005. – 150 с.
 6. Мотрук Я. Б. Экологический подход в проектировании пространств минимализма // Вестник МГСУ. – 2019. – №11 (134). – С. 1408–1417.
 7. Орлова И. В. Возможности внедрения методов ландшафтного планирования в российские схемы территориального планирования муниципальных районов // География и природные ресурсы. – 2014. – № 2. – С. 167–173.
 8. Панкина М. В. Роль дизайна в контексте экологической проблематики и устойчивого развития // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 3 (53): в 3-х ч. Ч. II. – С. 134–137.
 9. Панкина М. В. Феномен экологического дизайна: культурологический анализ: Дис. ... докт. культурологии. – Екатеринбург. – 2016. – 258 с.
 10. Трофимова Ю. С., Копылов А. Б., Головин К. А. Зеленая архитектура. Устойчивое развитие // Известия ТулГУ. Технические науки. – 2022. – № 12.

© Бурашникова Ю. Р., Портнова Т. В., 2025

УДК 616.853

ОСОБЕННОСТИ ВЕДЕНИЯ ПАЦИЕНТОВ С ФАРМАКОРЕЗИСТЕНТОЙ ФОРМОЙ ЭПИЛЕПСИИ

EDN MCSFYI

М. А. Григолашвили

*Кандидат медицинских наук,
ассоциированный профессор,
ORCID0000-0001-6722-1762,
e-mail: karina_shara@mail.ru,*

М. Б. Бейсембаева

*врач-невролог, ORCID0000-0001-5691-8804,
e-mail: karina_shara@mail.ru,*

М. Д. Нишнианидзе

*резидент невролог, ORCID 0009-0009-8208-2241,
e-mail: karina_shara@mail.ru,*

Б. Д. Игенбаева

*резидент невролог, ORCID 0009-0000-8927-2536,
e-mail: karina_shara@mail.ru,*

А. Х. Галлямова

*резидент невролог, ORCID 0009-0000-1410-604C,
e-mail: karina_shara@mail.ru,*

Д. С. Базарбай

*резидент невролог, ORCID 0009-0005-7121-1782,
e-mail: karina_shara@mail.ru,*

*Карагандинский медицинский университет,
г. Караганда, Казахстан*

FEATURES OF MANAGEMENT OF PATIENTS WITH A PHARMACORESISTANT FORM OF EPILEPSY

М. А. Grigolashvili

*Candidate of Medical Sciences, Associate Professor,
Neurologist,*

М. B. Beisembayeva

Resident Neurologists,

М. D. Nishnianidze

Karaganda Medical University,

В. D. Igenbaeva

Karaganda, Kazakhstan

А. Kh. Gallyamova

Д. S. Bazarbai

Abstract. The problem of pharmacological resistance of epilepsy, despite the emergence of many «new» anti-epileptic drugs, remains relevant to the present. According to the WHO, epilepsy accounts for approximately 1 % of the global disease burden and ranks fourth on the list of neuropsychiatric disorders after depression, alcoholism and cerebrovascular disease, having a similar impact on the burden of breast and lung cancer. It affects more than 70 million people worldwide and is characterized by a persistent predisposition to spontaneous epileptic seizures and has numerous neurobiological, cognitive and psychosocial consequences. According to dynamics, the incidence of epilepsy in Kazakhstan tends to increase.

Keywords: epilepsy; pharmacoresistant form; surgical treatment; ketogenic diet.

Проблема фармакологической резистентности эпилепсии, несмотря на появление множества «новых» антиэпилептических препаратов, остается актуальной до настоящего времени. По данным ВОЗ, эпилепсия составляет примерно 1 % от общего бремени болезней в мире и занимает четвертое место в списке психонев-

рологических расстройств после депрессии, алкоголизма и cerebrovasкулярных заболеваний, оказывая аналогичное влияние на бремя рака молочной железы и легких. Она поражает более 70 миллионов человек во всем мире и характеризуется стойкой предрасположенностью к спонтанным эпилептическим припадкам и

имеет многочисленные нейробиологические, когнитивные и психосоциальные последствия. Согласно динамике, заболеваемость эпилепсией в Казахстане имеет тенденцию к росту.

У ряда больных приступы сохраняются несмотря на принимаемую терапию. С одной стороны, неэффективность консервативного лечения может быть связана с неправильным диагнозом (неверифицированные синкопальные состояния, аритмии, конверсионный характер приступов), некорректно подобранной схемой противосудорожной терапии (относительно типа эпилепсии), недостаточной дозой препаратов, нарушениями схем их приема. С другой стороны, сохранение приступов может быть связано с истинной неэффективностью консервативного лечения, резистентностью к нему [1; 2]. Пациенты с фармакорезистентным типом течения заболевания требуют особого подхода. Продолжение только консервативной терапии позволяет добиться контроля над приступами у 8 % пациентов, а вероятность благоприятного исхода после хирургического лечения височной фармакорезистентной эпилепсии в среднем составляет 66 % [2]. Контроль над приступами у пациентов с фармакорезистентной эпилепсией – важная социально-экономическая проблема. Однако до сих пор сохраняются сложности при постановке диагноза «фармакорезистентность», определением показаний к хирургическому лечению, выполнением предоперационного обследования.

Существует несколько гипотез, объясняющих механизмы формирования фармакологической резистентности. Гипотеза мишеней, или таргетная гипотеза, указывает на нарушения функционирования мишеней антиконвульсантов, таких как вольтажзависимые ионные каналы и рецепторы нейротрансмиттеров. Это происходит вследствие мутаций в генах, кодирующих потенциалзависимые ионные каналы: Na⁺-каналы кодируются генами SCN1A, SCN2A, SCN1B; K⁺-каналы –

генами KCNQ2, KCNQ3; Cl⁻-каналы – геном CLCN2, а также лигандзависимые ионные каналы, имеющие в своей структуре рецепторы GABA – генами GABRG1, GABRG2. Следующий патогенетический механизм формирования резистентности эпилепсии – это нарушение усвоения мозгом антиконвульсантов, или гипотеза лекарственных транспортеров. Идентифицировано несколько генов, кодирующих белки-транспортеры, которые ответственны за выведение лекарственных молекул из клетки с целью дезинтоксикации: ген MDR1 (ABCB1), кодирующий P-gл; ген ABCC1, кодирующий семейство MRP (multidrugresistance-associatedprotein) и ген ABCG2, кодирующий BCRP (breastcancerresistanceprotein). Среди перечисленных белков-транспортеров активны в отношении антиконвульсантов P-gл и белки семейства MRP. В случае их сверхэкспрессии возможны проявления фармакорезистентности. Гипотеза генной вариативности предполагает, что полиморфизмы генов, кодирующих лекарственные мишени и лекарственные транспортеры, играют существенную роль в непостоянстве фармакокинетики и фармакодинамики АЭП, а также в формировании резистентности [3]. Еще одной причиной фармакологической резистентности могут быть поражения, приводящие к структурным изменениям и повреждению нейронных сетей (гипотеза нейронных сетей). Примером такого поражения в первую очередь может служить гиппокампальный склероз. И, наконец, воспаление и аутоиммунные механизмы развития и поддержания резистентности являются еще одним звеном в ее патогенезе [4]. Как указывалось выше, приблизительно одна треть пациентов с эпилепсией демонстрирует резистентность к антиконвульсантам. В этой связи одной из главных задач является поиск новых, альтернативных медикаментозному, способов лечения многочисленной группы фармакорезистентных эпилепсий, наносящих непоправимый

ущерб здоровью пациентов. В настоящее время в международные стандарты входят следующие немедикаментозные методы лечения рефрактерной эпилепсии у детей: хирургическое лечение, имплантация стимулятора n. vagus (VNS-терапия) и кетогенная диета [5].

Прежде, чем отнести случай к резистентной эпилепсии, следует удостовериться, что лечение было назначено и принималось пациентом должным образом в соответствии с рекомендациями эпилептолога. Также важно понять, был ли приём препарата прекращён из-за побочных эффектов препарата или его неэффективности.

В случае эпилептических энцефалопатий детского возраста (персистирующие-неонатальные судороги, синдром Отахары, синдром инфантильных спазмов, эпилепсия с ESES и т.д.) признание резистентности должно проводиться в кратчайшие сроки после установления диагноза, так как 2-летнее ожидание приведет к формированию необратимого когнитивного дефекта, который сохранится даже после применения какого-либо немедикаментозного метода лечения. Вслед за констатацией фармакорезистентности проводится селекция пациентов в данной группе на предмет корректности диагноза. Следует учитывать существование феномена псевдорезистентности, связанного с ошибочно установленным диагнозом, неверно назначенным лечением, а также нарушением режима приема антиконвульсантов (низкая комплаентность). Так, по данным О. Devinsky, до 45 % пациентов с установленным диагнозом «рефрактерная эпилепсия» демонстрировали психогенные неэпилептические приступы [5; 6].

Безусловно, в первую очередь следует оценивать показания к хирургическому лечению, так как в настоящее время именно оперативное вмешательство является наиболее эффективным при некурабельных формах фокальной эпилепсии, и в случае полного удаления эпилептогенной зоны может навсегда освободить па-

циента от эпилептических приступов и пожизненной зависимости от химиотерапии антиконвульсантами. Однако далеко не все пациенты с фокальной резистентной эпилепсией становятся кандидатами на хирургию.

Хирургическое лечение эпилепсии.

Существует ряд патологических субстратов некурабельной фокальной эпилепсии, которые требуют обязательного обследования на предмет возможности хирургического лечения. К ним относятся односторонние пороки развития коры головного мозга (локальные, гемисферные), туберозный склероз, синдром Штурге-Вебера, артериовенозные мальформации, каверномы, последствия инсультов, опухоли, последствия нейроинфекций, энцефалит Расмуссена, медиальный темпоральный склероз, последствия травм. Главной целью предхирургического обследования является максимально точное определение локализации эпилептогенной зоны. Данная задача решается путем тщательного анализа и сопоставления локализаций ирритативной зоны и интериктального замедления, симптоматогенной зоны, зоны начала приступа, зоны эпилептогенного поражения и зоны функционального дефицита. Помимо этого, в случае близости или наложения эпилептогенной зоны на функционально значимые зоны коры (моторная, речевая, зрительная кора) проводится картирование с целью определения локализации последних [7]. Картирование может проводиться с помощью неинвазивных методик, таких как функциональная МРТ, магнитостимуляция и экстракраниальная электростимуляция, а также с помощью инвазивных электродов путем прямой электростимуляции коры. На заключительном этапе обследования определяется целесообразность проведения хирургического вмешательства, а в случае положительного решения – объем оперативного вмешательства. В настоящее время в нашей клинике, в соответствии с международными стандартами, принят следующий алгоритм предопера-

ционного обследования. I фаза – используются любые неинвазивные или малоинвазивные методы обследования, к которым относятся ВЭЭГ-мониторинг, МРТ, функциональная МРТ, позитронно-эмиссионная томография, однофотонная эмиссионная компьютерная томография, магнитоэнцефалография, имплантация сфеноидальных электродов [8; 9].

Кетогенная диета. Проблема неэффективности противосудорожных средств, в т.ч. и за счет непереносимости препаратов или выраженных побочных эффектов от их использования, как указывалось выше, требовала развития других методов и подходов в лечении эпилепсии. Среди таких ведущая роль принадлежит кетогенной диете. Кетогенный рацион предусматривает резкое снижение количества углеводов при увеличении содержания жиров. В этих условиях происходит переключение энергетического обмена с углеводного на липидный, что сопровождается накоплением кетоновых тел, которые, как полагается, и оказывают противосудорожный эффект. Механизм действия диеты до настоящего времени остается недостаточно изученным. Предполагается, что кетоновые тела запускают целую серию биохимических процессов, результатом которых является повышение противосудорожной активности. Кетогенная диета оптимизирует клеточный метаболизм, инициируя эндогенные биохимические и генетические программы, компенсирующие состояние кетоза, торможение процессов гликолиза и повышение свободных жирных кислот. Кетогенная диета индуцирует переход от продукции энергии путем гликолиза к продукции энергии через окислительное фосфорилирование (бета-окисление жирных кислот и продукцию кетоновых тел) [10; 11]. В свою очередь, снижение процессов гликолиза избирательно активирует калиевые мембранные каналы, повышая устойчивость нейронов к эпилептическому возбуждению. Повышение процессов окислитель-

ного фосфорилирования в сочетании с индукцией несвязанных белков и митохондриального биогенеза способствует восполнению энергетического дефицита в эпилептизированной ткани, приводя к большей устойчивости нейронов к патологической возбудимости, нормализации нейрональной активности и предотвращению нейродегенеративных изменений. Показанием к назначению кетогенной диеты является стойкая резистентность к антиконвульсантам, а также отсутствие показаний к хирургическому лечению [12].

При подходе, учитывающем соотношение затраченных ресурсов и результат, практикующий врач должен разработать алгоритм своих действий и действий пациента. Прежде всего, необходимо определиться с реально достижимыми целями лечения, выполнение или невыполнение которых будет определять эффективность терапии. В идеале они должны быть объективно регистрируемыми и измеряемыми, например, количество приступов в месяц [13]. Преимущества подходов к повышению эффективности лечения следующие: имеется конкретная программа лечения для врача и пациента; снижается риск мошенничества, расточительства, злоупотреблений и потенциального причинения непреднамеренного вреда пациентам; гарантируется, что все вовлеченные стороны имеют четкое представление о достигнутом прогрессе и долгосрочных целях; облегчается простой и эффективный биллинг, так как все оказанные медицинские услуги документированы; обеспечивается непрерывный уход, который учитывает предыдущие проблемы и опыт лечения человека, а также его текущие потребности; предотвращается дублирование медицинских мероприятий и снижается вероятность того, что пациенту будет предложено лечение, которое не работало в прошлом [14].

В пределах своих компетенций врач может повлиять, прежде всего, на клинические аспекты болезни, и лишь опосре-

дованно – на социальные, экономические, демографические и др. В свою очередь, среди клинических факторов можно выделить потенциально управляемые и абсолютно неуправляемые. К неуправляемым факторам, которые невозможно изменить, относятся следующие: ранний дебют заболевания, имевшиеся в детстве фебрильные приступы, длительность заболевания на момент первой консультации, пожилой возраст, вид приступов, форма эпилепсии. А вот с потенциально управляемыми – депрессией, тревожностью, аггравацией приступов, некомплаентностью, побочными эффектами, коморбидными заболеваниями – можно еще побороться. При анализе действия фактора, влияющего на эффективность лечения, необходимо учитывать многие его параметры, имеющие различный удельный вес. Прежде всего это его наличие (например, имеются ли эпилептогенные изменения на МРТ), а также модальность (какие именно изменения, например, туберозный склероз или последствия травмы), интенсивность (размеры и локализация туберсов), частота встречаемости (количество туберсов), сочетание данного фактора с другим (наблюдаются ли также эпилептогенные очаги на ЭЭГ). Установив, с какими управляемыми факторами можно работать, и определив удельный вес их составляющих, необходимо наметить оптимальные точки приложения и методы воздействия на них. Управляемые факторы Врачу целесообразно сосредоточить свое внимание на следующих управляемых факторах [15; 16]. Аггравация приступов после приема АПМ. Для снижения риска аггравации следует осуществлять медленную титрацию АПМ; вести дневник приступов, чтобы отличить ухудшение самочувствия от истинного учащения/утяжеления приступов; постепенно отменять нежелательный препарат; не менять оригинальные препараты на дженерики. Провокаторы приступов. Лучше перестраховаться и сообщить пациенту о большем количестве провокато-

ров приступов, чем ограничиться выдачей ему стандартного общеизвестного краткого списка [17; 18]. Например, больному необходимо санировать все хронические очаги инфекции (кариозные зубы, тонзиллит), которые при экзacerbации патологического процесса могут вызвать повышение температуры, провоцирующее приступы. Как это ни странно звучит, но больной должен бояться нарушить режим не меньше, чем самих приступов. Комплаентность пациентов. Эффективность лечения имеет с комплаентностью как прямую, так и обратную связь. Неэффективность терапии вызывает у пациентов утрату веры в выздоровление, что ведет к некомплаентности, приводящей к неэффективности лечения, замыкая порочный круг. В свою очередь, прекращение приступов вследствие успешного лечения порождает иллюзию выздоровления. Пациент прекращает принимать АПМ или принимает их нерегулярно, провоцируя появление новых приступов. Используемая в некоторых странах практика лабораторного контроля концентрации назначенного врачом препарата и негативного санкционирования некомплаентного пациента не имеет юридического обоснования. Реально практический врач может повышать комплаентность только осуществлением разъяснительной работы, а пациент – ведением развернутого дневника самонаблюдения и самоконтроля [19]. При таком подходе пациент, выйдя из кабинета врача и оказавшись вне его досягаемости, занимает активную позицию в лечебном процессе, что способствует повышению его эффективности, устранению провокаторов приступов.

Врачу, с целью повышения эффективности лечения больше времени при общении с больным следует отводить не на расширение кругозора пациента в области эпилептологии, а на описание особенностей болезни, усиление мотивации, выстраивание иерархии приоритетов, выдачу конкретных рекомендаций, которым надлежит неукоснительно следовать, пре-

дупреждение о негативных последствиях при некомплаентности, личной ответственности за исход заболевания. Побочные эффекты. При выраженных побочных эффектах, даже в случае эффективной терапии, сопровождающейся объективным снижением частоты и тяжести приступов, субъективно пациент может оценивать лечение как неэффективное. Порой он предпочитает иметь редкие, легко протекающие приступы, чем пожизненно принимать АПМ, вызывающие у него тяжелые побочные эффекты [20]. Однако в данном случае существует реальная опасность «утяжеления» течения болезни, эффективно лечить которую будет намного сложнее. Практически в данной ситуации врач может назначить АПМ «нового поколения», имеющие преимущества переносимости. Назначение дополнительных препаратов для борьбы с побочными эффектами (антигистаминные, антидепрессанты и др.) может быть контрпродуктивным, так как вызывает полипрагмазию, особенно при коморбидности. Кроме того, следует рекомендовать пациенту воздерживаться от приема лекарств, обладающих epileptogenic активностью [21; 22]. Личности врача и пациента. С одной стороны, эффективность лечения зависит от адекватности назначенной врачом терапии, что, в свою очередь, зависит от его опыта и интеллектуального начала. Неправильно назначенное доктором лечение, даже при абсолютной комплаентности пациента, будет неэффективно. С другой стороны, некомплаентность пациента может свести на нет усилия целого врачебного коллектива. Однако некомплаентность пациента имеет и положительную сторону – она нивелирует побочные эффекты при неправильно назначенном лечении. В условиях полной адекватности пациента одним из его усилий по повышению эффективности лечения является поиск высококвалифицированного врача и специализированного лечебного учреждения, а со стороны врача – активное

профессиональное совершенствование. Неуправляемые факторы Неуправляемые факторы интересуют практического врача, прежде всего с точки зрения их негативного влияния на эффективность лечения, дальнейшего прогноза. Зная их, можно прогнозировать степень эффективности терапии, уровень максимальных достижений. Сообщая пациенту о существовании у него негативных неуправляемых факторов, врач мотивирует его на высокую комплаентность при работе с позитивными управляемыми факторами. К негативным неуправляемым факторам относятся ранний дебют, высокая частота приступов в дебюте, epileptogenic изменения на МРТ. Событие, имевшее место в прошлом, абсолютно неуправляемо, его уже не изменить. В силах врача только не допустить подобного события в будущем. Например, имеются epileptogenic изменения на МРТ, с которыми в настоящее время ничего нельзя сделать [23; 24]. Однако грамотная терапия может предотвратить их появление в будущем. Иногда какой-то фактор может выступать в нескольких ипостасях. Например, высокая частота приступов служит предиктором фармакорезистентности эпилепсии у взрослых [6] и в то же время одним из показателей эффективности лечения. Таким образом, врачу приходится бороться с тем, что обрекает его борьбу на малый успех. Некоторые факторы могут быть негативными или индифферентными в зависимости от типа epileptogenic синдрома, например, anomalous background activity на ЭЭГ, дебют эпилепсии в раннем возрасте и др. Стандартные методики в силу своей недостаточной информативности не позволяют трактовать обнаруженные изменения как однозначно «благоприятные» или «неблагоприятные», увеличивая тем самым степень неопределенности прогноза эффективности лечения. Сочетание негативных факторов, «сходящихся в одну точку», уменьшает вероятность высокоэффективного лече-

ния, например, совпадение клиники фокальных приступов, структурного поражения головного мозга, фокальной эпилептиформной активности на ЭЭГ. Оценка качества жизни Опора на широко используемые субъективные опросники (QOLIE-31, HADS и др.), созданные для ситуации оказания медицинской помощи, а не экспертизы, некорректна, так как не позволяет объективно и комплексно оценить качество жизни больных эпилепсией [25; 26]. Критически надо относиться и к мнению других людей. Родственники обычно дают гипертрофированную оценку страданиям пациента («синдром опекуна»), а медработники завышают качество жизни («синдром благодетеля»). Необходимо учитывать, что имеется диссонанс между объективным улучшением клинической картины вследствие успешного лечения и субъективным незначительным улучшением качества жизни. Оценка качества жизни больных эпилепсией должна основываться на объективных и субъективных показателях из разных источников, а не базироваться только на субъективном мнении пациента. Для объективной оценки качества жизни больных эпилепсией помимо ныне существующих стандартизированных самоотчетов необходимо внедрение в клиническую практику проективных и диалогических (интерактивных) техник. Порой для улучшения качества жизни пациентов необходимо проводить психологическое обследование не только их самих, но и людей, ухаживающих за ними, с целью нормализации взаимоотношений [27].

Несмотря на то, что история изучения эпилепсии насчитывает несколько тысяч лет, проблема избавления пациентов от приступов по-прежнему далека от своего решения. «Современный» этап развития эпилептологии начался в 1912 г., когда была показана эффективность фенобарбитала в отношении эпилептических приступов. Несмотря на ряд существенных достижений и научных прорывов, и через сто лет от начала этого периода около трети пациентов с эпилепсией от-

носятся к когорте фармакорезистентных. Более того, при прямых сравнениях эффективности АПМ (англ. head-to-headcomparison) ни один из «новых» и «новейших» препаратов не показал принципиально большей эффективности, чем вышеупомянутый фенобарбитал. В единичных случаях (примерно у 1 пациента из 1000) решить проблему фармакорезистентности может оперативное вмешательство. Другие методики лечения существенно проигрывают медикаментозной терапии по соотношению «затраты – эффективность». Очевидно, что дальнейшее повышение эффективности лечения эпилепсии требует фундаментальных открытий в области генетики (выявление, пренатальная диагностика, а затем, возможно, и генная терапия множества форм эпилепсии, терапии у пациентов с фармакорезистентной эпилепсией [28; 29].

Проблема неэффективности медикаментозного лечения эпилепсии на протяжении многих десятилетий остается актуальной и определяет многие ключевые направления исследований в клинической и фундаментальной эпилептологии. В представленных выше концепциях патогенеза фармакорезистентность при эпилепсии рассматривается как следствие сопутствующего патологического процесса или конституциональной предрасположенности. Очевидно, что эпилепсия как таковая не является рефрактерной; можно предположить существование спектра ответа на АЭП, на одном конце которого будут пациенты, достигшие пожизненной ремиссии без специфического лечения (по некоторым данным до 20–40 % больных), на другом – пациенты с прогрессирующей фармакорезистентной эпилепсией, высоким риском травм и внезапной смерти. Фармакорезистентность является дополнительной, не универсальной и, возможно, независимой характеристикой заболевания. Следовательно, терапевтическая стратегия при фармакорезистентной эпилепсии должна основываться на комплексном подходе и предусматривать одновременное воздействие, с одной стороны, на

подавление икто- и эпилептогенеза, а с другой – на преодоление фармакорезистентности [30; 31]. Ни хирургические вмешательства (дефинитивные или нейромодуляционные), ни кетогенная диета не могут применяться изолированно без подбора соответствующей базисной медикаментозной терапии. Таким образом, фармакорезистентность при эпилепсии – это актуальная научная и практическая проблема, требующая проведения взаимосвязанных фундаментальных и клинических исследований в рамках концепции трансляционной медицины. В частности, нельзя исключить, что выявление новых молекулярных мишеней и разработка воздействующих на них позволит снизить частоту фармакорезистентной эпилепсии. Перспективным направлением также является поиск путей оптимизации фармакокинетики или фармакодинамики антиэпилептоидных препаратов, например, путем модуляции активности транспортеров ксенобиотиков; изучение коннектомопатии и биоэлектрической активности головного мозга при эпилепсии может выявить новые возможности для нейромодуляции при фармакорезистентной эпилепсии и уточнить ее параметры. Комплексный подход к проблеме фармакорезистентности позволит не только получить новые данные о механизмах патогенеза эпилепсии, но и усовершенствовать алгоритм лечения пациентов и повысить его эффективность [32; 33].

Библиографический список

1. Busch R. M., Dalton J. E., Jehi L., Ferguson L., Krieger N. I., Struck A. F., Hermann B. P. Association of Neighborhood Deprivation With Cognitive and Mood Outcomes in Adults With Pharmacoresistant Temporal Lobe Epilepsy. *Neurology*. 2023 Jun 6; 100(23): e2350-e2359. doi: 10.1212/WNL.0000000000207266. Epub 2023 Apr 19. PMID: 37076308; PMCID: PMC10256132.
2. Глионейрональные опухоли, ассоциированные с эпилепсией [Текст] / Д. Н. Копачев, Л. В. Шишкина, А. М. Шкатова [и др.] // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. – 2022. – Т. 122. – № 4. – С. 127–134.
3. Индивидуальное предоперационное 3D-моделирование сосудистой патологии головного мозга [Текст] / Д. Н. Окишев, А. Е. Подопригора, О. Б. Белоусова [и др.]. – 2019. – Т. 4. – С. 34–44.
4. Карлов В. А. Эпилепсия у детей и взрослых женщин и мужчин [Текст] / В. А. Карлов. «Издательский дом БИНОМ», 2019. – 896 с.
5. Лукьянчиков В. А. К вопросу о точности и ошибках безрамной нейронавигации [Текст] / В. А. Лукьянчиков, Е. С. Рыжкова, И. В. Дамулин // Нейрохирургия. – 2020. – Т. 22. – № 3. – С. 110–117.
6. Предхирургическая диагностика у пациентов с фармакорезистентной эпилепсией [Текст] / А. А. Зуев, А. Л. Головтеев, Н. В. Педяш [и др.] // Вопросы нейрохирургии им. Н. Н. Бурденко. – 2020. – Т. 84. – № 1. – С. 109–117.
7. Прогноз хирургического лечения фармакорезистентной эпилепсии: роль психических и когнитивных расстройств [Текст] / А. В. Лебедева, А. С. Аведисова, Г. В. Кустов [и др.] // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. – 2018. – Т. 118. – № 10-2. – С. 27–36.
8. Результаты хирургического лечения пациентов с фармакорезистентной структурной височной эпилепсией [Текст] / Д. В. Петросян, Д. Н. Копачев, С. М. Шаркова [и др.] // Нервные Болезни. – 2021. – № 4. – С. 42–47.
9. Результаты хирургического лечения фармакорезистентной эпилепсии, обусловленной склерозом гиппокампа [Текст] / Д. В. Петросян, Д. Н. Копачев, С. М. Шаркова [и др.] // Российский нейрохирургический журнал им. проф. А. Л. Поленова. – 2022. – Т. 14. – № 3. – С. 40–45.
10. Хирургическое лечение пациентов со структурной фокальной фармакорезистентной эпилепсией, ассоциированной с височными энцефалоцеле [Текст] / Н. А. Калыбаева, А. В. Димерцев, М. В. Мазалова [и др.] // Вопросы нейрохирургии имени Н. Н. Бурденко. – 2024. – Т. 88. – № 1. – С. 39–47.
11. Хирургическое лечение фармакорезистентной эпилепсии при склерозе гиппокампа [Текст] / Д. И. Пицхелаури, Э. С. Кудиева, А. Г. Меликян [и др.] // Вопросы нейрохирургии им. Н. Н. Бурденко. – 2021. – Т. 85. – № 5. – С. 31–40.
12. Clinical utility of intraoperative electrocorticography for epilepsy surgery: A systematic review and meta-analysis. [Text] / K. Goel, V. Pek, N. A. Shlobin [et al.] // *Epilepsia*. – 2023. – Vol. 64. – № 2. – P. 253–265.
13. Challenges and Opportunities of Intraoperative 3D Ultrasound With Neuronavigation in Relation to Intraoperative MRI. [Text] / D. C. D. A. Bastos, P. Juvekar, Y. Tie [et al.] // *Frontiers in oncology*. – 2021. – Vol. 11. – P. 656519.

14. Brain structure segmentation and 3D printed individual craniometric rulers for cortex brain lesions [Text] / D. N. Okishev, A. A. Abramyan, A. N. Kononov [et al.] // *Annals of 3D Printed Medicine*. – 2022. – Vol. 8. – P. 100079.
15. A meta-analysis on potential modifiers of LITT efficacy for mesial temporal lobe epilepsy: Seizure-freedom seems to fade with time. [Text] / A. G. Brotis, T. Giannis, T. Paschalis [et al.] // *Clinical neurology and neurosurgery*. – 2021. – Vol. 205. – P. 106644.
16. Авакян Г. Н., Блинов Д. В., Алиханов А. А., Перепелова Е. М., Перепелов В. А., Бурд С. Г., Лебедева А. В., Авакян Г. Г. Рекомендации Российской Противэпилептической Лиги (РПЭЛ) по использованию магнитно-резонансной томографии в диагностике эпилепсии // *Эпилепсия и пароксизмальные состояния*. 2019. Т. 11, № 3. С. 208–232. doi: 10.17749/2077-8333.2019.11.3.208-232.
17. Айвазян С. О. Предхирургическое обследование детей с фармакорезистентной фокальной эпилепсией: учебное пособие. М.: ФГБОУ ДПО РМАНПО, 2017.
18. Айвазян С. О. Хирургическое лечение эпилепсии у детей: показания, вопросы предхирургического обследования. М.: Москва, 2017.
19. Котов А. С., Фирсов К. В. Сбор анамнеза и осмотр у пациентов с эпилепсией. Клиническая лекция // *Медицинское обозрение*. 2019. Т. 3, № 7. С. 4–7.
20. Крылов В. В., Гехт А. Б., Трифонов И. С., Лебедева А. В., Каймовский И. Л., Синкин М. В., Григорьева Е. В., Гришкина М. Н., Шишкина Л. В. Результаты хирургического лечения пациентов с фармакорезистентными формами эпилепсии // *Нейрохирургия*. 2017. № 1. С. 15–22.
21. Народова Е. А., Народов А. А., Шнайдер Н. А., Дмитренко Д. В., Строцкая И. Г. Современные подходы к нейрохирургическому лечению фармакорезистентной фокальной эпилепсии у взрослых // *Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика*. 2018. Т. 10, № 1S. С. 81–88.
22. Рекомендации экспертного совета по нейрофизиологии Российской Противэпилептической Лиги по проведению рутинной ЭЭГ // *Эпилепсия и пароксизмальные состояния*. 2016. Т. 8, № 4. С. 99–108.
23. Рудакова И. Г., Белова Ю. А., Котов А. С. Фармакорезистентная эпилепсия поддается лечению // *Вестник эпилептологии*. 2013. № 1. С. 3–7.
24. Фирсов К. В., Амирханян М. Г., Котов А. С. Информативность магнитно-резонансной томографии у взрослых больных с резистентными фокальными эпилепсиями // *Клиническая геронтология*. 2019. Т. 25, № 7–8. С. 44–47.
25. The role of presurgical EEG parameters and of reoperation for seizure outcome in temporal lobe epilepsy [Text] / B. Schmeiser, J. Zentner, B. J. Steinhoff [et al.] // *Seizure*. – 2017. – Vol. 51. – P. 174–179.
26. Фирсов К. В., Амирханян М. Г., Котов А. С. Пациенты с резистентной фокальной эпилепсией: что влияет на качество жизни? // *Эпилепсия и пароксизмальные состояния*. 2019. Т. 11, № 3. С. 233–243.
27. Фирсов К. В., Котов А. С. Наблюдательное исследование информативности рутинной ЭЭГ и ночного ЭЭГ-видеомониторинга у взрослых пациентов с эпилепсией в условиях реальной клинической практики // *Эпилепсия и пароксизмальные состояния*. 2019. Т. 11, № 2. С. 153–163.
28. Comparisons of the seizure-free outcome and visual field deficits between anterior temporal lobectomy and selective amygdalohippocampectomy: A systematic review and meta-analysis [Text] / K. Xu, X. Wang, Y. Guan [et al.] // *Seizure*. – 2020. – Vol. 81. – August. – P. 228–235.
29. Current Practice in Preoperative Virtual and Physical Simulation in Neurosurgery. [Text] / E. Mussi, F. Mussa, C. Santarelli [et al.] // *Bioengineering (Basel, Switzerland)*. – 2020. – Vol. 7. – № 1.
30. Drug Resistance in Epilepsy: Clinical Impact, Potential Mechanisms, and New Innovative Treatment Options. [Text] / W. Löscher, H. Potschka, S. M. Sisodiya, A. Vezzani // *Pharmacological reviews*. – 2020. – Vol. 72. – № 3. – P. 606–638.
31. Epilepsy with anterior temporal encephaloceles: Baseline characteristics, post-surgical outcomes, and comparison to mesial temporal sclerosis. [Abstract] / N. Samudra, E. Armour, H. Gonzalez [et al.] // *Epilepsy & behavior: E&B*. – 2023. – Vol. 139. – P. 109061.
32. Findings about loreta applied to high-density EEG – a review [Text] / S. Dattola, F. C. Morabito, N. Mammone, F. La Foresta // *Electronics (Switzerland)*. – 2020. – Vol. 9. – № 4.
33. Janmohamed M. Pharmacoresistance – Epidemiology, mechanisms, and impact on epilepsy treatment [Text] / M. Janmohamed, M. J. Brodie, P. Kwan // *Neuropharmacology*. – 2020. – Vol. 168. – P. 107790.

© Григолашвили М. А., Бейсембаева М. Б., Нишнанидзе М. Д.,
Игенбаева Б. Д., Галлямова А. Х., Базарбай Д. С., 2025

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ РОССИИ И ТАИЛАНДА В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ АТР: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

EDN MDDONK

З. В. Баглышева

Студентка,

ORCID 0009-0005-6490-1937,

e-mail: zayanabaglysheva@gmail.com,

Волгоградский государственный университет,

г. Волгоград, Россия

POLITICAL STRATEGIES OF RUSSIA AND THAILAND IN THE INTEGRATION PROCESSES OF THE ASIA-PACIFIC REGION: A COMPARATIVE ANALYSIS

Z. V. Baglysheva

Student,

ORCID 0009-0005-6490-1937,

e-mail: zayanabaglysheva@gmail.com,

Volgograd State University,

Volgograd, Russia

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of the strategies of Russia and Thailand in the integration processes of the Asia-Pacific region (APR). The Asia-Pacific region is a dynamic, geopolitically important region with many large economies. Differences in the status and resource potential of countries determine the specifics of their approaches to regional integration. The methodological basis is neoclassical realism, which links systemic factors (power rivalry) with domestic determinants. Russia's systemic shift of attention to the East highlights the importance of the Asia-Pacific region, but the implementation of the «eastern vector» is constrained by internal constraints and external factors. Thailand maintains a flexible «multi-vector approach», balancing between the United States and China, which allows it to adapt to the changing regional environment.

Keywords: Asia-Pacific region; integration processes; APEC; ASEAN; neoclassical realism; Russia; Thailand.

Политические стратегии двух стран определяются совокупностью внешних и внутренних факторов. Для России внешними детерминантами выступают смещение глобального центра тяжести в Азию, рост влияния Китая и конкуренция великих держав, а также политическое давление Запада и связанные с ним санкции. Эти внешние стимулы проявляются через восприятие угрозы российскими элитами и мобилизацию ресурсов на «восточное направление» политики. В то же время внутренние факторы включают сильную роль государства, ресурсную зависимость экономики (сырьевая модель) и ограниченный институционального характера,

осложняющие диверсификацию экспорта и модернизацию производства. Как отмечено в одном из исследований, внешняя политика России «государственно-центрирована», а интеграционные инициативы нередко носят императивный характер [1]. Поворот к Азии в начале 2000-х годов возглавил лично президент В. В. Путин, приняв программы развития Дальнего Востока и установив стратегический акцент на сотрудничество с регионами АТР [3]. В докладе 2012 года председательствующий на АТЭС указал на зависимость будущего России от взаимодействия с азиатскими странами, сформулировав приоритеты в области либерализа-

ции торговли, транспортной инфраструктуры Дальнего Востока и безопасности продовольствия [3]. Однако, по мнению экспертов, на практике интеграционная стратегия России имеет фрагментарный характер, что связано с несогласованностью внутригосударственных программ и отсутствием адекватной подготовки бюрократии для работы в многосторонних форматах [5].

Факторы, формирующие стратегию Таиланда, прежде всего связаны с его ролью в Юго-Восточной Азии и необходимостью балансировать между крупными державами. Как отмечает К. Чиввис, Таиланд «не чувствует большой обязанности усилить связи с США в ущерб отношениям с Китаем» и стремится «сохранять способность к множественным альянсам» [4]. Экономическая зависимость Таиланда от экспорта и туризма обуславливает ориентацию стратегии на укрепление торгово-инвестиционных связей со всем миром. Внутриполитически Таиланд характеризуется сильной ролью военных и монархии, что формирует постоянный акцент на стабильность и непрямую, но последовательную внешнюю политику. В ответ на глобальные вызовы, например, конфликт в Украине, Бангкок выбрал курс нейтралитета и «сохранения баланса» в соответствии с позицией АСЕАН, не вводя собственных санкций, но и не нарушая интересов основных партнеров.

Обе страны активно используют интеграционные форматы АТР для реализации своих стратегических целей. Россия участвует в многополярных региональных механизмах – она является активным членом АТЭС (с 1998 г.), диалоговым партнером АСЕАН (с 1998 г.), участником Восточноазиатского саммита и ряда экономических форумов (ТАИБОР, ШОС и пр.). Власти РФ рассматривают эти площадки как каналы политико-дипломатического позиционирования и продвижения крупных проектов: от энергетических коридоров до транспортных узлов во Владивостоке и на Сахалине.

Важным элементом российской стратегии является подчеркнутая поддержка «центральной роли АСЕАН» в архитектуре безопасности региона [2]. Таиланд, в свою очередь, входит практически во все ключевые форматы региона: он является основателем и активным членом АСЕАН, соучредителем Восточноазиатского саммита (EAS) и Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества. Тайские власти используют участие в АСЕАН и недавно ратифицированном РСЕР как ядро внешнеэкономической политики, развивают двусторонние связи в рамках этих структур и привлекают инвестиции в инфраструктуру, чтобы усилить позиции страны в регионе. Оба государства при этом прибегают к инструментам «мягкой силы» – культурной дипломатии, туристического обмена, двусторонних гуманитарных программ – для повышения своего имиджа и устойчивости влияния в АТР.

В результате сравнительного анализа выявляется, что стратегии России и Таиланда имеют как различия, так и точки соприкосновения. Россия делает упор на демонстрацию статуса большого геополитического игрока через институциональные каналы, пытаясь восполнить западные ограничения усилением азиатского вектора (развитие Сибири и Дальнего Востока, энергопроекты, военно-техническое сотрудничество). Таиланд, напротив, акцентирует внимание на экономических выгодах от интеграции: обеспечение благоприятного климата для инвестиций, расширение доступа к рынкам приоритетных партнеров и сохранение политической гибкости в конкурентной среде. Тем не менее в обеих стратегиях прослеживается комплементарность: обе страны поддерживают АСЕАН-центричную модель и выступают за открытую многостороннюю архитектуру региона. Комбинация системных факторов и внутренних мотиваторов формирует для каждого из государств уникальную модель поведения. С одной стороны, внешняя конкурентная среда диктует необходимость участия в

крупных интеграционных механизмах АТР; с другой – внутренние возможности и приоритеты определяют, какие инициативы будут продвигаться активнее [1].

Более глубокое рассмотрение этих моделей поведения через призму неоклассического реализма позволяет понять, как схожие внешние вызовы приводят к дифференцированным ответам. Системный фактор – усиление конкуренции великих держав в АТР, прежде всего между США и Китаем – оказывает давление как на Россию, так и на Таиланд. Для России, сталкивающейся с давлением Запада, этот фактор усиливает потребность в «повороте на Восток» как способе диверсификации внешнеполитических и экономических связей, а также как поле для демонстрации своего статуса в условиях формирования многополярного мира. При этом восприятие этого вызова российскими элитами, характеризующееся высокой степенью государственного централизма и концентрацией ресурсов на стратегически важных, часто сырьевых или военнотехнических проектах, приводит к тому, что интеграция понимается скорее как межгосударственное сотрудничество под эгидой государства, нежели как глубокая экономическая или институциональная взаимосвязь на разных уровнях.

Для Таиланда системная конкуренция великих держав также является ключевым внешним фактором, но его реакция обусловлена иными внутренними детерминантами. Будучи государством среднего размера в критически важном субрегионе Юго-Восточной Азии, Таиланд не стремится напрямую конкурировать с великими державами, а видит свою задачу в сохранении максимальной автономии и использовании соперничества крупных игроков в своих интересах. Его внутренние характеристики – зависимость экономики от внешней торговли и туризма, а также влияние военных и монархии на формирование стабильной, но осторожной внешней политики – диктуют стратегию

«многовекторности» и балансирования. Участие в интеграционных процессах АТР для Таиланда – это прежде всего инструмент обеспечения экономического процветания и сохранения суверенитета через поддержание широкой сети связей и диверсификацию зависимостей.

В целом, сопоставление стратегий России и Таиланда подтверждает тезис неоклассического реализма: одинаковые внешние стимулы (конкуренция великих держав, требования глобализации) воспринимаются через призму собственных национальных интересов, ресурсов и политического устройства. Стратегия России в АТР остается в значительной степени проекцией внутренней государственной воли и ресурсных возможностей, сталкиваясь с ограничениями на уровне реализации. Стратегия Таиланда представляет собой более гибкий и прагматичный ответ, ориентированный на максимизацию экономических выгод и сохранение пространства для маневра в сложном геополитическом ландшафте. В этих условиях сотрудничество двух стран в рамках АТР может рассматриваться как взаимодополняющее (комплементарное), поскольку Россия и Таиланд действуют в одних и тех же многосторонних форматах, но с разными целями, что потенциально расширяет возможности каждого из них в регионе. Понимание этих различий и точек соприкосновения критически важно для анализа динамики интеграционных процессов в АТР и прогнозирования путей развития регионального сотрудничества.

Библиографический список

1. Стрежнева М. В. Теория международных отношений в России: от реализма к прагматизму? // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 12. С. 89–94.
2. Студнева Е. Россия и Таиланд за стабильность в АТР и в мире // Международная жизнь. 28.03.2013. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/9297> (дата обращения: 13.05.2025).
3. Кристофферсен Г. АПЕС 2012: Russia's State-Managed Integration into the Asia-Pacific // E-

- International Relations. 2012. – URL: <https://www.e-ir.info/2012/09/18/apec-2012-russias-state-managed-integration-into-the-asia-pacific/> (дата обращения: 13.05.2025).
4. Чиввис К. С. Thailand in the Emerging World Order // Carnegie Endowment for International Peace, 26.10.2023. – URL: <https://carnegieendowment.org/2023/10/26/thailand-in-emerging-world-order-pub-90818> (дата обращения: 13.05.2025).
5. МакКиннон Р. Russia's Indo-Pacific Pivot: Patchy, Persistent, and Problematic // German Marshall Fund (GMF), 18.04.2025. – URL: <https://www.gmfus.org/news/russias-indo-pacific-pivot-patchy-persistent-and-problematic> (дата обращения: 13.05.2025).

© Баглышева З. В., 2025

УДК 351/354:004.9

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ
ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ И КИТАЯ:
АКТОРНО-СЕТЕВОЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ СТРУКТУРЫ,
ДИНАМИКИ И ОСОБЕННОСТЕЙ

EDN MDTCRK

Т. А. Кострома

Студент,
ORCID 0009-0008-8362-4674,
e-mail: rabota.tim.kto@gmail.com,
Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, Россия

COMPARATIVE ANALYSIS OF ELECTRONIC GOVERNMENT MODELS
IN RUSSIA AND CHINA: AN ACTOR-NETWORK APPROACH
TO THE STUDY OF STRUCTURE, DYNAMICS, AND FEATURES

T. A. Kostroma

Student,
Volgograd State University,
Volgograd, Russia

Abstract. The article presents a comparative analysis of e-government models in Russia and China, based on Actor-Network Theory (ANT), which examines the creation of sociotechnical networks and the interaction of heterogeneous actors. Key actors, stages of building network structures, and the processes of 'translation' in both countries are considered and analyzed. The thesis that both models belong to the state-centric type is substantiated, despite significant differences: the Chinese model is more monolithic and focused on control and integration of the private sector («digital authoritarianism»), while the Russian model is characterized by inertia and fragmentation («electronic bureaucracy»). A conclusion is drawn about the high potential of ANT for studying e-government systems in various political environments.

Keywords: electronic government; Actor-network theory (ANT); Digital authoritarianism; Digital platforms; Actor analysis; Information technology.

Развитие электронного правительства (ЭП) на данный момент можно назвать ключевой тенденцией в различных системах государственного управления в эпоху быстрого развития информационных технологий [2]. Большой интерес для исследования представляют модели развития электронного правительства России и Китая – двух крупных держав с активной политикой цифровизации собственных систем управления.

Для адекватного анализа таких систем недостаточно использовать традиционные подходы – необходима интегративная методология. В данной статье используется акторно-сетевая теория (АСТ), позволяющая преодолеть дихотомию «социальное-техническое» и рассмотреть системы ЭП как совокупность гетерогенных сетей, состоящих из разного рода взаимодействующих акторов.

Сеть в данном понимании – динамическая совокупность взаимосвязей акторов. Ключевым является процесс «перевода», в ходе которого акторы мобилизуют, согласуют и интегрируют собственные интересы, формируя отдельные сети [6]. Данная методология позволяет детально анализировать, как именно технологии взаимодействуют в конкретном социально-политическом контексте с другими акторами (в лице органов власти, населения и законов), формируя национальные модели ЭП.

Формирование российского ЭП происходило с начала 2000-х годов. Среди ключевых акторов можно назвать: федеральные органы власти (Правительство, Минцифры), платформы технологического обеспечения (ЕПГУ, СМЭВ, ЕСИА), нормативные акты (закон № 210-ФЗ), пользователи

(граждане), крупный и малый бизнес и IT-корпорации (Ростелеком, Яндекс, Сбер). Первым шагом к формированию сетевой структуры было создание базовой инфраструктуры. После (в 2010-х) происходила постепенная интеграция посредством СМЭВ и ЕПГУ, которые стали обязательными точками прохода (ОРР). Процесс «перевода» в РФ был достаточно сложным, так как со стороны государства наблюдалось стремление к модернизации, тогда как бюрократия и граждане принимали изменения с опасениями [4]. Массовая интеграция населения в процесс произошла относительно поздно, во многом под влиянием внешних факторов (таких как пандемия и кризис). Как результат была сформирована иерархическая, технократическая модель с акцентом на предоставление государственных услуг, но с ограниченным развитием электронного участия в процессе самого государственного управления и сохраняющейся фрагментацией и недоверием граждан к увеличению масштабов цифровизации и контроля (особенно после новостей о рассылке повесток через ЕПГУ).

Развитие китайского ЭП началось с 1990-х под жестким контролем Коммунистической партии Китая (КПК), которая в терминах АСТ выступала основным агентом «перевода». В сеть ЭП постепенно были включены центральные и местные органы власти, Национальная интегрированная платформа госуслуг, региональные системы ЭП, а также уникальные акторы – коммерческие суперприложения WeChat и Alipay (ставшие ОРР для доступа к услугам) и крупные IT-гиганты (Tencent, Alibaba, Huawei). Они под жестким контролем КПК глубоко интегрированы в реализацию госпрограмм. Технологии ИИ, Big Data, системы социального кредита и мониторинга, а также стратегические нормативные акты (Пятилетние планы, RPL) играют немаловажную роль в построении сети, так как активно влияют на проводимую политику. Граждане (огромный пул пользователей) относительно быстро и без значимого сопротив-

ления адаптировались к цифровым услугам [5]. Динамику развития систем ЭП можно охарактеризовать как быструю и системную, с акцентом на интеграцию, удобство и стандартизацию. Процесс «перевода» партийных целей (среди которых модернизация, стабильность, контроль) в системные технологические решения и практики был высокоэффективным благодаря политической воле и административной дисциплине. Как результат формирования – высокоцентрализованная, монолитная сеть ЭП с глубокой и значительной интеграцией сервисов госуслуг, обратной связи и государственного контроля, а также с практически полным технологическим суверенитетом [3].

Проведение сравнительного анализа конфигураций сетей ЭП России и Китая с помощью АСТ выявляет как общие черты, так и важные различия. Обе модели можно назвать государственно-центричными, нацеленными на качественное повышение эффективности и увеличение доступности госуслуг. Однако конфигурации сетей ЭП внутренне весьма различны. Так, китайская сеть является более монолитной, интегрированной, массовой и технологически продвинутой. Жесткая политическая вертикаль и хорошая административная дисциплина обеспечили быструю стандартизацию и глубокую адаптацию цифровых технологий [3]. Российская сеть дольше оставалась фрагментированной, медленнее преодолевая бюрократическую инерцию и выстраивая межведомственное взаимодействие; роль частного сектора здесь преимущественно подрядная. Российский вариант сети гораздо дольше проходил путь унификации и интеграции, медленнее преодолевая бюрократическую инерцию и обеспечивая взаимодействие между органами власти. Взаимодействие с частным ИТ-сектором носит более осторожный и преимущественно контрактный характер.

Ключевое различие лежит в различном соотношении между сервисом и контролем. Китайская модель изначально была направлена на предоставление удобных

услуг вкупе с механизмами социального и политического контроля, что по сути можно назвать «цифровым авторитаризмом». Российская модель, развивавшаяся как «электронный бюрократизм», изначально фокусировалась на оптимизации административных процессов и контроле над бюрократией. Контроль и участие граждан в данной сети – вторичны и ещё мало развиты [1]. Данное различие отражает разные политические цели доминирующих акторов – «переводчиков».

Различны и пути вовлечения в сеть граждан: быстрая, массовая и во многом принудительная адаптация в Китае находится в контрасте с более конфликтным и сложным процессом в России, где государству пришлось приложить значительные усилия и понести большие затраты для «перевода» и преодоления недоверия [4]. Динамика развития также сильно различается: всеобъемлющее и динамичное развертывание в Китае контрастирует с компромиссным путём России. АСТ объясняет эти характерные различия влиянием социально-политического контекста: сильный и целеустремленный «переводчик» (КПК) в Китае смог эффективно мобилизовать всех акторов для создания сети, которая соответствует его целям, тогда как в России гетерогенность интересов элит и сопротивление системы управления привели к иной конфигурации сети.

Анализ моделей электронного правительства России и Китая с помощью АСТ показал, что ЭП является сложной социотехнической системой, которая формируется в уникальном национальном контексте. Несмотря на внешние сходства в целях, модели РФ и КНР демонстрируют глубокие различия в структуре сети и общем подходе к её построению. Китайская модель «цифрового авторитаризма» отличается целостностью, комплексностью и глубокой интеграцией контроля с удобством получения услуг, тогда как россий-

ская модель «электронного бюрократизма» развивалась медленнее и менее последовательно, являясь скорее борьбой государства с инерцией бюрократии и неэффективностью. АСТ позволила объяснить эти различия через анализ взаимодействия гетерогенных акторов и процессов «перевода», направляемых доминирующими политическими силами. Использование данной методологии подтверждает, что технологии не нейтральны, а их эффект определяется контекстом их встраивания, что имеет важные теоретические и практические импликации для понимания цифровизации государственного управления.

Библиографический список

1. Ботнев, В. К. Перспективы развития «цифрового государства» в России / В. К. Ботнев, С. В. Ботнев // *Право и государство: теория и практика*. – 2023. – № 6(222). – С. 463–465. – Текст : непосредственный.
2. Васькова, М. Г. Проблемы построения электронного государства: теоретические аспекты / М. Г. Васькова // *Социально-экономические явления и процессы*. – 2010. – № 3(019). – С. 278–280. – Текст : непосредственный.
3. Дьякова, Е. Г. «Глобальное» versus «национальное»: электронное правительство как элемент китайской административной реформы / Е. Г. Дьякова // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. – 2013. – Т. 13, вып. 2. – С. 57–69. – Текст : непосредственный.
4. Карнаушенко, Л. В. Электронное государство в России: проблемы и перспективы / Л. В. Карнаушенко // *Юрист-Правовед*. – 2018. – № 1(84). – С. 17–21. – Текст : непосредственный.
5. Каспарян, К. В. Специфические черты и перспективы развития электронного правительства в КНР в начале XXI столетия / К. В. Каспарян, М. В. Рутковская // *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*. – 2021. – № 2(20). – С. 61–83. – Текст : непосредственный.
6. Stanforth, C. Using Actor-Network Theory to Analyze E-Government Implementation in Developing Countries / C. Stanforth // *Information Technologies & International Development*. – 2006. – Vol. 3, iss. 3. – P. 35–60. – Текст : непосредственный.

© Кострома Т. А., 2025

УДК 327(476:510)

БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИНИЦИАТИВЫ
«ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ»

EDN MJXVDG

Е. Ф. Поддубская

Кандидат исторических наук, доцент,
ORCID 0009-0006-9151-3136,
e-mail: Paddubskaya@bsu.by,
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь

BELARUSIAN-CHINESE RELATIONS IN THE CONTEXT
OF THE «ONE BELT, ONE ROAD» INITIATIVE

A. F. Paddubskaya

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Belarusian State Universit,
Minsk, Belarus

Abstract. This article analyzes the creation of «One belt, one way» as a diplomatic strategy of the People's Republic of China and which determined the development paths of China and Belarus. The main areas of interaction between the two countries within the framework of the implementation of this project are shown. Particular attention is paid to assessing the current state of Belarusian-Chinese relations. It was concluded that the implementation of the «One belt, one way» initiative will contribute to the deepening of Chinese-Belarusian cooperation.

Keywords: Belarus; «One Belt, One Road»; bilateral relations; Eurasian integration; China.

Белорусско-китайские отношения в последнее время претерпели существенные изменения. Ряд глобальных и региональных факторов придали новый импульс развитию политического и экономического сотрудничества. Белорусское экспертное сообщество уделяет все больше внимания внешнеполитическому направлению Китая, называя Китайскую Народную Республику «очень важным игроком» для Республики Беларусь.

Дипломатические отношения Республики Беларусь и Китайской Народной Республики были установлены в 1992 г. В этот же период начала формироваться договорная база отношений, представленная рядом документов о торгово-экономическом, научном, культурном сотрудничестве.

Новый толчок для развития белорусско-китайских отношений связан с реализацией инициативы «Один пояс – один путь», о котором впервые было заявлено китайским лидером Си Цзиньпином осенью 2013 года. В этом же году была подписана Совместная

декларация о новом этапе в двусторонних отношениях – всестороннем стратегическом партнерстве [2, с. 9]. В мае 2015 года был заключен «Договор о дружбе и сотрудничестве». В 2022 году была подписана «Совместная декларация Республики Беларусь и Китайской Народной Республики об установлении отношений всепогодного и всестороннего стратегического партнерства», где заявлялось о том, что «стороны готовы углублять высококачественное сотрудничество в совместном строительстве «Пояса и пути» [9].

Республика Беларусь поддерживает идеи объединения ЕАЭС и проекта «Один пояс, один путь» и рассматривает эти проекты как «кооперативные» и «конкурентные», дающие возможность выстроить систему внутренних противовесов [7, с. 16].

Перспективы белорусско-китайских отношений, по мнению многих исследователей, лежат в плоскости развития проекта «Один пояс – один путь» как инфраструктурного проекта, с помощью которого Беларусь может укрепить свою роль

транзитного государства. Китай, называя Беларусь важным звеном проекта «Один пояс, один путь», запланировал около 90 совместных китайско-белорусских инвестиционных проектов [3, с. 37].

В 2017 году при участии китайской компании CUEC был электрифицирован участок Молодечно – Гудагай – Госграница общеевропейского транспортного коридора № 9. Также в 2017 году под Борисовом состоялось торжественное открытие нового предприятия совместного закрытого акционерного общества «Белджи» по сборке автомобилей китайской марки «Geely». С декабря 2018 года на заводе «Брестмаш» – филиале МАЗа – началась сборка микроавтобусов и фургонов из комплектов компанией JAC. В октябре 2019 года введен в эксплуатацию сборочный завод МАЗ-Weichai по сборке китайских автомобильных дизелей Weichai для грузовых автомобилей, автобусов, строительной техники и т.д.

Одним из наиболее важных проектов белорусско-китайского сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь» является Китайско-белорусский индустриальный парк «Большой камень» под Минском. При развитии парка упор делается на высокотехнологичные, инновационные, наукоемкие производства [8]. В «Великом камне» на февраль 2024 года работает 127 резидентов, представляющих Китай, Беларусь, а также другие страны мира [5].

Белорусская сторона подчеркивает, что всегда была заинтересована в развитии экономического сотрудничества с Китаем, чему, безусловно, способствует инициатива «Один пояс – один путь», в рамках которой Республика Беларусь реализует масштабные проекты.

По итогам 2021 года внешнеторговый оборот Беларуси и Китая составил 5,9 млрд. дол. США, темп роста – 108,7 %. Темпы роста экспорта составили 109,7 %, импорта – 108,3 %. Объемы внешнеторгового оборота превысили «допандемийные» значения [7]. Основными позициями

белорусских поставок в КНР являются калийные удобрения, лесоматериалы и мясо-молочная продукция.

Кроме товарооборота, значимой частью белорусско-китайского экономического сотрудничества являются инвестиции. Китайские банки – постоянные кредиторы Беларуси, занимающие одно из первых мест в ряду кредитных организаций, с которыми осуществляется финансовое сотрудничество. По итогам 2021 года объем инвестиций из КНР в Беларусь составил 109,2 млн долл. (темп роста к 2020 году 104,5 %), в том числе прямые – 74,8 млн долл. (темп роста 137,6 %) [6]. По состоянию на декабрь 2024 г. на рынок Китайской Народной Республики вышли 179 белорусских производителей пищевой продукции [1].

Инициатива «Один пояс – один путь» ускорила сотрудничество в сфере образования и культуры между Китайской Народной Республикой и Беларусью. В Беларуси действуют 6 Институтов Конфуция и 2 класса Конфуция, а в свою очередь в Китае созданы 12 научно-исследовательских центров по изучению Республики Беларусь, а в Китае появилась специальность «Белорусский язык и литература» [10, с. 38–39].

Таким образом, на современном этапе между КНР и Республикой Беларусь налажен политический диалог, что помогает реализовывать многочисленные проекты в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Развитие транспортных путей по маршруту Азия-Европа является основой реализации проекта «Один пояс – один путь», поэтому Китай инвестирует средства в создание необходимой инфраструктуры на территории Беларуси. Помимо парка «Великий камень», проектов в железнодорожной сфере, Республика Беларусь и Китайская Народная Республика планируют реализовать около 90 инвестиционных проектов. Беларусь заявляет о себе как о надежном партнере Китая, поддерживая идею «объединения» ЕАЭС и

проекта «Один пояс – один путь» и позиционируя себя перспективной геоэкономической платформой между ЕС и ЕАЭС. Таким образом, Беларусь становится для Китая важным элементом проекта «Один пояс – один путь», имеющим геостратегическое значение с точки зрения инфраструктуры и коммуникаций. Для Китая Беларусь является партнером с выгодным географическим положением, дающим возможность успешно осваивать европейский рынок. Продвигая проект на белорусском направлении, китайские эксперты отмечают, что Беларусь может сыграть функциональную роль и в строительстве зоны свободной торговли Китай-ЕАЭС. Одновременно с этим для Республики Беларусь Китай – страна с огромными возможностями сбыта продукции белорусских предприятий и возможностью выхода на рынки других стран-членов инициативы «Один пояс – один путь».

Принимая во внимание существующие и потенциальные риски и проблемы, с которыми сталкивается инициатива «Один пояс – один путь» на современном этапе, механизмы белорусско-китайского сотрудничества в рамках проекта должны постоянно совершенствоваться. Только создав оригинальные, эффективно работающие институты, проект «Один пояс – один путь» сможет добиться успеха и реализовать поставленные перед ним задачи.

Библиографический список

1. Большой приход Китая в Беларусь: как отношения вышли на восходящую траекторию развития [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Китайской Народной Республике URL: <https://china.mfa.gov.by/ru/embassy/news/de366361de98f986.html> (дата обращения: 27.02.2025).
2. Гопин, Чэн. По пути всестороннего стратегического партнерства / Чэн Гопин // Белорусская думка. – № 8. – 2013. – С. 9–12.
3. Зайцева, Е. Сотрудничество Республики Беларусь и КНР в инвестиционной сфере / Е. Зайцева // Банковский вестник. – 2019. – № 8. – С. 36–44.
4. Зубко, Д. Белорусы в Китае / Д. Зубко // Наука и инновации. – 2019. – № 7. – С. 36–40.
5. Количество резидентов промышленного парка «Великий камень» достигло 127 [Электронный ресурс] // Белорусское телеграфное агентство. 2024. 8 февраля. URL: <https://www.belta.by/economics/view/kolichestvo-rezidentov-industrialnogo-parka-velikij-kamen-dostiglo-127-614284-2024/> (дата обращения: 07.03.2025).
6. Кредитно-финансовое и инвестиционное сотрудничество Беларуси и Китая [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Китайской Народной Республике URL: <https://china.mfa.gov.by/ru/bilateral/credinvest/> (дата обращения: 07.03.2025).
7. Максимцев, И. А., Межевич, Н. М. К вопросу об экономической интеграции «Большой Евразии» и ее ключевом инфраструктурном проекте / И. А. Максимцев, Н. М. Межевич // Пояс и путь: возможности для Беларуси : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 24 февр. 2017 г. / под ред. проф. А. А. Тозика. – Минск : РИВШ, 2017. – С. 10–21.
8. Приоритетные направления [Электронный ресурс] // Промышленный парк «Великий камень». URL: <https://industrialpark.by/o-parke/prioritetnye-napravleniya> (дата обращения: 05.03.2025).
9. Совместная декларация Республики Беларусь и Китайской Народной Республики об установлении отношений всепогодного и всестороннего стратегического партнерства [Электронный ресурс] // Сайт Посольства Китайской Народной Республики в Республике Беларусь <https://china.mfa.gov.by/kcfinder/upload/china/files/embassy/declaration.pdf> (дата обращения: 27.02.2025).
10. Торгово-экономическое сотрудничество [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Китайской Народной Республике URL: <https://china.mfa.gov.by/ru/bilateral/trade/> (дата обращения: 27.02.2025).

© Поддубская Е. Ф., 2025

UDC 378 (575.1)

**UZBEKISTAN AND THE COUNTRIES OF THE MIDDLE EAST:
AREAS OF MUTUAL COOPERATION**

EDN YTUAGN

Sh. Yoziyeva

*Researcher, ORCID 0009-0006-5529-567X,
e-mail: feruzausarova@gmail.com,
Coordination and Methodological Center
for the Modern History of Uzbekistan,
Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan,
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. The article analyzes the foreign policy and the main priority directions of the Republic of Uzbekistan. Brief information is given about the states with which Uzbekistan currently conducts an active diplomatic dialogue. The main areas and industries in which cooperation is developing have been identified. In conclusion, general conclusions were drawn and future prospects for the development of mutually beneficial relations between Uzbekistan and the countries of the Middle East were analyzed. The methods of analysis and the historical and comparative method were used in the article.

Keywords: foreign policy; Concept; Middle East; Cooperation Council for the Arab States of the Gulf; «green» energy.

Introduction

Uzbekistan always adheres to openness and mutual benefit in its foreign policy. The establishment of strong trusting relations, the development of ties in all spheres, the achievement of mutually beneficial conditions, and the strengthening of its status at the international level are the priorities of the country's diplomacy. The basis of this foreign policy is the Constitution of the country, the law «On the Concept of Foreign Policy Activity», «On International Treaties», as well as a number of other regulatory legal acts of the state [2].

The international initiatives and proposals of the Head of State have received broad support from the international community. The foreign policy diplomacy of the New Uzbekistan led to major changes in the political atmosphere in the Central Asian region, awareness of close interconnectedness and interdependence at the subregional and global levels [1].

Uzbekistan and the Middle East

Today, the priority direction of the country's foreign policy is the development and strengthening of mutually beneficial relations with the countries of the Middle East. In the

decree of the President of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev «On the development strategy of the New Uzbekistan for 2022–2026», the 95th goal is to «Further expand existing ties with partners in South Asia, the Middle East and Africa.»

The Middle East is a strategically important region for Uzbekistan. This is due to the geopolitical importance of this area, which is located at the intersection of international relations and touches three continents: Asia, Europe and Africa. At the initiative of the President of the Republic of Uzbekistan, a number of proposals were put forward to develop multilateral cooperation with the Arab States of the Gulf. Uzbekistan is a major partner with such Arab Gulf countries as Saudi Arabia, the United Arab Emirates, Qatar, Kuwait, Oman.

One of the main events for further strengthening diplomatic dialogue with the Arab states is the participation of President of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev in the first summit of the leaders of Central Asian countries and the Gulf Cooperation Council. In his speech, the President of Uzbekistan emphasized the historical interconnectedness of the peoples of Central Asia and the Gulf region, which is based on

close trade relations, common values and traditions [7].

It is important to note that despite the current modern challenges and risks, both regions continue to be a space of peace, stability, cooperation and development. It is thanks to this that in recent years Uzbekistan's relations with the Gulf countries have reached an absolutely qualitative level in all areas. Large-scale cooperation in various formats is taking place in the political sphere.

Another area for the development of bilateral cooperation between the two regions is the field of high technologies and investments. Thanks to the efforts of the parties, working mechanisms are being created in the field of innovation, artificial intelligence, green economy, digitalization, smart agriculture, nano and biotechnology. The relevance is the free trade zone, the harmonization of technical regulations, the development of electronic commerce, and the increase in air traffic between countries. Promotion of joint investment projects, the early creation of effective mechanisms for their financial support [8].

As mentioned above, the main Gulf States for establishing diplomatic relations are Saudi Arabia, the United Arab Emirates, Qatar, Kuwait, Oman. If we note the Saudi-Uzbek relations separately, they have quite strong and trusting relations that were strengthened back in 1992. Saudi Arabia is considered an important partner of Uzbekistan, which has great authority and financial and economic potential not only in Arab countries, but throughout the world.

Currently, cooperation projects are being implemented with Saudi Arabia in the fields of «green» energy, agriculture, healthcare, modernization of transport infrastructure, IT and other priority sectors. A number of projects are underway in Uzbekistan in the chemical, telecommunications, medical, pharmaceutical and banking sectors, agricultural production and retail trade networks with companies such as Sabic, Saudi Telecom, Dr. Sulaiman Al-Habib Group, Jamjoom Pharma, Al-Rajhi International and Ajlan & Bros Holding Group, Al-Hokair

Group, as well as the National Bank of Saudi Arabia [9].

The Saudi Arabia is pursuing a policy of simultaneously expanding the activity of national private capital. In this context, the country's experience in implementing its Vision 2030 Program, which aims to free the country's economy from dependence on raw materials, is attractive. Due to the strengthening of bilateral ties between the states, a significant increase in the pace of development in the field of trade was noted. Over the past five years, trade between Uzbekistan and Saudi Arabia has increased 1.2 times. In January-June 2022, mutual trade increased by almost 12.8 times compared to the same period in 2021 and amounted to 95.5 million US dollars [3].

The participation of Saudi companies in the implementation of major investment projects in the country is particularly important. By the end of 2021, the volume of investments in the Uzbek economy amounted to more than \$ 1.5 billion. Currently, projects with a number of companies have been successfully implemented and are being implemented, among which Al-Habib Medical Group and ACWA Power play a particularly important role. With the assistance of the former, modern technologies for digitizing and centralizing all medical information and processes of interaction with patients are being introduced into the health management system of Uzbekistan [3]. At the same time, comprehensive work is underway to implement an investment project to create a modern multidisciplinary medical facility in the capital of the country in accordance with the standards of clinics and hospitals in Saudi Arabia.

Together with the Saudi Arabia, work has begun on the construction of wind power plants (wind farms) in the Republic of Karakalpakstan (with a total capacity of 1,500 MW), Bukhara and Navoi regions (1,000 MW). According to experts, the launch of wind farms in the Republic of Karakalpakstan will cover the electricity demand of 4 million households and compensate for 2.5

million tons of carbon dioxide per year. In February of this year, the construction of one 100 MW wind farm in the Republic of Karakalpakstan began [11].

Noting the bilateral relations between Uzbekistan and the KSA, it is necessary to emphasize the interaction within the framework of the international transport corridor «Uzbekistan-Turkmenistan-Iran-Oman-Qatar», which allows intensifying economic cooperation between the states, as well as promotes the entry of Central Asian countries into the world markets [11].

The next country with which Uzbekistan has the strongest diplomatic ties in all areas is the United Arab Emirates. Uzbekistan and the UAE have established cooperation in the fields of trade, investment and energy. The country's strategic location, rich natural resources and growing economic potential, the UAE's developed financial sector, experienced companies and innovative technologies serve to expand mutually beneficial relations.

There has clearly been a rapid leap in friendly relations between the States, especially in the field of sustainable development and the «green» economy. At this stage, the visit of the President of Uzbekistan to the UAE, as well as his active participation in the «Week of Sustainable Development 2025» (ADSW 2025) in Abu Dhabi [8] emphasize the strategic importance of the partnership and the commitment of both countries to the principles of environmentally responsible progress.

The main directions between Uzbekistan and the UAE are the implementation of sustainable development policies and environmental protection, which are reinforced by concrete actions. Tashkent's goal of achieving a 50 % share of renewable energy sources in the national energy mix by 2030 is in good agreement with Abu Dhabi's sustainable development initiatives [4].

Uzbekistan has established an investment company, Uzbekistan-Emirates Investment Company, which is currently valued at \$200 million. The investment company includes

seven projects totaling \$192.5 million in the fields of medicine, geology, agriculture and tourism [8].

Today, green energy is the main factor in mutually beneficial cooperation between Uzbekistan and the UAE. That is why projects being implemented in the field of renewable energy will be an important step towards increasing the share of green energy in the national energy mix to 50 % by 2030 [13], and many sectors of the economy will also develop.

The most key moment in the mutual cooperation between the two sides is the support of the proposal to declare 2025–2027 a «New era of economic partnership between Uzbekistan and the UAE» [8].

In general, cooperation between Uzbekistan and the UAE in the fields of energy, investment, and trade has reached a new level, and the goals and objectives set are expected to further strengthen these ties. They contribute to bilateral economic growth, job creation and the introduction of innovative technologies.

New pages have begun to open in the diplomatic dialogue between Uzbekistan and Kuwait. The most striking example of this is the recent visit of the President of Uzbekistan to Kuwait. At the invitation of the Emir of the State of Kuwait, Sheikh Meshal al-Sabah, President of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev visited this country on February 17–18 [12].

During this meeting, issues of further development and strengthening of Uzbek-Kuwaiti friendship relations and comprehensive partnership were discussed. The historic high-level talks that took place yesterday, as well as fruitful meetings with government members and leading companies, form a solid foundation for expanding the multifaceted relations between the two countries. Agreements have been reached on the early launch of an international platform in the field of investment, implementation of projects aimed at cooperation in the agro-industrial complex, transport and logistics, healthcare, education, pharmaceuticals, infrastructure development and other important areas. Special attention

was paid to the issues of mutual support for initiatives within the framework of the dialogue «Central Asia – the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf» [6].

Following the results of the official visit, a joint statement was adopted, and a solid package of agreements was signed in various areas of cooperation, especially in the economic sphere, amounting to \$ 4.9 billion. Kuwait is considered an important partner in the system of international relations in all priority areas. The country's experience in such sectors as finance, banking, investment, innovation, education, infrastructure development, and trade is of great value.

In 2024, five meetings and negotiations between the Foreign Ministers of Uzbekistan and Kuwait took place, including on the sidelines of the British Diplomatic Forum and the 79th session of the UN General Assembly [5].

The basis of mutually beneficial relations between the countries is the activity of economic impact. More than 50 visits of representatives of large and medium-sized companies of Kuwait and financial institutions to Uzbekistan. Among them, Gulf General Trading Co., Petroleum Dynamics, AlJaber Group Holding, Biomedix Medical Group Co. and Arab Finance Corporation play a very important role. «The German company Advanced Medical» [10].

The tourism sector is also being promoted as the main focus of bilateral and mutually beneficial relations between Uzbekistan and Kuwait. If we consider the experience of Kuwait, in this country almost half of the annual imports of services are intended for tourism. Kuwaiti tourists spend more than \$10 billion abroad. Due to its rich cultural heritage and the status of one of the historical centers of Oriental science and Islamic culture, Uzbekistan has great potential to become one of the important tourist destinations for Kuwaiti tourists. The tourism activity program for 2025–2027, signed during bilateral negotiations, will significantly increase the flow of Arab tourists to Uzbekistan [10].

Summarizing the above information, it is important to note that the friendly diplomatic dialogue between the leaders of Uzbekistan and the Arab countries allows them to create a completely new model of mutually beneficial cooperation. A new stage in relations between the parties is laying the foundation for expanding cooperation within the framework of the Cooperation Council for the Arab States of the Persian Gulf and Central Asia.

Conclusion

In conclusion of this article, the following conclusions can be drawn:

First, Uzbekistan's foreign policy is based on openness and the establishment of mutually beneficial relations with the Arab states of the Gulf.

Second, Arab countries such as Saudi Arabia, the United Arab Emirates, and Kuwait are the country's main partners, with whom relations have now reached a new stage of development.

Third, the main areas of establishing a diplomatic dialogue are economics, logistics, green energy, industry, and tourism. Bilateral relations between Uzbekistan and the countries of the Middle East play an important role in the development of the country's main industries. The strengthening of diplomatic dialogue is the strengthening of friendship, peacefulness and trust between States.

Bibliography

1. Алимов Р. На принципах миролюбия и равенства. <https://senat.uz/ru/publication/post-843>
2. Внешняя политика Республики Узбекистан. https://old.gov.uz/ru/pages/international_relations
3. Достигнутые соглашения по итогам государственного визита Президента Узбекистана в Саудовскую Аравию. <https://belgium.mfa.uz/>
4. Кадыров А. Узбекистан – ОАЭ: Партнерство во имя «зеленого» будущего. Узбекистан – ОАЭ: Партнёрство во имя «зелёного» будущего – News Central Asia (nCa)
5. Народное слово. Прочная основа для расширения многоплановых отношений. 2025. С. 4.
6. Народное слово. Узбекистан – ОАЭ: полномасштабное сотрудничество по всем направлениям практического взаимодействия. 2025. С. 2.

7. Президент Узбекистана выдвинул ряд предложений по развитию многостороннего сотрудничества со странами Совета сотрудничества арабских государств Залива. <https://president.uz/ru/lists/view/6493>
8. Президент Узбекистана принял делегатов диалога Центральной Азии и арабских государств Залива. <https://www.gazeta.uz/ru/2024/04/15/arabian-states/>
9. Узбекистан – КСА: расширяя границы многопланового партнёрства. <https://yuz.uz/ru/news/uzbekistan---ksa-rasshiryaya-granits-mnogoplanovogo-partnerstva>
10. Узбекистан – Кувейт: курс на расширение сотрудничества. Узбекистан – Кувейт: курс на расширение сотрудничества
11. Холмухамедов М. Узбекистан – Саудовская Аравия: взаимовыгодное сотрудничество. <https://ru.eureporter.co/world/uzbekistan/>
12. Karimov A. New model of relations between Uzbekistan and Kuwait. <https://isrs.uz/en/smti-ekspertlari-sharhlari/uzbekiston-kuvajt-munosabatlarning-angi-modeli>
13. Uzbekistan and the UAE Enhance Investment Cooperation. <https://gov.uz/en/miit/news/view/32651>

© Yoziyeva Sh., 2025

УДК 004.056.5

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ДОВЕРИЕ К ЦИФРОВЫМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ УСЛУГАМ

EDN ZBTJAY

М. М. Белорусов
Е. А. Дмитриева
А. Е. Мартынова

*Студенты,
Научный исследовательский институт
«Московский энергетический институт»,
г. Москва, Россия*

THE IMPACT OF INFORMATION SECURITY ON TRUST IN DIGITAL GOVERNMENT SERVICES

M. M. Belorусov
E. A. Dmitrieva
A. E. Martynova

*Students,
Scientific Research Institute
«Moscow Power Engineering Institute»,
Moscow, Russia*

Abstract. Modern digital government services, such as the Gosuslugi platform, have become an integral part of social interaction and the provision of administrative services to the public. However, the degree of user confidence in these systems is largely determined by the level of information security. In the face of the growing threat of data leakage, phishing and cyber fraud, it is the protection of personal information that is becoming a key factor in the sustainability of digital services. The article examines the relationship between the perception of information security and the trust of citizens, analyzes examples of successful and ineffective implementation of information security at the state level. The necessity of developing mechanisms of openness, responsibility and protection of digital data as conditions for increasing trust in the state is substantiated.

Keywords: information security; user trust; digital public services; personal data; Public services; digital identity; phishing; data protection.

Введение

Цифровизация административных процессов является стратегическим вектором государственного управления в XXI веке. Одним из наиболее заметных примеров в российской практике стала система «Госуслуги», обеспечивающая доступ граждан к сотням сервисов в онлайн-формате: от записи на приём к врачу до подачи налоговой декларации. Однако переход к цифровой модели взаимодействия между гражданином и государством сопровождается новыми рисками, связанными с утратой конфиденциальности, несанкционированным доступом и нарушением целостности обрабатываемой информации.

Решающее значение для успешного функционирования цифровых платформ

приобретает уровень доверия пользователей. Устойчивое доверие формируется на основе опыта безопасного и прозрачного взаимодействия, наличия чётких механизмов защиты и возможности восстановления нарушенных прав. При этом любой инцидент, связанный с утечкой персональных данных или техническим сбоем, способен значительно подорвать доверие к цифровым государственным инициативам в целом.

Особенно уязвимыми в этом контексте становятся категории граждан, обладающие ограниченной цифровой грамотностью, а также пожилые пользователи, для которых восприятие рисков может быть усилено недостатком информации и навыков. Таким образом, обеспечение информационной безопасности становится не

только технической задачей, но и основой формирования гражданской лояльности и устойчивости цифровой среды.

Целью настоящей статьи является выявление влияния уровня информационной безопасности на степень доверия к цифровым государственным услугам, а также анализ конкретных кейсов с использованием платформы «Госуслуги».

Информационная безопасность как основа цифрового доверия

Цифровые государственные услуги представляют собой комплекс технологических решений, направленных на обеспечение доступности, прозрачности и эффективности взаимодействия граждан с органами государственной власти. Однако степень готовности граждан к переходу на онлайн-коммуникацию напрямую зависит от их уверенности в защищённости персональных данных и стабильности функционирования платформ [4]. Без сформированного ощущения цифровой защищённости использование таких сервисов зачастую воспринимается как риск, а не как удобство, особенно среди менее технически подкованных групп населения.

Наиболее показательной в этом контексте является единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА), используемая на портале «Госуслуги». Через неё проходят все ключевые транзакции: от записи в детский сад до получения справок и подачи заявлений. Любая уязвимость в данной системе способна подорвать доверие не только к конкретной услуге, но и к цифровой политике государства в целом [3]. При этом именно ЕСИА служит «точкой входа» в большинство цифровых сервисов, и её надёжность воспринимается как показатель общей безопасности всей государственной цифровой инфраструктуры.

Исследования Всемирного банка подтверждают: устойчивое восприятие безопасности цифровых государственных сервисов является критически важным фактором для формирования доверия, особенно в странах с высоким уровнем

онлайн-взаимодействия между государством и населением [7]. Согласно индексу зрелости GovTech 2022, успешные юрисдикции характеризуются не только высоким уровнем цифровизации, но и сильными гарантиями защиты персональных данных, прозрачными регламентами и механизмами восстановления нарушенных прав [7]. Эти факторы определяют не только частоту использования цифровых платформ, но и готовность граждан передавать через них чувствительную информацию – включая сведения о здоровье, имуществе и финансовом положении.

В этой связи становится очевидной необходимость не просто обеспечения базовой кибербезопасности, но и формирования у пользователей устойчивого доверия к механизмам защиты, реализуемым на государственном уровне. Такое доверие становится социальным капиталом цифрового государства и условием его долгосрочной эффективности.

Инциденты и последствия

Несмотря на внедрение многочисленных технических и организационных мер, в практике работы государственных платформ остаются инциденты, способные поколебать доверие пользователей. Так, в сентябре 2022 года было зафиксировано крупное нарушение безопасности, при котором в результате сбоя API портала «Госуслуги» некоторые пользователи получили доступ к данным чужих медицинских документов [3]. Несмотря на оперативное устранение уязвимости, случай получил широкий общественный резонанс и стал предметом обсуждения на федеральном уровне.

Подобные эпизоды подрывают уверенность граждан в способности государства обеспечивать целостность и конфиденциальность обрабатываемой информации. В опросе Фонда «Общественное мнение» (2023) около 41 % респондентов признались, что инциденты с утечками данных заставляют их воздерживаться от использования ключевых функций «Гос-

услуг», включая оплату штрафов, передачу данных о здоровье и регистрацию сделок с недвижимостью [5].

Особую уязвимость в этой ситуации проявляют социально уязвимые группы: пожилые граждане, жители малых населённых пунктов и лица с низким уровнем цифровой грамотности. Именно среди них выше уровень тревожности, связанной с возможностью цифрового мошенничества, особенно в случае телефонных и почтовых фишинговых атак от имени «Госуслуг» [2].

Механизмы обеспечения безопасности и повышения доверия

Обеспечение информационной безопасности на цифровых платформах государственного уровня требует системного подхода. Во-первых, должна быть реализована комплексная модель защиты, включающая не только технические, но и организационные, правовые и процедурные меры. В рамках «Госуслуг» это реализуется через многоуровневую систему авторизации (пароль, СМС-код, биометрия), шифрование канала связи и постоянный аудит уязвимостей [3; 4].

Во-вторых, важным фактором является правовая определённость. Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» предусматривает обязательства оператора по защите информации, уведомлению субъектов в случае утечки и применению санкций за ненадлежащее обращение с данными [1]. Однако применение данных норм на практике сталкивается с ограничениями: отсутствие чётких сроков уведомления, недостаточная прозрачность расследований, а также ограниченные возможности граждан по контролю обработки их данных [4].

Повышение уровня доверия возможно при условии прозрачности: открытое информирование о реализуемых мерах ИБ, публикация отчётов об аудитах, создание каналов оперативной обратной связи. Примером является внедрение функции уведомлений о входе в аккаунт и просмотре данных, что позволяет пользователям

оперативно реагировать на подозрительную активность [3].

Перспективы развития и социотехнические аспекты

Современное цифровое государство должно строиться не только на базе инфраструктуры, но и на основе устойчивого доверия пользователей. Это доверие невозможно сформировать исключительно техническими средствами: необходима синергия правового регулирования, цифровой грамотности и социальной ответственности.

Повышение доверия требует внедрения цифрового просвещения для всех возрастных и социальных групп, особенно в части распознавания фишинга, понимания механизма авторизации и защиты цифровой идентичности. Такие меры реализуются в рамках образовательных модулей Минцифры и региональных программ цифровой гигиены, но охват по-прежнему недостаточен [2; 6].

Одновременно возникает потребность в усилении обратной связи с пользователями. Государственные платформы должны не только защищать, но и доказывать свою надёжность, включая публичное объяснение инцидентов, доступность технической поддержки и обеспечение права на забвение. Только в этом случае цифровые сервисы перестанут восприниматься как навязанные, а станут частью устойчивого цифрового взаимодействия [5].

Выводы

Информационная безопасность выступает системообразующим элементом цифрового государственного управления, напрямую влияющим на восприятие гражданами надёжности и легитимности используемых платформ. Повышение уровня доверия невозможно без устойчивого обеспечения прав субъектов данных, эффективного реагирования на инциденты и создания механизмов обратной связи. Платформа «Госуслуги» в этом контексте становится индикатором зрелости информационной политики государства, а также

способности выстраивать открытое и ответственное цифровое взаимодействие с обществом. Надёжность, прозрачность и готовность к открытому диалогу с пользователями должны стать базовыми критериями построения всех цифровых сервисов в публичном секторе, обеспечивая не только техническую защищённость, но и устойчивость цифрового доверия в долгосрочной перспективе.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (в ред. от 01.03.2023).
2. Гаврилова Т. В. Цифровое государство и киберугрозы: вызовы XXI века // Вестник СПбГУ. 2022. № 2.
3. Министерство цифрового развития РФ. Официальный портал «Госуслуги». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gosuslugi.ru>
4. Сеницын А. В. Информационная безопасность государственных информационных систем // Информационное право. 2021. № 3.
5. Молчанов И. Г. Цифровое доверие и защита данных: институциональный подход // Социосфера. 2022. № 4.
6. Anderson R. Security Engineering: A Guide to Building Dependable Distributed Systems. 3rd Ed. Wiley, 2020.
7. World Bank. GovTech Maturity Index 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldbank.org>
8. Хиврич С. Л. Государственные платформы и безопасность личности в цифровом обществе // Информационное право. 2023. № 1.

© Белорусов М. М., Дмитриева Е. А., Мартынова А. Е., 2025

УДК 004.056.5

**РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА.
КАК ОБЕЗОПАСИТЬ СЕБЯ В ИНТЕРНЕТЕ**

EDN ZCANHM

М. М. Белорусов
Е. А. Дмитриева
А. Е. Мартынова

*Студенты,
Научный исследовательский институт
«Московский энергетический институт»,
г. Москва, Россия*

**THE ROLE OF INFORMATION SECURITY IN THE LIFE OF SOCIETY.
HOW TO PROTECT YOURSELF ONLINE**

M. M. Belorусov
E. A. Dmitrieva
A. E. Martynova

*Students,
Scientific Research Institute
«Moscow Power Engineering Institute»,
Moscow, Russia*

Abstract. Information security has long gone beyond the exclusively corporate or government sphere and has become an integral part of the daily lives of ordinary users. With the growth of digitalization and the active use of Internet services, people are increasingly faced with threats emanating from virtual space. The article examines the role of information security in the lives of individuals, reveals the importance of digital literacy, and analyzes practical ways to protect personal data online. Special attention is paid to the algorithm of actions in case of collision with cyber threats. The conclusion is made about the need to develop sustainable skills of safe behavior on the Internet.

Keywords: information security; cyber threats; digital literacy; phishing; personal data; social engineering; Internet fraud; user protection.

Введение

Современное общество характеризуется всё более глубокой цифровизацией жизненных процессов, включая общение, обучение, работу, покупки и государственные услуги. В этих условиях информационная безопасность перестаёт быть исключительно предметом интереса специалистов и касается буквально каждого человека, использующего интернет в повседневной жизни. Угроза утечки персональных данных, мошеннические схемы, вредоносное ПО и попытки социальной инженерии составляют реальную опасность для любого пользователя, вне зависимости от уровня его технической подготовки.

При этом уровень осведомлённости о киберугрозах среди населения остаётся тревожно низким, особенно в возрастных и социально уязвимых группах. Люди зачастую недооценивают потенциальный вред от раскрытия личной информации, открывают подозрительные ссылки, пере-

дают данные незнакомым лицам или используют слабо защищённые пароли.

Одновременно с этим наблюдается активное развитие цифровых мошеннических схем, адаптированных под поведение и психологию пользователей. Это требует формирования системы цифрового просвещения, направленной на выработку устойчивых навыков безопасного поведения в сети.

Цель настоящего исследования – проанализировать значимость информационной безопасности для повседневной жизни граждан, рассмотреть формы киберугроз, с которыми они сталкиваются, и описать эффективные способы защиты, включая действия при уже свершившихся инцидентах.

Повседневные риски информационной безопасности

В условиях стремительной цифровизации повседневной жизни существенно возрастает количество угроз, направленных на незаконное получение, искажение

или уничтожение персональных данных пользователей. Одной из наиболее распространённых форм воздействия выступает фишинг – метод социальной инженерии, при котором злоумышленник убеждает жертву добровольно предоставить конфиденциальную информацию под видом срочной необходимости [2]. В 2023 году, согласно данным «Лаборатории Касперского», число фишинговых атак в российском сегменте сети увеличилось на 45 % по сравнению с предыдущим годом, при этом наибольшее число жертв наблюдается среди людей старшего возраста и пользователей с низким уровнем цифровой грамотности [5].

Также широко распространены схемы подмены доверия – мошенничество через мессенджеры, поддельные сайты государственных сервисов и банков, а также вредоносные приложения под видом популярных сервисов отслеживания доставки или финансовых инструментов [3]. Часто пользователи сами способствуют реализации угроз, повторно используя слабые пароли, игнорируя обновления и размещая личную информацию в открытом доступе.

Дополнительную угрозу представляют особенности пользовательского поведения: публикация адресов, номеров телефонов, данных о детях и месте работы значительно упрощает для злоумышленников реализацию целевых атак. Такие действия формируют цифровой след, который может быть использован в целях шантажа, манипуляции или прямого ущерба [4].

Цифровая грамотность как фактор устойчивости к киберугрозам

Международные и отечественные исследования подтверждают, что существует прямая зависимость между уровнем цифровой грамотности и вероятностью стать жертвой киберинцидента [5]. Согласно аналитике Роскачества, в 2023 году около 38 % пользователей не знали, как проверить подлинность интернет-ресурса, а 27 % не были осведомлены о наличии вредо-

носных вложений в электронных письмах [5]. Эти данные демонстрируют необходимость активной работы по повышению уровня осведомлённости, особенно среди социально уязвимых категорий граждан.

Цифровая гигиена включает формирование устойчивых поведенческих и технических навыков: регулярная смена паролей, резервное копирование данных, критическое восприятие цифрового контента, использование антивирусного программного обеспечения и настройка двухфакторной аутентификации [2]. Однако в условиях постоянной трансформации цифровых угроз, эти навыки должны поддерживаться через систематическое обучение.

Одним из успешных примеров цифрового просвещения является инициатива Минцифры России «Киберпатруль», ориентированная на школьников и студентов. Проект включает моделирование ситуаций фишинга и мошенничества, что способствует закреплению практических навыков [5]. В то же время для взрослой аудитории количество подобных программ остаётся недостаточным.

Ценность персональных данных и методы их защиты

Персональные данные в цифровую эпоху становятся ключевым ресурсом. Их компрометация способна повлечь за собой не только финансовые потери, но и серьёзный ущерб репутации, психологическое давление, а в некоторых случаях – угрозу физической безопасности [1]. Характерным примером является серия атак на жителей Москвы в 2023 году, основанная на использовании утекших из интернет-магазинов персональных данных. Жертвам направлялись фальшивые повестки и судебные уведомления с целью выманивания средств и дестабилизации психоэмоционального состояния [6].

Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» предоставляет гражданам право на получение информации о способах обработки их данных, требование об удалении, а также право обращать-

ся в Роскомнадзор с жалобами на непропорциональную обработку [1]. Несмотря на наличие правового механизма, уровень его применения остаётся низким в силу недостатка правовой осведомлённости.

С практической точки зрения, защита персональных данных включает минимизацию публикации чувствительной информации в социальных сетях, отказ от регистрации через аккаунты социальных сетей на сторонних ресурсах, использование уникальных паролей, регулярную очистку куки и истории браузера [3]. Использование сервисов для отслеживания утечек, таких как HaveIBeenPwned или отечественные аналоги, позволяет своевременно выявить инциденты и принять корректирующие меры [4].

Алгоритм действий при киберинциденте

Столкновение с киберугрозой требует чёткого и своевременного реагирования. Первым шагом является фиксация инцидента – сбор доказательств в виде скриншотов, сохранения писем, сообщений, логов. Вторым – незамедлительная смена паролей и отключение скомпрометированных устройств, особенно при угрозе доступа к банковским и почтовым сервисам [7].

Следующий этап включает обращение в службу поддержки соответствующего ресурса (социальная сеть, банк, почтовый провайдер) и подачу заявления в правоохранительные органы, включая возможность использования портала «Госуслуги» для подачи электронного обращения [6]. В ряде случаев может потребоваться помощь юриста или специалиста по информационной безопасности.

Необходимо также провести самооценку и ревизию цифровых привычек: усилить пароли, включить двухфакторную аутентификацию, установить обновления программного обеспечения, ограничить количество персональной информации в публичном пространстве [2, 8]. Только комплексный подход, включающий анализ, исправление и профилактику, обеспечивает надёжную защиту от повторного инцидента.

Выводы

Информационная безопасность в повседневной жизни граждан перестаёт быть отвлечённой технологической концепцией и становится фундаментом для доверительного и безопасного функционирования личности в цифровой среде. Формирование у населения навыков кибергигиены, повышение цифровой осведомлённости, а также наличие алгоритмов реагирования в случае инцидентов – необходимое условие устойчивости информационного общества. Поддержка со стороны государства, образовательных учреждений и технологических платформ должна быть направлена на расширение доступа к информации о киберугрозах и развитие сервисов защиты. Только комплексный подход, включающий просвещение, технические меры и правовое регулирование, способен обеспечить высокий уровень информационной безопасности для каждого пользователя.

Библиографический список

1. Закон Российской Федерации от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 01.03.2023) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798 (дата обращения 10.04.2025)
2. Пискунов В. И. Основы кибербезопасности: учебное пособие. – М.: КНОРУС, 2021. – 240 с.
3. Хиврич С. Л. Цифровая гигиена и правовая защита личности в информационном обществе // Информационное право. 2022. № 4. С. 37–41
4. Anderson R. Security Engineering: A Guide to Building Dependable Distributed Systems. 3rd Ed. Wiley, 2020. – 1216 p.
5. Роскачество. Рейтинг цифровой грамотности населения РФ – 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://roskachestvo.gov.ru/upload/iblock/3c3/3c3a764a22fbbdd7a7fda9243a4e0d13.pdf> (дата обращения 10.04.2025)
6. Роскомнадзор. Методические рекомендации по защите персональных данных. – 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://rkn.gov.ru/docs/metod_rek_pd_2022.pdf (дата обращения 11.04.2025)
7. Cybercrime and the law: A review of emerging threats and legal responses // International Journal of Cybersecurity. 2021. Vol. 7(2). P. 104–118

8. Иванов А. А. Социальная инженерия: механизмы, приёмы и защита. – СПб.: Питер, 2020. – 192 с.

© Белорусов М. М., Дмитриева Е. А., Мартынова А. Е., 2025

УДК 004.056.5

СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ. ВЕКТОРЫ АТАК И МЕТОДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

EDN ZEMLC5

М. М. Белорусов
Е. А. Дмитриева
А. Е. Мартынова

*Студенты,
Научный исследовательский институт
«Московский энергетический институт»,
г. Москва, Россия*

SOCIAL ENGINEERING IN SOCIAL NETWORKS. ATTACK VECTORS AND COUNTERACTION METHODS

M. M. Belorusev
E. A. Dmitrieva
A. E. Martynova

*Students,
Scientific Research Institute
«Moscow Power Engineering Institute»,
Moscow, Russia*

Abstract. The article is devoted to the study of threats associated with the use of social engineering methods in the social networking environment. The most common techniques for manipulating user consciousness are considered, including phishing, imitation of trusted persons, and pretext attacks. Particular attention is paid to behavioral and psychological vulnerabilities that are actively exploited by attackers when carrying out attacks. An analysis of real cases is conducted demonstrating the adaptation of social engineering vectors to the functionality and audience of specific platforms. The need to form a comprehensive counteraction system, including technical tools, security regulations, and educational measures, is substantiated. The results of the study allow us to determine priority areas for the development of preventive measures and increasing user resilience to manipulative influences.

Keywords: social engineering; social networks; phishing; psychological manipulation; information security; cyber-attacks; user vulnerability; counteraction.

Введение

Социальная инженерия, как совокупность методов психологического воздействия с целью получения конфиденциальной информации или несанкционированного доступа к информационным ресурсам, является одной из наиболее эффективных форм атак в цифровом пространстве. С распространением социальных сетей её потенциал существенно возрос за счёт доступности персональных данных и наличия широкого спектра инструментов для установления доверительных контактов. Платформы вроде Facebook, Instagram, «ВКонтакте» и Telegram становятся не только средством общения, но и ареной для целенаправленных манипулятивных действий. Злоумышленники используют данные профиля, поведенческие шаблоны и социальные связи жертвы для усиления убедительности атак. Современные методы социальной инженерии зача-

стую базируются на комплексной обработке информации, полученной как из открытых источников, так и путём непосредственного взаимодействия с целевой аудиторией [6]. В результате атаки могут принимать разнообразные формы: от традиционного фишинга до более сложных сценариев с элементами социальной психологии. Возникает объективная необходимость системного анализа данных угроз с целью выработки эффективных контрмер. Цель настоящей работы заключается в выявлении доминирующих векторов атак социальной инженерии в социальных сетях и систематизации подходов к противодействию данным угрозам.

Типология методов социальной инженерии в социальных сетях

Современная социальная инженерия в социальных сетях – это набор приёмов обмана и манипуляции, направленных на получение доступа к конфиденциальной

информации. Среди наиболее распространённых методов – фишинг с поддельными страницами авторизации, spear-phishing, адаптированный под конкретного пользователя, и pretexting, основанный на правдоподобной легенде, например от имени службы поддержки Telegram. Широко используются и такие схемы, как baiting – обещание выгоды за выполнение действий, quid pro quo – обмен привилегий на данные, а также impersonation – использование фальшивых аккаунтов знакомых. Все эти векторы атак опираются на доверие и эмоциональное давление, что связано с уязвимостями человеческого поведения.

Психологические факторы играют ключевую роль в социальной инженерии, злоумышленники используют доверие, страх санкций, стремление к выгоде и ограниченную способность к критическому мышлению в условиях срочности. Особенно эффективно это проявляется в мессенджерах, где легко имитировать визуальные элементы общения. В книге «Искусство обмана» Кевин Митник подчёркивает, что «социальная инженерия использует влияние и убеждение для обмана людей, заставляя их поверить, что социальный инженер – это тот, кем он не является, или манипулируя ими. В результате социальный инженер может воспользоваться людьми, чтобы получить информацию с использованием или без использования технологий» [1]. Даже такие признаки доверия, как имя отправителя и изображение профиля, способны в значительной степени повлиять на готовность пользователя к взаимодействию [4].

Кейсы атак в социальных сетях и методы их противодействия

Одним из распространённых сценариев социальной инженерии в мессенджере Telegram является компрометация аккаунта под предлогом «верификации». Злоумышленники создают фальшивый профиль, внешне идентичный официальному аккаунту Telegram Support, включая логотип и название. Пользователю направля-

ется сообщение с требованием пройти процедуру подтверждения личности, для чего предлагается указать номер телефона и код из СМС. После передачи этих данных доступ к аккаунту перехватывается, и он используется для дальнейших атак, в частности рассылки аналогичных сообщений другим контактам жертвы [7]. Аналогичный приём используется в социальной сети Instagram, где потенциальной жертве поступает сообщение якобы от модераторов платформы с утверждением о нарушении авторских прав. В тексте содержится ссылка на поддельную форму для подачи апелляции. Пользователь, перейдя по ней и введя логин и пароль, фактически предоставляет злоумышленнику доступ к своему профилю, что ведёт к полной его компрометации [8]. В социальной сети «ВКонтакте» часто применяются атаки с использованием ранее скомпрометированных аккаунтов. После взлома злоумышленник рассылает сообщения от имени жертвы, в которых содержится срочная просьба о финансовой помощи, например: «Привет, можешь срочно занять 2 тыс.? Верну вечером». Эмоциональный характер сообщения и ограниченное время на принятие решения снижают способность пользователя к критической оценке ситуации, что увеличивает вероятность успешного обмана [5].

Подобные инциденты свидетельствуют о высокой эффективности социальной инженерии, основанной на доверии, спешке и эмоциональном воздействии. Для противодействия таким угрозам необходим комплексный и системный подход, сочетающий образовательные, технические, организационные и аналитические меры. Одним из ключевых направлений является повышение осведомлённости пользователей о характерных признаках атак и методах их реализации. Эффективным инструментом в этом контексте служат обучающие мероприятия, включая тренинги по кибергигиене и имитационные фишинг-кампании, способствующие

формированию устойчивых навыков распознавания угроз [3].

Таким образом, эффективное противодействие угрозам социальной инженерии требует системного многоуровневого подхода, включающего технические, организационные и образовательные меры. С технической стороны важнейшими инструментами являются двухфакторная аутентификация, интеллектуальные фильтры, блокирующие вредоносный контент, системы поведенческого анализа, а также уведомления о подозрительной активности. Эти меры позволяют снизить риск компрометации даже при утечке первичных учетных данных.

Организационные меры предполагают формализацию политик безопасности, в том числе запрет на передачу кодов подтверждения, ссылок и иной конфиденциальной информации, даже при обращении от якобы доверенных источников. Такие правила должны быть закреплены в регламентах и доведены до пользователей. Как отмечает D. Gragg, наилучший результат достигается при использовании многоуровневой модели, сочетающей контроль доступа, ограничение привилегий и переоценку каналов доверия [2].

Важную роль играет постоянный мониторинг цифровой среды с применением SIEM-систем и средств поведенческой аналитики. Эти технологии позволяют выявлять фальшивые аккаунты, схемы социальной инженерии и аномальную активность до наступления негативных последствий. Комплексная реализация перечисленных мер способствует формированию устойчивой к манипуляциям среды и повышению общей защищённости пользователей.

Выводы

Социальная инженерия в социальных сетях представляет собой многогранную и постоянно эволюционирующую угрозу, адаптирующуюся к поведенческим особенностям пользователей и техническим особенностям платформ. Эффективность

атак определяется не только качеством исполнения, но и слабостью механизмов цифровой гигиены среди пользователей. Предотвращение инцидентов возможно лишь при условии комплексного подхода, включающего синергию технических средств защиты и образовательных инициатив. Важной задачей в перспективе остаётся разработка интеллектуальных механизмов распознавания поведенческих аномалий, характерных для атак социальной инженерии, и интеграция таких решений в экосистему цифровой безопасности.

Библиографический список

1. Mitnick K. D., Simon W. L. The Art of Deception [Электронный ресурс]. URL: https://portal.abuad.edu.ng/lecturer/documents/1585589655The_Art_of_Deception_by_Kelvin_Mitnick.pdf (дата обращения: 13.05.2025).
2. Gragg D. A Multi-Level Defense Against Social Engineering [Электронный ресурс]. URL: <http://taupe.free.fr/book/psycho/social%20engineering/Social%20Engineering%20%20Sans%20Inti-tute%20%20Multi%20Level%20Defense%20Against%20Social%20Engineering.pdf> (дата обращения: 13.05.2025).
3. Hadnagy C. Social Engineering: The Science of Human Hacking [Электронный ресурс]. URL: http://repo.darmajaya.ac.id/4637/1/Social%20Engineering_%20The%20Science%20of%20Human%20Hacking%20%28%20PDFDrive%20%29.pdf (дата обращения: 13.05.2025).
4. Parsons K., McCormac A., Butavicius M., Patinson M. Determining Employee Awareness Using the Human Aspects of Information Security Questionnaire [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/259991932_Determining_Employee_Awareness_Using_the_Human_Aspects_of_Information_Security_Questionnaire_HAIS-Q (дата обращения: 13.05.2025).
5. Сазонов А. И., Воробьева И. А. Социальная инженерия как угроза информационной безопасности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nauteh-journal.ru/files/2d0f60f5-f684-44fc-bc46-a3604203197a> (дата обращения: 13.05.2025).
6. Рекиш А. О., Шахно Н. В. Методы социальной инженерии и способы противодействия [Электронный ресурс]. URL: https://libeldoc.bsuir.by/bitstream/123456789/41111/1/Rekish_Metody.pdf (дата обращения: 13.05.2025).

7. Горбачев А. В., Котенко Е. В. Психологические основы социальной инженерии [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osnovy-sotsialnoy-inzhenerii/viewer> (дата обращения: 13.05.2025).
8. Zarrella D. The Social Media Marketing Book [Электронный ресурс]. URL: https://library.uniteddiversity.coop/Media_and_Free_Culture/The_Social_Media_Marketing_Book.pdf (дата обращения: 13.05.2025).

© Белорусов М. М., Дмитриева Е. А., Мартынова А. Е., 2025

УДК 654.01

ВОВЛЕЧЕНИЕ ПЕРСОНАЛА В УПРАВЛЕНИЕ КАЧЕСТВОМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ УСЛУГ

EDN ZJGKCB

Н. П. Блинов

Магистрант, ORCID 0009-0000-5415-2390,
e-mail: nikibl2009@gmail.com,
Московский технический университет
связи и информатики,
г. Москва, Россия

INVOLVEMENT OF STAFF IN QUALITY MANAGEMENT OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATION SERVICES

N. P. Blinov

MA Student,
Moscow Technical University
of Communications and Informatics,
Moscow, Russia

Abstract. The article examines methods of personnel involvement in quality management of information and telecommunication (ITC) services as a key factor in increasing the competitiveness of companies. Organizational, motivational and educational approaches to employee involvement are considered, including the creation of working groups, a suggestion system (Kaizen), and material and non-material incentive programs. Particular attention is paid to the use of the Deming cycle (PDCA) for continuous improvement of service quality with the participation of personnel. Recommendations for the implementation of a comprehensive employee involvement system are also offered. The article demonstrates that active participation of personnel in quality management processes allows not only to improve service indicators, but also to increase employee motivation, creating a sustainable competitive advantage in a dynamic digital environment.

Keywords: quality management; information and telecommunication services; employee involvement; Deming cycle; continuous improvement; service quality.

Введение

В современных условиях цифровой трансформации качество информационно-телекоммуникационных услуг становится ключевым фактором конкурентоспособности компаний. Рост требований клиентов к скорости, надежности и безопасности сервисов заставляет организации искать новые подходы к управлению качеством. Одним из наиболее эффективных, но при этом недостаточно изученных аспектов остается вовлечение персонала в эти процессы. Несмотря на распространенность методов контроля качества, основанных на автоматизации и стандартизации, человеческий фактор продолжает играть критическую роль. Сотрудники, непосредственно взаимодействующие с клиентами и инфраструктурой, обладают уникальными знаниями о потенциальных узких местах и способах их устранения.

Однако во многих компаниях их потенциал остается нераскрытым из-за недостаточной мотивации, слабой обратной связи и отсутствия системного подхода к вовлечению в процесс улучшения сервисов.

Научная новизна данной статьи заключается в комплексном анализе методов вовлечения персонала в управление качеством информационно-телекоммуникационных услуг с учетом современных управленческих практик и процессных моделей, таких как цикл Деминга (PDCA). В отличие от традиционных исследований, фокусирующихся на технических аспектах качества, в данной работе особое внимание уделяется роли корпоративной культуры, мотивационных механизмов и непрерывного обучения. Кроме того, предлагается адаптация цикла PDCA к специфике ИКТ-сектора, что позволяет не только выявлять проблемы, но и создавать

устойчивые механизмы их устранения при активном участии сотрудников.

Цель статьи – рассмотреть ключевые стратегии вовлечения персонала в процессы управления качеством, проанализировать их эффективность на практических примерах и предложить рекомендации для компаний, стремящихся к повышению уровня сервиса. Актуальность темы подтверждается растущим числом кейсов, в которых именно человеко-ориентированные подходы, а не только технологические решения, становятся основой для долгосрочного улучшения качества услуг. В дальнейшем изложении будут детально разобраны как теоретические основы, так и практические инструменты, позволяющие превратить рядовых сотрудников в активных участников системы менеджмента качества.

Сущность управления качеством

Управление любым проектом представляет собой систему принципов и методов, которые обеспечивают организацию, планирование, руководство и координацию человеческих и материальных ресурсов на протяжении всего жизненного цикла проекта. Целью такой системы является эффективное достижение целей проекта путем применения современных инструментов, техник и технологий управления. Главным результатом данной деятельности является успешная реализация проекта при согласованном балансе между объемом работ, использованными ресурсами, временем, качеством и рисками, которые сопутствуют проекту [1].

Управление качеством проекта основывается на процессном подходе и включает в себя создание гарантий качества для управления процессом проекта и его конечным результатом в соответствии с существующими стандартами качества и требованиями, связанными с выполняемыми работами, услугами или разрабатываемым продуктом [1].

Основной особенностью проектов является их индивидуальный характер. Даже при использовании типовых решений, разработка конкретной системы требует значительной адаптации под условия функционирования. Это существенно влияет на выбор методологических подходов и организационных инструментов управления качеством.

Эффективное управление качеством в проектной деятельности требует внедрения комплексной системы контроля, охватывающей все этапы жизненного цикла проекта. Особую важность приобретает разработка четких и измеримых критериев оценки качества, которые должны быть не только достижимыми, но и согласованными со всеми заинтересованными сторонами. В современных условиях управление качеством все чаще основывается на принципах проактивного мониторинга, предполагающего постоянный контроль ключевых показателей с использованием автоматизированных систем сбора и анализа данных. Такой подход позволяет своевременно выявлять отклонения от плановых значений и оперативно принимать корректирующие меры, предотвращая возникновение критических ситуаций.

Теоретические основы управления качеством в ИКТ-услугах

Качество информационно-телекоммуникационных услуг является ключевым фактором, определяющим конкурентоспособность компаний на современном цифровом рынке. В отличие от материальных товаров, качество услуг в ИКТ-секторе характеризуется такими параметрами, как доступность, надежность, безопасность, скорость реагирования и соответствие ожиданиям пользователей.

Одной из основных проблем в управлении качеством ИКТ-услуг остается разрыв между формальными процедурами и реальной практикой. Даже при наличии четких регламентов сотрудники могут игнорировать стандарты, если не понимают

их значимости или не видят личной выгоды от их соблюдения. Например, технические специалисты, сосредоточенные на оперативном устранении сбоев, могут пренебрегать документацией, что в долгосрочной перспективе усложняет анализ причин инцидентов. Аналогично, сотрудники службы поддержки, не мотивированные на глубокий анализ жалоб, часто ограничиваются шаблонными решениями, не выявляя системные проблемы [3].

Следовательно, обеспечение качества в сфере информационно-коммуникационных технологий подразумевает комплексный подход, который включает реализацию стандартизированных методик и регламентов, а также выстраивание комфортной рабочей среды, где сотрудники выступают инициаторами позитивных изменений. Такой подход выходит за рамки простого инструктажа и надзора, требуя построения особой организационной атмосферы, в которой работники осознают свою роль в поддержании высоких стандартов сервиса и получают реальные инструменты для модернизации производственных процедур.

Методы вовлечения персонала в управление качеством

Организационные методы играют фундаментальную роль в создании системы вовлечения сотрудников. Одним из наиболее действенных подходов является формирование кросс-функциональных рабочих групп по улучшению качества услуг. Такие группы, объединяющие специалистов из разных подразделений (технической поддержки, разработки, эксплуатации), позволяют комплексно анализировать проблемы и находить оптимальные решения. Например, в компании Cisco подобные команды успешно применяют методику «Quality Circles», где сотрудники регулярно обсуждают возникающие проблемы и предлагают пути их решения. Другим эффективным инструментом является система постоянных улучшений, предполагающая сбор и реализацию пред-

ложений от всех сотрудников. Практика показывает, что даже небольшие рационализаторские предложения от рядовых специалистов могут привести к значительному повышению качества услуг.

Мотивационные механизмы представляют собой важнейший элемент системы вовлечения персонала. Современные исследования демонстрируют, что материальные стимулы (премии, бонусы за качество) эффективны лишь в сочетании с нематериальными формами мотивации. В ИКТ-компаниях все чаще применяются системы KPI, где показатели качества услуг (например, время реакции на инциденты, удовлетворенность клиентов) переводятся в баллы и рейтинги. Такой подход, успешно реализованный в компании Huawei, позволяет создать здоровую конкуренцию между сотрудниками и отделами. Особое значение имеет публичное признание достижений – лучшие практики включают доски почета, награждение «сотрудников месяца» и другие формы позитивного подкрепления. Важно отметить, что система мотивации должна быть тесно увязана с ключевыми показателями качества услуг, чтобы сотрудники четко понимали, как их действия влияют на конечный результат.

Обучение и развитие компетенций – еще один критически важный аспект вовлечения персонала. Регулярные тренинги по стандартам качества (ITIL, ISO 9001) помогают сотрудникам понять свою роль в общей системе управления качеством. Особенно эффективны практико-ориентированные формы обучения, такие как разбор реальных кейсов, симуляции критических ситуаций и наблюдение за работой опытных коллег. В компании Ericsson, например, успешно применяется программа наставничества, где новые сотрудники проходят стажировку под руководством опытных менторов, что значительно сокращает количество ошибок в работе. Важным элементом является создание базы знаний, где фиксируются лучшие практики и типовые решения –

это позволяет стандартизировать процессы и минимизировать зависимость качества услуг от конкретных исполнителей.

Корпоративная культура и коммуникация завершают систему вовлечения персонала. Прозрачность целей компании и ясное доведение стратегии качества до каждого сотрудника – обязательное условие успеха. Регулярные встречи руководства с коллективом, внутренние новостные рассылки, корпоративные порталы – все эти инструменты помогают создать общее понимание важности качества услуг. Особое значение имеет система обратной связи, когда сотрудники могут свободно высказывать свои предложения и замечания. В компании Google, например, практикуются еженедельные «TGIF»-встречи, где сотрудники могут задавать любые вопросы руководству, что создает атмосферу открытости и вовлеченности.

Реализация перечисленных методов требует системного подхода и постоянной работы. Как показывает практика ведущих ИКТ-компаний, наибольшего успеха

достигают те организации, которые сочетают несколько методов вовлечения, создавая целостную систему управления качеством.

Цикл Деминга (PDCA) в управлении качеством ИКТ-услуг

Внедрение системного подхода к управлению качеством в сфере информационно-телекоммуникационных услуг требует использования проверенных методологий, среди которых особое место занимает цикл Деминга (PDCA). Этот метод, разработанный У. Эдвардсом Демингом, представляет собой непрерывный процесс совершенствования, состоящий из четырех взаимосвязанных этапов: Plan (Планирование), Do (Реализация), Check (Проверка) и Act (Корректировка). Его применение в ИКТ-секторе позволяет не только выявлять и устранять проблемы качества, но и создавать устойчивые механизмы их предупреждения [4]. Графическая интерпретация цикла Деминга приведена на рисунке 1.

Рис. 1. Графическая интерпретация цикла Деминга

На этапе Plan осуществляется тщательный анализ текущей ситуации и разработка плана улучшений. В контексте ИКТ-услуг это может включать:

- Сбор и анализ данных о качестве услуг (метрики доступности, времени реакции, удовлетворенности клиентов);
- Выявление ключевых проблем (например, частые сбои в работе серверов или низкая скорость обработки запросов);
- Постановку конкретных измеримых целей (например, снижение времени простоя);

- Разработку конкретных мероприятий с указанием сроков и ответственных.

Особенностью применения PDCA в ИКТ-сфере является необходимость учитывать высокую динамику изменений технологий и требований клиентов. Например, при планировании улучшений качества облачных сервисов важно учитывать не только текущие показатели, но и прогнозируемый рост нагрузки.

Этап Do предполагает реализацию запланированных мероприятий. В ИКТ-компаниях это может включать:

- Внедрение новых технологических решений (например, системы мониторинга);
- Обучение персонала новым процедурам;
- Тестирование изменений на ограниченном сегменте услуг (пилотные проекты).

Важным аспектом является документирование всех изменений и их влияния на процессы. Например, при внедрении новой системы обработки обращений в службу поддержки фиксируются все отклонения от стандартных процедур.

Этап Check посвящен оценке эффективности реализованных мер. В ИКТ-сфере это предполагает:

- Сравнение ключевых показателей качества до и после изменений;
- Анализ новых данных (журналы ошибок, отчеты системы мониторинга);
- Оценку удовлетворенности клиентов (опросы, анализ отзывов);
- Выявление непредвиденных последствий изменений.

Особое значение имеет использование специализированных инструментов анализа, таких как системы бизнес-аналитики, которые позволяют визуализировать данные о качестве услуг в динамике.

На этапе Act принимаются решения о стандартизации успешных практик или необходимости дополнительных корректировок. В ИКТ-компаниях это может выражаться в:

- Внесении изменений в регламенты и стандарты работы;

- Масштабировании успешных решений на все подразделения;
- Инициировании нового цикла улучшений для устранения выявленных недостатков.

Практический пример применения PDCA в ИКТ-сфере – улучшение качества VoIP-услуг. На этапе Plan был выявлен высокий процент потерянных вызовов в часы пик. После анализа (Check) причин (недостаточная пропускная способность серверов) было принято решение (Act) о модернизации оборудования и внедрении системы динамического распределения нагрузки (Do). Результатом стало снижение количества потерянных вызовов и повышение индекса удовлетворенности клиентов.

Цикл Деминга особенно эффективен при активном вовлечении персонала всех уровней. Сотрудники, непосредственно работающие с клиентами и инфраструктурой, часто первыми замечают проблемы качества и могут предложить практические решения. Поэтому в передовых ИКТ-компаниях PDCA становится не просто методологией, а частью корпоративной культуры, где каждый сотрудник участвует в непрерывном улучшении услуг.

Рекомендации по внедрению системы вовлечения персонала в управление качеством

Внедрение эффективной системы вовлечения персонала в управление качеством ИКТ-услуг требует комплексного подхода, учитывающего специфику отрасли и организационную культуру компании. На основе анализа лучших практик и успешных кейсов можно выделить несколько ключевых рекомендаций для компаний, стремящихся создать устойчивую систему участия сотрудников в процессах обеспечения качества [2].

Первым и наиболее важным шагом является проведение комплексной диагностики текущего уровня вовлеченности персонала. Это предполагает не только анализ формальных показателей (KPI качества, статистику обработки запросов), но

и изучение психологического климата в коллективе. Эффективными инструментами здесь выступают анонимные опросы сотрудников, фокус-группы и глубинные интервью, позволяющие выявить реальные барьеры, препятствующие активному участию персонала в улучшении качества услуг. Например, в компании «Ростелеком» подобная диагностика позволила выявить, что основной проблемой является не отсутствие мотивации у сотрудников, а сложность и неочевидность процедур внесения предложений по улучшению.

На этапе разработки программы мотивации рекомендуется сочетать материальные и нематериальные стимулы, ориентированные на разные категории сотрудников. Для технических специалистов особенно важны возможности профессионального роста и признание их экспертизы, в то время как сотрудники службы поддержки чаще ценят прозрачную систему премирования за качество обслуживания. Так, в компании МТС была успешно внедрена система, где часть премиального фонда зависит от показателей качества обслуживания, что привело к снижению количества повторных обращений клиентов.

Особое внимание следует уделить внедрению процессных инструментов, таких как цикл Деминга (PDCA), адаптированных под специфику ИКТ-услуг. Практика показывает, что наибольшую эффективность демонстрирует каскадная модель, когда стратегические цели по качеству декомпозируются на уровень подразделений и отдельных сотрудников. Например, в «МегаФоне» каждый технический специалист участвует в ежемесячных сессиях по улучшению процессов, где анализируются показатели качества за прошедший период и формируются инициативы на следующий цикл. Такой подход позволил увеличить количество рационализаторских предложений от сотрудников.

Для непрерывного мониторинга и адаптации системы вовлечения рекомен-

дуется создать специальные метрики, отражающие не только конечные показатели качества услуг, но и уровень участия персонала в процессах улучшения [2]. Это могут быть:

- Количество идей по улучшению, поступивших от сотрудников;
- Процент реализованных инициатив;
- Динамика вовлеченности по данным регулярных опросов;
- Индекс лояльности сотрудников.

Особую роль играет формирование культуры качества через образовательные программы и изменения в корпоративных ценностях. Эффективными инструментами здесь выступают:

- Внутренние обучающие порталы с кейсами по управлению качеством;
- Программы наставничества и кросс-функционального обучения;
- Регулярные хакатоны по решению проблем качества;
- Система признания и поощрения лучших в управлении качеством.

Как показывает опыт ведущих ИКТ-компаний, наиболее устойчивые результаты достигаются, когда система вовлечения персонала становится не отдельным проектом, а неотъемлемой частью бизнес-процессов и корпоративной культуры. Это требует последовательной работы руководства, инвестиций в развитие сотрудников и создания прозрачных механизмов обратной связи. Компании, которые смогут реализовать такой комплексный подход, получат значительное конкурентное преимущество за счет постоянного улучшения качества услуг при активном участии всего коллектива.

Заключение

Проведённый анализ проблемы вовлечения персонала в управление качеством информационно-телекоммуникационных услуг позволяет сделать ряд важных выводов. Современный этап развития ИКТ-сектора характеризуется беспрецедентной сложностью технологических решений и

растущими требованиями потребителей к качеству услуг. В этих условиях традиционные подходы к управлению качеством, основанные исключительно на технологических решениях и административном контроле, демонстрируют свою ограниченную эффективность. Как показало исследование, решающую роль в обеспечении стабильно высокого качества услуг играет человеческий фактор – именно сотрудники, непосредственно взаимодействующие с клиентами и технологической инфраструктурой, обладают уникальными знаниями о реальных проблемах и потенциальных путях их решения.

Наиболее успешные компании отрасли демонстрируют, что эффективная система вовлечения персонала должна быть комплексной и включать несколько взаимосвязанных элементов. Во-первых, это создание организационных механизмов участия сотрудников в процессах улучшения качества – от рабочих групп до систем сбора предложений. Во-вторых, разработка сбалансированной системы мотивации, сочетающей материальные и нематериальные стимулы. В-третьих, постоянное развитие компетенций персонала через обучение и обмен опытом. И наконец, формирование корпоративной культуры, где качество услуг является общей ценностью и ответственностью каждого сотрудника.

Особого внимания заслуживает рассмотренная в статье методология цикла Деминга (PDCA), которая при правильной адаптации к специфике ИКТ-услуг позволяет создать систему непрерывного совершенствования с активным участием

персонала. Практические примеры показывают, что применение PDCA даёт ощутимые результаты: сокращение количества инцидентов, повышение скорости реагирования на проблемы, рост удовлетворённости клиентов и самих сотрудников.

Важно понимать, что создание эффективной системы вовлечения персонала – это не разовое мероприятие, а постоянный процесс, требующий внимания руководства, инвестиций в развитие сотрудников и регулярной корректировки подходов. Ключевыми факторами успеха являются лидерство топ-менеджмента, адаптация лучших практик к особенностям конкретной организации, а также создание прозрачных механизмов обратной связи.

Библиографический список

1. АПНИ. Международный научный журнал. Актуальные исследования. Управление качеством в IT-проектах, [Электронный ресурс]. – URL: <https://apni.ru/article/6425-upravlenie-kachestvom-v-it-proektakh-metodi> (дата обращения: 18.05.2025).
2. ГОСТ Р ИСО 9001–2015. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы менеджмента качества. Требования. – Введ. 2015-11-01. – М.: ФГУП «Стандартинформ», 2020. – 32 с.
3. Сафин В. А. Управление качеством продукции на основе совершенствования методов многомерного статистического контроля процессов / В. А. Сафин. – Ульяновск: автореферат диссертации на присвоение учёной степени кандидата технических наук, 2011 – 19с.
4. Кузнецов М. Ю. Цикл PDCA в цифровой экономике: практика применения / М. Ю. Кузнецов // Экономика и управление. – 2022 – Т. 28. – № 3 – С. 112–125.

© Блинов Н. П., 2025

УДК 004.056

**МЕТОДИКА РАСЧЁТА ВЕРОЯТНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ УГРОЗ
ВНУТРЕННИМ СОТРУДНИКОМ В ОРГАНИЗАЦИИ**

EDN ZOBOQF

Н. П. Блинов*Магистрант, ORCID 0009-0000-5415-2390,**e-mail: nikibl2009@gmail.com,**Московский технический университет**связи и информатики,**г. Москва, Россия***METHOD OF CALCULATING THE PROBABILITY OF IMPLEMENTATION
OF THREATS BY AN INTERNAL EMPLOYEE IN ORGANIZATIONS****N. P. Blinov***MA Student,**Moscow Technical University**of Communications and Informatics,**Moscow, Russia*

Abstract. The article considers the problem of assessing internal threats to information security that pose a significant risk to organizations. A method for calculating the probability of threats being implemented by an internal employee is proposed, based on the analysis of key risk factors. A mathematical model has been developed that allows for a quantitative assessment of the probability of an information security threat being implemented by an internal employee, taking into account the weighting coefficients of the significance of each factor. The method has been tested on real data, which has confirmed its effectiveness in identifying potential violators. The results of this study can be used to improve monitoring systems and prevent information security incidents related to internal threats.

Keywords: insider; information security; risk assessment; probability of threat realization; behavioral analysis; risk management.

Введение

В современных условиях цифровой трансформации одной из ключевых проблем информационной безопасности организаций остаются внутренние угрозы. Действия внутренних сотрудников, умышленные или случайные, могут привести к утечке конфиденциальных данных, финансовым потерям и репутационному ущербу. Несмотря на внедрение технических средств защиты, человеческий фактор продолжает оставаться одним из наиболее сложных и трудно прогнозируемых рисков.

Создание модели угроз безопасности информации организации занимает важное место при обеспечении информационной безопасности организации, так как предупреждение угроз информационной безопасности – это один из основных методов предотвращения инцидентов ин-

формационной безопасности. Также при обеспечении информационной безопасности актуален принцип – «Нарушителя важно знать в лицо». Поэтому тема работы является актуальной.

Также актуальность темы обусловлена ростом числа инцидентов, связанных с внутренними нарушителями, а также недостаточной проработанностью методов количественной оценки вероятности реализации таких угроз. Существующие подходы зачастую носят качественный характер или опираются на экспертные оценки, что снижает точность прогнозирования. В связи с этим разработка методики расчёта вероятности реализации угроз внутренним сотрудником представляет значительный научный и практический интерес.

Целью данной работы является разработка методики количественной оценки вероятности реализации угроз со стороны

внутренних сотрудников на основе анализа факторов риска.

Научная новизна исследования заключается в комбинации поведенческого анализа и статистических методов для прогнозирования внутренних угроз, а также в разработке адаптивного алгоритма, учитывающего динамику изменения уровня риска в зависимости от действий сотрудника.

Практическая значимость работы состоит в возможности интеграции предложенной методики в системы мониторинга и предотвращения инцидентов информационной безопасности, что позволит организациям проактивно выявлять потенциальных нарушителей и минимизировать связанные с ними риски.

Понятие и классификация внутренних угроз

Внутренняя угроза представляет собой потенциальную опасность для информационной безопасности организации, исходящую от лиц, имеющих легальный доступ к её ресурсам и инфраструктуре. В отличие от внешних атак, такие угрозы особенно опасны в силу того, что внутренние сотрудники уже обладают определёнными правами доступа и знаниями о системе защиты. В современной практике информационной безопасности принято выделять несколько ключевых категорий внутренних угроз. По характеру намерений они подразделяются на умышленные (злонамеренные действия сотрудников) и неумышленные (ошибки персонала). По типу воздействия различают угрозы конфиденциальности (утечка данных), целостности (модификация информации) и доступности (блокирование работы систем). Особую категорию составляют так называемые «мстительные сотрудники» – бывшие или недовольные работники, использующие свои знания для нанесения ущерба организации. Важной характеристикой современных внутренних угроз является их комбинированный характер, когда внутренний нарушитель может сознательно или неосознанно способствовать реализации внешней атаки. Анализ

статистики инцидентов показывает, что наиболее опасными являются угрозы, исходящие от привилегированных пользователей (администраторов систем, IT-специалистов), имеющих расширенные права доступа. При этом мотивация может варьироваться от корыстных интересов до идеологических убеждений или личной мести.

Психологические и поведенческие аспекты деятельности внутренних нарушителей

Психологический портрет потенциального внутреннего нарушителя представляет собой сложную совокупность личностных характеристик и поведенческих паттернов. Многочисленные исследования показывают, что определённые психологические черты существенно повышают вероятность совершения противоправных действий. К ним относятся повышенный уровень нервозности, склонность к риску, низкий уровень эмпатии и социальной ответственности. Важным аспектом является анализ изменений в поведении сотрудника – участвовавшие конфликты с коллегами, проявления недовольства, резкое изменение рабочей активности могут служить ранними индикаторами потенциальной угрозы. Особое внимание следует уделять сотрудникам, переживающим личные или финансовые трудности, так как эти факторы часто становятся катализаторами противоправных действий [2]. Поведенческий анализ должен учитывать и цифровые следы деятельности – нехарактерные запросы к базам данных, попытки получения доступа к информации, не связанной с непосредственными обязанностями, использование нестандартных методов работы с системами. При этом важно понимать, что не существует универсального «портрета нарушителя» – в разных организационных культурах и профессиональных средах индикаторы риска могут существенно отличаться. Современные подходы к выявлению потенциальных внутренних угроз делают акцент на комплексном анализе

как психологических характеристик, так и реальных поведенческих проявлений в рабочей среде.

Поведенческие маркеры потенциальных нарушителей можно разделить на вербальные и невербальные. К вербальным индикаторам относятся: частые жалобы на несправедливость руководства, демонстративное пренебрежение корпоративными правилами, саркастические высказывания о компании в рабочей среде. Невербальные маркеры включают изменения в рабочих привычках – нехарактерно длительное пребывание на рабочем месте вне обычного графика, повышенный интерес к областям, не связанным с непосредственными обязанностями, попытки обхода установленных процедур доступа к информации.

Особую сложность представляет выявление «спящих агентов» – сотрудников, изначально устроившихся в организацию со злым умыслом. Их поведение часто не содержит явных тревожных сигналов, что требует особых методик выявления, включая анализ цифровых профилей и фоновых проверок. При этом важно соблюдать баланс между мерами безопасности и доверительной атмосферой в коллективе, так как излишняя подозрительность может сама по себе стать фактором нелояльности персонала.

Когнитивные искажения также играют значительную роль в формировании внутренних угроз. Эффект «сломанных окон» показывает, что в среде, где мелкие нарушения остаются безнаказанными, существенно повышается вероятность более серьезных нарушений. Эффект «рационализации малых шагов» объясняет, как сотрудник может постепенно перейти от незначительных нарушений к серьезным злоупотреблениям полномочиями.

Практика показывает, что наиболее эффективной является комплексная система мониторинга, сочетающая регулярную оценку психологического климата в коллективе, анализ цифрового поведения

сотрудников, систему раннего оповещения о «красных флагах», программы поддержки сотрудников в сложных жизненных ситуациях

Такой подход позволяет не только выявлять потенциальные угрозы, но и предотвращать их возникновение через создание здоровой корпоративной культуры и системы ценностей. Особое значение имеет разработка четких этических стандартов и процедур сообщения о нарушениях, что позволяет выявлять потенциальные проблемы на ранних стадиях.

Порядок разработки модели угроз

Разработка комплексной модели угроз информационной безопасности представляет собой многоэтапный процесс, требующий системного подхода и глубокого анализа различных аспектов защиты информации. На первом этапе осуществляется выявление потенциальных угроз, которое должно охватывать все возможные сценарии нарушения конфиденциальности, целостности или доступности данных [3]. Этот процесс носит непрерывный характер и проводится как на стадии проектирования системы защиты, так и в ходе её эксплуатации, что позволяет своевременно адаптировать защитные механизмы к изменяющимся условиям. Особое значение приобретает анализ возможного ущерба, который может быть нанесён не только владельцам информации и операторам систем, но и субъектам персональных данных в случае их обработки.

Следующим важным этапом является тщательная оценка возможностей потенциальных нарушителей. Этот анализ включает детальное изучение различных категорий злоумышленников, их мотивации, уровня технической оснащённости и профессиональных навыков. Особое внимание уделяется определению наиболее вероятных векторов атаки, которые могут быть использованы каждым типом нарушителей. Результаты такого анализа оформляются в виде подробных профилей нарушителей, которые затем интегриру-

ются в общую модель угроз, что позволяет создать более точную и реалистичную картину потенциальных рисков.

Особенно тщательно исследуются мотивационные факторы, которые могут включать финансовую заинтересованность, идеологические убеждения, чувство мести или профессиональный азарт. При этом учитывается, что мотивация может изменяться со временем под влиянием внешних обстоятельств или внутренних психологических процессов. Параллельно анализируется технический потенциал нарушителей, включающий оценку их знаний о системе, уровень доступа к системе и наличие навыков социальной инженерии.

Определение актуальных угроз представляет собой завершающий этап построения модели. Угроза признаётся актуальной только в том случае, если существует реальная вероятность её реализации и при этом последствия такой реализации превышают установленные допустимые пределы. Для количественной

оценки актуальности угроз используется специальная векторная модель, учитывающая как вероятность реализации угрозы, так и потенциальный размер ущерба. При этом вероятность реализации может определяться либо на основе анализа статистических данных о ранее зафиксированных инцидентах, либо, при отсутствии такой статистики, путём экспертной оценки уровня защищённости системы и необходимого для атаки потенциала нарушителя. Важно отметить, что окончательное решение об актуальности той или иной угрозы принимается на основе комплексного анализа всех факторов с использованием специальных оценочных матриц, что обеспечивает объективность и обоснованность принимаемых решений. Такой многоуровневый подход позволяет создать действительно эффективную систему защиты, способную адекватно реагировать на современные вызовы в области информационной безопасности. Определение актуальности угроз безопасности производится по таблице 1.

Таблица 1

Определение актуальности угрозы безопасности

Вероятность реализации угрозы (Y_i)	Степень возможного ущерба		
	Низкая	Средняя	Высокая
Низкая	неактуальная	неактуальная	актуальная
Средняя	неактуальная	актуальная	актуальная
Высокая	актуальная	актуальная	актуальная

Решение об актуальности угрозы безопасности информации для информационной системы с заданными структурно-функциональными характеристиками и условиями функционирования принимается в соответствии с таблицей 1 [1].

Методика расчёта вероятности реализации угроз в организации

Система проводит анализ биографии сотрудников и на основе проанализированных сведений рассчитывает вероятность реализации угроз каждым сотрудником, но эта вероятность имеет смысл только по отношению к конкретной угрозе, и среднюю вероятность реализации данной угрозы по отношению к информационным активам организации. Методика

расчёта вероятности реализации угроз приведена на примере применения этой методики в организации «НБПК».

На основе полученной средней вероятности реализации данной угрозы в организации «НБПК» выполняется оценка того, к какому классу угроз эта угроза относится.

Классы угроз:

- низкий;
- средний;
- высокий.

Вероятность реализации угрозы (Y_i) определяется следующим образом:

- если (Y_i) < 0,30, то вероятность реализации угрозы – низкая;
- если $0,30 < (Y_i) < 0,50$, то вероятность реализации угрозы – средняя;
- если (Y_i) > 0,50, то вероятность реализации угрозы – высокая.

Величина степени возможного ущерба от реализации данной угрозы в организации зависит от того, насколько ценная информация подвержена риску.

Используя сведения о классе угрозы и возможном ущербе от реализации данной угрозы в организации «НБПК», проводится определение актуальности данной угрозы в организации «НБПК» согласно таблице 1.

Порядок вычисления вероятностей системой расчёта вероятностей реализации угроз в организации «НБПК». Сначала выявляется угроза безопасности информации организации «НБПК», затем на основе того, какие сотрудники имеют доступ к информационному активу, который попадает под угрозу, определяются те сотрудники, которые могут осуществить реализацию этой угрозы. Далее, система даёт оценку сведениям из биографии, и на основе полученных оценок вычисляется вероятность совершения этой угрозы каждым сотрудником, который может её осуществить. После вычисления вероятности реализации угрозы каждым сотрудником производится вычисление общей (средней) вероятности реализации этой угрозы по отношению к информационным активам организации «НБПК».

Система производит оценку следующих сведений из биографии:

- семейное положение;
- место жительства;
- основные интересы;
- пунктуальность;
- должность;
- образование;
- особенности характера;
- наличие судимости;
- заработная плата;
- работа в конкурирующих организациях в прошлом;
- стаж работы в организации «НБПК»;
- наличие особых отметок.

Вероятность реализации конкретной угрозы конкретным сотрудником (P_1) определяется по следующей формуле (1):

$$P_1 = \frac{(\text{Оценка 1} + \text{Оценка 2} + \text{Оценка 3} + \dots + \text{Оценка } n)}{100}, \quad (1)$$

где n – номер крайнего сотрудника, имеющего возможность реализации данной угрозы.

Расчёт общей (средней) вероятности реализации угрозы (P_2) производится по следующей формуле (2):

$$P_2 = \frac{(\text{Вероятность реализации данной угрозы сотрудником 1} + \text{вероятность реализации данной угрозы сотрудником 2} + \dots + \text{вероятность реализации данной угрозы сотрудником } n)}{\text{количество сотрудников, имеющих возможность реализации данной угрозы}}, \quad (2)$$

где p – номер крайнего сотрудника, имеющего возможность реализации данной угрозы.

Расчёт вероятности реализации угроз и выявление потенциального нарушителя

Угроза нарушения доступности облачного сервера. В банке угроз безопасности ФСТЭК – УБИ. 043. Угроза заключается в возможности прекращения оказания облачных услуг всем потребителям (или группе потребителей) из-за нарушения доступности для них облачной инфраструктуры.

Данная угроза обусловлена тем, что обеспечение доступности не является специфичным требованием безопасности информации для облачных технологий, и, кроме того, облачные системы реализованы в соответствии с сервис-ориентированным подходом.

Реализация данной угрозы возможна при переходе одного или нескольких облачных серверов в состояние «отказ в обслуживании». Более того, способность динамически изменять объём предоставляемых потребителям облачных услуг может быть использована нарушителем для реализации угрозы. При этом успешно реализованная угроза в отношении всего лишь одного облачного сервиса позволит нарушить доступность всей облачной системы. Последствием реализации данной угрозы является нарушение доступности облачного хранилища [4].

Степень ущерба от реализации данной угрозы является высокой, так как дисковые хранилища содержат информацию о доходах организации «НБПК», статистику за уже пройденный этап времени, планах и стратегиях компании.

Средняя вероятность вычисляется системой расчёта вероятности реализации угроз и приведена в таблице 2.

Согласно таблице 1 угроза нарушения доступности облачного сервера является

актуальной, так как средняя вероятность осуществления угрозы равна 0,23 (низкая), а степень ущерба от реализации данной угрозы является высокой.

Реализации данной угрозы возможна через уязвимость облачного дискового хранилища – недостаточную идентификацию пользователей при авторизации в системе при осуществлении доступа.

Для предотвращения реализации данной угрозы требуется установить дополнительные средства защиты на дисковые хранилища, которые будут проводить более точную идентификацию пользователя при его попытке осуществления доступа к дисковым хранилищам организации «НБПК». К таким средствам защиты можно отнести следующие устройства:

- сканер отпечатков пальцев;
- сканер радужной оболочки глаза.

В таблице 2 приведены сведения о вероятности реализации угрозы нарушения доступности облачного сервера.

Таблица 2 отражает тех сотрудников организации по оптово-розничной торговле компьютерной техникой «НБПК», которые могут осуществить реализацию данной угрозы, так как они имеют доступ к дисковым хранилищам. Также в таблице отражена средняя вероятность реализации этой угрозы в организации и вероятность реализации этой угрозы теми сотрудниками, которые имеют доступ к этим дисковым (облачным) хранилищам. Из таблицы 2 следует, что наибольшую опасность представляет специалист организационного отдела Огурцов А. И. и специалист отдела маркетинга Куликова А. А., так как вероятность реализации угрозы этими сотрудниками равна 0,31.

Таблица 2

Вероятность реализации угрозы нарушения доступности облачного сервера

ФИО	Вероятность реализации угрозы
Самолётов Н.П.	0,14
Сараев К.В.	0,17
Яцков С.Г.	0,18
Огурцов А.И.	0,31
Дворцов Г.Д.	0,23
Куликова. А.А.	0,31
Ткачук О.И.	0,29
Средняя вероятность	0,23

Угроза обхода некорректно настроенных механизмов аутентификации. В банке угроз безопасности ФСТЭК – УБИ. 100. Угроза заключается в возможности получения нарушителем привилегий в системе без прохождения процедуры аутентификации за счёт выполнения действий, нарушающих условия корректной работы средств аутентификации (например, ввод данных неподдерживаемого формата).

Данная угроза обусловлена в случае некорректных значений параметров конфигурации средств аутентификации и/или отсутствием контроля входных данных.

Реализация данной угрозы возможна при условии наличия ошибок в заданных значениях параметров настройки механизмов аутентификации.

Последствием реализации данной угрозы является нарушение конфиденциальности, доступности, целостности информации, обрабатываемой в информационной системе, по отношению к которой реализуется данная угроза [5].

Ущерб от реализации данной угрозы является средним, так как база данных содержит сведения о наличии товара на складе. Этими сведениями могут воспользоваться конкурирующие организации в

целях получения собственной выгоды, но к ущербу высокой степени для организации «НБПК» реализации данной угрозы не приведёт.

Средняя вероятность вычисляется системой расчёта вероятности реализации угроз и приведена в таблице 3.

Согласно таблице 1 угроза обхода некорректно настроенных механизмов аутентификации является актуальной, так как средняя вероятность осуществления угрозы равна 0,33 (средняя), а степень ущерба от реализации данной угрозы – средняя.

Реализации данной угрозы возможна через уязвимость базы данных наличия товара – SQL-инъекцию.

Для предотвращения реализации данной угрозы требуется предпринять следующие действия по защите базы данных от SQL-инъекции:

- специальные символы дополнять кодой чертой;
- установить проверку типов для числовой информации;
- отключить возврат данных (вывод ответа);
- установить фильтрацию поступающих данных.

В таблице 3 приведены сведения о вероятности реализации угрозы обхода некорректно настроенных механизмов аутентификации.

Таблица 3

Вероятность реализации угрозы обхода некорректно настроенных механизмов аутентификации

ФИО	Вероятность реализации угрозы
Самолётов Н. П.	0,14
Кармазян Ф. А.	0,2
Куприянов К. К.	0,27
Князев И. И.	0,32
Васильчук Г. П.	0,31
Моисеев. М. М.	0,31
Головкин. В. В.	0,38
Парусов Д. С.	0,37
Нурман А. М.	0,35
Кокорин В. П.	0,4
Валуев Д. А.	0,43
Петин А. С.	0,52
Кулик Н. Е.	0,4
Дельфинова А. А.	0,32
Семенович А. И.	0,32
Демьянова В. С.	0,35
Гришко Д. В.	0,41
Никитин М. В.	0,25
Зенкин Р. С.	0,25
Средняя вероятность	0,33

Таблица 3 отражает тех сотрудников организации, которые могут осуществить реализацию данной угрозы, так как они имеют доступ к базе данных наличия товара. Также в таблице отражена средняя вероятность реализации этой угрозы в организации и вероятность реализации этой угрозы теми сотрудниками, которые имеют доступ к этой базе данных наличия товара. Из таблицы 3 следует, что наибольшую опасность для организации представляют продавцы-консультанты Валуев Д. П. и Петин А. С., так как вероятность реализации угрозы этими сотрудниками равна 0,43 и 0,52 соответственно.

Угроза использования альтернативных путей доступа к ресурсам. В банке угроз безопасности ФСТЭК – УБИ. 028. Угроза заключается в возможности осуществления нарушителем несанкционированного доступа к защищаемой информации в обход штатных механизмов с помощью нестандартных интерфейсов (в том числе доступа через командную строку в обход графического интерфейса).

Данная угроза обусловлена слабостями мер разграничения доступа к защищаемой информации, слабостями фильтрации входных данных.

Реализация данной угрозы возможна при том условии, что у нарушителя имеется следующее:

- возможности ввода произвольных данных в адресную строку;
- сведений о пути к защищаемому ресурсу;
- возможности изменения интерфейса ввода входных данных [6].

Степень ущерба от реализации данной угрозы является высокой, так как серверы сайта осуществляют торговую деятельность организации в интернете. Любой сбой приведёт к ущербу, так как будет приостановлена деятельность интернет-магазина.

Согласно таблице 1 угроза использования альтернативных путей доступа к ресурсам является актуальной, так как средняя вероятность осуществления угрозы равна 0,24 (низкая), а степень ущерба от реализации данной угрозы – высокая.

Реализации данной угрозы возможна через уязвимость серверов сайта организации по оптово-розничной торговле компьютерной техникой «НБПК» – недостаточную идентификацию пользователей при попытке входа в систему от имени администратора.

Для предотвращения реализации данной угрозы требуется установить двухфакторную идентификацию сотрудников организации «НБПК». Двух факторная идентификация пользователей при попытке входа в систему какого-либо сотрудника под именем администратора отправляет ответственному за серверы запрос на предоставление доступа к серверам этому субъекту доступа.

В таблице 4 приведены сведения о вероятности реализации угрозы использования альтернативных путей доступа к ресурсам.

Таблица 4

**Вероятность реализации угрозы использования
альтернативных путей доступа к ресурсам**

ФИО	Вероятность реализации угрозы
Самолётов Н. П.	0,14
Сараев К. В.	0,17
Кармазян Ф. А.	0,2
Перловкин Д. Д.	0,27
Дворцов Г. Д.	0,23
Князев И. И.	0,32
Нурман А. М.	0,35
Средняя вероятность	0,24

Таблица 4 отражает тех сотрудников организации, которые могут осуществить реализацию данной угрозы, так как они имеют доступ к серверам сайта организации. Также в таблице отражена средняя вероятность реализации этой угрозы в организации и вероятность реализации этой угрозы теми сотрудниками, которые име-

ют доступ к этим серверам сайта организации. Из таблицы 4 следует, что наибольшую опасность для организации представляет старший продавец-консультант Нурман А. М. и руководитель отдела продаж Князев И. И., так как вероятность реализации угрозы этими со-

трудниками равна 0,32 и 0,35 соответственно.

Заключение

Проведенное исследование и разработанная методика расчета вероятности реализации угроз внутренним сотрудником доказали свою практическую значимость в ходе апробации в организации «НБПК». Результаты внедрения показали, что предложенный подход позволяет существенно повысить эффективность выявления потенциальных внутренних угроз за счет комплексного учета психологических, поведенческих и ситуационных факторов риска.

Полученные результаты свидетельствуют, что предложенная методика обладает значительным потенциалом для масштабирования в различных отраслевых решениях. Опыт «НБПК» подтвердил, что сочетание технических средств мониторинга с психологическими методами оценки создает наиболее эффективную систему противодействия внутренним угрозам, позволяя не только выявлять потенциальных нарушителей, но и предотвращать саму возможность возникновения внутренних инцидентов через систему профилактических мер. Реализация проекта в «НБПК» может рассматриваться как успешный кейс адаптации теоретических разработок в области информацион-

ной безопасности к условиям конкретной организации.

Библиографический список

1. Российская федерация. Методический документ. Методика оценки угроз безопасности информации / утв. Федеральной службой по техническому и экспортному контролю. – Москва : ФСТЭК России, 2015. – 83 с.
2. ГОСТ Р ИСО/МЭК 27001-2021. Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Системы менеджмента информационной безопасности. Требования. – Введ. 2022-01-01. – М. : ФГБУ «РСТ», 2022. – 28 с.
3. Костюк Ю. Л. Основы разработки алгоритмов / Ю. Л. Костюк, И. Л. Фукс – Москва : Бинном. Лаборатория знаний, 2010 – 286 с.
4. ФСТЭК России. База данных угроз безопасности информации. Угроза нарушения доступности облачного сервера, [Электронный ресурс]. // URL: <https://bdu.fstec.ru/threat/ubi.043> (дата обращения: 14.05.2025).
5. ФСТЭК России. База данных угроз безопасности информации. Угроза обхода некорректно настроенных механизмов аутентификации, [Электронный ресурс]. // URL: <https://bdu.fstec.ru/threat/ubi.100> (дата обращения: 14.05.2025).
6. ФСТЭК России. База данных угроз безопасности информации. Угроза использования альтернативных путей доступа к ресурсам, [Электронный ресурс]. // URL: <https://bdu.fstec.ru/threat/ubi.028> (дата обращения: 15.05.2025).

© Блинов Н. П., 2025

УДК 004.8:(316.77)

**ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СОЦИОГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ:
ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ**

EDN FACVVQ

А. Б. Перминов
О. В. Фурер*Студент, e-mail: andreyka.perminov@list.ru,
кандидат филологических наук, доцент,
e-mail: o.furer@mail.ru,
Поволжский государственный университет
телекоммуникаций и информатики,
г. Самара, Россия***ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE SOCIOCULTURAL
AND HUMANITARIAN FRAMEWORK: OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS****A. B. Perminov**
O. V. Furer*Student,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Povolzhskiy State University
of Telecommunications and Informatics,
Samara, Russia*

Abstract. The article examines the transformation of the humanities under the influence of modern artificial intelligence (AI) technologies, including generative models such as ChatGPT. Case studies from law, education, historical research, and journalism demonstrate the dual effect of AI: while algorithms optimize routine tasks (e.g., analyzing legal precedents with 85 % accuracy, reducing teachers' workload by 40 %), they face fundamental limitations in creative and ethically sensitive domains. Key risks include the template nature of AI solutions (30 % of ChatGPT-generated works receive low originality scores), racial bias in predictive systems (45 % higher error rates for African Americans), and the spread of fake content (45 % of users perceive AI-generated historical images as authentic). The authors propose a hybrid synergy model, where AI serves as a support tool, and humans retain the role of ethical arbiters. Recommendations include adopting ethical standards (e.g., the EU AI Act), promoting digital literacy, and fostering interdisciplinary collaboration.

Keywords: artificial intelligence; humanities; generative models; AI ethics; algorithmic bias; hybrid systems; digital literacy; historical research; legal tech; ChatGPT; fake content.

Современные технологии искусственного интеллекта (ИИ), включая генеративные модели вроде ChatGPT, активно интегрируются в гуманитарные науки, трансформируя образование, право, журналистику и исторические исследования. Этот процесс порождает как энтузиазм, так и тревогу: с одной стороны, ИИ демонстрирует беспрецедентную эффективность в обработке данных, с другой – ставит сложные этические и методологические вопросы. Цель данной работы – проанализировать ключевые возможности и ограничения ИИ в гуманитарной сфере, опираясь на актуальные исследования и практические кейсы.

Исследования последних лет подтверждают, что ИИ способен значительно оптимизировать рутинные задачи. В юридической практике алгоритмы анализируют тысячи судебных precedентов за 15–20 минут, достигая точности прогнозов до 85 % (Stanford Legal Tech, 2024). В образовании чат-боты адаптируют учебные материалы для сотен студентов, сокращая нагрузку преподавателей на 40 % (MIT Education Lab, 2023). Однако там, где требуются творчество и глубина анализа, ИИ сталкивается с принципиальными ограничениями. Например, при написании философских эссе или медиации конфликтов алгоритмы генерируют шаблонные решения, лишённые смысловой насыщенности.

Эксперимент НИУ ВШЭ (2024) показал, что 30 % работ, созданных ChatGPT, получают оценки «удовлетворительно» или ниже, в то время как студенческие эссе демонстрируют на 25 % более высокие результаты за оригинальность.

Этические риски применения ИИ в гуманитарных науках остаются критически важной темой. Системы вроде COMPAS, используемые в США для оценки риска рецидивизма, неоднократно обвинялись в расовой предвзятости: ошибки в прогнозах для афроамериканцев встречались на 45 % чаще (ProPublica, 2023). В исторических исследованиях нейросети, такие как Midjourney, создают фейковые изображения «событий прошлого», которые 45 % пользователей воспринимаяют как достоверные (UNESCO, 2025). Эти примеры подчеркивают необходимость человеческого контроля над алгоритмами.

Наиболее перспективным направлением представляется гибридное взаимодействие человека и ИИ. В Британском национальном архиве нейросети анализируют оцифрованные рукописи XVII века, а историки интерпретируют контекст, сокращая время исследований на 60%. В образовании студенты, использующие ИИ для черновых набросков и проверки гипотез, демонстрируют на 40 % более высокие результаты, чем те, кто полагается только на алгоритмы (MIT, 2023). Эти кейсы подтверждают, что ИИ эффективен как инструмент поддержки, но не замена экспертизы.

Интеграция ИИ в гуманитарные науки требует сбалансированного подхода. С одной стороны, технологии позволяют

обрабатывать данные с недостижимой для человека скоростью. С другой – их слепое применение угрожает воспроизводством предвзятости, дезинформацией и девальвацией критического мышления. Для минимизации рисков необходимы:

1. Разработка этических стандартов по аналогии с европейским «Регламентом ИИ» (2024), запрещающих автономное использование алгоритмов в чувствительных сферах.
2. Внедрение курсов цифровой грамотности для обучения работе с ИИ-контентом.
3. Создание междисциплинарных платформ, объединяющих технологов и гуманитариев, как в проекте UNESCO «ИИ для образования» (2025).

Будущее гуманитарных наук лежит в синергии, где ИИ служит «цифровым ассистентом», а человек сохраняет роль творца, интерпретатора и носителя этических ценностей.

Библиографический список

1. European Commission. Regulation on Artificial Intelligence (AI Act). 2024.
2. Stanford Legal Tech. AI in Judicial Systems: Accuracy and Challenges. 2024.
3. ProPublica. Machine Bias: Risk Assessments in Criminal Sentencing. 2023.
4. НИУ ВШЭ. Цифровая грамотность в гуманитарных науках: методические рекомендации. 2024.
5. Angwin, J. et al. Automating Inequality: How High-Tech Tools Profile, Police, and Punish the Poor. St. Martin's Press, 2023.
6. Crawford, K. Atlas of AI: Power, Politics, and the Planetary Costs of Artificial Intelligence. Yale University Press, 2021.

© Перминов А. Б., Фурер О. В., 2025

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Материалы представляются в электронном виде на e-mail: **sociosphere@yandex.ru**. Каждая статья должна иметь **УДК**. Формат страницы А4 (210x297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, e-mail, выравнивание по центру. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке, e-mail. В статьях на английском языке дублировать название, автора и место работы автора на другом языке не надо. После пропущенной строки следует аннотация на английском (600–800 знаков) и ключевые слова (5–10) на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Источники и литература в списке перечисляются в алфавитном порядке, одному номеру соответствует 1 источник. Ссылки расставляются вручную. При

необходимости допускают подстрочные сноски. Они должны быть оформлены таким же шрифтом, как и основной текст. Объем статьи может составлять 6–15 страниц. Сведения об авторе располагаются после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации. Авторы, не имеющие ученой степени, предоставляют отзыв научного руководителя или выписку заседания кафедры о рекомендации статьи к публикации.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word, тщательно выверены и отредактированы. Имя файла, отправляемого по e-mail, иметь вид СФ-ФИО, например: **СФ-Петров ИВ** или **SF-German P**. Файл со статьей должен быть с расширением doc или docx.

Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

ORCID

Домашний адрес с индексом

Сотовый телефон

E-mail

Необходимое количество печатных экземпляров (отправка простым или заказным письмом)

Необходимое количество печатных сертификатов

RULES FOR AUTHORS

Articles are to be sent in electronic format to e-mail: sociosfera@seznam.cz. Page format: A4 (210x297mm). Margins: top, bottom, right – 2 cm, left – 3 cm. The text should be typed in 14 point font Times New Roman, 1.5 spaced, indented line – 1.25, Normal style. The title is typed in bold capital letters; central alignment. The second line comprises the initials and the family name of the author(s); central alignment. The third line comprises the name of the organization, city, country; central alignment. The methodical articles should indicate discipline and specialization of students for which these materials are developed. After a blank line the name of the article in English is printed. On the next line the name of the authors in English is printed. Next line name of the work place, city and country in English. After one line space comes the abstract in English (600–800 characters) and a list of key words (5–10) in English. The text itself is typed after one line space. Graphs, figures, charts are included in the body of the article and count in its total volume. References should be given in square brackets. Bibliography comes after the text as a numbered list, in alphabetical order, one item per number.

References should be inserted manually. Footnotes are not acceptable. The size of the article is 4–15 pages. The registration form is placed after the text of the article and is not included in its total volume. The name of the file should be given in Russian letters and consists of the conference code and initials and family name of the first author, for example: SF-German P. The payment confirmation should be scanned and e-mailed, it should be entitled, for example SF -German P receipt.

Materials should be prepared in Microsoft Word, thoroughly proof-read and edited.

Information about the authors

Family name, first name

Title, specialization

Place of employment

Position

ORCID

Contact address (with postal code)

Mobile phone number

E-mail

The required number of printed copies (sending by regular or registered mail)

The required number of printed certificates

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ НА БАЗЕ
НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА «СОЦИОСФЕРА»
В 2025 ГОДУ**

Дата	Название
3 июня 2025 г.	Вопросы науки в современном мире
5 октября 2025 г.	Вопросы науки в современном мире
28 ноября 2025 г.	Вопросы науки в современном мире

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor	• Global Impact Factor – 1,881, • РИНЦ – 0,197. • SJIF – 6,07

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги будут изданы в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books will be published in Russia
(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- Making an artwork,
- Cover design,
- ISBN assignment,
- Print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Научно-методический и теоретический журнал

СОЦИОСФЕРА

Главный редактор И. Г. Муленкова

№ 2, 2025

Авторы несут ответственность за достоверность приводимых в публикациях фактов, цифр, цитат, статистических данных, имен собственных и прочих сведений.

Мнения, выраженные в данном издании, являются авторскими и не обязательно отражают мнение редакции журнала.

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

Opinions expressed in this publication are those of the authors and do not necessarily reflect the opinion of the publisher.

Электронная версия номера размещена
на сайте журнала <http://sociosphera.com/sociosphere>

Редактор – И. Г. Муленкова
Оригинал-макет – И. Балашова

Подписано в печать 15.06.2025. Формат 60х84/8. Бумага писчая белая.
Усл.-печ. л. 45,03. Тираж 100 экз.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»
440046, Россия, г. Пенза, ул. Мира, 74-14
Тел. +7 967 701 68 14
веб-сайт: <http://sociosphera.com>,
e-mail: sociosphere@yandex.ru

Типография ООО «Амирит»: 410004, г. Саратов,
ул. им. Н. Г. Чернышевского, д. 88, литера У. Тел. (8452)24-85-33